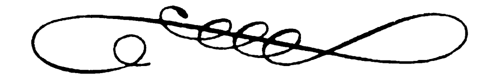

А. С. ГРИБОЕДОВ

А. С. Грибоедов. Акварель Горюнова. 1820-е гг.

1795 – 1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ГРИБОЕДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ

Санкт-Петербург
2006

А. С. ГРИБОЕДОВ

ТОМ ТРЕТИЙ

ПИСЬМА
ДОКУМЕНТЫ
СЛУЖЕБНЫЕ БУМАГИ

Санкт-Петербург
2006

Подготовка текста и комментарии:

О. Ф. Акимушкин, Н. Л. Дмитриева, А. К. Михайлова, Н. Е. Мясоедова, Н. А. Тархова, С. А. Фомичев, Е. В. Цымбал

Ответственный редактор *С. А. Фомичев*

Редактор *Д. М. Климова*

Настоящее издание выпущено при финансовой поддержке профессора Витольда Кошны и доктора Герберта Лембке

Третий том завершает наиболее полное академическое собрание сочинений А. С. Грибоедова, подготовленное в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Первые два тома вышли в издательстве «Нотабене». Настоящий том содержит эпистолярное наследие писателя (включая личную и дипломатическую переписку), служебные записки, относящиеся к официальной политике России, а также личные документы. Научный аппарат издания существенно пополнен малоизвестными материалами.

ISBN 5-87170-043-8
ISBN 5-86007-491-3 (том 3)
ISBN 5-87170-046-8 (том 2)
ISBN 5-87170-044-6 (том 1)

ПИСЬМА

И. Д. ЩЕРБАТОВУ

1806 — до 4 июня 1808. Москва

Je suis bien fâché, mon Prince, d'être privé du plaisir d'assister à votre Assemblée, mon indisposition en est la cause. Comptant sur votre complaisanse j'espère, que vous voudrez bien me faire le plaisir de venir souper chez nous. Vous m'obligerez infiniment en acceptant mon invitation, ainsi que vos cousins Tschedaiow, les messieurs de l'Assemblée, et msr. Bourinsquÿ, qui certainement me procurera le plaisir de la societé.

Votre dévoué

Alexandre Gribajedofi

Адрес:

Князю Ивану Дмитриевичу Щербатову.

Перевод с французского:

Крайне огорчен, Князь, быть лишенным удовольствия присутствовать на вашем собрании, тому причина мое недомогание. Рассчитывая на ваше снисхождение, надеюсь, что вы доставите мне удовольствие отужинать у нас сегодня вечером. Вы меня очень обяжете, так же как ваши кузены Чедаевы, члены Собрания и г. Буринский, который, конечно, доставит мне удовольствие своим присутствием.

Преданный вам

Александр Грибоедов

В. В. ИЗМАЙЛОВУ

1814. Брест-Литовск

Прошу вас покорно, Милостивый Государь, поместить следующую статью о Кавалерийских резервах в вашем журнале. Чем скорее вы это сделаете, тем более обяжете меня и всех моих здешних сослуживцев. Кажется, что это не против плана вашего издания; не думаю также, чтобы читатели упрекали меня в сухости. Они находили в «Вестнике» известия о доходах, расходах и долгах Франции и других наций; неужели государственная экономия их отечества менее стоит внимания?

Честь имею пребывать и проч.

Князю Ивану Дмитріевичу Щербатову

А. Грибоедовъ

Je suis bien fâché, mon Prince, d'être privé du plaisir d'assister à Votre Assemblée, mon indisposition en est la cause. Comptant sur Votre complaisance j'espère, que Vous voudrez bien me faire le plaisir de venir ce soir souper chez nous. Vous m'obligerez infiniment en acceptant mon invitation, ainsi que Vos Cousins [illegible], les Messieurs de l'Assemblée, et Mr Bourinsquÿ; qui certainement me procurera le plaisir de sa société.

Votre dévoué

Alexandre Gribayedoff

Письмо И. Д. Щербатову. 1806 – до 4 июня 1808 г.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 ноября 1816. Петербург

9 ноября 1816. Петербург.

Любезный Степан! где нынче изволите обретаться, Ваше Флегмородие? Не знаю, что подумать об тебе; уверен, что меня любишь и следовательно помнишь, но как же таки ни строчки к твоему другу. С меня, что ли, пример берешь? и то неизвинительно: я не писал к тебе, потому что был болен, а теперь, что выздоровел, первое письмо к тебе. — Если ты не намерен прежде месяца быть в С.-Петербург, то, пожалуй потрудись не быть ленивым, обрадуй меня хотя двумя словами. —

Признаюсь тебе, мой милый, я такой же, какой был и прежде, пасынок здравого рассудка; в Дерпт не поехал, а засел здесь, и очень доволен своей судьбой, одного тебя недостает. — Квартира у меня славная; как приедешь, прямо у меня остановись, на Екатер<ининском> канале у Харламова мосту, угольный дом Валька. Да приезжай же скорее, неужели все заводчика корчишь, перед кем, скажи пожалуй, у тебя нет матери, которой ты обязан казаться основательным. Будь таким, каков есть. — Здесь круг друзей твоих увеличится; да и старые хороши, кроме того, В...о...р...о...б...ь...е...в...а, на днях спрашивала, скоро ли ты будешь, есть ли у тебя годовые кресла? — Было время, что я бы с завистию это слушал, но теперь прекрасный пол меня не занимает, и по очень важной причине. — Я ведаюсь с аптекой, какая занимательная часть формокопия! Я на себе испытываю разные спасительные влияния мужжевеловых порошков, сасипареля, серных частиц и т. п. —

Приезжай, приезжай, приезжай скорее. В воскресенье я с Истоминой и с Шереметевым еду в Шустер-клуб; кабы ты был здесь, и ты бы с нами дурачился. — Сколько здесь портеру и как дешево! —

Прощай, мой друг, пиши, коли не так скоро будешь, что это за мерзость — ничего не знать друг об друге, это только позволительно двум дуракам, как мы с тобою.

Прощай.

Доставила ли тебе К. Алекс. 500 р.?

Андр<ею> Семен<овичу> усерднейший поклон.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

5 декабря 1816. Петербург

С.-Петербург. <1>816. Декабря 5.

Милый друг Степан. Спешу тебя уведомить, что я получил твое письмо, виделся с Дм<итрием> Ник<итичем> и с Андр<еем> Семен<овичем> — А ты болен! видишь, какая у меня с тобою равная доля! — Но теперь тебе лучше; смотри же, как оправишься, не мешкая приезжай сюда. Алексей Иванович Кол<огривов> уверяет, что ты намерен переходить в армию, уверяю, что ты слишком умен для этого. Кто любит службу и желает дослужиться до высшей степени, тот должен быть в Петербурге. Пожалуй, не воображай, что я это говорю в мою пользу. Конечно, я буду счастливее, живя с тобою вместе, но ты сам много выиграешь, если не выйдешь из гвардии. И что ж тебя в ней пугает? что многие поручики не бреют бороды, как говорит Алексей Иванович. Поэтому стыдно быть и генералом, потому что нынче большая часть генералов таких, у которых подбородок не опушился. — Или ты боишься нести большие труды и часто излишние? — De Ligne говорит: si l'exercice d'un seul bataillon ne vous transporte pas, si vous ne vous sentez pas la volonté de vous trouver partout, si vous êtes distrait, si vous ne redoutez pas que la pluie n'empêche votre régiment de manoeuvrer — donnez votre place à un jeune homme qui sera fou de l'art des Maurice et des Eugène, qui sera persuadé qu'il faut faire trois fois plus que son devoir pour le faire passablement*. — Притом здесь ты через 5 лет полковник, верно. — А часы, дни, в которые ты будешь свободен от службы, ты их проведешь весело, с друзьями. Там, в дрянном Иркутском полку, ты не можешь иметь друзей ни по сердцу, ни по уму.

Прощай, меня торопят, нынче вторник, письма отдаются рано на почту. — Не ленись, пожалуй, писать. Коммуникация между нами открылась pour parler militairement**. — Ты знаешь, где я, я знаю, где ты.

Прощай еще раз, целую тебя от всего сердца.

Усердный друг твой.

А. Г.

---

* если обучение даже одного батальона не восхищает вас, если вы не чувствуете желания поспевать всюду, если вы рассеянны, если вы не волнуетесь из-за дождя, могущего помешать маневрам вашего полка, — уступите ваше место юноше, с ума сходящему от искусства Морица <Саксонского> и Евгения <Савойского>, убежденного, что нужно делать втрое больше, чем требует его долг, чтобы считать его исполненным сносно (*франц.*).

** говоря по-военному (*франц.*).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

4 сентября 1817. Петербург

С.-Петербург. <1>817. Сентября 4-го.

Любезный друг Степан. Вот почти месяц, как мы с тобою расстались; с тех пор в первый раз принимаюсь к тебе писать, и то второпях. — Прием на почте продолжается до 12 часов, теперь скоро одиннадцать. Нужды нет, если не узнаешь ничего подробного: по крайней мере не будешь надвое полагать, жив ли я или нет. Вот перечень всего того, что со мной происходило со дня, как мы распростились в Ижорах. Прежде всего прошу Поливанову сказать свинью. Он до того меня исковеркал, что я на другой день не мог владеть руками, а спины вовсе не чувствовал. Вот каково водиться с буйными юношами. Как не вспомнить псалмопевца: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». — Знаешь ли, с кем я теперь живу? Через два дня после Ижор встречаюсь я у Лареды с Кавериным. Он говорит мне: «Что? Бегичев уехал? Пошел с кавалергардами в Москву? Тебе, верно, скучно без него? Я к тебе переезжаю». — Мы разошлись, я поехал, натурально, к Шаховскому, ночью являюсь домой и нахожу у себя чужих пенатов, каверинских. — Он все такой же, любит с друзьями и наедине подвыпить или, как он называет: *тринкену задать*. —

Брат твой — иркутский полковник. Поздравь его от меня, как увидишь. Неужто он явится в полк? Сделай одолжение, отговори его от этого. У него, кажется, перед глазами мой пример. Я в этой дружине всего побыл 4 месяца, а теперь 4-й год, как не могу попасть на путь истинный. — Да нельзя ли тебе написать к Арсеньеву об Шмитовых деньгах? — Ты бы через это большую пользу принес человечеству: для того что у меня нет ни копейки, а Шмит, верно бы, со мною поделился.

Прощай, бесценный друг мой, люби меня и помни, скоро ли свидимся, не знаю. На днях ездил я к Кирховше гадать об том, что со мною будет; да она не больше меня об этом знает; такой вздор врет, хуже Загоскина комедий. — Кстати, Шаховской меня просит сделать несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет для бенефиса Валберховой; и я их сделал довольно удачно. Спишу на днях и пришлю *к тебе в Москву.*

Прощай, от души тебя целую. Пиши ко мне, непременно пиши. Стыдно тебе, коли меня забудешь. Поклонись Никите.

Усердный поклон твоим спутникам Д. С. и А. С. Языковым, Кологривову и даже Поливанову — скомороху.

П. А. КАТЕНИНУ

19 октября 1817. Петербург

Октября 19.

Что ты? душа моя Катенин, надеюсь, что не сердишься на меня за письмо, а если сердишься, так сделай одолжение, перестань. Ты знаешь, как я много, много тебя люблю. Согласись, что твои новости никак не могли мне быть по сердцу, а притом меня взбесило, что их читали те, кому бы вовсе не следовало про это знать. Впрочем, я вообще был не в духе, как писал, и пасмурная осенняя погода немало этому способствовала. Ты, может быть, не знаешь, как сильно хорошее и дурное время надо мной действуют, спроси у Бегичева. Ах! поклонись Алексею Скуратову, да сажай его чаще за фортепьяно: по-настоящему эти вещи пишутся в конце письма; но уж у меня однажды навсегда никто не на своем месте. А самое первое голова. — И смешно сказать от чего? — Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею. Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этим оскорбляться, и я сперва, как прочел, — рассмеялся, но после чем больше об этом думал, тем больше злился. Наконец не вытерпел, написал сам фасесию и пустил по рукам, веришь ли? нынче четвертый день, как она сделана, а вчера в театре во всех углах ее читали, благодаря моим приятелям, которые очень усердно разносят и развозят копии этой шалости. Я тебе ее посылаю, покажи Бегичеву; — покажи кому хочешь, впрочем. Воля твоя, нельзя же молчаньем отделываться, когда глупец жужжит об тебе дурачества. Этим ничего не возьмешь, доказательство Шаховской, который вечно хранит благородное молчание и вечно засыпан пасквилями. Ах! кстати, он совершенно окончил свою комедию, недостает только предисловия, развязка преаккуратная: граф женится на княжне, князь с княжной уезжают в деревню, дядя и тетка изъясняют моральную цель всего происшедшего. Машу и Ваньку устыжают, они хотят — стыдятся, хотят — нет, Цаплин в полиции, Инквартус и многие другие в дураках, в числе их будут и зрители, я думаю, ну да это не мое дело, я буду хлопать. — Хочешь ли кое-что узнать об других твоих приятелях. Изволь. — Об Чепегове, однако, я ничего не могу сказать, потому что не видал его с тех пор, как ты отправился в Москву. — А Андрей Андреевич последний вторник является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе и благополучно спит, потом приходит ко мне и бодрствует до третьего часа ночи. Я его как душу люблю, и жалею, а сам я регулярно каждый вторник болен. Читал ты Жандров отрывок из «Гофолии» в «Наблюдателе»? — Бесподобная вещь,

только одно слово, и к тому же рифма пребогомерзкая: *говяда*. Видишь ты: в Библии это значит стадо, да какое мне дело?.......... — Я теперь для него «Семелу» Шиллерову перевожу слово в слово, он из нее, верно, сделает прелестную вещь — это для бенефиса Семеновой. А я ей же в бенефис отдаю «**Les fausses infidélités**»*. Для Валберховой я сделал четыре сцены, которыми Жандр очень доволен. На будущей почте пришлю тебе. Скажи Бегичеву, что это бесстыдное дело, он мне еще ни строчки не написал. — И я ему буду платить тем же. Прощай, сейчас еду со двора: куда, ты думаешь? Учиться по-гречески. Я от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-го часа до 4-го учусь и уж делаю большие успехи. По мне он вовсе не труден.

<Далее следует текст ст-ния «Лубочный театр» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 213—215)>.

Как ты думаешь? «Вестник Европы» не согласится у себя напечатать. Бегичев с ним приятель. — Я бы подписал свое имя (*коли нельзя иначе*).

Вместо Загоскина:
Вот вам *Михайло Моськин*.
А в другом месте:
Вот *Моськин-Наблюдатель*.
А стих:
Княгини и пр., и пр.
Вот как раздробить:
Княгини и
Княжны.
Князь Фольгин и
Князь Блесткин.
Между тем обнимаю тебя.

---

* «Притворная неверность» (*франц.*).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

15 апреля 1818. Петербург

15 апреля.

Христос воскрес, любезнейший Степан, а я со скуки умираю, и вряд ли воскресну. Сделай одолжение, не дурачься, не переходи в армию; там тебе Бог знает когда достанется в полковники, а ты, надеюсь, как нынче всякий честный человек, служишь — из чинов, а не из чести.

Посылаю тебе «Притворную неверность», два экземпляра, один перешли Катенину. Вот видишь ли, отчего сделалось, что она переведена двумя: при отъезде моем в Нарву, Семенова торопила меня, чтоб я не задержал ее бенефиса, а чтоб меня это не задержало в Петербурге, я с просьбой прибегнул к другу нашему Жандру. Возвратясь из Нарвы, я нашел, что у него только переведены сцены двенадцатая и XIII-я, остальное с того места, как Рославлев говорит: «*Я здесь, все слышал и все знаю*», я сам кончил. Впрочем, и в его сценах есть иное мое, так же, как и в моих его перемены; ты знаешь, как я связно пишу, он без меня переписывал и многих стихов вовсе не мог разобрать и заменил их своими. Я иные уничтожил, а другие оставил: те, которые лучше моих. Эту комедийку собираются играть на домашних театрах, ко мне присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано, вот что заставило меня ее напечатать. — Однако довольно поговорено о «Притворной неверности», теперь объясню тебе непритворную мою печаль. Представь себе, что меня непременно хотят послать куда бы ты думал? — В Персию, и чтоб жил там. Как я ни отнекиваюсь, ничто не помогает, однако я третьего дня, по приглашению нашего министра, был у него и объявил, что не решусь иначе (и то не наверно), как если мне дадут два чина, тотчас, при назначении меня в Тейеран. Он поморщился, а я представлял ему со всевозможным французским красноречием, что жестоко бы было мне цветущие лета свои провести между дикообразными азиятцами, в добровольной ссылке, на долгое время отлучиться от друзей, от родных, отказаться от литературных успехов, которых я здесь вправе ожидать, от всякого общения с просвещенными людьми, с приятными женщинами, которым я сам могу быть приятен,* словом, невозможно мне собою пожертвовать без хотя несколько соразмерного возмездия.

— Вы в уединении усовершенствуете ваши дарования.

— Нисколько, В<аше> С<иятельство>. Музыканту и поэту нужны слушатели, читатели; их нет в Персии...

Мы еще с ним кое о чем поговорили; всего забавнее, что я ему твердил о том, как сроду не имел ни малейших видов честолюбия, а между тем за два чина предлагал себя в полное его распоряжение.

При лице Шаха всего только будут два чиновника: *Мазарович,* любезное создание, умен и весел, а другой: я либо NN. — Обещают тьму выгод, поощрений, знаков отличия по прибытии на место, да ведь дипломаты на посуле, как на стуле. — Кажется, однако, что не согласятся на мои требования. Как хотят, а я решился быть *коллежским ассесором или ничем.* Степан, милый

мой, ты хоть штаб-ротмистр кавалергардский, а умный малый, как ты об этом судишь?

* Не смейся, я молод, музыкант, влюбчив и охотно говорю вздор, чего же им еще надобно?

С. Н. БЕГИЧЕВУ

30 августа 1818. Новгород

30 авг<уста 1>818. Новгород.

На этот раз ты обманулся в моем сердце, любезный, истинный друг мой Степан, грусть моя не проходит, не уменьшается. Вот и я в Новгороде, а мысли всё в Петербурге. Там я многие имел огорчения, но иногда был и счастлив; теперь, как оттуда удаляюсь, кажется, что там все хорошо было, всего жаль. Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня? — Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился, ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался, может, и соименного ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые! —

Прощай, мой друг, сейчас опять в дорогу, и от этого одного беспрестанного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти! — Увидишь кого из друзей моих, из знакомых, напоминай им обо мне; в тебе самом слишком уверен, что никогда не забудешь

верного тебе друга
А. Г.

Коли случай будет заслать или заехать к Гречу, подпишись за меня на получение его журнала. Ах! чуть было не забыл: подпишись на афишки, присылай мне их, а когда уедешь из Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру. Прощай, от души тебя целую.

У вас нынче новый балет.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
г-ну штабс-ротмистру
Степану Никитичу Бегичеву
в С.-Петербург
в Кавалергардские казармы.

2 Заказ № 1590

С. Н. БЕГИЧЕВУ

5 сентября 1818. Москва

5 сентября. Москва.

Мы сюда приехали третьего дни, а вчера я получил от тебя письмо, милый мой Степан; это меня утешило до крайности и однако заставило опять вздохнуть по Петербурге. — Здесь для меня все ново и, следовательно, все еще приятно; соскучиться не успею, потому что через три дни отправляюсь; ты уже пиши ко мне в Тифлис. Павлова я видел, и он у меня побывал, завтра познакомит с женою. Чебышева в тоске, Алексей Семенович Кологривов скоропостижно умер, мужа ее здесь нет. Чипягова ждем не дождемся, осведомься, выехал ли он из Петербурга, я справлялся на многих станциях, в смотрительских книгах, имени его нет нигде. Брата твоего тоже здесь нет, зато есть монумент Минину и Пожарскому, и «Притворную неверность» играют, и как играют! Кокошкин вчера передо мною униженно извинялся, что ...*прелестные* мои стихи так терзают, что он не виноват; его не слушают. — Было бы что слушать. Вчера меня залобызали в театре, миллион знакомых, которых ни лиц, ни имен не знаю. Кстати, коли увидишь Семенову (Мельпомену), скажи, что ее неверный князь здесь, и я его за нее осыпал упреками и говорил, что если он еще будет ей делать детей, то она для сцены погибнет. Он уверяет, что это Святый Дух за него старается, что он при рождении последнего ребенка ни при чем. Медведева здесь прехорошенькая, я ей вчера в «Сандрильоне» много хлопал, здешние готентоты ничему не аплодируют, как будто наперекор петербургским, которые рады, что Бог им дал ужасные ладони, и при всяком случае готовы ими греметь, надо, однако, согласиться, что тот, кто у вас Льва играет, Розций в сравнении с первейшими здешними актерами.

Ты жалуешься на домашних своих казарменных готентотов, это участь умных людей, мой милый, большую часть жизни своей проводить с дураками, а какая их бездна у нас! чуть ли не больше, чем солдат, и этих тьма, здесь всё солдаты — и на дороге во всякой деревне, точно завоеванный край. Может и я скоро надену лямку. Павлов путем взялся похлопотать за меня при жене и при Ермолове, а если этот захочет меня перевести в военную, я не прочь. Что ты об этом скажешь? Пиши ко мне, почаще и побольше! Я поминутно об тебе думаю и последние увещевания очень помню, и ты можешь судить, сколько я сделался основателен, тотчас отрыл Павлова, и на другой день по приезде сюда отправился заказывать себе все нужное для Персии. Эти благие наме-

рения, однако, не исполнились; я заехал к приятелю, оттуда в ресторацию, плотно поел, выпил бутылку шампанского и после театра слег в постель с чрезвычайною головною болью. Матушка мне приложила какую-то патку с одеколонью, которой мне весь лоб сожгло; нынче я однако свежее и, что встал, пошел поглазеть на молоденькую старую знакомку, которая против нас живет, и уже успел с нею опять сдружиться, и побеседовавши с тобой, к ней отправлюсь. Ах, Персия! дурацкая земля! Гейер приехал с Кавказу, говорит, что проезду нет, недавно еще на какой-то транспорт напало 5000 черкесов, с меня и одного довольно будет, приятное путешествие.

Прощай, любезный друг, пиши же и справься еще о пашпортах и об <1 нрзб.>; благодарствуй, что позаботился об этом. Матушка тебе кланяется, сестра еще не приехала, Жандр у нас еще живет, только я не видал его, он спасается где-то с Варварой Семеновной.

Перо прескверное, и вздор пишу, да много <2 нрзб.>.

Верный друг твой.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 сентября 1818. Москва

9-го сентября. Москва.

Любезнейший Степан, письмо это пишу у твоего брата в присутствии Наумова и Павлова, которые уверены, что я если не в эту минуту, так ввек не поспею отправить к тебе мое послание. Ты можешь представить, обрадовался ли я Дмитрию Ник<итичу>. Супружницы его еще не имел удовольствия видеть, говорят, бесподобная женщина. — Постой, надобно тебе вкратце сказать все прочее, что я здесь видел: 1) Андрея Семеновича, который у меня был; да правда сказать, вот и все интересное. Завтрашний день я пускаюсь в путь далее. Ужо дома побольше напишу, и это уж без меня доставится на почту.

Сто раз тебя целую.

Верный друг.

А д р е с:

Бегичеву.

С. Н. БЕГИЧЕВУ
18 сентября 1818. Воронеж

18 сентября 1818. Воронеж.

Сто раз благодарю тебя, любезнейший, дорогой мой Степан, и за что бы ты думал? Попробуй отгадай?.. За походную чернильницу: она мне очень кстати пришлась, за то чаще всего буду ее выкладывать, чтоб к тебе писать. Получил ли ты письмо мое из Новагорода, другое из Москвы и несколько строк через Наумова? Сделай одолжение, уведомь; а пашпорты ко мне доставлены в самый день моего отъезда из Москвы, в которой я пробыл неделю долее, чем предполагал. Наконец, однако, оттуда вырвался. Там я должен был повторить ту же плачевную прощальную сцену, которую с тобою имел при отъезде из Петербурга, и нельзя иначе: мать и сестра так ко мне привязаны, что я был бы извергом, если бы не платил им такою же любовью: они точно не представляют себе иного утешения, как то, чтоб жить вместе со мною. Нет! я не буду эгоистом; до сих пор я был только сыном и братом по названию; возвратясь из Персии, буду таковым на деле, стану жить для моего семейства, переведу их с собою в Петербург. В Москве всё не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом «несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем». Отечество, сродство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец становится к чему-то годен, определен в миссию и может со временем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят. В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые не знаю, настолько ли меня ценят, сколько я думаю, что стою; но по крайней мере судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтоб на меня смотрели. В Москве совсем другое, спроси у Жандра, как однажды, за ужином, матушка с презрением говорила об моих стихотворных занятиях и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными. Я это ей от души прощаю, но впредь себе никогда не прощу, если позволю себе чем-нибудь ее огорчить. Ты, мой друг, поселил в меня или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился, и

ей-Богу! когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее. Мать моя тебя должна благодарить, если я ей сделаюсь хорошим сыном. Кстати об родных, или некстати, все равно. В Туле я справлялся об Яблочковых, посылал к Варваре Ивановне Кологривовой, но мне велели сказать, что они в деревне, а если от тебя есть письмо, то чтобы прислал. Жаль, что не удалось, а время было с ними познакомиться: я в Туле пробыл целый день за недостатком в лошадях и тем только разогнал скуку, что нашел в трактире на стенах тьму глупых стихов и прозы, целое годовое издание покойника «Музеума». Вообще везде на станциях остановки; к счастию, мой товарищ — особа прегорячая, бич на смотрителей, хороший малый; я уже уверил его, что быть немцем очень глупая роль на сем свете, и он уже подписывается Амбурге*в*, а не — *р* и вместе со мною немцев ругает наповал, а мне это с руки. Один том Петровых акций у меня в бричке, и я зело на него и на его колбасников сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное в «Деяниях», пожалуй, напиши, я этим воспользуюсь. Еще моя к тебе просьба: справься через Аксинью, Амлихову любовницу, о моей Дидоне: Илья Огарев пришлет ей из Костромы деньги на твое имя, а если уедешь в отпуск, препоручи это Жандру, да также заранее меня уведомь, куда к тебе адресовать письма. Прощай, мой милый, любезный друг; я уже от тебя за 1200 верст, скоро еще дальше буду; здесь, однако, пробудем два дни, ближе не берутся починить наших бричек. Катенина ты напрасно попрекаешь ко мне совершенною холодностию, он был у меня на квартире на другой день после того, как я исчез из Петербурга, и очень жалел обо мне и досадовал. Так по крайней мере рапортует Аксинья Амлиху.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

12 октября 1818. Моздок

Mozdoc. le 12 Octobre.

Cher et digne Semen Ivanotch,

Nous voilà au pied du Caucase, dans ce vilain trou, où on ne voit, que crotte et brouillard, dont on a par-dessus les oreilles. Si l'affabilité du Général en Chef ne nous dédommageait pas pleinement de ces calamités mozdochiennes, il y aurait de quoi devenir fou. Le commandant d'ici nous a remis votre lettre, pleine d'aimables soucis, pour ceux, que vous voulez bien appeller vos camarades, et, qui au fond ne

sont que vos sous-ordres. Le fait est, que depuis que je vous appartiens en qualité de secrétaire, je ne trouve pas la dépendance d'un pauvre sous-employé de Chancellerie, aussi dure, que je me l'étais persuadée. — Pure billevesée, ce dont je suis encore plus convaincu du jour, que je me présentai a Son Excellence M<onsieu>r le Proconsul de l'Ibérie, on n'est pas plus entrainant. Ce serait naturellement une folie de ma part, si dans deux fois, que je l'ai vu, j'eusse voulu apprécier au juste son mérite, mais il y a telles qualités, qui dans un homme hors du commun, percent au premier abord, et cela dans les choses de la moindre apparence, c'est par exemple une manière à soi de voir, et de juger de tout, avec beaucoup de sel et de grâce, sans être superficiel, toujours au dessus de l'objet, dont il est question; il faut aussi convenir, qu'il a un parler charmant, ce qui a fait que je reste court en causant avec lui, en dépit de l'assurance, que me donne mon amour propre.

Quant à vous, mon très aimable chef, j'aurais eu bien envie de détailler ici amplement tout ce que je pense de vous, mais il faudra mieux se taire la dessus, pour ne pas encourir le reproche de fadeur, il n'est pas séant d'admirer les gens dans les lettres, qu'on leur adresse. Je vous dirai seulement, qu'il me tarde bien de vous embrasser cordialement, aussi de quoi vous mêlez — vous, agent Diplomatique de trainer dans les camps des jours, qui ne devraient être consacrés, qu'au maintien de la paix? Une fois ensemble je vous conterai au long nos misères en route: les équipages cent fois brizés, cent fois racommodés, les longues stations, auxquelles cela nous a engagé, et, les énormes dépenses, qui nous ont réduit aux abois. Voilà le récit, qui vous est réservé pour Tiflis, aujourd'hui nous nous acheminons vers le Caucaze par un temps affreux, et à cheval. Combien souvent j'aurai occasion de m'écrier: «O Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!..»*

Cela ne sera pourtant que jusqu'au moment, que nous vous reverrons. Amburger se recommande à votre souvenir, il ne vous écrit pas, n'ayant pas autre chose à dire, que ce que je vous ai mandé, aussi veuillez bien lire *nous* partout, où vous trouverez un *je*, *me*, *moi* etc.

C'est avec les sentiments d'une parfaite considération, que j'ai l'honneur d'être votre très devoué

<Подпись по-персидски: Секандар** Грибоедуф.>

Celui, que j'aurai prié de se charger de cette lettre vous en portera une autre de maman. J'ai eu outre beaucoup d'autres couverts pour vous avec des ballots. Passez moi mon griffonage, nous n'aurons que

des plumes mal taillées, de la méchante encre, et puis je suis très pressé, ne sachant pas trop pourquoi.

Перевод с французского:

Моздок. 12 октября.

Дорогой и достойный Семен Иваноч.

Вот мы и у подножия Кавказа, в этой гадкой дыре, где видишь только грязь и туман, в котором мы сидим по уши. Если бы за эти моздокские бедствия нас не вознаграждала вполне приветливость Главнокомандующего, то было бы отчего сойти с ума. Здешний комендант передал нам ваше письмо, полное любезных забот о тех, кого вы изволите называть вашими товарищами и которые в действительности только ваши подчиненные. Правда, с тех пор как я принадлежу вам в качестве секретаря, я не нахожу, чтобы зависимость бедного канцелярского чиновника была так ужасна, как я себе представлял. Это чистый вздор, в этом я еще более убедился, когда представлялся Его Превосходительству г<осподину> проконсулу Иберии: нельзя быть более привлекательным. Было бы действительно безрассудством с моей стороны считать, что я мог оценить по справедливости его достоинства в те два раза, что я его видел, но есть такие качества в незаурядном человеке, которые обнаруживаются с первого раза и как раз в вещах на вид мало значительных: в особенной манере смотреть, судить обо всем тонко и изящно, но не поверхностно, а всегда оставаясь выше предмета, о котором идет речь; нужно сознаться также, что говорит он превосходно, отчего в разговоре с ним я должен бываю прикусить язык при всей своей самолюбивой самоуверенности.

Что касается вас, любезнейший начальник, то у меня есть большое желание поговорить подробно и пространно обо всем том, что я думаю о вас, но лучше помолчать об этом, чтобы не навлечь на себя упрека в пошлых комплиментах: неприлично восхищаться людьми в письмах, им же адресованных. Я только скажу вам, что жду не дождусь минуты, когда сердечно обниму вас и попеняю вам, зачем вы, дипломатический агент, ведете лагерную бивуачную жизнь, когда ваши дни должны были бы быть посвящены только поддержанию мира. Как только мы будем вместе, я расскажу вам подробно о наших дорожных злоключениях; об экипажах сто раз разбитых и сто раз починенных, о длинных стоянках ради починки, об огромных издержках, которые довели нас до крайности. Вот рассказ, который отложен до Тифлиса, а теперь мы направляемся к Кавказу в ужасную погоду и верхом. Как часто я буду иметь случай восклицать: «O Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!..»*

Это будет, однако, только тогда, когда мы увидимся. Амбургер просит напомнить вам о себе; он не пишет вам сам, потому что ничего не имеет сказать такого, о чем бы я вам не писал, поэтому соблаговолите подразумевать *мы* повсюду, где вы найдете: *я*, *меня*, *мне*... и т. д.

С чувством совершенного уважения имею честь быть преданным вам

Секандар Грибоедуф**

Тот, кого я буду просить передать это письмо, вручит вам еще и другое от матери. У меня есть, кроме того, много других пакетов для вас с тюками. Простите мне мои каракули; у нас только дурно очиненные перья, плохие чернила, и потом я очень тороплюсь, сам не зная почему.

---

* «О Коридон, Коридон, какое безумие тебя охватило!» (*лат.*).

** Секандар — Искандер (*перс.*).

ПЕТЕРБУРГСКИМ ПРИЯТЕЛЯМ

27 января 1819. Тифлис

Тифлис. 27 января.

Усердный поклон

любезным моим приятелям: Толстому, которому еще буду писать особенно из Тавриза, Никите Всеволожскому, коли они оба в Петербурге, двум Толстым Семеновским, Тургеневу Борису, Александру Евграфовичу, которого я сто раз благодарю за присылку писем от людей, близких к моему сердцу. Фридрихсу, au charmant capitaine Fridrichs, très chauve et très spirituel*. Сделайте одолжение, не забывайте странствующего Грибоедова, который завтра опять садится на лошадь, чтобы трястись за 1500 верст. Я здесь обжился и смерть не хочется ехать, а нечего делать. Коли кого жаль в Тифлисе, так это Алексея Петровича, Бог знает, как этот человек умел всякого привязать к себе, и как умел - - - - - -

Трубецкого целую от души. Объявляю тем, которые во мне принимают участие, что меня здесь чуть было не лишили способности играть на фортепьяно, однако теперь вылечился и опять задаю рулады.

Грибоедов.

Коли кто из вас часто бывает в театре, пускай посмотрит на 1-й бенуар с лѐвой стороны и подарит меня воспоминанием, может быть, это отзовется в моей душе и заставит меня икать где-нибудь возле Арарата или на Араксе.

Адрес:

Господам Толстому
и Всеволожскому
в С.Петербург.

* очаровательному капитану Фридрихсу, очень лысому и очень остроумному (*франц.*)

П. А. КАТЕНИНУ

26 марта 1819. Тегеран

Тегеран 26-го марта 1819.

Любезный Павел Александрович.

Благодарю тебя за письмо и за акт из «Сплетен». Ты мне очень этим удружил. Продолжай, мой милый, писать, а я читать буду.

Смертная лень и скука, ни за что приняться не хочется. Прощай.

Верный друг твой
Грибоедов.

Жандра поцелуй.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

Не позднее 5 сентября 1819. Маранд

Cher et digne Semon Ivanotch, Je ne songe vraiment qu'à vous, car me voilà en train, je sais à peu près à quand le terme de mes propres inquiétudes, tandis que Dieu sait s'il se réglera jamais le chaos, dans lequel je vous ai laissé. Mille souhaits pour votre tranquillité future, voilà ce que je vous envoie. Embrassez le cher Spiridion. J'ai 168 hommes frais et dispos, gare aux malveillants, qui voudraient me jouer en route. Напомните Шемиру, чтоб он взял расписку с Армянина в $7^1/_2$ червонцев c'est l'argent que j'ai envoyé avec Chémir à l'Armenien pour fromage, vin etc. Je ne l'ai pas payé, à Tabriz, car j'ai cru, qu'il m'accompagnerait.

Pour l'amour de moi, qui vous suis vraiment dévoué, n'altérez pas votre santé en vous fâchant contre les animaux, dont vous êtes entourné.

Bonne nuit. Dieu vous bénisse.

Chémir se recommande à vos bontés, voyez le fou, on disait qu'il ne reste pas près de vous.

Перевод с французского:

Дорогой и достойный Семен Иваноч, я поистине думаю только о вас, потому что я уже в пути и приблизительно знаю, когда кончаются мои собственные беспокойства, тогда как Бог знает, когда придет в порядок тот хаос, в котором я вас оставил. Тысячу раз желаю вам спокойного будущего — вот то, что я вам посылаю. Обнимите дорогого Спиридона. У меня 168 человек, свежих и бодрых. Берегись недоброжелатели, которые захотели бы поиграть со мной в дороге. <...> это деньги, которые я послал с Шемиром армянину за сыр, вино и пр. Я не заплатил ему в Тавризе, потому что я думал, что он поедет со мной.

Ради любви ко мне, который вам действительно предан, не портите себе здоровья, раздражаясь против животных, которыми вы окружены.

Доброй ночи, да благословит вас Бог.

Шемир поручает себя вашей доброте — вот сумасшедший, был слух, что он не останется при вас.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

6 сентября 1819. Маранд

№ 1.

Rapport à monsieur le chargé d'affaires de Russie en Perse de son secrétaire Alexandre Griboedoff.

Monsieur.

Voici deux marches faites. Aujourd'hui nous reposons, on ne me donne pas de vivres, j'en achète. Le mehmendar est un bourreau, un voleur, qu'on m'a associé exprès je pense pour me faire crever de rage. A Alvar il n'a donné en pain, que la moitié et en viande, que le tiers de ce qui est dit dans le firman, pour le reste il a levé contribution en veaux, par lui empêchée. Quand je l'eus vertement grondé, il s'excusa sur le peu de moyens du pauvre village Alvar, me faisant entrevoir à Marand un Eldorado pour mes gens: je me tus. Hier à 2 heures après minuit mon dépôt se mit en marche, je restai 3 minutes pour dire adieu à Chémir, mais trois minutes à la lettre. Je demande à suivre mes gens, le mehmendar reste, apparemment pour compléter sur les paysans le déficit de la veille, me donne un guide, qui me a fait perdre mon chemin, j'ai erré toute la nuit et une partie du matin, le mehmendar survenu, j'ai manqué l'assommer. Exténué de fatigue, j'ai enfin recouvré ma troupe, un malade était tombé en arrière à 2 farsanges de là durant ma course nocturne, le bagage avait fortement devancé les piétons, pas un âne, pas une bête de somme sous main. Je demande au mehmendar un mulet de Sophian, près du quel nous déjeunâmes au pain et à l'eau. — Un mulet!.... pourquoi? — Pour me ramener le malade etc. Dieu préserve! Que je vous aide à ramasser vos gens, restés en arrière, le Chahzadé me couperait la tête!» — Enfin il me refusa net, et me dit, que l'homme en question aura déjà été amené à Tabriz, ou en cas d'opposition tué par les villageois, que tels sont les ordres précis du gouvernement. Voyez les traitres!

Cela aux dépens du malheureux malade pérdu, fit pourtant son éffet sur mes gens, auxquels je dis, et répetais, le mehmendar présent, ce que je tenais de lui. Ils furent indignés, ne se disséminèrent plus, et nonobstant la marche faite, des montées et descentes vraiment rudes, pierreuses, à peine praticables, je les ai amenés tous ici à Marand à 7 heures le soir. Veuillez compter de 2 heures après minuit jusqu'à 7 après midi. Le repos aujourd'hui m'est commandé par le voeu unanime, comme par l'état de mes soldats, je ne me serais point arrêté, si je ne les susse cassés de lassitude.

J'ai sommé celui, qui commande ici ad interim pour Nazrali-Khan, d'envoyer chercher le malade (Левонтий Сарбов). Il

ne fit aucun cas de cela. Ici comme à Alvar la moitié des vivres a manqué, aujourd'hui on ne donne rien, mais je vous prierai de vous taire sur les fripponeries du mechmendar jusqu'à son retour a Tabriz, je vous l'enverrai avec une lettre de recommandation. Que toutefois mon juste dépit ne déborde point avant le temps, et qu'arrivé à la frontière je ne le fasse fustiger, le seul langage entendu dans ce pays.

Agréez les sentiments de la plus parfaite soumission

Monsieur
de votre très obéissant
Alexandre Gribojedoff.

Адрес:

Милостивому Государю
Его Высокоблагородию
господину Российско-Императорскому
поверенному в делах.
Семену Ивановичу Мазаровичу.
В Таврисе.

Marand. 6 Septembre. 1819.

Перевод с французского:
№ 1.

Рапорт господину поверенному в делах России в Персии
его секретаря Александра Грибоедова.

Милостивый Государь.

Два перехода сделаны. Сегодня мы отдыхаем; мне не дают припасов; я их покупаю. Мехмендар — это палач и вор, которого мне подсунули нарочно, я думаю, для того чтобы я лопнул от ярости. В Альваре он дал только половину хлебного провианта, а мяса только треть того, что определено по фирману, наконец он сорвал контрибуцию мелким скотом, которой препятствовал. Когда я с ним крепко побранился, то он сослался на недостаток средств бедного селения Альвара, соблазняя меня тем, что в Маранде я встречу Эльдорадо для своих людей, и я смолчал. Вчера в 2 часа ночи мой обоз тронулся в путь; я задержался на три минуты, чтобы проститься с Шемиром, на три минуты буквально. Хочу следовать за моими людьми, но мехмендар остается, очевидно, чтобы добрать с крестьян вчерашний дефицит; он дает мне проводника, с которым я сбился с дороги, и я проплутал всю ночь и часть утра, когда подоспел мехмендар; я чуть его не убил. Изнуренный усталостью, я нашел наконец свой отряд. Один больной свалился в 2-х фарсангах отсюда во время моего ночного отсутствия, багаж сильно опередил пешеходов, ни осла, никакого вьючного животного под рукою. Я прошу у мехмендара мула из Софияна, близ которого мы позавтракали хлебом и водой. — «Мула!.. Зачем?» — «Чтобы доставить больного и т. д.». — «Боже сохрани, чтоб я помогал вам подбирать ваших отставших людей; Шахзаде мне отрежет голову!» Наконец, он отказал мне наотрез, сказав, что человек, о котором идет речь, или уже доставлен в Тавриз, или же, в случае сопротивления, убит поселянами, ибо таков приказ правительства. Вот предатели!

Такие слова по адресу несчастного потерянного больного оказали свое действие на моих людей, которым я передал, и не один раз, в присутствии мехмендара то, что узнал от него. Они были возмущены, больше не отставали, и, невзирая на пройденный путь, на подъемы и спуски действительно тяжелые и каменистые, едва проходимые, — я привел их всех сюда в Маранд к 7 часам вечера. Соблаговолите сосчитать: от 2-х часов ночи до 7 часов вечера. Сегодняшний отдых вызван общим единодушным желанием, а также состоянием моих солдат; я бы совсем не останавливался, если бы не видел, что они разбиты от усталости.

Я потребовал от того, кто распоряжается здесь ad interim* за Назр-Али-хана, послать на поиски больного <...>. Он не обратил на мои слова никакого внимания. Здесь так же, как и в Альваре, не доставлено половины продуктов; сегодня ничего не дают, но я попрошу вас молчать о плутовстве мехмендара до его возвращения в Тавриз; я пошлю его к вам с рекомендательным письмом; пусть, однако, мое справедливое негодование не перельется через край прежде времени и как бы мне по приезде на границу не велеть его высечь: это единственный язык, который понимают в этой стране.

Примите чувства совершеннейшего уважения,

Милостивый Государь,

от вашего покорнейшего

Александра Грибоедова.

Маранд 6 сентября 1819 г.

---

* в настоящее время (*лат.*).

С. И. МАЗАРОВИЧУ

11—13 сентября 1819. Казанчи-Пернаут

Rapport à monsieur le chargé d'affaires de Russie en Perse.

Monsieur.

Je ne sais, si vous avez reçu mes deux Rapports: N 1 et 3, ne me refusez pas de m'en instruire par le premier tcheper que vous enverrez à Tiflis; pour que je puisse un jour récapituler mes griefs contre la manière, dont on a procédé avec moi. En attendant le mehmendar a l'impudence de me demander un papier pour vous le remettre. Après toutes les avanies, que j'en ai enduré, il voudrait, un certificat, et je ne m'y refuse pas. Monsieur, j'ai donc l'honneur de certifier à vous, mon chef, que mon mehmendar Mahmad Beg a rempli sa charge près de moi en coquin, le plus fieffé, auquel j'aie jamais eu à faire, malhonnête homme dans la plus vaste signification du terme, et le ministère de Tabriz, s'il veut en quelque sorte se disculper de me l'avoir apporté, doit au moins lui faire appliquer sur les plantes des pieds la correction, qu'on est dans le pays si prodigue à donner, et si habitué à recevoir. Oui, j'ai sérieusement à me plaindre de lui, comme

de plusieurs autres officiers persans depuis Tabriz. Mais pas une âme vivante ici ne saurait former des plaintes contre moi, à moins de les forger. Si j'ai répondu avec fiel aux bêtises, que m'envoyait dire Kelbel-khan à Nahetchivan, ce n'était toujours, que très délicat en revanche de ses grossièretés, si j'ai quelquefois amèrement apostrophé le mehmendar, ce n'étaient pas encore des coups de bâton, qu'il a cent fois mérité. Mais on nous jetait des pierres et je cachai sous un silence étudié vis-à-vis de mes propres gens la rage, qui me suffoquait, et ils se tenaient tranquilles. Nous passions en plein midi près des bostans immenses, toujours dévastés par la soldatesque du Prince, au nom duquel on commet ici les extorsions et rapines en tout genre, mais personne des miens n'a osé cueillir un melon sans le payer, ou sans que je le fisse pour eux, à quoi je me prêtais volontiers et souvent, car refuser au piéton fatigué le fruit, qui désaltère, par la saison actuelle, aurait été d'une avarice sordide, peu faite pour encourager les gens à me suivre. Enfin, Monsieur, j'ai constamment eu présentés à ma pensée votre fermeté, comme votre modération à la cour du schah, et à celle du Naib-Soultan. Et moi aussi j'ai eu assez bonne contenance, l'on ne m'a pas joué, mais piqué, comme j'étais, je ne me suis pas laissé aller au delà de ce qui est prescrit par la saine raison, je n'ai offensé personne. Et si on vous le rapportait différemment, ce ne serait que fausseté, j'ose vous en répondre de mon honneur.

Maintenant pour vous tenir au courant de ce qui m'arrive, je vous entretiendrai de Nahetchivan. On m'y a cloué, pour ainsi dire, deux mortels jours. Le premier vers le soir on apporta quelques vivres, on ne donna rien le lendemain, on me refusa les chevaux, on défendit sévèrement aux tchervadars de m'en fournir pour de l'argent. Le mehmendar me protestait que tout ce brouillamini provenait du khan, le khan objectait, que le therme du ferman déchu à Nahetchivan, il ne se souciait pas de moi, que même nous n'avions aucune protection légale dans sa ville, et indirectement on me faisait avertir, que je pourrai très bien être mis aux arrêts jusqu'à nouvel ordre de Tabriz. A mon arrivée Kelbel-khan refusa de me voir, s'excusant sur son harem, où il était fourré pour le moment. Il m'assigna une entrevue pour le lendemain, je fus une heure et demie chez lui à l'attendre, sans qu'il parût, et enfin il me fit congédier pour des raisons trop oiseuses, pour que je les répéte ici. C'est pourtant de ce grossier personnage, que vous disiez du bien, Monsieur. Je ne sais au fond ce que les Persans conspiraient, mais voilà ce que je fis. Le premier jour mes gens ce sont, jettés sur la liqueur forte, que les Arméniens apprêtent, j'avais trop de besogne pour songer à les empêcher, mais le soir ayant en avis, qu'on éparpillait mon monde à dessein, pour les enivrer, leur faire tenir quelques tomans, et me les enlever ensuite, je les ai

rassemblés tous autour de moi, j'ai mis bonne garde autour de mon logement, la nuit, je me suis levé en sursaut, j'ai passé en revue tous, tant qu'ils étaient, je fis lier quelques uns pour un peu de bruit, qu'ils avaient fait entre eux, me montrant plus fâché, que je ne l'étais, je les ai morigénés vertement, menaçant pour le lendemain d'une sévérité exemplaire ceux, qui prendraient une goutte d'eau de vie ou feraient les mutins, et de les livrer ensuite garrotés au gouvernement persan, dont ils connaissaient les dispositions favorables à leur égard, je leur fis entendre, qu'eux avaient besoin de moi, mais que je n'avais proprement aucun intérêt majeur, et nulle responsabilité pour leur conservation. Cela ressemblait beaucoup à un discours de Bonaparte aux députés de province en 1814. Néanmoins cette Napoléonade a mis tout le monde à la raison. Tout fut calme, personne le lendemain ne s'avisa de me demander à le laisser au Bazar, on ne but point. Comme les chemins d'ici au Karabagh sont réputés très peu sûrs sous tous les rapports, et que je ne m'attendais pas à un convoi de sûreté de la part du gouvernement, j'ai fait, vite monter en fer une cinquantaine de lances, que je distribuai à ma bande. Mauvaise arme, mais pouvant servir de défense contre un Aboul-Feth-khan, ou ce brigand géorgien Alexandre, qui est toujours au guet ici à l'entour contre tous ceux des nôtres, qui vont et reviennent.

Encore grâce à Mirza-Mamiche, employé au tcheperkhané, auquel j'ai promis de le recommander à votre bienveillance; j'ai trouvé secrètement 6 cheveaux pour la nuit, car le jour personne ne se serait aventuré de me les produire, c'est à peine ce qui me suffisait pour les malades, mais le cas était pressant, et hier vers les 10 heures du soir je sortis mon monde. Nous avons ce qui vigoureusement s'appelle fui à l'insu du khan et du mehmendar, personne ne savait le chemin que je prendrai, excepté un guide, que j'avais attrapé. Mais ce départ nocturne me devint funeste. La première fatalité m'advint près d'un pont, en ville encore. Wassilkof, chargé de crimes, ayant passé les baguettes en Russie, me suivait avec la foule de Tabriz. Il se disait souffrant d'un rumathisme au genou, je l'ai soigné par préférence, ne le faisant jamais démonter de dessus un gros ballot d'effets moelleux, lui frottant régulièrement le genou avec du rum, et l'envellopant contre la fraicheur de nuit. Il se jetta maintenant à bas de son cheval, et me dit, que sa maladie l'empêchait d'aller plus loin, je lui proposai de lui arranger plus commodément sa monture, je lui donnai mon prorpe cheval, je voulai le faire porter par ses camarades, tout fut en vain, il me dit avec une froide résignation, qu'il ne me suivrait pas, que j'étais en droit de le tuer. Certainement je l'étais, mais un tel coup, quoique de justice répugne à l'homme sensible. J'apesai les autres, je leur ai masqué l'affaire comme j'ai pu, et il fut abandonné à son sort,

aussi les Persans ne manqueront pas de l'achever. Nous traversâmes trois riverets, assez larges et profonds, cela mit du désordre à plusieurs reprises. Je m'arrêtai pour contrôler si personne ne manquait, 2 ne furent point trouvés. Représentez vous mon inquiétude, c'était à 5 verstes à peu près de la ville. Je fis halte; je fis dormir les uns, veiller les autres, et moi avec Joussouf (de Bagdad) nous gallopâmes en arrière, à la recherche, je haussai la voix, je les appellai par leur noms, Joussouff de même: — pas de réponse, hors l'Ali de quelques Tatares rodants. Une muette stupeur s'est emparée de moi. Dieu merci nous ne perdîmes pas le chemin, mais je revins désespéré. Ils se seront soulés, me dis-je, pendant la confusion au départ, et leur raison, comme leurs forces les eurent trahis, j'envoyai encore après eux 3 hommes, armés et à cheval, cela a duré jusqu'à l'aube du jour. On me ramena l'un d'eux, ma supposition s'est vérifiée, il s'était muni d'un pôt de vin en ville. L'autre est perdu peut-être à jamais. Son nom est Larin, beau garçon, un air, qui inspire de la confiance, docile, seulement enclain à boire. Si vous apprenez, qu'on l'aura ramené à Tabriz, songez à le délivrer. Je suis fort peiné pour lui.

A-propos du nombre de ceux, que je conduis, je n'ai pu le vérifier, que parti d'Alvar, a moitié chemin. La veille on m'avait inséré dans la liste les noms de ceux, qui sont restés détenus au Méidan. Le nombre effectif s'est trouvé être 158, moins un (dont j'ai eu l'honneur de vous faire mention dans mon rapport № 1), deux de perdus depuis Nahetchivan, restent 155, Waguin excepté, que je ne mêle point avec les autres.

Aujourd'hui, à la pointe du jour, je me suis reconnu dans le même vallon, qui s'étend du défilé près de l'Araxe, jusques Nahetchivan, seulement plus au Nord-Est. Nous nous enfonçâmes dans les montagnes, et après quelques heures de marche, je suppose une affaire de 4 farasanges et demi, nous nous vîmes tout près du fameux rocher des Serpents, delà nous sommes montés dans le village appelé Kazantchi, c'est d'où je vous écris. Il me reste pour demain 8 pharasanges, à ce qu'on dit, d'un chemin montagneux et rabotteux, jusqu'à Pirnavout, qui est à nous. Et si nous y parvenons sains et saufs je dirai, que les Persans n'ont pas même assez d'esprit pour nuire, autant qu'ils le voudraient.

Figurez-vous, que je n'ai encore trouvé personne pour envoyer chez notre commendant aux frontières. Hier s'est présenté à moi un homme de Garousse, où est stationné le premier poste russe. Il y retournait avec une caravane, je voulais le charger de ma lettre, et pour ce petit office il me demanda 50 veaux! A cette demande exhorbitante, et n'ayant aucune garantie pour sa fidélité, j'ai mieux jugé le renvoyer, après avoir noté son nom dans mon journal. Quel vile

engeance, que ces Arméniens! Aucun d'eux n'a voulu me savoir, et toujours nous soufflant à l'oreille, que nous sommes leurs protecteurs in spe. Beaux protégés! Ils nous vendent à ces moines Persans, qui sont prêts à les crucifier, à les bouillir à toute sauce; dernièrement encore ils en ont brûlé 2 à Nahetchivan.

Je vous aurais écrit encore plus longuement, Monsieur, sachant l'intérêt, que vous prenez à ma position actuelle, mais mal accoudé, sur le plancher, le tas d'insectes venimeux, qui me font sauter en l'air toutes les fois, qu'ils rampent jusques sur ma lettre, le vent, qui à chaque instant m'éteint la bougie, enfin la lassitude, et une nuit blanche, que déjà je viens de passer pour vous faire mon rapport, tout cela ne me permet pas de lier 2 idées de suite, et vous me pardonnerez mon griffonage. Quoique je vous aie dit au commencement de la présente mon opinion sur le férman du Chahzadé, qui porte à me laisser sans secours à Nahetchivan, sur la mauvaise volonté de Kelbel-khan, et sur la duplicité, de Mahmad-beg, vous en ordonnerez, Monsieur, ce que vous voudrez, je n'ose pas anticiper sur le jugement, que vous porterez la dessus, et quand même vous trouveriez nécessaire de ne point produire cette affaire au jour, ce n'est pas moi, qui en serai marri, car après tout, je me vois presque au bout de mes peines. Me voilà déjà très content d'avoir fait trotter le mehmendar jusques Karababa, ne m'y ayant pas trouvé, il revint en hâte ici, très étonné de me voir prendre un autre chemin, que celui, qu'il m'avait indiqué. Je lui ai observé, que s'il eut eu tant soit peu de soins pour moi, il m'aurait mené ici droit du passage de l'Araxe, ne faisant gagner par là 3 jours, et combien de fâcheries cela ne m'aurait-il pas sauvé! Il me quitte et je ne me sentirai pas abandonné à son départ. Sa conscience, qui lui dit rarement quelque chose, lui fait redouter, s'il me suit à Pérnavout, que par représsailles je ne le fasse mallraiter. Le misérable ne conçoit pas, qu'une fois sur notre territoire, aucun ressentiment ne m'obligerait à violer les devoirs de l'hospitalité, cette vertu si chère à tout homme de mon pays.

Agréez les sentiments de plus parfait dévouement

Monsieur
de votre très obéissant
Alexandre Gribojedoff.

№ 4.
11 Septembre. 1819.
Kazantchi.

P. S. Pernaout. 13 Septembre.

J'ai spéculé, Monsieur, sur les préssantes instances du mehmendar, qui absolument voulait un papier de moi, comme un titre pour

paraître devant vous. C'est pour ne pas vous laisser en doute sur mon arrivée à la frontière, que je n'ai pas fermé la présente à Kazantché, et me suis fait suivre par un homme du Mahmad-beg. Tout cela est mal sûr, car le vilain m'a déjà fait payer 2 ducats à Nahetchivan pour un courrier à Tabriz, et s'étant, je crois, approprié le sonnant, je tiens de lui même, que le paquet en question est encore entre ses mains. Il m'a fait trente histoires pour se justifier, qu'il vous les conte! Cependant veuillez être instruit, que je vous ai envoyé mon premier rapport de Marand N 1, le second de Nahetchivan, N 3 et ce troisième d'ici Pernaout, village Arménien, relevant de Mehté Kouli-khan, sous la domination russe. C'est hier 12 du mois, que par un défilé le long de la rivière Alindja, nous parvînmes à une montagne, dont un côté est à l'Iran, et l'autre à nous. Elle paraissait s'élever à l'infini, nous fûmes deux heures à la gravir, et ce n'est qu'au sommet, que nous grimpâmes ad status, quod ad passatum. De là jusqu'ici il n'y a qu'un saut. Bénit soit Dieu! mon expédition est à moitié remplie. Puissiez vous en dire autant, Monsieur, de votre gestion, dont l'issue future est trop ténébreuse, pour qu'à l'avenir je sois tranquille sur votre compte. Vous avez maintenant beaucoup de sujets russes, porteurs quand vous voulez, de vos lettres pour Tiflis. Daignez m'écrire je vous en prie.

Pour l'amour de l'impartialité, ne feriez vous pas valoir près du Naïb-Sultan les services à moi rendus par le sultan de Sarbazes à Gargare et par mirza Mamiche à Nahetchevan?

La lettre ci-incluse est adressée à Chémir.

Перевод с французского:

Рапорт господину поверенному в делах России в Персии.

Милостивый Государь.

Я не знаю, получили ли вы два моих рапорта, № 1 и № 3, не откажите сообщить мне об этом через первого же чепара, которого вы пошлете в Тифлис, чтобы я мог при случае повторить по пунктам все мои претензии против того, как со мной обращались. Пока что мехмендар имеет наглость просить у меня официальную бумагу для представления вам. После всех подлостей, которые я от него претерпел, он еще хотел бы получить свидетельство, и я от сего не отказываюсь. Милостивый Государь, честь имею удостоверить вас, начальника моего, что мой мехмендар Махмад Бег выполнял должность свою при мне как мошенник самый отъявленный, с каким я когда-либо имел дело, бесчестный человек в самом широком значении слова, и тавризское министерство, если оно захочет в некотором роде оправдаться в том, что ко мне его приставило, должно по меньшей мере задать ему палками по пяткам, что в этой стране столь щедро раздается и столь привычно принимается. Да, я вполне серьезно должен жаловаться на него, как и на многих других персидских офицеров, начиная от Табриза. Но ни единая живая душа здесь не сможет предъявить какую-либо жалобу на меня, если только не прибегнет к выдумкам. Если я и ответил с едкостью на глупости, которые мне велел передать Кельбель-хан в Нахичевани, то это еще было весьма деликатно по сравнению с его грубостями, если я несколько раз и обругал мехмендара, не

бил же я его палкой, хотя он сотню раз заслуживал, чтобы его поколотить. В нас бросали камнями, и я с сознательным молчанием скрывал перед моими собственными людьми ярость, меня душившую, и они вели себя спокойно. Мы проходили средь белого дня мимо огромных бахчей, которые постоянно подвергаются ограблению со стороны солдатни Принца, именем которого здесь совершаются вымогательства и поборы всякого рода, но никто из моих людей не смел сорвать ни одной дыни, не заплатив, или я платил за них, что я охотно делал, и почасту, так как отказать усталому пешеходу в плоде, утоляющем жажду, в нынешнее время года было бы низменной скаредностью, мало способствующей тому, чтобы ободрить людей за мной следовать. Наконец, Милостивый Государь, я постоянно в мыслях моих имел пример вашей твердости, как равно и умеренности вашей при шахском Дворе и при Дворе Наиб-Султана. И сам я имел довольно выдержки, меня не могли провести, но, даже будучи раздраженным, я не позволил себе переходить за черту того, что предписывается трезвым рассудком, и не оскорбил никого. И если бы вам об этом донесли бы иначе, это было бы чистой ложью, смею вас в том заверить моей честью.

Теперь, чтобы поставить вас в известность о том, что со мной происходит, расскажу вам про Нахичевань. Меня там пригвоздили, так сказать, на два мучительных дня. В первый день к вечеру еще принесли некоторые припасы, на следующий день не выдали ничего, отказали мне в лошадях и запретили строго-настрого червадарам поставлять их мне за деньги. Мехмендар оправдывался передо мной, что вся эта путаница происходит от хана, а хан возражал, что, поскольку срок действия фирмана истек в Нахичевани, он не обязан обо мне заботиться и даже что в его городе нам вообще не обеспечено законное покровительство, а косвенным путем меня предупредили, что меня вполне могут взять под арест впредь до нового приказа из Табриза. По приезде моем Кельбель-хан отказался меня видеть, отговорившись делами гарема, куда он в тот момент запрятался. Он назначил мне свидание на другой день, я полтора часа его прождал, он так и не появился и в конце концов велел меня отпустить, выставив поводы слишком пустые, чтобы здесь их повторять. А вы, Милостивый Государь, еще хорошо отзывались об этом грубияне. Я как следует не знаю, что именно персы замышляли, но вот как я поступил. В первый же день люди мои набросились на крепкий напиток, который приготовляют армяне; я был слишком занят, чтобы им помешать, но вечером, поняв, что моих людей рассеивают умышленно, чтобы напоить их, подкупить их несколькими туманами и затем отнять у меня, — я их всех собрал вокруг себя, поставил хорошую стражу у своей квартиры; ночью я внезапно поднялся и всех их лично проверил, некоторых, за шум незначительный, который они между собой подняли, велел связать, показывая себя более рассерженным, чем я был на самом деле; я их крепко отругал, пригрозив, что с завтрашнего дня буду примерно наказывать тех, кто хлебнет хоть каплю водки или будет заводить беспорядок, и затем передам их связанными персидскому правительству, чье благосклонное отношение к ним известно. Я дал им понять, что они-то во мне нуждаются, а что я, собственно, не имею никакого серьезного интереса и ни малейшей ответственности за их сохранность. Все это весьма походило на речь Бонапарта перед депутатами провинций в 1814. Тем не менее наполеонада эта всех привела в разум. Все утихло, назавтра никто не решился отпрашиваться на базар, никто не пил. Поскольку дороги отсюда до Карабага славятся как малонадежные во всех отношениях, а ждать охранного конвоя от правительства не приходилось, я велел сделать железные наконечники на полсотни пик, которые и роздал своему отряду. Оружие прескверное, но все же могущее послужить защитою против Абул-Фетх-хана или против этого грузинского разбойника Александра, который в здешних окрестностях всегда подстерегает всех наших, кто идет в город или возвращается.

Только благодаря Мирзе-Мамишу, служащему в чепархане, которому я обещал, что буду рекомендовать его вашему благоволению, я тайком раздобыл 6 лошадей на ночь, так как днем никто не отважился бы мне их доставить; этого мне едва хватало для больных, но дело не терпело отлагательства, и вчера около 10 часов вечера я вывел всех своих людей. Строго говоря, мы удирали без ведома хана и мехмендара; никто не знал, по какой дороге я решил идти, за исключением одного проводника, которого удалось мне случайно достать. Но ночной этот отъезд оказался для меня злополучным. Первое злоключение случилось у моста, еще в самом городе. Из Табриза вместе со всей толпой шел с нами некто Васильков, в свое время за преступления прогнанный в России сквозь строй. Он сказался больным ревматизмом в колене, и я о нем в особенности заботился, не заставлял его никогда спускаться с большого тюка мягких вещей, растирал регулярно ему колено ромом, укрывал его от ночной свежести. Теперь он спрыгнул с лошади и заявил мне, что недуг его не позволяет ему ехать далее; я предложил устроить его на лошади поудобнее, отдавал ему свою собственную лошадь, хотел, чтобы его несли его товарищи, — все напрасно; с холодною решимостию он сказал мне, что он далее за мной не пойдет, что я, ежели хочу, вправе его убить. Конечно, я имел на то право, но подобный поступок, хотя бы и законом дозволенный, противен человеку чувствительному. Я успокоил остальных, скрыв от них, как мог, это дело, и он был предоставлен своей участи, — персы, конечно, не преминут его прикончить. Мы перешли через три потока, довольно широкие и глубокие, и это несколько раз вызывало беспорядок. Я остановился, чтобы проверить, все ли на месте, — 2-х не оказалось. Представьте себе беспокойство мое, это было приблизительно в 5 верстах от города. Я сделал привал, одним велел спать, другим караулить, а сам с Юсуфом (из Багдада) поскакал назад, на поиски их; я кричал, звал их по именам, Юсуф тоже, никакого ответа, кроме отзывов «Али» нескольких бродячих татар. Немое оцепенение мной овладело. Слава Богу, мы не потеряли дороги, но вернулся я в отчаянии. Они, наверно, напились, сказал я себе, в суматохе отъезда, и разум их и силы им изменили, — и я послал за ними еще трех человек, верхом и вооруженных; так продолжалось до рассвета следующего дня. Одного мне привели; предположения мои подтвердились, он в городе запасся кувшином вина. Другой пропал, может быть, навсегда. Зовут его Ларин; красивый парень с лицом, располагающим к доверию, послушный, но любит выпить. Если вы узнаете, что его приведут обратно в Табриз, подумайте, как бы его освободить. Я за него очень огорчен.

Кстати, я смог проверить число тех, кого я веду, только на половине дороги, по выходе из Альвара. Накануне мне внесли в список имена тех, кто остался в заключении в Мейдане. Наличное число оказалось 158, без одного (о котором я имел честь вам упомянуть в моем донесении № 1); двое потеряны после Нахичевани, остается 155, помимо Вагина, которого я не смешиваю с другими.

Сегодня, на рассвете, я установил, что нахожусь все в той же долине, которая простирается от ущелья вблизи Аракса до Нахичевани, но только несколько более к северо-востоку. Мы углубились в горы, и после нескольких часов марша, пройдя, я полагаю, около 4 с половиной фарсангов, мы оказались у знаменитой *Змеиной скалы*, оттуда поднялись в селение, именуемое Казанчи, отсюда я и пишу вам. Остается мне еще на завтра, как говорят, 8 фарсангов каменистой горной дороги до Пернаута, который принадлежит нам. И если мы дойдем туда целы и невредимы, скажу, что у персов ума нет даже и на то, чтобы вредить, как им хотелось бы.

Представьте себе, я еще никого не нашел для того, чтобы послать к нашему пограничному коменданту. Вчера явился ко мне один человек из Гаруссы, где расположен первый русский пост. Он туда возвращался с караваном, я хотел поручить ему отвезти мое письмо, и за эту небольшую услугу он запросил с меня 50 телят! При таком чрезмерном запросе и не имея притом гарантии его верно-

сти, я рассудил за лучшее выгнать его, отметив имя его в моем журнале. Что за подлое отродье эти армяне! Никто из них и знать меня не хотел, а при этом всегда на ухо шепчут, что мы их покровители in spe*. Хороши протеже! Они нас продают тем самым персам, которые готовы их распинать и варить под любым соусом; еще недавно они сожгли 2-х армян в Нахичевани.

Я вам написал бы еще пространнее, Милостивый Государь, зная, что вы принимаете участие в моем теперешнем положении, но я пишу на полу, облокотиться не на что; куча ядовитых насекомых, которые меня заставляют подпрыгивать каждый раз, как они приползают к моему письму, ветер, поминутно тушащий свечу, наконец, утомление и бессонная ночь, которую я провел сейчас, чтобы написать вам мое донесение, — все это не дает мне и двух мыслей связать, и вы мне извините мое маранье. Хотя я вам и высказал в начале настоящего письма мнение мое о фирмане Шахзаде, который привел к тому, что я остался без помощи в Нахичевани, о злонамеренности Кельбель-хана и двоедушии Махмад-бега, вы, Милостивый Государь, распорядитесь в отношении всего этого, как вы пожелаете, я не смею предугадывать суждение, которое вы об этом вынесете, и, если даже вы сочтете необходимым не придавать этому делу огласки, я о том скорбеть не буду, так как в конце концов теперь я уж почти разделался со всеми тягостями. Я уже тем весьма доволен, что заставил мехмендара протрусить до Карабабы; не найдя меня там, он возвращается впопыхах сюда, весьма озадаченный тем, что я пошел не по той дороге, которую он мне указал. Я ему на то заметил, что, если бы он хоть немного заботился бы обо мне, он бы мог меня провести сюда прямо из Аракского ущелья и тем дал бы мне выиграть 3 дня, и от стольких докук меня бы это избавило! Он покидает меня, и я отнюдь не буду чувствовать себя обездоленным его отъездом. Совесть его, которая весьма редко в нем говорит, заставляет его бояться, что, если он последует за мной в Пернаут, я там, в отместку за все, велю поступить с ним круто. Мерзавец не может понять, что, как только я буду на нашей территории, никакое негодование не заставит меня нарушить долг гостеприимства, добродетели, столь свойственной всякому человеку в моем отечестве.

Примите, Милостивый Государь, чувства совершеннейшей преданности

от вашего покорного слуги

Александра Грибоедова

№ 4.

11 сентября 1819.
Казанчи.

P. S.

Пернаут. 13 сентября.

Я воспользовался, Милостивый Государь, неотступными просьбами мехмендара, который во что бы то ни стало хотел получить от меня какую-нибудь бумагу как предлог, чтобы явиться к вам. Я не стал запечатывать этого письма в Казанчи, чтобы не оставлять вас в сомнении насчет прибытия моего на границу, и заставил одного из людей Махмад-бега сопровождать меня. Все это не очень надежно, так как этот подлец уже вытянул из меня 2 дуката в Нахичевани за почту в Табриз, думаю, что монеты он присвоил, так как знаю от него самого, что пакет мой еще у него в руках. Он мне наплел тридцать сказок в свое оправдание, пусть-ка он вам их порасскажет! Однако позвольте уведомить вас, что я послал вам первый свой рапорт из Маранда № 1, 2-й из Нахичевани и этот третий отсюда, из Пернаута, армянского селения, вассального Мехти Кули-хану, под Российским владычеством. Вчера, 12 сего месяца, по ущелью реки Алинджи мы дошли до горы, один склон которой принадлежит Ирану, а другой — нам. Казалось, что

она поднимается до бесконечности, мы два часа должны были взбираться на нее и только на вершине добрались ad status, quod ad passatum**. Оттуда до сего места — раз перепрыгнуть. Благодаренье Богу! Экспедиция моя наполовину уже выполнена. Хотелось бы, чтобы и вы могли бы сказать то же об управлении вашем, будущий исход которого еще слишком неясен, чтобы я вперед мог быть за вас спокоен. У вас теперь много русских подданных, которым вы всегда, когда захотите, можете поручить доставить ваши письма в Тифлис. Соблаговолите, пожалуйста, написать мне.

Из любви к справедливости не похвалите ли вы перед Наиб-султаном услуги, мне оказанные султаном сарбазов в Гаргаре и мирзой Мамишем в Нахичевани?

Вложенное письмо адресовано Шамиру.

---

* в будущем (*лат.*).
** до места, т. е. до перехода (*лат.*).

С. И. МАЗАРОВИЧУ

6 октября 1819. Тифлис

Rapport à monsieur le chargé d'affaires de Russie en Perse.

Monsieur.

Ce n'est que le 2 du mois ou pour mieux dire la nuit au 3, que je suis arrivé à Tiflis bien portant et parfaitement accueilli par les autorités. Déjà il y a une aurore de tranquillité pour moi, mais il fallait parler à beaucoup de personnes et leur reparler encore sur l'objet de mon voyage jusqu'ici, et de celui, qui me reste à faire; j'ai dû mettre, en ordre pour M. le général Weliaminoff, une liste détaillée des individus, que je mène. Cela naturellement m'a empêché de me mettre à l'œuvre pour porter à votre connaissance les détails de ma marche depuis la frontière, dont la lenteur doit vous paraître indéfinissable. Je vous en communiquerai les circonstances aussi rapidement, que possible pour ne pas faire perdre du temps à Papa-Melix, qu'on vous expédie demain.

L'on m'a tenu un jour à Sissian, 2 à Garousse, 5 à Choucha, d'où j'ai fait une course à Tchinahtchi pour m'aboucher avec le colonel Réout, remplaçant Madatoff. Les fréquentes interruptions provenaient de l'approvisionnement. On n'était pas préparé sur cette route, que j'avais prise sans qu'on en fut instruit. Tantôt il n'y avait que farine dans les magasins, il fallait quelques jours pour la cuire, tantôt on s'arrêtait pour moudre le grain. Que voulez vous? Ce n'est pas, qu'on m'obstruât le chemin: ce n'était proprement la faute de personne. Pour les viandes, choux etc., chevaux de train, tout fut à mes frais, je n'ai pourtant pas dépassé la somme de 300 r<oubles>. Mes comptes sont

en règle, et je n'attends, qu'un peu de loisir pour les rédiger nettement, et vous les présenter ensuite.

De Choucha j'ai pris les devants jusqu' Elisabethpol, on m'y arrêta 7 jours, avant de recevoir des ordres de Tiflis pour me faire passer. Et ici!.. je n'ai rien à vous dire; des papiers d'office vous ont été envoyés qui prouvent combien les convenances, les loix, enfin des causes très graves s'opposent a ce qu'elle soit strictement observée cette parole, que vous m'aviez si solennellement donnée. M<onsieur> le général Wéliaminoff fait ce qui dépend de lui pour me compromettre le moins qu'il peut envers mes malheureux, je le serai pourtant vis-à-vis de 80. Cela est bien amer, après tant de sollicitudes, tant de désagréments, endurés dans la seule idée, que cela servirait à leur bonheur commun. Il serait dur pourtant d'aggraver par mes lamentations le déplaisir, que déjà l'occurrence par elle même doit vous faire Monsieur. Des sentiments de bonté trop précipités vous ont voilé dans le temps les conséquences plus que probables, qui se réalisent maintenant et me voici dupe et trompeur!

Pour adoucir un peu l'impression affligeante, que je dois vous avoir causée, je vous dirai, Monsieur, qu'aux engagements près, contractés avec les transfuges, la conduite de vos affaires est fort goûtée ici de tout le monde, mais très instruits des machinations persannes à votre égard, on vous approuve sans vous porter envie. A propos de Persans le sarhang Mehmet-Kouli est ici avec tout son train; il se dit pauvre, misérable, et voilà une pension sur le tapis. Les 400 familles, qui l'ont suivi seront domiciliées aux environs d'Elisabethpol. Ne voudriez vous pas m'écrire deux mots sur le compte de sa femme? — Partout où j'ai passé, les autorités locales furent par moi averties, que tout homme soit du Chah même, s'il arrive de l'étranger sans être muni d'un passeport, que vous aurez signé, doit subir un sévère examen sur les lieux, et restera détenu jusqu'à une nouvelle décision, qui vous sera demandée. C'est ainsi, que le commendant d'Elisabethpol, homme très intelligent l'a toujours entendu, mais il n'avait là dessus aucune instruction positive, dorénavant il m'a dit de ne vouloir pas procéder autrement. Cependant un individu a été saisi, portant des lettres de la part de Selim-khan à Mohileffsky; l'affaire me semblait devoir être éclaircie avant mon arrivée ici, car j'ai tardé 7 jours à Gandja, j'en ai parlé au général W<eliaminoff> et croiriez vous qu'il n'en sache rien? C'est le cas pourtant, je ne sais comment me l'expliquer. Hodja beg propriétaire (s'il y en a en Perse) entre Kasantché et notre frontière m'a envoyé complimenter par son fils, à mon passage le long de l'Alindja. Nous avons causé en persan, il se plaint de sa position, désirant passer sous le gouvernement russe. On se plaint néanmoins au Karabagh; ceux du

Chamchedil soupirent après l'Iran. Il n'y a que plainte de notre côté, comme du leur. Mais sur la frontière quelle réciprocité d'espionnage, de désertions! L'on fuit de là!! L'on s'enfuit de chez nous, et selon moi ce n'est que de Charybde en Scylla. Affreuse administration là comme ici sur ce que j'ai pu observer. J'aurai l'honneur de vous en entretenir à une époque plus favorable.

Quelques trois petits papiers m'ont été remis de ceux, que vous avez bien voulu m'adresser. Larin est venu me trouver à Choucha. Il a passé quatre jours sans manger, sans voir âme, qui vive, tâchant toujours de regagner mes traces à travers des forêts et des Alpes impraticables, enfin il fut attaqué, mais jeune et vigoureux, il mit hors de combat les trois scélérats, qui voulaient le garrotter. C'est ainsi, qu'après bien de calamités, il me rejoignit. Admirable bonne volonté! — Je vous remercie de ce que vous vous êtes prêté de si bonne grâce à ma demande pour les deux seuls personnages persans, qui n'ont pas mal agi avec moi. Patience, dites vous, Dieu vous la conserve Monsieur, sans elle point de salut à Tabriz. M. le Général W<eliaminoff> a succinctement conté la teneur de vos papiers, il paraît, que la cohue des barbus s'agite encore et aussi sotte comme à l'époque, à laquelle je m'en suis séparé. Persévérez à les cajoler et souffleter selon le besoin du moment. Du reste pardonnez moi ma rapsodie, à l'avenir je vous ferai mes rapports par provision, car je vois, qu'on n'est pas toujours maître d'écrire à point nommé.

C'est avec les sentiments de la plus parfaite soumission, que j'ai l'honneur d'être

Monsieur
votre très obéissant
Alexandre Griboyedoff.

№ 15.
6 octobre 1819. Tiflis.

C'est demain, que je m'achemine plus loin.

Ambourger vous présente ses respects; il désirerait fort revenir près de vous le plus promptement; mais la faculté s'y oppose. Vraiment je le trouve malade, la vertu des eaux ferrugineuses n'a pas été trop efficaces à l'amélioration de sa santé.

Перевод с французского:

Рапорт г<осподину> поверенному в делах России в Персии.

Милостивый Государь.

Только 2-го числа или, лучше сказать, в ночь на 3-ье я прибыл в Тифлис здоровым и был прекрасно принят начальством. Для меня намечается уже заря спо-

койствия, но нужно было говорить со многими лицами и снова говорить с ними относительно цели моей экспедиции сюда и о будущем моем путешествии. Я должен был привести в порядок для генерала Вельяминова подробный список людей, приведенных мною. Все это, естественно, мешало мне приняться за работу, чтобы довести до вашего сведения подробности моего похода, начиная с границы, медленность его должна казаться вам необъяснимой. Я сообщу вам обстоятельства этого похода в самом сжатом виде, чтобы не задерживать Папа-Меликса, которого отправляют к вам завтра.

Меня продержали один день в Сиссиане, 2 — в Гаруссе, 3 — в Шуше, откуда я съездил в Чиначи для личных переговоров с полковником Реутом, заменяющим Мадатова. Частые перерывы пути происходили из-за снабжения продовольствием. На том тракте, которым я следовал, не были предупреждены и не приготовились: то в лавках была только одна мука и нужно было несколько дней, чтобы испечь хлеб, то останавливались потому, что надо было смолоть зерно. Что поделаешь? Не то чтобы мне создавали затруднения — тут не было ничьей вины. Что касается мяса, капусты и пр<очего>, обозных лошадей, все это было на мой счет; тем не менее издержки не превысили 300 р<ублей>. Мои счета в порядке, и я жду только свободного времени, чтобы переписать их начисто и затем представить вам.

Из Шуши я поехал вперед до Елизаветполя, где меня задержали на 7 дней, прежде чем пришло приказание из Тифлиса отправить меня дальше. А здесь! Нечего говорить вам; деловые бумаги были посланы, из них видно, насколько приличия, законы и, наконец, причины очень важные противятся тому, чтобы было исполнено пунктуально торжественно данное мне вами обещание. Генерал Вельяминов делает все от него зависящее, чтобы на меня легло как можно меньше вины в глазах этих моих несчастных; однако перед 80-ью из них я все же буду виноват. Это очень горько, после стольких забот, стольких неприятностей, вынесенных ради единственной мысли, что это послужит их общему счастью. Однако с моей стороны было бы жестоко усиливать еще своими жалобами то огорчение, которое уже самый этот случай должен доставить вам, Милостивый Государь. Неудержимый порыв доброты заслонил тогда от вас неизбежные последствия, развертывающиеся теперь, и вот я оказался дураком и обманщиком!

Чтобы смягчить немного печальное впечатление, которое, я думаю, причинил вам, я скажу вам, Милостивый Государь, что относительно обязательств, заключенных с перебежчиками, ваша манера действовать была всеми очень одобрена, и так как тут прекрасно осведомлены насчет персидских козней против вас, то вас хвалят, но вам не завидуют. Что касается персов, то сарханг Мехмет-Кули находится здесь со всей свитой; он прикинулся бедным, несчастным, и вот вопрос о пенсии на очереди. Четыреста семей, которые последовали за ним, будут размещены в окрестностях Елизаветполя... Не напишете ли вы мне два слова по поводу его жены? Повсюду, где я проезжал, я уведомлял местные власти, что каждый человек, будь то сам Шах, если он переезжает нашу границу без подписанного вами паспорта, должен подвергнуться суровому допросу на месте и быть задержан до окончательного решения, о котором вам будет сделан запрос. Так именно всегда смотрел на дело Елизаветпольский комендант, человек очень разумный, но у него нет на этот счет никакой положительной инструкции; он мне сказывал, что отныне он иначе и не будет действовать. Между тем был схвачен человек с письмами от Селим-хана к Могилевскому; мне казалось, что дело должно было бы быть выяснено перед моим приездом сюда, потому что я задержался на 7 суток в Гандже; я говорил об этом генералу В<ельяминову>, и верите ли вы, что он ничего об этом не знает? Однако я не знаю, как мне истолковать этот случай. Ходжа-бек, землевладелец (если таковые есть в Персии) между Казанче и нашей границей, при моем проезде по Алиндже, послал своего сына приветствовать меня. Мы говорили по-персидски; он жаловался на свое по-

ложение и выразил желание перейти в русское подданство. Но жалуются в Карабаге, а в Шемшедиле мечтают о покровительстве Ирана. И с нашей, и с их стороны только и слышны жалобы. Но на границе какое обоюдное шпионство и дезертирство! Оттуда бегут!! Бегут и от нас, и, по-моему, это от Харибды к Сцилле. Там и здесь чиновники отвратительны, насколько я мог наблюдать. Я буду иметь честь беседовать с вами об этом в более удобное время.

Мною получены три небольшие бумаги из тех, что вы направили ко мне. Ларин пришел ко мне в Шушу. Он шел 4 дня без еды, не видя живой души, стараясь найти мои следы через леса и неприступные горы; наконец на него напали, но, молодой и сильный, он отбился от трех негодяев, которые хотели его связать. Таким образом после всех бедствий он присоединился ко мне. Удивительная сила воли. Благодарю вас за то, что вы были так внимательны к моей просьбе за двух единственных персов, которые не поступили со мной плохо. Терпение, скажете вы; да сохранит вам его Господь, Милостивый Государь, без него нет спасения в Тавризе. Г<осподин> генерал В<ельяминов> рассказал вкратце содержание ваших бумаг; кажется, что толпа бородачей еще волнуется и так же глупа, как и в те времена, когда я с ней расстался. Продолжайте ласкать их и кормить пощечинами, смотря по требованию момента. Впрочем, простите мне мою рапсодию; в будущем буду готовить вам доклады заблаговременно, потому что я вижу, что нельзя нигде располагать своим временем по желанию.

С чувством совершеннейшего уважения имею честь быть,

Милостивый Государь,

вашим покорным слугой.

Александр Грибоедов.

№ 15
6 октября 1819. Тифлис.

Завтра я отправляюсь дальше.

Амбургер свидетельствует вам свое почтение; он бы очень желал вернуться к вам возможно скорей, но силы этому препятствуют. Поистине я нахожу его больным; свойство железистых вод не оказалось настолько действенным, чтобы улучшить его здоровье.

П. А. КАТЕНИНУ

Февраль 1820. Тавриз

Тавриз. Февраля 1820 года.

Любезный Павел Александрович.

Я очень давно не писал к тебе. Не извиняюсь: потому что знаю, как это неизвинительно. — Прости, не пеняй в уважение прежней и, даст Бог, всегдашней нашей дружбы. Мне дали известие о смерти Дарьи Андревны. Кому не жаль матери! Но, может статься, ты уже утешен. До меня известия из России доходят, как лучи от Сириуса, через шесть лет; а потому не сообщу тебе своих размышлений, как бы я на твоем месте расположился в качестве помещика: ты, вероятно, давно уже зажил по-своему. Скажу об

моем быту. Вот год с несколькими днями, как я сел на лошадь, из Тифлиса пустился в Иран, секретарь бродящей Миссии. С тех пор не нахожу самого себя. Как это делается? Человек по 70-ти верст верхом скачет каждый день, весь день, разумеется, и скачет по два месяца сряду, под знойным персидским небом, по снегам в Кавказе, и промежутки отдохновения, недели две, много три, на одном месте! — И этот человек будто я? Положим однако, что еще я не совсем с ума сошел, различаю людей и предметы, между которыми движусь: прошедшим годом как я действовал и что со мною судьба сшутила, опишу коротко.

Весною мы прибыли в Тейран. Я не успел обозреться, только что раз поскитался в развалинах Рагов Мидийских, раза три в Каее-Каджаре, в Негаристане и в других окрестностях Фетали-шаховой столицы... жар выгнал нас в поле, на летнее кочевье в Султанейскую равнину, с Шааен-Шаа, Царем Царей и его Двором. Ах! Царь-Государь! Не по длинной бороде, а в прочем во всем точь-в-точь Ломоносова государыня Елисавет, дщерь Петрова. Да вообще, что за люди вокруг его! что за нравы! Когда-нибудь от меня услышишь, коли не прочтешь. Теперь слишком запущено. Начать их обрисовывать, хоть слегка, завлекло бы слишком далеко: в год чего не насмотришься! Из Султанеи мы в конце августа попали в Табрис. Не всё еще. Перед Султанеей в Абгаре ферсехов в двадцати по сю сторону от Казбина пожили несколько во время Рамазана, смотрели восточную трилогию: Страсти Господнего угодника Алия, слышали удары дланьми в перси, вопли: «Ва Гуссейн! О! Фатмé!» и пр. Я на это глядел, об тебе думал. В Ахенде (за переход от Римского мосту на Кизиль-Озане, в горах Кафланку) тоже на недолго остановились, с тем, что дальше ехать или на месте остановиться казалось одинаково скучным, но последнее менее тягостным.

Из Табриса, в начале сентября, я отправился в Чечню к Алексею Петровичу за новыми наставлениями. Нашел его, как прежде, необыкновенно умным, хотя недружелюбным. Он воюет, мы мир блюдем; если, однако, везде так мудро учреждены посольства от Императора, как наше здесь: полки его опаснее, чем умы его дипломатов. Я наконец опять в Табризе. Владетельный Шах-Заде-Наиб-Султан-Аббас-Мирза, при котором мы честь имеем находиться, и, в скобках сказать, великий мне недоброжелатель, вызвал из Лондона оружейных мастеров, шорников и всяких рабочих; сбирается заводить университеты. И у него есть министр духовных сил дервиш каймакам Мирза-Бюзюрк. Дайте нам Уварова. Ты видишь, что и здесь в умах потрясение. Землетрясение всего чаще. Хоть то хорошо, коли о здешнем

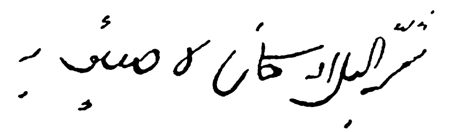
городе сказать: провались он совсем; так точно иной раз провалится.

Не воображай меня, однако, слишком жалким. К моей скуке я умел примешать разнообразие, распределил часы; скучаю попеременно то с Лугатом персидским, за который не принимался с сентября, то с деловыми бездельями, то в разговорах с товарищами. Веселость утрачена, не пишу стихов, может и творились бы, да читать некому, сотруженики не русские. О любезном моем фортепьяно, где оно, я совершенно неизвестен. Книги, посланные мною из Петербурга тем же путем, теряются. Довольно о себе. Вы как? Что происходит в вашем ученом и неученом мире? В мое время, если бы возможность была массу сведений наших литераторов, академиков, студиозов и профессоров разделить поровну нашим людям с *талантом*, вряд ли бы на каждого пришлось постольку, чем Ланкастер учит: читать и писать, и то плохо. Ты не в счету. Играют ли твою «Андромаху»? Напечатана ли? Как ее достать? Коли не ex dono Auctoris*, намекни по крайней мере, куда отнестись? Да, во всяком случае, пиши ко мне. Сколько я удовольствия лишаюсь от лени! Если бы любезные мне люди от меня имели письма, верно бы, отвечали. По крайней мере я люблю нежиться этим воображением.

Князю почтенному низко поклонись за отсутствующего. Не могу довольно порадоваться, что и он в числе тех, которые хотят, не хотят, а должны меня помнить. Часто бывали вместе. Славный человек! Кроткий, ласковый нрав, приятный ум, статура его, чтенье, сочинения, горячность в спорах об стопах и рифме, наш цензор всегдашний, и сам под цензурою у Катерины Ивановны... Не поверишь, как память обо всем этом мне весела в одиночестве! Жандрик мой как живет? в 1820-м году прежним ли святым молится? Об Чепягове ты мне писал. Скажи, кто бы думал, что его в чем ни есть Иону достанется заменить? Однако охота была нашему прозорливому другу петь свою Феогонию такому человеку, который богов знать не хочет? Чепягов и Чебышев! Не знаю, почему при этих схожих именах мне пришли два другие: Гейнзиус и Гревиус!

Прощай, дружески тебя обнимаю, крепко. Мой Шерасмин свидетельствует свое почтение...

Из всего надо пользу получать, и ты из моего письма научись чему-нибудь. Вот тебе арабский стих:

Шаруль-бело из кана ла садык **

NB. C'est un peu de l'instruction de la veille, car je ne sais pas encore un mot d'arabe, aussi vous n'aurez pas le vers traduit.***

---

* в подарок от автора (*лат.*).

** Шарру-л-билади маканун ла садика бихи: Худшая из стран — место, где нет друга (*араб.*).

*** Это немножко вчерашней учености; так как я еще не знаю ни слова по-арабски, то и вы не получите стиха в переводе (*франц.*).

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

Февраль 1820. Тавриз

Милостивый Государь Андрей Иванович!

Письмо ваше я уже давно получил, еще в Тифлисе, и только оттого позамедлил благодарить, что сперва хотел о Серебрякове посоветоваться с г. Мазаровичем. Нынче он об нем доносит начальству и между тем поручил мне вам свидетельствовать почтение и признательность за воспоминание в письме ко мне. Очень приятно не быть позабытым от того, кого уважаем. И потому без всяких дипломатических кудрявостей скажу, что для меня письмецо от вас хоть невелико, да дорого. Притом же знаю я, что по службе занятий у вас в Георгиевском много, а вечером бостон в употреблении. Тем похвальнее оторваться от такой деятельности и посвятить несколько минут прежнему спутнику. Мне досугу много, и наоборот должен бы писать вам целые листы; но из Персии о чем прикажете? Возвратимтесь в благополучное отечество, и будет о чем побеседовать, на словах или на письме.

Напомните обо мне Василию Захарьичу. По ком теперь изволит томиться? На днях читал я в Статистическом опыте о России, что в Кизляре есть много индейцев, но мы с ним (и с вами, в скобках сказано), кроме хорошенькой Ахвердовой, никого не заметили. Спешите в Тифлис, не поверите, что за роскошь! В клубе балы, и с масками. И я однажды очень неудачно принарядился, не успел войти в зал, все закричали, что *у Маркиза Б. шишка на лбу.*

Прощайте, почтеннейший Андрей Иванович, прошу не оставлять меня дружеским расположением, которое всегда с признательностию будет ценить

душою вам преданный

А. Грибоедов.

Февраля 1820
Табриз

P. S. Кстати или некстати, порадуйтесь моей радости. Я уже не тот бедный Ир, нищий, слуга Государю из хлеба, как прежде. Меня уведомляют, что состояние мое поправляется. Теперь при первом попутном ветре лечу. Лишь бы Алексей Петрович позволил поднять паруса... Опять буду независим.

Н. А. КАХОВСКОМУ

3 мая 1820. Табриз

Тавриз. 3 мая 1820.

Любезный Николай Александрович.

Благодарю за письмо с границы. Вы хорошо начали, дай вам Бог стойкость в воспоминании о приятелях покинутых, это будет необычайно. Между тем от души радуюсь, что вы сохранны переступили за межу восточных абдеритов. Персияне пугали вас вооружением, все не так страшно, как моя судьба жить с ними, и, может статься, многие дни! Как же вас возносили на неприступный status quo ad praesentum* и как

Полком окружали
Военных теней?
В присошках пищали,
Курки без кремней?
Как Ханы и Беки
Пролили вам реки
Хвалы круговой?
С преклонной главой
Ньюкеры и Дусты!
И головы их,
При шапках больших,
Под шапками пусты.

Этой порубежной фарсы недоставало, чтоб в мыслях ваших утвердить без того уже выгодное мнение, которое вы приобрели об их Иране. Бог с вами, однако; вы теперь дома или почти дома, с достойным Романом Ивановичем и с другими людьми вам приятными. А мы! я! Со всем тем не воображайте меня зарытым в книгах; это остается до будущего времени. С вашего отъезда я дом мой верх дном поставил, расширил, надстроил, пристроил, и, если бы вам воротиться, никак бы не узнали комнату где так усердно упражнялись в бостон и асонас. И даже игре смена. Теперь в моде vingt-un** с Алларом и Джибелли. Я выигрываю: Мазарович ругает, и еще больше, когда слышит, что маленькую

de la Fosse я непременно к себе беру. Резвая, милая! Воля Симона, добрейшего человека, но виноват ли я, что он ударился в набожность и мораль глубокую! Скука чего не творит? а я еще не поврежден в моем рассудке. Хочу веселости. Он мне промеж нравоучительных разговоров объясняет, что дом свой запрет, если я в новоселье сдружусь с любовью. Шутит! может, и дело говорит, но я верно знаю, что, если только залучу к себе мою радость, сам во двор к себе никого не пущу, и что вы думаете? На две недели по крайней мере запрусь... В ту самую пору, как к вам мое письмо дойдет, это, может, так и сбудется.

У Мазаровича завелся поп, каплан, колдун домашний, римский епископ, халдей, потомок Балтазара. Где этакого миссионера открыли? Шахзада подарил его поверенному, и братья Коэфоры причащаются. На днях мы хоронили Кастальди, от которого M<ada>me La Marinière овдовела, вот вам чин погребения, покойник был неаполитанец, католик. Отпевали его на халдейском языке. Духовный клир: несторияне, армяне, макарияне, манихейцы***, преадамиты, а плачевники, хоронильщики, зрители, полуравнодушные, полурастроганные, мы были и наши товарищи европейцы, французы, англичане, итальянцы, и какое же разнообразие вер и безверия! Прославленные греки, реформаторы, пресбитерияне, сунни и шиа! А всего-навсего лиц с двадцать! *Всякого зверя два, два*. Очень пестро, а право, не лгу. М<азарович> сочинил эпитафию по-латыни, я русскую:

Из стран Италии — отчизны
Рок недоведомый сюда его привел.
Скиталец, здесь искал он лучшей жизни…
Далёко от своих смерть близкую обрел!

Длинно и дурно, но чтоб не вычеркивать, заменю ее другою, в ней же заключается историческая истина:

Брыкнула лошадь вдруг, скользнула и упала —
И доктора Кастальдия не стало!

Желаете ли государственных вестей? Аббас-Мирза халат от отца получил, мы не ездили глазеть на эту помпу. Третьего дни на Фет-Али-хана петлю накинули, и уже фараши готовились затянуть, но пророчествующий в Магомете Пиш-Намаз спас будущего удавленника и укротил гнев Шахзады, который за то взбесился, что хлеб дорог. Скупщики всякого жита каймакам и визирь, а Фет-Али-хана давят. Фет-Али-хан в свою очередь, чтоб дешевле продавалась насущная пища, пошел всех бить на базаре, и именно тех, у которых ни ломтя нет хлеба. При таких обширных и мудрых мерах государственного хозяйства отдыхает наблюда-

тель, которому тошнит от их дел с нами, от наших с ними... резьба из вишневой косточки.

Разнесся слух о прибытии в Тифлис главнокомандующего. Шахзада нам объявил, и если не бредит, думал я, так это новое доказательство, что он об Тифлисе больше нас знает, правда, и мы лучше его смыслим о том, что в его собственном городе происходит, но утешенье ли? особенно для людей, которые различны языком, нравами, и физикою, и моралью. Все, однако, согласно уважают Алексея Петровича, а от него награда — пренебрежение! Слух подтвердился, и вы, умолча обо всем прочем, засвидетельствуйте мою преданность eo, qui Caucasei fastigia montis sua subjuga mittet****

Роману Ивановичу, Алексею Александровичу, Ивану Александровичу искреннее почтение, прочим по порядку тоже. Да вообще Кабардашке и другим придворным Генерала низкий поклон.

Прощайте, мой любезный Николай Александрович. Удоволил я ваше терпение, жду 2-го номера от вас, а от меня еще то ли будет? Не извиняюсь, но где же позволено предаваться шутливости, коли не в том краю, где ее порывы так редки. Мои сотруженики обнимают вас приятельски.

Покорнейший
А. Грибоедов.

---

* положение, существующее в данное время (*лат.*).
** двадцать одно (*франц.*).
*** В рукописи описка Грибоедова: махинейцы.
**** тому, кто поработил горные хребты Кавказа (*лат.*).

Н. А. КАХОВСКОМУ
25 июня 1820. Табриз

Тавриз. 25 июня 1820.

Жду не дождусь письма от вас. Что вы мне такое намекнули об отъезде в Петербург? Как это? Когда? Официально? Или по догадке вашей? Выведите из сомнения, любезный Николай Александрович. Либо воскресите, либо добейте умирающего. Еще слушайте кое-что: было время, обольстил меня добрейший Роман Иванович, и я в Андреевской просил у главнокомандующего быть переведенным в Тифлис судьею или учителем. Коли вздумают опечалить меня исполнением этой отчаянной просьбы и

зайдет речь об этом, вы уж как-нибудь отвратите от меня грозу: потому что я ни за сокровища Оранг-Зеба, нигде и никогда, ввек не жилец более по сю сторону Кавказа.

Lindsay и Mackintosch сперва много писали доброго о Грузии, потом жаловались на полицейский присмотр за ними. Мне непонятно, либо это собственно их неосновательное замечание, либо в самом деле неловкая шутка полицеймейстера. Кому два англичанина опасны? Они же разобиженные расстались с Персией. Что касается до политических разведок, так для этого нет нужды Аббасу отряжать европейцев: по большей части тифлисцы сами продали свои души персиянам. Кажется, нам должны быть выгодны посещения людей денежных, и честь делает нынешнему управлению такой землею, которая оглашена была непроходимою от лезгинских ножей, а ныне Монтис говорит, что его соотечественники без числа покушаются туда путешествовать.

Как жаль, однако, что вас теперь нет здесь. Мазарович отстроил Palais de Russie* великолепнейший. Мой домик, кабы не колебался так часто от землетрясений, загляденье на Востоке. И каких бы вы женщин у меня нашли! Именно не одну, а многих, и одна прелестнее другой. Кто бы это предвидел месяца два тому назад! Пути любви неисповедимы.

Прощайте, любезный мой; не взыщите на скоропись и недостаток склада. Болен я жестоко и пишу с удивительным напряжением тела и души.

Алексею Александровичу мое почтение скажите.

Вам преданный и покорнейший

А. Грибоедов.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Николаю Александровичу Каховскому

* Русский дворец (*франц.*).

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

25 июня 1820. Табриз

Милостивый Государь,
любезнейший Андрей Иванович.

Где вы теперь? В последнем письме вашем, которому я обязан превеселыми минутами, вы у Поля в клубе людей искали. Перед кем потушили фонарь? Скажите искренно. Или ваш поиск намерены перенести в Петербург? Что главнокомандующий намерен делать, я не спрашиваю: потому что он Сфинкс новейших перемен. Вы не поверите, как здесь двусмысленно наше положение. От Алексея Петровича целый год разу не узнаем, где его пребывание и каким оком он с высоты смотрит на дольную нашу деятельность. А в блуждалище персидских неправд и бессмыслицы едва лепится политическое существование Симона Мазаровича и его крестоносцев. Что за жизнь! В первый раз отроду вздумал подшутить, отведать статской службы. В огонь бы лучше бросился Нерчинских заводов и взываю с Иовом. Да погибнет день, в который я облекся мундиром Иностранной Коллегии, и утро, в которое рекли: Се Титулярный Советник. День тот да не взыщет его Господь свыше, ниже да приидет на него свет, но да приимет его тьма, и сень смертная, и сумрак. — Об моих делах ни слова более, не губить же мне вас моею скукою. Про ваш быт желал бы знать.

Отчего на генералов у вас безвременье? Один с ума сошел (Эристов). Другой (Пузыревский) пал от изменнической руки; Ахвердов от рук мирных, благодетельных, докторских, жаль его семейства, племянница в Кизляре всех жалчее.

Отчего великий ваш генерал махнул рукою на нас жалких и ниже одним чином не хочет вперед толкнуть на пространном поле государевой службы? Что бы сказал он с своим дарованием, кабы век оставался капитаном артиллерии? Я хотя не осмелил еще моего мнения до того, чтобы с ним смеряться в способностях, но, право, дороже стую моего звания.

Вероятно, что на мои вопросы ответу от вас не получу, ну так хотя о чем-нибудь о другом, только не забудьте: отпишите и заставьте себя любить более и более.

Вам преданный
А. Грибоедов.

Тавриз. 25-го июня 1820.

P. S. Семен Иванович несколько раз просил меня вам изъяснить постоянные его к вам чувства дружества и уважения, но он

же виноват, коли я этого до сих пор не исполнил. В тот раз при отправлении курьера не дал времени ни с кем письмами побеседовать.

Н. А. КАХОВСКОМУ

19 октября 1820. Табриз

Тавриз. 19 октября 1820.

Поздравляю вас с наступающим октябрем, любезнейший Николай Александрович, с тем самым октябрем, который, по вашим словам, должен свести нас в Тифлисе. Следовательно, для меня праздник. Не суетно ли ваше предсказание? Хоть неправда, да отрада. Валет мой скажет вам, как я живу без Мазаровича: денег нет, ума нет.

Много благодарю вас за ваше письмо. Его привез мне политического свойства армянин Казар, глупейшее созданье, какое только есть в двух союзных государствах! Пишите мне о Мирзе-Массуде, как его главнокомандующий принял. Если велит его побить, так это много наши дела в Персии поправит.

В ваших вестях упоминается о будущей свадьбе. Поздравляю Коцебу, а не Елену Романовну! Стало быть, покойник Август фон Коцебу породнится с Романом Ивановичем и с Алексеем Петровичем! Следовательно, в Тифлисе нельзя будет откровенно говорить об его литературном пачканье? Нет нигде уже в Русском Царстве свободы мнения! Прощайте. Завтра чем свет Амлих мой окажет курьерскую свою борзость. Ложусь спать.

Верный вам
Грибоедов.

Алексею Александровичу засвидетельствуйте чувство глубочайшего и пр. *Секретно* от Романа Ивановича, которому скажите мое искреннее почтение.

Адрес:

Его Высокоблагородию
М<илостивому> Государю
Николаю Александровичу
Каховскому
в Тифлис
Ордена Св<ятой> Равноапостольной Княгини
преблагонравной мученицы Анны
3-й степ<ени> Кавалеру.

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

24 октября 1820. Табриз

Милостивый Государь Андрей Иванович.

Я в шутку писал вам о своих делах. Вы в них приняли участие с дружескою заботливостью. Умею ли я это ценить, Бог даст, увидите со временем, не век мне быть в Персии, а вам в Грузии, сойдемся в отечестве, где и мне статься может случай будет служить вам, сколько истинно желаю. До тех пор все-таки я у вас в долгу, и мало этого: прошу от вас еще одолжения. Отправляется в Тифлис наш Шамир Бегляров, чтобы кое-как склеить дела совершенно расстроенные. Не нужно мне его поручать в вашу благосклонность, он сам имеет честь вам быть лично знакомым. Однако натерпевшись в Персии вместе со мною, получил полное право на мое ходатайство при всяком, кто мне добра желает, следовательно, при вас особенно, чтобы вы в делах ему покровительствовали, послужили бы ему сильною защитою против недоброохотов, из которых, как вам известно, первый П. И. М<огилевский> к нему не благоволит. Он снабжен письмами к высоким властям. У вас немало власти, употребите ее во благо нашему товарищу, Бог воздаст вам.

Простите, что мало пишу: по обыкновению дотянул до последней минуты, ни в чем не успеваю. Зато в другой раз подробнее побеседую, и коли наскучу — на себя пеняйте. Зачем ласковым ответом поощряете на болтовство.

Сергею Александровичу Наумову скажите мое почтение, естли он еще обо мне помнит.

С чувством отличного почтения и преданности,

Милостивый Государь,
ваш покорнейший
А. Грибоедов.

24-го октября 1820.
Тавриз

Адрес:

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Андрею Ивановичу
Рыхлевскому
Г<осподи>ну правителю особой канцелярии
Главноуправляющего в Грузии.

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ
3 ноября 1820. Табриз

Милостивый Государь Андрей Иванович.

Неделю или немногим более назад писано мною было вам по оказии с отъезжающим в Тифлис для поправки дел расстроенных наших Шамиром Бегляровым, коего я поручал благосклонности вашей, распространяемой особливо вами и на меня: чтобы вы сильною защитою ему в сих делах, вам известных, стали противу недоброохотов наших, из коих первым считаю П. И. М<огилевского>. Пользуясь ныне срочною отправкою в Тифлис, решил я поделиться с вами мыслию моею, пришедшей ко мне уже после отъезда Беглярова, кою, надеюсь, примете вы снисходительно, — а именно: минуя всяческие пути окольные, обратиться с ходатайством и правдивым повествованием о всех мытарствах и несчастиях наших к самой высокой особе, но, впрочем, полагаюсь вполне на усмотрение ваше, ибо вам, человеку ближнему, виднее, как лучше поступать в сем деле нашем. За умолчание о себе не пеняйте очень, ибо я и вообще не охоч делами своими другим, хотя бы и друзьям близким, докучать, а по здешней суматошной жизни ныне и вовсе обленился писать. Вот когда увидимся — наговоримся полною мерою и по душам, а пока порадуйте меня ласковым ответом своим.

С отличной преданностью остаюсь,

Милостивый Государь,

ваш покорнейший

А. Грибоедов.

Тавриз.
3 ноября 1820 г.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
г<осподи>ну правителю особой канцелярии
Главноуправляющего в Грузии
Милостивому Государю
Андрею Ивановичу Рыхлевскому
в Тифлис.

НЕИЗВЕСТНОЙ

17 ноября 1820. Табриз

1820.
Тавриз — 17 Ноября — час пополуночи.

Вхожу в дом, в нем праздничный вечер; я в этом доме не бывал прежде. Хозяин и хозяйка, Поль с женою, меня принимают в двери. Пробегаю первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Попадаются многие лица, одно как будто моего дяди, другие тоже знакомые; дохожу до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором, вы там же сидели в углу, наклонившись к кому-то, шептали, и ваша возле вас. Необыкновенно приятное чувство и не новое, а по воспоминанию мелькнуло во мне, я повернулся и еще куда-то пошел, где-то был, воротился, вы из той же комнаты выходите ко мне навстречу. Первое ваше слово: вы ли это, А<лександр> С<ергеевич>? Как переменились! Узнать нельзя. Пойдемте со мною, увлекли далеко от посторонних в уединенную, длинную боковую комнату, к широкому окошку, головой приклонились к моей щеке, щека у меня разгорелась, и подивитесь! вам труда стоило, нагибались, чтобы коснуться моего лица, а я, кажется, всегда был выше вас гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудьте.

Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? — Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет — вы досадовали. — Дайте мне обещание, что напишете. Что же вам угодно? — Сами знаете. — Когда же должно быть готово? — Через год непременно. — Обязываюсь. — Через год, клятву дайте. — И я дал ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек, в близком от нас расстоянии, но которого я, давно слепой, недовидел, внятно произнес эти слова: ...Лень губит всякий талант... А вы, обернясь к человеку: посмотрите, кто здесь?.. Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился мне на шею... дружески меня душит... Катенин!.. Я пробудился. —

Хотелось опять позабыться тем же приятным сном. Не мог. Встав, вышел освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной Персии! Муэдзин с высоты минара звонким голосом возвещал ранний час молитвы (по полуночи), ему вторили по полуночи со всех мечетей, наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла мое беспамятство, затеплил свечку в моей храмине, сажусь писать и живо помню мое обещание; *во сне дано, наяву исполнится.* —

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ (?)

Ноябрь 1820. Табриз

Табриз.

Les connaissances que je possède se réduisent à celles des langues: slavone et russe; latine, française, anglaise, allemande. Durant ma station en Perse je me suis appliqué au persan et à l'arabe. Mais c'est encore peu de chose pour quiconque veut être utile à la société, que d'avoir plusieurs mots pour une idée, comme dit Rivarol, plus on a de lumières, mieux on sert son pays. C'est pour avoir le moyen de les acquérir, que je demande mon congé ou mon rappel d'un triste royaume, où loin d'apprendre quelque chose, on perd même le souvenir de ce qu'on savait. J'ai préféré vous dire la vérité au lieu d'alléguer une santé ou une fortune dérangée, lieux communs, auxquels personne ne croit.

Перевод с французского:

Знания, которыми я обладаю, сводятся к владению языками: славянским и русским; латинским, французским, английским, немецким. В бытность мою в Персии изучал я персидский и арабский. Но для того, кто хочет быть полезен обществу, еще весьма недостаточно иметь несколько разных слов для обозначения одной идеи, как говорит Ривароль; чем больше имеешь знаний, тем лучше можешь служить своему отечеству. Именно для того, чтобы получить возможность их приобрести, я и прошу отставки или отозвания меня из унылой страны, где не только нельзя чему-либо научиться, но забываешь и то, что знал прежде. Я предпочел сказать вам правду, вместо того чтобы выставлять предлогом нездоровье или расстройство состояния, общие места, которым никто не верит.

Н. А. КАХОВСКОМУ

27 декабря 1820. Табриз

Тавриз. 27 декабря.

Итак, вы в негодовании на меня, любезный Николай Александрович, за упрямство, с которым я как будто присягнул не писать вам, так мне Шамир говорит. Непонятный человек, я бы на вашем месте радовался, что унялись скучать вам своею скукою: потому что во всех моих письмах одно и то же, как вчера, так и нынче! Процветаем в пустыне, оброшенные людьми и Богом отверженные. — Пришлите к нам Шамира скорее, авось оживит нас несколько, или нет! пусть его веселится, женится, песни поет: одним счастливцем больше на свете.

Продолжение впредь с Канумом, который через три дня отправляется.

<Далее следует персидская надпись, возможно недописанная: Сепарта башид>.*

Вложенный здесь конверт возьмите на себя труд передать Роману Ивановичу, челом бью о пересылке по адресу.

Sérieusement, il y a quelque chose qui m'empêche de vous continuer ma présente, mais vous serez pleinement compensé par l'ennui que je m'apprête à vous causer avec une épitre longue de dix aunes**.

Попросите Романа Ивановича в скором времени переслать мой конверт матушке, потому что мне оно очень важно. Дружески вас обнимаю и прошу не сердиться.

---

* Сепарта башид — будьте счастливы, будьте благословенны (*перс.*).

** Серьезно, есть нечто, мешающее мне продолжать это письмо, но вы будете сполна вознаграждены скукой, которую я собираюсь вам доставить посланием в десять аршин (*франц.*).

Т. ЭТЬЕ

Январь 1821. Табриз

Cher ami.

Faites-moi amitié de me tailler quelques plumes, fines.

Votre très dévoué
Griboyedoff

Janvier 1821

А д р е с:

A m<onsieu>r le commandant du 1-er de Marande
et du 42-e B<attaillon>
du Nah<itchevan>
Sertipe Hettier

П е р е в о д   с   ф р а н ц у з с к о г о:

Будьте добры очинить мне несколько перьев потоньше.

Преданный вам
Грибоедов.

Январь 1821

А д р е с:

Г<осподину> командиру 1-го Марандского
и 42-го Б<атальона>
Нах<ичеванского>
Сартипу Этье

Т. ЭТЬЕ

14 августа 1821

Cher ami.

Prêtez-moi je vous prie votre Gulistan pour un petit instant.

Votre très dévoué
Griboyedoff.

Перевод с французского:

Дорогой друг.
Пожалуйста, одолжите мне ненадолго ваш Гюлистан.

Преданный вам
Грибоедов.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

1 октября 1822 — январь 1823. Тифлис

Тифлис. 1 октября 1822.

Любезный Вильгельм! Пеняй на мою лень и прав будешь. Дивлюсь, коли сохранил ты ко мне хотя искру любви, признаю себя совершенно недостойным. Сколько времени утекло! сколько всего накопилось! Сперва знай, что письмо из Харькова, об котором ты упоминаешь, до меня не дошло, следовательно, благодарю не читавши.

Из последнего, от 22-го августа, вижу, что у тебя опять голова кругом пошла. На которую наметил неудачно? Назови. А я, в отраду, научу тебя преданию из книги, прежде всех век изданной; Эрут и Мерут были два ангела, ниспосланные Богом для отвращения человеков от соблазнов любви. Тогда же долу спустилась планета Венера (زهره)* в лице жены прелестной. Послы Господни ее увидели, смутились в сердцах своих, к ней прилепились всею силою чувства... как вдруг взвилась она высоко от желателей и восприяла свое место в телах небесных. Два ангела — вслед за нею, но охватили мрак и пустоту. Вымысел стоит Иксионова, а тебе дано их обоих оправдать своими опытами.

Согласись, мой друг, что, утративши теплое место в Тифлисе, где мы обогревали тебя дружбою, как умели, ты многого лишился, для своего спокойствия. По крайней мере, здесь не столько было искушений: женщины у нас, коли поблаговиднее, укрыты плотностию чадера, а наших одноземок природа не вооружила

черными волшебствами, которые души губят: любезностию и красотою. Ей-Богу, тебе здесь хорошо было для себя. А для меня?.. Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое или чужое, а людям — ничего; некому. Кабы мог я предложить тебе нельстивые надежды, силою бы вызвал обратно. Этому не сбыться; хочешь ли покуда слышать о приятелях обоего пола?

Гр<аф> Симонич женился на хорошенькой княгине Анне Атаровне. Грека, рыцаря промышленности, выгнали от *Ахвердовых*, и я при этом остракизме был очень деятелен.

Генеральша *Крабе* по-прежнему родит детей, как печатает. Умерли: Наум<ов>, Юргенсон и Митшхарбаш Бебутов, Шпренгель etc., etc.

Только что было расписался, повестили мне об отъезде с г<осподином> Клендс в Кахетию; это третье путешествие с тех пор, как мы расстались…

Январь <1>823 г.

И сколько раз потом я еще куда-то ездил. Целые месяцы прошли или, лучше сказать, протянулись в мучительной долготе. Оставляю начатые строки в свидетельство, что не теперь только ты присутствен в моих мыслях.

Однако, куда девалось то, что мне душу наполняло какою-то спокойною ясностию, когда, напитанный древними сказаниями, я терялся в развалинах Берд, Шамхора и в памятниках арабов в Шемахе? Это было во время рамазана, и после, с тех пор, налегла на меня необъяснимая мрачность. А<лексей> П<етрович> смеялся; другие — тоже, и напрасно. Пожалей обо мне, добрый мой друг! помяни *Амлиха*, верного моего спутника в течение 15-ти лет. Его уже нет на свете. Потом Щербаков приехал из Персии и страдал на руках у меня; вышел я на несколько часов, вернулся: его уже в гроб клали. Кого еще скосит смерть из приятелей и знакомых? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus**, которую прошлого года зимний холод остановил на нашей границе. Трезвые умы — Коцебу, например, — обвиняют меня в малодушии, как будто сам я боюсь в землю лечь — других жаль сторично пуще себя! Ах, эти избалованные дети тучности и пищеварения, которые заботятся только о разогретых кастрюльках etc., etc. Переселил бы я их в сокровенность моей души: для нее ничего нет чужого, — страдает болезнию ближнего, кипит при слухе о чьем-нибудь бедствии; чтоб раз потрясло их сильно, не от одних только собственных зол!

Сокращу печальные мои выходки; а все легче, когда этак распишешься!

Объявляю тебе отъезд мой за тридевять земель, словно на мне отягчело пророчество: *И будет ти всякое место в предвижение.*

Пиши ко мне в Москву, на Новинской площади, в мой дом. А там авось ли еще хуже будет. Давеча, например, приносили шубы на выбор: я, года четыре, совсем позабыл о них. Но как же без того отважиться в любезное Отечество! Тяжелые. Плечи к земле гнетут. Точно трупы запахом заражают комнату всякие лисицы, чекалки, волки... И вот первый искус желающим в Россию: надобно непременно растерзать зверя и окутаться его кожею, чтоб потом роскошно черпать отечественный студеный воздух!

Прощай, мой друг.

---

* Зохрс (планета Венера) (*перс.*).
** холера (*лат.*).

Ю. К. ГЛИНКЕ

26 января 1823. Тифлис

Teflis, 26 janv<ier> 1823.

Madame. Après avoir tardé un temps infini de répondre à l'obligeante lettre que vous avez bien voulu m'adresser, j'ai beau me creuser le cerveau pour inventer un biais, qui disculpât tant soit peu mon manque de procédé, vous n'en seriez pas dupe. Mais, Madame, veuillez songer aux distances d'abord qui nous séparent, des fréquents voyages qui m'ont absorbé les cinq sixièmes de mon séjour dans ce pays, là-dessus les plis de ceux qui me vouèrent quelque souvenir, languissant au bureau de poste un siècle avant que je puisse en accuser la réception. En tout ce qui me rassure, c'est la parfaite connaissance que possède mon ami et le vôtre de ce qui me caractérise personnellement. Il doit vous avoir prévenu que dans toutes mes déviations habituelles des usages et convenances ce n'est jamais mon cœur, ni un défaut de sentiment sur lesquels la faute doit être rejetée sans appel.

En recours à votre indulgence pour ce qui me regarde, je m'en vais vous entretenir un peu d'un homme qui vaut mieux que moi sous tous les rapports, qui vous est bien cher et qui me l'est également. Que fait-il notre bon Guillaume? en butte à une mauvaise fortune avant qu'il ait pu jouir de ce peu d'agrément réel que nous offre la société, tracassé et mésentendu des hommes, tandis qu'il se livre à tout venant avec un abandon de franchise, de cordialité et d'amour... cela ne

devrait-il pas lui attirer une bienveillance générale? Toujours craignant d'être à charge aux autres et ne l'étant qu'à sa propre sensibilité. Je le présume maintenant avec vous (à la campagne, au gouvernement de Smolensk) entouré d'aimables parents. Qui l'aurait dit, il y a une demi-année, que je finirai par lui envier jusqu'à l'inclémence de son étoile! Ah! si une partie de malheur est de quelque soulagement pour les malheureux, répétez-lui, Madame, que tel qu'il m'a connu ici — insouciant, joyeux et même folâtre, aujourd'hui je me pèse à moi-même, isolé au milieu d'une population qui m'est parfaitement indifférente; encore quelques jours, et je vais abandonner cette ville, l'ennui et le dégoût qui m'y persécutent, pour les aller trouver ailleurs peut-être. Dites-lui qu'un autre nom est venu se placer à coté du sien sur la liste des proscrits, victimes de l'injustice humaine, K<atenine>, un des amis dont le souvenir prêtait encore des charmes à mon pays, quand je songeais à y retourner un jour. Guillaume le connaît, il saura de qui il s'agit. Engagez votre excellent frère de se résigner, de considérer nos maux comme un creuset pour le moral, d'où nous sortirons moins agités, plus froids, munis d'une petite morgue bien imposante, comme si l'on avait prospéré toute sa vie; et si le sort accorde un répit au terme de nos jours: une caducité quinteuse, une toux sèche et des éternelles redites à l'édification de la jeunesse, — voilà le bon port, où chacun arrive après tout, moi comme Guillaume, comme les heureux du jour.

Mais pardon, Madame, de vous épisodier ma lettre par un épanchement de mélancolie que j'aurais pu vous sauver: mon intention en prenant la plume était uniquement de me soulager par un sincère aveu du tort que je me sens avoir envers vous et que je ne cesse de me reprocher.

Agréez l'assurance des sentiments de la plus parfaite considération etc., etc.

Перевод с французского:

Тифлис. 26 янв<аря> 1823.

Милостивая Государыня. Бесконечно задержавшись с ответом на любезное письмо, которое вы соблаговолили мне прислать, напрасно стал бы я ломать себе голову, выдумывая какой-нибудь предлог, который хоть немного оправдал бы мою неучтивость, вы все равно им не были бы обмануты. Но, сударыня, подумайте, во-первых, о расстоянии, нас разделяющем, о частых разъездах, поглощающих пять шестых времени моего пребывания в этом краю; к тому ж еще письма всех тех, кто меня не забывает, век целый томятся на почте, прежде чем доходят до меня. Одно меня успокаивает — что мой и вместе ваш друг отлично знает особенности, моему характеру свойственные. Он, должно быть, вас предупредил, что во всех постоянных моих уклонениях от обычаев и условностей никак нельзя винить ни сердце мое, ни недостаток чувства.

Прибегая к снисходительности вашей в том, что до меня касается, хочу побеседовать с вами немного о человеке, который лучше меня во всех отношениях и который так дорог вам, равно как и мне. Что поделывает любезный наш Вильгельм? Преследуемый несчастьем, прежде чем успел он насладиться теми немногими действительными удовольствиями, которые дает нам общество, гонимый и непонятый людьми, в то время как сам он всякому встречному вверяется со всей прямотой, сердечностью и любовью... разве не должно бы все это привлечь к нему общую доброжелательность? Всегда боящийся быть в тягость другим и отягощающий лишь свою собственную чувствительность. Предполагаю, что теперь он вместе с вами (в деревне, в Смоленской губернии), окруженный любезными родственниками. Кто бы сказал полгода назад, что я буду ему завидовать, вплоть до неблагосклонной звезды его! Ах! Если причастность к несчастью приносит какое-то облегчение несчастливцам, передайте ему, сударыня, что тот, кого он знал прежде — беззаботным, веселым, даже резвым, ныне стал в тягость себе самому, одинок совершенно среди людей, полностью мне безразличных; еще несколько дней, и я покину этот город и ту скуку и отвращение, которые здесь меня преследуют, чтобы, может статься, найти их снова в другом месте. Скажите ему, что еще одно имя добавилось к его имени в списке изгнанников, жертв несправедливости человеческой, имя К<атенина>, одного из друзей, воспоминание о котором придавало еще прелесть родной стороне, когда я думал о своем возвращении — Вильгельм знает его и поймет, о ком идет речь. Убеждайте превосходнейшего вашего брата примириться с судьбой и смотреть на наши несчастия как на горнило нравственное, из которого мы выйдем менее пылкими, более хладнокровными, приобретшими несколько внушительности, как если бы мы всю жизнь свою благоденствовали; и если судьба отсрочит конец наших дней, раздражительная старость, сухой кашель и вечно повторяемые наставления юношеству — вот та тихая гавань, куда в конце концов всякий приходит, и я, и Вильгельм, и счастливцы сих дней.

Простите, сударыня, что я растянул письмо мое меланхолическими излияниями, от которых мог бы вас избавить. Намерение мое, взявшись за перо, единственно было облегчить свою совесть искренним признанием вины, которую я перед вами чувствую и в которой не перестаю себя упрекать.

Примите уверения в чувствах совершеннейшего к вам почтения и проч., и проч.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

26 января 1823. Тифлис

Тифлис. 26 января 1823 г.

Милостивый Государь Николай Николаевич.

Я уже укладываюсь. Фортепияно к вашим услугам. Назначьте мне, кому я должен буду сдать их с рук на руки: тогда бы без дальних отлагательств мог я запечатать свою квартиру и отправиться.

Прощайте, командуйте счастливо, наигрывайте шумные каденцы, пользуйтесь благорастворением климата и не забывайте

вам преданного

А. Грибоедова.

П. Н. ЕРМОЛОВУ

15 февраля 1823. Тифлис

Cher Colonel.

Je vous écris ce peu de mots, d'abord pour vous apprendre que je suis encore à Teflis, ce qui est bien loin de Moscou. Du reste mes apprêts de voyage sont raisonnablement faits aujourd'hui même je viens d'encoffrer mon piano, vendu à Mouravief, on aurait dit que je déposais un ami au cercueil à tel point je me sentais le cœur serré. Mes livres sont déjà emballés, pour m'être envoyés, si en tout cas je ne revenais pas. Là dessus il n'y a plus à attendre, une bonne heure, de bonne augure, celle-là même qui était d'un si haut intérêt pour un Romain, et qui l'est encore à nous autres Orientaux, et puis... l'on part.

Adieu, mon très chéri et très estimable ami, certes vous entrez pour beaucoup dans la tristesse, que je sens, en quittant ce pays. Souvenirs de franchise, de cette attrayante bonté de coeur, qui vous caractérise; durant votre maladie les veilles fréquentes, quand nous jasions en deux en toute conscience, vous en souvenez-vous? lors de mon retour de la Perse? Et les jours de calme et de bonheur à Mouchravane toutes les fois que je venais vous voir. Enfin je ne sais... mais c'est qu'au moment que je vous écris je pleure comme un enfant.

Adieu, encore une fois, et de plus une vive sollicitation d'acquiescer à ce que je m'en vais vous dire.

Gibelli est à la veille de perdre la vue. Vous sentez tout l'horreur de sa position, si cela lui arrivait. Mon ami, dans le temps, que vous alliez au Karabagh vous me promîtes vos bons offices en tout ce qui pourrait lui être utile. Maintenant qu'il s'agit de produire en ferme les biens immeubles de Mehti-Kouli-Khan, veuillez mettre Gibelli sur la liste des plus offrants pour le jardin ou pour un ou deux villages du khan près de Shouscha. Sitôt remis de sa maladie, soit borne, soit aveugle, il reviendrait là haut avec tel titre de sûreté, qu'on exigerait de lui pour le bail, que vous auriez eu la bonté de lui résérver. Je ne doute pas de la réussite de cette affaire en tant que cela dépend de vous, sinon! Dieu! qui est ce qui compatirait à son sort! Ce ne serait certainement pas Madatof.

Adieu. Je vous embrasse en frère.

Votre très dévoué

Gribayedof.

15 Fev<rier>
Teflis.

Перевод с французского:

Любезный полковник.

Пишу вам несколько строк, во-первых, чтобы вам сообщить, что я еще в Тифлисе, что от Москвы весьма далеко. Впрочем, дорожные мои приготовления все благоразумно уже закончены; сегодня как раз я только что упаковал в ящик свое фортепиано, проданное Муравьеву; можно было подумать, что я друга в

гроб укладывал, так у меня теснилось сердце. Книги мои тоже уже упакованы, чтобы их можно было мне послать в случае, если я не возвращусь. За сим нечего уже более ожидать; добрый час, хорошая примета, что такую важность имело для римлян и еще и теперь для нас, восточных людей, — и затем — в дорогу.

Прощайте, мой любезнейший и почтеннейший друг, вы, конечно, во многом являетесь причиною грусти, которую я чувствую, покидая эту страну. Воспоминания о чистосердечии, о пленительной доброте душевной, которая так вам свойственна; частые наши бдения ночные, во время вашей болезни, когда мы вдвоем болтали с полной откровенностию, помните ли вы их? Когда я вернулся из Персии? А мирные и счастливые дни в Мушраване каждый раз, когда я к вам приезжал? Наконец, не знаю что... но сейчас, когда пишу вам, плачу, как ребенок.

Прощайте еще раз — и большая просьба к вам согласиться на то, что я сейчас вам изложу.

Джибелли накануне потери зрения. Вы понимаете весь ужас его положения, если это с ним случится. Друг мой, в свое время, когда вы ехали в Карабаг, вы обещали мне услуги ваши во всем, что ему может быть полезным. Нынче, когда собираются сдать в аренду недвижимое имущество Мехти-Кули-Хана, соблаговолите внести Джибелли в список тех, кто предлагает больше за сад или одну-две деревни хана около Шуши. Как только он оправится от болезни, даже кривой или ослепший, он смог бы вернуться в горы со всеми гарантиями, которые потребовались бы от него для аренды, которую вы были б добры за ним оставить. Не сомневаюсь в успехе этого дела, коль скоро это будет зависеть от вас, — если ж нет, Боже, кто сжалится над судьбой его, — конечно уж, не Мадатов.

Прощайте. Братски обнимаю вас.

Преданный вам
А. Грибоедов.

15 фев<раля>. Тифлис.

Адрес:
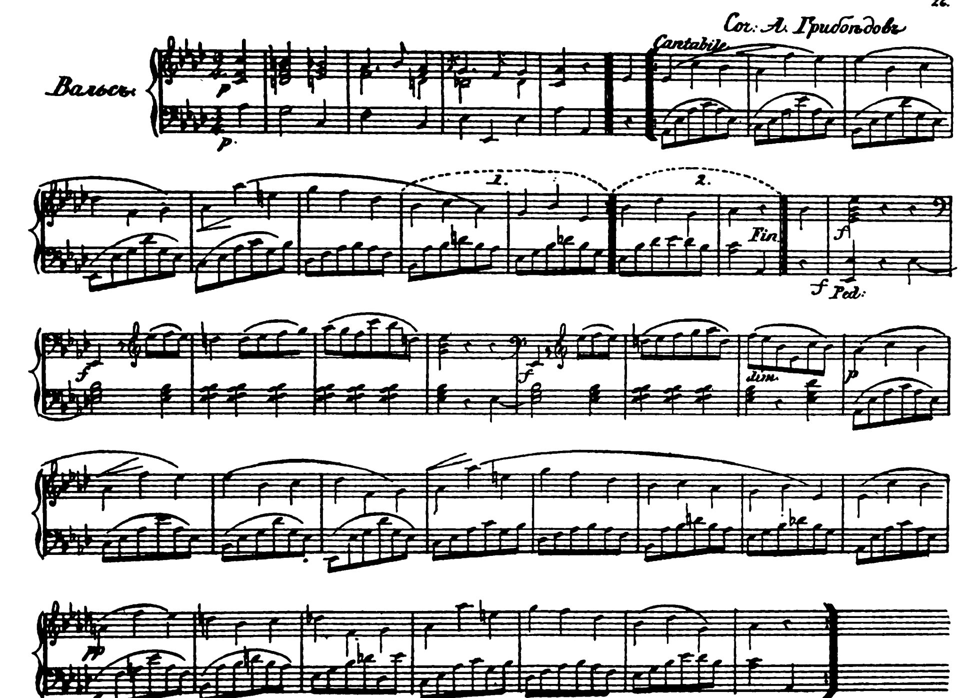
Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Петру Николаевичу
Ермолову.
Г<осподину>ну полковнику
в Шушу.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

16 февраля 1823. Тифлис

Милостивый Государь, Николай Николаевич.

Фортепиано уложено как можно бережливее и снесено в назначенный вами дом к к. Бебутову; от которого деньги, две тысячи сто рублей ассигнациями, мною сполна получены. Поступаю с вами немножко по-жидовски, причитаю сто рублей за ящик, столько <мною>* самим заплачено. Впрочем, судя по готовности, с которою вы предлагали мне взять на ваш счет перевозку нового

Вальс А. С. Грибоедова As-dur

для меня инструмента из Петербурга, я полагаю, что вы не примете к сердцу этой малозначущей прибавки. Я же, с моей стороны, должен радоваться, что досталось фортепиано отлично хорошее человеку с талантом музыкальным и любителю искусства, который будет знать им цену и вспомянет иногда обо мне с признательностью.

Прощайте надолго.

Ваш усерднейший
А. Грибоедов.

16-го февраля.

P. S. Сукно, которым я обложил внутренность ящика, снято мною с полу комнатного, вы пожалуйте прикажите возвратить его на мою квартиру; г<осподин> Бебутов знает, кому именно.

Да лучше и премудрее вы поступите, если выпишете к себе в Башкечет того же мастера, немецкого человека, для установки инструмента, который здесь мне его разобрал и в гроб положил. И его Бебутов вам на лице представит.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Николаю Николаевичу Муравьеву,
1-го Карабагского полка
г<осподину> полковнику

---

* В автографе явная описка: много.

Н. Н. ПОХВИСНЕВУ

5 мая 1822 — 19 февраля 1823. Тифлис

Я умираю от ипохондрии, предвижу, что ночь всю проведу в волнении беспокойного ума, сделайте одолжение, любезный Николай Николаевич, пришлите мне полное число номеров прошлогоднего «Вестника», хоть и нынешнего последнюю тетрадь, авось ли дочитаюсь до чего-нибудь путного.

Ваш усердный
Грибоедов.

А д р е с:

Е<го> Б<лагородию>:
М<илостивому> Г<осударю>
Николаю Николаевичу
Похвистневу.

А. И. КОЛЕЧИЦКОЙ
Март 1823 — май 1824. Москва

Immanquablement Madame

nous aurons l'honneur de nous rendre chez vous avant d'aller au concert; je me rejouis du plaisir que j'aurai de passer plusiers heures agréables avec vous

Votre serviteur
Griboedof.

Адрес:
Madame de Koletchitsky.

Перевод с французского:

Непременно, сударыня,

мы будем иметь честь заехать к вам, прежде чем ехать на концерт; я заранее предвкушаю удовольствие провести с вами несколько приятных часов.

Ваш слуга
Грибоедов.

Адрес:
Госпоже Колечицкой.

Т. ЭТЬЕ
Конец марта 1823. Москва

Mon ami, je suis de retour à Moscou et vous m'obligerez beaucoup en venant chez moi.

Votre très dévoué
A. Griboyedoff.

Перевод с французского:

Друг мой, я возвратился в Москву, и вы очень меня обяжете, приехав ко мне.

Преданный вам
А. Грибоедов.

Т. ЭТЬЕ

19 мая 1823. Москва

Cher Hettier, si vous pouvez disposer de vous vers les 3 heures, je vous ferai dîner avec Vsevolodsky, dont je vous ai parlé et qui est très intéressé de faire votre connaissance.

Votre très devoué
A. Griboyedoff.

19 mai 1823

Адрес:

Monsieur Monsieur Hettier.
На Марасейке, дом Лакчина, Корде винопродавца.

Перевод с французского:

Дорогой Этье, если вы располагаете собой около трех часов, приходите ко мне отобедать со Всеволожским, о котором я вам говорил и который очень хочет с вами познакомиться.

Преданный вам
Грибоедов

19 мая 1823

Адрес:

Милостивому Государю
господину Этье
<...>

Т. ЭТЬЕ

10 июля 1823. Москва

Я только что приехал из деревни, дорогой г<осподи>н Этье, для того, чтобы повидаться с Грибоедовым, и так как он хочет вас видеть, приходите, если можете, ко мне, вы обяжете нас обоих.

Ваш А. Всеволожский
10 июля 1823 г.

Рукой Грибоедова: Поторопитесь, потому что мы собираемся обедать.

Грибоедов.

Адрес:

Г-ну Этье.

А. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ

8 августа 1823. Село Лакотцы Тульской губернии

Тульской губ<ернии> Ефремовского уезда
Село Лакотцы.
Августа 8-го.

Любезный друг. Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева. Опоздавши выездом из Москвы, чтобы сюда перенестись, я уже предвидел, что не поспею к тебе в Нижний; однако думал выгадать поспешностию в езде время, которое промедлил на месте. Ничуть не так. Отсюдова меня не пускают. И признаюсь: здесь мне очень покойно, очень хорошо. Для нелюдима шум ярмонки менее заманчив. Ты, мой друг, легко поверишь, что во всей этой неудаче на больших дорогах я одного жалею: не свидеться с тобою по предположению, которое сердечно меня утешало. Зато, по дольшей разлуке, в Москве дружнее обнимемся. А мне туда след будет непременно, коли скоро отсюдова не уберусь; близок сентябрь, какой же честный человек в осеннюю, суровую пору решится ехать в Тефлис? Коммерческие наши замыслы тоже рушились, за безденежием всей Компании. Сговоримся в Москве, склеим как-нибудь, коли взаимная польза соединит нас; право, это хорошо, а если нет: утешимся, взаимная, добрая приязнь давно уже нас соединила, и это еще лучше. Прощай, любезный Александр. Не замешкайся, будь здоров, помни об своем милом семействе, а иногда и обо мне.

Верный твой
А. Грибоедов.

P. S. Коли это письмо застанет тебя в Нижнем, потрудись велеть разведать, как деятелен обмен нынешнего года с персиянами и на какие именно статьи более требования для выпуску и привозу?

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Сентябрь 1823. Москва

Любезнейший князь. Много благодарю вас за присылку приятных произведений вашего пера. Знаю, что похвалою не угожу вам, хотя бы нечего возмущаться и самой щекотливой скромности от человека прямодушного, не кроителя пустых вежливостей,

и который высоко ценит свойства ума вашего и дарования. В этих моих чувствах надеюсь еще более утвердиться по вторичном прочтении ваших остроумных памфлетов.

Верный ваш
А. Грибоедов.

Суббота.

А д р е с:

Е<го> Сиятельству
М<илостивому> Г<осударю>
К<нязю> Владимиру Федоровичу
Одоевскому

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Осень 1823. Москва

Пишу вам два слова, любезнейший князь, не более: потому что нынешний день отправляю множество писем с фельдъегерем в Тефлис. Сам у вас буду, и тогда условимся когда именно провести у меня день в дружеской беседе, без женщин пуще всего.

За оду благодарю вас.

Верный ваш
А. Грибоедов

Среда.

Н а о б о р о т е:

Milles excuses cher cousin de ne pouvoir pas satisfaire à votre demande. Mon Alexandre étant sorti, et le livre se trouvant dans sa chambre qui est fermée, je ne pourrai vous l'envoyer que demain matin. Ne négligez pas vos amis, et venez nous voir le plutôt que vous pourrez

Votre affectionné cousin
Griboedoff

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

Тысяча извинений, дорогой кузен, за то, что не могу удовлетворить вашу просьбу. Так как мой Александр вышел, а книга находится в его комнате, которая закрыта, я смогу вам ее прислать только завтра утром. Не забывайте своих друзей и навестите нас как можно скорее.

Ваш любящий кузен
Грибоедов.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Осень 1823. Москва

Любезный друг. Сделай одолжение, пришли мне Калайдовича, «Памятники Древн<ей> Росс<ийской> словесности», и Арцибашева; да возле тебя в книжной лавке не найдется ли Гесс де Кальве, «Теория музыки», и Успенский, «Русск<ие> древности из частной жизни Россиян» одна часть. При сем прилагаю 25 р. Извини, что утруждаю тебя моими поручениями, может быть безвременными.

Верный твой
Грибоедов.

М. С. ГРИБОЕДОВОЙ

Конец сентября — не позднее 17 декабря 1823. Москва

Chère Marie, j'ai passé une nuit de souffrances. Veuillez envoyer cette production de mon insomnie à Kuchelbecker.

Pour le livre vous le renderez à qui il appartient. C'est une pauvreté.

Перевод с французского:

Милая Мари, я провел мучительную ночь. Пожалуйста, пошли этот плод моей бессонницы Кюхельбекеру.

Что касается книги, возврати ее тому, кому она принадлежит. Это убожество.

А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

Декабрь 1823. Москва

Любезнейший друг. Коли буду туда, так единственно по твоему вызову. Холод истерзал все лица, которые нынче ко мне являлись, боюсь для себя той же участи. — В красоте твоей музыки нисколько не сомневаюсь, и заранее поздравляю себя с нею.

Верный твой
Г.

А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

Декабрь 1823. Москва

Последняя выдумка еще превосходнее первой, итак, сидим дома. А вечерком кабы свидеться у меня и распить вместе бутылку шампанского, так и было бы совершенно премудро??

К Вяземскому я еще давеча писал, чтобы ускорил посылкой куплетов и вообще всего манускрипта. А вот темпо мазурки, которое я прибавил, что поется везущим тележку, когда встречают его прочие:

Любит обновы
Резвый Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед,
Возжи шелковы
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Да нельзя ли *бар* и *красавиц* приспособить к известной польской песне: *Обещала даць С собой поиграць*, только тогда надо будет четыре середние стиха от 8-го до 12-го, *медведя*, *человека и Сенеку* выкинуть.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 мая 1824. Москва

Понедельник.

Я сам слишком привязан к свободе, чтобы осмелиться стеснять ее в ком <бы> то ни было, почтеннейший князь. Располагайте собою на завтра, а в середу я у вас обедаю, и тогда условимся, когда привлечь вас ко мне, покудова Давыдов еще не уехал в деревню, а я в Петербург.

Ваш покорнейший
Грибоедов.

Понедельник.

Адрес:

Е<го> Сиятельству
М<илостивому> Г<осударю>
К<нязю> П. А. Вяземскому

С. Н. БЕГИЧЕВУ

10 июня 1824. Петербург

Степану Никитичу.

Брат любезный, бесценный друг мой. — Ты, верно, меньше всех готов был к неожиданной тайне моего отъезда, но, конечно, лучше всякого оценил его необходимость. Крепиться можно до

некоторой степени, еще минута — и сделаешься хуже бабы, я знал себя и поступил как должно, помчался не оглядываясь, и вплоть до Клина, каждый толчок служил мне лекарством, облегчением от бесполезной чувствительности, уныние превращал в досаду на дорогу, а потом в усталость, и пр. — На первой станции нашел я портрет Дениса В<асильевича> Давыдова; на второй картинку: игрока Реньяра с подписью приличных стихов, какое сближение обстоятельств! Но будь уверен, что я не улыбнулся, а подумал о человеке, которого мы все любим.* Два раза снег шел на дороге, 29 и 30 мая! Я продрог, принужден был ночевать, на четвертые сутки поспел сюда; здесь я уж осемь дней гуляю; коли дома, то, верно, один другого сменяет в моей комнате, когда же со двора выхожу, то повсюду рассыпаюсь, досуг и воля. Все просят у меня манускрипта и надоедают. Шаховской, Жандр и Греч пристают, чтоб я у них жил, и Паскевич в лагерь тащит, однако расчетвериться невозможно. Те трое об тебе часто вспоминают, я обещался дать тебе знать. А вот Шмит сейчас вошел ко мне, ты не поверишь, как он с благодарностию относится об одолжениях, которые ты ему делал. С Самойловым видаюсь, третьего дни сестры его, графини Бобринской, было рожденье, я у них пировал на даче, музыка, дамы, шампанское, и в старые годы меня бы оттуда не скоро вытащили, теперь другая пора, видаюсь по необходимости; только не могу еще тебе сказать ничего удовлетворительного насчет моего требования. Наумов каждый день у меня бывает, я через него знаю об отпуске моем и позволении ехать в чужие краи, все это давно уже послано к Ермолову, и здесь готов дубликат, хочу, завтра на корабль сяду. Друг сердечный, разреши от данного мною обещания. Свидеться на короткое время, значит только снова растравить горькое чувство расставания. Впрочем, знай, что для меня, во всяком случае, что скажешь, то и святое дело. — Павлов, Мадатов и еще одно лицо всех их поважнее гораздо чином (с Трубецким получишь отгадку) — уморительные люди; я сколько нагляделся смешного и сколько низостей!..

Теперь об важных людях кстати: Василий Сер<геевич> Ланской, министр внутренних дел, ценсура от него зависит, мне по старому знакомству, вероятно, окажется благоприятен. Александр Сем<енович> тоже. Частию это зависит от гр. Милорадовича, на днях он меня угощал обедом в Екатерингофе. Вчера я нашел у Паскевича великого князя Никол<ая> Павл<овича>, это до ценсуры не касается, но чтоб дать понятие, где бываю и кого вижу.

С Трубецким буду писать тебе вторично и много. Анну Ивановну поцелуй за меня, и Софью Петровну, и Андрея Барышникова, и прочим всем кланяйся.

Пиши: в *Военно-счетную Экспедицию, Андрею Андреевичу Жандру*, он уже доставит мне. Чепягов здесь одним глазом ослеп, и другой у него чуть держится, каждый день ждет, что вовсе зрения лишится.

Никита, брат Александра Всеволодского, Александр, брат Володи Одоевского, журналист Булгарин, Мухановы и сотни других лиц все у меня перед глазами. — Прощай, голова вихрем идет. С горячностью тебя обнимаю, душевный, милый, несравненный друг.

10-го июня. Петербург.

Живу я у Демута, но адрес к Жандру.

Ужо еду в Царское.

* Прошу покорно Льву этого не показывать.

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 июня 1824. Петербург

Любезнейший Князь, на мою комедию не надейтесь, ей нет пропуску; хорошо, что я к этому готов был, и следовательно судьба лишнего ропота от меня не услышит? впрочем, любопытство многих увидеть ее на сцене или в печати, или услышать в чтенье, послужило мне в пользу, я несколько дней сряду оживился новою отеческою заботливостью, переделал развязку, и теперь, кажется, вся вещь совершеннее, потом уже пустил ее в ход, вы ее на днях получите.

Как у вас там на Серпуховских полях? А здесь мертвая скука, да что? не вы ли во всей Руси почуяли тлетворный, кладбищенский воздух? А поветрие отсюдова.

Я еще дней на семь буду в Москву и, конечно, загляну к вам в Остафьево, где на свободе потолкуем. — Благодарю вас за письмо к Н. М. Карамзину, стыдно было бы уехать из России, не видавши человека, который ей наиболее чести приносит своими трудами, я посвятил ему целый день в Царск<ом> С<еле> и на днях еще раз поеду на поклон, только далеко и пыльно. Тургеневу переслал ваше письмо, а не видал: потому что лицо у меня несколько времени вспухло и не допускало выходить из дому, он тоже на даче и далеко живет, однако перемена в министерстве, кажется, не повредила его службе, по крайней мере так относятся те, которым до этого никакого дела нет, в Английском клубе здесь, как в Москве, ремесло одно и то же, знать все обо всех, кроме того, что дома делается.

Шаховской занят перекройкой «Бахчисарайского фонтана», в 3 действиях с хор<ами> и бал<етом>, он сохранил множество

стихов Пушкина, и все вместе подставляется в виде какого-то чудного поэтического салада.

Гнедича я видел, несмотря что у него и галстук повязан экзаметром, в мыслях и словах и поступи что-то надутое, но кажется, что он гораздо толковее многих здесь.

Крылов (с которым я много беседовал и читал ему) слушал все выпуча глаза, похваливал, и вряд ли что понял. Спит и ест непомерно. О наши поэты! Из таких тучных тел родятся такие мелкие мысли! Например: что поэзия должна иметь *бют**, что к голове прекрасной женщины не можно приставить птичьего туловища и пр. Нет! можно, почтенный Иван Андреевич, из этого может выйти прекрасная, идеальная Природа, гораздо выше нами видимой, слыхали ли вы об Грифоне индо-бактрианского происхождения, посмотрите на него в обломках Персеполя, в поэме Фердусия. — А!

Я еще не был вместе с Севериным, и, может быть, не встречусь. Мой паспорт давно отправлен к Ермолову.

Погода пасмурная, сыро, холодно, я на всех зол, все глупы, один Греч умен, принес мне Домбровского «Inst<itutiones> Ling<uae> Slav<icae>» и Клапротову «Азию Полиглотту», я от сплина из поэтов перешел в лингвисты, на время, разумеется, покудова отсюдова вырвусь.

Прощайте, любезный сподвижник, не хочу долее пугать вас угрюмым слогом. Мочи нет тошно.

Ваш слуга
Г.

NB. Очень хорошо сделали, что приписали параграф для показания Jullien, я вам очень благодарен, особенно коли не удастся мне более побывать в Москве... Это послужит вместо литературного паспорта.

С. Петербург
27-го Июня

---

* but, цель (*франц.*).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 июля 1824. Петербург

С-Петербург, июля 11-го.

Любезный к<нязь> Петр Андреевич, одним письмом вы меня до сих пор вспомнили и обрадовали. Нельзя ли еще одним?

Адрес мой: в Военно-счетную экспедицию, Е<го> В<ысокоблагородию> Андр<ею> Андр<еевичу> Жандру, для передачи А. С. Гр<ибоедову>.

Эти строчки доставит вам Сосницкий. Примите его в число тех, кого любите. Коли сами в городе, согласите его сыграть Вольтера, роль, в которой он необыкновенно хорош (во втором акте). Вся портретная истина сохранена в точности. Это одушевленная бронза того бюста, что в Эрмитаже. Я бы желал не столько остроты (которой, впрочем, эта комедия не изобилует), но чтобы картина неизбежной дряхлости и потухшего гения местами прояснялась памятью о протекшей жизни, громкой, деятельной, разнообразной. Кто век прожил с бóльшим блеском? И как неравна судьба, так сам был неровен: решительно действовал на умы современников, вел их куда хотел, но иногда, светильник робкий, блудящий огонек, не смеет назвать себя; то опять ярко сверкает реформатор бичом сатиры; гонимый и гонитель, друг царей и враг их. Три поколения сменились перед глазами знаменитого человека; в виду их всю жизнь провел в борьбе с суеверием богословским, политическим, школьным и светским, наконец, ратовал с обманом в разных его видах. И не обманчива ли самая та цель, для которой подвизался? Какое благо? — колебание умов ни в чем не твердых??.. Теперь, на краю гроба, среди обожателей, их фимиама, их плесков... А где прежние сподвижники, в юности пылавшие также алчностью славы, ума, опасностей и торжеств? И где прежние противуборники? — отцы, деды тех, которые его нынче окружают??? —

Этого нет в комедии, но есть прозаическое сходство: удивление при встре<че> с любовницею после 60 лет разлуки; самодовольствие Вольтера, что он первый познакомил французов с англичанами, первый был вызван и увенчан в театре; анекдот с перстнем, кофейная острота и проч<ая> мелочь. Как бы то ни было, Сосницкий чрезвычайно хорош и добавляет автора. Не знаю, как вы его найдете?

Прощайте, меня перерывают.

NB. Пишите же ко мне. Вот я не ленюсь. А кабы теперь был в Москве, сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркизши, Вольтеровой любовницы.

А д р е с:

Е<го> Сиятельству
М<илостивому> Г<осударю>
Петру Андреевичу Вяземскому
Собст<венный> дом в Чернышёвом переулке
в Москве.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

Около 12 июля 1824. Петербург

Душа, друг и брат. Слава Богу, нашел случай мимо почты писать к тебе. Чебышев взялся доставить. Он подговаривал меня вместе прокатиться в Москву, и признаюсь, соблазнительно очень, да сборы его слишком скоры, я не поспел или, лучше сказать, не могу в эту минуту оторваться от побрякушек авторского самолюбия. Надеюсь, жду, урезываю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстановляю стертое, так что кажется работе конца не будет... будет же, добьюсь до чего-нибудь, терпение есть азбука всех прочих наук, посмотрим, что Бог даст. Кстати, прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать его огню, коли решишься, он так несовершенен, так нечист, представь себе, что я с лишком осемьдесят стихов или лучше сказать рифм переменил, теперь гладко, как стекло. Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку, я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечою над лестницею, и перед тем, как ему обличить ее, живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались, в самый день моего приезда, и в этом виде читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховск<ому>, Гр<ечу> и Булг<арину>; Колосовой, Каратыгину, дай счесть: *8 чтений*. Нет, обчелся, двенадцать, третьего дня обед был у Столыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет. Шаховск<ой> решительно признает себя побежденным (на этот раз). Замечанием Виельгорского я тоже воспользовался. Но наконец мне так надоело все одно и то же, что во многих местах импровизирую, да, это несколько раз случалося, потом я сам себя ловил, но другие не домекались. — Voilà ce qui s'appele sacrifier à l'intérêt du moment*. — Ты, бесценный друг мой, насквозь знаешь твоего Александра, подивись гвоздю, который он вбил себе в голову, мелочной задаче, вовсе не сообразной с ненасытностью души, с пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене мест и занятий, к людям и делам необыкновенным. И смею ли здесь думать и говорить об этом? Могу ли прилежать к чему-нибудь высшему? Как притом, с какой стати, сказать людям, что грошовые их одобрения, ничтожная славишка в их кругу не может меня утешить. Ах! прилична ли спесь тому, кто хлопочет из дурацких рукоплесканий!! Перебью себя, эта выходка не в пору, будет в пору, когда отсюда вырвусь. Теперь стану продолжать, как начал, кротко и складно, и опять об кулисах, и опять об актрисах.

Колосова, по личностям с одним из членов Комитета, еще не заключала нового условия и при мне не выходила на сцену, но у себя читала мне несколько сцен Мольера и Мариво. Прекрасное дарование, иногда заметно, что копия, но местами забывается, и всякого заставит забыться. Природа свое взяла, пальма в комедии принадлежит ей неотъемлемо. Разумеется, что она, в свою очередь, пленилась моим чтением; не знаю, искренно ли? Может быть и это восклицания из Мариво. — Но гениальная душа, дарование чудное, теперь еще грубое, само себе безотчетное, дай Бог ему напитаться великими образцами, это Каратыгин, он часто у меня бывает, и как всякая сильная черта в словах и в мыслях, в чтении и в разговоре его поражает! Я ему читал в плохом французском переводе 5 акт и еще несколько мест из «Ромео и Юлии» Шекспира, он было с ума сошел, просит, в ногах валяется, чтоб перевести, коли поленюсь, так хоть последний акт, а прочие Жандру дать, который, впрочем, нисколько меня не прилежнее. Я бы с ним готов вместе трудиться, но не думаю, чтоб эти литературные товарищества могли произвести что-нибудь в целом хорошее; притом же я стану переводить с подлинника, а он с дурного списка, сладить трудно, а перекраивать Шекспира дерзко, да и я бы гораздо охотнее написал собственную трагедию, и лишь бы *отсюда вон*, напишу непременно.

Однако заметь, что я поглупел здесь, три страницы исписал, а главное, об чем с первой строки хотел и теперь хочу наведаться, улетело на воздух за бесконечными толками о чтении и представлении, об шутах и шутовстве. —

Что ты сам, мой друг? Как провел время у Барышн<иковых>? ты мне об этом скромничаешь, об Анне Ивановне говоришь только, что на днях будет матерью. Это я и без тебя знаю, а какова она? терпеливо ли ждет роковой минуты? Боже оборони, не страдает ли по-прежнему? Не боится ли? Может быть, теперь уже все решилось? Пиши мне тотчас. Да скажи ей, моему милому другу, что если монашеские, жаркие желания и обеты доходят до Господа Бога, так никому в свете легче не рожать. Я враг крикливого пола, но две женщины не выходят у меня из головы: твоя жена и моя сестра, я не разлучаю их ни в воспоминаниях, ни в молитвах. Да еще скажи ей, коли нам вчетвером с Соф<ией> Петр<овной> бывало весело, так конечно во сто раз будет веселее, когда дитя ее станет переходить с рук на руки, от матери к отцу, а от отца (потому что не умеет быть нежным с детьми) тотчас ко мне. — Постой, однако, и пишу и боюсь, лучше ничего не говори ей до поры до времени, а только кланяйся и поцелуй, также и Софии Петровне дружеское объятие и поклон нижайший.

Прощай. Хотел бы еще писать тебе о Катенине и об его «андромахе», я лучшие места списал для тебя [для себя и для Кюхельбекера]. Но каким она дурным слогом в ухо бьет вся кроме 4-го акта, конца 5-го и 3-го. И как третий акт превосходен, несмотря на дурной слог! — Впрочем, я дурное замечаю тебе для того только, что в печати это скорее всего заметят, на сцене оно скрадется хорошим чтением, вообще, как бы мало это стоило выправить и сгладить, и не давать поводу к придиркам! — Славный человек, ум превосходный, высокое дарование, пламенная душа, и все это гибнет втуне! — Прощай, пожалуйста, отпусти, не могу отвязаться, болтаю, как 60-летняя старуха. Пуквиля не мог еще достать, запрещен, есть он у Столыпина и Дашкова, но, разумеется, они не продадут. Коли увидишь сестру Машу, дай мое письмо, пусть начитается досыта, а потом разорви на клочки. — Я ничего об моих не знаю, в Москве ли они, в деревне ли? Дмитрия, красоту мою, расцелуй так, чтобы еще более зарделись пухлые его щечки. Александру Васильевну тоже, Денис<а> и Льва и весь освященный собор. Верстовскому напомни обо мне и пожми за меня руку. Представь, что я только сейчас вспомнил об «Маврах», бегу в цензуру.

NB. 1000 руб<лей> я не получал, а нужда смертная, но похвали меня, приехал сюда ровно с тысячью рублями, три беленькие 25-рублевые и несколько синих ведутся, живу в трактире, сперва обедал каждый день в клубе, а теперь чаще всего дома. Прощай, прощай, прощай.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Степану Никитьевичу
Бегичеву
в Москве на Большой Мясницкой
в доме Ивана Ивановича Барышникова.

---

* Вот что называется приносить жертвы ради интересов момента (*франц.*).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

31 августа 1824. Стрельна

31 августа.

Брат любезный. Не еду к тебе и не пишу тебе, совесть мучит. Слушай. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движение было к тебе лететь, поздравить и обнять крепко-накрепко мать,

отца и весь дом; право, ходя по комнате, я уже у вас был, нянчил ребенка, шалил с кормилицею, но проклятый недочет в прогонах все испортил, взять было неоткуда. Лев и Солнце давно уже покоятся в ломбарде, а Чебышеву задолжать, сохрани Боже! Я от него сюда бежал, в Стрельну; представь себе? что он вздумал ко мне приписаться в самые нежные друзья, преследовал меня экстазами по улицам и театрам и наконец переехал в номера Демутова трактира, и все три возле моей комнаты: два по сторонам и один антресоли, каково же встречать везде Чебышева! По бокам Чебышев! над головой Чебышев! Я, не говоря ему ни слова, велел увязать чемоданы, сел в коляску, покатился вдоль помория и пристал у Одоевского, будто на перепутии, много верхом езжу, катаюсь по морю, дни прекрасны, жизнь свободная.

Не сердись, мой истинный друг, где бы я ни затерялся, первый ты на уме и на языке. Нет у меня ни жены, ни дочери. Душою принадлежу тебе одному. Прощай.

Верный друг
А. Г.

Стрельна.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Степану Никитичу
Бегичеву
в Москве. На Мясницкой
в доме Ивана Ивановича
Барышникова.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Начало октября 1824. Петербург

Милостивый Государь Фаддей Венедиктович.

Тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! — Вы сами этому причиною. Я долго думал, не решался, наконец принял твердое намерение объявить вам истину; il vaut mieux tard, que jamais*. Признаюсь, мне самому жаль: потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковостей, хорошее мнение обо мне я в вас почитаю искренним. Но, несмотря на все это, не могу долее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего; знаю, что намере-

ние ваше было чисто, когда вы меня под именем Талантина хвалили печатно, и конечно не думали тем оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственно к себе уважение не дозволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной, или во всяком случае слишком предускоренной. Вы меня хвалили, как автора, а я именно как автор ничего еще не произвел истинно изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнения других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мнением людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!! —

Расстанемтесь. — Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся: то без приязни и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы, верно, поймете, что поступая, как я теперь, не сгоряча, а по *весьма долгом* размышлении, не могу уже ни шагу назад отступить. Конечно и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается. Гречу объясню это пространнее... а может быть и нет, как случится. Прощайте. Я об вас всегда буду хороших мыслей, даже почитаю долгом отзываться об вас с благодарностию. Вы обо мне думайте, как хотите.

Милостивый Государь,

Ваш всепокорнейший

А. Грибоедов.

Октябрь.

Адрес:

Е<го> В<ысокоблагородию>
М<илостивому> Г<осударю>
Фаддею Венедиктовичу Булгарину.

* лучше поздно, чем никогда (*франц.*).

П. А. КАТЕНИНУ

17 октября 1824. Петербург

17 октября.

Любезный друг. Положим, что я уже извинился как следует, и ты мне простил 5-ти летнее молчание. А<лександр> А<ндреевич>

Милостивый Государь Фаддей Венедиктович!

Тон и содержание этого письма покажутся вам странными, что же делать?!.. Вы сами этому причиною. Я долго думал, нерешался, наконец принял твердое намерение объявить вам истину; il vaut mieux tard que jamais. Признаюсь мне самому жаль: потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковости, а прочие [illegible]. Но несмотря на все это, не могу далее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего, знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня под именем Талантина хвалили печатно, и конечно не думали тем огорчить. Но мои правила, правила благопристойности и собственно к себе уважению не дозволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной, или во всяком случае слишком преувеличенной. Вы меня хвалили, как Автора, а я именно, как Автор, ничего еще не произвел истинно-изящного. Не думайте, чтобы какая нибудь внешность, мнение других людей меня побудило к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и стыдно-бы было мне дорожить мнением людей, когда внутренно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою. Сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь, поймать себя на какой нибудь низости, не выкланиваю-ли я еще горсточку ладана!!..

Письмо Ф. В. Булгарину. Начало октября 1824 г.

Разстанемтесь. — Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся; то безъ приязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что поступая, какъ я теперь, не съ горяча, а по весьма долгомъ размышленiи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно и вамъ чувство благородной гордости не допуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Прочее объясню вамъ пространнѣе..... а можетъ быть и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошаго мнѣнiя, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностiю. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите.

Милостивый Государь
Вашъ всепокорный
А. Грибоѣдовъ

Октябр.

доскажет тебе остальное. Жаль, что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь! Но мне есть утешение, коли не с тобою, так о тебе беседую часто и с теми даже, с кем ты не знаком и кто тебя не стоит. На днях все как будто судьбою устроено, чтобы мне сердцем и мыслями перенестись к тебе, почтенный друг. Люди менее несправедливы на твой счет; стало, и об них можно передать тебе вести. Чаще прежнего произносит твое имя Андромаха, которая должна явиться в альманахе; в Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения, в театре превозносят Каратыгина и тебе приписывают развитие его дарования. Жоминьи и пр<очие> его чрезвычайно хвалит, находит только, что не должно бы ноги ставить параллельно; car c’est donner dans le Drame*. Было бы о чем расписаться, но мелочи, главные черты Петербурга и его глупцов тебе более, чем мне, известны. Я по крайней мере все нашел по-старому; у Шаховского прежние погремушки, только имя новое, он вообразил себе, что перешел в романтики и с тех пор ни одна сказка, ни басня не минует его рук, все перекраивает в пользу Дюр, Брянского пр<очих>: на днях, кажется, соорудил трилогию из «Медведя и Пустынника» Крылова. Я у него бываю, оттого, что все другие его ругают, это в моих глазах придает ему некоторое достоинство. Жандр пробудился из усыпления, переводит «Венцеслава» необыкновенно хорошо, без рифм, и тем лучше выходит. Сам не отстаю от толпы пишущих собратий. А<лександр> А<ндреевич> везет к тебе мои рифмы, прочти, рассмейся, заметь, что не по тебе, орфографию от себя дополни, переписывал кто-то в Преображенском полку.

Мы поменялись ролями. Бывало, получу от тебя несколько строк, и куда Восток денется, не помню где, с кем, в Табризе воображу себя вдруг между прежними друзьями, опомнюсь, вздохну глубоко и предаю себя в волю Божию, но я был добровольным изгнанником, а ты!.. Милый, любезнейший друг, не тужи, право, не о чем и не об ком. Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь из этого мертвого города! — Знай, однако, что я здесь на перепутье в чужие краи, попаду ли туда, не ручаюсь, но вот как располагаю собою: отсюдова в Париж, потом в южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Боспором в Черное море и к берегам Колхиды. Кстати о ней, вчера храпел я у немцев при шуме, треске и грохоте диких ямб Грильпарцера. Давали его «Золотое руно». Главный план соображен счастливо. В первой части Медея представлена в отечестве, куда прибывают аргонавты, царь кольхов желал бы освободиться от воинственных иноземцев, прибегает к чародейству

дочери, она в первый раз познала, что сверхъестественные силы даны ей на пагубу, в борьбе между долгом и любовью, которою наконец совершенно побеждается, и для пришельца забывает отца и богов своих. Чудно, что немец и, следовательно, ученый человек не воспользовался лучше преданиями о зверских нравах древней Колхии, ни на минуту не переносится туда воображением, притом, если бы повел он <Язона> по всем мытарствам, Медея, мужественная его сопутница, гораздо бы более возбудила к себе соучастия. Французу это невозможно, но Грильпарцер какими стеснен был условиями! Вторая часть начинается прекрасно (так ли я только помню?). Медея перед тем, как вступить ей в Коринф, отрекается от всех волшебств, хочет пожить беспорочно с мужем и детьми, зарывает в землю фиал с зелием, руно, жезл и покров чародейный; жаль только, что поэт заставляет ее всю свою утварь укладывать в *чемодан*, а не прямо в землю! Во втором акте превосходное место, когда посланный от Амфиктионов требует ее изгнания из Коринфа, все прочее глупо до крайности. Автор тонет в мелочных семейственных подробностях, и трагические его лица спускаются ниже самых обыкновенных людей.

Актриса м<адемуазе>ль Оредерюнь не без дарований, но подрядилась каждому стиху давать отдельное выражение, и утомляет, притом не имеет пламенной души, как наша Семенова. Сказать ли тебе два слова о Колосовой? в трагедии — обезьяна старшей своей соперницы, которой средства ей, однако, не дались, в комедии могла бы быть превосходна, она и теперь, разумеется, лучше Валберховой и тому подобных <...>, только кривляет свое лицо непомерно, передразнивает кого-то, думаю, что Мариво; потому что пленилась ее игрою, как сама мне сказывала, собственную природу выпустила из виду, и редко на нее попадает, и как однообразна! Шаховской не признает в ней ни искры таланта; я не согласен с ним, конечно она еще не дошла и вполовину до той степени совершенства, до которой могла бы достигнуть. В заключение скажу тебе, что для одного Каратыгина порядочные люди собираются в русский театр, несмотря на скудность трагического репертуара. Пиши, ради Бога, долго ли нам слушать, что:

Едва луч утренний нам в мраке светит ночи,
В Авлиде лишь одни отверзты наши очи.

Прощай, мое сокровище, комнатный товарищ Одоевский сейчас воротился с бала и шумит в передней, два часа ночи; кабы А<лександр> А<ндреевич> не завтра отправлялся, я бы не так торопился и многое бы придумал, чтобы разбить твои мысли. Еще раз прощай, и полюби меня по-старому. Обнимаю тебя от души.

Ей-Богу! готов бы сейчас в ссылку, лишь бы этим купить тебе облегчение жестокой и незаслуженной судьбы.

Верный твой
А. Грибоедов.

17 Октября.

---

* ибо это значит вдаваться в драму (*франц.*).

Н. И. ГРЕЧУ

Около 24 октября 1824. Петербург

Напрасно, брат, все напрасно. Я что приехал от Фока, то с помощию негодования своего и Одоевского изорвал в клочки не только эту статью, но далее всякий писаный листок моей руки, который под рукою случился.

Прощай.

Весь твой
А. Г.

Еду. — Скажи Булгарину... да нет! Я сам скажу, он меня поймет!

P. S. 24-го октября. Представь себе, что я тотчас отвечал на твою записку, в тот же день, как получил, и уверен был до сей минуты, что отослал этот самый листок. Vide supra*.

Коли цензура ваша не пропустит ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вовсе не печатать? — Или пусть укажут на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в альманахе.

А д р е с:

Е<го> В<высокоблагородию>
М<илостивому> Г<осударю>
Николаю Ивановичу Гречу.

---

* Смотри выше (*лат.*).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

4 января 1825. Петербург

4 янв<аря 1>825. Петербург.

Друг и брат! Пишу тебе в пятом часу утра. Не спится. — Нынче день моего рождения, что же я? На полпути моей жизни, скоро буду стар и глуп, как все мои благородные современники.

Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленопреклонения и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек. Не отчаивайся, друг почтенный, я еще не совсем погряз в этом трясинном государстве. Скоро отправлюсь, и надолго. Даже насчет любви моей будь беззаботен, я расхолодел, хотя моя Людмила час от часу более ко мне жмется. 1 № «Сына отечества» разгадал тебе загадку. Скажу тебе коротко, как это все завязалось. Долго я жил уединен от всех, вдруг тоска выехала на белый свет, куда, как не к Шаховскому? Там по крайней мере можно гулять смелою рукою по лебяжьему пуху милых грудей etc. В три, четыре вечера Т<елешова> меня с ума свела, и тем легче, что в первый раз и сама свыклась с тем чувством, от которого я в грешной моей жизни чернее угля выгорел. И то для меня заманчиво было, что соперником у меня Милорадович, глуп, хвастлив, идол Шаховского, который ему подличает. Оба скоты. Я этого chevalier bavard* бесил ежедневно, возбуждал против себя негодование всего дома, потом стрелял каким-нибудь тряпичным подарком в Ежову, и опять мирился, и опять ссорился. Между тем Т<елешова> до такой степени в три недели нашей симпатии успела... в танцах, что здесь не могли ей надивиться, всякий спрашивал ее, отчего такая прелестная перемена? такое совершенство? А я, одаль стоя, торжествовал, наконец у меня зашлось рифмами, которые ты, вероятно, читал. Представь себе, с тех пор я остыл, реже вижусь, чтоб не разочароваться. Или то меня с ног сшибло, что теперь все так открыто, завеса отдернута, сам целому городу пропечатал мою тайну, и с тех пор радость мне не в радость. — Рассмейся. —

Брат. Ты меня зовешь в деревню. Коли не теперь, не нынешним летом, так, верно, со временем у тебя поищу прибежища, не от бурей, не от угрызающих скорбей, но решительно от пустоты душевной. Какой мир! Кем населен! И какая дурацкая его история! —

Прощай, мой друг; побывай у матушки. Любовь во второй раз, вместо чужих краев, определила мне киснуть между своими финнами. В 15-м и 16-м году точно то же было. Теперь я пропустил славный случай: Жоминьи хотел со мною путешествовать. Mais en attendant, qu'il faisait ses malles, je faisais l'amour**, и он укатил один.

Получил ли ты мое письмо на днях? и каким образом не дошла до тебя моя и Шаховского эпистола, вскоре после наводнения? Пиши, брат, не ленись, поправь-ка черный колпак на голове да примись за перо. Послушай: моя тысяча лежит дома за про-

шлый год; выручи ее, брат, в уплату 2300 т<ысяч> или подождешь? Ты ведь замышляешь о расширении своих владений, так монета нужна. Дениса Васильевича обнимай и души от моего имени. Нет! здесь нет эдакой буйной и умной головы, я это всем твержу, все они, сонливые меланхолики, не стоят выкурки из его трубки. Дмитрию, Александре Васильевне, Анне Ивановне, чадам и домочадцам

Многие лета.

---

* болтливого рыцаря (*франц.*).
** Но в ожидании, пока он займется чемоданами, я занялся любовью (*франц.*).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

25 января 1825. Петербург

Здравствуй, любезный друг Степан! Не собраться бы мне к тебе писать, если бы не сидел я у Грибоедова; а всякий день было в голове непременно писать тебе и много; пиши, и шлю еще привет всем

Жандр.

Вот тебе Жандровы строки, друг и брат, он у меня нынче обедает, и я принудил его начертить тебе несколько каракулей. О себе нечего тебе сказать, живу и люблю тебя по-прежнему, что в городе делается, не знаю и знать не хочу. Сделай одолжение, напиши мне что-нибудь о вашем быту. Каков твой <шаловель?>? И что он проповедует? Катенин из своего уединения Бог знает какой бред сюда высылает. Напр<имер>: разговор Булгарина, который ты оценил по достоинству, он весь на свой счет берет, как самое язвительное злоумышление против «Андромахи». О! его и наше вообще самолюбие!

Сюда явился Павлов из Тифлиса, да жаль, глуп, и ничего не знает. Прощай.

Обнимаю тебя накрепко.

Верный твой
А. Г.

«Венцеслава» велю переписать и пришлю к тебе.

Адрес:

Степану Никитичу Бегичеву

П. А. КАТЕНИНУ

**Первая половина января — 14 февраля 1825.
Петербург**

Умнейший, любезнейший Павел Александрович. Вчера я получил твое письмо, и знаешь ли, какое оно действие произвело на меня? Я заперся на целый день и у огонька моей печки полсутки пожил с тобою, почтенный друг. Прежние года с такою полнотою оживились в моей памяти! Давно я не проводил времени так уединенно и между тем так приятно!.. Критика твоя, хотя жестокая и вовсе не справедливая, принесла мне [однако] истинное удовольствие тоном чистосердечия, которого я напрасно буду требовать от других людей; не уважая искренности их, негодуя на притворство, черт ли мне в их мнении? — Ты находишь главную погрешность в плане — мне кажется, что он прост и ясен по цели и исполнению; девушка, сама не глупая, предпочитает дурака умному человеку (не потому, чтобы ум у нас, грешных, был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противуречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немножко повыше прочих, сначала он весел, и это порок: *Шутить и век шутить, как вас на это станет!* Слегка перебирает странности прежних знакомых, что же делать, коли нет в них благороднейшей заметной черты! Его насмешки не язвительны, покуда его не взбесить, но все-таки: *Не человек! Змея!*, а после, когда вмешивается личность, наших затронули, предается анафеме: *Унизить рад, кольнуть, завистлив! горд и зол!* Не терпит подлости: *Ах! Боже мой, он карбонарий.* Кто-то со злости выдумал об нем, что он сумасшедший, никто не поверил, и все повторяют, голос общего недоброхотства и до него доходит, притом и нелюбовь к нему той девушки, для которой единственно он явился в Москву, ему совершенно объясняется, он ей и всем наплевал в глаза и был таков. Ферзь тоже разочарована насчет своего Сахара Медовича. Что же может быть полнее этого? *Сцены связаны произвольно.* Так же, как в натуре всяких событий, мелких и важных: чем внезапнее, тем более завлекают в любопытство. Пишу для подобных себе, а я, когда по первой сцене угадываю десятую: раззеваюсь и вон бегу из театра. *Характеры портретны.* Да! и я коли не имею таланта Мольера, то по крайней мере чистосердечнее его; портреты, и только портреты, входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на всех своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине

Начало и конец письма П. А. Катенину.
Первая половина января – 14 февраля 1825 г.

„Дарования больше, нежели искусства.“ — Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать; не знаю, стою ли её? Искусство в том только и состоит, чтобы подделываться под дарование, а в ком более вытверженного, приобретённого потом и мучением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силе, — тот, если художник, разбей свою палитру, и холст, резец или перо своё брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? nugae difficiles. Я как живу, так и пишу, свободно и свободно.

ни одной не найдешь. Вот моя поэтика; ты волен просветить меня, и, коли лучше что выдумаешь, я позаймусь от тебя с благодарностию. Вообще я ни перед кем не таился и сколько раз повторяю (свидетельствуюсь Жандром, Шаховским, Гречем, Булгариным etc., etc., etc.), что тебе обязан зрелостию, объемом и даже оригинальностию моего дарования, если оно есть во мне. Одно прибавлю о характерах Мольера: «Мещанин во дворянстве», «Мнимый больной» — портреты, и превосходные; «Скупец» — Антропос* собственной фабрики, и несносен.

Дарования более, нежели искусства. — Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать, не знаю, стою ли ее? Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытвержденного, приобретенного путом и сидением искусства угождать теоретикам, т. е. делать глупости, в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам, бабушкиным преданиям, нежели собственной творческой силы, — тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? Nugae difficiles**. Я как живу, так и пишу свободно и свободно.

14 февр<аля>

Те две страницы посылаю тебе недописанные. Оне уже месяц как начаты, и что я хотел прибавить, не помню, но вероятно о себе, итак благодарю мою память, что она мне на сей раз изменила. Ты говоришь, что замечания твои останутся между нами. Нет! мой друг, я уже давно от всяких тайн отказался, и письмо твое на другой же день сообщил, с кем только встретился: Дельвигу, между прочим, которого два раза в жизни видел, Булгарину, Муханову, Наумову, Одоевскому, Каратыгину и тогда же вечером Варв<аре> Семен<овне>, Жандру и всем, кто у них на ту пору случился, вероятно, еще многим, но кто же теперь всех их упомнит? —

Брат твой был у меня и очень обрадовался рассказами о тебе, как ты веселишься и танцуешь в Костроме. Слушай, зачем ты не обратишься с просьбою прямо к Государю? Верно, ему давно уже известно, что ты оклеветан, и, конечно, он бы воротил тебя из ссылки. Попытайся, сделай это для себя и для твоих искренних приятелей.

Ответ твой подлецу P. B. G. напечатан. Доволен ли ты? Все благомыслящие люди на твоей стороне, но издателям много труда стоило добиться позволения от Министерства к напечатанию твоего картеля***. Какой ты, однако, вздор пишешь Жандру

о разговоре Булгарина в «Талии». Этот человек подкапывается под рухлую славу Лобанова, также враг Гнедичева перевода «Андромахи» (сколько я знаю, хотя бы он не хотел знать литературных подлостей и сплетен), как же ты мог это взять на свой счет! На сей раз я точно поскромничаю и письма твоего не оглашу всенародно, Гречу и Булгарину ничего не скажу из того, что было ты поручил, и я думаю, ты сам видишь, как жестоко обмануло тебя мрачное твое расположение.

Ты требуешь моего мнения о твоих «Сплетнях» и «Сиде». «Сплетни», сколько я помню, не произвели на меня приятного впечатления, оне невеселы; и слог недовольно натурален, хоть и есть иные стихи превосходные. В «Сиде» есть одна сцена (особенно), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто раз публично и про себя.

Это встреча Диега с Родригом в доме Химены, не помню в конце ли третьего или 4-го акта, ее без слез читать нельзя, вообще весь перевод приносит тебе много чести, но также попадаются небрежности в слоге, жесткости и ошибки против языка (для тех, кто их замечать хочет), точно такие же погрешности повредили твоему напечатанному отрывку из «Андромахи» не в мнении беспристрастных ценителей изящного, но тех, которые давно уже каждый шаг твой оспаривают на поприще трудов и славы. — Зачем ты не даешь сыграть «Андромахи»? Семенова душою этого желает, соединение таких двух талантов, как она с Каратыгиным, не всегда случается, может быть он в чужие краи отправится, и тогда трагедии твоей опять лежать в продолжение нескольких лет.

Прощай, мой свет, пиши ко мне скорее на имя Жандра, но скорее: потому что я здесь еще недолго промедлю. А живу я точно как ты в Кологриве, очень уединенно, редко с кем вижусь из старых моих знакомых, с большим числом из них не возобновил прежних коротких связей, вновь ни с кем не дружусь, лета не те, сердце холоднее.

Прощай, обнимаю тебя от души.

Верный твой

А. Г.

NB. Сделай одолжение, решись обратиться с просьбой прямо к Государю. Кроме собственной его души, ни на чью здесь не надейся, никто за брата родного не похлопочет.

Зачем ты Телешову дрянью называешь, не имея об ней никакого понятия? Как же другим пенять, когда *ты* так резко судишь о том, чего не знаешь?

---

* человек (*греч.*).

** замысловатые пустяки (*лат.*).

*** вызов на поединок (cartel, *франц.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Январь—февраль 1825. Петербург

Любезнейший друг, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфе», не можешь ли его спросить, как он ухитрился произнести грозный суд о ходе катенинской трагедии по одному только действию, которое напечатано в «Талии»? Это или что-нибудь подобное, пожалуйста, скажи печатно. Коли я напишу, то никого не уверишь, чтобы тут не примешалось дружеское пристрастие; я думаю, лучше, коли бы ты сам вступился. Прощай.

Будь здрав.

Верный твой
А. Г.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Февраль 1825. Петербург

Любезный друг, пересмотри все, что я отметил на память, потому что у меня никакой нет книги о Персии. Зачем ты мне прислал вдвойне работу? Я сначала не приметил, что это одно и то же, и писал на черном списке; потом то же принужден был перенести в белую тетрадь. —

При имени *Александра Гривс*, в Бомбее, нельзя ли приложить следующее замечание:

NB. Семейство Гривс, дети* покойного петербургского медика, получило наследство после дяди в Бомбее, с условием в нем поселиться. Там девицы Гривс славятся своею красотою и привязанностью к России и вообще известны под названием гордых петербургских красавиц. Многие знаменитые искатели домогались их руки, но не были приняты** даже в число их знакомых; между тем как всякий русский или хоть мельком побывавший в России находит в их доме самый ласковый и родственный прием. Здесь новый этому опыт.

Неужели ты не заметил, что Цикулин врет об английском наказании кошками?

---

* Исправлено из: оставшиеся после.
** Было: не только не приняты бы<ли>.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

18 мая 1825. Петербург

С. Петербург. 18-го Мая <1>825.

Бесценнейший друг и брат. Ты не досадуй, что я до сих пор позамедлил ответом на милое твое письмо, с приложением Анти-

критики против Дмитриева. Ты уже, верно, из газет знаешь, что Столыпин, с которым я в путь собирался, умер. Мы бы его похоронили и все тут, но вдова его ангел, а не женщина, одно утешение находит быть со мною, это с ее стороны довольно мечтательно, но их пол не то, что мы; сама она же говорит, что всякая женщина, как плющ, должна обвиваться вокруг кого-нибудь и без опоры погибнет. От меня слишком бы жестоко было лишить ее (хоть это и не может продлиться) моего присутствия в ту самую минуту, в которой оно необходимо, и я покудова остаюсь. — Бедное человечество! Что наши радости и что печали! — Как бы то ни было, я не долго замешкаюсь, ее со всем семейством отец, Н. С. Мордвинов, перевезет к себе на дачу; тогда и я свободно помчусь *наконец*.

Ты с жаром вступился за меня, любезный мой Вовенарг. Благодарю тебя и за намерение, и за исполнение. Я твою тетрадку читал многим приятелям, все ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ее печатать, так, конечно, не оттого, чтобы в ней чего-нибудь недоставало. Но слушай: я привык тебя уважать, это чувство к тебе вселяю в каждого нового моего знакомца, как же ты мог думать, что допущу тебя до личной подлой и публичной схватки с Дмитриев<ым>: личной и подлой: потому что он одною выходкою в «В<естнике> Е<вропы>» не остановится, станет писать, пачкать, бесить тебя, и ты бы наконец его прибил. И все это за человека, который бы хотел, чтобы все на тебя смотрели как на лицо высшего значения, неприкосновенное, друга-хранителя, которого я избрал себе с ранней молодости коли отчасти по симпатии, так ровно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработил нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здравого рассудка и характера всегда стоял выше меня. Да! и коли я талантом и чем-нибудь сделаюсь известен свету, то и это глубокое, благоговейное чувство к тебе перелью во всякого моего почитателя. Итак, плюнь на марателя Дмитриева, в одном только случае возьмись за перо в мою защиту, если я буду в отдалении или умру прежде тебя и кто-нибудь, мой ненавистник, вздумает чернить мою душу и поступки. — Теперешний твой манускрипт оставлю себе на память.

Вильгельм третьего дни разбудил меня в четвертом часу ночи, я уже засыпал глубоким сном; на другой день поутру в седьмом, оба раза испугал меня до смерти и извинялся до бесконечности. Но дело *не шуточное*!!! побранился с Львом Пушкиным, хочет драться; вероятно, я их примирю или сами уймутся. — Узнаешь ли ты нашего неугомонного рыцаря?

Прощай, нынешний вечер играют в школе, приватно, без дозволенья цензуры, мою комедию. — Я весь день, вероятно, проведу у Мордвиновых, а часов в девять явлюсь посмотреть на мое чадо, как его коверкать станут. Журналисты повысились в моих глазах 5-ю процентами, очень хлопочут за Кюхельбекера, приняли его в сотрудники, и, кажется, удастся определить его к казенному месту. У Шишкова не удалось, в почтамте тоже и в Горном департаменте, но где-нибудь откроется щелка.

Сейчас помирил Вильгельма. С той минуты перебывало у меня 20 человек, голову вскружили. Прощай.

Обнимаю тебя и любезную Анну Ивановну.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

4 июня 1825. Киев

Киев. 4 июня <1>825.

Друг и брат, описывать тебе Киева нечего, потому что ты здесь бывал; другим я передал в Петербург первые мои впечатления по приезде сюда, тебя уведомляю, что я тут и через несколько дней помчусь на юг далее. В Лавре я встретил Кологривову Д. А.: от нее узнал, что твоя сестра живет в уединенье недалеко от дому, где я остановился, вероятно, я ее не увижу, потому что несвятостию моего жития бурного и бестолкового не приобрел себе права быть знакомым с молчаливыми пустынницами; у меня в наружности гораздо более светского, чем на самом деле, но кто же ее об этом уведомит? Итак, вряд ли я буду к ней допущен.

Прощай покудова, перед отъездом, может быть, еще раз удастся написать к тебе. Поцелуй за меня дитя свое и Анну Ивановну.

Верный друг твой.

Пиши ко мне в Тифлис, на имя губернат<ора> Романа Ивановича Ховена.

А д р е с:

Тульской Губерн<ии>;
в городе Ефремове
в селе Дмитриевском
Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Степану Никитьевичу
Бегичеву.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ
10 июня 1825. Киев

Киев. 10 июня <1>825.

Благодарю тебя душевно за два письма, любезный друг, особенно за *секретную* почту. С первой строки я угадал, в чем дело. Не хочу льстить тебе, я полагал, что ты, с чрезвычайно просвещенным умом, не деятелен, холоден, недовольно заботлив о вещественных нуждах друзей твоих. Я судил по моим опытам, презираю деньги, достаток, богатство и как это все называется? потом, когда случится друг или просто хороший знакомый в стесненном положении и требует помощи, смотришь: помочь нечем. — Я, однако, на твой счет грубо ошибся, и тем искреннее спешу в том признаться. Представь себе всю эту сложность обстоятельств. Письмо твое уже не застало меня в Петербурге, его распечатали Александр с Вильгельмом, уверенные, что нам с тобою от них таить нечего; сам брат твой мне это объявляет, теперь не знаю, оба ли они письма прочли, или одно только? Ты скорее меня известишься об этом: спроси Александра. — Как хочешь, а я от него не скрою твоего поступка; напрасно ты взял с меня честное слово, я тебе не давал его; притом же брат Александр мой питомец, l'enfant de mon choix*, я обязан не оставлять его в заблуждении насчет людей особенно ему близких, он же тебя более по мне знает, из моих описаний, вы слишком были молоды, когда вместе живали или виделись, и не могли составить себе решительного мнения друг о друге, так извини, мой милый Владимир, коли я со всею откровенностию передам ему изящную черту твоего характера.

Сам я в древнем Киеве; надышался здешним воздухом, и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением, за ними я едва вскользь заметил настоящее поколение, как они мыслят и что творят русские чиновники и польские помещики, Бог их ведает. Природа великолепная, с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются, прибавь к этому святость развалин, мрак пещер, как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет, зелень: тополи и виноградники, чего нет у нас. Хорошо, однако, что я побывал здесь в начале июня, говорят, что зимою немногим лучше Северной России. Посетителей у меня перебывало много, однако скромных, мало мешали.

Верстовского обними за меня, здесь я узнал, что отец его перебрался на житье в Москву, что же от того, лучше или хуже для музыки? Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. — Как ты об этом думаешь?

За статью в «Телеграфе» приношу тебе заранее мою благодарность, только вопрос теперь, где я наткнусь на нее? — Здесь не найдешь, в Крыму, где буду слоняться недели с три, того менее; в Керчи сяду на корабль и поплыву в Имеретию, оттудова в горы к Ермолову, итак, прощайте журналы до Тифлиса. — Меня приглашают неотступно в Бердичев на ярмарку, которая начнется послезавтра, там хотят познакомить с Ржевуцким, притом в Любаре семейство Муравьевых устраивает мне самый приятный прием, боюсь сдаться на их веру, не скоро вырвешься. — Прощай, милый мой мудрец, сердечно радуюсь твоим занятиям, не охлаждайся, они всякой жизни придают высокое значение, и даже в Москве (откуда вынеси тебя Бог поскорее). Только я не разумею здесь полемических памфлетов, критик и антикритик. Виноват, хотя ты за меня подвизаешься, а мне за тебя досадно. Охота же так ревностно препираться о нескольких стихах, о их гладкости, жесткости, плоскости, между тем тебе отвечать будут и самого вынудят за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тех, которые от души желают, чтобы отечество наше оставалось в вечном младенчестве!!!

Прощай, люби меня и пиши прямо в Тифлис, на имя военного губернатора Е<го> П<ревосходительства> Романа Ивановича Ховена. Твой адрес пребеспутный, что такое ваш монастырь Георгиевский и Тверская без означения дома, чей он..? —

NB. Я сейчас перечел твое письмо, ты требуешь, чтобы К<юхельбекер> поспешил новым сочинением прежде выхода в свет 4 части Мн<емозины>: но как же ему публиковать о новой книге, не исполнив своих условий с публикою насчет выхода той, за которую деньги уже заплачены? — Я уверен, что ты далее медлить не будешь.

---

* избранное мною дитя (*франц.*).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 июля 1825. Симферополь

9 июля. Симферополь.

Брат и друг. Я объехал часть южную и восточную полуострова, очень доволен моим путешествием, хотя здесь природа против Кавказа всё представляет словно в сокращении, нет таких гранитных громад, снеговых вершин Эльбруса и Казбека, ни ревущего Терека или Арагвы, душа не обмирает при виде бездонных пропастей, как там в наших краях, зато прелесть моря и иных долин, Качи, Бельбека и Касихли-Узеня *и пр<очее>* ни с чем сравнить не можно. Я мои записки вел порядочно, коли не поленюсь, перепишу и перешлю тебе. Но вот беда, выехать не с чем, а жить здесь долее вчуже не для чего. Пришли, брат, на подъем. Наперед тебя уверяю, что скоро никак не могу тебе заплатить, а когда Бог даст, покудова никаких способов и в виду не имею. Но если тебе полторы тысячи не сделают разницы, поделись со мною. — Прощай, можешь или не можешь — все равно, но напиши мне сюда два слова непременно. Я сделал дурачество, писал тебе, чтобы до Тифлиса твои конверты меня нигде не отыскивали, а между тем ничего о тебе не знаю.

Обнимаю тебя от души. Перецелуй всех своих.

Верный твой друг
А. Г.

А д р е с:

Тульской губернии в город Ефремов.
Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Степану Никитьевичу Бегичеву
В селе Дмитриевском.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 сентября 1825. Симферополь

9 сентября. Симферополь.

Друг и брат. Твои 1500 р<ублей> я получил еще перед исходом прошедшего месяца, объяснить тебе вполне благодарности не умею; без тебя мой корабль остался бы на мели, пришлось бы зимовать здесь. Еще раз благодарю тебя, и не в последний, Бог

даст, свидимся, и тогда сердечное объятие лучше всякого письма выразит тебе мое чувство. Я тотчас не писал к тебе по важной причине, ты хотел знать, что я с собою намерен делать, а я сам еще не знал, чуть было не попал в Одессу: потом подумал поселиться надолго в Соблах, неподалеку отсюдова. Наконец еду к Ермолову, послезавтра непременно, все уложено. Ну вот, почти три месяца я провел в Тавриде, а результат нуль. Ничего не написал. Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня все еще загадка. — Что у меня с избытком найдется что сказать: за это ручаюсь, отчего же я нем? Нем как гроб!!

Еще игра судьбы нестерпимая: весь век желаю где-нибудь найти уголок для уединения, и нет его для меня нигде. Приезжаю сюда, никого не вижу, не знаю и знать не хочу. Это продолжилось не далее суток, потому ли, что фортепьянная репутация моей сестры известна, или чутьем открыли, что я умею играть вальсы и кадрили, ворвались ко мне, осыпали приветствиями, и маленький городок сделался мне тошнее Петербурга. Мало этого. Наехали путешественники, которые меня знают по журналам, сочинитель Фамусова и Скалозуба, следовательно, веселый человек. Тьфу, злодейство! да, мне невесело, скучно, отвратительно, несносно!.. И то неправда, иногда слишком ласкали мое самолюбие, знают наизусть мои рифмы, ожидают от меня, чего я, может быть, не в силах исполнить; таким образом, я нажил кучу новых приятелей, а время потерял и вообще утратил силу характера, которую начинал приобретать на перекладных. Верь мне, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах, кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов; воображенье свежо, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет... Но остановки, отдыхи двухнедельные, двухмесячные для меня пагубны, задремлю либо завьюсь чужим вихрем, живу не в себе, а в тех людях, которые поминутно со мною, часто же они дураки набитые. Подожду, авось придут в равновесие мои замыслы беспредельные и ограниченные способности. Сделай одолжение, не показывай никому этого лоскутка моего пачканья; я еще не перечел, но уверен, что тут много сумасшествия.

Прошу у тебя как милостыни: не прерывай со мною переписки, чтоб я знал, где ты, потому что легко станется, что я по многом странствии прямо к тебе вернусь, и тем лучше, коли ты в деревне будешь. Адрес мой в главную квартиру г<енерала> Ерм<олова>.

Отчего я туда пускаюсь что-то скрепя сердце. Увидишь, что мне там несдобровать, надо мною носятся какие-то тяжелые пары

Кюхельбекеровой атмосферы, те, которые его отовсюду выживали и присунули наконец к печатному станку Греча и Булгарина. Прощай, поцелуй Анну Ивановну и ребенка и будущего на днях, когда родится.

О Чатыр-Даге и южном берегу после, со временем. Прощай, мой бесценный Степан.

Володя пишет ко мне в Киев о полемической выходке за мою честь в «Телеграфе», но мне никогда этого не случалось видеть. Ты, вероятно, читал; как находишь? Да получил ли ты мое письмо еще из Петербурга о твоей тогдашней статье в мою же защиту и как ты принял мое мнение? Прав ли я был? Не слыхал ли чего-нибудь о Шатилове и Алябьеве? Чем кончилось их дело? Пожалуйста, в первом письме ко мне поболтай о чем-нибудь, а то скуп стал на слова.

Давыдова памфлета я не получил, и нет его на почте. Ты жалуешься на журналы; стало быть, я счастлив, что с мая месяца их в глаза не видал.

Александр Одоевский будет в Москве, поручаю его твоему дружескому расположению, как самого себя. Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел.

Коли зимою ворочусь в Москву и ты там будешь, так заберусь к Дмитрию — в Якшино.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

12 сентября 1825. Феодосия

12 сентября. Феодосия.

Третьего дня я вырвался наконец из дрянного городишка, где, однако, всякое со мною случалось, и веселое и грустное. А Брест!! Литовский! вероятно, нет хуже местечка на взгляд, но и там пожилось. В несколько часов я прокатился по солнышку до Карасубазаря и еще станцию далее; справа чернелись верхи Айл и Чатыр-Дага, потом передовые холмы их заслонили в виду продолговатый Агер-мышь, мы спустились в какую-то бесплодную ложбину и долго тут ехали, наконец повернули круто от селения Эльбузы в горные дикие места, где дорога просечена разными извивами, густые леса, кручи, скалы, хаос ужасный, все смешано в этом искривленном направлении, спустились под вечер в роскошную Судацкую долину. Я не видал подобной, и она считается первою в полуострове по избытку виноградников, сады от Таракташа до моря на протяжении нескольких верст, веселые домики

помещиков, странные верхи утесов, и к западу уединенные развалины генуэзского замка. Я ночевал у барона Боде. Пюблицист из «Духа Журналов» etc., etc.

На другой день (вчера) рано побрел к мысу, на котором разметаны Сольдайские руины. Я был один. Александра отправил по колясочной дороге в Кафу. Кто хочет посещать прах и камни славных усопших, не должен брать живых с собою. Это мною несколько раз испытано. Поспешная и громкая походка, равнодушные лица и пуще всего глупые, ежедневные толки спутников часто не давали мне забыться, и сближение моей жизни, последнего пришельца, с судьбою давно отшедших для меня было потеряно. Не так в Сольдае. Мирно и почтительно взошел я на пустырь, обнесенный стенами и обломками башен, цеплялся по утесу, нависшему круто в море, и бережно взобрался до самой вершины, и там башня и свод уцелели. С Чатыр-Дага вид пространнее, но нет признака, чтобы там люди живали, усел город, чтобы стекались в него купцы и странники изо всех частей света, чтобы, наконец, он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем и груды камней одни бы свидетельствовали о прежней величавой его жизни. Здесь это все есть. И не приморскими видами я любовался; перебирал мысленно многое, что слыхал и видел, потом вообразил себя на одной из ростральных колонн петербургской биржи. Оттуда я накануне моего отъезда любовался разноцветностию кровель, позолотою глав церковных, красотою Невы, множеством кораблей и мачт их. И туда взойдет некогда странник (когда один столб, может быть, переживет разрушение дворцов и соборов) и посетует о прежнем блеске нашей северной столицы, наших купцов, наших царей и их прислужников. — Когда я сошел сверху к берегу, лошади были приведены с почты, и я поскакал. Скучные места, без зелени, без населения, солонец, истресканный палящим солнцем, местами полынь растет, таким образом до Козской долины, где природа щедрее и разнообразнее. То глубокие спуски в лесную чащу, дубы, осокори, дикие груши, дикий виноград, потом крутые подъемы, и с высоты виднеется море, которого синяя влага в ведреную пору всегда для глаз приятна; местами торчат обрушенные, ветхие стены италийцев, греков или готфов, судя по тому, кто какие книги читает и которым верит. Самая миловидная полоса этой части Крыма, по мне, *Оттузы*. — Сюда я прискакал поздно ночью, при лунном сиянии.

Нынче обегал весь город, чудная смесь вековых стен прежней Кафы и наших однодневных мазанок. Отчего, однако, воскресло имя Феодосии, едва известное из описаний древних географов, и поглотило наименование Кафы, которая громка во стольких лето-

писях европейских и восточных. На этом пепелище господствовали некогда готические нравы генуэзцев; их сменили пастырские обычаи мунгалов с примесью турецкого великолепия; за ними явились мы, всеобщие наследники, и с нами дух разрушения; ни одного здания не уцелело, ни одного участка древнего города не взрытого, не перекопанного. — Что ж? Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, когда исчезнет русское племя, как им поступать с бренными остатками нашего бытия.

А мне между тем так скучно! Так грустно! Думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности. — Пора умереть? Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизъяснимая! воля твоя, если это долго меня промучит, я никак не намерен вооружиться терпением; пускай оно остается добродетелью тяглого скота. Представь себе, что со мною повторилась та ипохондрия, которая выгнала меня из Грузии, но теперь в такой усиленной степени, как еще никогда не бывало. Одоевскому я не пишу об этом, он меня страстно любит и пуще моего будет несчастлив, коли узнает. Ты, мой бесценный Степан, любишь меня тоже, как только брат может любить брата, но ты меня старее, опытнее и умнее; сделай одолжение, подай совет, чем мне избавить себя от сумасшествия или пистолета, а я чувствую, что то или другое у меня впереди.

А. А. БЕСТУЖЕВУ

22 ноября 1825. Станица Екатериноградская

Екатериноградс<кая> станица.
Ноябрь 22 <1>825.

Поверишь ли, любезный мой тезка, что я только нынче получил письмо твое? А доказательством, что боюсь остаться в долгу, пусть будет тебе поспешность, с которою отвечаю. Нынешний день у нас линейских богат происшествиями, сюда прибыл Алексей Петрович, кругом меня свисты, висты, бредни и пр.: не самая благоприятная пора, чтобы собраться с мыслями, но откладывать до завтра не хочу, кто знает, где мы завтра будем, и скоро ли наживешь здесь хоть сутки спокойствия? Досугу не имею ни на секунду, окружен шумным сонмищем, даже сплю не один, в моей комнате гнездится Мазарович с латинским молитвенником и с дипломатическими замыслами, одно спасение, что из постели на лошадь и в поле. — Кавказская степь ниоткудова, от Тамани до Каспийского моря, не представляется так величественно, как

здесь, не свожу глаз с нее, при ясной, солнечной погоде туда, за снежные вершины, в глубь этих ущелий погружаюсь воображением и не выхожу из забвения, покудова облака или мрак вечерний не скроют совершенно чудесного, единственного вида, тогда только возвращаюсь домой, к друзьям и скоморохам. — Климат необыкновенный! На Малке я начал что-то поэтическое, по крайней мере самому очень нравилось, обстоятельства прервали, остыл, но при первой благоприятной перемене, снова завьюсь в эфир. — Что ты пишешь? скажи мне; одно знаю, что оргии Юсупова срисовал мастерскою кистию, сделай одолжение, вклей в повесть, нарочно составь для них какую-нибудь рамку. Я это еще не раз перечитаю себе и другим порядочным людям в утешение. Эдакий старый придворный подлец!! — Оржицкий передал ли тебе о нашей встрече в Крыму? Вспоминали о тебе, и о Рылееве, которого обними за меня искренно, по-республикански. Зовут меня. Прощай. Не пеняй, что мало, пеняй, что толку немного, но ей-ей! я сегодня в вихрях ужасных.

P. S. Любезнейший Александр, не поленись, напиши мне еще раз, и побольше, что в голову взойдет, не поверишь, каким веселым расположением духа я тебе нынче обязан, а со мною это редко случается. Поклонись Булгарину. Ни «Пчелы», ни «С<еверного> А<рхива>», ни «С<ына> О<течества>» не могу достать, какие мы здесь безграмотные! Мой адрес: *Начальнику Кавказск<ого> корпусного штаба г<енерал>-м<айору> Вельяминову*, не забудь, а то письмо твое опять прокочует месяцев шесть.

А д р е с:

В С. Петербург
Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Александру Александровичу
Бестужеву
У Синего моста
в доме Американской компании

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

27 ноября 1825. Станица Екатериноградская

Станица Екатериноградская.
27 ноября 1825.

Душа моя Вильгельм. Спешу уведомить тебя о моем житье, покудова не народился новый месяц, а с ним и новые приключе-

ния; еще несколько дней и, кажется, пущусь с А<лексеем> П<етровичем> в Чечню, если там скоро утишатся военные смуты, перейдем в Дагестан, а потом возвращусь к вам на Север. — Здесь многие или, лучше сказать, все о тебе вспоминают: *Вельяминов*, с которым я до сих пор слонялся по верхней Кабарде, *Коцебу 2-ой, Цебриков, Талызин + Устимович, Павлов etc., etc., и* даже *старик наш*, несмотря на прежнюю вашу ссору, расспрашивал о тебе с большим участием. Аттестат вышлется к тебе на днях. — Мазарович непременно бы наградил тебя длинною Эпистолиею, да, по счастию, надумывается для важных депеш к Несельроду и Комп<ании>: мы живем в одной комнате, я у него под носом, то курю, то стреляю, впрочем скоро расстанемся, я в горы, а он через, обратно в Тифлис. — Ты был в родах в тот раз, как приписал мне строчки две в письме Одоевского, что же произвел? Пришли прочесть, дай мне быть восприемником, несмотря, что мы в разлуке.

Меня слишком лениво посещает вдохновение, теперь о том и помышлять нечего, развлечение беспрестанное, Бегичев в последнем письме утешает меня законом упругости, что пружина на время сжатая, коль скоро исчезнет препятствие, с большим порывом отпрянет, и на свободе сильнее будет действовать, а я полагаю, что у меня дарование вроде мельничного колеса, и коли дать ему волю, то оно вздор замелет, право, милый мой Вильгельм, не знаю, с кем я умом поделился, но на мою долю осталось немного. Помоги тебе Бог, будь меня достойнее во мнении друзей и недругов. Кстати о достоинстве, *какой наш старик чудесный, невзирая на все об нем кривые толки; вот уже несколько дней, как я пристал к нему вроде тени; но ты не поверишь, как он занимателен, сколько свежих мыслей, глубокого познания людей всякого разбора, остроты рассыпаются полными горстями, ругатель безжалостный, но патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, истинно русская, мудрая голова.* По долговременной отлучке я ему еще лучше узнал цену. Это не помешает мне когда-нибудь с ним рассориться, но уважения моего он ни в каком случае утратить не может.

Дела здешние были довольно плохи, и теперь на горизонте едва проясняется. Кабарду Вельяминов усмирил, одним ударом свалил двух столпов вольного, благородного народа. Надолго ли это подействует? Но вот как происходило. Кучук Джанхотов в здешнем феодализме самый значительный владелец, от Чечни до Абазехов никто не коснется ни табунов его, ни подвластных ему ясырей, и нами поддержан, сам тоже считается из преданных русским. Сын его, любимец А<лексея> П<етровича>, был при

посольстве в Персии, но, не разделяя любви отца к России, в последнем вторжении закубанцев, был на их стороне и вообще храбрейший из всех молодых князей, первый стрелок и наездник, и на все готовый, лишь бы кабардинские девушки воспевали его подвиги по аулам. Велено его схватить и арестовать. Он сам явился по приглашению в Нальчикскую крепость, в сопровождении отца и других князей. Имя его Джамбулат, в сокращении по-черкесски Джамбот. Я стоял у окна, когда они въезжали в крепость, старик Кучук, обвитый чалмою, в знак того, что посетил святые места Мекку и Медину, другие не столько знатные владельцы ехали поодаль, впереди уздени и рабы пешие. Джамбот в великолепном убранстве, цветной тишлай сверх панциря, кинжал, шашка, богатое седло и за плечами лук с колчаном. Спешились, вошли в приемную, тут объявлена им воля Главнокомандующего. Здесь арест не то, что у нас, не скоро даст себя лишить оружия человек, который в нем всю честь полагает. Джамбот решительно отказался повиноваться. Отец убеждал его не губить себя и всех, но он был непреклонен, начались переговоры, старик и некоторые с ним пришли к Вельяминову с просьбою не употреблять насилия против несчастного смельчака, но уступить в сем случае было бы несогласно с пользою правительства. Солдатам велено окружить ту комнату, где засел ослушник, с ним был друг его Канамат Касаев, при малейшем покушении к побегу отдан был приказ, чтобы стрелять. Я, знавши это, заслонил собою окно, в которое старик отец мог бы все видеть, что происходило в другом доме, где был сын его. Вдруг раздался выстрел. Кучук вздрогнул и поднял глаза к небу. Я оглянулся. Выстрелил Джамбот из окна, которое вышиб ногою, потом высунул руку с кинжалом, чтобы отклонить окружающих, выставил голову и грудь, но в ту минуту ружейный выстрел и штык прямо в шею повергли его на землю, вслед за этим еще несколько пуль не дали ему долго бороться со смертию. Товарищ его прыгнул за ним, но середи двора также был встречен в упор несколькими выстрелами, пал на колена, но они были раздроблены, оперся на левую руку, и правою успел еще взвести курок пистолета, дал промах и тут же лишился жизни. — Прощай, мой друг, мне так мешали, что не дали тебе порядочно досказать этой кровавой сцены; вот уже месяц, как она происходила, но у меня из головы не выходит. Мне было жаль не тех, которые так славно пали, но старца отца. Впрочем, он остался неподвижен, и до сих пор, не видно, чтобы смерть сына на него сильнее подействовала, чем на меня.

Прощай еще раз. Кланяйся Гречу и Булгарину.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

7 декабря 1825. Станица Екатериноградская

Станица Екатериноградская. 7 декабря.

На убедительные твои утешения и советы надобно бы мне отвечать не словами, а делами, дражайший мой Степан. Ты совершенно прав, но этого для меня не довольно, ибо, кроме голоса здравого рассудка, есть во мне какой-то внутренний распорядитель, наклоняет меня ко мрачности, скуке, и теперь я тот же, что в Феодосии, не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положение незавидно. — Ты говоришь мне о таланте, надобно бы вместе с тем иметь всегда охоту им пользоваться, но те промежутки, когда чувствуешь себя пустейшим головою и сердцем, чем прикажешь их наполнить? Люди не часы; кто всегда похож на себя и где найдется книга без противуречий? Чтобы больше не *иов*ничать, пускаюсь в Чечню, А<лексей> П<етрович> не хотел, но я сам ему навязался. — Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещеньем, действие конгревов, будем вешать и прощать и плюем на историю. Насчет А<лексея> П<етровича> объявляю тебе, что он умнее и своеобычливее, чем когда-либо. Удовольствие быть с ним покупаю смертельною скукою во время виста, уйти некуда, все стеснены в одной комнате; но потом за ужином и после до глубокой ночи разговорчив, оригинален и необыкновенно приятен. Нынче, с тех пор как мы вместе, я еще более дивлюсь его сложению телесному и нравственному. Беспрестанно сидит и не знает почечуя, окружен глупцами и не глупеет.

Нужна оговорка: Вельяминов, его начальник штаба, чрезвычайно неглупый человек, твердых правил, прекраснейших сведений etc. Но он не был при нем все время, что я находился в России, почти 3 года. С этим я в нынешний приезд в короткое время сблизился более, чем прежде. Глаз на глаз судьба завела меня с ним на Малку и оттудова к разным укреплениям новой линии; все вместе и все одни, я этому случаю благодарен за прекраснейшее открытие достойного человека. Что говорит об нем Якубович? Коли ругает, так врет. Вообще многое, что ты слышал от меня прежде, я нынче переверил, во многом я сам ошибался. — Н<а>п<ример>, насчет Давыдова, мне казалось, что Е<рмолов> не довольно настаивал о его определении сюда в дивизионные. Теперь имею неоспоримые доказательства, что он несколько раз настоятельно этого требовал, получал одни и те же отказы. Зная и Давыдова, и здешние дела, нахожу, что это немаловажный про-

мах правительства. Сталь был бескорыстен, а кроме того дурак. Лисаневич храбрейший человек, но опрометчив, умер геройски, жил без толку. Горчаков карточный генерал, Шульгин и не более. Здесь нужен военный человек, решительный и умный, не только исполнитель чужих предначертаний, сам творец своего поведения, недремлющий наблюдатель всего, что угрожает порядку и спокойствию от Усть-Лабы до Андреевской. Загляни на карту и суди о важности этого назначения. Давыдов здесь во многом поправил бы ошибки самого А<лексея> П<етровича>, который притом не может быть сам повсюду. Эта краска рыцарства, какою судьба оттенила характер нашего приятеля, привязала бы к нему кабардинцев. Я теперь лично знаю многих князей и узденей. Двух при мне застрелили, других заключили в колодки, загнали сквозь строй, на одного я третьего дня набрел за рекою, висит, и ветер его медленно качает. Но действовать страхом и щедротами можно только до времени, одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы с знаменами победителей. Посмотрим, чем кончится поход против чеченцев; их взволновал не столько имам, пророк недавно вдохновенный, как покойный Греков, способный человек, но грабитель. Войска точно мало, но хороших начальников вовсе нет. С успехами в Чечне сопряжена тишина здесь между кабардинцев, и закубанцы не посмеют так часто вторгаться в наши границы, как прошлою осенью. Имя Ермолова еще ужасает, дай Бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! в Чечню! Здесь война особенного рода, главное затруднение в дебрях и ущельях отыскать неприятеля, отыскавши, истребить его ничего не значит.

Прощай, я завлекся тем, что перед глазами, все это нескладно, но ты добавишь собственным размышлением. Целуй Анну Ивановну и Дмитрия. Мне бы хотелось из похода, т. е. месяца через два, прямо к вам воротиться, а впрочем, что Бог на душу положит. Пиши в главную квартиру на имя А<лексея> П<етровича>.

А. А. ЖАНДРУ И В. С. МИКЛАШЕВИЧ

12 декабря 1825. Станица Екатериноградская

Станица Екатериноградская. 12-го декабря <1>825.

Андрей любезнейший, я только нынче получил почту твою от 19-го окт<ября>: а когда моя пойдет и через кого доставится в Георгиевск — не знаю, но досуг есть, и пишу. Философия твоя чуть было меня не прослезила, милый друг мой. «К чему ведет нас эта жизнь?» — Оглянись, с тобою умнейшая, исполненная чувства и

верная сопутница в этой жизни, и как разнообразна и весела, когда не сердится. У тебя *я*, *я* и *я*, а наш Александр Одоевский? — И когда мы не вместе, есть о ком думать. Avec ce cortège d'amis on ne s'ennuie pas, mon coeur*, в том и счастие, чтобы сердце не оставалось пусто. Да хотя бы у нас только и назначения было, чтобы тебе ко мне писать, а мне любоваться твоею Эпистолиею, так есть за что благодарить Бога. Как ты решил? Все равно, а я нынче весь день был занят твоими портретами. Вижу, что правда, и огорчительная, насчет Кат<енина> и Кандида. Смерть Государя причиною, что мы здесь запраздновали, и ни с места. Мне уже тошно становится, никакого толку. Мазарович с утра морит меня изломанным французским языком, снег петербургский, солнца давно нет, скучно в поле, дома еще скучнее, не дают призадуматься, все это вроде арабесков, как об них говорит Алексей Петрович, что у человека из задницы дуб растет, с которого он зубами желуди хватает. Глупо.

Для развлечения бываю по вечерам в Азиатской дружеской беседе Мирза-Джана; а у него певец, Алаиер, мурлычит татарские эклоги; коли поход в Чечню не состоится, то я далее не выдержу; как ни люблю А<лексея> П<етровича>, но, по совести сказать, на что я ему надобен? Вот вам, напр<имер>, я точно необходим, теперь сам вижу, испытал, что такое разлука, тянет обратно, уверен, что встретят меня с тою же горячностью, с которою провожали, а быть кому-нибудь в утешение куда приятно!!

Сделай милость, объяви мне искренно; или вы, лучше, скажите мне, милый друг Варвара Семеновна, отчего наш Александр так страстно отзывается мне о В. Н. Т[...]. Ночью сидит у ней, и оттудова ко мне пишет, когда уже все дети спать улеглись... Не давайте ему слишком увлекаться этою дружбою, я по себе знаю, как оно бывает опасно. Но может быть, я гадкими своими сомнениями оскорблю и ее, и Александра. Виноват, мне простительно в других предполагать несколько той слабости, которая испортила мне полжизни. Точно, это вздор, она его гораздо старее, ни с чем не сообразно, и вы утаите эту статью от нашего друга, кстати, он теперь в Москве, по возвращении, ради Бога, ему не показывайте. Не хочу от вас скрывать моих пятен, а то бы одним махом уничтожил всю эту подлость. Прощайте, милые мои, бесценные существа. Какое у вас движение в Петербурге!! — А здесь... — Подождем! Варвара Семеновна, понуждайте нашего ленивца, чтобы не отставал от Одоевского, я перед вами на колена становлюсь. Пишите к дальнему другу и родственнику вашего избранья. Сто раз благодарю вас, что нянчите Вильгельма, чур не заглядываться, тотчас треснетесь головою об пол. На днях прибыл сюда фельдъегерь Экунин и привез мне письмо из Театраль-

ной шкоды, стало быть, как я ни далек от нее, а все ближе вас, вы, верно, с нею не бываете в таких коротких сношениях. Шаховской таки сосватал сестру за полицейского Юпитера, черт с ними со всеми. Скажите мне два слова об «Аристофане», «Фонтане», Колосовой, Каратыгине, Григорьеве. Правда, я было позабыл, что не те времена.

От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет тихая любовь.

На чей счет Булгарин нынче ветошничает, с кем в войне? Прощай, брат Андрей, когда-нибудь напишу тебе умнее, а ты все-таки отвечай. Коли вы Вариньки не согнали, так поцелуй ее от меня, между тем мой Сашка почтительно вам кланяется.

Продолжение впредь, твоя ли рука?

---

* С такой свитой друзей не соскучишься, сердце мое (*франц.*).

Н. И. ГРЕЧУ И В. Ф. БУЛГАРИНУ

17 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

С дозволения инквизиции.

Друзья мои Греч или Булгарин, кто из вас в типографии? Пришлите мне газет каких-нибудь и журналов, и нет ли у вас «Чайльд Гарольда»? Меня здесь заперли, и я погибаю от скуки и невинности. *Чур! Молчать.*

Грибоедов.

Главный Штаб
17 февр<аля>.

Das Papier in's Feuer*.

Фадей, мой друг, познакомься с капитаном здешним Жуковским, nous sommes camarades commes cochons**, может быть удастся тебе и ко мне проникнуть. Я писал к Государю, ничего не отвечает.

Адрес:

М<илостивому> Г<осударю>
Николаю Ивановичу Гречу
или
Фадею Венедиктовичу Булгарину
в собственные руки.

---

* Бумагу в огонь (*нем.*).
** мы с ним закадычные друзья (*франц.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Вскоре после 17 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Сто тысяч раз благодарю, что потешил заключенного; а то я сидел только и проклинал моих гонителей. Сделай одолжение, не пугайся. Бояться людей — значит баловать их. — Пришли мне Пушкина «Стихотворения» на одни сутки. Как бы я желал тебя видеть!!!

Адрес:

Издателю «Сев<ерной> пчелы».

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Вскоре после 17 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Дай, брат, пожалуйста, длинных академических газет, да еще каких-нибудь журналов — я тотчас пришлю назад. —

Верный твой друг.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

После 6 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Сделай одолжение, достань у Греча или у кого-нибудь Атлас к Анахарсису или какую-нибудь карту Греции да новых журналов пришли. О, правосудие!! —

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Первая половина марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Атлас к Анахарсису. Вчера я говорил Жуковскому, что ты у него был, он у меня спрашивал, видел ли ты меня? — Нет. — Коли захочешь, он доставит тебе случай у меня побывать. —

Ф. В. БУЛГАРИНУ

После 16 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Любезный друг. С нами чудные происшествия. Караул приставлен строжайший, причина неизвестная. Между тем я Комитетом оправдан начисто, как стекло. *Ивановский*, благороднейший человек, в крепости говорил мне самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожден. Притом обхождение со мною, как его, так и прочих, было совсем не то, которое имеют с подсудимыми. Казалось, все кончено. Съезди к Ивановскому, он тебя очень любит и уважает, он член Вольного Общества Любителей Словесности, и много во мне принимал участия. Расскажи ему мое положение и наведайся, чего мне ожидать. У меня желчь так скопляется, что боюсь слечь или с курка спрыгнуть. Да не будь трус, напиши мне, я записку твою сожгу, или передай сведения Ж<андру>, а тот перескажет А<лексееву>, а А<лексеев> найдет способ мне сообщить.

Vale*.

* Прощай (*лат.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

19 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

19-го марта.

Любезный друг. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нет, то извести о моем голодном положении Ж<андра> или Петр<а> Никол<аевича> Ч<ебышева>. В случае, что меня отправят куда-нибудь подалее, я чрез подателя этой же записки передам тебе мой адамантовый крест, а ты его побоку. —

Прощай.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

19 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Любезный друг, очень, очень благодарен тебе за присылку денег. Сделай одолжение, достань мне «Тавриду» Боброва, да ежели нельзя иметь на подержание, то купи мне «Le Calcul Différentiel» de Francoeur* по-французски или по-русски.

На обороте сложенного вдвое листа:
19-го Марта получил взаймы от Фадея Венедиктовича Булгарина ассигнациями сто пятьдесят рублей.

Александр Грибоедов.

---

* «Дифференциальное исчисление» Франкёра (*франц.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

**21 марта 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба**

Очень хорош и заботлив ты, Калибан Венедиктович. Присылаешь ко мне Муханова, а не мог мне дать знать об отправлении в ночь фельдъегеря, таким образом, заготовленные мои письма остались в столе, и будут лежать по твоей милости. Где ты вчера, моя душа, набрался необыкновенного *вдохновения*? Эй, берегись. Галича получил, насчет шейного платка успокой Семена, которому прошу засвидетельствовать мое почтение.

Н. А. МУХАНОВУ

**После 21 марта 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба**

Je suis entièrement dépourvu de livres. Envoyez-moi les 3 premiers volumes de Karamzin. Et n'avez vous pas «La Statistique» d'Arsenief? — Sait-on quelque-chose de positif? Je vous envoie un messager de confiance, écrivez sans crainte de compromis.

A. G.

Перевод с французского:

Я совершенно лишен книг. Пришлите мне 3 первых тома Карамзина. И нет ли у вас «Статистики» Арссньева? — Что вы слышали достоверного? Я вам послал надежного человека, пишите, не боясь быть скомпрометированным.

А. Г.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

**18 апреля 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба**

Христос воскресе, любезный друг. Жуковский просил меня достать ему точно такое же парадное издание Крылова, как то,

которое ты мне прислал. Купи у Слёнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre*. Да пришли, брат, газет. Друг мой, когда мы свидимся!!!

NB. Крылова он нынче же должен подарить в именины какой-то ему любезной дамочки.

* Вы, конечно, понимаете, что я не могу отказать ему в маленьком подарке такого рода (*франц.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

После 18 апреля 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Благодарю тебя за четвероногие «Аппологи», на днях дочитываю Degerando, коли еще нет продолжения, то достань мне старое издание, которое мне 15 лет тому назад подарил профессор Буле, оно доведено до Фихте и Шеллинга. Также Анахарсиса скоро кончу, и попрошу наместо его Шубертовы календарики. Кажется, что мне воли еще долго не видать, и вероятно, буду отправлен с фельдъегерем, в таком случае, я матушке дам знать о деньгах, которыми ты меня одолжил.

Н. А. МУХАНОВУ

Апрель—май 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Je ne me porte pas bien, de sorte que mon échapée de nuit est fort douteuse pour aujourd'hui. A demain plutôt. — Envoyez-moi les livres.

Дружески обнимаю.

G.

Перевод с французского:

Так как я нехорошо себя чувствую, то вылазка на сегодняшнюю ночь очень сомнительна. Может быть — завтра. — Пришлите мне книг.

Г.

С. И. АЛЕКСЕЕВУ

5 июня 1826. Петербург

С. Петербург. 5-го Июля.

Почтеннейший друг и тюремный товарищ, Степан Ларионович. Мы когда-то вместе молились усердно нашему Создателю и в заключении в чистой вере находили себе неотъемлемую отраду. Теперь одни в вашем семействе за меня помолитесь, поблагодарите Бога за мое освобождение и еще за многое; 2-го числа нынешнего месяца я выпущен; завтра или на днях получу отправление. Податель этого письма мне искренний приятель, Александр Алексеевич Муханов, он знает подробно все, что обо мне знать можно. Сделай одолжение, почтеннейший друг, полюби его, а мне бы очень хотелось быть на его месте и перенестись в Хороль, мы бы многое вспомнили вместе, теперь я в таком волнении, что ничего порядочно не умею ни сказать, ни написать. В краткости толку мало, а распространяться некогда. Надеюсь, что я уже ознакомлен в почтенном твоем семействе, верно, они примут во мне участие, друг любезнейший и благородный, верь, что я по гроб буду помнить твою заботливость обо мне, сам я одушевлен одною заботою, тебе она известна, я к судьбе несчастного О<доевского> не охладел в долговременном заточении и чувствую, надеюсь и верую, что Бог мне будет помощник.

Прощай, милый, бесценный Степан Ларионович, засвидетельствуй мое искреннее почтение твоей супруге, она извинит мне это короткое обхождение без чинов, с нами не чинились в Штабе, так и мы поступаем. Коли удостоишь меня письмом, то в Москву под Новинским в собственный дом.

С горячностью обнимаю тебя. Это письмо первое, но не последнее.

Искренний друг душою преданный

А. Грибоедов.

Адрес рукой А. А. Муханова:

Его Высокоблагородию
Милостивому Государю
Степану Илларионовичу
Алексееву
Полтавской Губернии
в город Хорол.

В. С. МИКЛАШЕВИЧ

6 июня 1826. Петербург

Милый друг Варвара Семеновна. Я знаю, коли вам не написать, так вы будете ужасно беспокоиться. Дело вот в чем: я не могу сна одолеть, так и клонит, сил нет домой воротиться, велел себе постель стлать, между тем хозяйничаю, чай пью, все это у Булгарина, которого самого дома нет. Скажу вам о Государе мое простодушное мнение: он, во-первых, был необыкновенно с нами умен и милостлив, ловок до чрезвычайности, а говорит так мастерски, как я, кроме А. П. Ермолова, еще никого не слыхивал. Нас представили в 3-м часу на Елагином острову, оттуда Муравьев, который меня и туда привез в своей карете (университетский мой товарищ, не видавшийся со мной уже *16* лет), завез к Жуковской матери на Крестовой, где я и обедал.

Прощайте, пишу и сплю.

Извозчику прикажите дать 2 руб. 60 копеек + 20 коп. на водку. Извините, нет денег.

А д р е с:

Андрею Андреевичу
Жандру
в Военно-Счетную экспедицию
Между Синим и Поцелуевым мостом
в доме Эгермана.

Н. А. МУХАНОВУ

Конец июня 1826. Петербург

Le fait est que je me porte mal. Quel climat, bon Dieu! Priez Khomekof de passer chez moi à l'heure qu'il est. Et si je me fais un effort pour venir vous voir, cela ne sera pas avant midi. Bonjour.

Griboyedof.

А д р е с:

Н. А. Муханову.
От Грибоедова.

П е р е в о д с ф р а н ц у з с к о г о:

Дело в том, что я себя плохо чувствую. Боже, какой климат! Попросите Хомякова сейчас же зайти ко мне. Если же я, сделав усилие, приду к вам, то это будет не раньше полудня. До свидания.

Грибоедов.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Июнь—июль 1826. Окрестности Петербурга

Любезный Булгарин, как тебя Бог бережет? О Грече я слышал неприятность, будто его снова здорово преследуют за Госнера, я между тем странствую по берегу морскому и переношусь то на верх Дудоровой горы, то в пески Ораниенбаума, *на днях* ворочусь, и прямо в твою пустыньку. — *Bergeron* не нашелся у Майера, Шмидта я прочел, и лучше бы не читал, бесконечное прение об уродах уйгурах, турки ли они или тангутцы? Тибетинцы? Столько трудов для объяснения себе, кто был давно исчезнувший народ, о котором почти никто не говорил, который ничего не сделал достопамятного и пропал, как *не бывал*. Сделай одолжение, пришли «Временник» и Абуль-Газа, да коли нет Бержерона, так по-русски План-Карпина; вероятно достать можно. Он у меня в Москве есть. —

Прощай, поминай добром. Греча очень, очень жалею, но уверен, что все нападки на него пустые.

А. Грибоедов.

Адрес:

М<илостивому> Г<осударю>
Фадею Венедиктовичу Булгарину.

М. Н. ЗАГОСКИНУ

Первая половина августа 1826. Москва

Любезный Михайло Николаевич.

Мне в своих обстоятельствах совестно было тревожить тебя об ложе, но давеча ты сам вызвался, и я надеюсь на данное слово. Эти строчки на память.

Un bienfait n'est jamais perdu*.

Будь здоров.

А. Г.

---

* Доброе дело никогда не пропадает (*франц.*).

А. А. ДОБРИНСКОМУ

9 ноября 1826. Тифлис

Teflis, 9 nov<embre>

Cher compagnon de réclusion. Ne vous imaginez pas, que je vous aie négligé! Ce n'est que faute d'une occasion sûre pour vous faire passer deux mots d'écrit que vous n'avez eu jusqu'ici aucun signe de vie de moi. D'abord à mon arrivée à Téflis, j'ai parlé de vous au Commandant en Chef, il a reçu mon intercession à votre égard de la façon la plus satisfaisante. Puis Paskevitz, m'ayant chargé, lors de son départ pour Elisabethpol de m'intéresser de sa part auprès d'Алекс<ей> Петрович en faveur de M. Cheremetef, qui partage votre triste sort, j'ai eu derechef pour réponse qu'il ne trouvait aucune difficulté de faire sa présentation à qui de droit pour vous faire passer tous deux dans un des régiments, destinés d'agir contre l'ennemi. Dernièrement encore, quand je l'ai accompagné jusque Sertitchali, il m'en a itérativement assuré, en m'invitant d'être parfaitement tranquille sur votre compte, qu'il ne prévoyait pas une trop forte obstination pour vous faire changer de régiment, ni de la part du chef de l'état-major, ni même de S<a> M<ajesté> dont l'intention est, que ceux qui sont à moitié compromis, comme vous, puissent s'avantager de la guerre actuelle pour se redresser pleinement et avec honneur de leur disgrâce passagère. Cher ami, soyez convaincu, que vous avez en moi un homme d'un coeur chaud à servir ceux qu'il affectionne. Votre malheur, si peu mérité, notre séjour en commun dans un lieu de détresse, l'état piteux, dans lequel vous m'y avez trouvé, tant d'autres considérations enfin sont là toujours présentes a mes pensées et beaucoup trop graves, pour que je puisse jamais vous oublier. Nous avons beaucoup parlé de vous avec Belfort qui dernièrement m'a donné de vos nouvelles. Sitôt que le g<énéral> Ermolof sera de retour, je l'obséderai pour ce qui vous regarde, autant que le bon Dieu me donnera de la verve et de l'éloquence, et je vous ferai part immédiatement des dernières résolutions qu'il aura prises. Je vous engage de vous reposer avec foi dans ma bonne étoile. La première fois que vous prenderez la plume pour me dire quelque chose, mandez-moi de quoi vous vous occupez. Ne vous laissez pas abattre par une courte période d'infortune. Michel Grekof a une collection de livres, lisez et méditez, et par une sage distribution de votre loisir préparez-vous à bien mériter de votre patrie. Quand le caractère d'un homme de bien a été mis au creuset des épreuves les plus dures, il n'en vaut que mieux, tenez vous cela pour dit par quelqu'un qui sait ce qui en est de sa propre expérience.

Adieu, je vous fais mille caresses en idée. Rappelez-moi au souvenir de ceux qui me connaissent dans votre garnison. Будьте терпеливы, милый друг, и помните

Вашего усерднейшего

А. Грибоедова.

P. S. Je ne suis pas assez Romain pour les noms et les prénoms, cher ami, si j'ai dénaturé le votre sur l'enveloppe, dites-le moi, et indiquez la façon de le décliner.

Адрес:

Его Благородию
Милостивому Государю
Александру Александровичу
Добринскому.
На Белый Ключ

Перевод с французского:

Тифлис. 9 нояб<ря>

Любезный товарищ по заключению. Не думайте, что я о вас позабыл! Вы до сих пор не имели от меня никаких известий единственно по неимению верной оказии для посылки вам хоть нескольких строк. Сразу по прибытии моем в Тифлис я говорил о вас с Главнокомандующим и он принял ходатайство мое о вас самым удовлетворительным образом. Затем, когда Паскевич перед своим отбытием в Елизаветполь поручил мне от его имени похлопотать перед Алексеем Петровичем за Шереметева, который разделяет вашу печальную участь, я снова получил ответ, что он не находит никаких затруднений для того, чтобы сделать представление кому следует о переводе вас обоих в один из полков, назначенных для действий против неприятеля. Еще недавно, когда я сопровождал его до Сертичали, он вновь мне повторил, заверяя, что я могу быть совершенно покоен на ваш счет, что он не предвидит больших препятствий к тому, чтобы переменить вам полк, ни со стороны начальника Главного штаба, ни даже со стороны Е<го> В<еличества>, чье намерение состоит в том, чтобы те, кто, как вы, лишь частично были замешаны, могли бы воспользоваться нынешней войной, чтобы полностью и с честью снять с себя временную опалу. Милый друг, будьте уверены, что во мне вы имеете человека, который всем сердцем готов служить тем, кого он любит. Ваше несчастье, столь мало вами заслуженное, наше совместное пребывание в бедственном узилище, плачевное состояние, в котором вы меня там нашли, наконец, еще столько разных оснований всегда присутствуют в мыслях моих — оснований слишком важных, чтобы я когда-либо мог о вас забыть. Мы много говорили о вас с Бельфором, который недавно сообщил мне о вас последние новости. Сейчас же, как только генерал Ермолов вернется, я пристану к нему с вашим делом, насколько мне Бог даст жара и красноречия, и немедленно дам вам знать о последних решениях, которые он примет. Прошу вас, доверьтесь моей счастливой звезде. В первый же раз, когда вы возьметесь за перо, чтобы писать мне, сообщите, чем вы занимаетесь. Не позволяйте скоропреходящему несчастию сломить вас. У Михайла Грекова есть собрание книг, читайте, размышляйте и разумным употреблением часов досуга приготовляйтесь хорошо по-

служить отечеству. Когда характер достойного человека проходит через горнило тяжелейших испытаний, он от этого только лучше становится — поверьте, так говорит вам человек, который знает это по собственному опыту.

Прощайте, мысленно тысячу раз вас приветствую. Привет от меня всем знакомым в вашем гарнизоне. <...>

P. S. Я недостаточно римлянин насчет имен и отчеств, милый друг, и, если я исказил ваше на конверте, сообщите мне и укажите, как полагается его писать.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 декабря 1826. Тифлис

9 декабря

Милый друг мой. Плохое мое житье здесь. На войну не попал: потому что и А<лексей> П<етрович> туда не попал. А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят. С А<лексеем> П<етровичем> у меня род прохлаждения прежней дружбы. Денис Васильевич этого не знает; я не намерен вообще давать это замечать, и ты держи про себя. Но старик наш человек прошедшего века. Несмотря на все превосходство, данное ему от природы, подвержен страстям, соперник ему глаза колет, а отделаться от него он не может и не умеет. Упустил случай выставить себя с выгодной стороны в глазах соотечественников, слишком уважал неприятеля, который этого не стоил. Вообще война с персиянами самая несчастная, медленная и безотвязная. Погодим и посмотрим.

Я на досуге кое-что пишу. Жаль, что не в силах распространиться тебе о себе и о моих созданиях. Сейчас из обеда, а завтра Давыдов возвращается. Я принял твой совет, перестал умничать; достал себе молоденькую девочку, на которой ерзаю по целым ночам, со всеми видаюсь, слушаю всякий вздор, и нахожу, что это очень хорошо. Как-нибудь дотяну до смерти, а там увидим, больше ли толку, тифлисского и петербургского. Тебя не браню за упорное молчание, угадываю причины; однако, коли в Москве будешь, схвати удобный случай и напиши. Мазаровичева получила нежные представления от сестры своей Зыбиной или Зубковой в пользу Дурнова и намерена передать их моим. Что об этом знаешь? Кончено или вновь завязалось?

Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и, может статься, наперекор судьбы. Поэзия!! — Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Лишь яркая заплата
На ветхом рубище певца.

Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и Крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов. Холод до костей проникает, равнодушие к людям с дарованием; но всех равнодушнее наш сардар, я думаю даже, что он их ненавидит. Voyons ce qui en sera*. Если ты будешь иметь случай достать что-нибудь новое, пришли мне в рукописи. Не знаешь ли что-нибудь о судьбе Андромахи? напиши мне. Я в ней так же ошибся, как и в А<лексее> П<етровиче>. Когда-нибудь, и, может быть, скоро, свидимся... Ты удивишься, когда узнаешь, как мелки люди. Вспомни наш разговор в Екатерининском. Теперь выкинь себе все это из головы. Читай Плутарха и будь доволен тем, что было в древности. Ныне эти характеры более не повторятся. — Когда будешь в Москве, попроси Чадаева и Каверина, чтобы прислали мне трагедию Пушкина «Борис Годунов».

Прощай, целую Анну Ивановну и мою невесту. Тебя, мой милый, люблю с каждым годом и месяцем более и более. Но что проку. Мы не вместе. И жалеть надобно меня. Ты не один. —

Заставь Ермолова Петр<а> Ник<олаевича> возвратить мне мой манускрипт «Горя от ума». Дмитрия и Александру Васильевну обнимаю. В переписке ли ты с Андреем? Он от меня ни строчки не имеет. Невозможно.

---

* Посмотрим, что будет (*франц.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

11 декабря 1826. Тифлис

11 декабря

Сармат мой любезный. Помнишь ли ты меня? А коли помнишь, присылай мне свою «Пчелу» даром, потому что у меня нет ни копейки. Часто, милый мой, вспоминаю о Невке, на берегу которой мы с тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. Здесь твои листки так ценятся, что их в клочки рвут, и до меня не доходит ни строчки, хотя я член того клуба, который всякие газеты выписывает. Воротилась ли твоя Länchen? Mein Grüss und Küss. Täntchen auch meine Wünsche für ihr Wohl* передай исправно.

Гречу поклонись. Благодарим тебя за прелестную Фуксову статью: «Один день из жизни Суворова».

Твои прогулки и встречи тоже здесь высоко ставятся, за 3000 в<ерст> полагаюсь, что это истинная картина петербургских нравов. Продолжай, будь так же плодовит в твоих произведениях, как ты мил и добр в обществе хороших приятелей. Прощай. Благослови тебя Бог.

Верный тв<ой>.

P. S. Не искажай слишком персидских имен и наших здешних, как Шаликов в московских газетах пишет: *Шаманда* вместо *Шамшадиль* etc., etc.

Отчего вы так мало пишете о сражении при Елизаветполе, где 7000 р<усских> разбили 35 000 персиян? Самое дерзкое то, что мы врезались и учредили наши батареи за 300 саженей от неприятеля и, по превосходству его, были им обхвачены с обоих флангов, а самое умное, что пехота наша за бугром была удачно поставлена вне пушечных выстрелов, но это обстоятельство нигде не выставлено в описании сражения.

Адрес:

Ф. В. Булгарину

---

* Мой привет и поцелуй. Тетушке также мои добрые пожелания (*нем.*).

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

28 января 1827. Тифлис

Madame.

Je me sens une attaque de nerfs très forte, après quelques deux heures de frisson. Ce n'est rien du tout, cela m'arrive très souvent depuis un certain temps, mais je ne voudrais pas, que vous me taxiez d'une coupable froideur, à l'égard de la proposition, qui m'a été faite par Хар<итон> Яковл<евич> en votre nom. Croyez que je ne cesse d'y songer, je m'étais proposé en sortant de l'église de passer la journée avec vous, mais on m'apprit chez A. A. Weliaminof, que vous vous trouviez à dîner chez le g<énéral> Krabe, je m'étais pris à tâche de vous le dire ce soir au club, mais un paroxisme intempéstif est venu au moment que je l'attendais le moins. Cela me pèse. Veuillez excuser

maintenant mon importunité en considération d'un attachement et d'un respect sans bornes, que vous porte,

Madame

Votre très dévoué serviteur

A. Griboyedof

28 janv<ier> 1827 году.

Адрес:

A Son Excellence
Madame la Générale
Akhverdof

Перевод с французского:

Милостивая Государыня.

У меня сильнейший нервный припадок после почти двухчасового озноба. Это пустяки, за последнее время это бывает со мной очень часто; но я бы не хотел, чтобы вы обвинили меня в непростительной холодности относительно предложения, сделанного мне Хар<итоном> Яковл<евичем> от вашего имени. Поверьте, что я непрестанно о нем думаю. Выходя из церкви, я предполагал провести у вас день, но мне сообщили у А. А. Вельяминова, что вы на обеде у г<енерала> Краббе. Я хотел сказать вам об этом сегодня вечером в клубе, но со мной неожиданно случился припадок. Это меня тяготит. Простите, пожалуйста, мою докучливость, во внимание беспредельного уважения и преданности, которые к вам питает,

Милостивая Государыня,

ваш покорнейший слуга

А. Грибоедов.

28 янв<аря> 1827 году.

Адрес:

Ее Превосходительству
Госпоже Генеральше
Ахвердовой

А. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ

19 марта 1827. Тифлис

Тифлис.
19 марта 1827.

Я давно собирался писать к тебе, любезнейший друг Александр Всеволодович. Но здесь пронеслись слухи, что будто ты был позван в Астрахань, и так тайно! так страшно!! впрочем, в душе моей я так же был за тебя уверен, как некогда ты за меня, наперед предугадывал, что с тобою ничего очень важного и не-

приятного не приключится, зная тихую твою семейную жизнь, дела хозяйственные и нисколько не политические, выбор друзей и книг самый безвредный. — Другое, что мне помешало напомнить тебе о себе, это собственно наши здесь глухие и громкие дела, приготовления к походу, жажда побед, и между тем ждем и не двигаемся, толки робких подчиненных: что почта, то новый начальник, а покудова остаемся при старом. Теперь рад случаю, комиссионер твой здесь, ему вручу мою грамоту, смотри и ты не пренебреги мною, отзовись строчкой!

Кстати о делах человеческих, персидская твоя торговля пошла на ветер, как все мирское. Теперь война, и мы претерпели поражение не дравшись: торговля, мечты о богатом прибытке, все исчезло. Hettier мне пишет, что он по этому случаю находится в самых трудных обстоятельствах, потерял время, ничего не нажил и даже прожился. Позволь мне быть за него ходатаем, любезный друг. Я твердо уверен в чувстве справедливости, которое не допустит тебя бросить человека потому только, что нужда в нем миновалась. И теперь повторяю тебе сказанное мною 4 года тому назад: нельзя найти в торговых оборотах, особенно для Персии, усерднейшего и более исполнительного комиссионера. Судьба не дала тебе им воспользоваться, но он когда-нибудь и впредь может пригодиться. Между тем он, как говорит, истратил с тех пор, как в делах с тобою, собственных денег 15 000 р. и три с половиною года, в которые ничего не приобрел. Подумай о нем, о человеке, живущем только от трудов своих и прилежания: настаивать я не буду, ты, верно, сам не захочешь быть ничьим разорителем. Одно препятствие может встретиться в ненадежности твоих денежных способов на эту пору — может быть. Но тогда он будет довольствоваться письменным твоим обязательством, с придачею чего-нибудь в наличности. Сделай одолжение, не оставь этого без внимания. Поговори с братом, которому я дружески кланяюсь. Он, конечно, против этого ничего иметь не будет. Когда и как ты намерен обеспечить Hettier за понесенные им убытки, потрудись меня уведомить. Я этого ожидаю от твоей любви и уважения, которые сам к тебе чувствую искренно и бесконечно.

Может и то случиться, что старание мое лишнее, ты имел время и сам с ним окончить: потому что немало времени прошло с тех пор, как Hettier писал ко мне. Тем лучше. —

Прощай, милый мой друг. Ребров мне сказывал, что София Ивановна отправилась в Москву, следовательно, туда передай ей мое почтение.

Прощай.

Душою преданный тебе
А. Г.

Благодарю тебя, что позаботился обо мне истинно дружеским участием в бытность твою в Петербурге, в начале 1826 года.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

16 апреля 1827. Тифлис

Любезный друг Фадей Бенедиктович. Прежде всего просьба, чтобы не забыть, а потом уже благодарность за дружеское твое внимание к скитальцу в восточных краях. Пришли мне пожалуйста статистическое описание, самое подробнейшее, сделанное по лучшей, новейшей системе, какого-нибудь округа южной Франции, или Германии, или Италии (а именно Тосканской области, коли есть, как края наиболее возделанного и благоустроенного) на каком хочешь языке, а адресуй в Канцелярию Главноуправляющего на мое имя. Очень меня обяжешь, я бы извлек из этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мере порядочную, которую бы разослал нашим окружным начальникам, с кадрами, которые им надлежит наполнить. А то с этим невежественным чиновным народом век ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будут. При Алексее Петровиче у меня много досуга было, и если я не много наслужил, так вдоволь начитался. Авось теперь с Божиею помощию употреблю это в пользу.

Стихи Жандра в 1-м № я нигде не мог отыскать, ты не прислал мне, а другие к *Музе*, я, еще не зная, чьи они, читал здесь вслух у Хивена и уверен был, что это произведение человека с большим дарованием. Поощряй, пришпоривай его. А я надеюсь, что, воротясь из похода, как-нибудь его сюда выпишу. — Не могу довольно отблагодарить тебя за приятное твое письмо и за присылку журналов. Желал бы иметь *целого* «Годунова». Повеса Лев Пушкин здесь, но не имел ко мне достаточного внимания и не привез мне братнина манускрипта. За то я принял его по-неприятельски, велел принести пистолеты и во все время, что он у меня сидел, стрелял в дверь моей комнаты, пробил ее насквозь сверху донизу и Льва с пальбой отпустил в полк на юнкерство. В первой сцене «Бориса» мне нравится Пимен-старец, а юноша Григорий говорит, как сам автор, вовсе не языком тех времен.

Не ожидай от меня стихов, горцы, персияне, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощают все мое внимание. Не надолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гожусь: и не моя вина. — Люди мелки, дела их глупы, душа чер-

ствеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему.

Я рожден для другого поприща.

Разведай у *Петерса*, моего портного, и Жандра попроси, что он пятый месяц не шлет мне платье, получивши деньги 600 р. от матушки. Скажи ему по-французски, что он свинья. — 1-я глава твоей «Сиротки» так с натуры списана, что (прости душа моя) невольно подумаешь, что ты сам когда-нибудь валялся с Кудлашкой. Тьфу, пропасть! Как это смешно, и жалко, и справедливо. Я несколько раз заставал моего Александра, когда он это читал вслух своим приятелям. — Многие просят, чтобы ты непременно продолжал и окончил эту повесть.

Länchen meiner liebenswürdiger Freundinn und Tante meinen besten Gruss*. Прощай, кланяйся друзьям и помни о добром приятеле, который тебя душевно любит.

А. Г.

16 апреля <1>827.
Тефлис.

Адрес:

Его Высокоблагородию
Фадею Венедиктовичу Булгарину
Г<осподину> Издателю Северной Пчелы и пр.
в С. Петербурге
в Типографии Н. И. Греча.

---

* Леночке, моей любезной приятельнице, и Танте — наилучший привет (*нем.*).

С. И. МАЗАРОВИЧУ

8 мая 1827. Тифлис

Cher Monsieur Mazarovitch. Quel est l'article additionnel, que vous avez rédigé en perse en faveur de nos marchands? Si vous en avez un brouillon, je vous prie de me le prêter; et croyez, que s'il est, comme je n'en doute nullement, dans l'intérêt de notre commerce, le g<énéra>l en chef saura l'apprécier et le soumettra en temps et lieu à l'approbation du ministère Impériale, en portant à sa connaissance que vous en êtes l'auteur.

Si vous avez une copie en français ou en russe du traité de Gulistan, vous m'obligerez en me la prêtant. J'ai déjà emballé et envoyé tous mes papiers à Schoulewer, il se trouve, que j'ai besoin à

cette heure de traité, vous pourrez toujours vous en procurer à Pétersbourg autant d'exemplaires, que vous voudrez.

Le g<énéra>l en chef m'a ordonné de vous faire avoir dans sa chancellerie la feuille de route по казенной надобности.

Recevez l'assurance de mon dévouement.

Votre très zélé serviteur

A. Gribojedoff.

8 Mai
Dimanche.

А д р е с:

A Monsieur
M<onsieur> le C<onseil>ler d'Etat de Mazarovitch.

Перевод с французского:

Дорогой Мазарович. Какую дополнительную статью вы составили по-персидски в пользу наших купцов? Если у вас есть черновик, прошу вас одолжить мне его, и поверьте, что если статья эта, как я не сомневаюсь, поддерживает интересы нашей коммерции, то главнокомандующий сумеет ее оценить и в свое время представить на одобрение Императорского министерства, указав на то, что вы ее автор.

Если у вас есть французская или русская копия Гюлистанского договора, то вы очень обяжете меня, предоставив ее мне. Я уже запаковал и отправил все свои бумаги в Шулаверы; оказывается, что в настоящий момент мне необходим договор, вы же можете его всегда достать в Петербурге в скольких захотите экземплярах.

Главнокомандующий приказал мне предупредить вас, чтобы вы запаслись в его канцелярии подорожной <...>.

Примите уверение в моем уважении.

Ваш покорный слуга

А. Грибоедов

8 мая.
Воскресение.

А д р е с:

Господину статскому с<оветни>ку Мазаровичу.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

4 апреля — 12 мая 1827. Тифлис

Дорогой Мазарович.

Ваши заметки о Персии изобилуют оригинальными наблюдениями. Жаль, что это только, так сказать, эскиз. Во всяком случае, то, о чем вы там упоминаете, вызывает во мне большое жела-

ние услышать от вас более пространное изложение на эту тему в первый же раз, как только мы с вами увидимся.

В ожидании сделайте мне удовольствие: пришлите атлас Мориера. Я продержу его у себя не более двух дней.

Ваш Грибоедов.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

28 июня 1827. Нахичевань

Ma très chère et très estimable madame Akhverdof. Me voici à passer une nuit blanche en attendant, qu'on ait transcrit mes papiers d'office, après quoi je dois aller réveiller le général pour les faire signer. Cela n'est-il pas très gai pour quelqu'un qui fait cas de son indépendance? — Dites-moi comment on devrait en finir avec toutes ces tracasseries? Par malheur on dirait, que l'ennemi est payé pour nous faire le moins de mal possible. Jusqu'ici il ne s'est amusé qu'à harceler une seule fois l'arrière-garde d'Eristof. Quels généraux nous avons ici, grand Dieu! On dirait, qu'ils ont été créés pour m'affermir de plus en plus dans le dégoût, que je porte aux rangs et aux dignités. Mouravief a été reconnaître ce matin la forteresse d'Abas'Abad. J'étais trop occupé pour me mettre à cheval. Mais comme je suis le mieux logé de toute la compagnie et que de mes fenêtres il y a une extension de vue magnifique, je soulevais souvent la tête de dessus mes papiers pour braquer ma lunette d'approche vers l'endroit, où se passait l'affaire. Je voyais la cavalerie ennemie, qui galopait en tous sens, et passait l'Araxe pour couper Mouravief et ses deux cent cosaques. Il s'est très bien tiré d'affaire, il n'y a eu aucun engagement sérieux, et il nous est revenu sain et sauf, sans avoir pu rien observer de ce qu'il avait voulu voir. Le Général en Chef a beaucoup d'estime et de confiance pour lui, mais quelque démon s'en mêle, ils ont souvent des brouilles très sérieuses, l'un crie, l'autre boude et moi je suis là pour faire le sot rôle de conciliateur, sans que personne m'en sache gré. Ceci entre nous. Voulez-vous bien me dire merci pour votre beau-fils. Cependant je ne vous garantis pas, qu'ils ne se désunissent un jour pour la vie, et cela me rend quelquefois très mélancolique. Ne lui en dites rien dans vos lettres, n'en parlez pas même à m<adam>e Mouravief. Le fait est, que le général est quelquefois d'une humeur intraitable, et votre beau-fils n'a rien de liant dans son caractère.

Avez-vous reçu une réponse d'Hettier? La poste nous manque depuis quatre semaines, nous ne savons rien de ce qui se passe au-delà de notre horizon actuel. Des chaleurs suffoquantes, à 47° de Réaumur, mauvaise chère, ce qui m'embarasse le moins, pas de lecture, pas de

piano. Тошно до смерти. Bonne nuit, donnez un baiser bien tendre de ma part à Dachinka, et un autre à la petite Sophie Orbélian. Je m'endors et pourtant il se passera bien une heure, avant que j'aille me mettre au lit. Faites-moi quelques deux pages bien amicales, sur ce qu'on fait chez vous à Tiflis, je vous en serai bien reconnaissant et songez quelquefois à celui qui vous est si franchement dévoué et cela depuis bien des années. Окна в комнате разбитые, ветер ужасный, поминутно свечи задувает, и я стоя пишу в какой-то стенной впадине. Передайте от меня целый акафист приветствий и поклонов Надежде Афанас<ьевне>, Анне Андреевне, Соф<ье> Федоров< не>, Марье Ивановне, Катерине Ак<акиевне> и всем моим знакомым принцессам.

С беспредельным почтением

Ваш усердный слуга

А. Грибоедов.

Нахичевань
28 июня 1827.
Перед рассветом.

Перевод с французского:

Любезнейшая и почтеннейшая госпожа Ахвердова. Я провожу бессонную ночь, ожидая, пока перепишут мои служебные бумаги, после чего я должен разбудить генерала, чтобы он их подписал. Не правда ли, все это очень весело для человека, который дорожит своей независимостью? Скажите мне, как покончить со всеми этими дрязгами? На несчастье, еще можно подумать, что неприятеля точно подкупили, чтобы он как можно меньше нас тревожил. До сих пор один-единственный раз позабавился, побеспокоив арьергард Эристова. Господи Боже, ну и генералы тут у нас! Можно подумать, что они нарочно созданы для того, чтобы все больше и больше укреплять во мне отвращение, которое питаю я к чинам и высоким званиям. Муравьев сегодня утром ходил в рекогносцировку крепости Аббас-Абад. Я был слишком занят, чтобы следом за ним сесть в седло. Но так как я из всей компании лучше всех устроен в отношении помещения и из окон моих великолепно можно обозревать всю местность, я часто поднимал голову от своих бумаг, чтобы направить подзорную трубу в то место, где происходило дело. Я видел, как неприятельская кавалерия скакала во всех направлениях и переправлялась через Аракс, чтобы отрезать Муравьева и две сотни его казаков. Он удачно выбрался из этого дела, никакой серьезной схватки не произошло, и он к нам вернулся цел и невредим, хотя и не успев ничего разведать из того, что хотел видеть. Главнокомандующий к нему имеет большое уважение и доверие, но какой-то бес тут мешается, и у них часто происходят серьезные ссоры, один кричит, другой дуется, а я тут нахожусь, чтобы играть глупейшую роль примирителя, не получая ни малейшей благодарности ни от кого. Это между нами. Скажите хоть вы мне спасибо за вашего зятя. Впрочем, я вам не ручаюсь, что в один прекрасный день они не рассорятся навсегда, и это меня иногда очень печалит. Не говорите ему об этом ничего в ваших письмах и не рассказывайте об

этом даже г<оспо>же Муравьевой. Действительно, генерал иногда бывает очень несговорчив, а характер вашего зятя тоже нельзя назвать уживчивым.

Получили ли вы ответ от Этье? У нас уже четыре недели, как нет почты, и мы не знаем ничего, что происходит за пределами нашего сегодняшнего горизонта. Удушающая жара, 47° по Реомюру, скверная пища, что для меня наименее важно, ни книг, ни фортепьяно. <...> Спокойной ночи, нежнейший поцелуй от меня Дашеньке и маленькой Соне Орбелиани. Я совсем засыпаю, и, однако, более часа еще пройдет, пока я смогу лечь в постель. Черкните мне дружески странички две о том, что делается у вас в Тифлисе, буду вам очень признателен, и вспоминайте иногда того, кто вам так искренне предан уже столько лет.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

3 июля 1827. Аббасабад

Au quartier g<énéra>l sous les murs d'Abbas Abad.
3 juillet 1827.

Veuillez remarquer, ma très chère et très digne M<adam>e Akhverdof, que j'ai mes époques pour faire une lettre après l'autre, tout comme pour mes visites, quand je suis sur place. Voici pour vous, № 2. Je vous écris en plein air, sous le beau ciel de la Perse, il fait un vent d'enfer, une poussière énorme, et qui plus est, le jour tombe, et on voit à demi, mais je ne veux pas me refuser le plaisir de vous adresser quelques lignes.

L'autre jour, quand je vous fermais mon pli, il était 31/2 du matin, là-dessus je fis seller mon cheval et je partis vers Abbas-Abad, sous les murs duquel on avait envoyé 50 cosaques, pour harceler la garnison ou plutôt les cavaliers, qui se trouvaient dans la forteresse et les attirer contre une embuscade*, ou était placé un gros de notre cavalerie. Je me joignis à notre petite troupe, toute la manoeuvre a été manquée, faute de complaisance de la part de l'ennemi, qui n'a pas voulu se laisser duper, quelques amateurs vinrent pirouetter autour de nous, mais trop loin de l'endroit, où on leur en voulait. Nous étions quittes pour quelques balles, qui sifflèrent a nos oreilles sans blesser personne, cela dura ainsi jusqu'à 10 heures avant midi, quand le général en chef fit faire une forte, reconnaissance par 2 régiments de lanciers, 2 de cosaques, 1 de dragons et 22 pièces d'artillerie volante. Je vins me placer a une portée de fusil d'une des faces de la forteresse, d'où on voyait défiler les nôtres, comme si je me fusse trouvé en spéctateur au centre même du fort. On se canonna longtemps de part et d'autre, c'était un beau spectacle, assez nul, je crois, comme résultat militaire, mais superbe à être vu, et je ne demande pas mieux, qui suis là pour m'amuser. Dans ce même moment le g<énéra>l Benkendorf fit plonger 2000 cavaliers dans l'Araxe, qui le passèrent en moins de

rien, et on chassa l'ennemi de toutes les hauteurs de l'autre côté de la rivière. Vous, qui êtes peintre, j'aurais voulu, que vous vissiez tout cela, et par-dessus tout la plaine pittoresque, où la scène se passait. De tous côtés nous avons ici des rangées de montagnes les plus bizarres, que la nature ait pu former, entre autres le soi-disant rocher de Pompée, qui s'élève en tronc d'arbre, qu'on croirait frappé et noirci par la foudre, mais d'une dimension gigantesque, ceci vers notre frontière du Karabagh, parmi ce dédale des mamelons, des différentes sommités, et des chaînes entières de montagnes, les plus singulièrement conformées, la vallée riante, laborieusement cultivée, qu'arrose l'Araxe, et vers le nord la cime neigeuse de l'Ararat. — J'ai déjà passé au gué cette fameuse rivière, dont le nom historique dit tant à l'imagination.

Avant-hier nous sommes venus camper auprès d'Abbas-Abad, hier on a ouvert la tranchée, cette nuit je vais un peu suivre le g<énéra>l pour voir ce qui s'y passe. Ce matin Vlangali a manqué déserter notre société pour 7 malheureux boulets qui sont venus ébranler l'air au-dessus de sa tente, ou plutôt par dessus tout le quartier général, où ils sont tombés dans différents endroits, sans tuer personne. Tout cela est fait pour m'égayer la vie, je commence à y trouver du goût jusqu'à un certain point; c'est mieux que de croupir dans les villes.

Bonsoir. Que vous dirai-je de votre beau-fils?!! Il est impossible de faire mieux son devoir, selon qu'il entend ses fonctions, et d'être plus mésentendu de son chef, qui pourtant est le meilleur des hommes à ses manières près. N'en dites rien à M<adam>e Mouravief. Peut-être avec des succès contre l'ennemi les choses entre amis se concilieront au mieux, et alors je serai le premier à vous en faire part. Mes hommages à toute votre maison, aux Tchavtchavadze et à m<adam>e Castello.

* Votre beau-fils y a passé une nuit blanche, désappointé au-delà de toute expression. Le G<énéra>l lui a dit, que si l'affaire se serait engagée; il l'aurait tout de suite présenté, pour être fait général, mais cela ne lui a pas rendu sa bonne humeur.

Перевод с французского:

Главная квартира
под стенами Аббас-Абада.
3 июля 1827.

Благоволите заметить, любезнейшая и достойнейшая г<оспож>а Ахвердова, что на меня временами находит, и я пишу письмо за письмом, совсем как наношу визит за визитом, когда я не в отъезде. Вот для вас уже № 2. Пишу вам на открытом воздухе, под прекрасным небом Персии, дует адский ветер, пыль страшнейшая, и что хуже всего, уже смеркается, вполовину не видно, но я не хочу отказываться от удовольствия написать вам несколько строк.

9 Заказ № 1590

В прошлый раз, когда я запечатывал письмо к вам, было уже половина 4-го утра. Я велел оседлать мою лошадь и поехал к Аббас-Абаду, к стенам которого были посланы 50 казаков, чтобы тревожить гарнизон или, вернее, кавалерию, которая находится в крепости, и завлечь ее в засаду*, где поставлены были главные силы нашей кавалерии. Я присоединился к нашему небольшому отряду, но весь маневр не удался по нелюбезности противника, который не пожелал дать себя провести. Несколько охотников явилось погарцевать вокруг нас, но слишком далеко от того места, где их ждали. Мы отделались несколькими пулями, которые просвистали над нашими головами, не задев никого; так продолжалось до 10 часов утра, когда главнокомандующий приказал произвести серьезную рекогносцировку силами 2 уланских, 2 казачьих и 1 драгунского полка с 22 орудиями легкой артиллерии. Я поместился на расстоянии выстрела от одной из сторон крепости, откуда было видно, как проходили наши войска, как если бы я смотрел из самого центра крепости. Долго палили из пушек с обеих сторон. Зрелище было красивое, довольно ничтожное, думаю, в отношении военного успеха, но великолепное для глаз, а мне большего и не надо, поскольку я тут нахожусь только для собственного развлечения. В этот самый момент генерал Бенкендорф пустил 2000 кавалеристов вплавь через Аракс, они его мигом перешли, и неприятель был вытеснен со всех высот по ту сторону реки. Я хотел бы, чтобы вы, как художница, видели бы все это, и в особенности живописную долину, где происходила эта сцена. Со всех сторон у нас тут гряды гор, самые причудливые, какие только могла создать природа, между прочими так называемая Помпеева скала, которая высится, как ствол дерева, разбитого и обугленного молнией, но только гигантских размеров; это в сторону нашей Карабагской границы. Среди лабиринта холмов, различных возвышенностей и целых горных цепей, самой своеобразной формы, — цветущая долина, заботливо возделанная, которую орошает Аракс, и к северу снежная вершина Арарата. Я уже переходил вброд знаменитую реку, чье историческое имя столько говорит воображению.

Третьего дня мы стали лагерем около Аббас-Абада, вчера открыли траншею, и сегодня ночью я последую за генералом, чтобы посмотреть, что там происходит. Этим утром наше общество чуть было не лишилось Влангали, из-за семи злосчастных ядер, которые прогрохотали над его палаткой или, верней, над всей главной квартирой, где и упали в разных местах, не убив никого. Все это вносит развлечение в мою жизнь, я начинаю до некоторой степени находить в этом вкус; это лучше, чем плесневеть в городах.

Прощайте. Что сказать вам о вашем зяте?!! Невозможно лучше его исполнять свой долг, согласно тому, как он понимает свою службу, — и быть более непонятым своим начальником, который, впрочем, отличнейший человек, если не считать его манер. Не говорите об этом ничего г<оспо>же Муравьевой. Может статься, с успехами в действиях против неприятеля отношения между друзьями наладятся, и тогда я первый вам об этом сообщу.

Поклоны мои, всей вашей семье, Чавчавадзе и г<оспож>е Кастелло.

* Ваш зять провел там бессонную ночь, обманувшись в своих ожиданиях сверх всякого описания. Генерал сказал ему, что если бы сражение завязалось, он тотчас бы представил его к генеральскому чину, но это не вернуло ему хорошего настроения.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

15—19 июля 1827. Карабаба

Je suis tout en feu, un commencement de fièvre chaude, c'est Schaumbourg qui tient la plume. L'affaire du 5 et la prise d'Abbas-Abad étaient les derniers de nos beaux jours. Depuis rien, que maladies, soleil, poussière, une souffrance plutôt qu'une existence, et j'y succombe le premier, moi, qui me supposais déjà acclimaté durant cette éternelle mission de Masarowitch.

Votre beau fils est content de l'arrivée de comte Souchtelen, dont il reste le sous-aide. Moi je ne suis content de rien. Bonjour, mes hommages à vous, à tout votre monde, à la jolie famille. Давыда по головке. Figurez-vous, que j'ai lu hier une lettre de Lord Russel datée de Varsovie; il s'agit de Madame Mouravief, dans le temps qu'elle était Sophie encore, de Nina, enfin de toute l'assemblée de danse, des éloges, des confessions. Sentez-vous que je bats la campagne.

Перевод с французского:

Я весь в огне, это начало горячки. Шаумберг пишет за меня. Дело 5-го числа и взятие Аббас-Абада были нашими последними счастливыми днями. С тех пор только болезни, солнце, пыль, скорее страдание, чем существование, и я первый изнемогаю от этого, я, который считал себя уже приспособившимся к этому климату в продолжение бесконечной миссии Мазаровича. Ваш зять доволен приездом графа Сухтелена, у которого он остается помощником. Я же ничем не доволен. Прощайте! Мое почтение вам, всем вашим, милой семье. <...> Представьте, я вчера прочел письмо лорда Русселя из Варшавы; в нем говорится про госпожу Муравьеву, когда она была еще Соней, про Нину, словом, про все танцевальное собрание, похвальные речи, признания. Чувствуете вы, что я начинаю бредить.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

26 июля 1827. Аббасабад

Abbas-Abad. 26 Juillet 1827.

Mon Général.

Ma mission est terminée, c'<est> à d<ire>: que mes pourparlers avec le Prince étaient interminables, et j'ai pris le parti de m'en aller. J'ai été reçu comme on ne peut pas mieux, jamais en temps paix on n'a fait tant de frais en Perse pour la réception d'un étranger, de quelque caractère, qu'il fût revêtu. C'est au point, que le 22 le grand-maître des cérémonies est venu avec une suite innombrable m'apporter un ferman de félicitations de la part du prince à l'occasion de la fête de S<a> M<ajesté> L'Impératrice Mère. Là-dessus des

confitures, des compliments du matin jusqu'au soir tous les jours. J'aurais l'honneur de vous circonstancier cela dans un rapport à part, si cela en vaut la peine.

Deux mots pour savoir, ce que vous ordonnerez sur la personne de Mirza-Saleh. Permettez vous, que je vous l'ammène? 1) Les Persans veulent absolument une trêve de 10 mois. 2) Le Prince, forcé en dernier lieu d'avouer, que l'aggression était de sa part, et que l'Empereur est en droit d'exiger des sacrifices de lui, dit, qu'il est prêt à tout, pourvu, que cela ne soit pas fait en pure perte, comme après la paix de Gulistan, où des cessions de plusieurs provinces ne lui ont valu, que des dégouts des outrages etc., etc. Il s'offre d'aller lui même porter ses excuses devant S<a> M<ajesté> l'Empereur, d'agréer à toute condition, qu'un aussi grand souverain voudra lui imposer, mais du moins tâchera-t-il alors de s'assurer une fois pour toutes de sa bienveillance et protection, en cas, qu'il ne pourrait aller en personne, il se fera représenter par son fils aîné, l'Emir-Zadé. Il vous prie de faire parvenir sa demande à Pétersbourg. — Voilà les propositions, dont je suis porteur, et d'une lettre à ce sujet. J'ai négocié la trêve jusqu'à extinction de voix, c'est peut-être pourquoi cela m'a si mal réussi. Du reste il faut voir, comment vous ferez avec Mirza-Saleh, qui est le meilleur enfant de monde.

Bonjour Votre Excellence. Je m'endors, j'ai été bien malade à Kara-Ziadin, et les думные дьяки Его Высочества venaient délibérer auprès de mon lit. Comment ordonnez vous? Je ne vois pas qu'il faille rompre pour le moment. Autorisez moi de vous amener Mirza-Saleh. Il y a encore des choses bien intéressantes à vous communiquer, pour le moment je suis ravi de me trouver parmi les miens, et de me savoir près de vous. Mon profond salut aux généraux c<omte> Suchtelen et Benkendorfъ et M<onsieur> Obrescofъ

Agréez le témoignage de mon respect et du sincère attachement, que vous porte mon Général

votre très dévoue et zélé serviteur

Alex. Gribayedofъ

J'ai été toute la nuit en marche, mes idées sont ternes, ce qui fait, que j'écris encore plus mal, que de coutume.

Перевод с французского:

Аббас-Абад. 26 июля 1827.

Генерал.

Моя миссия закончена, т<о> е<сть> мои переговоры с принцем были бесконечны, и я решился уехать. Я был принят как нельзя лучше, никогда в Персии и

в мирное время не входили в такие расходы при приеме чужестранца, каким бы званием он ни был облечен. До такой степени, что 22-го обер-церемониймейстер явился с огромной свитой и поднес мне фирман с поздравлениями от принца по поводу именин Е<е> В<еличества> Императрицы-матери. Сверх того сласти и комплименты с утра до вечера каждый день. Я буду иметь честь сообщить вам подробности в особом рапорте, если в этом имеется надобность.

Сообщите два слова, чтобы мне знать, что вы прикажете относительно Мирзы-Сале. Разрешаете ли вы мне его привезти? 1) Персы хотят непременно перемирия на 10 месяцев. 2) Принц, принужденный наконец сознаться, что нападение было с его стороны и что Император имеет право требовать от него жертв, говорит, что он готов на все, лишь бы только это не было сделано совершенно бесплодно, как это было после Гюлистанского мира, когда уступки нескольких провинций были для него только поводом для огорчений, оскорблений и т. д., и т. д. Он готов отправиться сам принести свои извинения Е<го> В<еличеству> Государю Императору и согласиться на все условия, которые столь великий повелитель пожелает ему предъявить, но по крайней мере тогда он постарается убедиться раз навсегда в его благорасположении и покровительстве. В случае, если он не сможет поехать лично, он отправит вместо себя своего старшего сына Эмира-Заде. Он просит вас сообщить его просьбу в Петербург. Вот предложения, которые я получил, равно как и письмо по этому поводу. Я вел переговоры о перемирии до потери голоса, вот, может быть, почему мне это так плохо удалось. Впрочем, нужно раньше знать, как вы решите по поводу Мирзы-Сале, который милейший малый на свете.

Прощайте, Ваше Превосходительство. Я засыпаю, я был очень болен в Кара-Зиадине, и <думные дьяки Его Высочества> собирались для совещания вокруг моей постели. Каковы ваши приказания? Я не думаю, чтобы было нужно прекращать переговоры в данное время. Дозвольте мне привезти к вам Мирзу-Сале. Имеется еще много очень интересных вещей сообщить вам. В данную минуту я в восторге, что нахожусь среди своих и чувствую себя близко от вас.

Мой низкий поклон генералам гр<афу> Сухтелену и Бенкендорфу и Обрескову.

Примите уверение в моем уважении и искренной привязанности, которую питает к вам, Генерал,

ваш глубоко преданный и усердный слуга

Алекс. Грибоедов.

Я провел всю ночь в походе, мои мысли неясны, поэтому я пишу еще хуже, чем обыкновенно.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

14 августа 1827. Карабаба

Recevez mes félicitations sur l'arrivée d'Yegorouchka ma très estimable M<adam>e Akhverdof. Voulez-vous avoir de nos bonnes ou mauvaises nouvelles? Je commence par ce qui vous intéresse le plus. Mouravief se porte comme le pont Neuf, quant à moi j'ai eu trois commencements de fièvre chaude, et maintenant je souffre de la chaleur jusqu'à avoir des évanouissements; le mercure ne déscend jamais au-dessous de 33° à l'ombre, c'est je crois 50° au soleil, je n'y tiens plus. On me refuse la liberté de me retirer pour toujours de cet

étouffoir, il faudra finir par me brouiller avec la grande autorité, sans quoi je cours risque d'être grillé, sans que personne en retire le moindre profit. Vous savez, je présume, que j'ai été eu mission auprès d'Abbas-Mirza, on m'a traité en prince du sang, et il ne manqua que très peu de temps pour faire souscrire à nos conditions cet ennemi plus obstiné a se cacher, qu'à se battre. Подлецы, а миру нет. L'on m'appelle. Bonsoir. Demain je vais aux eaux ferrugineuses, qu'on a découvertes dans un défilé près d'ici, de là je monte le Salvarti pour rester quelque temps chez Raevsky, d'où j'envoie ma supplique pour être quitte de toutes les tribulations de ce monde. Si l'on ma refuse, je crois, que j'aurai assez de résolution pour venir vous trouver sans qu'on me le permette. Nous avons été à Garousse, mais avec le G<énéra>l en Chef, ce qui m'a bridé ma volonté. Que j'étais content de voir Simonitch, mais le cruel ne m'a pas offert mon piano.

Recevez l'assurance du dévouement sans bornes, que vous porte,

Madame,

votre très zélé serviteur

Griboyedof.

14 <août>
Karababa.

Перевод с французского:

Примите мои поздравления по случаю приезда Егорушки, почтеннейшая моя г<оспож>а Ахвердова. Хотите вы от нас хороших или дурных новостей? Начну с того, что вас более всего интересует. Муравьев чувствует себя как нельзя лучше, что до меня, то три раза начиналась было у меня лихорадка, а теперь я страдаю от жары до обмороков, ртуть не опускается никогда ниже 33° в тени, это, я думаю, 50° на солнце, на ногах не держусь больше. Мне не дают воли выбраться навсегда из этого пекла, а в конце концов придется поссориться мне с высшими властями, иначе рискую здесь изжариться, и без малейшей пользы для кого-либо. Вы, я думаю, знаете, что я был послан с поручением к Аббас-Мирзе; принимали меня, как принца крови, и лишь немного времени недостало, чтобы заставить подписаться под нашими условиями противника, который больше любит прятаться, чем сражаться. <...>. Меня зовут. Доброй ночи. Завтра поеду на железные воды, открытые в ущелье поблизости, оттуда поднимусь на Сальварти, чтобы побыть несколько времени у Раевского, и от него отправлю прошение, чтобы отделаться от всех треволнений мира сего. Если мне откажут, думаю, у меня хватит решимости приехать к вам безо всякого разрешения. Мы были в Гаруссе, но вместе с Главнокомандующим, что весьма меня стеснило. Как рад я был повидать Симонича, но злодей не предложил мне поиграть на моем фортепьяно.

Примите уверения в безграничной преданности, которую питает к вам,

Милостивая Государыня,

ваш усерднейший слуга

А. Грибоедов.

14 <августа>
Карабаба.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

3 октября 1827. Эривань

Le 3 d'octobre 2 h<eures> du matin.

Le Général en Chef est encore chez moi, et n'a à ce qu'il semble nulle envie de se coucher, l'officier, qui part en courrier est à attendre quelques minutes, avant, qu'on ait cacheté les papiers officiels. J'emploie cet intervalle de temps pour me rappeler à vous, ma très chère et respectable m<adam>e Akhverdof. Nous sommes ici tous dans les fumées de la victoire, parmi une grande et bruyante population. La prise de Sardarabad dans 4 jours, et celle d'Erivan dans 6 a de quoi vous étonner, n'est-ce pas? Qu'en dit Tiflis? Je vous prie de me faire deux mots sur l'arrivée de ma cousine dans votre bonne ville, comment s'y plaira-t-elle en attendant, que son mari remplit la Perse de terreur, j'aurais été curieux de voir les premières impressions de son apparition en deçà des montagnes; les premières, dis-je, car par la suite je n'en jouirai pas, déterminé à m'en aller, déserter complètement, le service que je hais de tout mon coeur, quelque avenir qu'il me présente. Votre beau-fils a maintenant un prête-nom pour chef, j'aurais bien voulu, qu'il fît quelque chose de beau; car la gloire lui en serait accordée de l'aveu de tous ceux qui connaissent l'absence des capacités d'Eristof.

Bonjour et bonne nuit, Madame, veuillez vouer un léger souvenir à celui, qui est de coeur votre très dévoué serviteur

A. G.

Mes hommages à la société. Nous avons eu hier une grande parade, hors des murs, et un «Te Deum» vis-à-vis la brèche. (Soit dit en passant, la destruction de la ville a été terrible. Un enfer de bombes pendant tout le temps du siège). Hier donc, quand on entonna le Господи помилуй, parut suivi de tous ses officiers, et s'appuyant sur ses béquilles Simonitsch, je ne sais pourquoi, mais les larmes me vinrent,.. ces cantiques me touchèrent, et la vue de cette respectable infirmité me saisit l'âme! (Не infirmité, а благородно изувеченный, как это сказать?).

Адрес:

Ее Превосходительству
Милостивой Государыне
Прасковье Николаевне
Ахвердовой
в Тефлис.

Перевод с французского:

3-го октября, в 2 ч<аса> пополуночи.

Главнокомандующий еще у меня и не имеет, как мне кажется, ни малейшего желания лечь спать. Офицер, который едет курьером, должен подождать несколько минут, пока запечатают официальные бумаги, и я пользуюсь этим временем, чтобы напомнить вам о себе, дорогая и глубокоуважаемая г<оспо>жа Ахвердова. Мы все здесь в чаду победы, среди многочисленного и шумного населения. Взятие Сардарабада в 4 дня, а Эривани — в 6 — есть чему удивляться, не так ли? Что говорят об этом в Тифлисе? Черкните мне, пожалуйста, два слова о приезде моей двоюродной сестры в наш добрый город. Как ей там живется в то время, как ее муж наполняет ужасом Персию? Любопытно мне было бы наблюдать ее первые впечатления, произведенные на нее переездом по сю сторону гор. Я говорю первые, так как последующим я не буду радоваться, решив уехать или и совсем бросить службу, которую я ненавижу от всего сердца, какое бы будущее она мне ни сулила. Ваш зять теперь за начальника. Мне бы очень хотелось, чтобы он сделал что-нибудь значительное, потому что его прославят единодушно все, кто знает отсутствие способностей в Эристове.

Прощайте и доброй ночи, Милостивая Государыня, прошу иногда вспоминать

вашего преданнейшего слугу
А. Г.

Обществу мой поклон. Вчера у нас был большой парад за стенами и молебствие перед брешью. (Сказать мимоходом, разрушили город ужасно: тьма кромешная бомб во все время осады.) Когда вчера запели «Господи помилуй», появился Симонич, в сопровождении всех офицеров, опираясь на костыли. Не знаю отчего, но слезы выступили у меня... Песнопения меня тронули, а при виде этой почтенной немощи сердце мое сжалось!

В. Д. ВОЛЬХОВСКОМУ

11 января 1828. Табриз

Любезнейший Владимир Дмитриевич. Пользуюсь отъездом г<осподина> Макдональда, чтобы вам дать знать о себе и о наших. Переговоры прерваны после многих толков, пустых, как с персиянами всегда бывает.

Рапорты ваши в копии все препровождены к Его Императорскому Величеству.

Сначала генерал был недоволен вашим соглашением с Муэтемидом, по смыслу которого мы должны отступить за Аракс, а потом уже получить деньги. Но после того Его Высокопревосходительство рассудил, что все это персидская уловка: потому что вы не имели повеления трактовать. Ничего в таком роде не писано в Тейран, чтобы могло дать повод тамошнему министерству для исходатайствования чрез вас перемены наших условий. Старые штучки.

Уверены ли вы, любезный друг, что деньги точно в Казбине? Мы в этом сомневаемся. Может быть, транспорт воротили в столицу чрез другие ворота.

Насчет шумного приема Гамас-Али-Мирзы мое мнение следующее: когда Шах узнал, что дела доведены к концу с Аббас-Мирзою и медлить исполнением долга невозможно, то он сыграл новый акт, как будто наследником недоволен, хочет назначить другого, и мы, потерявши два месяца выгаданного — охотно сбавили наши требования, чтобы совершенно впросак не попасться. Благодаря Бога, вышло иначе. На генерала это подействовало как надобно. Он крепко досадовал на беспечность Его Шахского Величества... На днях выступаем на Тейран.

Между прочим, замечу вам одно: к чему вы были так снисходительны и зажились с этим народом? Таким образом миссия ваша совершенно изменилась, и может быть, подала некоторую надежду Шаху или Муэтемиду на большую проволочку. Так кажется, но вы на самом месте лучше знаете, что делать.

Генерал очень много о вас заботился, и все мы очень, очень желаем вас видеть, по мне хоть и без денег.

Для ускорения высылки первого транспорта советую вам пригрозить им известием, что если мы достигнем до Зенгана, не встретя денег, то при дальнейшем движении вперед не можем оставить позади себя шаткое народонаселение, неуверенное, кому оно принадлежать будет, и тогда... объявлен будет навсегда принадлежащим — России.

Мы напрасно вперед не пошли прежде. Я это знаю, но причин найдется много. — Правление здешнее удивительно как мало приспособлено к местным соображениям. По какой это желтой или зеленой книге состроено? Один человек, распорядительный и глупый, при нем несколько писцов и рассыльных чиновников гораздо бы лучше соответствовали цели.

Генерал тоже не совсем доволен. Насчет должных поборов он решил, чтобы более не взимать их, а только натурою для продовольствия, и пр.

Эристов получил Александровскую ленту...

Великий князь Константин Николаевич назначен шефом Грузинского гренадер<ского> полка.

7-й карабинер<ский> переименован Эриванским. Вот вам все наши новости. Прощайте, любезный и почтенный друг.

Весь ваш
А. Гр.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

16 марта 1828. Петербург

С.-Петербург. 16 марта 1828 г.

A moi Comte, deux mots*. Мой благодетель. Поздравляю вас и себя. Все, что вы для меня желали, сбылось в полной мере. Я получил от Нессельроде уведомление, что Государю угодно меня пожаловать 4000 черв<онцами>, Анною с бриллиантами и чином статского советника. А вы!!! — Граф Эриванский и с миллионом. Конечно, вы честь принесли началу нынешнего царствования. Но воля ваша, награда необыкновенная. Это отзывается Рымникским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет Державина лиры, но дух Екатерины царит над столицею севера. Надеюсь, что черные мысли навсегда от вас отступят. Государь благоволит вам, как только можно, право, в разговоре с ним я забыл расстояние, которое отделяет повелителя седьмой части нашей планеты от дипломатического курьера; он с семейным участием об вас расспрашивал. Государыня тоже. Вот добра! Чудо! О Сашеньке, об вашей жене и об вас так милостиво и так подробно разведывала, что сердце радовалось. Великий Князь тоже, вчера я представлялся Его Высочеству, и представьте мое удивление, он так же об вас говорит, как бы я отзывался, знает вас насквозь, дорожит вами много, долго обо всем любопытствовал и несколько раз повторял: «J'éspère qu 'Iv<an> Fed<orovitch> ne doute pas de mon attachement et comme nous l'aimons tous sincèrement»**. Скажите Осипу Федоровичу, что если он хочет перейти совершенно в дипломаты, без военного мундира, то место его готово, иначе какого рода он только желает получить назначение, ему не откажут. Его Высочество изволил к вам писать об этом и обещал мне показать, что именно. Вы знаете, что одна эстафета перехвачена под Екатериноградом. Очень

может быть, что и письмо это там же в воду кануло. Всего не упишешь; при первом случае не забуду ни одной запятой, ни полслова из моей поездки и прибытия сюда. А теперь голова кругом идет, я сделался важен, Ваше Сиятельство вдали, а я обращаюсь в атмосфере всяких великолепий.

Как Александр Христофорович мне об вас говорил, о вашей кампании, о вашем мире, о славе, о делах ваших; ей-Богу, как патриот и как истинный ваш ценитель. И заметьте, что все ваши отношения с его братом ему совершенно известны, и холодность и причины. Воля ваша, Иван Федорович, а вы с Бенкендорфами будьте хороши, тем более, что вы точно их любите, да Бог знает как все умели сделать навыворот с Константином Христофоровичем, который благороднейший рыцарь в свете. Вам известно, как я к этому человеку привязан. Судите мое положение, мы с ним ужинали в карантине. Что ж, я от него узнал, будто вы публично радовались его отъезду. Кто ему эту чепуху перенес, конечно, кто-нибудь и при нем обращался вроде подлеца Курганова. К счастью, что когда я что-нибудь говорю, то мне должно верить, и нетрудно мне было его убедить, что ему перенесли вздор, клевету, недостойную ни вас, ни его. Он уже здесь, нынче к нему съезжу.

Нессельроде о вас говорит с отличным уважением. Да просто все. Царь хорош, так и все православие гремит многие лета. Некогда, тороплюсь. A propos***. Вчера мне медальку прислали за персидскую войну, для меня это во 100 раз дороже Анны. Vive l'Empereur**** и вы, мой бесценный благодетель, кабы я стал вас много благодарить, то было бы глупо. Вы меня и без слов поймете.

Верный ваш
А. Грибоедов.

Bachilof vient de sortir de chez moi et vous fait dire mille jolies choses*****.

Какой Фединька красавчик! Да что за вздор говорит! Об Аббас-Мирзе etc., etc. Славный мальчик!

Андроников повергается к стопам вашим. С ума сошел, на веревке не сдержишь, с тех пор как удостоился видеть государя и поручик гвардии.

Чевкин у меня сейчас был и свидетельствует вам свое почтение и усердно поздравляет. Как же Ваше Сиятельство мне говорили, что он верно будет вами доволен, а он говорит, что даже ни

к чему не был представлен. Он редактор и Указа, и Рескрипта, и всего, что до вас касается.

---

* Два слова, Граф (*франц.*).
** Я надеюсь, что Ив<ан> Фед<орович> не сомневается в моей привязанности и в том, как мы все искренно его любим (*франц.*).
*** Кстати (*франц.*).
**** Да здравствует Император (*франц.*).
***** Башилов только что вышел от меня и шлет вам тысячу приветствий (*франц.*).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

Конец марта — начало апреля 1828. Петербург

Почтеннейший, истинный мой благодетель
граф Иван Федорович.

Вашему Сиятельству я обязан всем уважением и теми приятностями, которые мне здесь ежедневно оказывают. Но от вас также я слег в постелю, болен, замучен обедами, отравляюсь, пьют за здоровье графа Эриванского, а я обпиваюсь.

Сухазанет принял меня в руки с самого приезда. Я был приглашен к обеду во дворец. Там мы в первый раз встретились, и с тех пор он от меня не отстает, либо у него, либо у Белосельских, либо у Лавалей. Третьего дни я у него обедал с Чернышевым, который с большим участием об вас расспрашивал. Еще когда-то Левашов, тоже всё об вас, а при дворе просто все. Кн<язь> Васил<ий> Долгорукий, между прочим, уверяет меня, что испрашивал ленту Беклемишеву, он в письме к к<нязю> Волконскому прибавил, что этот человек давний ваш друг: и потому разом и уважили представление. Я думаю, лжет, как всякий благородный, придворный человек. Но какое дело? Это означает меру их понятия о благоволении к вам Государя Императора. — Депрерадович, Опперман, граф Петр Ал<ександрович> Толстой, Кутузов, наконец, все те, у которых я бываю, при мне любят вас очень горячо. Нет! без шуток, эти четыре человека, кажется, точно так думают, как говорят. Вчера был большой обед у старого моего и вашего знакомого сенат<ора> Чилищева, где тоже много нашлось у вас друзей, и провозглашали вашу славу открытым ртом. Впрочем, Аллилуйа и хвалебным вам песням конца нет. Когда будет досуг, опишу вам, что и дорогою я встречал те же восклицания вам в похваление и добрым людям на услышание. Довольны ли вы?

Но вот и пятна на солнышке. Множество толков о том, что ваш характер совсем изменился, что у вас от величия голова завертелась, и вы уже никого не находите себе равного, и все чело-

вечество и подчиненных трактуете как тварь. Это хоть не прямо, а косвенно до меня доходило, но здесь бездна гостиных и кабинетов, где это хором повторяется. Я все-таки опираюсь на известную природную вашу порывчивость, ссылаюсь в том на стародавних ваших приятелей, которые всегда знали вас вспыльчивым человеком. Et dans mon plaidoyer, je m'efforce à faire entendre, que grandi comme vous êtes de pouvoir et de réputation, vous êtes bien loin d'avoir adopté les vices d'un parvenu*.

Не сетуйте на это, почтеннейший мой благодетель. В особе самого Государя я, благодаря Бога, нашел такое непритворное, лестное расположение в вашу пользу, что с этою твердою опорою вы еще далеко пойдете. В усердии вашем, в способностях, в благородстве души вашей он уверен, и просто он говорил мне об вас так умно, так живо и справедливо, как никто, даже с каким-то дружественным пристрастием. Заметьте, что Его Величеству известны все ваши недоразумения с Красовским, с Сипягиным и просто со всеми. К счастию, я нашел в особе моего Государя такое быстрое понятие, кроме других качеств, что полслова достаточно в разговоре с ним, он уже наперед все постигает. Таким образом, я вполне мог и могу пользоваться получасом, который он не всякому уделить может. О перемене вашего характера тоже дело шло и о причинах этого. Я сказал, что ответственность ваша была чрезмерная, что вы находились в обстоятельствах самых затруднительных, обстоятельно изложил ваше положение после Ушганского дела и как оно истинно происходило, это насчет Красовского, также о продовольствии и что, несмотря на все попечения Сипягина, вы по ту сторону гор рисковали остаться без куска хлеба. Но что ваши неудовольствия на Сипягина давно уже миновались. Enfin, ai-je ajouté, V<otre> M<ajesté> sait bien, qu'après la souveraineté il n'y a rien de tel, comme les devoirs d'un commendant en chef etc., etc.** Всего не упишешь, но Государь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине. Это на днях было. А я рад душевно, что, кроме правды, ничего лишнего у меня не вырвалось, в обыкновенном положении души это со мною иначе и быть не может. Но тут легко можно было завлечься, чтобы себя, либо свое дело, либо другого выставить в лучшем свете. Ей-Богу! как вас любит царь ваш! Понимаю теперь, что вы должны каждое слово его принимать за Евангелие, особенно теперь, бывши осыпаны его милостями.

Я еще буду писать вам. Теперь отрывают. Я все утро пробыл с Родофиником, а потом с Нессельродом. И Нессельрод хлопочет о перемене нравственной, которая с вами произошла. Намеднись гр<аф> Дибич говорил, что он точно таков же был, как вы, взявши на себя огромную обузу и в самых критических обстоятельствах. Радуюсь, что кое-что успел сделать для Аббас-Кули и

Шаумберга. Меня опять турят в Персию, чуть было не послали с ратификациею, но я извинился физическою немощию.

Сделайте одолжение, Ваше Сиятельство, дайте Льва и Солнца Чевкину, гр<афу> Кушелеву и Бухгольцу. Вам это ничего не стоит, а они вам навек будут благодарны. Прикажите об этом Амбургеру.

Поутру я на минуту заезжал к Сологубовым. Какая хорошенькая невеста у Обрескова! Чудо! Это гораздо важнее его лент и амбасадорства.

Прощайте. Душевно вас обнимаю и с чувством полного уважения и преданности честь имею пребыть

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

---

* И в своей защитительной речи я силюсь дать понять, что, возвеличившись во власти и в славе, вы очень далеки от того, чтобы усвоить себе пороки выскочки (*франц.*).

** Наконец, прибавил я, В<аше> В<еличество> хорошо знаете, что после верховной власти ничего нет более ответственного, как обязанности главнокомандующего и проч. и проч. (*франц.*).

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

10 апреля 1828. Петербург

Почтенный друг Петр Максимович. Два раза для вас был у Дибича, для объяснения ему, что крест вам следует вопреки ничтожности чина, в котором вы года переслужили, был в Министерстве Юстиции, в Герольдии. Теперь о чине вашем поступило к докладу, а о кресте все еще ничего нет. — Извините, что мало пишу, во-первых, в департаменте Азиатском, а не дома, а второе обстоятельно получите с Андроникова <1 нрзб>.

Верный друг

А. Г.

10 апреля.

А д р е с:

Его Высокоблагородию
Петру Максимовичу
Устинову
при Генерал-адъютанте
графе Эриванском

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

12 апреля 1828. Петербург

Почтеннейший, мой дражайший благодетель.

Сейчас мне в департаменте объявил К. К. Родофиникин, что к Вашему Сиятельству отправляется курьер с ратификациями. Нового мне вам сказать нечего, притом в присутственном месте не так вольно слова льются. Я еще нового назначения никакого не имею. Да если и не получу, да мимо идет меня чаша сия. Душевно бы желал некоторое время пробыть без дела официального и предаться любимым моим занятиям. В Английским клобе здесь пили за здоровье гр<афа> Еriванского и изготовили ему диплом в почетные члены. Скоро ли и сами ли вы лично двинетесь на врага Христовой Церкви? Прощайте.

С чувством полного уважения, любви и благодарности

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

12 Апреля.
С. Петербург.

П. А. КАРАТЫГИНУ

Апрель — начало июня 1828. Петербург

Друг мой Петя, сделай одолжение достань ложу в 1 ярусе поближе и пару кресел, коли можешь.

Прощай.

А. Г.

Адрес:

М<илостивому> Г<осударю>
Петру Андреевичу Каратыгину.

А. И. ОДОЕВСКОМУ

Начало июня 1828. Петербург

С.-Петербург.

Брат Александр! подкрепи тебя Бог! Я сюда прибыл на самое короткое время.* Государь наградил меня щедро за мою службу. Бедный друг и брат! Зачем ты так несчастлив! Теперь бы ты по-

радовался, если бы видел меня гораздо в лучшем положении, чем прежде, но я тебя знаю, ты не останешься равнодушен при получении этих строк и там... вдали, в горе и в разлуке с ближними.

Осмелюсь ли предложить тебе утешение в нынешней судьбе твоей! Но есть оно для людей с умом и чувством. И в страдании заслуженном можно сделаться страдальцем почтенным. Есть внутренняя жизнь нравственная и высокая, независимая** от внешней. Утвердиться размышлением*** в правилах неизменных, сделаться в узах и в заточении лучшими, нежели**** на самой свободе, вот подвиг, который тебе предлагаю*****. Но кому я это говорю? Я оставил****** тебя прежде твоей экзальтации в 1825 году. Она была мгновенная, и ты верно теперь тот же мой кроткий, умный и прекрасный Александр, каким ты был в Стрельно и в Коломне в доме Погодина. Помнишь, мой друг, как ты плыл и тонул, чтобы до меня добраться и меня спасти?

Кто тебя завлек в эту гибель!! [в этот сумасбродный заговор! кто тебя погубил!!] Ты был хотя моложе, но основательнее прочих. Не тебе бы к ним примешаться, а им у тебя уму и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе определила, довольно об этом.

Слышу, что снисхождением высшего начальства тебе и товарищам твоим дозволяется читать книги. Сейчас еду покупать тебе всякой всячины, реэстр приложу возле.

---

* В черновом варианте далее было: [прожил гораздо долее, чем полагал, но все-таки менее трех месяцев].

** Было: [независящая].

*** Было: [Утвердись в размышлении и будь в узах].

**** Далее зачеркнуто: [ты бы был].

***** Было: [предстоит].

****** Было: [знавал].

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Начало июня 1828 г. Петербург

В Тефлис, т. е. сухим путем отправить, и как можно скорее:

1) Седлы и всю конскую сбрую, которая делается у Филиппова.

2) Сервиз фаянсовый.

3) Медную посуду. Batterie cuisine*.

4) Несколько книг.

5) Столовое белье и ливреи, и мои мундиры.

Остальное все отправить водою в Астрахань:

1) Вещи мои.
2) Мальцова.
3) Аделунга.
И присовокупить на мое имя:
1) Сахару: 50 пуд<ов>; цибика 2; кофе 15 пуд<ов>.
2) Свечей восковых 6 пуд<ов>.
3) Шампанского 4 ящика, и некоторых других вин: портв<ейна>, мадеры, сотера и лидоры, бургон<ского>.
4) Столярный инструмент.
5) Мебель.
6) Лак для мебели.
7) Фортепиано, не рояль, но хороший, купить у Шрёдера, струны переменить и ключ настраивать.
8) Позаботиться в Департаменте об освобождении от таможни вещей, которые впоследствии будешь отправлять на мое имя.
9) Бумагу и сургуч для канцелярии.

---

* Кухонная утварь (*франц.*).

Х. Д. ФРЕНУ

Начало июня 1828. Петербург

Verehrtester Herr
Staatsrath.

Ich bin Ihnen herzlich verbunden für die freundschaftliche Theilnahme, die Sie mir zeigen wegen meiner künftigen gelehrten Beschäftigungen in Persien. Ich fürchte nur, das ich alles das nicht leisten kann, was Sie von meinem Eifer für die Wissenschaft erwarten.

Früher kann ich Ihre liebens würdige Einladung nicht annehmen als für Dienstag künftige Woche. Mittwoch reise ich fort.

Ihr ergebenster Diener
Alex. Gribohedof

А д р е с:

Его Высокородию М<илостивому> Г<осударю>
Христиану Даниловичу
Френу

П е р е в о д с н е м е ц к о г о:

Высокочтимый господин статский советник.

Я вам сердечно обязан за любезное внимание, которое вы мне оказываете в отношении моих будущих ученых занятий в Персии. Я только опасаюсь, что не

могу выполнить всего того, что вы ожидаете от моего усердия, в науке. — Ваше любезное приглашение я могу принять не раньше как во вторник на будущей неделе. В среду я уезжаю.

Ваш преданный слуга
Алекс. Грибоедов.

Е. И. БУЛГАРИНОЙ

5 июня 1828. Петербург

5 juny.

Adieu, bestes Länchen, theure Freundinn. Ich küsse Sie vom ganzen Herzen u<nd> Tante auch. Adieu — Ich nehme Abschied von Ihnen auf 3, zehn Jahr, vielleicht auf immer. O mein Gott! Soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinen Gefühlen, meinem Sinne, aber Nichts zu thun. Vielleicht werde ich einmal in Karlowo flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundinn, u<nd> leben Sie glücklich.

Ihr treuer Freund
A. <von> Griboyedof.

5 juni

Перевод с немецкого:

Прощайте, милая Леночка, верный друг мой, от всего сердца целую вас и Танту также. Прощайте! Прощаюсь года на три, на десять лет, может быть, навсегда. О, Боже мой! Неужели проведу я всю мою жизнь там, в стране, чуждой моим чувствам, моему уму. Но ничего не поделаешь. Может быть, я когда-нибудь убегу в Карлово от всего, что теперь мне противно. Но когда? Еще далеко до этого. Покуда обнимаю вас, добрый друг мой, и будьте счастливы.

Ваш верный друг
А. Грибоедов.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

6 июня 1828. Царское Село

Любезный друг Benedicti filius*, узнай, пожалосто, у Малиновского, или у Никиты Всеволожского, или Сапожникова, или у кого хочешь, *имя, отчество и чин* Семашки и напиши ко мне тот-

час с следующею экстрою. Прощай. Люби меня и Länchen поцелуй.

Верный твой друг
А. Грибоедов.

Царское Село:
6 июня 1828.
Пословицы Строева пришли сде<лай> милость.

Адрес:

Е<го> В<ысоко>бл<а>г<оро>д<ию>
М<илостивому> Г<осударю>
Ф. В. Булгарину

* Бенедиктов сын (*лат.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

12 июня 1828. Москва

12 июня. Москва.

Любезнейший друг Фадей Бенедиктович. Чем далее от Петербурга, тем более важности приобретает мое павлинное звание. — Здесь я несколькими часами промедлил долее, чем рассчитывал. Но ты можешь посудить до какой степени это извинительно в обществе с материю и с миленькими полукузинками; jolies comme des anges*, и этот дом родимый, в котором я вечно как на станции!!! Проеду, переночую, исчезну!!! Une foutue éxistance**. —

Скажи Ордынскому, что я был здесь опечален чрезвычайно, именно на его счет. Похвиснев, которого я полагал сделать предстателем у Вельяминова за его братьев, умер. И жаль, собственно, за этого молодого человека, и за братьев нашего приятеля. Но в Туле думаю найти истинного ко мне дружески расположенного А<лексея> А<лександровича>, брата Вельяминова, а коли нет, то буду писать к нему.

Сходи к пи́куло челове́куло. Он у меня ускромил месяц жалованья. Но со мною нет полномочия, письма Государева к тому Государю, к которому я еду. Подстрекни, чтобы скорее прислали, иначе как же я явлюсь к моему назначению. Я слишком облагодетельствован моим Государем, чтобы осмелиться в чем-либо ему не усердствовать. Его именем мне объявлено, чтобы я скорее ехал, я уже на пути, но в том не моя вина, коли не снабдили меня

всем нужным для скорейшего исполнения высочайшей воли. Здесь я слышу стороною вещи *оттудова*, которые понуждают меня торопиться. Приторопи же и ты мое азиатское начальство, Его Превосходительство пи́куло низдере́куло.

На первый случай пришли мне Иордена *Атлас всеобщий и карту войны*, непременно и скорее, а антиквитетами и отвлеченностями повремени. Новейшее сочинение о коммерции, о ведении консульских книг, двойную или десятерную бухгалтерию тоже пришли, в руководство мне и моему Амбургеру.

Вот, мой друг, письмо ко мне моей сестры. Рассуди и, если можно, спишись с ней и помоги. Адрес ее: *Марье Сергеевне Дурновой, Тульской губернии, в город Чернь*. Но я совершенно оставляю это на твой произвол, как другу, обо мне искренно попечительному.

Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевский требует от матушки уплаты долгу = 5000 рублей. Может ли он уплатить ему за матушку (которой он сам должен тридцать четыре тысячи)? — Она совестлива, больна и безденежна, Александр меня любит и честен. Поговори ему, и понудь его непременно сделать мне приятное.

Прощай. Ты дал мне волю докучать тебе моими делами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя ценить умеет.

Андрея, нашего благородного, славного и почтенного малого, Андрея обними за меня. Звонят здесь без милосердия. Оглушили, коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночке и Танте поклон.

Матушка посылает тебе мое свидетельство о дворянстве, узнай в Герольдии наконец, какого цвету дурацкий мой герб, нарисуй и пришли мне со всеми онёрами.

---

* Хорошенькие, как ангелы (*франц.*).
** Проклятое существование (*франц.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

13 июня 1828. Тула

Тула. 13-го июня.

Вчера я забыл еще об одном для меня важном предмете: Hassel's Geographie von Asien, 4 Volum*, все четыре волюма пришли поскорее в Тефлис. Греф ее при мне ожидал. Аделунг обещал купить мне. —

Прощай, Тула, Воронеж! Что за точки на сем свете, и почему надобно по нескольку часов ими заниматься. Как въедешь? Как выедешь?

Верный твой друг
А. Г.

Адрес:

В С. Петербург
Его Высокоблагородию
М<илостивому> Г<осударю>
Фаддею Венедиктовичу
Булгарину
Г<осподину> Издателю Северной Пчелы
В Малой Морской 83-й№
[в д<оме> Струговщикова по Офицерской]

Почтовая печать:

Тула
1828
июн<я>
14

---

* География Азии Хасселя, 4 тома (*нем.*).

А. А. ЖАНДРУ
24 июня 1828. Новочеркасск

24 июня. Новочеркасск.

Любезный Андрей. Мухи, пыль и жар, одурь берет на этой проклятой дороге, по которой я в 20-й раз проезжаю без удовольствия, без желания: потому что против воли. Двое суток пробыл я у матушки, двое у Степана, с которым много о тебе толковали. Он надеялся, что ты вместе со мною его посетишь. Но вышло иначе, я и сам блеснул, как зарница перед ночью, посадил с собою Степана, и покатились к сестре. Она с мужем Бог знает в какой глуши, капусту садит, но чисто, опрятно, трудолюбиво и весело. Зять мой великий химик, садовник, музыкант, успешно детей делает и сахар из свеклы. Сашку я наконец всполоснул торжественно, по-христиански. Что за фигура! точно лягушка. И все это происходит в Чернском уезде неподалеку от Скуратова, имения бывшего и сплывшего, которое они, между прочим, продали.

И там я пробыл двое суток, расстались друзьями, расстаюсь и с тобою, мой друг, знай, что я жив.

Варваре Семеновне поклон, поцелуй и почтение.

Скажи Фадею, чтобы он прислал фасады Степану, да попроси его, чтобы он от себя или чрез Малиновского написал к Семашке в Астрахань и пригласил бы его ко мне определиться. Где-то по дороге в церкви, а именно — в селе Кривцовом, еще о сю пору читают только декларацию о Турецкой войне, и ругают наповал персиян, полагая, что персияне и турки одно и то же.

Прощай, брат.

Адрес:

Е<го> В<ысокоблагородию>
М<илостивому> Г<осударю>
Андрею Андреевичу Жандру
Против нового Михайловского дворца
в доме Пентюшина
в С. Петербурге.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

27 июня — 1 июля 1828. Ставрополь, Владикавказ

Любезнейшая Пчела. Вчера я сюда прибыл с мухами, с жаром, с пылью. Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных назначений. Dandy петербургского Bonds-street — Невского преспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность.

Здесь меня задерживает приготовление конвоя. Как добрый патриот, радуюсь взятию Анапы. С этим известием был я встречен тотчас при въезде. Нельзя довольно за это благодарить Бога, тому, кто дорожит безопасностью здешнего края. В последнее время закубанцы сделались дерзки до сумасбродства, переправились на нашу сторону, овладели несколькими постами, сожгли Незлобную, обременили себя пленными и добычею. Наши, пошедшие к ним наперерез с 1000 конными и с 4 орудиями, по обыкновению, оттянули, но поспели. Пехота* вздумала действовать отдельно, растянулась длинною цепью, тогда как донской полковник Родионов предлагал, соединившись, тотчас напасть на неприятеля, утомленного быстрым походом. Горцы расположены были табором в виду, но заметив несовокупность наших движений, тотчас бросились в шашки, не дали ни разу выстрелить орудию, бывшему при

пехотном отряде, взяли его и перерубили всех, которые при нем были, опрокинули его вверх колесами и поспешили против конного нашего отряда. Родионов удержал их четырьмя орудиями, потом хотел напасть на них со всеми казаками линейскими и донскими, но не был подкреплен, ударил на них только с горстью донцов своих и заплатил жизнию за великодушную смелость. Ему шашкою отхватили ногу, потом пулею прострелили шею, он свалился с лошади и был изрублен. Однако отпор этот заставил закубанцев бежать от Горячих вод, которым они угрожали нападением. Я знал лично Родионова, жаль его, отличный офицер, исполинского роста, и храбрейший. Тело его привезли на Воды.

Посетители сложились, чтобы сделать ему приличные похороны, и провожали его, как избавителя, до могилы.

Теперь после падения Анапы все переменилось, разбои и грабительства утихли, и тепловодцы, как их здесь называют, могут спокойно пить воду и чай. Ген<ерал> Эмануель отправился в Анапу, чтобы принять присягу от тамошних князей. На дороге с той стороны Кубани толпами к нему выходили навстречу все горские народы с покорностию и подданством.

Опять повторяю, что выгоды от взятия Анапы неисчислимы. Бесит меня только этот пехотный майор, который не соединился с Родионовым и причиною его безвременной смерти. Он 20-й Крымской дивизии. Нашего кавказского корпуса штаб-офицер никогда бы этой глупости не сделал. Впрочем, в семье не без урода. В 825 году я был свидетелем глупости Булгакова, который также пропустил закубанцев и к нам и от нас.

Прощай. Лошади готовы.

Коли к моему приезду гр<аф> Эриванский возьмет Карс, то это немало послужит в пользу моего посольства. Здесь я в его услугах, все меня приветствуют с чрезвычайною переменою его характера. Говорят, что он со всеми ласков, добр, внимателен и бездну добра делает частного и общего. А у нас чиновники народ добрый, собачья натура, все забыли прошедшее, полюбили его и стали перед ним на задние лапки. Но жребий людей всегда один и тот же. О дурном его нраве все прокричали в Петербурге, и верно, умолчат о перемене: потому что она в его пользу. Прощай еще раз, любезный друг. Пришли мне от Винтера стекла три, четыре от карманных часов, которые я у него купил. Я забыл запастись ими, а стекло в дороге расшиблось, и я принужден руководствоваться светилами небесными.

Ура! Любезнейший друг. Мои желания и предчувствия сбылись. Карс взят штурмом. Читай реляцию и проповедуй ее всенародно. Это столько чести приносит войску и генералу, что нельзя

русскому сердцу не прыгать от радости. У нас здесь все от славы с ума сходят.

Верный друг твой
А. Г.

Порадуй от меня этим Е<го> П<ревосходительство> Конс<тантина Константиновича> Родофиникина. — Я оттого не доношу ему официально, что не имею места, где бы прислониться с пером и бумагой для чистописания, а служба требует наблюдения различных форм благоприличия, несовместных с дорожною ездою.

* 39-го Егерск<ого полка> майор Казачковский, который думал фрунтом ударить на черкесскую конницу и сам тяжело ранен.

А. К. АМБУРГЕРУ

18 июля 1828. Тифлис

Téflis le 18 juillet 1828.

Mon cher Amburger. Je ne sais encore, quelle éspèce d'office je vous adresserai. D'après tout ce que j'entends vos affaires vont le mieux du monde, aussi l'ai-je déjà communiqué au ministère «боюсь безвременным предписанием помешать его действиям, по всем до меня дошедшим слухам, весьма успешным и соразмерным его испытанным способностям и усердию». — N'ayant trouvé aucun antécédent sur nos dernières relations avec Tauris et Teheran, dans la chancellerie du Général, je me suis empréssé d'aller le trouver à Kars. Mais figurez-vous ma mésaventure. On m'a fourni des chevaux, qui n'allaient pas, ce qui m'a forcé de rebrousser chemin du troisième poste d'ici. Et maintenant me voici à refaire mes malles, et à les remonter sur des chevaux. En attendant ma lettre de créance, signée de l'Empereur, près de Satounovo sur le Danube, ainsi que votre lettre patente m'a été envoyée ici. Je les fais traduire à l'heure qu'il est et arrivé dans le pays j'adresserai une note au ministère du chah pour vous faire reconnaître consul général dans toute l'étendue de son royaume. Je suis porteur de vos appointements ainsi que de ceux de votre secrétaire Ivanof. Quant à ce dernier, engagez-le de ma part de faire en sorte, que vous en soyez content. Ce sera la seule voie pour lui de réussir au service. Si je ne vous envoie pas tout de suite la somme, c'est que je n'ai aucune sûreté pour qu'elle vous parvienne sans défaut.

Перевод с французского:

Любезный Амбургер. Я сам еще не знаю, какого рода служебные обязанности я на вас возложу: по всему, что я слышу, ваши дела идут как нельзя лучше, о

чем я уже сообщил в министерство: <...> — Не найдя в канцелярии Генерала никаких предыдущих бумаг, касающихся наших последних сношений с Тавризом и Тегераном, я поспешил отправиться за ними в Карс. Но представьте мою неудачу. Мне доставили лошадей, которые не шли, что вынудило меня вернуться назад с третьей отсюда почтовой станции. И вот я вновь укладываю свои чемоданы, чтобы их навьючить на лошадей. — Между тем моя верительная грамота, подписанная императором у Сатунова на Дунае, а также верительное письмо для вас было послано мне сюда. В настоящее время их переводят и по приезде своем в Персию я отправлю ноту шахскому министерству о признании вас генеральным консулом на всей территории его государства. Жалованье ваше и вашего секретаря Иванова находится у меня. Что касается последнего, то убедите его от моего имени устроить так, чтобы вы были им довольны. Это для него единственный путь преуспевать по службе. Если я вам сейчас не посылаю денег, то это потому, что у меня нет никакой уверенности в том, что они безошибочно дойдут к вам.

А. К. АМБУРГЕРУ

25 июля 1828. Ахалкалаки

Akhalkalaki. 25 juillet.

Je suis arrivé ici après des détours sans fin, car toute communication avec Kars avait été rompue, et le G<énéra>l en Chef se portait dans ce temps contre Akhalkalaki, qu'il a emportée d'assaut, le fort de Gartvis a été aussi pris avant-hier. Ce sont des canons et des drapeaux, et des prisonniers à n'en pas finir. J'ai parlé avec Mirza Djafar, on a constaté ses pleins pouvoirs, il n'en a aucun pour la réception du traité ratifié de notre part. Et même il y a des différences dans la lettre du traité, dont il est porteur. Mais j'ai conseillé au comte de passer sur les formes, ce qu'il y a de plus essentiel c'est que la restitution des pleins pouvoirs ne peut être effectuée, ceux de nos plénipotentiaires n'ayant pas été remis par Abbas Mirza à son délégué Mirza Djafar. C'est moi qui apporterai notre ratification à Abbas Mirza. En attendant son envoyé a eu une represaille de la remise de sa copie.

Перевод с французского:

Ахалкалаки. 25 июля.

Я приехал сюда после бесконечных объездов, ибо всякое сообщение с Карсом было прервано, и Г<лавнокомандующий> в это время двинулся к Ахалкалакам, которые и взял приступом, форт Гартвис тоже был взят третьего дня. Мы захватили множество пушек, знамен и пленных. Я говорил с Мирзой-Джафаром, его полномочия подтверждены, но у него их недостаточно для того, чтобы принять ратифицированный договор с нашей стороны. И даже есть разница в редакции копии трактата, которой он снабжен. Но я посоветовал графу пренебречь

этой стороной дела. Гораздо же более существенным является то обстоятельство, что восстановление полномочий не может быть осуществлено, поскольку равные полномочия наших министров не были переданы Аббас-Мирзой его представителю Мирзе-Джафару. Я сам привезу наш ратифицированный трактат Аббасу-Мирзе. Тем временем его уполномоченному <досталось?> за передачу его копии трактата.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

29 июля 1828. Гумри

Ma chère, ma très-aimable m<adam>e Akhwerdow! Figurez-vous mon désappointement! On marche à Ahalkalaki. Il n'y a plus de communication avec Kars; je suis le torrent, et je jette tous mes effets pour la centième fois, je pense. Comme s'est embarrassant, comme s'est dispendieux! Et tout ce train, pourquoi? Dites à Nina que cela ne durera pas, et bientôt, dans deux ans tout au plus, je deviendrai l'hermite de Zinondal. Mon courrier n'arrive pas, et quand et où me trouvera-t-il? Je suis abrité sous une tente, le vent souffle avec force, et je crois qu'il nous enlèvera tous. Malzow et moi, nous avons fait crever quelques chevaux de ceux que j'ai achetés a Tiflis. Et pourquoi nous sommes-nous dépêchés! — Mon excellente amie, parlez à Nina de moi, beaucoup, toujours, quand vous n'aurez rien de mieux à faire. Rappelez-vous que nous vous chérissons tous les deux comme une tendre mère. Votre couple d'adoption, vos enfants: c'est elle et moi.

Bonjour en vous embrassant tendrement.

A. G.

Goumri le 29 Juillet

Перевод с французского:

Моя дорогая, моя любезная г<оспо>жа Ахвердова! Представьте себе мое разочарование. Движемся на Ахалкалаки, и нет больше сообщения с Карсом. Я следую за общим потоком и, должно быть, в сотый раз покидаю все мои пожитки. Как это стеснительно, как это убыточно! И вся эта гонка для чего? Скажите Нине, что долго так продолжаться не будет и что скоро, не больше как через два года, я сделаюсь отшельником в Цинондалах. Курьер мой не является, и когда и где он меня найдет? Я приютился в палатке, дует сильный ветер, и я полагаю, что он всех нас унесет. Мальцов и я загнали нескольких лошадей из тех, которых я купил в Тифлисе. И для чего мы торопились! Добрейший друг мой, говорите обо мне побольше Нине постоянно, когда не находите ничего лучшего. Помните, что я и она, мы вас любим, как нежную мать. Мы ваши приемыши, ваши дети, я и она.

Прощайте, нежно обнимаю вас.

А. Г.

Гумри 29 июля

А. К. АМБУРГЕРУ

7 августа 1828. Тифлис

Téflis 7 août.

Mon bon ami. Vous ne sauriez croire quelle compote que toutes mes affaires. Je suis ici à ne rien faire. Mes effets, dont je ne puis me passer en route, ont été dirigés d'après des mauvaises dispositions de mes commissionnaires à Astrahan; d'autres restent à Géorgievsk, où j'ai déjà envoyé une carte volante. C'est une ruine, que tout cela, car je paie tout deux fois.

Félicitez-moi en ami. Je suis fiancé, mais ce n'est que l'hiver que je reviendérai chercher Nina, que si elle m'aime de la moitié, autant, que je lui suis attaché, elle fera certainement mon bonheur. Quand nous nous reverrons, je vous conterai, comment j'ai improvisé cela. Felkersam m'a communiqué, mon cher, que vous n'êtes pas content de votre destination. Mais pourquoi donc? Si c'est pour le peu d'appointement, j'ai déjà mis cela en vue au comte, et il nous l'arrangera, quoique je ne sois sans aucune dépendance de lui, faisant, une puissance à part, mais seulement en considération, de ce que vous avez agi sous sa direction et qu'il a été provisoirement votre chef. Si c'est pour le degrés de considération elle est affectée essentiellement à votre place et vous entendez bien, mon bon ami, que ce n'est pas moi, qui vous découragerai par des dégoûts de service, et des procedés indélicats, dont certes, je ne suis pas capable. Déjà vous êtes chargé d'affaires ipso facto, et vous le serez toujours. Faites bien, et croyez, que je l'apprécierai plus, que s'il y allait de ma propre réputation, dont je ne fais aucun cas en diplomatie, ne m'y étant voué que par circonstance.

P. S. Ecrivez à Aboul-Hassan-Khan ou un autre par rapports à mes effets, qui vont bientôt débarquer au Guilan.

Перевод с французского:

Тифлис. 7 августа.

Друг мой, вы не поверите, какая путаница вышла с моими делами. Я сижу здесь и ничего не делаю. Мои вещи, без которых я не могу обойтись в дороге, были направлены дурными распоряжениями комиссионеров в Астрахань; другие остались в Георгиевске, куда я уже послал летучку. Это прямо разорение, так как я плачу за все вдвое.

Дружески поздравьте меня. Я жених, но вернусь за Ниной не ранее зимы. Если она вполовину любит меня, как я ее, то, конечно, она сделает меня счастливым. При свидании я расскажу вам, как все это произошло. Фелькерзам мне сообщил, что вы недовольны вашим назначением. Но почему же? Если это из-за маленького жалованья, то я уже поставил это на вид графу, и он все нам устроит. Я в этом деле исходил из соображения, что, составляя независимое от него ве-

домство, я все же должен обратиться к нему, потому что вы действовали под его управлением и он был временно вашим начальником. Или вы недовольны значением вашего места, но оно очень влиятельно, и вы, конечно, понимаете, любезный друг, что не мне вас разочаровывать, говоря о неприятностях службы и неблаговидных приемах, на что, само собой разумеется, я не способен. Вы уже поверенный в делах ipso facto*, и так будет всегда. Работайте и верьте, что я оценю это более, чем если бы это касалось моей собственной репутации, которой я, впрочем, не придаю значения в дипломатии, поскольку только случай заставил меня вступить на этот путь.

P. S. Напишите Абул-Гассан-Хану или кому другому относительно моих вещей, которые скоро прибудут в Гилань.

---

* фактически (*лат.*).

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

Около 11 августа 1828. Тифлис

Ma très-chère amie.

Votre m'avez vu au commencement de mon paroxysme. Il a été des plus forts, et a duré jusqu'aujourd'hui matin. Pribel m'a donné une médicine qui n'a pas opéré. Comme il est tout-à-fait improbable que Nina croie aussi longtemps aux mauvaises raisons que je lui ai fait imaginer de ma disparition, veuillez lui dire que j'ai été mal, il est vrai, mais que maintenant je suis beaucoup mieux, quoique je ne puisse encore quitter ma chambre. Et embrassez-la bien tendrement.

G.

Перевод с французского:

Любезный друг.

Вы меня видели в начале моего припадка. Это был один из самых сильных и продолжался до сегодняшнего утра. Прибель дал мне лекарство, которое не подействовало. Так как невероятно, чтобы Нина долго верила тому, что я ей наговорил относительно моего исчезновения, то прошу вас, скажите ей, что, конечно, мне было худо, но что теперь много лучше, хотя я не могу еще выйти из комнаты. И поцелуйте ее очень нежно.

Г.

А. К. АМБУРГЕРУ

Середина августа 1828. Тифлис

Les feuilles publiques vous apprendront nos victoires. L'Empereur s'est rendu maître presque de toutes forteresses sur le Danube et déjà, on assiège Varna. Anapa prise, de ce côté-ci le comte a emporté d'assaut Kars, Akhalkalake et Gartvis, je crois qu'Akhalzike tombera un de ces quatre matins. — Vous n'aurez pas besoin de faire sonner

cela trop haut aux Persans, car les bruits leur en sont déjà parvenus depuis longtems.

Mon instruction pour nos voisins est très simple. Je suis muni d'assez de pouvoir pour être utile à Abbas-Mirza dans la circonstance la plus grave de sa vie. Je tiens de S<a> M<ajesté> l'Empereur même, comment il y est porté par une pure générosité, mais si jusques-là on se conduisait mal envers moi, c'est pour le maintien du traité, je reprenderai ma lettre de créance sans bruit, ni scandale et après... ils n'auront qu'à siffler. Vous avez vu ce qui s'en est suivi du départ de Ribaupierre de Constantinople. L'Empereur Nicolas a une énérgie que n'ont pas eu ses predécesseurs, et il est agréable d'être le ministre d'un Souverain qui fait réspecter la dignité de ses envoyés.

A propos, faites en sorte mon cher, qu'on me reçoive partout de la manière la plus distinguée. Mon rang n'est rien, mais celui de conseillé intime est affecté à ma place, Excellence de fait. Aussi m'a-t-on reçu partout en deça du Caucase, comme il me revenait, maîtres de police, исправники, окружные начальники, et une cavalerie nombreuse m'a toujours été députée à chaque relai. J'ai ici une garde d'honneur, a l'égal de Sipiaguine, et c'était de même au camp de Paskevitch, car je suis l'égal de tout le monde, on ne m'écrit, que par отношение — et je n'ai de chef, que l'Empereur et son vice-chancelier. J'ose espérer, qu'on ne fera pas moins en Perse, que ce qu'on rend ici au caractère, dont je suis revêtu. Vous savez, que chez les Orienteaux les dehors font tout.

J'ai vu Macknill, et sa femme est venue connaître ma jolie promise.

Bonjour. Tout à vous

A. G.

J'ai un pli de Tolstoy à votre adresse avec de l'argent pour votre calèche.

Boutourline m'a passé 200 Ducats par vous, qu'il me doit, mais c'est une bêtise, et je lui écrirai, qu'il me les paye lui-même.

Avant mon départ du camp, Paskevitch a fait une reccomandation par rapport à votre service au vice-chancelier, et cela de la manière la plus flatteuse pour vous, moi j'ai fait de même. J'espère, qu'on en tiendra compte pour l'avenir.

Je vous enverrai encore un courrier d'Erivan. Нельзя ли Аббас-Мирзу заставить заплатить скорее 8-й курур, он себе ужасно повредит, коли промешкает, и я ему не могу быть в спасение. Я нарочно остановлюсь в Эривани. А то он подумает, что, как новый приезжий от Государя, я могу сделать ему уступку. Вообще представьте ему, что мне даже неприлично к нему прибыть, покудова не исполнена основная статья мира. Иначе мы возвратимся к пре-

ниям декарганским. Этот последний курур из наличных не то, что другая статья, как, например, размен пленных или имуществ переселенцев. Без этого все, что сделано, как будто не существовало, ни мира, ни ратификации, и прежняя уплата 7-го курура ни во что вменится. Вот слова Императора, из депеши вице-канцлера от 19-го июня: «Коли будут персияне прибегать к новым изворотам, то оставить их, покудова военные обстоятельства дозволят мне* опять к ним обратиться».

* Государю.

Перевод с французского:

Из газет вы узнаете о наших победах. Теперь во власти Государя почти все крепости на Дунае, и уже осаждена Варна. После взятия Анапы с этой стороны фронта граф взял штурмом Карс, Ахалкалаки и Гартвис, думаю, что и Ахалцык сдастся не позже четырех дней. Вам нет надобности усиленно это распространять среди персиян, так как слухи об этом давно уже до них дошли.

Моя инструкция в отношении наших соседей очень проста. У меня достаточно полномочий, чтобы быть полезным Аббас-Мирзе в одном из важнейших обстоятельств его жизни. Я знаю от самого Государя Императора, что он склонился к этому из чистого великодушия; если же до сих пор ко мне плохо относились здесь, то причиной тому мое требование соблюдения трактата; в противном случае я возьму обратно свои верительные грамоты без шума и скандала, и затем... им придется только свистеть. Вы видели, что последовало за отъездом Рибопьера из Константинополя. Император Николай обладает энергией, какой не имели его предшественники, и приятно быть министром Государя, который умеет заставить уважать достоинство своих посланников.

Кстати, устройте, мой друг, так, чтобы всюду меня принимали наиболее приличествующим мне образом. Мой чин невелик, но моему месту соответствует ранг тайного советника, фактически Превосходительства. И потому по сю сторону Кавказа везде меня принимали, как мне подобает: полицейские власти <...> и на каждую станцию высылался для меня многочисленный кавалерийский эскорт. У меня здесь почетный караул, наравне с Сипягиным, так же было и в лагере Паскевича; так как я здесь всем равен, то мне пишут не иначе как <...> и нет у меня начальства, кроме Императора и его вице-канцлера. Смею надеяться, что в Персии не менее, чем здесь, сделают все, что следует по характеру моих полномочий. Вы знаете, что на Востоке соблюдение приличий решает все.

Я видел Макниля, и его жена приезжала познакомиться с моей красавицей невестой.

До свидания.

Весь ваш
А. Г.

У меня письмо Толстого, адресованное вам с деньгами на уплату за вашу коляску.

Бутурлин переложил на вас 200 дукатов, что он мне должен, но это глупости, я напишу ему, чтобы он мне сам их заплатил.

Перед моим отъездом из лагеря Паскевич послал самую лестную рекомендацию вице-канцлеру относительно вашей службы, я со своей стороны сделал то же. Надеюсь, что это учтут впоследствии.

Я пошлю вам из Эривани еще одного курьера.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ
23 августа 1828. Тифлис

Возвратясь от вас, я схвачен был жестокою лихорадкою и пролежал в постели, также и Мальцев. Быстрая перемена климата холодного на здешний душный самовар, я думаю, тому причиною. Вчера я думал, что в промежутке двух пароксизмов мне удастся жениться без припадка болезни. Но ошибся: в самое то время, как мне одеваться к венцу, меня бросило в такой жар, что хоть отказаться совсем, а когда венчали, то я едва на ногах стоял. Несмотря на это, во вторник с женою отправляюсь в Персию. Она вам свидетельствует свою непритворную любовь и почтение как благодетелю, другу и родственнику ее мужа.

О получении 8-го курура мне уже уверительно говорил Макниль. Слава Богу Всевышнему, который везде и во всем вам сопутствует, и в битвах, и в негоцияциях!

Каков Ахалцых!! — Дорого достался, недаром вы это роковое имя твердили ежеминутно во время моего пребывания у вас. А Бородин — храбрый, прекрасный и преданный вам человек. Чувствую, сколько эта потеря должна огорчать вас, но, преследуя столько блестящих и смелых военных предприятий, как ваше сиятельство, надобно наперед быть готовым на жертвы и утраты, самые близкие к сердцу. —

Прощайте, ваше сиятельство, я не в естественном положении ни физически, ни морально и ничего более прибавить не в силах. Бедный Лукинский! в несколько дней заплатил жизнию за стакан воды холодной. Решительно так: он, почувствуя тот же жар, ту же болезнь, как я, не поберегся, напился воды со льдом, и я от невесты попал к мертвому трупу несчастного, который один, без никого, без ближних друзей и родственников, кончил дни скоро и никем не оплакан.

Радовался я за Петра Максимовича. Дай Бог вам во всем удачи, <вам>*, который умеет награждать достойных.

С искренним чувством душевной приверженности
Вашего Сиятельства

всепокорнейший слуга
А. Грибоедов

23 авг<уста> 1828
Тефлис

---

* В подлинникс, вероятно, описка: «вы».

Ф. В. БУЛГАРИНУ
Август 1828.

Пришли мне эссенции хины Sulp. de...

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ
6 сентября 1828. Тифлис

Ваше Сиятельство,
бесценнейший граф Иван Федорович.

Вы мне дали лестное поручение поцеловать мою жену, а я, привыкший вас слушаться, исполнил это немедленно. Точно так же, по прибытии в Еривань, сделаю все буквально, как вам угодно было приказать мне.

Вы говорите, что я слишком озаботился моею женитьбою. Простите великодушно, Нина мой Карс и Ахалцых, и я поспешил овладеть ею так же скоро, как В<аше> С<иятельство> столькими крепостями.

В Петербурге молва о ваших делах громка и справедлива, мой друг Б<улгарин> называет вас героем нынешнего царствования, и Родофиникин в официальных бумагах возжигает вам фимиам своей фабрики. А еще известие о самых последних и прекрасных делах не могло туда дойти.

Вчера я получил самую приветливую и ободрительную депешу от Нессельроде, который от имени Государя поздравляет меня с дебютом моей переписки министерской, удостоенной Высочайшего внимания и благоволения. «Se Majesté a daigné honorer de son intérêt et de son suffrage les notions et les vues, développées dans votre communication». — «Sa Majesté se plait à y voir un présage du zèle éclairé, qui vous guidera dans les importantes fonctions, dont elle vous a chargé, et applaudit d'avance au succès, de vos soins etc., etc.». — «Bien charmé d'avoir à vous annoncer, Monsieur, le suffrage, que notre Auguste maître a bien voulu accorder au début de votre correspondance»*. Все это чрезвычайно приятно, хотя заслуг моих еще ровно никаких нет. Боюсь после ведреных дней внезапной грозы за долговременное пребывание в Тефлисе, в котором по возвращении из Ахалкалак зажился месяц и два дни. Но кто меня знает, легко может поверить, что не домашние дела меня задержали. Не посети лихорадка так жестоко и неотвязчиво, то я бы в нынешний приезд, верно, не женился. Но при хине и это не лишнее. Va pour le mariage**.

В<аше> С<иятельство> желаете скорейшего моего возвращения в Тефлис. Это будет зависеть от вашего ходатайства у моего вице-канцлера. Коли вы ему два слова напишете о том, что я, по долгу службы, не успел двух недель пробыть с родными после женитьбы: то он, конечно, выпросит у Государя позволение мне сюда приехать месяца на три.

Судьба не щадит ваших неприятелей ни в поле, ни в постеле. Бедный Бенкендорф умер от желтой горячки. — Брат покойного не так сильно против вас ожесточен, и когда-нибудь искренно с вами примирится.

Амбургер жалуется на пограничных начальников, Панкратьева, Мерлини, что досаждают Аббас-Мирзе неприличными письмами. Я не довожу сего обстоятельства до сведения вашего официальною бумагою, чтобы не педантствовать мнимою важностию. Но одно слово Вашего Сиятельства и категорическое предписание этим господам, конечно, заставит их удержаться от переписки, мимо Амбургера, с персидским правительством.

Завтрашний день пойдет от меня и Завилейского к В<ашему> С<иятельству> План Компании и Записка на благосклонное ваше рассмотрение. Во время болезни я имел довольно трезвости рассудка и досуга, чтобы обмыслить этот предмет со всех сторон. Прошу вас почтить труд наш и полезное предприятие прозорливым и снисходительным вниманием.

Прощайте, Ваше Сиятельство, любите по-прежнему и не оставляйте

вашего преданного вам по гроб

А. Грибоедова.

Тефлис.
6 Сентября 1828.

Nina se rapelle à votre souvenir, et vous fait dire mille choses respectueuses et aimables***. Просто вас обнимает, и ей от меня сие дозволяется только в отношении к вам.

Вы заботитесь о куруре. Третьего дня я еще получил окончательное решение Персидского правительства, они чистыми деньгами дают еще 50 т<ысяч> туман: следовательно, только 100 т<ысяч> представлены будут вещами ценою в 150 т<ысяч>. Я немедленно отправлюсь, и Бог даст, все это легко обделается. Но прошу вас, В<аше> С<иятельство>, не сообщайте этого до времени Министерству, покудова я сам не донесу о том из Табриза. А то у нас будут думать, что все это само собою делается. Ничуть не бывало. То, что мы говорили в лагере под Ахалкалаками, приведено в исполнение, и Амбургер именно умел обратить в пользу мое

11 Заказ № 1590

мешкание. Дайте мне хоть раз выкинуть с успехом маневр дипломатический. Довольно для вас триумфов, счастливых приступов, побед в поле, охота вам еще заниматься нашею дрязгою.

У меня к вам целые томы просьб, но побеспокою вас только одною в пользу бедного Огарева, которому существовать нечем, 11/2 года тому назад угнаны у него его лошади хищниками. Он несколько раз домогался выдачи из казны ему за это какого-нибудь пособия. Я думаю, все вместе не простирается до 2 т<ысяч > рублей ассигнациями. И Гозиуш уверяет, что совестно ему отказать в этом. Прикажите, В<аше> С<иятельство>, принять в уважение его заслуги, честность и бедность.

Еще раз ваш весь телом и душою.

Idem****.

Устимовичу, Сакену и Хомякову не откажитесь от меня поклон передать.

---

* «Его Величество соизволил удостоить своим вниманием и одобрением соображения и предположения, изложенные в вашем донесении». — «Его Величеству благоугодно видеть в нем предзнаменование того просвещенного усердия, которое будет руководить вами в исполнении важных обязанностей, возложенных на вас, и приветствовать заранее успех ваших хлопот и т. д., и т. д.» — «Крайне доволен, что могу сообщить вам, Милостивый Государь, оценку, которую нашему Августейшему повелителю угодно было высказать по поводу первого вашего донесения» (*франц.*).

** Идет! согласен на женитьбу (*франц.*).

*** Нина просит напомнить о себе и поручает передать вам тысячу почтительных поклонов (*франц.*).

**** Тот же (*лат.*).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

24 июля — 8 сентября 1828. Биваки при Казанче, на турецкой границе — Тифлис

24 июля 1828.
Биваки при Казанче, на турецкой границе.

Любезный друг, пишу к тебе под открытым небом, и благодарность водит моим пером, иначе никак бы не принялся за эту работу после трудного дневного перехода. Очень, очень знаю, как дела мои должны тебе докучать. Покупать, заказывать, отсылать!!! — Я тебя из Владикавказа уведомил о взятии Карса. С тех пор прибыл в Тефлис. Чума, которая начала свирепствовать в действующем отряде, задержала меня на месте, от Паскевича ни

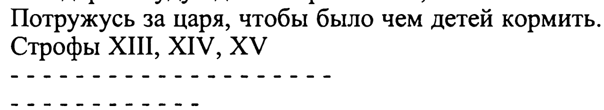
слова, и я пустился к нему наудачу. В душной долине, где протекают Храм и Алгетла, лошади мои стали, далее, поднимаясь к Шулаверам, никак нельзя было понудить их идти в гору, я в реке ночевал, рассердясь, побросал экипажи, воротился в Тефлис, накупил себе верховых и вьючных лошадей, с тем, чтобы тотчас пуститься снова в путь, а с поста казачьего отправил депешу к Графу, чтобы он мне дал способы к нему пробраться; уведомил его обо всем, о чем мне крайне нужно иметь от него сведения, если уже нельзя нам соединиться, и между тем просил его удержать до моего приезда Мирзу-Джафара, о котором я слышал, что к нему послан из Табриза. Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой, второй том Леночки, все на нее глядел, задумался, сердце забилось, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire»*. Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я ее усажу за фортепьяно, вышло не то, дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыханье занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Праск<овье> Ник<олаевне> Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. Между тем вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу, на вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось, пустился опять в отряд, не оглядываясь назад. На дороге получил письмо летучее от Паскевича, которым он меня уведомляет, что намерен сделать движение под Ахалкалаки. На самой крутизне Безобдала гроза сильнейшая продержала нас всю ночь, мы промокли до костей. В Гумрах я нашел, что уже сообщение с главным отрядом прервано, граф оставил Карский пашалык, и в тылу у него образовались толпы турецких партизанов, в самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморского полка в горах за Арпачаем. Под Гумрами я наткнулся на отрядец из 2-х рот Козловского, 2-х 7-го Карабинерного и 100 человек выздоровевших, — все это назначено на усиление главного корпуса, но не знало, куда идти, я их тотчас взял всех под команду, 4-х проводников из татар, сам с ними и с казаками впереди, и вот уже второй день веду их под Ахалкалаки, всякую минуту ожидаем на-

падения, коли в целости доведу, дай Бог. Мальцев в восхищении, воображает себе, что он воюет.

В Гумрах же нагнал меня ответ от к<нязя> Чавчавадзева-отца из Эривани, он благословляет меня и Нину, и радуется нашей любви. — Хорошо ли я сделал? Спроси милую мою Варвару Семенов<ну> и Андрея. Но не говори Родофиникину, он вообразит себе, что любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее, за себя и за нее.

Потружусь за царя, чтобы было чем детей кормить.

Строфы XIII, XIV, XV

Промежуток $1^1/_2$ месяца: — —

Дорогой мой Фадей.

Я по возвращении из действующего отряда сюда, в Тифлис, 6-го августа занемог жестокою лихорадкою. К 22-му получил облегчение, Нина не отходила от моей постели, и я на ней женился. Но в самый день свадьбы, под венцом уже, опять посетил меня пароксизм, и с тех пор нет отдыха, я так исхудал, пожелтел и ослабел, что, думаю, капли крови здоровой во мне не осталось.

Еще раз благодарю за все твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя в ответственность за мои долги. Вместе с сим, или вскоре после, ты получишь от дяди Мальцева 15 000 рублей и, следовательно, до 1-го января со всеми расквитаешься.

Изредка до меня доходит «Сын отечества и Северный Архив», «Северная Пчела» — довольно регулярно. Но отчего же прочих журналов ты мне не присылаешь? А об иностранных и в помине нет. Сделай одолжение, позаботься об этом. Прощай. Прими поцелуй от меня и от жены.

* «Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам» (*франц.*).

А. К. АМБУРГЕРУ

10 сентября 1828. Шулаверы

Je me suis marié, mon cher Amburger, j'ai fait une grave maladie, et je vais vous rejoindre sous peu. Tâchez de me faire prêt mon logement, pour que ma femme ait un réduit pour les deux, trois semaines, que je passerai à Tauris. Si le Chah n'est pas a Téhéran, comme on le dit, il se pourra, que je passerai l'hiver entier a Tauris, mais alors, je prendrai mes mesures pour être à mon aise.

J'ai envoyé votre rapport et le montant, de vos dépenses extraordinaires au Général en Chef. Mais savez-vous que je crains qu'on ne vous désapprouve, car n'ayant aucun caractère représentatif, vous avez largement donné dans de certaines occasions, comme un envoyé extraordinaire. Il est vrai que sans cela on ne fait rien en Perse, j'espère beaucoup dans la confiance que le général a pour vous; mais le département Asiatique fait et juge les calculs tout autrement. Je vous raconterai, quand nous nous verrons, comme j'ai été pauvrement traité sous ce rapport.

Imaginez-vous, que tout ce que vous recevez d'officiel de moi, je vous l'avais adressé il y a déjà quelque temps par le gouverneur militaire de Tiflis, durant ma maladie, persuadé, qu'il avait dirigé quelques летучка sur Abbas-Abad, et qu'il y savait, quelles mesures prendre pour qu'elles vous parviennent à point nommé. Point du tout. Voila que mes employés les ont retrouvées dans la chancellerie civile du gouverneur avec d'autres papiers arrierés, gazettes etc.

Bonjour. Prenez le courour aux conditions que vous avez su établir, et qui s'accordent tellement avec le voeu du ministère; cela vous fera beaucoup d'honneur.

Tout à vous
A. Gribojédof.

Dès que je serai parvenu à Erivan, je vous ferai savoir, quand je bougerai de là, pour que votre mehmendar ne m'attende pas inutilement.

Перевод с французского:

Шулаверы. 10 сентября 1828.
На пути в Эривань.

Я женился, мой любезный Амбургер, был тяжело болен и скоро присоединюсь к вам. Постарайтесь о том, чтобы приготовили мне помещение, где бы моя жена нашла приют на две, на три недели, которые я проведу в Тавризе. Говорят, что Шаха нет в Тегеране, тогда возможно, что я проведу всю зиму в Тавризе, в этом случае я приму свои меры, чтобы устроиться получше.

Я отослал Главнокомандующему ваш рапорт и счет вашим экстраординарным расходам. Но знаете, я боюсь, что вас не одобрят, потому что вы, не имея миссии представительного характера, щедро раздавали подарки в некоторых случаях, как если бы вы были чрезвычайный посланник. Правда, что без этого ничего нельзя сделать в Персии, и я очень надеюсь на доверие, которое генерал к вам питает, но Азиатский департамент производит и обсуждает расчеты совсем иначе. При нашем свидании я расскажу вам, как бедно содержали меня в этом отношении.

Представьте себе, что все, что вы получите от меня официального, я уже отослал вам несколько времени тому назад, во время моей болезни, через военного губернатора Тифлиса, в уверенности, что он направит несколько летучек в Аббас-Абад и что он знал, какие следует принять меры, чтобы они дошли до вас

в назначенный пункт. Ничуть не бывало. Мои чиновники нашли их в гражданской канцелярии губернатора с другими запоздалыми бумагами, газетами и проч.

До свидания. Принимайте курур на условиях, которые вы сумели установить и которые так согласуются с желаниями министерства; это принесет вам много чести.

Весь ваш
А. Грибоедов.

Как только я приеду в Эривань, я дам вам знать, когда я двинусь оттуда, для того, чтобы ваш мехмендар напрасно бы меня не ждал.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

14 сентября 1828. Хамамли

Hamamli.
Le 14 Septembre
1828.

Почтеннейший и бесценный мой покровитель
граф Иван Федорович.

Пишу к вам, в холод и ветер ужаснейший, палатки едва держатся. — Здоровье мое мне еще не позволяло выехать из Тефлиса; но последние известия, полученные мною из Персии, не дозволили мне долее медлить. Пишут, что бунт в восточной стороне Государства увеличивается день ото дня, и сколько долг службы, столько и любопытство побудило меня к сближению с театром такого важного происшествия. Благодаря Сипягину я имею доктора до Эривани, оттудова возьму другого до Табриза. Впрочем, дорога мне как будто полезна. Я себя лучше чувствую, нежели в Тифлисе.

Коль скоро узнаю что-либо новое и решительное, и, вероятно, уже в Эривани, о персидских делах — донесу вам с точнейшею подробностию.

Тесть мой зовет меня в Баязет, а я его в Эчмиадзин. Вероятно, однако, что мы на нынешний раз с ним не увидимся. Зураб Чавчевадзе (о котором к<нязь> Александр меня просит, чтобы Вашему Сиятельству его отрекомендовать для отправления с известием, а я не прошу: потому что не знаю на этот счет вашей воли) встретился мне с знаменами Баязета на самой вершине Базабдала. Вот и еще пашалык в руках наших, и без крови. Бог вам видимо покровительствует. Иностранные газеты провозгласили вас покорителем Трибизонда.

Однако не пишется, и погода и жена мешают.

Прощайте, Ваше Сиятельство, до теплой комнаты, где присесть за перо будет удобнее.

Вашу комиссию о распространении слухов о мнимом походе вашем на Эрзерум я исполнил с успехом, заставил ѓрафиньку Симонич плакать по муже, и Ахвердовых о Муравьеве.

Читали ли вы речь английского Короля, в которой сказано, что российский Император отрекся от права воинствующей державы в Средиземном море?? — Только что за глупое министерство нынче в Англии, их Веллингтон и Абердин. Не знают, что им делать, на нас смотрят злобно, а помешать нечем, с завистью на Францию, снаряжающую экспедицию в Морею. (Впрочем, для меня эта экспедиция двусмысленна). В Португалии не умеют или не хотят поддержать законного Государя, своего союзника против подлого похитителя престола. А в Ирландию, до сих пор тихую и покорную, посылают войско, при появлении которого она может быть точно взбунтуется. Веллингтон еще прежде отзывался, что покорение сего острова никогда не было довершено. Чудесное правило, это все равно, если бы нам теперь уничтожить права Польши и ввести русский распорядок или беспорядок по Учреждению о губерниях.

Сделайте одолжение, В<аше> С<иятельство>, предпишите в вашу канцелярию, чтобы ко мне тотчас отправляли курьеров, коль скоро накопится несколько № газет, или каждые 2 недели раз. Кроме конвертов министерства, нельзя мне в нынешнем моем положении долго оставаться без политических известий из Европы.

С чувством глубочайшего почтения

душою вам преданный и покорный

А. Грибоедов.

А. К. АМБУРГЕРУ

20 сентября 1828. Эривань

20 сентября.

Любезный Андрей Карлович. Сейчас прибыл ко мне от вас Юзуф. 50 д<укатов> я посылаю Мальцову, от которого и получите расписку по доставлении денег куда следует. Желание ваше насчет переводчика я угадал, и не везу вам никакого ориентального шута, институтского ветренника. Я знал, что мирза для вас гораздо нужнее. Об жаловании вашем мы переговорим, и настроим гр<афа> Ивана Федоровича, которому я уже внушил, как он должен писать к вице-канцлеру, как скоро получит на этот счет

отношение от меня из Тавриза. С Родофиникиным нечего толковать, он свинья, всех нас кругом обрезал, просто сказать обокрал. И если бы Государь один день остался в Петербурге после моего назначения, то я бы нашел случай ему доложить. Ne parlez pas de cela du tout avec votre secrétaire…

Pancratief sera mis à l'ordre… D'abord parce que vous avez raison de vous offenser, et puis par la véritable considération, dont vous jouissez auprès du général-en-chef. Bonjour, je suis pressé, et très impatient de vous revoir.

Tout à vous
A. G.*

Мирза-Джафар забросал меня нотами. Вот еще Бог навязал на меня самозванца-посланника. Брожение в жителях от него превеличайшее. А он от графа не имеет никакого кредита, да и граф на это власти не имеет. Вы знаете формы. Что же касается до позволения выходить от нас в Персию, это графом и в Тифлис и сюда предписано, и никто не препятствует. По научению Мирзы-Джафара здесь всего 60 семейств потребовали билеты и 71 теперь сидят и нейдут. А я уверен, что он пишет об тысячах своему Принцу.

Вы знаете характер графа: когда до него дойдет, то он его просто велит по шеям проводить. Что за государство, что за народ! Этот еще полуевропеец и вздор делает, воображаю, какая бестолочь ожидает меня далее.

---

* Не говорите совсем об этом с вашим секретарем…
Панкратьев будет поставлен на свое место… Во-первых, потому, что вы имели основание оскорбиться, и затем — по истинному уважению, которым вы пользуетесь у главнокомандующего. Прощайте, спешу и с нетерпением ожидаю свидания с вами.

Весь ваш
А. Г. (*франц.*).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

30 октября 1828. Табриз

30 октября 1828.
Тавриз.

Тесть мой завоевал в Баязете несколько восточных манускриптов: сделайте милость, не посылайте их в Императорскую библиотеку, где никто почти грамоте не знает, а в Академию Наук, где профессора Френ и Сенковский извлекут из сего приобретения возможную пользу для ученого света.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

30 октября 1828. Табриз

Почтеннейший мой Петр Максимович.

Ваше письмо меня чрезмерно порадовало, слава Богу, хоть один из тех людей, которые мною искренно любимы и уважаемы, доволен своею судьбою. Но для этого мало стечения счастливых обстоятельств и даже истинных заслуг, надобно еще иметь характер сказать себе: вот это мне надобно, вот цель, дойду и успокоюсь. Судя по вашим словам, вы стали на эту точку, и ничего более не хотите, а как я еще далек от конца моих желаний! Или лучше сказать, чего желаю! Nescio!* — Как тошно в этой Персии, с этими Джафарханами, или, как моя жена их называет, Чепарханы. — По клочкам выманиваю от них следующую нам уплату. Как у нас мало знают обращение в делах с этим народом! Родофиникин только что не плачет, зачем я до сих пор не в Тегеране. Напротив, я слишком рано сюда прибыл, по переписке из Тифлиса я бы лучше, скорее с ними кончил, угрожал бы им, даже разрывом; издали все страшнее. А теперь они меня почитают залогом будущей своей безопасности с нашей стороны. Гр<аф> желал, чтобы нашим зимовать в Хоях, и это завлекло меня в самое трудное положение, согласить наши денежные требования с дальнейшим удерживанием их провинции. Кажется, однако, что я довольно успешно в этом оборотился, и войска будут зимовать в Хоях и деньги получим. Вы знаете, что по получении 400 т<ысяч> мы должны выступать, а за остальные 100 т<ысяч> удержим камни в залог. 50 т<ысяч> сверх 300 я уже заставил послать в Хои, теперь насчет других 50 отдалил нарочно срок, т. е.: через 20 дней от 26 Октября. Это, по-видимому, величайшее снисхождение с моей стороны. Но с тем условием, что если сумма сия к означенному сроку не уплатится, то Хои не опорожняются. Вам слишком известна неустойка персидская, любезный друг, и вы можете наверно угадать, что они по крайней мере 10-тью днями позже выполняют свою обязанность, тогда мы будем иметь 400 т<ысяч> чистыми деньгами, и Хои все-таки не будут очищены *по праву*. Потрудитесь это объяснить Ф. С. Хомякову, я надеюсь, что он не обидится, зачем не ему пишу об этом, как бы и следовало, но ведь это все равно, коли я вас прошу ему показать.

Помилуйте, однако: какие вы все чудные, начиная с моего благодетеля Графа. Никто мне не пишет о его награждении, о получении им Андреевской Ленты, и если бы я не нашел этого но-

чью в каком-то лоскутке «Северной Пчелы», то так бы и осталось. Не хочу же ему более ни слова приписывать. А вот вы что сделайте, милый мой Петр Максимович, да непременно. Наденьте лучший мундир, облекитесь в ваши регалии, и с торжественным видом принесите Графу усерднейшее поздравление от лица всего персидского посольства, и жены моей включительно. Пожалуйста, сделайте.

Прощайте, любезнейший прежний сотрудник и сострадалец. Помните меня и пожалейте иногда

о преданном сердечно вам

А. Грибоедове.

Табриз.
30 окт<ября>.
1828.

* Не знаю, не понимаю (*лат.*).

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

Ноябрь 1828. Табриз

Тавриз.

Recevez mes sincères hommages, ma très-chère et très-estimable amie. J'ai fait depuis longtemps ce qu'il fallait pour votre neveu; mais si le comte ne le voit pas de très-bon œil, qui sait si on ne lui aura pas rapporté quelques plaisanteries innocentes qu'il aura débitées sur son compte, et que des insinuations, comme on en fait ordinairement aux chefs, auront grossi et envenimé des propos tout au plus indiscrets. O, это водится! Tout ce que vous me dites d'ailleurs au sujet du comte d'Erivan me fait le plus grand plaisir. C'est mon ami et mon bienfaiteur, et j'aurais naturellement désirée que tout le monde lui fût dévoué autant que je le suis. Les conseils que vous me donnez pour que je soigne les occupations de ma femme sont très sages et très salutaires; mais tout mon temps est pris par cette maudite contribution que je ne puis encore parvenir de tirer en entier des Persans. C'est la mer à boire. Il me semble que je ne suis pas assez bon pour ma place: il faudrait plus de savoir-faire, plus de sang-froid. Les affaires me donnent de l'humeur. Je deviens morose; quelquefois l'envie me prend de faire la fin, et c'est alors que je deviens réellement bête. Non, je ne vaux rien pour le service. C'est une destination manquée que la mienne. Je ne suis pas sûr de me bien tirer de toutes les affaires dont je suis chargé; bien d'autres auraient fait cent mille fois mieux. Mais il

me reste encore un espoir: c'est mon Dieu, que je sers encore plus mal que l'Empereur et qui m'a toujours et efficacement protégé. Vous allez voir qu'on finira par me savoir gré de tout ce qui se sera fait de bon, sans que j'y aie participé en rien, comme pour cette campagne de Perse où tant d'autres ont bien plus mérité du gouvernement que moi; et c'est pourtant moi qu'on a le mieux récompensé. Embrassez Dachinka, bien, bien tendrement. Comme nous l'aimons, ma femme et moi: je parie qu'elle ne se doute pas de toutes les conversations que nous avons à Tauris, et c'est toujours d'elle et Katinka qu'il s'agit. Как-то найдем их, когда воротимся! За кого их выдадут? Маленькие их кокетства в Клубе, etc., etc. Bonjour, mon estimable madame Akhwerdow. Pensez bien à nous, aimez-nous autant que nous vous sommes sincèrement dévoués,

Votre Nina

et votre fidèle ami

A. Griboyédow.

Перевод с французского:

Примите мои искренние приветствия, любезнейший и почтеннейший друг. Я уже давно сделал все, что следовало, для вашего племянника, и если граф к нему не очень благожелателен, то, кто знает, не передали ли ему о каких-нибудь невинных шутках, которые тот сболтнул на его счет, а сплетники, как это обычно бывает, довели до начальства в раздутом и злостном виде разговоры, которые можно упрекнуть самое большее в нескромности. <...> Впрочем, все то, что вы мне говорите насчет графа Эриванского, доставляет мне живейшее удовольствие. Он мой друг и благодетель, и я, натурально, желал бы, чтобы все были ему так же преданы, как я. Советы, которые вы даете мне, чтобы я заботился о занятиях для жены моей, очень разумны и полезны, но все мое время занято проклятой контрибуцией, которую я все никак не могу полностью вытянуть от персов. Тут еще море бездонное всяких хлопот. Кажется мне, что не очень я гожусь для моего поста, здесь нужно больше уменья, больше хладнокровия. Дела приводят меня в дурное расположение духа, я делаюсь угрюм, иногда охота берет покончить со всем, и тогда становлюсь уж вовсе глуп. Нет, не гожусь я для службы, и назначение мое вышло неудачно. Я не уверен, что сумею выпутаться из всех дел, которые мне поручены, многие другие исполнили бы их в сто тысяч раз лучше. Одна моя надежда на Бога, которому служу я еще хуже, чем Государю, и который всегда хранил меня. Вот увидите, что в конце концов меня же еще будут благодарить за все, что будет удачно достигнуто и без того, чтобы я в том принимал участие, как в персидскую кампанию, где столько других больше имели заслуг перед правительством, чем я, и, однако ж, больше всех наградили меня. Дашеньке нежнейший поцелуй. Как мы ее с женой любим, пари держу, она и не подозревает о наших разговорах в Тавризе, все про нее и про Катеньку. <...>

Прощайте, почтеннейшая госпожа Ахвердова. Думайте о нас, любите нас столько же, сколько мы вам искренне преданы.

Ваша Нина

и ваш верный друг

А. Грибоедов.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

27 ноября 1828. Тавриз

Напечатай, любезный друг Фадей, это блестящее описание, которое очень удачно вылилось из-под пера товарища моей политической ссылки.

Дело в том, что нас, кроме праздников, здесь точно боятся и уважают. 4/5 следующих нам денег взяли, редко пишется от меня требование здешнему Правительству, чтобы не было исполнено. Теперь еду в Тегеран, куда и Шах в скором времени возвращается. Коли все еще меня будут ругать приятели, nos amis les ennemis*, то объяви им, что я на них плюю. Ты в своих письмах крепко настаиваешь, чтобы я Аббас-Мирзу подвиг на войну против турков. Любезный друг, знаешь ли ты, имею ли я на то разрешение. Удивляюсь, что тот, кто лучше тебя это знает, говорит, что я мог бы это сделать. Коли служишь, то прежде всего следуй буквально ниспосылаемым свыше инструкциям, а если *вместе с тем* можно пожить и для газет, и то хорошо. Я, брат, из своей головы готов изобретать всякие наступательные планы, но не исполнять, покудова мне же, наоборот, не предпишут поступать так, а не иначе. Поцелуй Леночку и Танте.

Верный твой

А. Грибоедов.

---

* Наши друзья-враги (*франц.*).

С. Ф. КАЛАЧЕВСКОМУ

29 ноября 1828. Тавриз

Любезный Калачевский. Что вы все ратуете с персиянами. Уже давно мир, пора и вам угомониться. Впрочем, это не значит, чтоб я удерживал вас от исполнения вашей должности. Прилежите к вашим делам со всею ревностью, только удержитесь от переписки с персидским двором, которая нашим пограничным начальникам строго воспрещается Государем Императором. Адресуйтесь ко мне или в отсутствии моем к Амбургеру, ваши требования всегда будут исполнены. Бедный Лукинский! Верно, и вам его жаль. В тот же день, как ему умереть, говорил мне поутру, что намерен был жениться. Пожалуйста, любезный Николай Федорович, кроме наших важных государственных дел, пишите ко мне по-дружески. Жена моя вам кланяется. Вы отчего не при-

ступите так же, как я, к торжественному браку. Это, право, очень умно наконец, после всех тревог. Поклонитесь от меня Карлу Карловичу и всему его милому семейству.

Весь ваш
А. Грибоедов.

29 ноября.
Табриз.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

2 декабря 1828. Табриз

Любезнейший друг Петр Максимович. Посылаю к вам аттестаты находящегося при мне к<нязя> Семена Кабулова. Сипягин обещал мне его считать в действительной службе, но в откомандировке при мне. Справьтесь пожалуйста, и коли ничего не сделано, не донесено графу, то прошу вас для меня постараться об этом молодом человеке, о чем я вместе с ним прошу и самого графа Ивана Федоровича. — Когда сделаете из аттестатов надлежащее употребление, то пришлите мне их назад.

У нас здесь скучно, гадко, скверно. Нет! уже не испытать мне на том свете гнева Господня. Я и здесь вкушаю довременно все прелести тьмы кромешной.

Прощайте, любезный друг.

Весь ваш
Грибоедов.

2 Декабря.

Еще просьба о разжалованном Андрееве. Любезный друг, я знаю, кого прошу. Заступите мое место при Графе, будьте в помощь этому несчастливцу. При сем и записка об нем. Сестра моя заливается слезами, говоря о несчастных его родителях.

В. С. МИКЛАШЕВИЧ И А. А. ЖАНДРУ

17 сентября — 3 декабря 1828. Эчмиадзин—Табриз

Эчмиадзин. 17 сент. 1828.

Друг мой, Варвара Семеновна. Жена моя, по обыкновению, смотрит мне в глаза, мешает писать, знает, что пишу к женщине, и ревнует. — Не пеняйте же на долгое мое молчание, милый

друг; видите ли, в какую для меня необыкновенную эпоху я его прерываю. Женат, путешествую с огромным караваном, 110 лошадей и мулов, ночуем под шатрами на высотах гор, где холод зимний, Нинушка моя не жалуется, всем довольна, игрива, весела; для перемены бывают нам блестящие встречи, конница во весь опор несется, пылит, спешивается и поздравляет нас с счастливым прибытием туда, где бы вовсе быть не хотелось. Нынче нас принял весь клир монастырский в Эчмиадзине, с крестами, иконами, хоругвями, пением, курением etc., и здесь, под сводами этой древней обители, первое мое помышление об вас и об Андрее. — Помиритесь с моею ленью. —

Как это все случилось! Где я, что и с кем!! Будем век жить, не умрем никогда. — Слышите? Это жена мне сейчас сказала ни к чему, доказательство, что ей шестнадцатый год. Но мне простительно ли, после стольких опытов, стольких размышлений, вновь бросаться в новую жизнь, предаваться на произвол случайностей, и все далее от успокоения души и рассудка. А независимость! которой я такой был страстный любитель, исчезла, может быть навсегда, и как ни мило и утешительно делить все с прекрасным, воздушным созданием, но это теперь так светло и отрадно, а впереди как темно! неопределенно!! Всегда ли так будет!! Бросьте вашего Трапёра и Куперову «Prairie», мой роман живой у вас перед глазами и во сто крат занимательнее; главное в нем лицо — друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал.

Табриз. 3-го Декабря.

Как я себя виню, что не послал вам написанных этих строчек три месяца назад. Вы бы не сердились на меня, а теперь, верно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мне умилостивить нашего общего друга. Хорошо, что вы меня насквозь знаете и не много надобно слов, чтобы согреть в вас опять те же чувства, ту же любовь, которую от вас, моих милых, нежных друзей, я испытал в течение стольких лет, и как нежно и бескорыстно!

Верно, сами догадаетесь, неоцененная Варвара Семеновна, что я пишу к вам не в обыкновенном положении души. Слезы градом льются.

Неужли я для того рожден, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность (и мнимую притом), за невнимание, эгоизм от тех, за которых бы охотно жизнь отдал. — Алек-

сандр наш что должен обо мне думать! И это кроткое, тихое создание, которое теперь отдалось мне на всю мою волю, без ропота разделяет мою ссылку и страдает самою мучительною беременностию, кто знает: может быть, я и ее оставлю, сперва по необходимости, по так называемым делам, на короткое время, но после время продлится, обстоятельства завлекут, забудусь, не стану писать, что проку, что чувства мои во мне неизменны, когда видимые поступки тому противоречат. Кто поверит!!! — Александр мне в эту минуту душу раздирает. Сейчас пишу к Паскевичу: коли он и теперь ему не поможет, провались все его отличия, слава и гром побед, все это не стоит избавления от гибели одного несчастного, и кого!!! Боже мой! пути твои неисповедимы!

Сказать ли вам теперь о моем быту? Не занимательно ни для кого, — я только чрезвычайно занят. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками. Взимаю контрибуцию, довольно успешно. Друзей не имею никого, и не хочу, должны прежде всего бояться России и исполнять то, что велит Государь Николай Павлович, и уверяю вас, что в этом я поступаю лучше, чем те, которые затеяли бы действовать мягко и втираться в персидскую будущую дружбу. Всем я грозен кажусь, и меня прозвали *Сахтгир*, cœur dur*. К нам перешло до 8 т<ысяч> армянских семейств, и я теперь за оставшееся их имущество не имею ни днем, ни ночью покоя; однако охраняю их достояние и даже доходы; все кое-как делается по моему слову. Наконец, после тревожного дня, вечером уединяюсь в свой гарем; там у меня и сестра, и жена, и дочь, все в одном милом личике; рассказываю, натверживаю ей о тех, кого она еще не знает, и должна со временем страстно полюбить; вы понимаете, что в наших разговорах имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? В Malmaison, в Эрмитаже, тотчас при входе, направо, есть Богородица в виде пастушки Murillo, — вот она. Прощайте, неоцененный друг мой, Варвара Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите верного вам —

А. Г.

Отзовитесь словечком. Андрей, обними Чебышева за меня, коли он не в Америке. Друг и брат, напиши ко мне поскорее.

---

* Жестокое сердце (*франц.*).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

3 декабря 1828. Табриз

Почтеннейший мой покровитель
граф Иван Федорович.

Как вы могли хотя одну минуту подумать, что я упускаю из виду мою должность и не даю вам знать о моих действиях. Замедление могло только произойти от продолжительных и бесконечных моих переговоров или от курьеров, которых, вероятно, задерживают в карантинах. Я всякую мелочь, касательно моих дел, довожу до вашего сведения, и по очень простой причине, что у меня нет других дел, кроме тех, которые до вас касаются. Для большего вашего удовлетворения пересылаю вам мою депешу к Нессельроде под открытою печатью, и всегда буду это делать, кроме таких случаев, которые ни под каким видом уже не могут для вас быть занимательны. Напр<имер>: о переводчиках, о канцелярских издержках, о подарках, о суммах на постройку квартир и всякий вздор; до сих пор я только об этом писал мимо вас, потому что это касается департамента азиатских дел, и слава Богу, что эта чаша вас миновала, у вас довольно таковой дрязги в вашей канцелярии.

Что вы думаете о наших европейских делах? Я не совсем разделяю вашей мысли, чтобы англичане вздумали нам открыто враждовать. У них своих домашних запутанностей много. Глупый министр Wellington, долг необъятный, Ирландия и Португалия в виду. Одно только меня смущает, читанное мною в «Courrier», который, как вам известно, журнал министериальный, где именно сказано, что Россия отказалась от трактата трех держав и преследует собственно свои завоевательные виды. Коли зимою не будет мира, то я полагаю, что Австрия выставит на границе огромную военную силу и принудит нас сделать то же в отношении к ней. Но хотя это и введет нас в излишние издержки, но тем все и кончится.

Вот вам депеша Булгарина об вас, можете себе представить, как это меня радует:

«Граф Паскевич-Эриванский вознесся на высочайшую степень любви народной. Можно ныне смело сказать, что он, победив турок, победил и своих завистников. Общий голос в его пользу. Генералитет высший, генерал-адъютанты, офицеры, дворянство, чиновники, литераторы, купцы, солдаты и простой народ повторяют хором одно и то же: „Молодец, хват Эриванский! Вот русский генерал! Это суворовские замашки! Воскрес Суворов! Дай ему армию, то, верно, взял бы Царьград!“ и т. п.

Повсюду пьют за здоровье Эриванского: портреты его у всех. Я еще не помню, чтобы который-нибудь из русских генералов дожил до такой славы. Энтузиазм к нему простирается до невероятной степени. В столице против него *нет ни одного голоса*. Даже реляции его ужасно как нравятся: они хотя и грешат иногда против грамматики, но идут прямо к сердцу. Рассказ понятный, живой, с душою, с чувством.

Недавно на молебствии за его победы один генерал сказал за новость, что Эриванскому *дали* Андрея. — Он *взял* Андрея, возразил некто, и все повторили: *по-суворовски*. Одним словом, герой нынешней войны, наш Ахилл-Паскевич-Эриванский. Честь ему и слава! Вот уже с 1827 он гремит победами».

А я прибавлю: с 1826. Впрочем, посылаю вам листочек в оригинале. Я для того списал, что рука его нечеткая. Тут же, коли полюбопытствуете, найдете много вредных толков на мой счет г<осподина> Родофиникина, моего почтенного начальника, на которого я плюю. Свинья и только.

Расшевелите наше сонное Министерство иностранных и престранных дел. Напишите, Ваше Сиятельство, прямо к Государю ваше мнение насчет Аббас-Мирзы, что хорошо бы его вооружить против турков. Я без особого подтверждения начальства не могу на себя это взять. В 1821 году я это очень успешно произвел в действие и получил головомойку от Нессельроде, хотя Ермолов вполне одобрил меня. Так и теперь может случиться. Вы похвалите, а черти меня расклюют.

Да и Аббас-Мирза мне не поверит, покудова я не объявлю ему категорически воли Государя Императора. Как вы думаете о поездке моего Принца в Петербург? Я в моей депеше к Нессельроде пишу несколько в духе нашего министерства. Но вот мое истинное мнение:

1) Допустить его <к> Государю Императору в Петербург.

2) Велеть ему драться с турками.

3) Обещать торжественно, что мы возведем его на престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, издержки пусть его будут, а влияние наше в Азии сделается превозмогающим пред всякою другою державою.

4) Куруров не уступать ни под каким видом.

Слава Богу (не приписываю моему умению, но страху, который нагнали на всех успехи нашего оружия), я поставил себя здесь на такую ногу, что меня боятся и уважают. Дружбы ни с кем не имею и не хочу ее, уважение к России и к ее требованиям — вот мне что нужно. Собственные Аббас-Мирзы подданные и окружающие ищут моего покровительства, воображая себе, что

12 Заказ № 1590

коли я ему что велю, то он непременно должен сделать. Это хотя и не совсем так, потому что он старый плут, многое обещает, а мало исполняет, но пускай думают более о моем влиянии, чем есть на деле. Теперь стоит только Министерству меня поддержать, а если иначе, si on me donne des dégoûts, adieu l'ambition et tout ça qui s'en suit, cela n'est pas ma passion dominante. Zinindali et la Kakhetie valent encore mieux, quoique je n'aie rien au monde qu'une perspective d'avancement et une modique pension qui m'en reviendrait avec le temps*.

Кому от чужих, а мне от своих, представьте себе, что я вместо поздравления получил от матушки самое язвительное письмо. Только, пожалуйста, неоцененный благодетель, держите это про себя и не доверяйте даже никому в вашем семействе. Мне нужно было *вам* это сказать, сердцу легче.

Поздравляю вас с полком вашего имени. Кажется, что вы должны быть довольны этим живым монументом.

Засим следуют три просьбы: 1) Осмеливаюсь Вашему Сиятельству напомнить о моей бумаге № 44 сентября 8-го о моем переводчике Шах-Назарове. 2) При мне находится для рассылок и для разных поручений дворянин Саломон Кобулов, которого я с собою взял по предварительному сношению с Сипягиным. Не знаю, как и когда доносил вам об этом покойный в<оенный> губернатор, сделайте мне одолжение причислить его куда-нибудь, и чтобы он считался в откомандировке при мне. Атестаты его посылаю к Устимовичу. 3) Примите в ваше покровительство над<ворного> сов<етника> Челяева, который некогда был прокурором в Тифлисе, потом при Сипягине. Он меня об этом не просит, но еще в бытность мою в Тифлисе, он очень желал быть лично известным Вашему Сиятельству. Все его знают за самого благонамеренного и расторопного человека, сведущего в законах, и, наконец, грузина, каких я мало встречал, с европейским образованием и нравственностию. Притом простите слабости человеческой. Нина тоже обращается к вам с просьбою об нем и, не смея прямо это сделать, стоит возле меня и заставляет меня всеусердно о том при вас стараться. Мне самому смешно, когда вспомню свой собственный стих из «Горя от ума»:

Как станешь представлять к крестишку ли, к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку.

Вчера давал мне вечер с штуками Беглербек, где провозглашали славу вашу во все четыре угла обеденной комнаты. Мать его говорит, что каждый день в молитвах своих вас поминает, для того, что такой великий человек почтил в ней вдову гиланского Гедаст-Хана. Вот что значит подарить 5 т<ысяч> червонцев.

Работа орденов остановилась, потому что золотых дел мастера все к нам перешли в Урдабад. Я уже писал к генералу Мерлини, чтобы на время выслать сюда двоих, уведомляя его, что вместе с тем доношу Вашему Сиятельству. Оконченная для вас звезда очень великолепна, и пошлется с тем вместе особый чиновник в Тифлис при фирмане шаха и с поздравлением по случаю побед ваших.

Прилагаю здесь несколько строк для тифлисских газет, коли вы одобрите.

Прощайте, Ваше Сиятельство, расцелуйте вашу жену и детей милых, жаль, что они мало меня знают. Остаюсь вам по гроб преданный

А. Грибоедов.

Я, право, не знаю, как мне быть с моим жалованьем, не для собственных издержек, а для экстраординарных по службе. Теперь дышу только двумя тысячами макдональдовских, которые вы мне дали в Ахалкалаках, и из них уже тысяча прожита, а своих ни копейки!!

Главное

Благодетель мой бесценный. Теперь, без дальних предисловий, просто бросаюсь к вам в ноги, и если бы с вами был вместе, сделал бы это, и осыпал бы руки ваши слезами. Вспомните о ночи в Тюркменчае перед моим отъездом. Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас Господь Бог. Конечно, вы это заслужили, но кто вам дал способы для таких заслуг? Тот самый, для которого избавление одного несчастного от гибели гораздо важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги. Дочь ваша едва вышла из колыбели, уже Государь почтил ее самым внимательным отличием, Федю тоже, того гляди, сделают камер-юнкером. Может ли вам Государь отказать в помиловании двоюродного брата вашей жены, когда двадцатилетний преступник уже довольно понес страданий за свою вину, вам близкий родственник, а вы первая нынче опора Царя и Отечества. Сделайте это добро единственное, и оно вам зачтется у Бога неизгладимыми чертами небесной его милости и покрова. У его престола нет Дибичей и Чернышевых, которые бы могли затмить цену высокого, христианского, благочестивого подвига. Я видал, как вы усердно Богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете.

Граф Иван Федорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца.

---

* если мне доставят неприятности, прощай честолюбие и все, что с ним связано, ведь это не главная моя страсть. Цинандали и Кахетия много большего стоят, хотя у меня ничего нет, кроме надежд на повышение и на скромную пенсию, которую я со временем мог бы получить (*франц.*).

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

5 декабря 1828. Тавриз

Le 5 Décembre de Tauris

Je pars demain pour Téhéran, Ambourger restera chargé de mes affaires, quand vous aurez terminé la démarcation, envoyez-lui sommairement le résultat de vos travaux, et ce qu'il y a de douteux, les points en dispute, — et moi j'aurai soin d'appuyer la justice auprès du Schach, sitôt que le comte d'Erivan m'en chargera spécialement. Ici on est plus près, plus directement intéressé à quelques pouces de terrain, tandis que le roi n'a rien de plus urgent, que d'éviter les disputes et le désaccord qui pourrait s'en suivre avec une puissance comme la Russie. Je vous écris en privé et je vous conseille en ami. Désistez-vous de toutes prétentions à vouloir agrandir nos possessions au détriment du traité; on ne le veut pas à Pétersbourg, on ne vous en saurait pas gré; le comte d'Erivan ne voudra pas traîner en longueur une affaire de cette nature etc, etc.

Перевод с французского:

5-го декабря. Тавриз.

Завтра я еду в Тегеран, Амбургер остается моим поверенным в делах. Когда кончите разграничение, пошлите ему краткое описание ваших работ, с означением сомнительных и спорных пунктов, а я постараюсь поддержать ваши справедливые требования перед Шахом, как скоро граф Эриванский даст мне на то приказание. Здесь придираются к каждой пяди земли, тогда как шах всячески избегает споров и несогласия с такою державою, как Россия. Я пишу вам в качестве частного лица и советую как друг. Отступитесь от всякого притязания на увеличение наших владений против условий договора; в Петербурге этого не хотят, благодарны вам за это не будут, и граф Эриванский не желает, чтобы дело такого рода тянулось и пр., и пр.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

До 9 декабря 1828. Тавриз

Почтеннейший друг Петр Максимович. Найди, пожалуйста, в бумагах от Нессельроде у Камардина две касающиеся до дел

Мирзы-Сале в Астрахани *секретно* и переведи ему их, и потом донеси от имени генерала в Петербург об исполнении по ним.

Прощай, душенька, будь здоров и люби меня так же, как я тебе всем сердцем принадлежу и душевно уважаю твой ум и правила.

А. К. АМБУРГЕРУ

9 декабря 1828. Тавриз

Mon cher cœur, avant tout prenez soin de ma femme, elle est si à plaindre, si jeune et réduite à rester seule à Tauris!!

De plus je vous laisse les deux lettres de change du c<olonel> Macdonald 15/m<ille> + 4/m<ille> qu'il a déjà réalisés en entier, et je présume qu'il aura déjà envoyé l'argent à Abbas Abad avant que vous ne soyez de retour, en ce cas vous les lui rendrez.

Plus, le reçu de Pankratief dans lequel il proteste contre la monnaye de mauvais aloi, la somme du déficit 7255 tomans, vous aurez soin de protester et d'exiger cela de notre part, quand vous le jugerez convenable. Je m'en suis abstenu jusqu'ici pour que cela ne retardât pas le payement d'une somme plus considérable, mais j'ai déjà fait entendre à ce gouvernement, que j'ai une prétention de Pankratief que je ferai valoir — 100/m<ille> sont payés en entier.

Le Prince veut payer les 100/m<ille> restants dans moins de 3 mois. Mais je n'ai pas accepté ce terme, ni aucun <Moukhlet>,* je l'ai engagé de payer au plutôt, car il se pourrait bien que je reçoive l'ordre de leur prendre les pierreries. J'avais désigné le Nourous, quand il s'agissait de garder jusqu'à la province de Khoy, maintenant que Khoy leur est remise, je ne prends plus rien sur ma responsabilité. Tout ce que je vous dis là-dessus, je l'ai dit au prince, ce n'est pas un secret, c'est ma dernière résolution et très avouée, et il n'y a aucun engagement de moi, ni par écrit, ni en paroles. Cependant vous lui direz que s'il procède au plutôt au payement, en ce cas j'ai tout le droit de répondre, à mon tour, que je ne saurais lui enlever les pierreries puisqu'il effectue le payement. Prenez-les je vous prie, vous le savez mieux que moi.

Pour la frontière j'attends la décision du c<omte> Paskevitch. Mais quand même elle ne serait pas trop favorable, je tâcherai par la suite de consilier les deux partis, maintenant que le Prince s'est désisté de Lequintsechay, et qu'il se tient à Odinbazar, et qu'il n'approuve pas non plus l'Istisou de Mirza-Masoud, mais se tenant au Traité, il lui ordonne de choisir au Nord le bras le plus considérable de l'Astara, je crois qu'on pourra finir par s'entendre.

Je vous ai fait un papier qu'Abbas-Mirza a voulu avoir de moi persan et russe. Quant à nos marchands faites comme vous le jugerez

plus convenable. Je leur ai dit cent fois, que cette affaire vous conserne de plus près que moi. A cette heure-même je viens de recevoir une infinité de suppliques contre les véxations des douanes persannes à Richt.

Bonjour. Je vous embrasse de coeur et d'âme.

Votre très dévoué

A. G.

9 Dec<embre>

Перевод с французского:

Сердечный друг, прежде всего позаботьтесь о моей жене, она столь достойна сожаления, так молода и вынуждена оставаться одна в Тавризе!!

Далее, я вам оставляю два векселя п<олковника> Макдональда в 15 т<ысяч> + 4 т<ысячи>, которые он уже реализовал полностью, и я полагаю, что он пошлет деньги в Аббас-Абад прежде, чем вы вернетесь, в таком случае вы их ему отдадите.

И кроме того, расписка от Панкратьева, в которой он возражает против монет низкой пробы (недостающая сумма в 7255 туманов), постарайтесь опротестовать и потребовать этого с нашей стороны, когда вы сочтете это удобным. Я до сих пор воздерживался от этого требования, чтобы не задержать уплаты более значительной суммы, но я уже довел до сведения правительства, что у меня есть претензия Панкратьева, которую я буду отстаивать. 100 т<ысяч> уплачены полностью.

Принц хочет выплатить остальные 100 т<ысяч> по меньшей мере через 3 месяца. Но я не согласился ни с этим сроком, ни с каким другим <затруднением>, я его обязал уплатить как можно скорее, потому что может случиться, что я получу приказ взять у них драгоценные камни. Я назначил сроком Навруз, когда дело шло о том, чтобы оставить провинцию Хой; теперь, когда Хой им возвращен, я ничего не беру на свою ответственность. Все, что я вам здесь говорю, я говорил Принцу, это не секрет, это мое последнее решение, и оно получило одобрение, и нет никаких обязательств с моей стороны ни письменных, ни устных. Однако вы ему скажите, что, если он приступит как можно скорее к уплате, тогда я буду иметь полное право ответить, что не могу у него взять драгоценности, так как он производит платеж. Возьмите их, я вас прошу, вы в этом разбираетесь лучше, чем я.

Что касается границы, я ожидаю решения гр<афа> Паскевича. Если оно не будет вполне благоприятным, я постараюсь впоследствии примирить обе стороны, теперь же, когда Принц отступился от Лекинчая, когда он держится Одинабазара и когда он тем более не одобряет претензий Мирзы-Массуда относительно Исти-Су, но, придерживаясь договора, приказывает ему искать на севере самый важный отрог Астарты. Я думаю, мы сможем понять друг друга.

Я вам приготовил документ, который Аббас-Мирза хотел получить от меня на персидском и русском языках. Что касается торговцев наших, делайте, как сочтете более подходящим. Я им говорил сто раз, что это дело более касается вас, чем меня. Вот и сейчас я только что получил бесконечное количество жалоб относительно притеснений персидской таможни в Реште.

До свидания. Сердечно и душевно обнимаю вас.

Преданный вам

А. Г.

9 Дек<абря>

---

* Возможно, это искаженное персидское слово: «мошкилат» (трудности).

В. Я. ВАЦЕНКО

23 декабря 1828. Казбин

Казвин. 23 декабря 1828.

Любезный Ваценко. Пишу к вам с нашим подданным купцом из Тейрана. Хотя и долго будет в дороге, но вернее дойдет, нежели чрез персидского курьера. Узнали ли вы, зачем прибыл посланный турецкий? Донесите мне тотчас. Если же Андрей Карлович прибыл в Табриз, то он конечно поспешит меня уведомить о себе и о всех происшествиях. Посылают ли персияне деньги? Надлежит их понуждать, как можно настоятельнее. Я имею партикулярное письмо от гр<афа> Эриванского, в котором строго требуется, чтобы они осьмой курур взнесли как можно скорее, по несоблюдении им<и> прежних сроков. Прощайте, старайтесь, служите усердно, и верьте, что ваши труды я буду уметь представить в надлежащем виде Министерству. Благодарю вас за неоставление меня вашими письмами, за сообщение новостей по службе и лично для меня занимательных. Продолжайте, как начали, помните, что батюшка ваш препоручил мне вас и я ему отвечаю за ваше поведение.

Будьте уверены в неизменной моей <преданности> и в желании быть вам полезным.

Весь ваш
А. Грибоедов.

Посланный Яков Вартанов.

Адрес:

Его Благородию
Василию Яковлевичу
Ваценке
г<осподину> Российскому
Императорскому
чиновнику
в Табризе

Н. А. ГРИБОЕДОВОЙ

24 декабря 1828. Казбин

Казбин 24-го Декабря — Сочельник 1828 (9-е письмо)

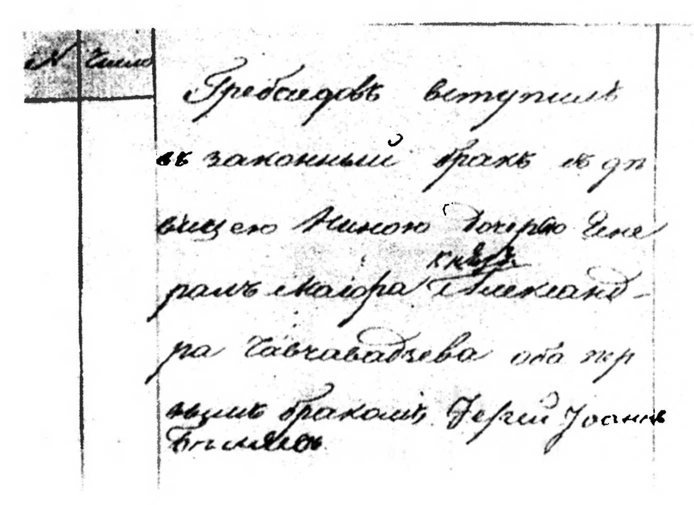
Душенька. Завтра мы отправляемся в Тейран, до которого отсюда четыре дни езды. Вчера я к тебе писал с нашим одним подданным, но потом расчел, что он не доедет до тебя прежде двенадцати дней, также к m<ada>me Macdonald, вы вместе получите мои конверты. Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя — и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, Ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться.

Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться. Для них я здесь даром прожил, и совершенно даром.

Дом у нас великолепный, и холодный, каминов нет, и от мангалов у наших у всех головы переболели.

Вчера меня угощал здешний визирь, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней, на огромном дворе несколько комнат, в которых угощение, лакомство, ужин, весь двор покрыт обширнейшим полотняным навесом вроде палатки, и богато освещен, в середине театр, разные представления, как те, которые мы с тобою видели в Табризе, кругом гостей человек до пятисот, сам молодой ко мне являлся в богатом убранстве. Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не шахзадинская дочь, и я не знатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобою сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маменька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя, как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел, и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе рочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что опять с тобою то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и надежды что на Дереджану, она чутко спит по ночам, и от тебя не будет отходить. Поцелуй ее, душка, и Филиппу и Захарию скажи, что я их по твоему письму благодарю. Коли ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными.

Грибоедовъ вступилъ
въ законный бракъ съ дѣ-
вицею Ниною дочерью Гене-
ралъ маіора Александ-
ра Чавчавадзева оба пер-
вымъ бракомъ.

Запись в книге Сионского собора в Тифлисе о бракосочетании
А. С. Грибоедова и Н. А. Чавчавадзе.
22 августа 1828 г.

Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, караван-сарай, но все в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год, вероятно, мы эти места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, Ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь как вовсе бессонница. Доктор говорит — от кофею. А я думаю — совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют, недалек от моей спальной, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже кстати, по крайней мере не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг мой, еще раз, поклонись Агалобеку, Монтису и прочим. Целую тебя в губки, в грудку, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой

А. Гр.

Поклонись Ваценке, я к нему вчера писал, приехал ли Андрей Карлович, dis-lui que je lui en veux un peu, c’<est> à d<ire> amicalement, il est résté trop longtemps dehors, et cela dans un temps où sa présence à Tauris est de la plus grande urgence*. Впрочем, je lui en veux**, покудова его нет, а коли воротился, так и дело в шля-

пе. Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе кланяются.

Коли будешь иметь оказию к папеньке и в Тифлис к бабушке и маменьке, пошли им всем поклон от меня, и Катиньке и Давидчику, я скоро сам буду ко всем писать.

---

* скажи ему, что я на него немного сердит, т. е. по-дружески: он слишком долго отсутствовал — и в такое время, когда его присутствие в Тавризе крайне важно (*франц.*).

** я сержусь на него (*франц.*).

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ОТНОШЕНИЯ

ГЕНРИ УИЛЛОКУ

14 (26) августа 1820. Тавриз

Note à monsieur Willock chargé d'Affaires d'Angleterre
à Tabriz le 14 (26) août 1820

№ 141

Le soussigné, conseiller honoraire, et sécrétaire de la Mission de Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies près la Cour de Perse, a l'honneur de prévenir monsieur Willock, capitaine de cavalerie, chargé d'affaires de Sa Majesté Britannique près la dite cour, que c'est avec une vive dissatisfaction, qu'il se voit forcé de lui communiquer ce qui suit.

Une bande de déserteurs russes du 72 régiment chasseur a été ramassée sur la frontière par le domestique de m<onsieur> Willock, capitaine d'artillerie etc., qui le laissa faire, et lui même se chargea de deux pour les ammener ici. Le soussigné connaissant personellement le frère de m<onsieur> le chargé d'affaires, aime à se persuader qu'il n'y eut certainement pas malignité d'intention de sa part, mais tout au plus une absence momentanée de réflexion, qui le porta à en user de la sorte. En tout cas monsieur le chargé d'affaires est très instamment prié de vouloir bien intimer à d'autres officiers anglais qu'à l'avenir prendraient la route de la Géorgie d'éviter une telle façon d'agir pour les causes du monde les plus plausibles.

1. Selon l'état actuel des choses en Europe, il n'y serait pas bien interprété, qu'un Russe aidât un Anglais à se soustraire au service légitime de son Souverain, et ainsi de retour.

2. Messieurs les officiers anglais qui vont quelquefois d'ici à Tiflis, si jamais le gouvernement y était instruit du procédé sus-mentionné n'y receveraient peut-être pas l'accueil, dû à leur rang, leurs mérites et comprometteraient ainsi les recommendations que m<onsieur> Mazarovitcz et tous ses employés se trouvent toujours très heureux de pouvoir leurs fournir.

3. Les Persans ne se croiraient-ils pas autorisés à persister dans la conduite répréhensible à l'égard des soldats russes transfuges, se fortifiant de l'indulgence et des bons offices que leur prêtent à cette occasion les sujets d'une puissance Européenne, très amie de la Russie?

Un mot d'explication suffit aux hommes de bien pour s'entendre, et sans rien ajouter de plus le soussigné s'empresse de réitérer a m<onsieur> le chargé d'affaires d'Angleterre l'expression des sentiments de la plus parfaite considération, avec lesquels il a l'honneur d'être

son trés dévoué

signé — A. de Gribayedoff.

Перевод с французского:

Нота господину Уиллоку, поверенному в делах Англии в Табризе
14 (26) августа 1820.

№ 141.

Нижеподписавшийся, титулярный советник и секретарь миссии Его Величества Императора Всероссийского при персидском Дворе имеет честь предупредить г<осподи>на Уиллока, капитана кавалерии, поверенного в делах Его Величества короля Британии при упомянутом Дворе, что он с большим неудовлетворением вынужден сообщить ему следующее.

Шайка русских дезертиров из 72 егерского полка была подобрана на границе слугой г<осподина> Уиллока, капитана артиллерии и пр., последний позволил ему это проделать, и сам взял двоих и привез их сюда. Нижеподписавшийся, будучи лично знаком с братом г<осподина> поверенного в делах, склоняется к убеждению, что в его действиях, безусловно, не было злонамеренности, но самое большее — минутное недомыслие, приведшее его к такого рода поступку. Во всяком случае выражается настоятельная просьба господину поверенному в делах соизволить дать предписание другим английским офицерам, которые в будущем собрались бы ехать в Грузию, избегать таких способов действия во имя самых благовидных причин.

1. Сообразно с современным положением вещей в Европе не мог бы быть положительно истолкован тот факт, что русский помогает англичанину избавиться от законной службы своему Монарху, и наоборот.

2. Если когда-либо правительство было бы информировано о вышеупомянутом происшествии, господа английские офицеры, которые иногда выезжают отсюда в Тифлис, возможно, не встретили бы приема, подобающего их рангу, заслугам и т. д., что повредило бы тому уважению, которое г<осподи>н Мазарович и все его служащие всегда счастливы выказать.

3. Не почувствуют ли персияне, что им позволительно продолжать свое заслуживающее порицания поведение в отношении русских солдат-перебежчиков, находя поощрение в снисходительности и добрых услугах, оказываемых им в этих случаях подданными одной европейской державы, весьма дружественной по отношению к России.

Достаточно одного слова объяснения честным людям, чтобы понять друг друга, и, не добавляя более ничего, нижеподписавшийся спешит выразить г<осподину> поверенному в делах Англии чувства самого совершенного уважения, с которым имеет честь оставаться

искренне преданный

Подписано — А. Грибоедов.

ГЕНРИ УИЛЛОКУ

21 августа (2 сентября) 1820. Табриз

Monsieur.

Je commence par vous demander excuse de n'avoir pas vous envoyé plus tôt la présente en réponse à votre note du 18/30 août 1820. Le départ précipité de Mirza-Mahsoud pour Tiflis, et les papiers dont je devais le munir à la solicitation du prince royal m'ont mis dans l'impossibilité jusqu'à ce jour de vous exprimer ma reconnaissance pour tous les détails, que vous avez bien voulus me communiquer sur l'objet de ma note № 141.

Quant à l'intervention dans cette affaire du capitaine Hard et de monsieur Cormick, ils m'ont fait l'honneur de venir m'en parler, mais je m'attendais surtout à un éclaircissement avec vous, Monsieur, puisqu'enfin c'est à vous préférablement que je m'étais adressé, ou le poste de chargé d'affaires de Sa Majestié Britannique que vous occupez ici.

Je n'ai pas cru devoir me taire, sur une circonstance qui me paraissait d'un intérêt majeur par la position dans laquelle je me trouve. Je vous en fis mes représentations officiéllement, parce qu'un papier de ce genre n'admet aucune expression passionnée, de quelque sentiment qu'on se rende compte. Après vous avoir envoyé ma note, j'ai encore tâché que cette démarche toute simple en elle-même ne transpirât ailleurs, et ne donnât lieu à supposition de mésintelligence entre nous. Je désirais vivement vous parler, vous témoigner mes regrets sur ce que le capitaine Edouard Willock, qu'avant son départ pour la Géorgie j'avais appris à connaître pour lui accorder mon estime, devint à son retour, sans aucun dessein préjudiciable, la cause d'un dérèglement pour nous, pour lui-même, car connaissant son équitable façon de penser, le bruit de la ville qu'il était revenu de la Géorgie escorté des déserteurs, devaient, je n'en doute point, lui paraître aussi offensant qu'à nous. J'étais surtout soucieux de l'air équivoque, que cela donnait à la concorde et l'intimité jusque là constamment professées par les employés de nos deux gouvernements respectifs près de cette Cour. C'est pour vous demander vos avis là-dessus, que je souhaite m'aboucher avec vous sans répugnance, ni prédilection pour le lieu, que vous m'auriez assigné à cet effet; je voulais bien me présenter chez vous, qu'avais-je à y objecter? (C'est ainsi je crois que m<onsieur> Cormick a dû vous le dire) mais sans y être invité devais-je risquer de paraître importun?

Elle ne m'était même jamais bien prouvée la nécessité d'une médiation, pour finir comme vous dites à l'aimable une affaire, qui ne

m'est personellement propre, qui n'offrait même pas une matière de discussion. Car je n'ai pas un seul instant révoqué en doute la droiture de m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock; je me suis là-dessus très clairement prononcé dans ma note. Transporter des soldats, ou les aider à se soustraire à un service légitime, m'a semblé signifier à peu près la même chose. Mais, dites vous, si tel avait été le dessein etc. — Non, Monsieur, je suis persuadé que m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock a toléré le procédé de son interprète sans aucun dessein. Je n'ai pas cité que de simples faits, et pour ceux-là ils sont irrécusables. Vous même me constatez, que Satick interprète de m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock s'est chargé d'un transport de déserteurs quelques miles en deça de la frontière. A ce qu'il dit je ne le conteste pas, quoique la ligne de démarcation même entre le territoire russe et persan, soit encore un point de contestation. Il prétend les avoir pris du sirdar qui commande sur la frontière. Je le lui accorde, quoique vous-même, Monsieur, n'ajoutiez pas entièrement foi aux assertions de Satick. C'est encore selon votre propre témoignage à la seconde Station de la frontière que deux soldats furent rencontrés par m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock errant dans une contrée qu'ils s'imagineaient hospitàliere à leur désertion; si les premiers auxquels ils s'adréssèrent, leur eussent fortement remontrés la lâcheté de leurs évasion, qu'ils eussent dédaigneusement rejetté l'offre de leurs service, ils auraient peut-être tourné le dos à une terre, où contre leur attente ils n'auraient trouvé que les justes reproches de leur délit. Il est bien fâcheux pour m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock, que la circonstance de sa voiture prête à être versée nonobstant le secours de trente hommes, ait encore requis l'aide des deux individus en question, sans quoi il n'aurait certainement pas agi autrement, que je viens de le dire.

Cependant vous m'avez remarqué, que je n'ai pas dûment pesé les informations qui me venaient de toutes parts, relativement à cette affaire, sans que j'aie vraiment pris soin de les chercher. Le même jour que je suis allé chez m<onsieur> le c<apitaine> Edouard Willock lui demander des nouvelles de sa santé à son retour de la Géorgie, l'on m'anonçait l'arrivée de vingt deux déserteurs avec toutes les accéssoires qui depuis ont acquis une si fatale publicité. J'avais d'abord traité cette nouvelle de fable. Je vis pourtant arriver un équipage européen et quelques soldats russes avec. Je ne les ai interrogés sur rien croyant qu'ils étaient peut-être là de l'aveu de notre Gouvernement. Le colonel Reout, dont m<onsieur> le c<apitaine> E.Willock s'est beaucoup loué à moi pour l'assistance à sa voiture, qu'il a fait administrer par des hommes de son régiment, pouvait les lui avoir donnés jusque Tabriz dans les mêmes intentions, et les

hommes étaient éffêctivement du régiment de m<onsieur> le colonel Reout. Mon camarade de service m<onsieur> Ambourger les vit le lendemain dans votre cour. Sans se douter de rien, mais étonné des uniformes russes, il demanda à ceux qui les portaient d'où ils étaient et ce qu'ils faisaient là? Ils répondirent qu'ils attendaient les ordres de M. le capitaine, et du prince arménien (Satick, je suppose) qui les avaient conduits à Tabriz. Quelque temps après m<onsieur> le capitaine E. Willock m'a fait le plaisir de passer chez moi, et me conta entre autres choses l'histoire des déserteurs autant que cela avait rapport à son voyage. Il me le conta, dis-je, avec cette simplicité que si j'en eusse même autrement pensé, m'aurait pleinement convaincu qu'il n'y attachait aucune idée de malfaçon, mais c'est alors que voyant le fait très avéré, je pris la liberté de vous en informer, Monsieur, sous le point de vue, sous lequel je suis sensé devoir le considérer même jusqu'à ce moment. Satick est venu ensuite avec une rare intrépidité se planter dans ma chambre sans s'informer préalablement, si ma porte lui était ouverte. Croyant que je n'entendais pas le persan il raconta sa bonne fortune avec les déserteurs à Mirza-Mahsoud et à Agalou-Beg qui pour lors se trouvaient chez moi. En voilà assez sur les informations, qui m'ont été données relativement à cette affaire. Je les ai dûment pesées, j'ose vous en assurer.

Après tout je conviens avoir commis une erreur, celle d'avoir consideré Satick non comme mechmandar, mais comme domestique de m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock, erreur fort excusable, car il est ici permis de s'appuyer de quelques faits un peu trop particuliers: — Il n'y a pas trois mois que m<onsieur> Cormick m'a conseillé de prendre ce même Satick à mon service pour 50 tomans par an, et c'est le même homme encore que j'ai vu valet de sir Robert Porter. Mais Satick bien que mehmandar n'aurait pas dû se permettre un procédé quelconque sans j'autorisation de la personne, à la suite de laquelle il se trouvait. Je me souviens d'avoir fait rendre à un pauvre village armenien une contribution, injustement levée par mon mehmandar Mahomed-Sultan: il la rendit sans faire l'obstiné, car parmi les bons usages persans il en existe un très louable, j'entends la soumission des mehmandars aux voyageurs près desquels ils en font l'office, et qui leur est commandée par leur gouvernement. Je n'allègue pas cela pour m'en prévaloir contre m<onsieur> le c<apitaine> E. Willock. En regrettant qu'il ait ignoré son autorité vis-à-vis de Satick, je trouve très naturel, que nouveau venu en Perse, il n'ait pas eu le temps de se familiariser avec les usages de ce pays.

Au surplus j'aurais l'honneur de vous observer, que vous m'avez totalement mésentendu, Monsieur, me suggérant très improprement

13 Заказ № 1590

que j'exigeais des avances de votre part, vous me supposez donc emportй par la passion au point de transformer en <одно слово опущено> personnelle une cause où j'etais l'organe de la charge qui m'était imposée par mon gouvernement. C'est par elle que je m'étais vu appellé à diriger votre attention sur un cas, sensiblement contraire au convenances, adoptées entre agents ou simples sujets de deux états amis.

J'étais loin de penser que cela me vaudrait un refroidissement marqué de votre part. Je l'aurais cru impossible lors même, que nous serions désunis d'intérêts politiques, ce qui n'est pas vraisemblable, grâce au généreux amour de paix, qui caractérise l'Empereur mon Maître ainsi que votre Auguste Souverain. Conservant pour vous l'estime, que vous êtes en droit de tous ceux qui vous connaissent, je vous prierais, Monsieur, de m'indiquer la manière dont je pourrais mitiger la défavorable impression produite sur vous par le contenu de ma note. Et quoique je ne sache pas trop le moyen de désavouer un papier officiel malheureusement provoqué par la publicité du fait qui en faisait le fond, veuillez me nommer un terme, conciliant au mieux mes devoirs de service, avec ce qui vous serait agréable. A ma part, je suis prêt à y souscrire en me disant de bonne foi

Monsieur

etc., etc., etc.

Signé: Alexandre Gribayedoff

№ 147.

Août — 21
1820.
Septembre — 2.
Tabriz.

Перевод с французского:

Милостивый Государь.

Прежде всего прошу простить меня за то, что не послал раньше сие письмо в ответ на вашу ноту от 18/30 августа 1820. Поспешный отъезд Мирзы-Махсуда в Тифлис и бумаги, которые я должен был вручить ему по просьбе наследника престола, не дали мне возможности до сегодняшнего дня выразить вам мою признательность за все подробности, любезно сообщенные мне вами на предмет моей ноты № 141.

Что касается вмешательства в это дело капитана Харда и господина Кормика, то они оказали мне честь, придя ко мне поговорить об этом; однако я в первую очередь надеялся на объяснение с вами, Милостивый Государь, потому что я главным образом обращался к вам или к поверенному в делах Его Британского Величества, каковую должность здесь исполняете вы.

Я не счел возможным умолчать об обстоятельствах, которые представляются мне важнейшими в том положении, в котором я нахожусь. Я заявил вам об этом официально, поскольку документ такого рода не допускает никаких пристрастных выражений тех или иных известных чувств. Отослав вам ноту, я постарался также, чтобы этот ход, самый простой по сути, не стал бы известен другим и не дал бы повода для предположения о разладе между нами. Я очень желал переговорить с вами, выразить вам мое сожаление по поводу того, что капитан Эдуард Уиллок, с которым мне удалось познакомиться и выразить ему мое уважение до его отъезда в Грузию, оказался по возвращении безо всякого злого умысла причиной неприятного инцидента для нас и для него самого, т. к., зная справедливый ход его мыслей, я не сомневаюсь, что прошедший по городу слух о его возвращении из Грузии в сопровождении дезертиров, должен был показаться ему столь же оскорбительным, как и нам. Более всего я был обеспокоен тем, чтобы согласие и искренняя дружба, которые представители наших правительств при этом Дворе до сих пор неизменно выказывали друг другу, не приобрели бы в результате этого сомнительный вид. Дабы узнать ваше мнение по этому поводу, я хотел бы переговорить с вами в любом месте, которое бы вы указали для этой цели. Я был готов прийти к вам, зачем бы мне возражать против этого? (Я полагаю, что именно так вам это передал г<осподин> Кормик), но, не будучи приглашенным, не рисковал бы я показаться назойливым?

Я вовсе не думал о необходимости посредничества, чтобы, как вы говорите, закончить полюбовно дело, которое лично меня не затрагивает, которое даже не давало повода для дискуссии, поскольку я ни на миг не усомнился в правоте г<осподина> к<апитана> Э. Уиллока, я очень ясно выразился по этому поводу в своей ноте. Перевести солдат или помочь им освободиться от законной службы — мне показалось, что это означает примерно одно и то же. Но, говорите вы, если таково было намерение и т. д. — Нет, Милостивый Государь, я убежден, что г<осподин> к<апитан> Э. Уиллок допустил действия своего переводчика совершенно непреднамеренно. Я назвал только простые факты и что касается до них — они неопровержимы. Вы сами свидетельствуете, что Сатик, переводчик г<осподина> к<апитана> Э. Уиллока, взял на себя транспортировку дезертиров на несколько миль по эту сторону границы. Я не возражаю против того, что он говорит, хотя сама демаркационная линия между русской и персидской территориями является спорной. Он утверждает, что забрал их у сирдара, который командует на границе. Пусть так, хотя вы сами, Милостивый Государь, не верите полностью утверждениям Сатика. Опять же, по вашему собственному свидетельству, на второй станции от границы г<осподином> к<апитаном> Уиллоком были встречены два солдата, бродившие в местах, в которых, как они считали, гостеприимно встретят их побег; если бы первые встречные, к которым они обратились, указали бы на малодушие их поступка, с презрением бы отвергли предложение их услуг, возможно, они бы повернулись спиной к этой земле, на которой, против их ожиданий, они нашли бы только справедливые упреки в их преступлении. Досадным для г<осподина> к<апитана> Уиллока является то обстоятельство, что его экипаж, готовый перевернуться, несмотря на усилия тридцати человек, получил помощь как раз от этих двоих людей, в противном случае он не поступил бы иначе, нежели так, как я уже об этом сказал.

Однако вы отметили, что я не взвесил должным образом информацию, касающуюся этого дела, которая шла ко мне со всех сторон, не занялся по-настоящему поисками этой информации. В этот же день, когда я отправился к г<осподину> к<апитану> Э. Уиллоку справиться о его здоровье по возвращении из Грузии, мне объявляют о прибытии двадцати двух дезертиров со всей амуницией, которое в дальнейшем получило злополучную известность. Я поначалу решил, что это — сказки. Однако я увидел, как подъехал европейский экипаж в сопровождении нескольких русских солдат. Я их ни о чем не спросил, полагая, что

они очевидно были здесь с согласия нашего правительства. Полковник Реут, которого г<осподин> к<апитан> Э. Уиллок очень хвалил мне за его помощь в истории с его экипажем — он дал людей из своего полка, — мог дать их ему до Табриза с той же целью, и эти люди в самом деле были из полка г<осподина> полковника Реута. Мой товарищ по службе г<осподин> Амбургер на другой день увидел их на вашем дворе. Ничего не подозревая, однако удивившись русским мундирам, он спросил их владельцев, откуда они и что здесь делают. Они отвечали, что ждут распоряжений г<осподина> капитана и армянского князя (Сатика, я полагаю), которые их привезли в Табриз. Некоторое время спустя г<осподин> капитан Э. Уиллок оказал мне любезность, зайдя ко мне, и рассказал мне среди прочего историю о дезертирах, насколько она касалась его путешествия. Он мне ее рассказал, уверяю, с такой простотой, что если бы даже я думал иначе, его рассказ совершенно убедил бы меня в том, что он не имел ни малейшего намерения обмануть меня. Видя, как все обстоит на самом деле, я взял на себя смелость сообщить вам об этом, Милостивый Государь, с той точки зрения, с которой я вынужден рассматривать происшествие и теперь. Затем пришел Сатик и с редкой наглостью остался в моей комнате, не справившись предварительно, открыта ли для него моя дверь. Считая, что я не понимаю персидского языка, он рассказал о своей неожиданной удаче с дезертирами Мирзе-Махсуду и Агалу-Бегу, которые в тот момент находились у меня. Я полагаю, сказано достаточно о сведениях, которые я получил об этом деле. Смею вас уверить, я взвесил их должным образом.

Впрочем, сознаюсь, что допустил ошибку — я смотрел на Сатика не как на мехмандара, а как на слугу г<осподина> к<апитана> Э. Уиллока — ошибку очень простительную, т. к. в данном случае имеются особые факты: всего три месяца назад г<осподин> Кормик мне посоветовал взять этого самого Сатика в услужение за 50 туманов в год, и этого же человека я видел в качестве слуги у сэра Роберта Портера. Но Сатик, хотя он и мехмандар, не должен был предпринимать чего-либо без дозволения особы, в услужении которой он находился. Я помню, как я вернул одной бедной армянской деревне подать, несправедливо взятую моим мехмандаром Магомед-Султаном: он беспрекословно ее вернул, т. к. среди добрых персидских обычаев существует один очень похвальный — я имею в виду подчинение мехмандаров путешественникам, у которых они находятся на службе и которое предписано им их правительством. Я говорю об этом не для того, чтобы показать свое превосходство над г<осподином> к<апитаном> Э. Уиллоком. Сожалея, что он не знал о своей власти над Сатиком, я нахожу вполне понятным, что прибыв в Персию лишь недавно, он не успел ознакомиться с обычаями этой страны.

Кроме того, Милостивый Государь, честь имею заметить, что вы меня совершенно не поняли, неверно считая, что я требую от вас первых шагов. Вы считаете, следовательно, что я настолько движим чувствами, что превратил в <нечто> личное дело, в котором я являюсь представителем моего правительства. Именно последнее заставило меня обратить ваше внимание на случай, заметно противоречащий отношениям, принятым между поверенными или простыми подданными двух дружественных государств.

Я был далек от мысли, что это будет стоить мне явно выраженного охлаждения с вашей стороны. Я считал, что это невозможно, даже если бы нас разделили политические интересы, а последнего не должно быть, благодаря великодушной любви к миру, характеризующей моего Государя Императора, так же как и вашего Августейшего Монарха. Испытывая к вам неизменное уважение, которого вы заслуживаете ото всех, знающих вас, я бы просил вас, Милостивый Государь, указать способ, с помощью которого я бы мог смягчить неблагоприятное впечатление, произведенное на вас содержанием моей ноты. И хотя я не знаю способа отказаться от официального документа, появление которого, к несчастью, вызва-

но тем, что происшедшее стало широко известно, соблаговолите назвать мне условие, примиряющее мои служебные обязанности с тем, что было бы вам приятно. Со своей стороны, я готов подписаться под ним от чистого сердца,

Милостивый Государь,
и проч., и проч., и проч.
Подписано: Александр Грибоедов.

№ 147

Августа 21
1820.
Сентября — 2.
Табриз.

ОТПУСКНОЙ ЛИСТ ПОЛКОВНИКУ Т. ЭТЬЕ

14 августа 1821. Табриз

Перевод с персидского:

Полковник Этье, который до сих пор верой и правдой служил нам и работа которого нами оценена по заслугам, ныне ходатайствует об отпуске. Эту великую грамоту мы даем ему в честь его заслуг, а также для того чтобы он мог беспрепятственно возвратиться на свою родину. Предписываем не задерживать его и оказывать ему всякое содействие.

В Табризе дано Аббасом-Мирзой.

Печать:
Аббас — Океан
власти

Le soussigné certifie que le présent <Rakam>, muni du sceau de Son Altesse le Naib Sultan a été délivré au Divan de Prince Abbas-Mirza à Tabriz, en foi de quoi il a été muni du sceau de la Mission de Sa Majésté l'Empereur de Russie à la chancellerie de Son chargé d'Affaires en Perse.

Tabriz. 14/27 août 1821.

Secrétaire de la Mission
A. Griboyedoff

Перевод с французского:

Нижеподписавшийся свидетельствует, что настоящий <Ракам>, снабженный печатью Его Высочества Наиб-Султана, действительно выдан Диваном принца Аббас-Мирзы в Табризе, что удостоверяется приложением печати Миссии Его Величества Российского Императора в канцелярии Его поверенного в делах в Персии.

Табриз. 14/27 августа 1821.

Секретарь миссии
А. Грибоедов

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

30 июля 1827. Лагерь при селении Карабаба

Командиру Отдельного Кавказского Корпуса,
генералу от инфантерии,
Генерал-адъютанту и Кавалеру Паскевичу
Иностранной коллегии надворного советника Грибоедова

ДОНЕСЕНИЕ

20-го числа июля я по приказанию Вашего Высокопревосходительства отправился из крепости Аббас-Абад в персидский лагерь, куда в тот же день прибыл перед вечером, 7 часов езды скорой, расстояние около 49-ти верст от Аракса до опустелой деревни Каразиадин, где я должен был ждать, когда позовет меня к себе Аббас-Мирза. Скудно разбросанные палатки не означали присутствия многочисленного войска. Вечером прибыл ко мне Мирза-Измаил с приветствиями от Шахзады, который на ту пору прохлаждался в горах, и только на другой день намерен был спуститься к Каразиадину, или в Чорскую долину (так называется целый округ из 12-ти деревень). К моей палатке поставлен караул почетный, разумеется чтоб иметь надо мною надзор, но все условия вежливости были соблюдены, даже до излишества.

21-го поутру подошва гор к югу, со стороны Хоя, запестрела вооруженными конными и сарбазами, и вскоре был разбит лагерь на большом протяжении.

В час пополудни за мною прибыл наиб Эшика-Агаси от Аббас-Мирзы, к которому я отправился с толпою народа, при мне же были Мирза-Измаил и Мирза-Сале. Я был допущен к аудиенции тотчас без предварительных церемоний. Аббас-Мирза один был в обширной палатке, со мною взошли несколько человек из его приближенных.

После первых приветствий и вопросов о вашем здоровье, обо мне собственно, он начал мне воспоминать о прежнем моем пребывании в Тавризе и проч. Потом долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, как на главных, по его мнению, зачинщиков нынешней войны. — Я ему отвечал, что неудовольствия были обоюдны, по случаю спора о границах, но с нашей стороны никогда бы не вызвали военных действий, если бы сам Шахзада не вторгнулся в наши области. — Моих и Шаха послов не допускали до Государя, писем не доставляли в Петербург, сколько я их показывал князю Меншикову, мне обратно присланных, даже нераспечатанных, сколько теперь у меня их сохраняется в том же виде для определения моего перед Госу-

дарем нашим. Я ему напоминал о двукратном приезде в Россию Абуль-Гассан-Хана, о Мамед-Гасан-Хане-Афшаре, о Мирзе-Сале, бывших в Петербурге, через которых всегда можно было представить Императорскому Двору жалобы, если бы они основаны были на справедливости. Наконец, князь Меншиков для того был прислан в Персию от самого Государя, чтобы устранить поспешно и навсегда возникшие тогда несогласия. Впрочем, когда кто лежит болен целый год, не отыскивают уже первых причин его болезни, а стараются уврачевать ее, так и с настоящею войною.

Разговор в этом смысле продолжался более часу. Я вынужден был сказать, что не имею поручения разбирать то, что предшествовало войне, что это не мое дело... — Так все вы говорите: не мое дело, но разве нет суда на сем свете!? — Ваше Высочество сами поставили себя судьею в собственном деле и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только, кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится. — Правда, — отвечал он. — [Я продолжаю.] Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я прислан. — Овладели! Взяли! Вам сдал Аббас-Абад зять мой, трус, он — женщина, хуже женщины. — Сделайте то, что мы сделали, против какой-либо крепости, и она сдастся Вашему Высочеству. — Нет! вы умрете на стене, ни один живой не останется, мои не умели этого сделать, иначе вам никогда бы не овладеть Аббас-Абадом. — Как бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений не сходно с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам. Такова есть воля Государя. Чтобы на этот счет не было более недоразумений, я сюда прислан. Притом должен объявить Вашему Высочеству, что посланные ваши, если явятся с предложениями другого рода, несогласными с нашими, или для прений о том, кто первый был причиною войны, они не только не получат удовлетворительного ответа, но главноначальствующий не признает себя даже вправе их выслушивать. Условия же, если Ваше Высочество расположены их выслушать, я сейчас буду иметь честь изложить вам, в этом именно состоит мое поручение. — Послушаем, сказал он, но разве должно непременно трактовать наступя на горло, и нельзя рассуждать о том, что было прежде? — Тут он опять начал распространяться о безуспешных его прежних усилиях жить с нами в мире, под сению благорасположения к нему

Российского Императора. Обвинения с жаром против пограничных начальников, не щадя и своих: сардара и брата его, притом неистощимые уверения в преданности Императору, все это быстро следовало одно за другим. Я из некоторых слов мог, однако, заметить, что личный характер Государя Императора сильно действует на него, как отпечаток твердости и постоянства в предприятиях, так, он отзывался, по свидетельству ли англичан, или по другим до него дошедшим сведениям, но повторил не раз, что он знает о решительных свойствах Великого Императора, это свидетельствуют все сыны и братья европейских царей и послы, приезжавшие поздравлять его со вступлением на престол. — То же впечатление я заметил потом и в прочих лицах, с которыми имел дело в персидском лагере, они рассказывают множество анекдотов, иные справедливы, большею частью вымышленные, но представляющие Российского Государя в каком-то могущественном виде и страшном для его неприятелей. — Я воспользовался этим, чтобы обратить внимание Шахзады на неприличность прошлогодних поступков в Персии против кн<язя> Меншикова. — Как, с такими понятиями о могуществе нашего Государя, вы решились оскорбить его в лице посланника Его Величества, которого задержали против самых священных прав, признанных всеми государствами? Теперь, кроме убытков, нами понесенных при вашем впадении в наши области, кроме нарушений границ, оскорблена личность самого Императора. а у нас честь Государя есть честь народная. — При этих словах он как будто поражен был какою-то мыслию и так непринужденно, громко и красноречиво раскаивался в своем проступке, что мне самому ничего не оставалось к этому прибавить. Предоставляю Вашему Высокопревосходительству судить, насколько это раскаяние смиренно, по известному уже вам характеру персиян.

После того он всех выслал, остались он, я и мой переводчик, но за занавесью выказывался человек, в котором я потом узнал Алаяр-Хана. Аббас-Мирза наконец решился выслушать условия, говоря, однако, что он уже их знает от Мирзы-Сале.

Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство; но, по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шахзада несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе мое поручение останется недовершенным. Когда все с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

— Так вот ваши условия! Вы их предписываете Шаху иранскому как своему подданному! Уступка двух областей! Дань

деньгами! Но когда вы слыхали, чтобы Шах персидский сделался подданным другого Государя? Он сам раздавал короны. Персия еще не погибла. —

— И Персия имела свои дни счастья и славы; но я осмелюсь напомнить Вашему Высочеству о Гуссейн-Шахе-Софии, который лишился престола, побежденный афганцами. Предоставляю собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее афганцев. — Кто же хвалит за это шаха Гуссейна, он поступил подло, разве и нам следовать его примеру? — Я вам назову великого человека и государя Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратою престола. И был истинный герой, он защищался до самой крайности. Но вы, как всемирные завоеватели, всё хотите захватить, требуете областей, денег и не принимаете никаких отговорок. — У вас тоже не одна воля, в Петербурге одно говорят, Ермолов другое; у нас был муштаид для мусульман, вы тоже, для возбуждения против нас армян, выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса и так далее. — После многих отступлений мы опять обратились к условиям будущего мира. — Итак, генерал Паскевич не может или не хочет сделать никакой отмены в объявленных вами предложениях. Мы заключим перемирие; это он может. Тем временем я сам к нему прибуду в лагерь, скажу ему, чтобы он указал мне путь к Императору, сам отправлюсь в Петербург или пошлю моего старшего сына, он наследник мой, как я шахский, будем целовать руку Великого Государя, престол его, мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен; захочет областей, денег, и деньги, и весь Адзербидзам и самого себя отдам ему в жертву, но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство Российского Императора.

Эту идею он развивал мне с различными изменениями, и при каждом разе я напоминал ему, что Ваше Высокопревосходительство не вправе, в нынешних обстоятельствах, дать ему или Эмирзаде пропуск в Санкт-Петербург, что это намерение гораздо удобнее было исполнить прошлого года, во время коронации Императора Шахзада предпочел тогда схватиться за оружие, и я не могу скрыть, что Государь разгневан именно и лично самим Аббас-Мирзою. — При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящих обстоятельствах требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, Ваше Высочество, даже не вознаграж-

дение за претерпенные убытки, требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам долгое время.

Не скрою от Вашего Превосходительства, что эти слова показались очень неприятными Аббас-Мирзе. Может быть, я и несколько перешел за черту данного мне поручения, но смею вас уверить, что этим не только ничего не испорчено, но при будущих переговорах уполномоченные Его Императорского Величества избавлены будут от труда исчислять персиянам итоги военных издержек, которые они оценяют по-своему довольно дешево, ибо армия их во время войны даже в собственном краю кормится сколько можно даром, на счет поселян беззащитных.

Аббас-Мирза подозвал меня как можно ближе и почти на ухо зачал меня расспрашивать о степени власти, от Государя вам вверенной, можете ли вы от себя убавить некоторую часть своих требований, что есть два рода главнокомандующих: одни на все уполномоченные, другие с правами ограниченными, какая, наконец, власть генерала Паскевича?? — Большая, — отвечал я, — но чем она более, тем более ответственность.

Потом объяснил ему, что у нас одна господствующая воля самого Государя Императора, от которой никто уклониться не может, в какую бы власть облечен ни был; условия будущего мира начертаны по воле Государя. Исполнитель — главнокомандующий, и проч<ее>. Это завлекло меня в сравнение с Персиею, где единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владетелей и разномыслием людей, имеющих голос в совете шахском, даже исступлением пустынника, который из Кербелая является с возмутительными проповедями, и вовлекает государство в войну бедственную. — Аббас-Мирза часто оборачивался к занавеске, за которой сидел Алаяр-хан, и сказал мне: он снова говорил, что знает, чувствует это, готов исправить вину свою, снискать утраченное им благоволение Государя, эти уверения он повторял до бесконечности. — Скажите, г<осподин> Грибоедов, вы жили в Тавризе, чего я не делал, чтобы с вами остаться в дружбе, чем можете укорить меня, каким проступком против трактата? — Я привел ему на память рассеяние возмутительных фирманов в Дагестане, на которые в свое время жаловался генерал Ермолов. — Видели ли вы их? Где они? Это нелепости, вымышленные моими врагами Ермоловым и Мазаровичем, так как и уши и носы убитых на Кавказе русских, которые будто бы привезены были лезгинами ко мне в Тавриз. Когда же это было? вы свидетели, что это ложь; между тем император Александр выговаривал это Мамед-Гуссейну-хану в Петербурге, такими клеветами возбуждали против меня покойного вашего Императора

и так же умели лишить меня благосклонности его преемника. С кн<язем> Меншиковым можно было иметь дело, умный и не коварный человек; но он всегда отговаривался, что не имеет власти делать мне иных предложений, кроме тех, которые мне уже объявлены были генералом Ермоловым. Теперь, если мы вам отдадим области, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? — новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на все согласились, что от нас хотели. Англичане тому свидетели; и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых, мир во сто раз хуже войны; нынче посланные мои принимаются ласковее генералом Паскевичем, сообщения его со мною вежливее, чем во время так называемого мира, я перечесть не могу всех оскорблений, мною претерпенных в течение десяти лет. Нет! Я или сын мой, мы непременно должны ехать к Императору и проч<ее> — Я опять представлял ему невозможность Вашему Высокопревосходительству допустить этого, и в обыкновенное время приличие требует писать предварительно в Петербург и просить на то соизволения Его Императорского Величества. — Он начал рассчитывать, как скоро может прибыть ответ из Петербурга, требовал от меня ручательства, что Государь допустит его к себе, просил меня стараться об этом дружески и усердно при Вашем Высокопревосходительстве, а Вас самих — ходатайствовать за него в С<анкт>-Петербурге, в то самое время, как я неоднократно изъявлял ему мое сомнение о том, возможно ли такие предложения делать и принимать в военное время. Способ трактовать, исключительно свойственный персиянам, которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу, и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю. Все это — я заметил самому Шахзаде — довольно бесполезно. Начались и продолжались толки о перемирии, на то время, как пошлется донесение в С<анкт>-Петербург и получится желаемый ответ, то есть от 4-х до 5-ти недель. Я не признал за нужное оспаривать долее надежд Аббас-Мирзы, не подкрепляя их, впрочем, ни малейшим уверением, и занялся условиями перемирия как дела для нас полезного. Предложение о том было с его стороны. Он хотел, чтобы мы отступили к Карабаху, а он — в Тавриз; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кроме Аббас-Абада, которого гарнизон он на себя брал продовольствовать. Во многом мы были согласны; я иное отвергал, ни в чем не условились, и я просил дать мне несколько часов досуга,

чтобы обдумать и написать ему проект перемирия. — Нет! сейчас решить, я не хочу вашего письма. Ради Бога, не пишите, вы потом не отступитесь ни от одного слова. — Кончилось, однако, на том, что я у себя обделаю и потом представлю ему условия для временного прекращения военных действий. Приветствия полились рекою, похвалы, лесть более или менее сносные. Аббас-Мирза спрашивал, часто ли обо мне наведываются его окружающие, кто из них был у меня, чтобы утром явились ко мне, не оставляли меня скучать. В этом тумане я откланялся. 6 часов продолжался разговор наш. Перед вечером я прибыл к себе.

Ночью я написал проект перемирия по данному наставлению мне от Вашего Высокопревосходительства. Потом заставил его перевесть. Случай казался удобным привести к окончанию это дело. Аббас-Мирза сам подал тому первый повод. Притом я в трехлетнее мое пребывание в Тавризе никогда не видел его в таком расположении духа, с такою готовностью ко всякого рода соглашениям, в такой горячности раскаяния. — Впоследствии однако подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре.

22-го рано поутру я сверил подлинник с переводом бумаги, которую намерен был отправить к Аббас-Мирзе. Меня посетил Мирза-Мехмед-Али-Мустафа и проговорил целое утро. Дело шло о невыгодном положении Шахзады, отца его, и вообще всей Персии в отношении к нам. Я изумлялся тому, что слышал: персидское высокомерие исчезло совершенно. Между прочим, я высказал Мирзе-Мехмед-Али то, что не договорил накануне самому шахзаде, по той причине, что мы ни минуты вдвоем не оставались, о будущей незавидной судьбе его, когда весь Адзербиджан будет в руках наших, какое лицо представит он из себя между братьями, лишась удела ему от шаха пожалованного, и этим лишением обязанный сам себе, своей опрометчивости, все бедствия, которые потом постигнут Персию, если война продолжится, припишутся ему же, и это, конечно, не только не утвердит его наследственного права, но может отдалить его от Престола. Мирза-Мехмед-Али во всем соглашался, и передал мои слова Аббас-Мирзе, потому что он сам мне потом говорил об этом. Бумагу мою я к нему отправил и должен был в тот же день вторично к нему явиться, но вместо того почувствовал в себе сильный жар во всем теле, боль головную и слег в постель со всеми признаками горячки, действие губительного климата, ртуть в полдень возвышалась до 40 градусов теплоты, в предшествующей ночи понизилась до 8-ми от точки замерзания.

В этот же день я получил от шахзады особенного рода лестный знак внимания, который дает верное понятие о персидском искательстве и до чего они желают вкрасться в нашу приязнь, при настоящем положении дел их. Главный церемониймейстер Махмед-Гуссейн-хан, с многочисленною прислугою и с подносами всяких сластей, вручил мне поздравительный фирман, за печатью Аббас-Мирзы, по случаю дня Ангела Ее Величества вдовствующей Государыни Императрицы. — И в самое мирное время нельзя быть внимательнее. Причина же, я полагаю, Мирза-Сале, мы накануне вспоминали с ним о торжестве в Петергофе, при котором он однажды находился.

23-го я чувствовал облегчение, но не мог еще встать с постели. Ко мне прибыл Мирза-Измаил с проектом перемирия, сочиненного под сказанием Шахзады и уже одобренного шахом, который на два фарсанга сблизили с Чурсом. Курьеры к нему и от него скакали беспрестанно.

С персидской стороны требовалось, чтобы мы, кроме Аббас-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзин, в котором для охранения храма Божия быть двум приставам: их и нашему, а войскам не находиться ни русским, ни персидским. — Прения продолжались с утра, в 3 часа пополудни Мирза-Мехмед-Али прибыл и возобновил их, — продержали меня до глубокой ночи, на многое согласились, статья их об оставлении нами Эчмеадзина к Нахичеванской области была вычеркнута. Со всем тем, ничего не кончено.

24-го я еще был слаб, но, видя бесполезность переговоров, отдаляющих дело от истинной цели, я просил отпуска. Опять прибыли ко мне Мирза-Мехмед-Али-Мустафа, Мирза-Измаил и Мирза-Сале, и я в течение целого дня должен был выдерживать диалектику 13-го столетия. Возвращались к предложениям, в которых накануне условились. Главное разногласие состояло в том, что с персидской стороны требовалось перемирие на 10 месяцев. Мирза-Мехмед-Али откровенно мне объявил, что это необходимо для отдаления из Хоя Шаха, двора его и войска, от которых обнищала вся провинция. Я ему дал почувствовать, что эти причины уважительны только для их пользы, но в настоящее время, когда мы уже одержали некоторую поверхность, кажется, можно беспристрастно соблюсти и нам свои выгоды.

Наконец, видя, что рассуждения о перемирии были только предлогом для продержания меня в их лагере, я объявил, что мы не имеем нужды в прекращении военных действий, первая мысль об этом принадлежит Шахзаде. Я представил ему условия, на которых оно с нашей стороны может быть допущено, — вольны

принять их или нет. Но мой Аббас-Мирзе усердный совет для успокоения края, особы Шаха в преклонности лет его и для собственной безопасности своей принять просто мир, который даруется ему на известных условиях. — Говорили очень долго, я наконец подействовал на воображение персидских чиновников тем, что мы, когда пойдем далее и завладеем Азербиджаном, то обеспечив независимость этой обширной области, со стороны Персии на десять ферсангов никому не позволим селиться близ границы, сама провинция прокормит 20 т<ысяч> милиции, образованной из народа, известного духом неудовольствия против нынешнего своего правительства, нам стоит только поддержать ее в сем распоряжении, и таким образом мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персиею, как с народом, не соблюдающим трактатов, мы так же будем мало знать их, как афганцев и прочие отдаленные государства в глубине Азии. — Этот план у нас, говорил я, очень известен, и полагается весьма сбыточным, но к исполнению его невольно приступят в такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите Его Высочеству, что лучше принять условия, покуда их делают. Это и многое другое я предлагал им спокойно в роде размышления более, нежели угрозы. С вечера и на другой день с рассветом я повторял настоятельно требование мое об отпуске. И 25-го — поутру, за мной прибыл Гаджи Максут-Ата, чтобы проводить меня к Шахзаде. При нем находились два его брата, Али-Наги-Мирза Казбинский, Мехмед-Кассум-Мирза Урумийский и Асиф-ед-Даулет Алаяр-Хан, также несколько других, в числе которых, как мне потом сказали, был и Гассан-Хан, брат сардаря Эриванского, но я не узнал его. Он во все время пребывания моего в лагере сильно говорил против всякого с нами сближения, ездил к Шаху и просил денег и войска для защиты Эриванской области.

Я полагал, что наши условия при последней аудиенции, при стольких значущих свидетелях, или торжественно будут отвергнуты, или станут рассуждать о них, вышло ни то, ни другое. Тон Шахзады был самый униженный, он извинился, что чиновники его столько беспокоили меня делами, сказал, что все мои мысли о нем, о будущем его положении ему известны. Но не это его озабочивает, а проступок против Государя, утрата его доверенности, и просил перемирия на десять месяцев. Мирза-Мехмед-Али донес ему, что я не доверяю их чистосердечию, Алаяр-Хан этому чрезвычайно удивился. Но я поспешил объяснить ему, что прошлого года также решались послать к Императорскому Двору Эмир-заде и вместо того войска их напали на наши границы; несколько сорванных голов у наших фуражиров возбудили надежды их до

крайней дерзости, характер народа известен. Нет причин думать, чтобы нынче поступили искренне, и тогда русский главноначальствующий, потеряв время и остановясь среди успехов нашего оружия, какое оправдание представит Государю Императору в том, что так противуречит настоящему отношению между собою двух воюющих армий? Десятимесячное перемирие, тот же мир, а предлагаемая выгода заключается в темной надежде, что сам Шахзада или сын его отправится в Петербург, но там подпишет ли он все статьи мира, согласно с пользою России, или, что гораздо вероятнее, будет стараться об уменьшении наших требований? — Нет! — сказал с жаром Аббас-Мирза, — мы все подпишем, если Император лично мне или моему сыну объявит свою волю и уверит нас в будущем его покровительстве. Я сына моего сейчас представлю генералу Паскевичу в залог, и еще двое из моих братьев к нему отправятся в лагерь… — и проч., и проч. Потом опирался на продолжительное перемирие, им некогда заключенное с генералом Тормасовым.

Спрашивал моего совета и надеюсь ли я, что Государь дозволит ему или сыну его прибыть к Высочайшему Двору. Такое униженное, убедительное настаивание отняло у меня возможность отвечать ему коротко и резко. Я более всего отговаривался неведением, сомнением и старался избегать, чтобы слова мои не утвердили в нем какой-либо надежды по сему предмету. — Совет я подал ему чистосердечный, представлял ему разорение, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустройстве их нерегулярного войска, сравнивал характеры двух народов: персиян, смелых при счастии, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах, с другой стороны, наши, которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают. — Наконец, с возможною учтивостью доказывал, что лучше разом принести жертву необходимости, нежели длить время и, с тем вместе, претерпеть гораздо важнейшие потери. Это не помогло, Шахзада не отступал от любимой своей мысли самому или чрез сына прибегнуть к великодушию Государя Императора.

Сим заключается все то, что идет к делу, посторонних разговоров было много, ибо Шахзада продержал меня еще долее, нежели в первый раз. Я заметил, между прочим, что переход к нам Мехти-Кули-Хана много озаботил персиян насчет доверия, которое это происшествие внушает всякому, кто пожелает поискать российского покровительства. Аббас-Мирза сказал мне, между прочим: Самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие н справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против

кочевых племен от Эривани до Нахичевани; а солдаты никого не обижали, и он всех принимал дружелюбно. Этот способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе прошлого года, с другой стороны, Гассан-Хан усердствовал вам сколько мог и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингисхан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей, велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадется, и тогда об эту пору, у меня две трети Адзербиджана стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормленья. — Я отвечал ему, что генерал Ермолов так же, как нынешний главноначальствующий, наблюдал пользу Государства; можно одной и той же цели домогаться разными путями.

О сражении 5-го июля он говорит очень откровенно, отдает Вашему Высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, и он видел себя почти взятого в обход вашею пехотою, когда не полагал даже, что она переправится через Аракс, если бы знал, что пойдут на него со всеми силами, то не уклонился бы от сражения, но послал бы 5000 конницы, которая, выше переплыв через реку, очутилась бы у вас в тылу и напала на наш обоз. Об Елизаветполе, об Асландузе рассказывал мне с такою же искренностью или, может быть, взял на себя говорить мне только приятное и то, что может польстить нашему патриотическому самолюбию.

Был третий час пополудни, как я от него вышел, получа письмо на имя Вашего Высокопревосходительства.

Мирза-Мехмед-Али угощал меня обедом против их обыкновения, ибо обедают с захождением солнца. Потом потчевал меня в своей палатке Мехмед-Гуссейн-Хан, Эшик-Агаси. Внимание, приветливости и лесть расточали передо мною с избытком. Я бывал у них, живал с ними в мирное время, в приязни, и никогда не видел подобного приема ни себе, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнейшему чиновнику союзной с нами державы.

Чурский лагерь обширен, но палатки персидские требуют большого помещения, я полагаю, что у них тут от 7-ми до 8000 войска, в том числе 4 баталиона сарбазов неполные, я видел 10 пушек. Долина не обширная, при въезде в нее влево ущелье ведет к Гергерам, его охраняет Гассан-хан с курдами, вправо на Марандской дороге Али-Нага-Мирза, между ею и Хойскою лагерь Аббас-Мирзы. Возвращаясь от Каразиадина до первой воды $1^1/_2$ часа; оттудова до высоты, определяющей границу Чурса, где также вода, 3 часа, оттудова $2^1/_2$ часа езды до Аракса, верстах в 4-х выше Аббас-Абада.

Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, она ему тягостна и страшна; от повторенных неудачей все духом упали, все недовольны. В день моего прибытия от появления 10-ти конвойных казаков пикеты повсюду разбегались, едва могли собрать их. Сарбазы, которые у меня стояли в карауле, жалуются, что их не кормят. Керим-Бек-Султан их просто изъяснялся, что начальники у них глупцы, и они с ними пропадут. Несколько раз, несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика, скоро ли мир? Зачем мы их тревожим, и что война им ужасно надоела. Гаджи-Махсуд-Ага, присланный ко мне от Аббас-Мирзы, чтобы наведаться о моем здоровье, когда я ему сказал, что мы в нем уважаем человека, который служил при кн<язе> Цицианове, обрадовался и тотчас предложил готовность свою служить нам, и много рассказывал о недостатках и неустройстве в их войске. Этот человек может нам быть полезен, притом он не бежал, а с позволения генерала Ермолова удалился в Персию и ныне находится адъютантом при Аббас-Мирзе. Я поручил нашему Аббас-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими), которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам. Таков дух войска, о расположении управляющих государством Ваше Высокопревосходительство можете заключить из объяснения со мною Аббас-Мирзы. Все обмануты в своих ожиданиях. Наши, где только встретятся, разбиты и не испытывают щедрости Шаха, который теперь так же мало склонен рассыпать казну, как и в прежнее время. Мирза-Мехмед-Али нешуточно уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. 12 000 хальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману хальвар, тогда как он продает по 5-ти между народом.

Из униженного тона, с которым говорили со мною Аббас-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослепляются насчет сравнительного положения их сил с нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагаемых им условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском превозмогающие ныне голоса Алаяр-Хана и сардаря с братом, они еще твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины; первый поддерживает прежнее свое мнение и боится, что дело доходит до расплаты за ту войну, которой он главнейший возбудитель. Сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской об-

ласти, лишаются значительного источника их богатства. Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Адзербиджана, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем.

Стороною я, однако, узнал, что они готовятся к покушению на Аббас-Абад. Вероятно, что начальники не захотят долго держать в бездействии войска, которых, по разным слухам, у них 65 т<ысяч>, и можно наверное полагать до 45 т<ысяч>, потому что они тогда непременно разбегутся, не видя случая к грабежу и испытывая всякого рода недостатки. —

Надворный советник
Грибоедов.

Июля 30-го дня
1827 года.
Лагерь при селении
Карабаба.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

10 июля 1828. Тифлис

Июля 10-го дня 1828 года.
из Тифлиса.

Милостивый Государь
Константин Константинович.

Чувствительнейше благодарю Ваше Превосходительство за партикулярное письмо ваше от 19-го истекшего июня. Из официальных бумаг моих вы уже знаете о моем прибытии в Тифлис; я несколько на пути сюда был задержан недостатком конвоя на Линии и испорченностью дороги в горах.

Будьте спокойны насчет Персии. Официальных бумаг о сношениях наших с нею за последнее время я почти никаких не нашел, но столько узнал, чтоб приостановиться отсылкою курьера к Амбургеру. Граф Иван Федорович, между прочим, запретил ему отдавать Аббас-Мирзе портрет и ответ Государя Императора, до некоторого времени. Также здесь удержаны еще знаменитые пленники Гассан-хан и зять шахской, человек 70 офицеров и до 1500 рядовых персидских. Хойская провинция еще занята нашими войсками, и более 8000 семейств армянских переселены уже

по сю сторону Аракса, остальные за ними вслед выводятся. — Вот что с нашей стороны. — С персидской долго медлили ратификацией. Мир-Гассан-хана Талшинского генерал Раль еще не выжил из его ханства, и так далее. В прежние времена можно бы опасаться важнейших несогласий. Но теперь все это уладится просто, само собою.

Ратификация о сю пору должна уже прибыть к гр<афу> Паскевичу с возвращением его адъютанта; для сего предмета и хан, говорят, прибыл в Гумри, с которым я через три дни увижусь.

Говорил я с пленными, которым сообщение со всеми свободно, с муштеидом, имеющим верные сведения из Табриза, с архиепископом Нерсесом, прибывшим обратно от патриарха, которого он провожал, с Коцебу, только что возвратившимся из Тегерана; наконец, с целым городом: потому что я здесь всех знаю. Персия в таком истощенном положении, что не помышляет о войне ни с кем в свете, разве мы подадим ей способы восстать против Турции. Повиновения внутри государства очень мало: от этого не скоро и не всех выдают наших пленных. В замену и мы своих задерживаем. Говорят, что Амбургер в отчаянии от характера людей, с которыми имеет дело, они еще бесчестнее и лживее прежнего сделались после военных неудачей прошедшего и нынешнего года. Впрочем, нечему удивляться. Мы их устрашили, но не перевоспитали. И задача эта наскоро решиться не может. Амбургер, по частным слухам, действует очень умно и усердно. А я оттого не возвестил моего приезда сюда, чтобы не помешать ему. Хочу сперва узнать в Главной корпусной квартире, в чем дело? — pour ne pas tomber là comme une bombe*. Оттудова отправляю я вам проект моего письма к Абул-Гассан-Хану.

Секретно. На границе чума. Вот причина, которая могла бы меня задержать в карантине гораздо долее, чем Ваше Превосходительство бы думали. И тогда не пеняйте, если я в одно время в двух местах разом не буду. Либо в Персии величаться. Либо в Турции окуриваться.

Удивляюсь, куда девался конверт Вашего Превосходительства № 1117. Но здесь его нет ни на почте, ни в канцелярии. Также недостает газет № 68, 69, 70.

Удостойте меня поскорее присылкою кредитива. Иначе боюсь, что опять Его Сиятельство вице-канцлер и вы будете пенять мне, зачем не поспешаю в Персию. С чем же я явлюсь туда??? Также одолжите уведомлением, когда вещи могут прибыть в Зензелей, чтобы я до тех пор мог распорядиться отправкою туда надежного чиновника, и именно Дадашева.

Что прикажете делать с юными ориентальными дипломатами, которые цветут здесь, как сонные воды, в бездействии? Разве вы изволите ассигновать им особенное жалованье? Бероева можно будет со временем поместить на консульское место где-нибудь при Каспийском море. Шаумбург просится в отпуск. Лебедев! Кузьмин! Ваценко etc.* По прибытии в лагерь гр<афа> Ивана Федоровича обо всем донесу обстоятельнее Вашему Превосходительству.

Поручая себя в благосклонное внимание ваше, честь имею с чувством совершенной преданности пребыть

Вашего Превосходительства

всепокорнейший слуга
А. Грибоедов.

Тифлис. 10 июля 1828.

А д р е с:
Его Превосходительству
М<илостивому> Г<осударю>
Константину Константиновичу
Родофиникину.

---

* чтобы не упасть туда, как бомба (*франц.*).
** и т. д. (*франц.*).

К. К. РОДОФИНИКИНУ

11 июля 1828. Тифлис

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Честь имею донести Вашему Превосходительству, что я прибыл сюда в Тифлис, в ночь на 6-е сего месяца. На другой день поутру, я виделся с г<осподином> генерал-адъютантом Сипягиным, и любопытствовал узнать от него о последних сношениях наших с Тавризом и Тегераном, также был я в канцелярии г<осподина> главноуправляющего Грузиею, где думал найти бумаги касательно сего предмета; но все сведения мною собранные так недостаточны, что я никак не решился послать курьера в Персию с уведомлением о моем приезде, и почел нужным предварительно видеться с графом Паскевичем-Эриванским, к которому сего дня, 11-го июля, отправляюсь.

Я, не медля здесь нисколько, тотчас поспешил в действующий отряд, но местное начальство не могло решиться снабдить меня всем нужным к сей поездке, потому, что в течение 13-ти дней не было курьера от г<осподина> корпусного командира, и неизвестно было, останется ли он в Карсе, или придвинет войско свое ближе сюда к Ахалцыху, в сем последнем случае сообщение с ним открылось бы ближайшее. Теперь я отправляюсь давно учрежденным военным путем на Гумры, а оттуда далее чрез турецкую границу.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

Тифлис.
Июля 11-го дня
1828 года.
№ 1-й.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

11 июля 1828. Тифлис

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Честь имею донести Вашему Превосходительству, что по прибытии сюда в Тифлис, я принял в переводчики для персидского, татарского и армянского языков, поручика Шахназарова, служившего до сих пор в канцелярии г<осподина> главноуправляющего Грузиею, из коей он уже отчислен для определения к персидской нашей миссии, и коллежского регистратора Дадашева, состоящего в ведомстве Министерства Иностранных Дел Азиатского Департамента. — Поручика Шахназарова в качестве первого переводчика по окладу трехсот червонных в год, с обещанием, сверх того, ста червонных единовременного вознаграждения по истечении года, если буду им доволен; коллежского регистратора Дадашева в качестве второго переводчика, по окладу ста пятидесяти червонных в год: все сие из суммы 1200 червонных предоставленных мне на содержание переводчиков и курьеров.

Представляя на ваше благоусмотрение сделанное мною по сему предмету распоряжение, смею надеяться, что Ваше Превосходительство не откажетесь одобрить оное.

С истинным почтением и таковою же преданностию имею честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

Тифлис.
Июля 11 дня 1828 года.
№ 4.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

12 июля 1828. Тифлис

Июля 12-го 1828 года из Тифлиса.

Все недостающие пакеты, о которых я так беспокоился, сейчас получены, и я сажусь в коляску. Официально получите от меня извещение об этом из Гумров, если карантинные постановления там меня задержат, так как и здесь я, страха ради, прожил три дня лишних.

Покорно благодарю за содействие ваше к отправлению вещей моих в Астрахань. Но как же мне будет с посудою и проч<им>? Она мною нарочно куплена в английском магазине для дороги. Нельзя же до Тейрана ничего не есть. Здесь я в доме графа все имею, а дорогою не знаю, в чем попотчевать кофеем и чаем добрых людей.

Копию с Высочайшей грамоты я здесь оставляю и патент консульский для перевода. Аделунг при этом будет. Мальцева беру с собою. Но предупреждаю Ваше Превосходительство, что мне непременно надобно сюда воротиться, на 7 дней. Я, кроме пары платья, теперь ничего с собою не беру. А то мне окуркою все перепортят. Я думаю, что уже довольно бестрепетно подвизаюсь по делам службы. Чрез бешеные кавказские балки переправлялся по канату, а теперь поспешаю в чумную область. По словам Булгарина, вы, почтеннейший Константин Константинович, хотите мне достать именное повеление, чтобы мне ни минуты не медлить в Тифлисе. Но ради Бога, не натягивайте струн моей природной пылкости и усердия, чтобы не лопнули.

Здесь такая дороговизна, что мочи нет. Война преобразила этот край совершенно. Рублями серебром считают там, где платили прежде абазами, или, по-вашему, пиастрами. Зачем же вы, достойнейший мой начальник и покровитель, ускромили у меня жалованье более нежели на месяц? Здесь в казенной экспедиции получен указ, что я удовлетворен с 25-го апреля, а мне отпущено ipso facto* только с 2-го июня. Нельзя ли дополнить к концу года? Притом за что же Амбургер лишается того, что грудью заслуживает? Я знаю, что вы в Петербурге дружны и уважаемы всеми министерствами; напишите требование и поможете нам, грешным.

Извините, что так много говорю вам о своих карманных делах. О политических всегда буду доносить вам, как и Его Сиятельству вице-канцлеру, с тою целью, что вы не откажете способствовать к успешному прохождению моей должности искренними советами. Опытность ваша велика, а моя часто недостаточна.

Примите уверение в непритворном чувстве уважения и преданности беспредельной,

всепокорнейший слуга
Вашего Превосходительства
А. Грибоедов.

---

* фактически (*лат.*).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

Около 13 июля 1828. Шулаверы

13 Juillet 1828. Schoulavéra.

Monsieur le Comte. Arrivé à Tiflis j'ai été sur le point de venir vous trouver, quand, tout-à-coup, la nouvelle d'une maladie contagieuse, qui s'est propagée dans le corps que Votre Excellence commande, est venue jeter l'effroi en Géorgie, et m'a mis dans la plus grande indécision. J'ai pourtant pris la résolution de venir à votre quartier général, vu que je n'avais pu tirer aucun renseignement du général Sipiaghine, et qu'il ne se trouvait aucun antécédant à Tiflis, dans la chancellerie de Votre Excellence, sur nos relations les plus récentes avec Tauris et Téhéran. Le retard de mes lettres de créance m'a de même mis dans l'embarras sur le parti que je devais prendre; je les ai reçues, quand je montais en calèche pour me rendre auprès de Votre Excellence.

Au moment où j'ai l'honneur de vous adresser le présent office, je me trouve à Schoulavéra, à mi-chemin de Djélal-oglou, ce qui est encore bien loin du but de mon voyage. Les averses ont gâté les chemins, mes équipages ne peuvent bouger, et le manque des chevaux de relai me force de retourner à Tiflis. Je ne perdrai pas de temps pour refaire mes bagages, en remontant tous mes effets sur des chevaux de bât. Je supplie Votre Excellence de ne pas m'en vouloir pour ce retard. Comme j'ai des choses très graves à lui communiquer et que j'ai eu avis qu'un khan porteur du traité de paix ratifié de la part de S<a> M<ajesté> le Chah et sur le point de venir trouver Votre Excellence, je la prie de ne pas effectuer l'échange des ratifications avant mon arrivée auprès de sa personne, que je tâcherai d'accélérer autant qu'il me sera possible.

Veuillez de même m'informer à temps, si faire se peut, quel sera le terme de la quarantaine que j'aurai à subir en repassant la frontière, pour me rendre au lieu de ma destination.

Agréez etc.

Перевод с французского:

13 июля 1828. Шулаверы.

Граф. По прибытии в Тифлис я хотел тотчас же отправиться к вам, когда неожиданное известие о заразе, распространившейся в войсках возглавляемого вами корпуса повергло в ужас Грузию и поставило меня в полную нерешительность. Я однако собрался отбыть в вашу главную квартиру, поскольку не смог получить ни от генерала Сипягина, ни в канцелярии Вашего Сиятельства в Тифлисе никаких сведений относительно наших последних сношений с Тавризом и Тегераном. Задержка моих верительных грамот также ввела меня в замешательство относительно того, какое решение принять; я их получил, садясь в коляску, чтобы ехать к Вашему Сиятельству.

В настоящую минуту, когда я имею честь писать вам данное отношение, я нахожусь в Шулаверах, на полпути от Джелалоглу, что еще довольно далеко от цели моего путешествия. Дороги испорчены ливнями, мои экипажи не в состоянии продвигаться, а недостаток подставных лошадей вынуждает меня вернуться в Тифлис. Я не стану тратить время на переупаковку моей поклажи: отправлю вещи на вьючных лошадях. Умоляю Ваше Сиятельство не сердиться на меня за эту проволочку. Имея сообщить вам весьма важные сведения и узнав, что некий хан, следующий к вам с мирным трактатом, утвержденным Е<го> В<еличеством> Шахом, готов предстать перед Вашим Сиятельством, прошу вас не осуществлять обмен ратификациями до моего прибытия к вам, которое я по всей возможности постараюсь ускорить.

Соблаговолите также вовремя уведомить меня, если это возможно, о продолжительности карантинного очищения, которому я должен подвергнуться при переезде через границу на пути следования к месту моего назначения.

Примите и проч.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

16 июля 1828. Тифлис

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Высочайшую кредитивную грамоту на мое имя, в звании Полномочного в Персии министра, я имел честь получить, при отношении Вашего Превосходительства, от 12 июня за № 1128. О вручении оной, в свое время, Его Величеству Шаху, по правилам мне предписанным, я почту долгом донести, и также о исполнении всех прочих наставлений, при аудиенции у Аббас-Мирзы в Тавризе.

С совершеннейшим почтением и таковою же преданностию имею честь быть

Вашего Превосходительства

всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

№ 6.
Тифлис.
Июля 16 дня
1828.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

16 июля 1828. Тифлис

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Я получил открытый патент за государственной печатью, где генерального консула нашего в Тавризе, при отношении Вашего Превосходительства, от 12 июня за № 1129. Exequatur*, для дозволения г<осподину> Амбургеру беспрепятственно исполнять свою должность, я не упущу исходатайствовать у персидского министерства; о чем в свое время буду иметь честь донести Вашему Превосходительству.

С совершенным почтением и таковою же преданностию честь имею быть

Вашего Превосходительства

всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

№ 7.
Тифлис.
Июля 16 дня
1828.

---

* Следовательно (*лат.*).

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

26 июля 1828. Лагерь под Ахалкалаки

Monsieur le Comte.

M<onsieu>r le directeur du Département Asiatique m'ayant signifié l'ordre de Votre Excellence, pour que je me rende le plus tôt possible à mon poste, j'ai quitté Pétersbourg, aussitôt que j'eus reçu une partie des papiers relatifs à mon expédition. Ce n'est que 13 de juillet que j'ai en l'honneur de recevoir à Tiflis ma lettre de créance, je n'ai pourtant pas envoyé de courrier en Perse pour annoncer mon arrivée, n'ayant pu apprendre dans le temps, rien de positif sur nos relations les plus récentes avec Tauris et Téhéran.

M<onsieu>r Kotzebou, officier de l'État major, revenu de sa mission, qui consistait à nous faire rendre nos compatriotes prisonniers, se plaignit à moi du peu d'empressement que les Persans mettaient à leur extradition.

M<onsieu>r le général Sipiagin m'a communiqué un rapport concernant la khanat de Taliche où on avait été obligé d'employer les voies de force contre le khan de la Province qui ne voulait pas s'en déposséder aurement.

L'archevêque arménien Nerses, arrivé d'Etchmiadzin, m'a beaucoup parlé de l'émigration de 8000 familles arméniennes qui sont venues au de-là de l'Araxe pour être colonisées dans nos provinces. Par suite de celà Maraga, Salmas et Ourmia se trouvent à peu près dépeuplées, ce qui fait pour Abbas Mirza, selon le calcul financier des Persans une perte annuelle de 100.000 tomans de rente, on bien de 4 courours de capital, aussi en a-t-il été extrêmement peiné.

Hassan Khan, frère de ci-devant sardar d'Erivan, et Mehmed Emin khan, beau fils du schah, tout deux détenus prisonniers a Tiflis m'y vinrent voir, comme tant d'autres. J'appris d'eux que le traité selon les lettres qu'ils avaient fraichement reçues, était déjà ratifié par le schah, et qu'un envoyé d'Abbas Mirza devait, sous peu, le porter pour être échangé au quartier général du comte d'Erivan. J'ai dépêché un exprès à S<on> E<cellence> en l'invitant de retenir chez lui l'envoyé persan jusqu'à ce que j'aie pu me rendre à son camp, à Kars, dont l'accès était devenu dangereux, à la suite d'une maladie contagieuse que les prisonniers turcs y avaient importée, mais l'incertitude dans laquelle je me voyais sur les questions que nous agitons actuellement avec les Persans, ne me permit pas de rester longtemps à Tiflis. Je suivis de près ma dépêche au général en chef; arrivé à Gomuri, je trouvai que toute communication avec lui sur Kars était rompue, qu'il devait avoir opéré un mouvement sur Akhalkalak, et je joignis de suite un petit détachement de 600 hommes qui s'y portait, et avec lequel j'y suis

arrivé après que la place avait été emportée d'assaut. J'ai effectivement trouvé chez le Général en Chef Mirza Djafar, le porteur de la ratification persane ou Traité de Tourkmenichai qui va incessament être échangé contre la ratification de notre Cour. C'est avec le retour de cet envoyé que j'annonce à Abbas Mirza et à Aboul Hassan Khan ma prochaine arrivée en Perse.

Le ton de Mirza Djafar est le plus soumis du monde, ce n'est plus cette intrepidité de bonne opinion que ces gens avaient d'eux-mêmes, il affecte la plus grande docilité a tout ce qu'on exige de son maître. La mission a pour objet, outre l'échange des ratifications, la poursuite de quelques intérêts locaux, concernant l'indemnité des sujets persans, ci-devant propriétaires à Erivan.

M<onsieu>r Felcersam, aide de camp du général en chef qui avait été chargé de porter à Abbas Mirza le portrait et la lettre de Sa Majesté l'Empereur, est revenu de Téhéran, il m'a dit avoir été traité, partout en Perse, avec les marques de la plus grande distinction, et le Prince a mis beaucoup de faste à sa venue à la Cour, cherchant à montrer à son entourage, et au peuple même combien il était flatté des marques de bienveillance que Sa Majesté, notre gracieux Souverain, avait daigné lui accorder.

Le Schah a décidément refusé à différents envoyés turcs sa coopération dans les affaires qu'ils ont à débrouiller avec nous. Tout son conseil est parfaitement de son avis. Abbas Mirza va plus loin: il aurait sincèrement désiré porter la guerre à Bagdad, si on lui en garantissait la possession à l'avenir et qui plus est, si le Schah lui en donnait les moyens.

M<onsieu>r Ambourger ajoute dans sa dernière dépêche que le Prince est très affecté de ce que Sa Majesté l'Empereur n'a pas consenti à le recevoir tout de suite; qu'il brûle de se jeter aux pieds de Sa Majesté fût-ce même dans le camp russe; qu'il se sentirait très honoré si l'Empereur lui donnait accès auprès de sa personne entourée d'une pompe martiale au milieu des éclatantes victoires que Sa Majesté remporte maintenant sur les Turcs. Si j'ose émettre mon opinion à V<otre> E<xcellence>, je n'en crois rien, ce Prince, étant encore si peu raffermi dans son gouvernement, est très soucieux de regagner auprès de son père et de sa nation le crédit que ses revers ont beaucoup affaibli, un voyage aussi lointain lui serait pour le moment très difficile à entreprendre. Je suppose que toutes ces démonstrations ne sont qu'un pur étalage de dévouement à notre Auguste Souverain, à moins que les hommes et les choses n'ayant complètement changé en Perse, depuis la dernière guerre.

Reste toujours en question le paiement du 8-ème courour, pour l'évacuation conditionnelle de Khoi. Votre Excellence a été instruite à

plusieures reprises, par le général en chef des différentes propositions du prince à ce sujet. M<onsieu>r Ambourger désespère de pouvoir obtenir cette somme. D'un autre coté Mirza-Djafar m'assure que l'argent est prêt et que son maître ne manquera pas d'effectuer le paiement à l'échéance du terme: mais l'esprit d'Abbas Mirza est si changeant, que je ne saurais rien affirmer là-dessus à Votre Excellence me reservant de porter à Sa connaissance ce que je tiendrai de sûr à ce sujet une fois arrivé a Tauris. Quand au mode du paiement je me règlerai d'après les dernières instructions que V<otre> E<xcellence> a adressées au général comte d'Erivan, en date du 18 juin, du camp de Karassan.

En somme je suis enchanté de pouvoir rassurer V<otre> E<xcellence> sur nos relations avec la Perse, et sur la prudence et l'énergie avec laquelle les affaires ont été conduites jusqu'ici de notre côté, quoique l'honneur ne m'en revienne guère. Par un heureux hasard l'envoyé d'Abbas Mirza c'est trouvé à l'assaut d'Akhalkalak, et la forte impression que l'intrépedité de nos troupes a produite sur son esprit, vient très à propos rajeunir les souvenirs de l'année passé chez les siens, quand il sera de retour auprès de son gouvernement.

Pénétré de l'importance des intérêts qui occupent en ce moment l'attention de V<otre> E<xcellence> et qui ne peuvent que lui laisser peu de temps pour les affaires d'un ordre inférieur, je n'ose pas donner plus d'extention à mon rapport actuel, et même pour l'avenir, je tâcherai de me resserer dans les bornes encore plus circonscrites. Quant aux affaires courantes et commerciales de la mission qui m'est confiée, j'ai déjà adressé plusieurs offices au département Asiatique, ce que je continuerai de faire par la suite.

J'ai l'honneur d'être avec la plus respectueuse considération,

M<onsieur> le comte,

de V<otre> E<xcellence>
le très obéissant serviteur

Alexandre Griboyedof.

№ 10.

Au camp d'Akhalkalak.
le 26 juillet
1828.

Перевод с французского:

Граф.

Ввиду того, что г<осподин> директор Азиатского департамента объявил мне ваше распоряжение о моем скорейшем отправлении к месту моего назначения, я покинул Петербург как только получил часть бумаг, относящихся к моему отъезду. Только 13 июля я имел честь получить в Тифлисе верительную грамоту,

но я не отправил курьера в Персию, чтоб объявить там о моем приезде, т. к. не смог узнать за это время ничего положительного о наших самых недавних отношениях с Тавризом и Тегераном.

Г<осподин> Коцебу, офицер Генерального штаба, выполнив свою миссию, которая заключалась в том, чтоб возвратить наших пленных соотечественников, пожаловался мне на недостаток усердия со стороны персов в этом деле.

Генерал Сипягин сообщил мне донесение относительно Талышского ханства, где пришлось применить силу против хана этой провинции, который иначе не захотел уступить ее.

Армянский епископ Нерсес, прибывший из Эчмиадзина, много говорил мне насчет переселения 8000 армянских семейств, которые пришли из-за Аракса, чтобы поселиться в наших провинциях; вследствие этого Марага, Салмаст и Урмия почти обезлюдели, что для Аббас-Мирзы, согласно финансовому вычислению персов, составляет потерю в 100 000 туманов ежегодного дохода, или 4 курура капитала; это его чрезвычайно огорчило.

Хассан-хан, брат бывшего Эриванского сардара, и Мехмед Эминхан — пасынок Шаха, оба содержащиеся в качестве пленников в Тифлисе, навестили меня там, в числе многих других. От них я узнал, что договор, судя по письмам, недавно ими полученных, был уже ратифицирован Шахом и что посланный Аббас-Мирзы должен был в скором времени передать его для обмена в штаб-квартиру графа Эриванского. Я послал срочно донесение Е<го> П<ревосходительству>, советуя ему задержать у себя посланца-перса до тех пор, пока я не смогу прибыть в его ставку, в Карс, доступ куда стал опасным вследствие заразной болезни, занесенной туда пленными турками, но неизвестность, в которой я находился относительно вопросов, обсуждаемых нами в настоящее время с персиянами, не дала мне возможности долго оставаться в Тифлисе. Я отправился вслед за своей депешей к Главнокомандующему. Прибыв в Гумри, я обнаружил, что всякое сообщение с ним на Карс было прервано, что он должен был двинуться на Ахалкалаки, и я присоединился к маленькому отряду из 600 человек, который туда направлялся и с которым я и прибыл туда, уже после того, как эта местность была взята штурмом. Я действительно нашел у Главнокомандующего мирзу Джафара, подателя персидской ратификации или Туркманчайского договора, который немедленно будет обменен на ратификацию нашего Двора. Через этого возвращающегося посла я извещаю Аббас-Мирзу и Абул-Хассан-хана о моем скором приезде в Персию.

Тон Мирзы-Джафара самый преданный, уже нет в этих людях прежней самоуверенности, он проявляет совершенную покорность всему, что требуют от его повелителя. Миссия имеет своей задачей, помимо обмена ратификациями, рассмотрение некоторых вопросов местного интереса, касающихся вознаграждения персидских подданных, бывших собственниками в Ереване.

Г<осподи>н Фелькерзам — адъютант главнокомандующего, которому было поручено преподнести Аббас-Мирзе портрет и письмо Его Величества Императора, — вернулся из Тегерана; он говорил мне, что его принимали всюду в Персии с самым большим почетом и Принц устроил ему очень пышный прием при Дворе; этим он хотел показать окружающим и самому народу, насколько он был польщен выражениями благосклонности, которыми Его Величество — наш милостивый Государь — изволил его удостоить.

Шах решительно отказал разным посланцам-туркам в своем сотрудничестве в делах, которые им предстоит распутать с нами. Весь его Совет совершенно согласен с его мнением. Аббас-Мирза идет еще дальше: он искренно желал бы перенести войну в Багдад, если ему гарантируют владение им в будущем и еще лучше, если Шах представит ему для этого средства.

Господин Амбургер добавляет в своей последней депеше, что Принц очень огорчен, что Его Величество Государь не согласился его принять тотчас же, что

он горит желанием броситься к ногам Его Величества, пусть даже это будет в русском лагере, что он чувствовал бы себя очень польщенным, если б Император допустил его к своей особе, окруженной воинственным блеском славы побед, которые Его Величество Государь одерживает в настоящее время над турками. Если я осмелюсь изложить свое мнение В<ашему> С<иятельству>, я ничему этому не верю; поскольку этот Принц, еще так мало утвердившийся в своем правлении, очень озабочен тем, чтоб вернуть доверие своего отца и своей нации, сильно подорванное его неудачами, такой дальний путь ему в настоящую минуту очень трудно предпринять. Я полагаю, что все эти заявления являются всего лишь демонстрациями преданности нашему Августейшему Государю, или люди и обстоятельства совершенно изменились в Персии со времени последней войны.

Все еще не решен вопрос об уплате 8-го курура за условную эвакуацию из Хои. Ваше Сиятельство уже неоднократно были осведомлены Главнокомандующим о разных предложениях Принца на этот счет. Г<осподи>н Амбургер отчаивается в возможности получить эту сумму. С другой стороны мирза Джафар уверяет меня, что деньги готовы и что его повелитель не замедлит произвести уплату по истечении срока; но настроение Аббас-Мирзы столь переменчиво, что я не могу ничего утверждать с уверенностью, однако сообщу Вашему Сиятельству все, что узнаю верного по этому вопросу по прибытии в Тавриз. Что касается способа уплаты, я буду руководствоваться последними инструкциями, которые В<аше> С<иятельство> отправили графу Эриванскому от 18 июня из лагеря под Карассаном.

В целом я очень рад, что могу успокоить В<аше> С<иятельство> относительно наших сношений с Персией и того, с какой осторожностью и твердостью велись дела с нашей стороны, хотя моей заслуги в этом нет. Благодаря счастливой случайности, посланец Аббас-Мирзы присутствовал при штурме Ахалкалак, и сильное впечатление, которое произвела на него неустрашимость наших войск, очень кстати по его возвращении к своему правительству освежит у его соотечественников прошлогодние воспоминания.

Понимая важность тех интересов, которые привлекают в настоящее время внимание В<ашего> С<иятельства> и почти не оставляют времени для занятий делами более мелкого порядка, я не осмеливаюсь расширять далее настоящий мой доклад и в будущем постараюсь уложиться в еще более тесные рамки. Что касается текущих и коммерческих дел порученной мне миссии, я уже отправил несколько отношений в Азиатский департамент, что и буду продолжать в дальнейшем.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

Милостивый Государь,
В<ашего> С<иятельства>
покорнейший слуга
Александр Грибоедов.

№ 10
Лагерь под Ахалкалаки.
26 июля 1828.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

10 августа 1828. Тифлис

Милостивый Государь
князь Александр Гарсеванович.

Бывший у нас в плену Гассан-хан, который нынче обратно отправляется в Персию, просит меня на основании Тюркманчайско-

го трактата, чтобы в проезд его через Эривань позволили ему взять с собою тех из его прежних служителей с их семействами, которые сами того пожелают. Я полагаю, что Ваше Сиятельство можете, если таковые найдутся, дать им на то позволение, что же касается до мирзы Исмаила, о котором также Гассан-хан ходатайствует, то я не знаю, вправе ли вы сие исполнить, не донеся о том прежде всего начальству. Вам, я думаю, приличнее будет в таком же смысле отвечать ему, когда он сам вас о том просить будет, и я, со своей стороны, немедленно о сем сообщу Его Сиятельству графу Паскевичу-Эриванскому.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

Августа 10-го дня, 1828.
Тифлис.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

17 августа 1828. Тифлис

Милостивый Государь
Константин Константинович!

В бытность мою в лагере при Ахалкалаке принял я, к Персидской нашей миссии, состоявшего при канцелярии Е<го> С<иятельства> графа Паскевича-Эриванскаго, Министерства иностранных дел переводчика Ваценко, по окладу двухсот червонных в год. — Представляя на благоусмотрение Вашего Превосходительства сие распоряжение, имею честь быть с совершенным почтением и таковою же преданностию,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

№ 23-й.
Тифлис.
17 августа 1828.

Адрес:

Его Пре<восходительст>ву К. К. Родофиникину.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

17 августа 1828. Тифлис

Милостивый Государь
Константин Константинович!

По возвращении моем из лагеря под Ахалкалаками, я и секретарь Миссии г<осподин> Мальцев сильнейшею лихорадкою заплатили дань здешнему мучительному климату во время жаров; я, и по сих пор одержимый сею болезнию, не могу выходить из комнаты. Война отвлекла отсюда почти всех искусных врачей; таким образом, я должен ожидать выздоровления единственно от действия природы, без всякого пособия искусства. Это меня понуждает просить Ваше Превосходительство, чтобы вы обратили внимание на будущее положение наше в Персии, где в случае болезни моих чиновников или многочисленной прислуги мы уже совершенно должны отдаться на произвол климата и всех местных невыгодных обстоятельств.

Ваше Превосходительство, в бытность мою в С.-Петербурге, сами полагали назначение врача при Миссии необходимым; но при составлении штатов сие частию было упущено по скорому отъезду из столицы Его Сиятельства г<осподи>на вице-канцлера. Притом же вы весьма справедливо рассуждали, что назначение к Миссии человека, который только носит звание доктора медицины и еще не освоился с болезнями и с способом лечения в том краю, куда он посылается, не принесло бы никакой пользы.

При сем случае замечу еще, что отдаваться российским чиновникам в Персии в руки английских врачей совершенно неприлично: 1-е, потому, что мы, может быть, не всегда будем находиться с ними в одном месте; 2-е, они уже там пользуются слишком большим влиянием и уважением, чтобы по первому требованию быть готовыми к нашим услугам, и по большей части отказываются от платы за пользование, а сие налагает на российских чиновников некоторый род одолжения без всякой возможности быть им иначе полезными.

Надлежит присовокупить, что в политическом отношении учреждение врача при Миссии было бы весьма полезно для большего сближения с самими персиянами, которые не чуждаются пособий европейских докторов и открывают им вход во внутренность семейств и даже гаремов своих, в прочем ни для кого не доступных. — Во всех восточных государствах англичане сим способом приобрели себе решительное влияние; стоит только припомнить себе слабое начало Гюзератской компании, которая одному из своих врачей, счастливо вылечившему некоторого из соседних

индостанских державцев, обязана была уступкою в ее пользу значительных владений, которые потом, постепенно возрастая, в наше время доставили Англии владычество над всею Восточною Индиею. — Еще ныне в самой Персии ирландец г<осподин> Кормик, лейб-медик Аббас-Мирзы, решительно владеет умом его и всеми намерениями. Г<осподин> Макниль в Тегеране тем же кредитом пользуется во дворце самого Шаха. Он теперь несколько дней находится в Тифлисе, и я в частых с ним разговорах изумлялся глубоким познаниям этого человека о малейших интересах и соотношениях того государства, в котором он уже несколько лет пребывает в качестве доктора английской миссии и придворного врача Его Величества Шаха. — Смело могу уведомить Ваше Превосходительство, что никакой дипломат не может достигнуть сего обыкновенными путями без вспомогательных средств той полезной науки, которая г<осподину> Макнилю повсюду в Персии доставила вход беспрепятственный. —

По сим причинам честь имею представить на благоусмотрение Вашего Превосходительства об определении к миссии служащего ныне в Астрахани городовым лекарем доктора медицины г<осподина> Александра Семашко. Я об нем уже много был наслышан в С.-Петербурге от торгующих там персиян и от некоторых наших чиновников, долго проживавших в Астрахани. Все согласно признавали, что он совершенно ознакомился со способом лечения болезней в жарких климатах, и азиатские жители Астрахани возымели к нему полное доверие. Я только в сомнении, согласится ли г<осподин> Семашко покинуть Россию для употребления себя на службу Его Императорского Величества в краю чужом, скучном, не представляющем никакой приманки для человека с талантом, в Персии, коей имя даже пугает самых отважнейших искателей случаев отличиться и сделаться известными правительству своим усердием и способностями. — Я списался с вышеупомянутым доктором и ныне имею его решительное согласие быть употребленным при Миссии, если на то только будет согласно мое начальство. Прошу Ваше Превосходительство, приняв в уважение изложенные мною причины, подкрепить оные при Его Сиятельстве г<осподине> вице-канцлере сильным вашим содействием. Полагаю, что оклад 600 червонных будет достаточен для безбедного прожитка г. Семашки в Персии, также на инструменты и другие вещи, необходимые в практике его искусства. — Что же касается до ежегодных издержек на лекарства, то Ваше Превосходительство сами примерно лучше меня можете определить, какая для сего сумма будет потребна на 50 человек прислуги и казаков, при мне находящихся включительно. К сему надоб-

15 Заказ № 1590

но приобщить такое или большее еще число природных персиян всякого звания, которые будут прибегать к нашему врачу с просьбами о их пользовании.

Буду ожидать, что Ваше Превосходительство не откажетесь почтить меня по сему предмету скорейшим благосклонным уведомлением.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
Александр Грибоедов.

№ 24-й.
Тифлис.
17-го августа 1828.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

20 августа 1828. Тифлис

Monsieur le Comte!

Mirza-Djafar, porteur de la ratification persane, avant de la remettre entre les mains du général comte Paskévitch, avait cru pouvoir assujettir cet acte à de certaines conditions, telles que l'évacuation de Khoi, la permission à Abbas-Mirza de se rendre incessamment au quartier général de Sa Majesté l'Empereur, la restitution des propriétés immobilières des khans et begs persans, ci-devant domiciliés à Erivan et Nachtchévan, après être vendues à leur profit, ceci comme de droit. Il était évident que ces prétentions, ainsi que d'autres d'une moindre importance, provenaient en partie de l'empressement qu'on avait mis de notre côté à l'échange des ratifications. J'ai observé à l'envoyé d'Abbas-Mirza, qu'ayant retardé à peu près de deux mois l'exécution d'un article simple en lui-même, il me paraissait du moins inconvenant que le ministre persan élevât de nouvelles difficultés a ce sujet; que si lui l'entendait autrement, il n'avait qu'à s'en retourner et remporter la ratification de sa Cour, mais s'il la remettait en dûe forme au général en chef, il n'aurait qu'à s'expliquer ensuite sur ses demandes qu'il me mentionnait, et qu'on les prendrait immanquablement en considération, selon les raisons plus ou moins valables qu'il alléguerait en leur faveur. Mirza-Djafar se rendit à ce raisonnement, et la ratification persane a été déposée à la chancellerie du général, jusqu'à nouvel ordre de V<otre> E<xcellence> pour être envoyée au quartier général de S<a> M<ajesté>

l'Empereur, ou à S.-Pétersbourg. Quant à la nôtre je me suis réservé de la remettre moi-même à Abbas-Mirza, arrivé de Tauriz, pour que cet acte acquière par une nouvelle solennité un plus grand poids aux yeux des Persans, qui, sans cela, n'y verraient qu'une formalité sans conséquence.

Concernant le voyage en Russie d'Abbas-Mirza, j'ai déjà écrit en Perse tout ce qu'on pouvait dire sur ce sujet, pour l'en détourner à l'heure qu'il est, et je crois qu'il laissera là son projet jusqu'à une époque plus favorable.

Quant à l'évacuation de Khoi on ne peut trop presser cette affaire. La division qui l'occupe serait de la plus grande utilité dans les conjonctures actuelles, et on pourrait l'employer beaucoup plus activement dans les pachaliks, où j'ai été témoin du nombre insuffisant de nos troupes. Il n'y a vraiment que le prestige de nos succès qui en impose à l'ennemi... Aussi le paiement du 8-me courour étant une condition essentielle qui doit être impérativement remplie, je m'étais proposé d'y employer toute mon assiduité, si tôt que je serais arrivé dans le pays, mais de retour à Tiflis du camp d'Akhalkalaki, je fus attaqué d'un mal aigu, une fièvre ardente qui ne me laisse pas de relâche, je ne saurais préciser à V<otre> E<xcellence> quand je pourrai me mettre en marche, mais sitôt que je me sentirai pour cela les forces rigoureusement nécessaires, je n'attendrai pas même mon entier rétablissement pour partir.

J'ai adressé en attendant les instructions les plus détaillées à notre consul sur la manière dont il devrait s'y prendre pour que le paiement de la dite somme se fit un moment plus tôt. J'ai même tâché d'utiliser ma maladie, en faisant entendre à Abbas-Mirza que si je tardais à me rendre en Perse, il ne devait l'imputer qu'à l'embarras où je me trouvais de venir auprès du Chah lui faire des protestations d'amitié de la part de mon gouvernement et lui porter la lettre la plus affectueuse qu'un souverain ait écrite à un autre, tandis qu'on s'obstinait en Perse à ne pas remplir, de leur côté, l'engagement le plus positif, le plus fondamental du traité de paix récemment conclu. C'est dans ce sens même que je me suis expliqué avec M<onsieu>r Maknill que j'ai trouvé ici à mon retour du camp, et qui vient de repartir pour la Perse il y a 3 jours. Lui qui est plus écouté du Chah que les ministres mêmes, a paru m'avoir cru. Il n'y a aucun doute qu'il ne revise mon propos tel qu'il l'a entendu de moi, il m'a de plus assuré qu'Abbas-Mirza ne se trouve maintenant à Hamadan que dans l'intention d'y compléter par de nouveaux impôts et quelques emprunts forcés la somme qu'il sait nous devoir être payée, sans quoi le territoire de Khoi ne sera jamais affranchi de l'occupation de nos troupes, qui pèse sur lui. Cependant j'ai l'honneur de soumettre à

Votre Exc<ellence> le dernier rapport ci-joint de M<onsieu>r Ambourger au Général en Chef concernant la somme précitée, qui n'est rien moins que satisfaction, j'observerai pourtant qu'il est antérieur à l'instruction que je lui ai envoyée.

Une autre dépêche de M<onsieu>r Ambourger ci-annexée fait mention des moyens illicites qu'Abbas-Mirza emploie pour faire passer du Taliche dans ses domaines une partie de notre population. Cela provient, à mon avis, de la manière fautive des deux côtés d'envisager et de vouloir forcer le sens de l'article XIV du Traité qui porte: «Concernant la masse de la population dans les deux pays que les sujets respectifs qui auraient passé, ou qui passeraient à l'avenir d'un Etat dans l'autre, seront libres de le faire». C'est de cette phrase qu'on s'est étayé pour faire passer la frontière à plusieurs milles familles arméniennes, qui ont quitté l'Aderbéjan pour venir s'établir chez nous, émigration nombreuse qu'on n'a pas certainement prévue au moment de signer le traité et qui a été instiguée par le zèle national et religieux du colonel Lazareff et de quelques missionnaires d'Etchmiadzin. Abbas-Mirza voudrait de même provoquer sourdement une émigration du Taliche dans les provinces qui lui appartiennent. Du reste les derniers rapports du général major Rall font foi que la province nous est complètement soumise, la population tranquille et le khan rebelle chassé loin de là. Je prends la liberté de transmettre ci-joint la dépêche de M<onsieu>r Ambourger uniquement, parce que j'ai reçu ce matin un papier très pressant du général en chef, pour que j'en fasse mon rapport à V<otre> E<xcellence> dans le moindre délai.

Le général a de même insisté pour que la délimitation se fît cette année encore. Je n'ai pas été tout a fait de son avis, car la saison est déjà très avancée dans les régions hautes du Taliche et nos affaires avec la Turquie nous empêchent de soutenir par une attitude imposante nos droits à l'égard de la Perse, la question du 8-me courour et de l'évacuation simultanée de Khoi me paraissant déjà trop importante pour qu'on pût l'embarasser des affaires d'un intérêt également grave, mais d'une nature différante. Cependant les commissaires de notre part étaient déjà nommés et le g<énéral> n'ayant pas voulu différer la chose, je me suis empressé d'écrire à notre consul pour l'inviter à influencer le choix de ceux qui seraient nommés à cet effet par le gouvernement persan. L'essai ne sera pas infructueux peut-être. On aura fait une partie des levées et commencé les interminables pourparlers avec Abbas-Mirza et ses agents pour la frontière, autant de gagné pour l'année prochaine.

J'ai amené ici avec moi Mirza-Djafar et j'ai tâché que les prisonniers persans lui fussent remis tout de suite, condition que le

g<énéral> en chef s'était antérieurement imposée et qu'il avait promis de remplir tout de suite après l'échange des ratifications. Ils ont été équipés et renvoyés dans l'espace de quelques jours. Le g<énéral> Sipiagin y a mis beaucoup de bonne volonté. Je tiens que si nous exigeons des Persans une stricte observance de leurs engagements, il faut que nous leur en montrons nous-même l'exemple pour ce qui nous regarde.

On peut dire en définitive qu'il y a du bon et du mauvais dans nos affaires avec la Perse maintenant comme toujours. Leur moral n'a pas changé — c'est le même manque de loyauté, de la négligence, de la mauvaise foi, quand il s'agit de remplir leurs obligations, mais pour des sentiments et des projets hostiles à notre égard, je crois pouvoir affirmer sans hésitation à V<otre> E<xcellence> qu'ils en sont très loin et qu'on peut être parfaitement tranquille la-dessus, et pour longtemps.

Plût à Dieu que je puisse en dire autant de ma santé si dérangée qu'elle me met au désespoir, en m'ôtant les moyens d'être aussi zélé et utile au service de Sa Majesté l'Empereur que je l'aurais dû et désiré.

J'ai l'honneur d'être avec la plus respectueuse considération,

M<onsieu>r le Comte,

de Votre Excellence le très obéissaant serviteur

Alexandre Griboyedof.

№ 26.
Tiflis.
le 20 août 1828.

Перевод с французского:

Граф!

Мирза-Джафар, податель персидской ратификации, прежде чем вручить ее генералу графу Паскевичу, счел возможным выдвинуть определенные условия, такие как: эвакуация из Хои, разрешение Аббас-Мирзе немедленно отправиться в главную квартиру Его Императорского Величества, возвращение недвижимой собственности персидских ханов и беков, прежде проживавших в Эривани и Нахичевани, для ее продажи в их пользу, последнее — по праву. Совершенно очевидно, что эти требования, как и другие, менее значительные, отчасти были обусловлены поспешностью, которую наша сторона проявила в вопросе об обмене ратификациями. Я заметил посланнику Аббас-Мирзы, что мне представляется по меньшей мере неприличным тот факт, что, задержав почти на два месяца выполнение простого по сути пункта, персидский министр создает новые трудности в этой сфере; что, если он понимает это иначе, ему только остается уйти, забрав ратификацию своего Двора, но если он ее в должной форме передаст Главнокомандующему, ему нужно будет затем только объяснить свои требования, о которых он мне упомянул, и что их непременно примут во внимание, учитывая

более или менее веские основания, которые он выдвинет в их подтверждение. Мирза-Джафар уступил этому доводу, и персидская ратификация была передана в канцелярию генерала до нового распоряжения В<ашего> Пр<евосходительства>, чтобы отправить ее в главную квартиру Е<го> Императорского Вел<ичества> или в С.-Петербург. Что касается нашей ратификации, я счел возможным передать ее Аббас-Мирзе, по прибытии его из Тавриза, для того чтобы этот акт получил, благодаря особой торжественности, больший вес в глазах персов, которые в противном случае увидят в нем пустую формальность, не имеющую большой важности.

О том, что касается путешествия Аббас-Мирзы в Россию, я уже писал в Персию все, что можно сказать по этому поводу, чтобы отговорить его от этого в настоящее время, и я думаю, он отложит свое намерение до более благоприятного случая.

Что же касается эвакуации из Хои — нельзя слишком спешить с этим делом. Дивизия, которая его занимает, в настоящих обстоятельствах могла бы быть очень полезной, с гораздо большей выгодой ее можно было бы использовать в пашалыках, где я был очевидцем недостаточной численности наших войск. Ведь только авторитет наших успехов вводит в заблуждение врага... Поскольку выплата 8-го курура является главным условием, которое должно быть обязательно выполнено, я предложил употребить все мое усердие, как только я прибуду в страну, но по возвращении из лагеря Ахалкалак в Тифлис меня сразила сильная болезнь, яростная лихорадка, которая меня не отпускает; я не могу сообщить В<ашему> Пр<евосходительству>, когда буду в состоянии отправиться в путь, но как только почувствую, что имею для этого достаточные силы, я не стану для отъезда ждать полного выздоровления.

Тем временем я передал нашему консулу самые подробные инструкции насчет того, что нужно предпринять, чтобы выплата названной суммы была осуществлена немного раньше. Я даже постарался использовать свою болезнь, дав понять Аббас-Мирзе, что если я запоздаю с моей поездкой в Персию, он должен будет винить в этом только стесняющие меня обстоятельства, мешающие мне предстать пред Шахом с выражением дружбы от имени моего правительства и передать ему самое сердечное послание, которое когда-либо один монарх писал другому, в то время как в Персии упрямо не хотят выполнить самое положительное, основное обязательство мирного договора, недавно заключенного. В таком же смысле я объяснился с г<осподином> Макнилем, которого нашел здесь по возвращении из лагеря и который три дня тому назад снова вернулся в Персию. Он, кого Шах слушает больше своих министров, похоже, мне поверил. Вне всякого сомнения он будет перепроверять услышанную от меня версию, к тому же он уверял меня, что Аббас-Мирза находится сейчас в Хамадане исключительно с намерением пополнить там новыми налогами и некоторыми принудительными займами сумму, которая, как ему известно, должна быть нам выплачена, иначе территория Хои никогда не будет освобождена от оккупации нашими войсками, а это его угнетает. Тем временем я имею честь передать Вашему Прев<осходительству> последний рапорт (при сем прилагаемый) г<осподина> Амбургера Главнокомандующему относительно вышеупомянутой суммы, и он далеко не удовлетворителен; замечу однако, что он составлен раньше инструкции, которую я ему послал.

Другая депеша от г<осподина> Амбургера (при сем прилагаемая) упоминает о недозволенных способах, которые Аббас-Мирза использует для того, чтобы переправить из Талыша в свои владения часть нашего населения. Это происходит, по моему мнению, из-за ошибочного с обеих сторон понимания и желания извратить смысл статьи XIV Соглашения, которая гласит: «Что касается населения двух стран, подданные каждой страны, которые перешли или перейдут в будущем из одного государства в другое, свободны это делать». Этой фразой вос-

пользовались, чтобы провести через границу несколько тысяч армянских семей, которые оставили Адербейжан, чтобы обосноваться у нас, — многочисленная эмиграция, которую, конечно, не предвидели в момент подписания договора и которой способствовало национальное и религиозное усердие полковника Лазарева и некоторых миссионеров из Эчмиадзина. Аббас-Мирза хотел бы также тайно вызвать эмиграцию из Талыша в провинции, которые ему принадлежат. Впрочем, последние рапорты генерал-майора Ралля свидетельствуют о том, что провинция нам полностью подчинена, население спокойно, а мятежный хан — изгнан оттуда далеко. Я осмеливаюсь передать только прилагаемую при сем депешу от г<осподина> Амбургера, потому что я сегодня утром получил очень срочную бумагу от главнокомандующего, с тем чтобы я по ней в кратчайший срок составил мой рапорт В<ашему> П<ревосходительству>. Генерал также настаивает, чтобы исправление границ было проделано еще в этом году. Я не совсем с ним согласен, так как в горных районах Талыша стоит уже осенняя погода, а наши дела с Турцией мешают нам поддерживать наши права в отношении Персии действиями, внушающими уважение, поскольку вопрос 8-го курура и одновременной эвакуации из Хои и так кажется мне слишком важным, чтобы можно было затруднять его делами столь же значительными, но совсем другого свойства. Однако уполномоченные с нашей стороны были уже названы, и, поскольку генерал не желает откладывать дело, я поторопился написать нашему консулу, чтобы предложить ему повлиять на выбор тех, кто будет назначен для этой цели персидским правительством. Попытка, может быть, будет небесплодна. Мы примем участие в сборе налогов и начнем нескончаемые переговоры с Аббас-Мирзой и его уполномоченными насчет границы — и этого достаточно к будущему году.

Я привез сюда с собой Мирзу-Джафара и постарался, чтобы персидские пленники были ему тотчас же выданы — условие, которое гл<авнокомандующий> ранее взял на себя и которое он обещал выполнить тотчас же после обмена ратификациями. Они были экипированы и отправлены в течение нескольких дней. Г<енерал> Сипягин проявил в этом деле большое усердие. Я считаю, что если мы требуем от персов точного соблюдения их обязательств, мы должны сами показать им пример в том, что касается нас.

Подводя итоги, можно сказать, что в наших отношениях с Персией есть как хорошие, так и плохие стороны, впрочем, как и всегда. В нравственном отношении они не изменились — все тот же недостаток честности, та же небрежность, недобросовестность, когда речь идет о выполнении их обязательств, но, что касается враждебных нам чувств и намерений, думаю, могу без колебаний уверить В<аше> П<ревосходитсльство>, что они далеки от этого, и можно быть абсолютно спокойными на этот счет и надолго.

Дай Бог, чтобы я смог сказать то же о своем здоровье, столь расстроенном, что оно приводит меня в отчаяние, лишая меня возможности быть настолько усердным и полезным на службе Его Императорского Величества, каковым я бы должен и хотел бы быть.

Честь имею быть с самым почтительным уважением, граф,

Вашего Превосходительства
всепокорнейшим слугой
Александр Грибоедов.

№ 26.
Тифлис.
20 августа 1828.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 августа 1828. Тифлис

Revenu du camp d'Akhalkalaki, je fus attaqué d'une fièvre quaterne qui ne m'a pas donné de relâche: il ne m'a pas été possible jusqu'ici, non seulement de me mettre à cheval pour aller en Perse, mais même de quitter ma chambre.

J'ai eu l'honneur de recevoir l'office que Votre Excellence a bien voulu m'adresser en date du 13 août, sub № 292, ainsi que les deux rapports de notre consul en Perse qui y étaient annexés. Je les ai tout de suite portés à la connaissance de m<onsieu>r le vice-chancelier, comme Votre Excellence me l'a expressément recommandé, mais les circonstances ont changé depuis: un courrier de Tauris m'a apporté les dispositions de la cour de Perse, concernant le paiement du 8-e courour.

1) 250 m<ille> tomans vont être payés en argent comptant, et cela tout de suite; cette somme devait déjà être envoyée à Khoy le 17 courant.

2) Pour 100 m<ille> tomans la garantie du ministre d'Angleterre, la somme même payable dans deux mois, à dater du 15 août, que si le gouvernement Persan ne remplissait pas exactement cette clause, le ministre d'Angleterre prend sur lui le paiement de la somme précitée à l'échéance du terme convenu: nommément le 15 octobre prochain.

3) Pour les 150 m<ille> tomans de reste, le ministre de Russie accrédité près la cour de Perse recevra en pierreries la valeur de 200 m<ille> tomans, ce qui fait 50 m<ille> tomans de plus que la somme requise, l'argent même payable au terme sus-mentionné. Les troupes russes continueront d'occuper jusqu'alors le territoire de Khoy, si Votre Excellence le juge à propos.

En cas que le gouvernement Persan ne réaliserait pas le paiement des 150 m<ille> tomans restants, les pierreries restent en toute propriété à notre gouvernement. Elles ne seraient reçues en aucun cas par nos fonctionnaires avant d'avoir été estimées à leur juste valeur — 200 m<ille> tomans. Une considération purement locale me semble assez urgente pour être proposée à Votre Excellence. Les Persans se font forts de nous fournir 10,000 halvars de blé, au prix du bazar de Tauris, pour une partie des pierreries, si cela était agréé de notre part. J'ai entendu, que les familles arméniennes qui ont passé chez nous manqueraient des moyens de subsistance pour l'hiver prochain. De plus, l'approvisionnement des troupes qui tient si fort à coeur à Votre Excellence, recevrait un renfort assez substantiel par cette mesure. En cas qu'elle serait approuvée par Votre Excellence, je l'aurais priée de m'en informer à temps, ainsi que des moyens à adopter pour le transport, soit qu'il tomberait exclusivement à la charge des Persans,

ou bien qu'il serait effectué par des dispositions administratives qu'aurait prises celui qui commande à Khoy. Je suis fermement persuadé que le ministère Impérial consentira à ces dernières propositions de la cour de Perse, trop avantageuses pour être refusées, mais je me suis abstenu d'en faire mon rapport à m<onsieu>r le vice-chancelier, avant de connaître les sentiments de Votre Excellence à ce sujet.

J'étais déjà antérieurement informé par le docteur Macknill, que j'ai trouvé ici à mon retour d'Akhalkalaki, des mesures vigoureuses qu'Abbas-Mirza employait à Hamadan, où il se trouve actuellement pour réaliser en partie la somme qu'il sait devoir nous être payée pour l'évacuation tant désirée de Khoy. Il faut rendre justice à l'héritier du trône de Perse, que sa conduite devient de plus en plus régulière à notre égard: c'est lui qui a accéléré l'envoi de la ratification, je viens de recevoir encore la nouvelle officielle, que le commissaire pour la délimitation est déjà nommé: c'est Mirza-Massoud, dont la probité et les bonnes manières sont connues. Nul doute que les succès non interrompus des troupes, qui sous le commandement de Votre Excellence se familiarisent avec les triomphes les plus éclatants, la prise de cinq forteresses dont la frontière turque était hérissée de ce côté, la défaite d'une nombreuse armée ennemie en bataille rangée; enfin la célérité, la décision et la valeur innouies déployées dans cette troisième campagne, dont le génie de Votre Excellence vient d'illustrer les fastes militaires de l'Empire, — sont les arguments irrésistibles qui ont réagi sur la Perse, et ont décidé un peu plus de leur moral en faveur de la justice et de l'observance de leurs obligations envers la Russie.

Je ne puis assez vous exprimer, Monsieur le Comte, mes remerciemens pour le bulletin de votre dernière victoire, que vous avez daigné me communiquer.

Agréez mes sincères félicitations sur tout ce qui arrive de beau et de glorieux à vous, et à tous ceux qui ont le bonheur de suivre vos drapeaux,

et veuillez recevoir les assurances de la respectueuse considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc.

A. Griboyédoff.

№ 27.
Teflis.
23 août 1828.

Перевод с французского:

По возвращении из лагеря под Ахалкалаками, со мной случился жестокий приступ лихорадки, который длился без передышки: у меня не было никакой

возможности до сих пор не только сесть на лошадь, чтобы отправиться в Персию, но даже выйти из комнаты.

Я имел честь получить ваше отношение, которое Ваше Сиятельство соблаговолили адресовать мне, датированное 13 августа за№ 292, так же как и оба рапорта нашего консула в Персии, которые к нему были приложены. Я тотчас же ознакомил с их содержанием г<осподина> вице-канцлера, как Ваше Сиятельство настойчиво мне советовали, но обстоятельства изменились с тех пор: курьер из Тавриза привез мне намерения персидского двора касательно уплаты восьмого курура:

1) 250 т<ысяч> туманов будут выплачены наличными деньгами незамедлительно; эта сумма должна уже была быть послана в Хой 17 текущего месяца.

2) Что касается 100 т<ысяч> туманов, то они гарантированы английским министром и подлежат уплате в течение двух месяцев, считая с 15-го августа. Если персидское правительство не выполнит в точности этого пункта статьи, английский министр берет на себя уплату вышеуказанной суммы в обусловленный срок, а именно 15-го будущего октября.

3) Остальные 150 т<ысяч> туманов полномочный российский министр при персидском дворе получит драгоценными камнями, оцениваемыми в 200 т<ысяч> туманов, что составляет на 50 т<ысяч> больше требуемой суммы, каковая подлежит уплате в упомянутый срок. Русские войска будут продолжать оккупацию территории Хоя, если Ваше Сиятельство найдете это нужным.

В случае, если персидское правительство не реализует платеж этих 150 т<ысяч> туманов, драгоценные камни остаются в полной собственности нашего правительства. Они ни в коем случае не будут приняты нашими чиновниками прежде, чем будет установлена их действительная стоимость в 200 т<ысяч> туманов. Одно соображение, чисто местного характера, кажется мне столь важным, что я должен представить его на усмотрение Вашего Сиятельства. Персия в состоянии снабдить нас 10,000 хальваров пшеницы, по цене тавризского рынка, взамен части драгоценных камней, если последует согласие с нашей стороны. Я слышал, что армянским семьям, переселившимся к нам, не хватает средств существования к предстоящей зиме. Более того, снабжение провиантом войск, которое так сильно беспокоит Ваше Сиятельство, получит подкрепление, достаточно существенное, благодаря этой мере. В случае, если эта мера будет одобрена Вашим Сиятельством, я просил бы вас уведомить меня об этом вовремя, а также о средствах транспорта, — будет ли он вменен исключительно в обязанность персам, или же он будет осуществлен административным порядком лицом, командующим в Хое. Я твердо убежден, что Императорское министерство согласится на эти последние предложения персидского двора, слишком выгодные для того, чтобы от них отказаться; но я воздерживаюсь доложить об этом г<осподину> вице-канцлеру, прежде чем узнаю ваше мнение об этом предмете.

Я был уже заранее осведомлен доктором Макнилем, которого нашел здесь по моем возвращении из Ахалкалак, об энергичных мерах, предпринятых Аббас-Мирзой в Хамадане, где он в настоящее время находится, чтобы реализовать частично ту сумму, которую, как ему известно, он должен выплатить нам за столь желанную эвакуацию Хоя. Надо отдать справедливость наследнику персидского престола в том, что он поступает все более добропорядочно по отношению к нам. Это именно он ускорил отправку ратификации. Я только что получил также официальное сообщение, что комиссар по разграничению уже назначен: это Мирза-Массуд, честность и прекрасные манеры которого хорошо известны. Нет никакого сомнения в том, что беспрерывные успехи войск, находящихся под командой Вашего Сиятельства, сопровождаемых самым блистательным триумфом, взятие пяти крепостей, которые подымались по сию сторону турецкой границы, поражение многочисленной неприятельской армии в генеральном сражении, наконец, быстрота, решительность и изумительная доблесть, развернутая в

этой третьей кампании, в которой гений Вашего Сиятельства прославил военную мощь Империи, — являются неотразимыми аргументами, воздействовавшими на Персию и склонившими ее в сторону справедливости и соблюдения обязательств по отношению к России.

Я не могу в достаточной степени выразить, Граф, мою признательность за бюллетень вашей последней победы, который вы соблаговолили сообщить мне.

Примите мои искренние поздравления по поводу всего прекрасного и славного, выпавшего на долю вашу и тех, кто имеет честь служить под вашими знаменами, и соблаговолите принять уверение в почтительном уважении, с которым имею честь пребывать, и проч.

А. Грибоедов.

№ 27.
Тифлис.
23 августа 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

7 сентября 1828. Тифлис

Милостивый Государь граф Иван Федорович!

Генеральный консул наш в Таблизе препроводил ко мне, для поднесения Вашему Сиятельству, счет сделанных им экстраординарных издержек во время заведования им нашими персидскими делами в качестве комиссара, Вашим Сиятельством при особе Аббас-Мирзы оставленного. Честь имею при сем заметить, что из числа суммы 3885 червонных мною уже получены от Вашего Сиятельства для уплаты г<осподину> Макдональду, у которого надворный советник Амбургер их занял.

Но я, по недостатку верного чиновника, с которым бы можно оную сумму отправить в Тавриз, оставил ее у себя. Кроме счета самого Амбургера, присовокуплены такие же г<оспод> Иванова, Коцебу и Фелькерзама; последний занял еще у г<осподина> Амбургера 200 червонных. Ваше Сиятельство усмотрите из письма ко мне генерального консула нашего в Персии, в копии при сем прилагаемого, причины, оправдывающие расходы по его службе.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Грибоедов.

Сентябрь 7-го дня, 1828.
Тифлис.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

8 сентября 1828. Тифлис

Отношение 44
8-го сентября 1828-го. Тифлис

По прибытии моем из С.-Петербурга в Тифлис, я нашел здесь переводчика поручика Шахназарова, назначенного Вашим Сиятельством к определению при персидской миссии, которого я вследствие сего и причислил к своей канцелярии с 6-го числа июля текущего года, с которого времени он получает жалование по окладу 300 черв<онных> в год.

Сей чиновник, во время персидской кампании, был прикомандирован к ген<ерал>-адъют<анту> Бенкендорфу; а в продолжение Дейкарганских и Туркменчайских переговоров деятельно упражнялся в переводах в собственной канцелярии Вашего Сиятельства, за что и был представлен к годовому окладу и следующему чину; но в отношении Его Сиятельства вице-канцлера об отпуске чиновникам высочайше пожалованных денег, в награду, имя Шахназарова пропущено. Вследствие чего, Ваше Сиятельство, от 6-го июня нынешнего года, благоволили повторить о нем представление Министерству Иностранных Дел.

Кроме того, он за Джеванбулакское дело произведен в поручики, а при заключении мира в следующий чин, который, однако же, ему не объявлен, о чем и вступил ко мне с просьбою, дабы я исходатайствовал у Вашего Сиятельства объявление ему утверждения в чине штабс-капитана; а так как он обременен семейством и долгами и нужны ему еще большие издержки для экипировки при отъезде со мною в Персию, то и прошу Ваше Сиятельство обратить на сего человека благосклонное ваше внимание, для отпуска ему вышеозначенного денежного награждения, которое он в полной мере заслужил старанием и трудами в прошедшую кампанию и в продолжение мирных переговоров.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

23 сентября 1828

Monsieur le Comte.

Permettez-moi d'exprimer à Votre Excellence, combien j'ai été flatté de la manière, dont vous avez bien voulu accueillir le premier

rapport que j'ai eu l'honneur de vous adresser du camp d'Akhalkalak. Je suis pleinement persuadé, que, si Sa Majesté, notre Auguste Souverain, a daigné honorer de son attention le contenu de ma dépêche, c'est à la manière bienveillante dont vous avez eu la bonté de la porter à sa connaissance que j'en suis exclusivement redevable.

Je n'étais pas encore entièrement remis de ma maladie, quand des nouvelles de la Perse me parvinrent, concernant une insurrection dans le Kharassan, dont les suites peuvent compromettre la sûreté de tout le royaume. Les détails de cet événement, dans le temps où je me trouvais à Tiflis, ne m'étaient pas encore très connus; notre consul en Perse ne m'en instruisit que vaguement, et, c'est pour m'assurer de tout ce qui a rapport à un objet aussi grave dans ses conséquences, que je précipitai mon départ, le général Sipiagin ayant eu l'attention de me pourvoir d'un médecin, indispensable dans l'état de convalescence où je me trouvais.

J'ai eu depuis des données plus précises sur l'événement en question. Riza-Kouli-Khan, de la tribu de Kotschan, a ouvertement arboré l'étendard de la révolte et, profitant de l'absense du prince Hassan-Ali, gouverneur en chef du pays, il fit prisonnier son fils et s'empara de la ville et de la citadelle de Mesched, métropole de la province. Des troubles aussi sérieux n'avaient pas éclaté en Perse depuis plus de 20 ans, aussi la Cour de Téhéran en a-t-elle été vivement effrayée; on dit même que le Chah a quitté sa capitale, pour aller apaiser en personne une sédition dont l'origine s'est manifestée par des faits aussi alarmants. Le ci-devant sardar d'Erivan aura le commandement en chef, sous les ordres immédiats du Chah, et tous les Chah-zadés sont invités à donner le contingent de ce qu'ils peuvent fournir, pour le renfort de l'armée destinée à réprimer la révolte. Abbas-Mirza, depuis longtemps en concurrence avec son frère, le gouverneur du Khorassan, n'est nullement intentionné de la soutenir et, prétextant le paiement de la somme qui nous est dûe, il prolonge son séjour à Hamadan d'où il m'a déjà adressé plusieurs lettres très flatteuses, il m'assure qu'à mon arrivée à Tauris, il s'y rendra incessament. Un bruit circule et s'accrédite de plus en plus en Perse, concernant le caractère de duplicité que l'héritier du trône est supposé avoir maintenu à l'égard de sa nation, durant la campagne de l'année passée. On l'accuse généralement de trahison envers sa nation, et comme s'il eût voulu mériter par des concessions inouïes la protection spéciale de Sa Majesté l'Empereur. Ce qui paraîtra singulier à Votre Excellence, c'est la conduite d'Abbas-Mirza. Loin de s'affliger des soupçons aussi injurieux à son honneur, il semble s'y complaire, opposant à ses rivaux au trône l'assistance, en sa faveur, d'une grande puissance étrangère. Je tiens cela des fils, et du neveu de Meh-

med-Khan, ci-devant gouverneur d'Erivan, depuis plusieurs années attaché a la Cour du Chah, ainsi que de quelques mollahs qui sont en correspondance avec l'entourage du Prince royal.

Cela n'empêche pas du reste Abbas-Mirza de tenir à notre égard une conduite peu franche. J'ai trouvé ici son envoyé Mirza-Djaffar, muni d'un firman de Son Altesse, qui n'avait jamais été exhibé au commandant en chef, et en vertu duquel il est autorisé à seconder l'émigration des familles musulmanes qui voudraient repasser d'ici en Perse. Mirza-Djaffar, très exact à remplir la volonté de son maître, et profitant de l'absence du gouverneur de la province, a établi ici sa résidence, comme s'il en avait reçu le droit de la part de notre gouvernement. Ses propos et l'objet de sa mission hautement avoués, ont fait fermenter bien des têtes, car les autorités locales ne s'étaient pas d'abord douté du mal que cela pouvait produire, l'employé persan se référant toujours à la teneur du traité, dont la police de la ville n'avait à peu près aucune connaissance. Cependant on finit par lui représenter le désordre qui s'ensuivait parmi le peuple, je suis arrivé sur ces entrefaites. Informé à temps de ce qui se passait, je fis chercher l'employé persan, et je lui relevai son inconduite avec les plus grands ménagements. Il essaya de me convaincre qu'il agissait en vertu du traité, me montra un plein pouvoir de son maître, qui l'autorisait à cela, et ne se fit pas le moindre scrupule de m'objecter, comme un antécédent, l'exemple de nos propres officiers les colonels Lazaref, Argoutinsky et autres envoyés de la part de notre gouvernement au mois d'avril et de mai, pour proclamer et protéger l'émigration de plusieurs villages, et même de districts entiers, qui depuis ont effectivement passé chez nous. On aurait pu d'un coup d'autorité le faire partir de la ville; mais une discussion paisible et amicale m'a paru préférable pour sauver les dehors, et ne pas léser le gouvernement persan dans la personne de son envoyé. J'employai l'argument qui me paraissait le plus approprié à la circonstance: c'est qu'il n'était pas revêtu d'aucun caractère officiel ni reconnu par notre cour pas même par le commandant en chef du Caucase, à l'effet de résider à Erivan, et d'y vaguer aux affaires de son maître. Là-dessus il a voulu qui je lui écrivisse un papier pour sa justification à Tauris, quand il y serait revenu sans avoir terminé les commissions d'Abbas-Mirza. Je n'ai eu garde de lui refuser une demande aussi simple, et je crois qu'il quittera la ville demain, ou dans les quarante-huit heures. Il y a ici encore deux autres officiers d'Abbas-Mirza, qui sont venus, bien avant Mirza-Djaffar, dans le but de faire émigrer d'ici en Perse tous les habitans du Dévalou; j'ai de même engagé la régence de la province d'Erivan de ne pas tolérer plus longtemps ni leur mission, ni leur séjour ici, sous le prétexte très plausible, qu'il n'y a ici aucune

autorité compétente pour traiter de ces sortes d'affaires avec des envoyés étrangers: on leur a déjà délivré leurs passeports.

Je me suis mis à tâche de rapporter tous ces détails a Votre Excellence, pour mettre au jour la véritable manière d'envisager toutes ces émigrations, ces faux-fuyants et toutes les déviations partielles au traité, dont on a cru aussi s'avantager de notre côté, et qui ne peuvent tomber qu'à notre charge. Aux huit mille familles arméniennes, récemment transplantées chez nous, on peut opposer, dans nos provinces, une population musulmane vingt fois plus forte, dont la fidélité a toujours été vacillante, et si une insinuation étrangère un moment soufferte par nos autorités, nul doute, que toute la masse des mahométans, opposés à notre croyance et à nos lois, s'ébranlerait pour aller chercher fortune dans un pays limitrophe, avec lequel elle sympathise et par les dogmes de la religion, et par ses usages.

C'est après-demain que je me remets en route. Une commission de confiance, que le général comte d'Erivan m'a donnée, pour que je lui mette au clair la manière dont on gouverne le pays récemment conquis, ainsi que la façon dont on a usé pour coloniser les nouveaux-venus, et d'autres intérêts du même genre, m'ont retenu ici quelque deux jours de plus que je ne me l'étais d'abord proposé. Je ne crois pas que, jusqu'a Tauris, j'aie encore l'occasion d'adresser un rapport à Votre Excellence.

Veuillez agréer les assurances de la respectueuse considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte,

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

A. Griboyedoff

№ 50
Erivan.
le 23 septembre.
1828.

Адрес:

a S<on> Ex<cellence>
M<onsieur> le comte de Nesselrode.

Перевод с французского:

Граф.

Позвольте выразить Вашему Сиятельству, насколько я был польщен тем, как вы приняли первый рапорт, который я имел честь направить вам из Ахалкалакского лагеря. Я совершенно убежден, что, если Его Величество наш Августейший Государь соизволил почтить своим вниманием содержание моей депе-

ши, я исключительно обязан этим вам, столь благожелательно его с нею ознакомившему.

Я не вполне еще оправился от своей болезни, когда до меня дошли вести из Персии касательно восстания в Хорасане, последствия которого могут поставить под угрозу безопасность всего королевства. Подробности этого происшествия были еще не совсем известны мне, когда я находился в Тифлисе; наш персидский консул сообщал их мне весьма туманным образом, и, дабы достоверно узнать обо всем, что имеет отношение к предмету, столь важному своими последствиями, я ускорил свой отъезд, благодаря генералу Сипягину, который позаботился приставить ко мне врача, необходимого мне во время выздоровления.

Впоследствии я получил более точные сведения об этом событии. Риза-Кули-хан Кочанский открыто поднял знамя бунта и, воспользовавшись отсутствием принца Гассан-Али, верховного правителя края, арестовал его сына и овладел городом и крепостью Мешед, главным городом провинции. Столь серьезных потрясений не происходило в Персии уже более двадцати лет, поэтому тегеранский Двор и был столь сильно ими напуган; говорят даже, будто Шах покинул столицу, чтобы лично успокоить волнение, начало которого было ознаменовано столь тревожными событиями. Главнокомандующим, непосредственно подчиненным Шаху, станет бывший Эриванский сардарь, и всем Шахам-заде поручено внести свою долю в усиление армии, назначенной для подавления мятежа. Аббас-Мирза, давно соперничающий со своим братом, правителем Хорасана, нисколько не намерен поддерживать мятеж, и, под предлогом уплаты причитающейся нам суммы, продлевает свое пребывание в Хамадане, откуда уже прислал мне несколько очень лестных писем; он уверяет, что, по моем приезде в Тавриз, немедленно явится туда. В Персии все больше распространяется слух о том, что во время прошлогодней кампании наследник престола будто бы проявил двуличие в отношении своего народа. Его обвиняют в предательстве своего народа, в том, что он якобы хотел ценой невиданных уступок заслужить особенное покровительство Его Величества Государя Императора. Что покажется странным Вашему Сиятельству, так это поведение Аббас-Мирзы. Он не только не огорчен подозрениями, столь оскорбительными для его чести, но, как кажется, доволен ими, противопоставляя своим соперникам в борьбе за престол помощь могущественной иностранной державы. Это известно мне от сыновей и племянника Мехмед-хана, бывшего губернатора Эривани, много лет находившегося при Дворе Шаха, равно как и от нескольких мулл, состоящих в переписке с окружением Принца.

Впрочем, это не препятствует Аббас-Мирзе вести себя по отношению к нам не очень искренне. Я нашел здесь его посланника Мирзу-Джафара, снабженного фирманом Его Высочества, никогда не предъявлявшимся главнокомандующему, силой которого он уполномочен содействовать тем мусульманским семьям, которые хотели бы перейти отсюда в Персию. Мирза-Джафар, в точности выполняя волю своего повелителя и пользуясь отсутствием правителя провинции, устроил здесь свою резиденцию, как если бы получил на это право от нашего правительства. Его речи и цель его миссии, во всеуслышание объявленные, вызвали сильное колебание умов, поскольку местные власти вначале не подозревали, какое зло это может причинить, ибо персидский чиновник ссылается на содержание трактата, с которым городская полиция вовсе не была знакома. Все же в конце концов ему описали весь беспорядок, происшедший в народе, — я прибыл тем временем. Вовремя осведомленный о происходящем, я послал за персидским чиновником и с самыми большими предосторожностями высказал ему всю неуместность его поведения. Он попытался убедить меня, что действует в силу трактата, показал мне полномочия, полученные от своего покровителя, который дал ему это право, и, нисколько не смущаясь, заметил мне, что подобным действиям имелись примеры в прошедшем, а именно — наши офицеры, полковники

Лазарев, Аргутинский и другие, посланные нашим правительством в апреле и мае, чтобы объявить и взять под защиту переселение многих деревень и даже целых округов, кои впоследствии действительно перешли к нам. Мы могли бы распорядиться о выдворении его из города; но мирная и дружеская беседа показалась мне предпочтительнее, дабы соблюсти приличия и не оскорблять персидское правительство в лице его посланника. Я употребил довод, который казался мне наиболее соответствующим ситуации, заметив, что для его пребывания в Эривани и выполнения поручений его повелителя он не получил никакого официального статуса и не признан ни нашим двором, ни даже кавказским главнокомандующим. Тогда он пожелал, чтобы я написал ему бумагу, которою он сможет оправдаться в Тавризе, когда вернется, не выполнив поручений Аббас-Мирзы. Я не стал ему отказывать в столь скромной просьбе и полагаю, что он покинет город завтра или через двое суток. Здесь находятся также два других офицера Аббас-Мирзы, прибывшие задолго до Мирзы-Джафара, с целью переселить отсюда в Персию всех жителей Девалу; я убедил управление Эриванской области также не позволять дальнейшего пребывания ни их миссии, ни их самих, под весьма благовидным предлогом, что здесь нет ни одного представителя властей, правомочного обсуждать дела такого рода с иностранными посланниками: им уже выданы паспорта.

Я счел себя обязанным довести эти подробности до сведения Вашего Сиятельства, чтобы показать в истинном свете, что представляют собой все эти переселения, эти лжебеженцы, как и все частные отступления от трактата, которые считали выгодными и для нашей стороны и которые только обременяют нас. Восьми тысячам армянских семей, недавно переселенных к нам, можно противопоставить в двадцать раз их превосходящее мусульманское население наших провинций, верность которого никогда не была прочна, и, если какое-либо иностранное вмешательство было бы хоть на мгновение допущено нашими властями, нет сомнения, что вся масса магометан, противных нашей вере и законам, сдвинулась бы с места и отправилась искать счастья в соседнем государстве, с которым их сближают обычаи и религиозные догматы.

Я отправляюсь в путь послезавтра. Особое поручение, данное мне генералом графом Эриванским, — осведомить его о том, как следует управлять недавно завоеванной страной и каким образом были расселены вновь прибывшие в нее, и другие вопросы этого рода задержали меня здесь дня на два дольше, чем я предполагал вначале. Не думаю, что прежде Тавриза у меня будет возможность направить отчет Вашему Сиятельству.

Примите уверения в глубочайшем уважении, с коим имею честь пребывать,

Граф,
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
А. Грибоедов.

№ 50.
Эривань.
23 сентября
1828.

Адрес:

Е<го> П<ревосходительству>
г<осподину> графу Нессельроде.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

№ 52
23-го сентября 1828 г. Эривань.

Честь имею уведомить Ваше Сиятельство, что, по прибытии моем в Эривань, я нашел Мирзу-Джафара на возвратном пути, основавшего здесь свое местопребывание. Опираясь на фирманы, которые он имеет от своего Двора, и на словесное позволение Вашего Сиятельства, он требовал от местного начальства билет и свободный пропуск всем тем из наших подданных, которые, *по силе трактата*, пожелают переселиться в Персию. Сущность трактата не могла быть известна здешним чиновникам, предпочтительно занятым внутренним управлением. Самого областного начальника здесь не было, и потому сначала допущен был персидский посланный к свободному здесь проживанию и к исполнению объявленных им поручений; тем более что от тифлисского военного губернатора получена бумага, где говорится о нем как о посланнике, которого должно принимать и содержать соответственно его званию. Но вскоре вредные последствия его внушений и принятого им на себя официального характера побудителя и покровителя переселения соделались явными. Некоторые недовольные новым порядком, вводимым нашим правительством, объявили желание уйти навсегда отсюда. На ту пору я прибыл и, сведав, что происходило, послал за Мирзою-Джафаром и выговаривал ему неуместность его поведения. Из слов же его я усмотрел, что он искренно верил правильности своих поступков, выказал мне свои фирманы; а позволение Вашего Сиятельства прежним персидским подданным, имеющим в Эривани собственность, продавать и обменивать оную он понял превратно, так же как и персидское министерство и консул наш в Тавризе, воображая, что сие также дает новым нашим подданным право переселиться с своею собственностью и семейством в Персию, ежели они того пожелают. Я не распространялся с ним в толковании Трактата, худо им понимаемого, о чем уже мною пространно писано к нашему консулу; а по прибытии в Тавриз надеюсь сие пояснить персидскому министерству однажды навсегда. Главное, в чем я остановил Мирзу-Джафара, состояло в невозможности ему долее пребывать в Эривани в качестве резидента, в каковом звании он не аккредитован от своего Двора, не признан нашим и не имеет на то от Вашего Сиятельства письменного дозволения. По многим объяснениям, он, наконец, сдался на очевидность моих доводов и ныне поутру отъезжает.

Не почитаю излишним изложить мое мнение насчет тех статей Туркменчайского трактата, которые до сих пор толкуются превратно с обеих сторон. Если Ваше Сиятельство предпишете тифлисскому военному губернатору и пограничным начальникам в Эривани, в Карабаге, Талыше и проч., чтобы по одному и тому же предмету не было разнообразных толкований, то сие воздержит наших подданных от новой страсти к переселению, к которому они не могут и не должны быть допущены.

1) Статьею XII предоставлен трехлетний срок тем из подданных обеих держав, которые имеют недвижимую собственность по обе стороны Аракса и которые в течение сего времени могут свободно продавать и обменивать оную. О свободе переселяться тем или другим не сказано ни слова.

2) Статьею XIV не дозволено переметчикам и дезертирам, каковы суть ханы, беки и духовные начальники или моллы, которые своими внушениями могли бы иметь вредное влияние на соотчичей, селиться близ границы. Что касается до прочих жителей, то те, которые перешли или впредь перейдут из одного государства в другое, могут селиться и жить всюду, где дозволит то *правительство*, под коим они *будут находиться* (le Gouvernement, sous lequel ils seront placés).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

<№ 53>
23-го сентября 1828 г. Эривань.

Генеральный консул наш в Персии жаловался мне сначала партикулярно, потом официально и теперь в третий раз просит меня довести до вашего сведения о неприличном тоне, в котором генерал Панкратьев списывается с ним и с самим Аббас-Мирзою. Насчет непосредственной переписки пограничных начальников с персидским правительством Вашему Сиятельству известно из моей инструкции, что им сие запрещается. Не можно им предоставить право, которым пользуетесь Ваше Сиятельство как главнокомандующий пограничный начальник, облаченный особенным доверием Государя Императора, и потому убедительнейше испрашиваю у Вашего Сиятельства, чтобы вы благоволили однажды навсегда предписать им, дабы они воздержались от переписки с Аббас-Мирзою и вообще с персидским министерством и начальством в Тавризе мимо меня, или того, кто во время отсутствия моего назначен мною старшим исправляющим мою долж-

ность; в таком отношении находится Амбургер. Иначе я не могу отвечать за могущие от сего произойти неудовольствия персидского Двора, которых не я буду виною. Что же касается до самого Амбургера, то он, по своему поведению и усердию, несколько раз Вашим Сиятельством одобренному, не заслуживает и не обязан терпеть резких и грубых нареканий генерала Панкратьева.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

№ 54
23 сентября 1828 г. Эривань.

Я имел честь из Тифлиса и из Амамлов партикулярно уведомить Ваше Сиятельство о бунте в Персии; достовернейшие подробности, до меня дошедшие, суть следующие:

Риза-Кули-хан Кочанский открыто поднял знамя мятежа против Шаха и в отсутствии правителя Хорасана, известного Вашему Сиятельству Хасан-Али-Мирзы, на охоте в Шапуре предательски захватил в плен сына его. Шах без замедления послал войско для охранения города Мешеда, под командою отца бывшего у нас в плену Мамед-Эмин-хана. Бывший сардарь Эриванский назначен правителем Хорасана, чему нельзя довольно радоваться, по отдалению от наших границ сего вредного человека. Вообще приписывают бунт неудовольствию против угнетения сына шахского Хасан-Али-Мирзы; полагают, что с прибытием сардаря спокойствие скоро восстановится.

Аббас-Мирза все еще находится в Хамадане; но уведомляет меня, что, по прибытии моем в Тавриз, немедленно туда возвратится.

Шах также хотел отбыть из своей столицы, но удержан был от сего ружейным выстрелом, направленным на него в ту самую минуту, как он выезжал из стен города.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

<№ 55>
23 сентября 1828 г. Эривань.

Генеральный консул наш в Персии доносит мне об отъезде Фетх-Али-хана беглербега из Тавриза в Хой, с 300 т<ысячами>

туманов в уплату следующего нам осьмого курура для очистки Хойской провинции. Предписание Вашего Сиятельства он получил, которым вы его уполномочивали согласиться на персидские предложения. Последняя его сделка с тавризским министерством основана на том предписании, которое он имел от меня согласно с инструкциею Вашего Сиятельства, полученною мною в лагере под Ахалкалаки. Распоряжение сие было уже наперед Высочайше одобрено, как явствует из отношения к вам по сему предмету вице-канцлера; а потому я сие с особенным удовольствием имею честь довести до вашего сведения.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

№ 56
23 сентября 1828 г. Эривань.

Английский министр в Персии и чиновники его, по представлению Вашего Сиятельства, удостоены были Всемилостивейшим пожалованием от двора нашего орденами и подарками, исключая секретаря миссии Кемпбеля, который во время Туркменчайских переговоров отбыл в Англию; но прежде сего он из первых являлся к Вашему Сиятельству и деятельно участвовал в сближении нас с персиянами. Если Вашему Сиятельству угодно будет сделать о нем особенное представление, для доставления ему награды от высочайшего двора нашего наравне с его сослуживцами, то сие было бы принято всею английскою миссиею в Персии с благодарностью.

Притом из писем ко мне Макдональда и нашего консула я уведомлен, что чрезвычайным послом Его Императорского Величества в Лондоне князем Ливеном не сделано еще никакого сообщения английскому Двору о наградах, дарованных Государем Императором чиновникам великобританской миссии в Персии. Министр статс-секретарь по иностранной части лорд Абердин изъяснялся, что со стороны короля не будет никакого препятствия в утверждении их в сих наградах, если только доведено будет официально до его сведения нашим послом в Лондоне.

Я о сем доношу ныне вице-канцлеру, но уверен, что отзыв к нему такого же рода Вашего Сиятельства подкрепит гораздо действительнее мое представление.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

1 октября 1828. Переправа на Араксе напротив Джульфы

1-го октября 1828 г.
Переправа на Араксе
против Джульфы.

В Нахичеванской области нашел я еще более беспорядка и притеснений от переселения армян, нежели в Эривани. Вашему Сиятельству известно, как скудна прежними жителями и как небогата сия провинция. Здесь армянам, пришельцам, лучше, нежели в ином месте, где я их встречал; но брожение и неудовольствие в умах татарских доходит до высочайшей степени. Насколько их жалобы основаны на справедливости, Ваше Сиятельство сами изволите усмотреть из нижеследующей таблицы. Я нарочно выбрал самые высшие пропорции между новопоселенными и старожилами, чтобы можно было судить об истинном отягощении последних. Очень легко может случиться, что они в отчаянии бросят свое хозяйство и имущество, и тогда напрасно мы это будем приписывать персидским внушениям, как это недавно случилось при бегстве садаракцев. Бегство их приписано проезжему Мирзе-Джафару, который, по собранным мною известиям от самой же полиции, ни в чем тут не причастен; и теперь, когда я объяснил областному начальству, что их не должно было пускать и можно воротить, сообразно с трактатом, то, быв силою возвращены, они моему переводчику объявили настоящие причины их побега: беспорядочное управление и тягостные повинности, т. е. то же, что и в Грузии. После я пространнее осмелюсь изложить Вашему Сиятельству мое мнение по сему предмету; теперь возвращаюсь к новопереселенным армянам в Нахичеванской области.

	Старожилы армяне	Новопоселенные армяне	Старожилы мусульмане
В Неграме	—	193	93
Караханбекау	—	81	26
Табулу	9	62	12
Яринджи	13	78	4
Кунтана	—	113	37

Газанче	10	58	—
Бананиар	—	72	12
Аразин	—	61	7
Кузнут	—	75	19
Вообще во всей Провинции, кроме города	290	1632	943
В г. Нахичевани	114	392	285

Несоразмерность сия превышает всякое понятие; можно смело сказать, что после сего ни казна от жителей, ни жители от своего достояния ничего не получают, а от пришельцев правительство обязалось в течение шести лет ничего не брать.

Две меры мне кажутся необходимыми для успокоения, хотя на время, справедливых опасений прежних помещиков:

1) Надлежит в наискорейшем времени выслать отсюда далее, а именно в Даралагез, часть новоприбывших семейств, хотя не более 500; для них там и места готовы, и старожилы берутся им выстроить дома на зиму. По смете, которую я видел в областном правлении и в комитете, их можно по 20 и 15-ти водворить на новых местах, в таких селениях, где первобытных жителей вдвое и втрое против сих количеств отдельно взятых. Кроме того, есть уже из новоприбывших семейств до 200, которые от тесноты сами просятся, чтобы их далее выселили; из остальных, в дополнение к 500, половину можно уговорить; другую, более упорную, приневолить. Но гораздо менее неудобства заслужить ропот 100 или 150 семейств, нежели целой провинции, новоприобретенной и пограничной, которую мы, наконец, заставим вздыхать о прежнем персидском правлении, известном Вашему Сиятельству своими неотеческими чувствами к подданным; я даже опасаюсь, что это все скоро явится в иностранных газетах, и не слишком в нашу пользу. Сомнительно состояние и тех, которых мы заставили к себе перейти, и других, которые от нас перейдут сотнями и тысячами по непрозорливости начальства. В бытность мою в Эривани, кн<язь> Аргутинский всеми силами противился новому переселению некоторых семейств из Нахичеванской области в Даралагез. Я и тогда видел, что он слишком горячо вступается за интересы вверенных ему выходцев, и это ему честь делает; также и здешний штабс-капитан Неверовский, от него зависящий. Всякий частный чиновник должен грудью стоять за вверенную ему порученность; но дело главного начальства знать, какие, в част-

ности, допускать уступки для достижения общей пользы. Если Ваше Сиятельство предпишете в наискорейшем времени переселить упомянутое число 500 семейств новопришедших армян в Даралагезский округ, то окажете сим истинное благодеяние Нахичеванской области.

2) В здешнем мусульманском краю, где все народоселение похоже на паству, которая живет, движется и бродит, все по примеру одного или нескольких, race moutonnière*, правительству необходимо иметь на жалованьи и совершенно за себя некоторые значительные лица. Воля Вашего Сиятельства, но мы этого не умеем делать, и нами никто не доволен. У беков и ханов мы власть отнимаем, а в замену даем народу запутанность чужих законов. Тех, которые нам вверились и оставили отечество, оказавших даже важные услуги, мы трактуем как нищих; по их примеру никто нам не верит. Таким образом, несчастные братья Марандского хана, первые принявшие нашу сторону, когда мы вступили в Адзербиджан, не могли добиться, чтобы им отвели для поселения пустопорожние земли, которых у нас бездна, и какое-нибудь денежное содержание.

Я, коль скоро прибыл в Нахичевань, то меня обступили беки, султаны, все с ропотом справедливым на стеснение, о котором я уже выше упомянул. Отговориться было нечем. Тратить пустые слова было бы бесполезно, ибо собственная нужда к ним слишком близка: они требуют дела и скорой помощи. Я хотя и объяснил им, что по внутренности не имею никакой власти, чиновник проезжий, посылаемый в чужое государство, но Вашему Сиятельству известно, что здесь, в Азии, коль скоро является новое лицо, несколько значительное, то от него ожидают всех благ и удовлетворения во всех просьбах. Я почел лучшим способом взять в сторону Назар-Али-хана и Ших-Али-бека, обошелся с ними как можно почетнее и доверчивее, вашим именем говорил им, что на них лежит обязанность распространять в народе доверие и привязанность к правительству, что нынешний случай в отношении к переселенцам необыкновенный и скоропроходящий и проч. Нельзя себе представить, как они были довольны оказанным мною их особам незначащим отличием. Я точно видел после сего, что они поступили добросовестно, ибо те же лица беков и прочих помещиков я нашел после не выражающими прежнего неудовольствия.

Еще раз повторяю, что нельзя дать себя уразуметь здешнему народу иначе как посредством тех родовых начальников и духовных особ, которые давно уже пользуются уважением и доверием, присвоенными их званиям. Нынешнею весною, в проезд мой чрез

Эривань, я писал Вашему Сиятельству о смешном превращении, произведенном ген<ералом> Красовским, прапорщиков в казиев. И теперь тот же порядок. Муллы досадуют, народ вслед за ними, а наши городовые и областные суды, нимало не заботясь приноровиться к местным обычаям и не дерзая сего делать в силу регламентов, судят протяжно и подписывают определения и решения, которым жители подчиняются не по убеждению, а как будто бы насильственно. Что за поспешность с нашей стороны вмешиваться во все мелкие тяжбы и ничтожные соотношения новых подданных между собою! Боимся ли мы пристрастия мусульманских судей, — но власть их единственно основана на выборе и доверии народном. Коли кази пристрастен, то его бросают и идут к другому, а он лишается хлеба. Прежде сего на их решения могли действовать угрозы светских правителей: сардаря, хакима и т. п., у нас этого быть не может; а где один из тяжущихся христианин, то, по мухаммеданскому шаро (духовный закон), допускается по шести свидетелей обоих вероисповеданий. Можно бы еще, в таком случае, наряжать депутата от правительства.

Вы простите все эти отступления, но я, по моему давнему обычаю, пишу к Вашему Сиятельству как думаю и *неофициально*.

О Назар-Али-хане, как старшем в семействе Кенгерлу, старее Эксан-хана и Ших-Али-бека, смею представить Вашему Сиятельству, что назначение ему на ежегодное содержание 800 туманов, или 1100 червонцев, из суммы, которая высочайше назначена в награду перешедших к нам и прочих ханов, сделало бы в здешнем краю и во всех наших мусульманских провинциях и пограничных персидских впечатление самое выгодное для нашего правительства, и это не так, как мы обыкновенно делаем, даем не спросясь, чего хотят. Я наверно знаю, что это maximum его желаний; притом он старик, недолго проживет, но долго за нас томился в плену.

Не худо, если бы Ваше Сиятельство написали слова два Ших-Али-беку и Эксан-хану или хотя первому. Иногда присылка от вас халата с почетным русским чиновником более подействует, нежели присутствие войска, строгие наказания, присяга и прочие принудительные средства.

О присяге в Эривани и много кое о чем буду уже писать из Тавриза.

---

* стадо баранов (*франц.*).

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

1 октября 1828. Переправа на Араксе напротив Джульфы

Милостивый Государь
князь Александр Гарсеванович!

По прибытии моем в Нахичевань, обратились ко мне с просьбою перешедшие из Маранда Мугаммед-хан и Али-бек о покровительстве при сборе ими доходов своих в прежнем их владении. Это касается прямо до обязанности моей подкреплять моим старанием исполнение Трактата со стороны персиян и права выходцев из Адзербиджана в наши владения касательно оставленного ими имущества в прежнем их отечестве.

Но в то же время вышеупомянутые просители объявили мне желание свое быть переселенными со своими нюкерами в Эривань. Вашему Сиятельству честь имею при сем передать просьбу их в подлиннике и с переводом. От себя же прибавлю в их пользу, что покойный брат их и они первые по ту сторону Аракса объявили себя приверженцами россиян в прошедшую кампанию. Желание же их не пребывать долее в Нахичеванской и Ордебадской областях, где притом нет у них никакой собственности, сообразно со статьею XIV трактата, которой постановлено, что важных перебежчиков Россия не имеет права селить в областях Нахичеванской, Карабахской и Эриванской за Араксом, как ближайших к персидской границе.

Если Ваше Сиятельство отведет им земли для поселения или просто назначите места для жительства, еще до зимы, по власти вам предоставленной от вашего начальства, и потом уже донесете Его Сиятельству г<осподину> главноуправляющему, то сим самым исполнится прошение означенных ханов.

Я с моей стороны тоже не умедлю довести сие до сведения графа, ибо, допуская терпеть нужду значащих людей, оставивших отечество и оказавших услуги России, значило бы ронять достоинство и то уважение правительства, которым оно должно повсеместно пользоваться.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностью, Милостивый Государь,

Вашего Сиятельства покорнейший слуга
А. Грибоедов.

1-го октября 1828.
На переправе Аракса, против Джулфы.

В АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

16 октября 1828. Тавриз

Министерства Иностранных дел в Азиатский департамент
Российского-Императорского Полномочного министра
при Персидском дворе, Действительного Статского Советника
и Кавалера Грибоедова

ДОНЕСЕНИЕ

Вследствие предписания Азиатского департамента за № 1281, честь имею донести, что производство жалования как себе, так и секретарям миссии г<осподам> Мальцову и Аделунгу, буду считать с 5 числа минувшего июля; а переводчикам с того дня, в который они мною утверждены были в сем звании, а именно: поручику Шахназарову и коллежскому регистратору Дадашеву с 6-го минувшего июля, а переводчику Ваценко с 20-го числа того же месяца. Касательно же производства жалования г<осподину> Амбургеру и секретарю генерального консульства Иванову не имею я никаких положительных предписаний. — Усмаривая, что по особенному распоряжению Его Прев<осходительства> г<осподи>на директора Азиатского департамента сумма на миссию и генеральное консульство была отпущена из Главного Казначейства с 2-го минувшего июля по 1 генваря будущего года, и полагая, что время выдачи мне подорожной в С.-Петербург не входило в соображение при назначении срока, с которого г<осподин> генеральный консул должен получать жалованье свое, я должен был заключить, что департамент, вероятно, определил производство оного с упомянутого 2 июля, с которого времени отпущена и сумма на генеральное консульство. — Не быв уведомлен о правилах, которыми Азиатский департамент руководствовался при назначении суммы на генеральное консульство с 2 июля, между тем как г<осподин> Амбургер с самого начала безвыездно находился в Персии, сперва в качестве комиссара, а потом, с 25 минувшего апреля в качестве генерального консула, я не мог касательно сего представить ему никаких удовлетворительных причин. Почему и осмеливаюсь прибегнуть к Азиатскому департаменту с убедительнейшею просьбою почтить меня по сему предмету нужными наставлениями и подать мне тем способ сообщить г<осподину> Амбургеру удовлетворительный ответ.

Ст<атский> советник

Грибоедов.

№ 67.
16 окт<ября> 1828.
Табриз.

В АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

17 октября 1828. Тавриз

Министерства Иностранных дел в Азиатский департамент
Российского Императорского Полномочного министра
при Персидском Дворе Действительного Статского Советника
и Кавалера Грибоедова

ДОНЕСЕНИЕ

Десять экземпляров Мирного договора и торговой Конвенции, заключенных с Персиею в Тюркманчае, препровожденные при предписании Азиатского департамента за № 1229, я имел честь получить и половинное число оных доставил генеральному консулу нашему в Табризе, г<осподину> надворному советнику Амбургеру; о чем имею честь донести упомянутому департаменту.

Ст<атский> советник
Грибоедов.

№ 69.
Октября 17 дня 1828.
Табриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

17 октября 1828. Табриз

17 октября 1828 г. Тавриз.

№ 71.

По болезненному моему состоянию и большей части моих чиновников и прислуги, я принужденным нашелся взять из Эривани состоящего при тамошнем военном госпитале ординатора Мальберга, который также сопровождает меня до Тегерана, о чем я нужным почел известить ваше сиятельство, испрашивая на то вашего соизволения. Коль скоро ворочусь сюда в Тавриз, где могу найти пособия от английских докторов, то отошлю его обратно к его назначению, также, ежели прибудет до тех пор мой собственный доктор, определенный к Миссии.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

18 октября 1828. Табриз

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Вследствие отношения Вашего Превосходительства за № 1504 имею честь донести следующее:

1) Поручик Шахназаров и кол<лежский> рег<истратор> Дадашев приняты мною к персидской нашей Миссии в качестве переводчиков 6-го минувшего июля;

2) Три курьера 10 того же июля месяца, по окладу 50 червонных в год; предоставив себе право переменить их в случае нерадения их в исполнении своей должности, я почел ненужным поименно представлять их на утверждение Вашему Превосходительству;

3) Переводчик Ваценко был мною принят к Миссии 20-го минувшего июля; осмеливаюсь испросить для сего чиновника единовременно сто червонцев на экипировку.

Так как выбор и определение к Миссии вышеупомянутых чиновников были уже удостоены благосклонного одобрения Вашего Превосходительства, я почел себя в праве утвердить их каждого в своем звании со дня определения их к нашей персидской миссии, чем и руководствовался при назначении времени, с которого начать производство им жалованья, по окладу, о котором имел уже честь предварительно донести Вашему Превосходительству.

С отличным почтением и совершенною преданностию пребываю

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
А. Грибоедов.

№ 72.
18 окт. 1828.
Табриз.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

20 октября 1828. Табриз

20 octobre 1828.

Une forte récidive de ma fièvre de Tiflis m'a empêché de mettre la célérité que j'aurais voulu à mon voyage, et ce n'est qu'à très petites journées que j'ai pu parvenir à Tauris.

Le colonel Rennenkampf, après qu'il eut presque achevé la levée du côté du petit Ararat, vint me demander au sujet de Mirza-Massoud, quand il se présenterait, pour qu'ils pussent terminer conjointement la démarcation des frontières. J'adressai de Nakhitchévan un office au commissaire persan et, l'ayant rencontré moi-même au passage de l'Araxe, je le pressai de se rendre à sa destination. Maintenant j'ai l'avis que les deux commissaires se sont entendus pour se porter incessamment sur la ligne frontière du Talysch.

Passé l'Araxe j'ai été reçu avec les plus grandes distinctions, ainsi qu'à Tauris; mais ce qui m'a charmé le plus, c'est le souvenir de bienveillance que la population des campagnes a gardé aux troupes russes. Les gens armés du mehmendar qui m'a été envoyé de la part du Roi, provoquaient par leurs véxations et leurs manières brutales la mauvaise humeur des paysans, et ces malheureux leur reprochaient hautement de ne pas ressembler aux soldats russes, pour l'humanité et les moeurs affables, qu'ils ne cessent de regretter, et dont ils désirent sincèrement le retour.

Abbas-Mirza s'empressa de me voir le lendemain même de mon arrivée: c'était le 7 du courant. Il a ténu parole m'ayant écrit d'Hamadan qu'il se rendrait à Tauris, sitôt que j'y serais arrivé. Ma maladie fit qu'il me précéda ici de quelques jours. Il me reçut, ainsi que les membres de la Mission et d'autres officiers que je lui présentai, lui-même décoré du portrait de Sa Majesté l'Empereur. Les protestations de fidélité, de dévouement à l'Auguste Personne de notre Souverain, remplirent toute la conversation.

Le 9 du courant, je lui remis la ratification du traité qu'il reçut debout, en présence de tous les dignitaires de sa cour; on tira le canon et les protestations de la veille furent réitérées avec plus d'emphase encore.

Les attentions du Prince envers moi n'ont pas faibli un seul instant depuis; il aurait voulu me voir tous les jours, et même plusieurs fois dans la journée, si ma maladie ne m'avait empêché de me rendre à ses fréquentes invitations. Mais quoiqu'on use envers moi des procédés les plus prévenants, la manière de traiter les affaires ici est aussi épineuse qu'elle l'a toujours été. La seule mise en liberté de nos sujets prisonniers m'abreuve de soucis; l'assistance même du gouvernement est à peu-près insuffisante pour les arracher à leurs maîtres actuels. C'est par le plus grand des hasards que je parviens quelquefois à decouvrir les lieux de leur injuste détention, et c'est alors seulement, que mon intervention en leur faveur devient efficace.

Le paiement du 8-e courour est si loin d'être effectué, que cette affaire, offre des difficultés presque insolubles:

a) Il est vrai que 300 m<ille> tomans ont déjà été remis à nos autorités à Khoy, moins quelques 2,000 qui ne tarderont pas à y être ajoutés.

b) Pour les autres 100 m<ille> le Schah, après qu'il se fût engagé par les assurances les plus positives à M<onsieur> Macdonald, de donner la somme, n'en a plus tenu aucun compte: il s'en est même dédit formellement; et maintenant la garantie de l'envoyé anglais devient illusoire. Je doute, que son gouvernement prenne sur lui ce paiement pour le bon plaisir du Schah. En ce cas M<onsieu>r Macdonald serait assez honnête homme, pour couvrir de sa propre fortune la réalisation du titre signé par lui, et que j'ai entre mes mains; la question reste: s'il est assez riche pour cela.

c) Nous avons un nantissement en pierreries pour 100 m<ille> tomans restants.

Toutes mes journées sont absorbées par les differentes propositions des plus saugrenues à ce sujet, que je suis réduit à entendre de la part du Prince et de ses ministres, n'ayant moi-même d'autre alternative, que de tenir bon, et de les rejeter successivement, les unes après les autres. A mon arrivée ici, on s'est prévalu de ma qualité de ministre plénipotentiaire, pour m'engager à leur faire grâce en entier des 200 m<ille> tomans, sous le prétexte très valable, qu'on n'a plus le sou à nous donner. Je dis en plaisantant à Abbas-Mirza, que j'était muni du pouvoir nécessaire, pour exiger de lui le paiement prompt et complet de sa dette, mais d'aucun pour une indulgence quelconque. «Si vous me pressez tellement sur ce point, — me dit-il, — que ferez-vous pour les 9-e et 10-e courours, qu'on m'a promis de me remettre en totalité, si je restais fidèle à mes autres engagements». Cette promesse, il se l'est imaginée pourtant, car le général en chef ne l'en a jamais bercé. Je lui répondis, que je ne l'inquiéterai jamais pour les deux autres courours, me réservant de les exiger du Schah, quand le terme convenu approcherait, et maintenant encore je n'aurais pas agi autrement, si la province que nous gardons en dépôt n'eut pas été un apanage de Son Altesse ce qui me met dans la triste nécessité de lui paraître importun. «Comme si vous ne savez pas», — me dit-il, — «que le Schah ne veut pas entendre parler de cet argent, et que les deux courours tomberont encore à ma charge». Je lui objectai, que je n'étais pas censé connaître les arrangements domestiques qui avaient eu lieu entre lui et son illustre père, que c'est le Schah qui avait signé et ratifié le traité, à l'exécution duquel je dois veiller etc.

Il est vrai néanmoins que le pays est appauvri à l'extrême, grevé d'impôts, et les contribuables n'ayant plus rien à offrir aux collecteurs de revenus. Abbas-Mirza s'est déparé de tous ses joyaux, pour nous les engager, son entourage, ses femmes mêmes out dû fournir les boutons en diamant dont elles ornent leurs habits. C'est une misère au-delà de toute expression. Mais comme ma responsabilité est trop délicate, et que j'étais informé d'ailleurs d'une somme de 31 m<ille> tomans, qu'on avait tout dernièrement extorquée à Maragua et chez les Chehaquis; que, des effets en or, de la valeur de 15 à 20 mille

tomans, se trouvaient dans la possession de l'envoyé anglais, comme sûreté pour la garantie dont il s'est rendu comptable à notre gouvernement, j'ai déclaré, que je n'écouterai plus aucun terme d'accommodement pour en faire mon rapport à V<otre> E<xcellence> avant que 50 m<ille> tomans de plus n'aient été envoyés à Khoy, et que si l'on s'obstinait à ne pas le faire, je partirais à Téhéran, laissant les choses in statu quo; c'est à dire: que les 300 m<ille> tomans, reçus par le comité à Khoy, nous resteraient, la province de Khoy continuerait à être occupée par nos troupes, et que nous garderions comme nantissement les pierreries pour la valeur de 130 m<ille> tomans déposées par le Prince à la citadelle, et auxquelles ont été mis les scellés des deux missions russe et anglaise.

Voilà où nous en sommes, V<otre> E<xcellence>, dans cette interminable affaire d'argent. Ma réponse catégorique a produit son effet: 50 m<ille> tomans, en or et argent, vont être incessament envoyés à Khoy. De très beaux candélabres, des effets du harem, dont l'ouvrage vaut presque à lui seul le prix du métal, ont été fondus en barres aujourd'hui pour compléter la somme, ce qui prouve évidemment, la pénurie dans laquelle se trouve Abbas-Mirza. J'ai exigé de plus, qu'un titre fut délivré à l'un des officiers anglais, nommément le major Hard, en vertu duquel il serait autorisé a frapper de contribution tel arrondissement de l'Adzerbéidjan qu'il jugerait convenable, pour tirer 50 autres mille tomans. Ceci me sera accordé à ce que je pense, aujourd'hui ou demain. Je n'ai pas voulu que quelqu'un des nôtres s'employât à un office aussi odieux pour le pays où nous résidons. Il fallait donc opter entre un fonctionnaire persan ou anglais; le choix ne pouvait être douteux, vu que je n'ai aucune raison de me fier aux premiers.

Quand les 400 m<ille> auron été payés, nous garderons en dépôt les pierreries pour les 100 m<ille> restants, et Khoy pourra être évacué, selon l'autorisation même de V<otre> E<xcellence>. Mais je dois observer, que, s'il est injuste de garder un double nantissement qui n'a été stipulé par aucun traité (la province et les pierres précieuses), et cela pour une dette réduite à un cinquième de sa totalité; d'un autre côté, je ne prévois pas que les effets que nous tenons maintenant puissent être rachetés en argent par Abbas-Mirza, qui en est complètement dénué, à moins qu'on ne veuille recevoir de notre part, l'équivalent en coton, soieries, bijoux; ou que l'intendance du corps détaché du Caucase n'envoie ici ses commissionnaires pour l'achat du matériel de l'armée en bétail, chevaux, blé, etc. mesure à laquelle S<on> E<xcellence> m<onsieu>r le général en chef, comte Paskévitch d'Erivan, avait déjà consenti une fois, et que je m'en vais lui proposer de nouveau. Je supplie en même temps V<otre> E<xcellence> d'y donner votre assentiment.

Veuillez excuser l'extension que j'ai donnée à ces détails, m-r le Comte, mais je ne puis assez me prémunir contre une responsabilité qu'on encourt toujours très facilement dans une matière aussi délicate, que l'est toute affaire pécuniaire, et où il n'y a aucune franchise, ni facilité à attendre des hommes avec lesquels je suis appelé à traiter ici.

C'est avec la plus respectueuse considération, que j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alessandre Gribojedoff

Перевод с французского:

20 октября 1828 г.

Возврат моей тифлисской лихорадки помешал мне совершить путешествие с желаемой быстротой, я очень долго добирался до Тавриза.

Полковник Ренненкампф, почти окончив съемку со стороны малого Арарата, осведомлялся у меня, когда приедет Мирза-Масуд для окончания сообща дела разграничения. Я отправил из Нахичевани отношение к персидскому комиссару; потом, встретив его при переправе через Аракс, я лично просил его поспешить к месту назначения. Теперь я слышал, что оба комиссара пришли к соглашению и немедленно отправятся на пограничную линию в Талыш.

По ту сторону Аракса я был принят с большим почетом так же, как в Тавризе. Но всего более понравилась мне та добрая память, которую оставили наши войска среди сельских жителей. Войско мехмандара, присланного ко мне от имени Шаха, раздражало крестьян своими притеснениями и грубым обращением; эти несчастные громко упрекали этих солдат в их несходстве с русскими, которые и справедливы, и ласковы, так что народ искренне был бы рад их возвращению.

На другой же день, 7-го сего месяца, Аббас-Мирза поспешил дать мне свидание. Он сдержал слово, данное им в письме из Хамадана, приехать в Тавриз, как скоро я туда буду. Болезнь моя была причиною, что он предупредил меня здесь несколькими днями. Он принял меня, так же как и членов Миссии и других офицеров, которых я ему представил; и вся беседа его состояла в уверениях преданности Августейшей Особе нашего Государя, портрет которого украшал грудь его.

9-го числа я вручил ему ратификацию трактата, которую он принял стоя, окруженный всеми сановниками своего двора и при громе пушек; затем последовали те же уверения, что накануне, и еще с большею напыщенностью.

С тех пор нисколько не ослабло внимание Принца ко мне; он рад бы видеть меня каждый день, и по нескольку раз в день, если б болезнь не помешала мне следовать его частым приглашениям. Но, несмотря на всю эту предупредительность, как только речь заходит о делах, как это было всегда, начинаются затруднения. Одно освобождение наших пленных подданных причиняет мне неимоверные заботы; даже содействие правительства почти недостаточно для того, чтобы отнять их у их настоящих владельцев. Только случайным образом удается мне открыть место их несправедливого заключения, и только тогда мое вмешательство имеет успех.

Уплата 8 курура еще очень далека от осуществления, и дело это представляет почти что неразрешимые затруднения:

а) Правда, что 300 т<ысяч> туманов уже выплачены нашим властям в Хое, за исключением около 2,000, но и эти не замедлят доставить.

б) Остальные 100 т<ысяч> туманов, несмотря на положительные обещания, выраженные г<осподи>ну Макдональду, выплатить их, Шах вовсе не ставит на счет и даже формально отказался от уплаты. Таким образом, поручительство английского посланника — одна мечта. Едва ли его правительство возьмет на себя эту уплату в угоду Шаху. В таком случае, г<осподи>н Макдональд, как честный человек, принужден будет своим состоянием покрыть сумму подписанного им векселя, который в моих руках. Вопрос в том: хватит ли на это его состояния?

в) У нас в залоге драгоценные камни, обеспечивающие остальные 100 т<ысяч> туманов.

Целые дни проходят в выслушивании самых нелепых предложений, все насчет этого дела, то Принца, то министров его, между тем как в моей власти только настаивать на одном и том же и отвергать одно за другим все предложения. Когда я сюда прибыл, то воспользовались моим званием полномочного министра, чтобы склонить меня к полной уступке 200 т<ысяч> туманов по причине очень уважительной: что нет уже ни гроша лишнего. Я отвечал Аббас-Мирзе шутя, что я уполномочен вытребовать у него полную и немедленную уплату его долга без всякого права делать снисхождения. «Если вы так настаиваете на этом, — сказал он мне, — как же вы поступите с 9 и 10 курурами, которые обещали мне простить вполне, если я исполню прочие условия?» Но это обещание просто выдумка его, потому что главнокомандующий никогда не манил его этим. Я ему отвечал, что не буду тревожить его по двум другим курурам, предоставляя себе требовать их от Шаха, когда подойдет срок, и даже теперь я поступил бы не иначе, если бы находящаяся у нас в закладе провинция не была удельною землею Его Высочества, так что я поставлен в печальную необходимость докучать ему. «Точно вы не знаете, — говорит он мне, — что Шах и слышать не хочет об этих деньгах и что оба курура падут на мою ответственность». Я возражал, что не обязан знать, какие у него домашние расчеты с его прославленным отцом, что Шах подписал и ратифицировал договор, а мое дело блюсти за исполнением его, и проч.

Впрочем, верно то, что страна до крайности обеднела и отягощена налогами; так что, когда подлежащий подати народ не мог уже ничего доставить сборщикам доходов, Аббас-Мирза отдал нам в заклад все свои драгоценности; его окружение, даже его жены отдали бриллиантовые пуговицы со своих платьев. Словом, крайность выше всякого описания. Но так как ответственность моя слишком велика, к тому же я узнал о существовании 31 т<ысячи> туманов, недавно силою добытых в Мараге и у Шагагов; также о том, что золотые вещи, ценою в 15—20 тысяч туманов, находятся в закладе у английского посланника в качестве гарантии, за которую он поручился перед нашим правительством, то по всему этому я объявил, что не приму никакого соглашения для сообщения его В<ашему> С<иятельству>, покуда не будут доставлены в Хой еще 50 т<ысяч> туманов, и прибавил, что, в случае упорного отказа, я уеду в Тегеран, оставив дела statu quo*, т. е. за нами останутся полученные из Хойского комитета 300 т<ысяч> туманов; область Хойская по-прежнему будет занята нашими войсками, а залогом будут нам служить драгоценные камни в 130 т<ысяч> туманов, доверенные Принцем цитадели и хранящиеся в цитадели за печатями как русской, так и английской миссий.

Вот, В<аше> С<иятельство>, положение этого нескончаемого дела о деньгах. Мой категорический ответ произвел свое действие. 50 т<ысяч> туманов золотом и серебром будут немедленно доставлены в Хой. Великолепные канделяб-

ры, вещи из гарема, одна работа которых почти равняется цене металла, были сегодня переплавлены в слитки, чтобы дополнить сумму — это явно доказывает бедственное положение Аббас-Мирзы. Кроме того, я настоял на выдаче одному из английских офицеров, а именно майору Гарду, документа, в силу которого он вправе наложить контрибуцию на какой угодно азербейджанский округ, чтобы добыть остальные 50 тысяч туманов. Я полагаю, что это будет исполнено не сегодня, так завтра. Я не хотел употреблять кого-либо из наших для этого дела, чтоб не возбудить ненависти в стране, в которой мы проживаем. Надо было выбрать между персиянином и англичанином, и, разумеется, выбор пал на последнего, так как ничто не побуждает меня доверять первому.

После уплаты 400 т<ысяч> туманов мы оставим у себя в закладе драгоценные камни за остающиеся 100 т<ысяч> туманов, а Хой может быть очищен согласно с разрешением В<ашего> С<иятельства>. Однако я замечу, что если и несправедливо удерживать двойной залог (провинцию и драгоценные камни) без всякого о том договора, особенно за недоданную только пятую часть долга, то, с другой стороны, я не предвижу выкупа вещей Аббас-Мирзой, так как он положительно не имеет денег; разве мы согласимся вместо денег принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоценных вещей; а не то пусть интендантство Кавказского Отдельного корпуса вышлет сюда комиссионеров для закупки скота для армии, лошадей, хлеба и пр. На последнюю меру Его Сиятельство главнокомандующий гр<аф> Паскевич-Эриванский уже изволил однажды дать свое согласие, и я снова ее предлагаю; вместе с тем умоляю и Ваше Сиятельство дозволить ее.

Извините, граф, что я так распространился об этом предмете; но я не могу оградить себя от ответственности, которую всегда так легко навлекаешь на себя, когда дело идет о деньгах и когда нельзя ожидать ни откровенности, ни податливости от тех людей, с которыми мне приходится иметь дело.

Имею честь, Граф, с особенным уважением и почтением быть

Вашего Сиятельства
нижайшим всепокорнейшим слугой
Александр Грибоедов.

№ 80.
Тавриз.
20 октября 1828.

---

* в том же положении (*лат.*).

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

23 октября 1828. Табриз
Российско-императорская миссия в Персии

№ 84.

23-го октября 1828.
Тебриз.

Персидское правительство вступило ко мне с нотою, касательно купцов, ему подвластных, которых караван, по возвращении из Турции, был задержан Вашим Сиятельством в Диадине,

в противность торгового трактата, заключенного между обеими державами, в котором именно изображено следующее:

Статья IV. Если бы Россия или Персия находились в войне с какою-либо постороннею державою, то в подвластных той державе областях не возбраняется обоюдным подданным договаривающихся сторон провозить товары через земли, взаимно им принадлежащие.

Вследствие сего я согласился, по ходатайству здешнего правительства, снабдить означенных купцов моим отношением, в их пользу, к Вашему Сиятельству, убедительно прося вас в то же время приказать, дабы возвращены им были их лошади и вьюки.

Ст<атский> советник Грибоедов.

Адрес:

Правителю областей
Армянской и Нахичеванской
господину Генерал-Майору
и Кавалеру Чавчавадзе

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

23 октября 1828. Табриз

La révolte du Khorassan n'a pas eu d'autres suites plus graves que celles, dont j'ai eu l'honneur d'informer V<otre> E<xcellence> en date du 21 septembre dernier. Le ci-devant sardar d'Erivan, son frère Hassan-Khan, Djafar-Khan, Souphan-Kouli-Khan et tous ceux qui ont figuré à l'ouverture de la campagne de 1827 contre nous, ont été nommés aux différents commandements dans la nouvelle armée qui s'organise contre les insurgés.

Le tzarévitch Alexandre s'est adressé à Abbas-Mirza pour revenir ici d'Erzéroum, mais il a été refusé.

A mon arrivée ici, j'ai appris que le Prince attendait le retour d'un émissaire, envoyé par lui à Bagdad. Le point de dissension qu'il a avec le pacha, serait la violation du territoire de Kerbelai, sacré pour les alites, et que les troupes turques viennent d'occuper, contre l'engagement solennel qu'ils ont contracté envers la Perse, et par lequel ce lieu de dévotion, ainsi que tout son territoire a été déclaré neutre.

Dans une conversation que j'ai eue avec Abbas-Mirza, il m'a dit, que la Perse a des griefs réels contre les Turcs, qui n'observent aucun traité (un propos assez curieux dans la bouche d'un Prince persan). Il

m'ajouta, qu'aucune des clauses, auxquelles ils s'étaient engagés envers lui, n'a été remplie de leur côté, et qu'il ferait volontiers cause commune avec nous, s'il eût eu seulement la moindre assurance, que l'Empereur lui en aurait su gré. Je lui fis entendre, qu'une coopération de sa part ne pouvait jamais être mal vue chez nous; pourvu qu'il ne s'en suivit aucune solidarité des intérêts réciproques, car cela ne ferait qu'ajouter aux difficultés qu'on oppose aux vues pacifiques de Sa Majesté l'Empereur. Je lui observai de plus, que les pachaliks qui étaient à sa portée au commencement de la guerre, ne le sont plus actuellement, Bayazet étant déjà occupé par nous, et Mousch et Van se soumettraient à l'apparition d'un détachement russe, que c'est de là que nous tirerions probablement les moyens de subsistance pour nos troupes, et un corps d'armée persan ne nous serait d'aucun secours, et ne ferait qu'épuiser le pays et nous empêcher par là dans nos opérations ultérieures. Mon idée, en lui parlant ainsi, était, que plus j'agirais franchement dans des communications de ce genre, mieux cela serait; car il y a toujours mille moyens indirects de lui enflammer l'imagination, sans que nous lui donnions les motifs de s'en prendre à nous, s'il se décidait à une entreprise peut-être trop hasardée, et dont il se repentirait après. Il m'a dit qu'il était si loin de vouloir nous empêcher en quelque chose, qu'au contraire, il offrait ses services à l'Empereur de Russie, qu'on devait lui indiquer où il pourrait se porter, sans que cela gênât en rien nos projets de conquêtes. Il éluderait Van, et attaquerait Bagdad.

Deux jours après, il ne fit aucun mystère des intelligences, qu'il avait fraichement reçues du Scheik de Kerbélai, de celui des Moutéfics, et d'autres chefs des tribus arabes, ainsi que des notables de la ville de Bagdad, qui conspirent tous contre le pacha, sous la direction de son keaia. Le Prince est invité par eux de venir vite à la tête d'une armée quelque peu nombreuse qu'elle soit; on se serait tout de suite défait de Davoud-pacha; on aurait livré à Abbas-Mirza la ville et le pays entier. Comme la saison est déjà très avancée, et qu'à cette heure Abbas-Mirza n'est pas en mesure de pouvoir entreprendre quelque chose, réduit à l'extrêmité par nos prétentions d'argent, je n'ai donné aucune suite aux confidences politiques qu'il m'a faites. J'attendrai les ordres, que V<otre> E<xcellence> jugera à propos de me transmettre à ce sujet, et ce serait pour mon retour de Téhéran. Mais, sans que je me permette en rien d'influencer votre décision, je crois, que si la guerre durait, la prise simultanée d'Erzéroum par les Russes et celle de Bagdad par Abbas-Mirza serviraient bien notre cause.

Ce que j'ai eu l'honneur de vous rapporter jusqu'ici, est antérieur de quelques jours à une autre circonstance. L'envoyé anglais a reçu un courrier de Constantinople, d'un agent subalterne, qui y réside sous la

protection du ministre des Pays-Bas. La dépêche porte, que nos troupes ont essuyé une déroute complète auprès de Schoumla, et que cela a ranimé la confiance du Divan et du peuple de Constantinople. On y est persuadé que le passage du Balkan ne sera pas forcé cette année. La nouvelle du désastre supposé des Russes, outré au possible par les bulletins turcs, aurait efficacement influencé la levée des troupes en Asie, qui, selon le rapport du correspondant anglais, seraient animées de la plus grande ardeur à combattre l'armée d'invasion. Un message de l'ambassadeur Strattfort-Canning, résidant maintenant à Corfou, qui tendait à ramener la Porte à des mesures de conciliation, aurait été rejeté par le Reïs-Effendi, vu la nouvelle exaltation dont le Divan a été enflé par ces nouveaux succès. J'ai interprété cela, comme une version emphatique de la sortie, où on nous enleva une redoute etc., et je me félicite de n'en avoir pas fait mystère à mon arrivée ici.

Selon une autre lettre du général Elphingston, qui est maintenant à Constantinople, cette capitale continue à être approvisionnée par Odessa et la Crimée.

Je ne vous rapporte ces choses, monsieur le Comte, que pour vous faire juger de ce qui circule ici, et de l'effet que cela pourrait produire sur les décisions du gouvernement persan.

C'est avec la considération la plus haute et la plus respectueuse que j'ai l'honneur d'être, Monsieur le Comte,

de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

Alexandre Griboyedof.

Tauris.
le 23 Octobre
1828.
№ 85

Перевод с французского:

Бунт в Хорасане не имел других более важных последствий, кроме тех, о которых я сообщил В<ашему> С<иятельству> 21-го прошлого сентября. Начальство над новою армиею, собранною против мятежников, распределено между бывшим эриванским сардарем, его братом Хасан-Ханом, Джафар-Ханом, Суфан-Кули-Ханом и прочими лицами, участвовавшими в кампании 1827 г. против нас.

Царевич Александр просил у Аббас-Мирзы позволения прибыть сюда из Эрзерума, но получил отказ.

По приезде моем сюда, я узнал, что Принц ожидал возвращения из Багдада своего посланного. Причина его размолвки с пашою, похоже, заключается в осквернении священной для алитов кербелайской территории вступлением в нее турецкого войска, в противность заключенного с Персиею торжественного договора, по которому это место богомолья со всем его округом считается нейтральным.

В разговоре со мною Аббас-Мирза сказал мне, что Персия имеет серьезные причины жаловаться на турок, которые не исполняют ни одного договора (замечание любопытное в устах персидского Принца). Он прибавил, что они не выполнили ни одного из условий, в которых сговорились с ним, и что он охотно пристал бы к нам, если бы только был уверен, что это будет приятно Императору. Я дал ему понять, что содействие его не было бы нам неприятно, лишь бы оно не привело к круговой поруке обоюдных интересов, поскольку это только добавит препятствий мирным начинаниям Его Величества Императора. Кроме того, я ему заметил, что теперь он уже не может располагать пашалыками, как было в начале войны: Баязет уже занят нами, а Муш и Ван покорятся при первом появлении русского отряда и что здесь, вероятно, мы запасемся продовольствием для войска; а персидский корпус не принесет нам никакой пользы; напротив, истощит страну и тем помешает нам в дальнейших операциях. Говоря таким образом, я полагал, что чем откровеннее буду в сообщениях такого рода, тем лучше, так как всегда найдется тысяча средств косвенным образом воспламенить его воображение, не давая ему повода свалить вину на нас, в случае если бы он решился на рискованное дело, в котором бы после раскаялся. Он говорил, что далек от намерения помешать нам в чем-либо, напротив, предлагает свои услуги русскому Императору. Пусть укажут ему, куда идти, так, чтобы это не стесняло наших завоевательных планов. Он обойдет Ван и нападет на Багдад.

Два дня спустя он не скрыл от меня полученных им свежих известий от кербелайского шейха, от мутеикского и от других предводителей арабских племен, так как и от знатнейших лиц города Багдада, которые все в заговоре против паши, под предводительством его кеая. Они приглашают Принца прийти к ним с какою бы то ни было, хотя и малочисленною, армиею; тогда они немедленно отделались бы от Давуд-паши, а Аббас-Мирзе предоставили бы город и всю страну. Так как время осеннее и в настоящую минуту Аббас-Мирза, не в состоянии ничего предпринять вследствие наших денежных требований, то я и не воспользовался его политическими сообщениями. Я подожду приказаний В<ашего> С<иятельства>, которые последуют уже по возвращении моем из Тегерана. Не позволяя себе влиять чем-либо на ваше решение, я скажу, что если война продлится, то одновременное взятие Эрзерума русскими, а Багдада Аббас-Мирзою принесет пользу нашему делу.

То, что я имел честь доложить вам до сих пор, предшествовало несколькими днями другому обстоятельству. Английский посланник получил из Константинополя депешу от одного подначального агента, находящегося под покровительством нидерландского посланника. Депеша сообщает, что наши войска потерпели под Шумлою полное поражение, которое приободрило Диван и народ в Константинополе. Там уверены, что в нынешнем году мы не станем пробиваться через Балканы. Известие о предполагаемом уроне русских, донельзя преувеличенном в турецких бюллетенях, похоже, сильно повлияло на набор войска в Азии; и войско это, по словам английского корреспонента, одушевлено желанием сразиться с захватчиками. Этот же успех до того раздул возбуждение Дивана, что Реис-эфенди отверг предложение, сделанное Порте посланником Стратфорд-Канингом, из Корфу, где он ныне живет, — предложение, клонившееся к тому, чтобы расположить ее к миролюбивым мерам. Я принимаю это дело за напыщенное извращение той вылазки, во время которой у нас отняли редут и т. д., и я рад, что не скрывал о том по приезде сюда.

Согласно с другим письмом генерала Эльфингстона, находящегося теперь в Константинополе, эту столицу по-прежнему наделяют продовольствием Одесса и Крым.

Сообщаю вам об этом, Граф, с тем, чтобы дать понятие о здешних слухах и о том действии, которое они могут произвести на решение персидского правительства.

С высочайшим и почтительнейшим уважением честь имею быть, Граф,

Вашего Превосходительства

нижайший и покорнейший слуга

Александр Грибоедов

Тавриз.
23 октября
1828.
№ 85

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

23 октября 1828. Тавриз

Monsieur le Comte.

J'ose supplier, comme une faveur particulière, l'attention de Votre Excellence à un objet qui est très important pour moi et mes employés. Nous sommes si détestablement logés ici, que tout mon monde en est malade. Si Votre Excellence voulait bien m'assigner sur la dette Persane une somme quelconque, pour que je pusse acheter deux, trois masures dans les environs, je les aurais converties en habitations Européennes, si non élégantes, du moins logeables. 3.000 tomans auraient suffi pour cela, et avec 7.000 tom<ans> de plus, on pourrait, dans la suite, procéder à un établissement du même genre à Téhéran. Il n'y a pas d'officier anglais qui ne soit logé beaucoup plus décemment que moi. J'ai déjà déboursé 900 duc<ats> pour les réparations, et les meubles, indispensables dans les pièces que j'occupe.

En cas qu'il me fût trop difficile de tirer tout l'argent en question du gouvernement persan, j'aurais pu toujours en obtenir l'équivalent en matériaux de construction, et lui mettre à compte l'entretien et la paie des ouvriers. Le but serait atteint tout de même, nous aurions été passablement logés.

Ma maison est encombrée, outre mes gens, des prisonniers que je parviens à découvrir, et de leurs parents qui sont venus les chercher, tous pauvres, et n'ayant d'autre abri que l'hôtel de la Mission. Jusqu'à présent, excepté moi et le consul général, on a fourré tous les autres, secrétaires et interprètes, et 10 cosaques que j'ai amenés avec moi, dans de mauvais gîtes, dont on a chassé les propriétaires; ce qui n'est pas, non plus, la manière de nous rendre agréables aux habitais d'ici. Mais on ne peut pas s'en prende à Abbas-Mirza, car l'intérieur de son propre palais est dans un état de délabrement complet: cela fait pitié de voir, comment sont logés cinq à six de ses fils, que je suis allé voir.

N'osant pas insister plus longtemps sur cet objet, j'attendrai la réponse, dont Votre Excellence daignera m'honorer; je prends la liberté d'ajouter seulement, qu'il y va rigoureusement de la santé de tous les membres de la Mission.

Veuillez agréer les assurances de la haute et respectueuse considération, avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Griboyédof

№ 86.
Tauris
le 23 Octobre
1828.

А д р е с:

A S<on> E<xcellence>
M<onsieu>r Comte de Nesselrode

П е р е в о д   с   ф р а н ц у з с к о г о:

Граф.

Осмеливаюсь умолять вас об особом снисхождении, привлекая внимание Вашего Сиятельства к предмету, который очень важен для меня и моих подчиненных. Мы живем здесь в таких ужасных условиях, что все мои люди от того болеют. Если Вашему Сиятельству было бы угодно разрешить мне взять некоторую сумму денег от персидского долга, то я смог бы купить поблизости две или три лачуги, которые я бы переделал на европейский лад, пусть они не будут красивыми, но, по крайней мере, пригодными для жилья. Для этого мне потребны всего лишь 3.000 туманов, а если сверх того я располагал бы еще 7.000 тум<анов>, то впоследствии можно было бы поступить таким же образом и в Тегеране. Любой английский офицер живет в гораздо лучших условиях, чем я. Я уже издержал 900 дук<атов> на ремонт и меблировку комнат, которые я занимаю.

В случае, если получение наличных денег от персидского правительства представится слишком затруднительным, я всегда готов получить эквивалент указанной суммы строительными материалами и выставлю счет только за ремонтные работы и жалование рабочим. Если цель все-таки будет достигнута, мы получим возможность жить в более или менее пристойных условиях.

Мой дом переполнен; кроме моих людей в нем живут пленники, которых мне удалось отыскать, и их родственники, приехавшие за ними. Все они люди бедные, и у них нет другой возможности найти крышу над головой, кроме как в помещении Миссии. До настоящего времени все мои люди, исключая меня и генерального консула, то есть секретари, переводчики и 10 казаков, которых я взял с собой, вынуждены квартировать в лачугах, из которых были выселены их владельцы, что, разумеется, не способствует поддержанию хорошего отношения к нам со стороны местных жителей. Однако во всем этом нельзя винить Аббас-Мирзу, так как в его дворце царит полное запустение; жалость берет, ко-

гда видишь, в каких условиях живут его пять, не то шесть сыновей, которых я недавно посетил.

Не смея больше задерживать вашего внимания на сем предмете, я буду ждать ответа, который соблаговолит дать Ваше Сиятельство. Осмелюсь лишь только обратить внимание на то, что дело идет о здоровье всех членов Миссии.

Примите уверения в глубочайшем и совершенном почтении, с каковым имею честь оставаться,

Граф,
Вашего Сиятельства нижайшим и всепокорнейшим слугой
Александр Грибоедов.

№ 86.
Тавриз.
23 октября
1828.

Адрес:

Его Высокопревосходительству
графу Нессельроде

К. К. РОДОФИНИКИНУ

25 октября 1828. Табриз

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Согласно с видами министерства относительно чиновников дипломатических прикомандированных к г<осподину> главноуправляющему в Грузии, о которых Ваше Превосходительство изволили почтить меня уведомлением за№ 1402, я рекомендовал генеральному нашему консулу г<осподину> надворному советнику Амбургеру, избрать себе переводчика из числа оных чиновников наших; он сделал мне на это весьма уважительное представление, что так как ему нужен переводчик, умеющий хорошо писать по-персидски, а таковых из числа вышедших из восточного института воспитанников еще нет; то он находит гораздо для себя удобнейшим держать при себе по-прежнему, персидского мирзу Али-Экбера, который познаниями своими, усердием и хорошим поведением в полной мере заслуживает его одобрения. Сей мирза находится при г. Амбургере не в качестве чиновника, но на основании статьи Трактата, которою предоставляется персидским подданным право находиться в Российской службе и пользоваться нашим покровительством.

Почитая также для себя полезным иметь на том же основании персидского мирзу, я уже нанял такого, из суммы, назначенной мне на содержание переводчиков.

Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, честь имею быть с совершенным почтением и таковою же преданностью,

Милостивый Государь
Вашего Превосходительства всепокорнейший слуга
А. Грибоедов.

№ 93.
25 октября 1828.
Табриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ
26 октября 1828. Табриз

№ 97
26 октября 1828 г. Тавриз.

Избегая пересочинения одних и тех же бумаг, честь имею представить Вашему Сиятельству в копии две депеши мои к вице-канцлеру. Содержание их слишком близко касается важных поручений и обширного круга действия, высочайшей властью предоставленного Вашему Сиятельству, и потому я почел нужным неукоснительно довести их до вашего сведения. Замечания, которые угодно будет вам сделать по разным предметам, мною излагаемым, могут раскрыть новые виды, которые по отдаленности избежали бы внимания министерства иностранных дел. Честь имею присовокупить следующее:

1) Аббас-Мирза если уплатит 400 т<ысяч> туманов, то решительно не в состоянии дать более наличными деньгами, ибо ни он их не имеет, ни край ему подвластный, в котором все вообще обеднели. Не благоугодно ли будет Вашему Сиятельству принять в уплату вещи, ценностью своею равняющиеся вполне или частью требуемой сумме, иначе мы век не выручим последних 100 т<ысяч> туманов. Если вам угодно будет сделать здесь закупку хлеба или скота, верблюдов, катеров и лошадей, то сие в теперешних обстоятельствах весьма удобно. Не знаю, до какой степени теперь войска действующего отряда нуждаются в продовольствии; может быть, они снабжены им достаточно, но что касается до крупного рогатого скота, то я, во время пребывания моего в Грузии, удостоверился, что его там весьма мало.

2) По получении с персиян четырех пятых долей осьмого курура, за остальные 100 т<ысяч>, ни под каким уже благовидным предлогом нельзя нам удержать Хой, имея в руках наших залог из драгоценных камней на сумму, превосходящую наше требова-

ние. Я всемерно старался негоциировать дальнейшее пребывание войск наших в Хое, согласно с желанием Вашего Сиятельства, предлагал даже возвращение драгоценных камней, но здешнему правительству слишком ощутителен убыток, который оно претерпевает от занятия нами сей области, и доводы его неоспоримы, ибо тем временем, как мы требуем с них следующую нам контрибуцию, они платят вдвойне, быв лишены хойских доходов.

3) Последнее условие Аббас-Мирзы такого рода, что он сверх 350 т<ысяч>, чрез сорок дней уплатит еще 50 т<ысяч> туманов по ракаму, вытребованному мною английскому майору Гарту, для собрания сих денег в различных здешних уездах с помещиков, купцов, ремесленников и проч., но с тем условием, чтобы я, перед отбытием моим в Тегеран, снабдил его бумагою к ген<ералу> Панкратьеву касательно очищения Хойской области, коль скоро сии деньги получатся. Я на сие согласился, имея в виду, что без понуждения моего деньги сии так скоро не уплатятся, и наши войска могут зимовать в Хое, по желанию Вашего Сиятельства. С другой стороны, нельзя, однако, так верно рассчитывать на неаккуратность персидскую. В таком случае, если деньги сии через сорок дней будут уплачены, то не угодно ли будет Вашему Сиятельству перевести в Аббас-Абад или Нахичевань комитет для получения остальных 100 т<ысяч> туманов, весьма, впрочем, сомнительных.

4) Аббас-Мирза не противится пребыванию войск наших в Хое, лишь бы поставить ему для собирания податей и внутреннего управления своих собственных чиновников, а нашим более ни во что не вмешиваться. Если на сие будет разрешение Вашего Сиятельства, то войска наши могут там остаться всю зиму; но сам я не решился принять сие предложение, опасаясь столкновения властей весьма неприятного и даже беспорядков в самом народонаселении той области.

5) Получение остальных 100 т<ысяч> туманов, по обоюдному условию Аббас-Мирзы со мною, отдалено до ноуруза следующего года, т. е. до 10-го марта. Между тем посылается им агент его к Шаху, чтобы под залог тех же драгоценных камней, которые теперь у нас в руках, или акта, которым Аббас-Мирза *поступается* доходами с одной из своих областей в пользу отца своего, получить от Его Величества взаймы означенные 100 т<ысяч> туманов. Я с моей стороны буду подкреплять при Шахе старание сына его, чтобы еще до ноуруза получить сию сумму. Но все сие весьма ненадежно.

6) Надеюсь, что и Ваше Сиятельство одобрите несовершенную мою доверенность к английскому ручательству. Оно было

основано на слове и фирмане шахском. Но Шах отказался, — следовательно, и ручательство Макдональда — личное, не обеспеченное полномочием на то от его правительства. Но хотя я всемерно стараюсь от самих персиян выручить те 100 т<ысяч> туманов, за которые поручился Макдональд и половина коих уже отправлена в Хой, чем избавляю и его и себя от ответственности; со всем тем я имею в руках бумагу с подписью английского посланника, в силу коей он обязывается платить нам, если бы персияне оказались несостоятельными.

В заключение честь имею испросить окончательного распоряжения Вашего Сиятельства насчет очищения Хойской провинции. Конвенция, одобренная как вами, так и по представлению вашему Государем Императором, остается во всей силе. За 300 т<ысяч> Ваше Сиятельство согласны были вызвать оттуда войска наши; сия сумма и, сверх того, 50 т<ысяч> уже уплачены, и 50 т<ысяч> других также будут отданы в свое время или несколько позже, по обычаю здешнему. Но тогда уже не поздно ли будет войскам нашим выступать в поход, по испорченности дорог в зимнее время? Если же принуждены они будут зазимовать в Хое, то будете ли Ваше Сиятельство согласны, чтобы мы не взимали никаких денежных податей с тамошних жителей? В таком случае и Аббас-Мирза не станет домогаться скорейшего очищения сей области. Прошу Ваше Сиятельство почтить меня как можно поспешнее вашим ответом. Если я уже к тому времени отбуду в Тегеран, то генеральному консулу нашему предоставлю право распечатывать официальные конверты, которые присылаемы будут на мое имя, и он по сему предмету будет руководствоваться вашим предписанием.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

30 октября 1828. Табриз

30 октября 1828. Тавриз

Милостивый Государь
Константин Константинович!

Почтеннейшее письмо Вашего Превосходительства от 25 сентября имел честь получить вчера и спешу благодарить за участие, которое вам угодно принимать в домашних и дипломатических моих делах.

Насчет моей свадьбы, это вещь простая. Кабы я не заболел в Тифлисе, то она бы отложена была до будущего лета. Но, замешкавшись по расстройству здоровья, не хотел я упустить сего случая, и просил тогда же графа Ивана Федоровича довести сие до Высочайшего сведения посредством отношения к Его Сиятельству г<осподину> вице-канцлеру. Ни болезнь, ни жена однако меня долго не задержали. 6-го августа я воротился из Турции в Тифлис, а 9-го сентября выехал сюда. Но за то лихорадка мне с жестокостию отплатила на дороге, и я в Табриз доплелся в полном смысле полуживой. Для пользы вверенных мне дел я слишком рано сюда прибыл, и знал это наперед, но боялся быть в ответственности перед начальством, которое у нас соразмеряет успех и усердие в исполнении поручаемых дел по более или менее скорой езде чиновников. Из Тифлиса я бы угрожал Аббас-Мирзе, что вовсе не буду, коли он сполна не заплотит следующих нам денег, так я и начал; а он, зная, что мое прибытие есть залог его безопасности и покровительства России, поспешил начать уплату. Если бы я еще месяц сюда не приехал и продолжал мой маневр, то о сю пору весь 8-й курур был бы уже в наших руках. Теперь же что вышло? Меня мучат с утра до глубокой ночи бестолковыми предложениями, просят неотступно о прощении им сперва двухсот, потом 100, потом пятидесяти тысяч туман. Доводы неоспоримы, они разорены кругом, а я конечно ни на что не соглашаюсь. Но дела нейдут вперед. До моего сюда прибытия выколотили у них 200 т<ысяч>, покуда я в Эривань не прибыл, и 100 с тех пор. Но коль скоро услыхали, что я в Нахичевани, то решительно отказались платить более. Таково умоначертание здешнего народа и правительства. Всякого новоприезжего дипломатического агента они встречают как человека, облеченного в обширную власть, который должен им делать от себя уступки, угождения, подарки и т. д. В двадцать пять дней я у них насилу мог изнасильствовать 50 т<ысяч> сверх 300, а за 150 т<ысячами> остальными еду в Тейран, куда послан Аббас-Мирзою Макниль для исходатайствования ему взаймы от отца его 100 т<ысяч>. Действия Макниля я должен буду подкреплять моим настоянием при шахе. Теперь, Ваше Превосходительство, сообразите трудность моего положения. Война с Турциею не кончена, и теперь совсем не те обстоятельства, чтобы с ненадежным соседом поступать круто и ссориться.

Мало надеюсь на свое умение и много на русского Бога. Еще вам доказательство, что у меня Государево дело первое и главное, а мои собственные ни в грош не ставлю. Я два месяца как женат, люблю жену без памяти, а между тем бросаю ее здесь од-

ну, чтобы поспешить к Шаху за деньгами в Тегеран, а может быть, и в Испаган, куда он на днях отправляется.

Иванов решительно отказался от своей должности и подал официальную бумагу, что он ни за что не останется. Он вам сам скажет, что я его уговаривал самыми убедительными доказательствами, объявил ему от вашего имени, что он не найдет в Петербурге ни места, ни жалованья; но он остался непреклонен и на днях едет. Нельзя же мне поневоле держать чиновника! Ему же хуже, и жаль, он гораздо способнее, нежели я полагал. Рука по-французски и по-русски очень четкая, а на русском языке и слог его не дурен.

Прощайте, Ваше Превосходительство.

Примите уверение в чувстве неограниченного почтения я преданности, с коими имею честь быть

ваш всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Амбургер желает иметь Шаумбурга, но обо всем этом я официально отнесусь к В<ашему> Пр<евосходительству> с Ивановым, он дня чрез два едет.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

31 октября 1828. Табриз

Милостивый Государь
граф Иван Федорович!

Нижегородского драгунского полка прапорщик князь Роман Чавчавадзе, посланный ко мне с бумагами от Вашего Сиятельства, был здесь мною представлен с прочими чиновниками Аббас-Мирзе. Его Высочество удостоил его пожалованием ордена Льва и Солнца второй степени. Фирман в оригинале и переводе на имя князя Чавчавадзе честь имею при сем представить на благоутверждение Вашего Сиятельства.

Пребываю с совершенным почтением и преданностию,
Милостивый Государь,

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

31-го октября 1828 г.
Табриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

31 октября 1828. Табриз

Отношение
31-го октября 1828 г. Тавриз.

В ответ на почтеннейшее отношение, Ваше Сиятельство, от 22-го сентября, № 414, честь имею известить вас, что я предлагал английскому посланнику получить от меня 2000 черв<онных>, которые были выданы мне из интендантства Отдельного Кавказского корпуса на сей предмет, во время пребывания моего в главной квартире Вашего Сиятельства при Ахалкалаке. Макдональд просил меня, чтобы всех данных им взаймы нашему консулу 3650 черв<онных>, и 750 Абуль-Хасан-хана включительно, Ваше Сиятельство взяли на себя труд сделать перевод через С.-Петербург в Лондон, на имя г<оспод> Базет, Кольвин, Кравфорт и комп<ании>, которых адрес при сем честь имею приложить. Ассигнацию же Вашего Сиятельства, данную Абуль-Хасан-хану на 3000 туманов, я пересылаю с нынешним моим курьером. Лестный отзыв Вашего Сиятельства насчет Макдональда и благосклонность, с которою вы изъявляете угодность быть ему всегда полезным, я имел удовольствие ему передать, за что он приносит Вашему Сиятельству чувствительнейшую благодарность.

2000 черв<онных>, которые я получил из интендантства, я, по собственному разрешению Вашего Сиятельства, удержал у себя и прошу вас покорнейше приказать зачесть их в счет моего жалованья на следующий год.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

9 ноября 1828. Табриз

M<onsieu>r le Comte

J'étais à la veille de partir pour Téhéran, moins dans le but de porter mes lettres de créance, ce qui aurait pu se faire beaucoup plus à propos au Naurouz, que pour tâcher d'appuyer les démarches d'Abbas Mirza auprès de son frère pour un emprunt de 100 m<ille> tomans; mais le Schah vient d'écrire à son fils pour lui annoncer son prochain départ de Téhéran, et me fait engager de rester ici en attendant qu'il soit revenu. C'est à Férahon, un petit bourg sur le chemin de Hammadan à Ispahan, que la cour du Schah va se transporter pour deux semaines, et tout le voyage durera quarante jours. Cette circon-

stance ne m'est pas inopportune, car je viens de recevoir en même temps une dépêche du général comte Paskevitch d'Erivan, qui donne à mes affaires ici une direction toute autre que celle que j'avais adoptée.

Le général m'a antérieurement adressé plusieurs papiers l'un plus pressant que l'autre, pour que je fisse en sorte que par la suite nos troupes passent hiverner à Khoi.

J'eus bientôt atteint ce but en prolongeant le terme de paiement, ce qui me valut encore les bonnes grâces d'Abbas Mirza, quand le dernier courrier vient m'apporter une invitation très positive de terminer la question de Khoi au plus tôt, vu que le détachement d'occupation devient indispensable pour nous maintenir dans le Pachalik de Bayazed. Je ne saurais dissimuler à V<otre> E<xcellence> que ma mission ici est hérissée de difficultés. D'abord nos prétentions d'argent et d'un autre côté les ménagements à garder avec Abbas Mirza dans les conjonctures actuelles, où il n'a qu'un petit scrupule de conscience à franchir pour se refuser à tout ce qu'on exige de lui, convaincu, comme il doit l'être, qu'on est trop occupé chez nous de la guerre contre les Turcs, pour songer à lui. Il faut y ajouter que ses ressources financières sont nulles.

Je ne puis pas trop me plaindre en conséquence de la conduite qu'on tient envers moi. On m'allègue, il est vrai, une infinité de mauvaises raisons, comme c'est l'usage ici, pour se soustraire à ce qui nous revient de droit, mais il est sur, que si le gouvernement n'effectue pas à point nommé le paiement auquel il est tenu par le Traité, c'est qu'il y a une impossibilité matérielle.

Ma propre conduite est dénuée d'artifice. En public je témoigne les plus grands égards à l'héritier du trône, reconnu tel par Sa Majesté l'Empereur, et si je me raidis de temps à autre contre un peu de mauvaise foi de sa part, ce n'est qu'en tête à tête, encore fais-je tout pour ne pas blesser son amour propre.

Il me reparle souvent de Bagdad, mais je ne sais comment il se mettrait en campagne, moins l'attirail de guerre, les soldats, l'argent surtout. Cependant il ne lui faudrait pas de grands moyens pour un coup de main, favorisé, comme il se dit, par la disposition morale des différentes peuplades au-delà du Tigre.

Il m'a demandé s'il pouvait vous adresser directement un courrier, pour s'informer, par l'entremise de Votre Excellence, de la santé de notre Auguste Souverain, et pour protester à Sa Majesté de son respectueux dévouement, etc. J'ai cru que si je tâchais de l'en détourner, il aurait pu soupçonner de la part de notre gouvernement une méfiance trop craintive, et l'envoi d'un simple courrier ne saurait tirer à conséquence. Je lui exprimai mon approbation à son idée; mais j'ose vous

18 Заказ № 1590

supplier en même temps, M<onsieu>r le Comte, de ne donner à son envoyé aucun accès auprès de votre personne pour une négociation quelconque, sans quoi V<otre> E<xcellence> se verrait bientôt assaillie par une foule de négociateurs persans, les plus importuns du monde, sans compter le prince royal lui-même, qui persiste à aller à Pétersbourg, ou bien au quartier impérial en Bulgarie, et partout ailleurs. La nouvelle, vraie ou fausse, lui est parvenue, que S<a> M<ajesté> reviendrait passer l'hiver à Pétersbourg, et il me persécute pour lui obtenir la permission d'aller se rendre à la Cour Impériale. Il courrait volontiers la poste, dit-il, au fort de l'hiver, avec une suite peu nombreuse, pourvu qu'on le lui permît.

Je supplie V<otre> E<xcellence> de vouloir bien m'instruire de votre façon de penser à cet égard.

C'est avec la plus haute et la plus respectueuse considération que j'ai l'honneur d'être, M<onsieu>r le Comte,

de V<otre> E<xcellence>
le très humble et très obéissant serviteur
A. Griboyedoff

№ 150.
Tauris. Le 9 novembre 1828.

Перевод с французского:

Граф.

Я собирался отправиться в Тегеран не столько с целью доставить верительные грамоты, что было бы более уместно во время Навруза, сколько с тем, чтобы постараться поддержать хлопоты Аббас-Мирзы перед его братом в связи с займом 100 т<ысяч> туманов; но Шах написал своему сыну о своем скором отъезде из Тегерана и вынуждает меня обещать остаться здесь до его возвращения. Двор Шаха собирается перебраться на две недели в Ферахон, небольшое местечко по дороге из Хамадана в Испаган, все путешествие продлится сорок дней. Это обстоятельство не явилось для меня несвоевременным, так как я в то же время получил из Эривани депешу от генерала графа Паскевича, которая указывает моей деятельности здесь совсем иное направление, чем то, которое я выбрал прежде.

Ранее генерал направил мне несколько документов, один более срочный, чем другой, с тем чтобы я предпринял меры для того, чтобы впоследствии наши войска перешли зимовать в Хою.

Вскоре я достиг этой цели, отложив срок выплаты, и это дало мне новые милости со стороны Аббас-Мирзы, когда с последней почтой я получил положительное предложение закончить как можно скорее дело с Хоей, ввиду того, что оккупационный отряд стал необходим для удержания Баязетского пашалыка. Не стану скрывать от В<ашего> П<ревосходительства>, что моя миссия здесь исполнена трудностей. Во-первых, — наши денежные требования и, с другой стороны, — необходимость поддерживать церемонии с Аббас-Мирзой в настоящих обстоятельствах, когда ему достаточно преодолеть только одно небольшое сомнение, чтобы отказаться от исполнения всего, что от него требуется, по-

скольку он убежден, и справедливо, что мы слишком заняты войной против турок, чтобы думать о нем. К этому надо добавить, что его финансовые запасы ничтожны.

Следовательно, я не могу особенно жаловаться на то отношение, которое мне выказывают. Мне действительно приводят массу доводов, как это принято здесь, чтобы уклониться от того, что нам положено по праву, но совершенно очевидно, что, если правительство не осуществит в назначенный срок выплату денег, которую обязано осуществить согласно Трактату, то они этого не сделают вследствие их отсутствия.

Мое собственное поведение лишено всякого лукавства. На публике я выказываю знаки высочайшего уважения наследнику трона, признанному таковым Его Величеством Императором, а если я время от времени противлюсь некоторой недобросовестности, проявляемой им, то только наедине и так, чтобы не ранить его самолюбия.

Он часто заговаривает со мной о Багдаде, но не знаю, как он может начать военные действия, не имея военного снаряжения, солдат и, главное, денег. Между тем ему не потребуется больших средств для этого предприятия, так как ему, как он говорит, благоприятствует моральное расположение различных племен по ту сторону Тигра.

Он меня спросил, не может ли он направить письмо вам лично, чтобы узнать через посредство Вашего Превосходительства о здоровье нашего Августейшего Государя и чтобы выразить Его Величеству свою почтительнейшую преданность и т. д. Я подумал, что если я постараюсь его от этого отговорить, он может заподозрить со стороны нашего правительства чересчур осторожное недоверие, а отправка простого письма не может привести к серьезным последствиям. Я высказал одобрение его намерениям; но одновременно я осмеливаюсь умолять вас, Граф, не допускать его посыльного до себя для каких-либо переговоров, в противном случае В<аше> П<ревосходительство> вскоре окажется осажденным толпой персидских посредников, самых назойливых на свете, не считая самого наследного принца, который настаивает на том, чтобы ехать в Петербург или в Императорскую Главную Квартиру в Болгарии, или в любое другое место. До него дошла новость, правдивая или ложная, что Е<го> В<еличество> вернется на зиму в Петербург, и он меня преследует просьбой о получении разрешения приехать к Императорскому Двору. Он охотно будет ехать на почтовых в разгар зимы, говорит он, с малочисленной свитой, лишь бы ему это позволили.

Я умоляю В<аше> П<ревосходительство> сообщить мне ваше мнение на этот счет.

С почтительным уважением честь имею быть, Граф,
В<ашего> П<ревосходительства>
всенижайшим и всепокорнейшим слугою
А. Грибоедов.

№ 150.
Тавриз, 9 ноября 1828.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

9 ноября 1828. Табриз

M<onsieu>r le Comte,

Le départ du Schah pour Férahon dans une saison aussi rigoureuse a été motivé par plusieurs circonstances très importantes, que je m'empresse de porter à votre connaissance autant que j'en sais.

1) Les affaires de Khorassan ne vont pas au gré du gouvernement. On a beaucoup espéré des talents militaires et du crédit dont jouissait parmi les habitants le ci-devant sardar d'Erivan; mais il est réduit, jusqu'ici, à se tenir à l'écart des villes fortifiées qui ne lui ouvrent pas les portes. Il est encore à trois farsanges de Nichapour, pour y attendre les renforts que son frère lui doit amener.

2) La ville et le district de Yezd sont en pleine rébellion.

3) Le Louristan s'est insurgé de même, déchiré par différents partis. Deux des fils du Schah s'y trouvent en dispute de pouvoir: Mehmud et Mehemmed Tagui.

4) C'est de même dans le Kerman qui s'est soulevé pour avoir été trop opprimé par son gouverneur, le fils du Roi, Hassan-Ali-Mirza, dont le général, Hakim Khan, vient d'essayer un échec contre les rebelles, commandés par Chefi-Khan.

C'est à la suite de ces désordres que le Schah a résolu son départ, autant pour se rapprocher des provinces du Midi nouvellement révoltées, que pour tâcher de tirer de l'argent et des troupes de ses fils, le gouverneur du Bouroudgird, celui de Hamadan et d'autres, auxquels il a envoyé ses ordres très pressants pour venir le trouver à Férahan.

Veillez agréer les assurances de la haute et respectueuse considération, avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

M<onsieu>r le Comte,
de V<otre> E<xcellence>
le très humble et très obéissant serviteur
A. Griboyedoff

№ 151.
Tauris.
Le 9 novembre 1828.

Перевод с французского:

Граф,

Отъезд Шаха в Ферахон в столь суровое время года был вызван несколькими весьма важными обстоятельствами, которые я спешу довести до вашего сведения настолько, насколько они мне известны.

1) Дела в Хорасане идут не так, как желало бы правительство. Многого ожидали от военного таланта и влияния на жителей бывшего эриванского сардаря; между тем до сих пор он принужден держаться в стороне от укрепленных городов, которые не открывают ему ворот. Он находится еще в трех фарсангах от Нишапура, в ожидании присылки подкрепления от брата.

2) В городе Иезде и округе его открытый мятеж.

3) Восстание также в Луристане, раздираемом несколькими партиями. Двое из сыновей Шаха спорят из-за власти: Мехмуд и Мехеммед-Таги.

4) Так же обстоит дело и в Кермане, восставшем против притеснений губернатора, сына Шаха Хасан-Али-Мирзы, генерал которого, Хаким-Хан, недавно потерпел поражение от мятежников, возглавляемых Шефи-Ханом.

Вследствие этих беспорядков Шах решился на отъезд как для того, чтобы быть ближе к недавно восставшим южным провинциям, так и для собрания денег и войска у сыновей своих, губернаторов Бурунджира, Хамадана и других, которым он послал приказы о немедленном прибытии к нему в Ферахан.

Примите уверения в высоком и почтительнейшем уважении, с которым честь имею пребывать,

Граф,

В<ашего> П<ревосходительства>

всенижайшим и всепокорнейшим слугою

А. Грибоедов.

№ 151.
Тавриз.
9 ноября 1828.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

9 ноября 1828. Табриз

Милостивый Государь
Константин Константинович!

По прибытии моем в Табриз, я здесь нашел г<осподина> титулярного советника Иванова, который убедительно просил меня уволить его от занимаемой им ныне должности секретаря г<осподи>на генерального консула. Я старался отклонить г<осподи>на Иванова от принятого им намерения; но причины его показались мне впоследствии уважительными. Пробыв 6 лет в Персии в одном чине, он решительно полагает для себя невыгодным остаться здесь долее. Что касается до своего повышения, то он убежден в справедливости начальства, что проведенное им здесь время будет принято во внимание; но при нынешней своей должности опасается, что род занятий, с нею сопряженных, по неважности своей лишает его возможности усовершенствовать свои способности, дабы сделаться со временем полезным для заведования делами, требующими гораздо более навыков и познаний. И потому он готов на условиях менее выгодных насчет жалованья продолжать службу свою в Петербурге под лестным начальством Вашего Превосходительства или во внутренности России, но только не здесь и не в нынешнем качестве. Я, с моей стороны, не мог долее отказывать ему в его просьбе и дал ему позволение ехать, полагая, что держать чиновника в противность его склонностям мало обещает успеха для дел ему вверенных; с другой стороны, мне самому известно, с какими лишениями сопряжено долговременное пребывание в Персии, если оно даже подкреплено доброю волею и твердым намерением устоять против неприятностей, скуки, отсутствия развлечений и всех невыгод здешнего края.

Я должен отдать справедливость г<осподину> Иванову, что он чиновник ревностный и способный для канцелярских упражнений. Здесь он также с успехом управлял делами в отсутствие в Тегеране г<осподина> Амбургера. И потому я, не желая, чтобы он время свое потерял бесполезно, рекомендовал его Его Сиятельству господину графу Паскевичу-Эриванскому для причисления его к своей канцелярии на место титулярного советника Шаумбурга, которого можно переместить сюда в должность секретаря г<осподина> генерального консула, что и почитаю долгом довести до сведения Вашего Превосходительства.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейшим слугой
А. Грибоедов.

№ 153.
Ноября 9-го дня
1828.
Тавриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

10 ноября 1828. Тавриз

Tauris. 10 novembre 1828.

J'avais déjà prolongé le terme du paiement qui nous est dû pour l'évacuation de Khoy, dans le but d'y faire hiverner nos troupes, comme Votre Excellence me l'avait d'abord recommandé, quand le papier du général baron Sacken sub № 393 me parvint, m'annonçant la nouvelle destination du détachement cantonné à Khoy.

J'ai cru devoir communiquer au Prince royal, que le général Pankratieff, rassuré par moi sur le terme prochain auquel le rachât de Khoy devait être effectué définitivement, s'<est> à d<ire> dans les 25 jours à dater du 26 octobre, comme nous en étions convenus avec Son Altesse, s'apprêtait à marcher avec la majeure partie de son détachement, pour éviter par la suite la mauvaise saison; mais j'ajoutais comme s'il exigeait une garantie par écrit de moi, qu'à l'avenir ses troupes ne seraient pas replacées dans la fâcheuse alternative de venir réoccuper la province, si Son Altesse nous

manquait de parole. D'un côté la joie imprévue de se voir sitôt débarrassé du corps d'occupation, et de l'autre la crainte que si nos troupes revenaient, cela serait pour ne plus se désemparer d'une province qui est, peut-être, la plus riche de l'Adzerbeidjan; enfin d'une façon ou de l'autre, on fit en sorte, qu'aujourd'hui encore ou demain, 35 m<ille> tomans de plus seront envoyés à Khoy; et c'est ainsi que je me vois réduit à leur tirer pièce par pièce la somme requise: maintenant moins que jamais, je saurais fixer l'époque à laquelle nous pourrions la retirer en entier. Peut-être y a-t-il de ma propre inexpérience dans le mode de traiter avec les hommes d'ici, mais je vous assure, Monsieur le Comte, que trop de raisons militent en leur faveur. D'abord le dénuement complet dans lequel se trouve le prince et tous ses sujets, et d'autres considérations d'un ordre majeur — ce sont nos affaires en Turquie, si loin d'être terminées; je suis tout à fait de l'opinion de Votre Excellence, qu'on pourrait encore faire adopter chaudement nos intérêts à Abbas-Mirza, si la guerre allait durer plus longtemps; mais, en ce cas, il ne faudrait pas le pousser à bout par nos prétentions d'argent.

Le Schah vient de quitter sa capitale pour se rendre à Férahan, un petit bourg sur le chemin de Hamadan à Ispahan. Il a adressé une lettre à son fils pour m'engager de rester ici jusqu'à ce qu'il soit de retour. Son départ précipité dans une saison aussi avancée, doit avoir été motivé par des circonstances assez impérieuses. Je m'empresse de transmettre à votre connaissance celles qui me sont parvenues.

1) Les affaires de Khorassan ne vont pas au gré du gouvernement. On a beaucoup espéré des talents militaires et du crédit dont jouissait parmi les habitants le ci-devant sardar d'Erivan, mais il est réduit jusqu'ici à se tenir à l'écart des villes fortifiées, qui ne lui ouvrent pas les portes. Il est encore à trois farsangues de Nichapour, pour y attendre les renforts que son frère lui doit amener.

2) La ville et le district de Yezd sont en pleine rébellion.

3) Le Louristan s'est insurgé de même, déchiré par différents partis. Deux des fils du schah s'y trouvent en dispute de pouvoir: Mahmoud et Mouhammed Tagui.

4) Il en est de même dans le Kerman que s'est soulevé pour avoir été trop opprimé par son gouverneur, le fils du roi, Hassan-Ali-Mirza, dont le général Hachim-khan vient d'essuyer un échec contre les rebelles, commandés par Chéfi-khan.

C'est à la suite de ces désordres que le Schah a résolu son départ autant pour se rapprocher des provinces du midi, nouvellement révoltées, que pour tâcher de tirer de l'argent et des troupes de ses fils,

le gouverneur de Bouroudjird, celui de Hamadan et d'autres, auxquels il à envoyé des ordres très pressants pour venir le trouver à Férahan.

Veuillez agréer etc.

Перевод с французского:

Тавриз, 10 ноября 1828.

Я успел уже продлить срок уплаты должных нам за очищение Хоя денег, с намерением оставить там наши войска на зимовку, согласно с предписанием Вашего Сиятельства, когда получил от генерала барона Сакена извещение за № 393 о новом назначении квартирующего в Хое отряда.

Я счел долгом сообщить Принцу, что генерал Панкратьев, успокоенный мною насчет близкого выкупа Хоя, а именно в 25 дней, считая с 26-го октября, по уговору нашему с Его Высочеством, готовится к выступлению с большею частью своего отряда, с намерением избежать приближающегося дурного времени года, однако к этому я прибавил, будто генерал требовал от меня письменного ручательства в том, что впредь войска его не будут поставлены в неприятную необходимость снова занять провинцию, в случае если Его Высочество не сдержит данного нам слова. От неожиданной ли радости, что так скоро очистится страна от чужого войска, или от страха, как бы наши войска, возвратясь, не засели уже окончательно в провинции чуть ли не самой богатой во всем Адербейджане; как бы то ни было, персияне устроили так, что не далее как сегодня или завтра будут доставлены из Хоя еще 35 т<ысяч> туманов. Таким-то образом я вымогаю у них по частям полагающуюся нам сумму; теперь менее чем когда-либо, я в состоянии определить время, в которое мы получим ее сполна. Может быть, виновата собственная моя неопытность в ведении дел с здешним народом, но и то надобно сказать, граф, что многое ратует в его пользу. Это прежде всего совершенный недостаток в средствах как у принца, так и у его подданных; далее иные высшие соображения — положение наших дел в Турции, далеко не решенных. Я совершенно согласен с мнением Вашего Сиятельства, что, если еще продлится война, можно бы склонить Аббас-Мирзу вполне в нашу пользу; но, в таком случае, не надобно преследовать его нашими денежными претензиями.

Шах выехал из своей столицы и направился на Ферахан, местечко, лежащее на пути из Хамадана в Испагань. Он писал сыну, чтобы тот попросил меня остаться здесь до его возвращения. По-видимому, важные обстоятельства заставили его поспешить отъездом в такую позднюю пору. Спешу передать вам из них те, которые до меня дошли.

1) Дела в Хорасане идут не так, как желало бы правительство. Многого ожидали от военного таланта и влияния на жителей бывшего эриванского сардаря; между тем до сих пор он принужден держаться в стороне от укрепленных городов, которые не открывают ему ворот. Он находится еще в трех фарсангах от Нишапура, в ожидании присылки подкрепления от брата.

2) В городе Иезде и округе его открытый мятеж.

3) Восстание также в Луристане, раздираемом несколькими партиями. Двое из сыновей Шаха спорят из-за власти: Мехмуд и Мехеммед-Таги.

4) Так же обстоит дело и в Кермане, восставшем против притеснений губернатора, сына Шаха Хасан-Али-Мирзы, генерал которого, Хаким-Хан, недавно потерпел поражение от мятежников, возглавляемых Шефи-Ханом.

Вследствие этих беспорядков Шах решился на отъезд как для того, чтобы быть ближе к недавно восставшим южным провинциям, так и для собрания денег и войска у сыновей своих, губернаторов Бурунджира, Хамадана и других, которым он послал приказы о немедленном прибытии к нему в Ферахан.

Примите и пр.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

11 ноября 1828. Табриз

Отношение

Я имел честь известить Ваше Сиятельство об отправлении персидским правительством 30 тыс<яч> туманов в счет 8-го курура. Между тем генерал-майор Панкратьев уведомил меня, что, по случаю выступления его из Хоя, Вашему Сиятельству угодно учредить, для приема следующих нам от персидского правительства денег, комитет в Аббас-Абаде, под председательством генерал-майора Мерлини. Вследствие чего я уже вступил в надлежащее сношение с здешним правительством, дабы оно отправляло следующие нам деньги не в Хой, а в Аббас-Абад, и вместе с тем отнесся к генерал-майору Мерлини, дабы он, до учреждения комитета, отправляемые персиянами суммы принимал к себе под сохранение в Аббас-Абаде, где находились бы они на ответственности коменданта и персидского сдатчика до окончательного принятия оных новоучрежденным комитетом. Но дабы замедление с нашей стороны в приеме отправляемых персиянами сумм не могло послужить им предлогом к просрочке следующей нам уплаты, я почел нужным обратиться к Вашему Сиятельству с убедительнейшею просьбою, дабы вы изволили предписать, чтобы упомянутый комитет в Аббас-Абаде был учрежден в наискорейшем времени и немедленно приступил к отправлению вверенного ему поручения.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

12 ноября 1828. Табриз

Отношение
12-го ноября 1828 г. Тавриз.

По выступлении наших войск из Тавриза, надворный советник Амбургер, по лестному выбору Вашего Сиятельства, был здесь оставлен в качестве комиссара, впредь до учреждения здесь постоянной миссии, и в исправлении вверенных ему дел неоднократно удостоился одобрения вашего. По болезненному своему состоянию, он лично просил Ваше Сиятельство, чтобы ему дозволено было, по прибытии сюда поверенного в делах или министра, отправиться обратно в Россию для излечения, и удостоен был ва-

шим на это согласием; но вскоре потом министерство иностранных дел нашло полезным учредить вместе с постоянною миссиею и генерального консула, в котором качестве был назначен надворный советник Амбургер. По прибытии моем сюда, он в течение 10-ти лет почти беспрерывно находился в службе в Персии, исключая кратчайший промежуток, когда он отбыл в С.-Петербург вслед за кн. Меншиковым, и вскоре опять воротился на службу с действительным статским советником Обресковым. Я, однако, не мог согласиться на его просьбу, находя его пребывание здесь необходимым, особенно в нынешних обстоятельствах, и он решился дождаться более благоприятного времени. Вместе с сим я, однако, должен заметить, что его жалованье весьма недостаточно по здешним издержкам, и притом ему ничего не дано на обзаведение. Вашему Сиятельству известно, как всякое сношение с персиянами завлекает в непредвидимые и неизбежные расходы, и потому я почел долгом обратиться с ходатайством к вашему благосклонному посредству, чтобы Амбургеру испросить прибавку к нынешнему его жалованью, по крайней мере 600 черв<онных>, что составит 1800 р<ублей>. Также единовременную сумму, хотя в виде награды, чтобы он мог на первый случай устроить свое хозяйство и несколько уравнить приходы свои с расходами, которые бóльшею частью определяются не частными прихотями, а надобностями, тесно сопряженными с его званием.

Я уверен, что предстательство ваше как государственного человека, облеченного особенным доверием Его Императорского Величества, и как разборчивого начальника, имевшего случай оценить по достоинству способности и усердие Амбургера, непременно будет уважено Министерством иностранных дел, что и побудило меня утрудить Ваше Сиятельство моим представлением в его пользу, преимущественно пред вице-канцлером, в глазах которого, конечно, мое мнение не может иметь равного веса с отношением к нему Вашего Сиятельства.

Открытый лист И. А. Иванову

13 ноября 1828. Табриз

Открытый лист на ноябрь № 20

Секретарь Российского Императорского Генерального Консульства в Персии г<осподи>н титулярный советник и кавалер Иванов с при нем будущими следует с самонужнейшими бумагами в Тифлис. Гг. российские начальники сим приглашаются нигде, как

его, так и будущих при нем не задерживать, с казачьих же постов давать по 5 лошадей за указанные прогоны с проводником.

Российско-императорский полномочный министр в Персии
Грибоедов.

Тавриз
13 ноября 1828 года.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

24 ноября 1828. Тавриз

Милостивый Государь князь Александр Гарсеванович!

Жена Гусейн-хана сардаря, Хаджи-Бегум, ныне проживающая в Хое, прислала мне документы на имение ее, находящееся в Эривани. Препровождая к Вашему Сиятельству в копии упомянутые на имение Хаджи-Бегум доказательства, прошу вас покорнейше поверенному ее, отправляющемуся по сему делу в Эривань, оказать всякое пособие для отыскания права его верительницы, о чем уже имел я честь лично просить Ваше Сиятельство в проезд мой через Эривань.

Имею честь быть с совершенным почтением и таковою же преданностью,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга
А. Грибоедов.

Ноября 24-го дня 1828
Тебриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

26 ноября 1828. Тавриз

Отношение
26 ноября 1828 г. Тавриз.

Из бумаг Вашего Сиятельства, полученных мною с последним из Тифлиса прибывшим курьером, я заметил, что многие мои депеши, давно уже мною отправленные, до сих пор не получены Вашим Сиятельством. Сие замедление я могу только приписать остановкам в карантинах и потому прошу Ваше Сиятельство приказать, чтобы, задерживая моих курьеров положенное число дней, бумаги от них тотчас были отбираемы и окурены, для немедленного препровождения к Вашему Сиятельству.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

29 ноября 1828. Табриз

Милостивый Государь,
Константин Константинович!

Вследствие почтеннейшего отношения Вашего Превосходительства за № 1691, октября 16-го, о приискании здесь для Министерства иностранных дел переводчика, знающего индейский язык, я не упущу приложить всевозможное старание, дабы чрез армянское духовенство отыскать такого между армянами, часто ездящими по торговым делам в Индию. О последующем долгом поставлю себе уведомить Ваше Превосходительство.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
А. Грибоедов.

№ 204.
29 ноября 1828.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

29 ноября 1828. Табриз

Отношение № 207
29-го ноября 1828 г. Тавриз.

На почтеннейшее отношение Вашего Сиятельства от 16-го октября, № 420, об истребовании от персидского правительства русских беглецов, составляющих так называемый здесь «Русский батальон», имею честь ответствовать, что я, на основании слов Трактата, неоднократно повторял о том требование персидскому правительству, но до сих пор оно от сего уклонялось по известной своей медлительности в подобных делах и всегдашнему желанию отклоняться от всякого справедливого нашего требования, ссылаясь притом на статью XIV, в которой сказано, что *ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет требовать выдачи переметчиков и дезертиров, перешедших в подданство другой до начатия последней войны или во время оной*, а о выдаче перебежавших после войны умолчено.

Что же касается до так называемого майора Самсона, то я имею уже известие, что он будет наконец немедленно выслан за Кизыл-Узен, по неоднократному и настоятельному о том требованию.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

29 ноября 1828. Табриз

Милостивый Государь
граф Иван Федорович!

Отношением от 9-го ноября 1828 г. за № 2866 Ваше Сиятельство изволили уведомить меня, что г<осподин> карабахский комендант капитан Калачевский донес покойному тифлисскому военному губернатору о притеснениях, причиняемых персидским правительством армянам, желающим переселиться в Карабах, вследствие чего угодно Вашему Сиятельству, дабы я вступил по сему предмету в надлежащее сношение с его высочеством Наиб-Султаном.

За особенное удовольствие поставляю себе донести ныне до сведения Вашего Сиятельства, что еще до получения почтеннейшего вашего отношения по сему предмету, по бумагам капитана Калачевского было уже по настоятельному моему требованию сделано надлежащее исполнение.

Аббас-Мирза отправил рагам для покровительства и для возвращения семейств и имуществ тем из карабахских жителей, которые к нам переселились.

С совершенным почтением и таковою же преданностию имею честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Сиятельства покорнейший слуга
А. Грибоедов.

№ 208.
Ноября 29 дня. 1828.
Табриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

29 ноября 1828. Табриз

29 ноября 1828. Табриз.

Подлинно оный Сафраз Сааков употреблен был в прошедшую кампанию, до взятия Аббас-Абада, на посылку письма Вашего

Сиятельства к нахичеванским ханам, каковое письмо он и доставил, что известно Шамиру Беглярову, переводчику, при канцелярии Вашего Сиятельства находящемуся.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

30 ноября 1828. Табриз

№ 212
Tauris. 30 novémbre 1828

Depuis que j'ai eu l'honneur de vous adresser mon dernier rapport, rien de nouveau ne s'est passé ici, si ce n'est que Mahmoud-pacha de Souleymaniéh et de Kerkouk est venu demander du secours à Abbas-Mirza contre la tribu de Bérandouz, et d'autres qui ont refusé de lui obéir. Comme ces tribus habitent les montagnes, situées entre les deux frontières persane et turque, il se pourrait bien que cette circonstance mît en conflit les intérêts des deux pays. Mahmoud-pacha a apporté 10 m<ille> tomans au Prince pour appuyer sa demande, et cet argent, sitôt reçu, fut envoyé à Abbas-Abad, pour être remis à nos fonctionnaires. Abbas-Mirza a accordé à Mahmoud-pacha tout ce qu'il a pu recruter à la hâte: deux bataillons de sarbazes, la cavalerie afchare et deux canons dont j'ai fourni l'attelage avec les chevaux qui m'ont amené ici. C'est demain que cette troupe se met en marche avec l'injonction de ne pas outrepasser la frontière turque. Cependant on écouta avec plaisir les propositions que le pacha a avancées relativement à Bagdad, qu'il se faisait fort de conquérir pour le Prince, il lui offrait même deux courours, pourvu qu'on lui donnât les troupes nécessaires pour réaliser son plan de conquête. Mais comme le Prince n'est pas en mesure de mettre sur pied une force militaire suffisante la chose en resta là. Une agression de ce genre n'aurait eu rien d'extraordinaire, nonobstant la paix qui subsiste entre la Perse et la Turquie, pour quiconque est familiarisé avec le caractère persan. L'impuissance seule a empêché que le Prince ne se rendît à des offres aussi séduisantes, et, quelques efforts que les Anglais eussent pu faire pour l'en détourner, ils n'auraient pas été écoutés.

Autant que j'ai eu l'occasion de l'observer, leur influence ici n'est plus aussi exclusive qu'elle l'a été jadis. La vigueur que notre gouvernement a déployée dans les deux guerres qui se sont succédées de si près, et les victoires des armées russes agissent fortement sur l'esprit des persans. Une menace, une démonstration de bienveillance au nom de sa Majesté l'Empereur ne sont plus toujours mises en balance avec l'opinion des Anglais et les trois millions de liv<res>

ster<ling> qu'ils ont jusqu'ici dйpensйs en Perse, depuis l'ambassade de Malcolm.

On ne saurait s'expliquer des prodigalités de ce genre, et je n'y aurais pas cru, si les registres de leurs dépenses ne m'avaient été confidentiellement montrés par m<onsieur> Macdonald lui-même.

C'est encore de leur part que l'insinuation a été faite au Prince de ne pas se jeter à corps perdu dans les bras de la Russie, comme il le professe hautement, mais de tâcher de se former une force active, nationale, pour pouvoir un jour lutter avec succès contre ses frères qui lui disputeraient le trône. Cet avis est très sage, mais peu conforme au caractère d'Abbas-Mirza qui a beaucoup d'esprit, beaucoup de finesse dans les aperçus, et une connaissance assez exacte des hommes et des choses dans les circonstances ordinaires de la vie; mais quand il s'agit d'un grand événement, d'une forte secousse morale, il préfère de se vouer à une influence étrangère, a un secours du dehors, plutôt que de puiser dans le fond de son âme une résolution courageuse: tel je le connais depuis dix ans. Maintenant il ne rêve que l'appui et la protection de Sa Majesté L'Empereur. Je ne sais combien cela durera; peut-être autant que nos succès en Turquie; je suis dans tout cela d'une défiance extraordinaire, ayant trop vu de ce qu'on appellerait la foi persane.

Dernièrement il me lut à haute voix en présence de tous les siens, une lettre de son frère Ali-Mirza de Téhéran, qui lui reprochait dans les termes très peu mesurés sa soi-disante apostasie à l'égard de la Perse, que son impopularité va croissant, que tout le monde à la Cour du Schah le suppose vendu à la Russie etc. et tous les traits de sa figure dans ce moment exprimaient une vive satisfaction, comme s'il s'en faisait un plaisir et un honneur tout-à-fait particulier — un sentiment qui, pour un observateur comme moi, paraissait être de l'espèce la plus singulière du monde.

Ce sont de même les Anglais qui travaillent à le détourner de son voyage en Russie, un projet auquel il tient opiniâtrement, et peut-être nous rend-on un service sans le savoir; mais je supplie Votre Excellence de me faire parvenir des ordres relativement à cet objet. Le prince est devenu plus impatient que jamais, depuis qu'il a reçu la nouvelle du retour de Sa Majesté à St.-Pétersbourg. Il fait déjà ses malles; il a désigné le personnel qui doit l'accompagner, et je ne le retiens jusqu'ici qu'en lui alléguant le manque de convenances qu'il y aurait, s'il se mettait en route sans avoir été invité de la part de la Cour impériale.

S'il fallait discuter le bien ou le mal qui nous reviendrait de ce voyage, j'oserais dire que je l'envisage comme assez profitable pour nos affaires de l'Orient.

L'homme appélé un jour à régner en Perse, après avoir traversé lui-même une si grande partie de notre pays, aurait jugé plus sainement de l'énormité de cette puissance, de cette grandeur, de la manière dont l'Empereur est obéi d'un bout de l'Empire à l'autre, toutes choses dont il n'a pas une idée vraie. Les rapports des siens qui ont visité la Russie, lui en ont toujours aminci la véritable supériorité, ce qu'il y a en elle de vraiment surprenant: le bon ordre, une police toujours vigilante, sur un espace de territoire à peine calculable, le nombre de ses forces, etc.; et dans les descriptions que nous lui en faisons, il croit toujours voir un peu de partialité et de jactance. S'il négociait pour lui la remise en entier des deux courours restants, il n'y a pas de raison pour qu'on la lui accorde, mais on pourrait lui en distancer et reculer le paiement à des termes plus convenables. Quant à sa dette pour l'évacuation de Khoy, je lui ai déjà déclaré qu'il ne pourrait partir en aucune façon sans nous avoir payé, jusqu'au dernier sou du 8-ème courour, et on redouble d'activité pour compléter la somme en entier. Si Abbas-Mirza suppliait Sa Majesté l'Empereur de le placer à main armée sur le trône de son père à la mort de celui-ci, encore n'aurait-on pas besoin de s'y engagner formellement. Une réponse, une promesse conditionelle le satisferait, comme celle que Votre Excellence m'a dictée dans son instruction en russe du 1 mai, et dont j'ai déjà fait usage avec succès à plusieures reprises: «Указывая Аббас-Мирзе на пособие России при будущем его вступлении на престол, как на цель, которой он должен домогаться праводушным своим поведением в сношениях с нами». Voilà donc à quoi se réduirait pour lui le résultat de sa visite à Pétersbourg.

La prise de Varna a produit ici une vive sensation. J'ai donné à cette grande nouvelle tout l'éclat que les circonstances exigeaient. Nos sujets, pour la plupart des Arméniens de Tiflis, se sont rassemblés dans l'église arménienne, où j'ai assisté aussi au service divin avec mes employés. On a beaucoup sonné des cloches, ce qui est tout-à-fait inusité dans un pays musulman. Le canon a été tiré chez Abbas-Mirza, qui m'a donné une très belle fête: dîner, feu d'artifice etc. Les Anglais refusèrent de s'y rendre, prétextant la bonne intelligence de leur gouvernement avec la Porte, à quoi Feth-Ali-khan qui était chargé de l'invitation, leur dit qu'après la ruine de la flotte turque, à laquelle ils avaient pris une part si active, le prince ne se serait jamais douté qu'ils fussent encore si bons amis du Sultan.

Je prie cependant Votre Excellence de ne pas me supposer mal avec les Anglais, d'après tout ce que vous venez de lire sur leur façon d'agir ici. Au contraire, le dernier trait que je viens de citer, je le tiens de m<onsieur> Macdonald même, avec lequel nous vivons dans la plus grande intimité, car en privé c'est l'homme le plus loyal et le plus

estimable que j'aie rencontré depuis longtemps. Je suis charmé d'avoir pu lui rendre un service essentiel depuis mon arrivée ici, et il m'en remercie toutes les fois que nous nous voyons. C'est que si nous avions évacué Khoy, après le paiement de 300 m<ille> tomans, comme cela était convenu, m<onsieur> Macdonald n'aurait jamais retiré des Persans les 100 m<ille> autres dont il s'était rendu garant; en ce cas il aurait dû recourir à son gouvernement, avec lequel il se serait fait de très mauvaises affaires, n'ayant pas eu d'autorisation expresse pour cette nouvelle garantie. Quant à moi, je n'agissais ainsi que pour obéir au désir de m<onsieur> le général comte Paskévitch d'Erivan, qui voulait dans le temps que nos troupes restassent encore à Khoy. Maintenant les circonstances sont changées: on a eu besoin d'un renfort dans le Pachalik de Bayazet, et le détachement de Khoy y a marché, sans que cela ait fait une grande différence pour le paiement des 400 m<ille> tomans, presque réalisé en entier.

Voici les sommes, telles qu'elles nous ont été remboursées successivement:

Reçu par le comité de Khoy, sous la préséance du général Pankratieff, le 4 novembre... 344,189 tom<ans>.

Déposé à Abbas-Abad le 21 novembre, jusqu'à ce que le comité pour l'appréciation et le reçu des valeurs y soit installé... 33,811 <tomans>.

Prix du trône en or d'Aga-Mamed-Schah, moins l'émail et le travail, déposé à Abbas-Abad, et rachetable pour le 20 décembre... 7,000 <tomans>.

Une lettre de change de m<onsieur> Macdonald, dont il a déjà réalisé 11 m<ille> tom<ans> des Persans, et qui sera payé en entier pour le 12 décembre... 15,000 <tomans>.

Total... 400,000 tom<ans>.

Après tout, Votre Excellence ne saurait s'imaginer ce qu'il en coûte d'efforts et de patience pour tirer des Persans l'argent qu'ils nous doivent. Le schah a complètement refusé d'avancer à Abbas-Mirza les derniers 100 m<ille> tomans, pour le rachat des pierreries, tout comme il a déjà manqué une fois de parole à m<onsieur> Macdonald. C'est m<onsieur> Macknill qui a si infructueusement négocié ce dernier emprunt; il a atteint le roi sur son chemin à Ferahan, mais celui-ci l'a fait brusquement remonter à cheval, avec l'ordre de ne plus reparaître devant lui. Abbas-Mirza de son côté fait tout pour réaliser cette somme au plus tôt: des ordres ont été donnés, à tous les mouhessils, collecteurs de revenus, de déposer dans la citadelle l'effectif des impôts qui dorénavant seront versés dans le trésor, pour nous les faire tenir, et avant que sa dette ne nous soit payée, il a été défendu de disposer des revenus publics, soit pour le harem, soit pour

la paie des fonctionnaires, ou pour quelque autre objet que ce fût. Peut-être que dans le courant de l'hiver il sera mis à même de nous contenter; en attendant ses pierreries déjà nous appartiennent de droit; mais je crois qu'il serait dur de l'en priver, d'autant plus qu'il se met en quatre pour se montrer vis-à-vis de nous aussi exact que cela lui est posslble. J'attendrai là-dessus les ordres que Votre Excellence voudra bien me transmettre.

Je crois que je n'aurai plus l'occasion de vous adresser un rapport de Tauris, Monsieur le Comte, car le Schah doit bientôt rentrer dans sa capitale, et j'aurais voulu l'y précéder de quelques jours. Je doute fort que je parvienne à le déterminer de payer pour son fils. En attendant je laisse à notre consul général le soin de presser Abbas-Mirza pour le restant de la somme.

En relisant ma dépêche, je vois que j'ai omis une circonstance assez intéressante. Le jour où le prince me donna cette fête, pour célébrer la prise de Varna et le retour de Sa Majesté à Pétersbourg, il me dit à dîner, devant tout le monde, que ce n'est pas pour négocier quelques concessions qu'il désirait tant de se présenter à l'Empereur (ceci n'est qu'une façon de dire), mais pour obtenir la certitude que Sa Majesté lui saurait gré, s'il marchait contre les Turcs; et nommément pour prendre ses ordres là-dessus.

Перевод с французского:

№ 212
Тавриз. 30 ноября 1828.

С тех пор как я имел честь сообщить вам мое последнее донесение, здесь не произошло ничего нового, кроме того, что паша Сулейманиэ и Керкука Махмуд приезжал просить помощи у Аббас-Мирзы против берандузского и других племен, отказавшихся ему повиноваться. Так как эти племена населяют горы, лежащие на границе Персии и Турции, то легко может случиться, что будут затронуты интересы обоих государств. В подкрепление своей просьбы, Махмуд-паша внес Принцу 10 т<ысяч> туманов. Эти деньги были немедленно отправлены в Аббас-Абад для доставления нашим чиновникам. Аббас-Мирза предоставил Махмуд-Паше все, что смог спешно набрать: два батальона сарбазов, афшарскую конницу и две пушки; для последних я дал тех лошадей, на которых я приехал сюда. Войско это выступает завтра, и ему приказано отнюдь не переступать турецкой границы. Между тем весьма понравилось предложение паши завоевать для Принца Багдад. Паша предлагал даже два курура, только бы ему дали достаточно войска для осуществления завоевательного плана. Дело стало за недостатком такого числа войска у Принца. Кто знает персиян, тот не удивится такому задору, несмотря на мир Турции с Персиею. От заманчивого предложения Принц отказался только по неимению средств; иначе не послушался бы он и англичан, сколько бы они ни отговаривали его.

Сколько я заметил, влияние англичан здесь уже не так исключительно, как бывало прежде. На умы персиян сильно подействовала энергия, выказанная нашим правительством в двух последовательных войнах, равно как и победа русских армий. Какая-нибудь угроза или изъявление расположения от имени Госу-

даря Императора уже не ставятся постоянно на весы с мнением англичан и их тремя миллионами фунтов стер<лингов>, которые они до сих пор потратили в Персии, со времени посольства Малькольма.

Трудно объяснить такого рода щедрость, и я не поверил бы ей, если бы сам г<осподин> Макдональд не показал мне секретно роспись их расходам.

Англичане же внушили Принцу не бросаться без оглядки в объятия России, как он во всеуслышание о том объявляет, но стараться образовать собственные народные силы, с которыми он мог бы со временем идти против братьев, которые будут оспаривать у него право на престол. Это, положим, и умный совет, но он не сообразен с характером Аббас-Мирзы. Это человек умный, тонкий, проницательный и с верным взглядом на людей и на вещи в обыкновенном быту; но в случаях важных, сильного нравственного потрясения, он предпочитает отдаться чужому влиянию и ждать внешней помощи, чем в глубине собственной души почерпать мужество. Я знаю его таким уже десять лет. Теперь он мечтает только о поддержке и покровительстве Императора. Не знаю, долго ли это продлится; может быть, настолько, насколько и наши успехи в Турции. Ко всему этому я отношусь крайне недоверчиво, потому что слишком хорошо знаком с тем, что можно было бы назвать персидскою совестью.

Недавно, в присутствии всех близких своих, он прочел мне вслух письмо брата своего Али-Мирзы из Тегерана. Брат в самых резких выражениях упрекал его в отступничестве от Персии; говорил, что народное нерасположение к нему растет, что при Дворе Шаха все уверены, что он продал себя России, и т. д., и все черты его лица в этот момент выражали живое удовлетворение, он, видимо, был чрезвычайно доволен, точно все это делало ему величайшую честь — чувство, которое мне, как стороннему наблюдателю, показалось довольно странным.

Англичане же всеми силами стараются отклонить его от путешествия в Россию, на котором он сильно настаивает; пожалуй, что еще окажут нам этим невольно услугу. Но я покорнейше прошу Ваше Сиятельство сообщить мне ваши приказания на этот счет. Принцу уже не терпится с тех пор, как он узнал о возвращении Его Величества в Петербург. Он уже укладывается и назначил, кому быть в его свите; я только удерживаю его покуда, представляя ему неприличие этой поездки, если он еще не приглашен императорским Двором.

Если входить в рассуждение о том, хорошо ли, дурно ли отзовется на нас это путешествие, осмелюсь сказать, что мне кажется, что оно может оказаться достаточно полезным для наших восточных дел.

Как наследник персидского престола, Аббас-Мирза в продолжение всего следования через большую часть России имел бы случай вернее оценить размеры ее могущества, ее величия, так же как и власть Императора, одинаковую во всех концах Империи, словом, все то, о чем он не имеет верного понятия. Персияне, бывавшие в России, в рассказах ему о ней всегда умаляли ее истинное превосходство, то, что в ней действительно поражает, как, например, царствующий в ней порядок, бдительную полицию на пространстве почти неизмеримом, количество ее сил и проч.; а в наших рассказах он всегда видит пристрастие и самохвальство. Если бы он вздумал хлопотать о скидке двух остающихся куруров, то нет повода допустить ее; но можно распределить уплату их на другие, более удобные, сроки. Что же касается до долга его по очищению Хоя, то я объявил ему, что он не выедет, покуда не заплатит до копейки 8-го курура, и теперь деятельно занимаются пополнением всей суммы. Если бы Аббас-Мирза попросил Государя Императора вооруженною рукою посадить его на отцовский престол, по кончине его родителя, то и тогда не следует давать на это формального обязательства. Условное обещание точно так же удовлетворит его, как тот ответ, который Ваше Сиятельство поместили в вашей русской инструкции от 1-го мая,

которою я уже несколько раз с успехом воспользовался: <...> — Вот в чем состоял бы для него результат его поездки в Петербург.

Взятие Варны произвело здесь сильное впечатление. Я придал этому важному известию приличный обстоятельствам блеск. Наши подданные, большею частию тифлисские армяне, собрались в армянской церкви, где и я присутствовал со своими чиновниками при богослужении. Звонили в колокола, что очень необычайно в мусульманской земле; стреляли из пушки у Аббас-Мирзы, который задал мне великолепный праздник: обед, фейерверк и т. п. Англичане отказались присутствовать, под предлогом доброго согласия их правительства с Портою, на что Фетх-Али-хан, передававший приглашение, отвечал им, что принцу не приходило в голову, что они так дружны с Султаном после поражения турецкого флота, в котором они принимали такое деятельное участие.

Я, однако, прошу Ваше Сиятельство не заключать из всех сообщенных здесь действий англичан, что я с ними не лажу. Напротив, последнее происшествие, о котором я упомянул, сообщил мне сам Макдональд, с которым я очень дружен, потому что, в частной жизни, это такой честный и почтенный человек, каких я давно не встречал. Я радуюсь, что мог оказать ему существенную услугу с тех пор, что я здесь, и он благодарит меня за нее при каждой встрече. Дело в том, что если бы мы очистили Хой по уплате 300 т<ысяч> туманов, как было условлено, то Макдональд никогда не добыл бы у персиян тех 100 т<ысяч>, за которые он поручился; в таком случае ему пришлось бы обратиться к своему правительству, а оно дурно приняло бы его заявление, так как на это новое ручательство ему не было дано разрешение. Я же поступил только согласно с желанием г<осподина> главнокомандующего графа Паскевича-Эриванского, который в то время хотел, чтобы наши войска остались в Хое. Теперь обстоятельства изменились: в Баязетском пашалыке понадобилось подкрепление, и хойский отряд направился туда, что не причинило большой разницы в уплате 400 т<ысяч> туманов, выданных почти сполна.

Вот в каком порядке получены отдельные части всей суммы:

Из Хойского комитета, под председательством генерала Панкратьева, 4-го ноября получено...	344 189 тум<анов>.
Сдано на хранение в Аббас-Абаде, 21-го ноября, впредь до учреждения комитета для оценки и получения монеты	33 811 <туманов>.
Цена золотого трона Ага-Мамед-шаха, не включая эмаль и работу, хранящегося в Аббас-Абаде и предоставленного к выкупу 20-го декабря...	7000 <туманов>.
Вексель Макдональда, по которому уже выплачены 11 т<ысяч> туманов персиянами, а остальные сполна будут выплачены 12-го декабря...	15 000 <туманов>.
Итого...	400 000 <туманов>.

И все-таки, Ваше Сиятельство, вы не можете себе представить, чего стоит исторгнуть у персиян должные нам деньги. Шах положительно отказал в выдаче Аббас-Мирзе остальных 100 т<ысяч> туманов для выкупа драгоценных камней, как он уже однажды не сдержал данного Макдональду слова. О последнем займе хлопотал Макниль, но неудачно. Он нагнал шаха на пути его в Ферахан, но тот грубо приказал ему снова сесть на лошадь и запретил показываться на глаза. Аббас-Мирза, в свою очередь, старается всеми силами как можно скорее собрать эту сумму наличными деньгами: всем мухессилям (сборщикам доходов) приказано сдавать в цитадель все податные деньги, которые отныне будут поступать в

казну, чтобы мы их держали, и, пока долг его не будет заплачен, не трогать общественных доходов ни для гарема, ни для раздачи жалованья чиновникам, ни для какого бы то ни было употребления. Может быть, в течение зимы он сумеет удовлетворить нас; между тем его драгоценные камни уже принадлежат нам по праву, но я думаю, что было бы жестоко лишить его их, тем более что он из кожи лезет, чтобы доказать нам свое желание быть исправным. Я подожду на этот счет приказаний Вашего Сиятельства.

Я полагаю, граф, что мне уже не придется писать к вам из Тавриза: Шах в скором времени возвратится в свою столицу, и я желал бы прибыть туда несколькими днями ранее. Я сильно сомневаюсь, чтобы он склонился на мои представления заплатить за сына. До тех пор предоставляю нашему генеральному консулу хлопотать у Аббас-Мирзы о получении остальной суммы.

Перечитав свою депешу, я замечаю, что пропустил одно интересное обстоятельство. В день празднования взятия Варны и возвращения Его Величества в Петербург Аббас-Мирза сказал мне на обеде, при всех, что он желает представиться Императору не с целью выпросить кое-какие уступки (это так только говорится), но чтобы удостовериться, что Его Величеству приятно будет, если он пойдет против турок, и чтобы получить его приказания именно на этот счет.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

2 декабря 1828. Табриз

№ 213.
2 декабря 1828 г. Тавриз.

Честь имею приложить при сем депешу мою к вице-канцлеру, под открытою печатью, и прошу Ваше Сиятельство, по прочтении оной, переслать по адресу вместе с вашими бумагами в С.-Петербург.

Ваше Сиятельство усмотрите из хода наших дел здесь, что я всегда буквально придерживался ваших инструкций насчет уплаты нам 8-го курура. Сперва сделано было Вашего Сиятельства распоряжение, чтобы по получении нами 300 т<ысяч> очистить Хойскую провинцию, приняв в уплате 100 т<ысяч> других — ручательство английского министра, а в остальных 100 т<ысяч> в залог драгоценные камни Аббас-Мирзы. Но по приезде моем сюда, а именно, 10-го октября, я получил от Вашего Сиятельства отношение, № 404, и вслед затем другое, № 416, в которых вы изъявляли желание, чтобы войска наши оставались зимовать в Хое. Я, для достижения сей цели, отдалил срок уплаты и не принял вполне ручательства английского министра, кроме двух векселей его: один в 4 т<ысячи>, из коих 3 уже уплачены, другой в 15 т<ысяч> туманов, из которых 13 т<ысяч> уже в сборе у Макдональда, и вся сумма сполна будет на днях отправлена в Аббас-Абад. Остальные 81 т<ысячу> я возложил на самого Аббас-Мирзу, заставил его выслать в Хой 40 т<ысяч> и не слишком

настаивал о скорейшем отправлении других 41 т<ысячи>, чтобы дать пройти условленному сроку и нам чрез то приобрести вящее право оставаться долее в Хое.

Но 31-го октября получено мною отношение генерал-майора Сакена, уведомившее меня о новом распоряжении Вашего Сиятельства, дабы войска немедленно были выведены из Хоя для подкрепления отряда в Баязете, и в то же время дал мне знать генерал-майор Панкратьев, что он уже выступает, оставляя в Хое только 4 роты пехоты и 200 казаков. Положение было затруднительно, ибо противоречило моим видам и изъяснениям, дотоле мною деланным здешнему правительству. Вашему Сиятельству известно, какой я дал оборот сему обстоятельству, убедив Аббас-Мирзу, что сие делается на основании моих уверений нашему правительству и проч<его>, и тут же понудил его ежедневно собирать остальную сумму, дабы скорее совершенно очистить область, нами занимаемую. В число уплаты я на время согласился принять трон Ага-Мамед-шаха, с которым здесь весьма неохотно расстались, ибо он почитается государственною регалиею. В нем одного золота, по оценке купца Хитрова, на 9000 тум<анов>, кроме эмали и работы, но я его принял только в 7 т<ысяч>, дабы понудить здешнее правительство скорее его выкупить. Трон сей и 33 811 тум<анов> денег, в дополнение следующей нам суммы, прибыли в Хой, но комитета уже там не было. После того Аббас-Мирза просил меня, чтобы войска наши были выведены, и я, по данному мне Вашим Сиятельством на то уполномочию (отношением вашим, ' 416), на сие согласился, но с тем, чтобы деньги и трон были сперва сданы в Аббас-Абад тамошнему коменданту. Теперь, по получении от генерал-майора Мерлини уведомления, что сие исполнено, я не мог долее отказываться ни под каким благовидным предлогом от требования Аббас-Мирзы и, вместе с сим посылая курьера к полк<овнику> Швецову, приглашаю его приступить к очищению области. Деньги будут храниться в Аббас-Абаде на ответственности коменданта и персидского сдатчика, впредь до учреждения там комитета. Если окажется какая-нибудь незначащая недоимка, то мы в драгоценных камнях имеем вполне обеспечение, и даже с избытком.

Все условие исполнено в том смысле, как оно было первоначально заключено между Вашим Сиятельством и Аббас-Мирзою и Высочайше одобрено в отношении к вам вице-канцлера, от 18-го июня. Я говорю об уплате, но что касается до сроков оной, то, кроме последнего, мною данного Аббас-Мирзе, для пополнения 400 т<ысяч> тум<анов>, все они миновались бездейственно,

и срок для получения следующих нам 100 т<ысяч> еще остается dans le vague*. Но Ваше Сиятельство изволите, конечно, припомнить, что после блестящих побед наших и в присутствии вашем и войск, угрожавших Персии совершенною погибелью, персидское правительство в Дей-Каргане и в промежутке пред Туркменчаем также нерадиво наблюдало даваемые ему сроки; теперь же для сего есть по крайней мере законное извинение — вещественная невозможность Аббас-Мирзы скоро удовлетворить нас, ибо казна его пуста совершенно. В течение переговоров о мире я неоднократно изъявлял Вашему Сиятельству мое сомнение насчет уверений его высочества, что он не имел у себя никакого сокровища, теперь я убежден в этом; ибо с тех пор в различных перемещениях его двора и гарема не могла бы укрыться его казна: кто-нибудь знал бы об этом, но нет такого слуха, и его придворные, из которых большая часть не весьма к нему привержена, все равно убеждены в совершенном его безденежье.

* неопределснным (*франц.*).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

3 декабря 1828. Табриз

№ 217.
3-го декабря 1828 г. Тавриз.

Английский посланник, Макдональд, свидетельствуя Вашему Сиятельству усерднейшее почтение, просит вас еще раз быть ходатаем для получения ему ордена св<ятой> Анны 1-й степени, всемилостивейше уже ему назначенного. По статутам английским, никто не может получить чужестранного ордена, не участвуя в военных делах той державы, от которой получает сей орден; но Макдональд в кампании 1812 года находился при нашей Главной квартире, и в 1813 году при гр<афе> Милорадовиче, в сражении при Люцене, также при осадах Данцига, Глогау и проч. Сие дает ему вящшее право на получение Российского ордена, кроме чистосердечных стараний его в пользу нашу при заключении славнейшего Туркменчайского мира. Он столько уверен в вашей к нему благосклонной дружбе, притом в действительности сильного вашего предстательства, что полагает ваше мнение достаточным для успеха сего дела в великобританском министерстве иностранных дел, коль скоро оное ему будет передано императорским посольством в Лондоне.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

7 декабря 1828. Табриз

Le 7 décembre à Tauris.

Je crois que tout ce que je puis faire ici maintenant c'est de disposer les esprits à recevoir une décision du général en chef; de quelque genre qu'elle soit, quand même il approuverait en tout votre façon de voir. Mais pour les convaincre de la justice de vos prétentions, c'est impossible. Nous avons commis une faute en indiquant l'Odinobazar et nous voulons l'échanger contre un autre. Mais est-ce que le gouvernement persan ne pourra pas m'alléguer tout de même qu'il a commis une faute en s'engageant à nous payer 10 courours, mais qu'au fond il est intentionné de ne nous payer que <8>.

Перевод с французского:

7 декабря, в Тавризе.

Думаю, что все, что могу сейчас здесь сделать — это подготовить умы к принятию решения главнокомандующего, каким бы оно ни было, в любом слу- чае, он во всем одобрил бы вашу точку зрения. Но убедить их в справедливости ваших требований — это невозможно. Мы совершили ошибку, указав на Одинобазар, и хотим поменять его на другую реку. Но разве персидское правительство не может также признать, что совершило ошибку, обязавшись заплатить нам 10 куруров, тогда как в действительности оно намерено выплатить нам только <8>.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

7 декабря 1828. Табриз

Милостивый Государь князь Александр Гарсеванович! Вследствие ходатайства каймакама о возвращении проживающего в Эривани семейства хойского жителя Матафи Бабы, я почел долгом своим обратиться к Вашему Сиятельству с убедительнейшею просьбою, дабы вы упомянутое семейство приказали снабдить надлежащим билетом для возвращения в Персию.

С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Сиятельства

всепокорнейший слуга

А. Грибоедов.

Декабря 7-го дня 1828.
Тебриз.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

Начало декабря 1828. Табриз

Милостивый Государь
Константин Константинович.

Отъезд мой в Тегеран был отсрочен по случаю отсутствия самого Шаха из столицы. Теперь хочу прибыть туда несколькими днями прежде его. Но не думаю, что там будет обильное поприще для дипломатической деятельности: потому что он и его министерство спят во сладком успокоении и все дела с Россиею, с Турциею и с Англиею поручены Аббас-Мирзе. —

Здесь все мое внимание было поглощено выручкою денег. 400 т<ысяч> по условию уплачены, и о собирании 100 т<ысяч> остальных хлопоты большие. Не знаю удастся ли мне преклонить скупого Фетали-шаха к уплате этой суммы, и к тому, чтобы он выручил сына из крайнего затруднения. Наследный принц беден до чрезвычайности. Впрочем, мы имеем для обеспечения драгоценные камни.

Другое обстоятельство так же не давало мне здесь покою ни днем, ни ночью, и эта чаша меня минует в Тегеране, отдаленном от места происшествий. По Трактату, все перешедшие к нам из Азербежана, ханы и простолюдины, в течение 5 лет пользуются доходами от своих имений, здесь ими оставленных, и имеют право продавать их. Вы можете себе представить, сколько ежедневных просьб я по сему предмету получаю, сколько упомянутых ходатайств, нот и переговоров. Одних выселенцев из армян к нам перешло до 8 т<ысяч> семейств, и я теперь их общий стряпчий, и должен иметь хождение по их делам, за их домы, сады, мельницы!! Многое мне уже удалось сделать и привести в исполнение. Но правительство здешнее всегда имеет способы воспретить под рукою покупку оставленных имений, и какие меры могу взять я против таких ухищрений! Я не для того распространяюсь о сем предмете, почтеннейший Константин Константинович, чтобы выказать перед вами многочисленность дел самых запутанных, от которых бы стал в пень человек, гораздо меня опытнейший. Но прошу вашего совета и мнения Вашего Превосходительства, которое для меня необходимо. Вот что именно: могу ли я представить Его Сиятельству г<осподину> вице-канцлеру, по возвращении моем из Тегерана, когда те же случаи повторятся, и с бóльшею еще запутанностию, чтобы он меня уполномочил на покупку всех таковых имений?? — Тогда правительство здешнее уведомилось бы, что распоряжение сими имуществами отходит от него не на 5 лет, а навсегда, и разрешило бы своим подданным покупку оных. Разумеется, что я бы сделался владетелем всех *кебеле* (купчих) только pro forma* и в отношении к настоящим хо-

зяевам оставался бы тем же, чем и теперь, т. е. охранителем их достояния. Кажется, что я уже однажды писал вам об этом вскользь. Теперь прошу вашего ответа по сему обстоятельству, когда узнаете мнение графа Карла Васильевича. Если же вы полагаете, что такая мера противна духу Трактата, то скажите ясно.

Еще одно дело, в котором прошу и ожидаю вашего содействия. Хочет ли Государь Император, или нет, прибытия в С.-Петербург Аббас-Мирзы. Во всяком случае, надлежит его пригласить, на каковой предмет я ожидаю предписания от министерства. Явно не допускать его значит хотеть, чтобы он охолодел к нам совершенно. Но если желают от него избавиться, пускай все-таки вице-канцлер предпишет мне пригласить наследного принца. Я это разрешение продержу до удобного времени, когда усмотрю, что он по каким-либо обстоятельствам не может пуститься в путь, и тогда ошеломлю его самым дружественным приглашением о прибытии в С.-Петербург или в иное место, где Государь будет находиться, и чтобы он сделал это в наискорейшем времени. Он смутится, отзовется невозможностию, а когда время пройдет, и ему можно будет, тогда опять нам нельзя, по каким-нибудь самым благовидным причинам. Но раз пригласили, и он уже сам виноват, что не воспользовался. Впрочем, истинное мое мнение, несмотря на то, что доношу Его Сиятельству (там один тон, а в партикулярном письме другой): 1) допустить Государю, чтобы Аббас-Мирза к нему прибыл. 2) Велеть ему драться с турками, коли война продолжится. 3) Обещать торжественно, что мы его возведем на престол, ибо это нам ничего не стоит, упражнение войску в мирное время, на чужом содержании, а власть наша в сем государстве Азии сделается превозмогающею пред влиянием всякой другой державы.

Прибавлю к этому, что Аббас-Мирза такого нерешительного и изменчивого свойства, что теперь он страстно желает ехать, а через два месяца Бог знает, что на него подействует.

Прощайте, Ваше Превосходительство. Кабы вы были на моем месте, вы бы здесь много наделали. Нас боятся и уважают. Только поддержите меня. Если же пренебрежете мною, как блаженной памяти Мазаровичем, то мое пребывание в Персии сделается бесполезным.

С искренним почтением и неограниченною преданностию

Вашего Превосходительства
всепокорнейший слуга
А. Грибоедов.

Табриз, декабря 1828

* формально (*лат.*).

К. К. РОДОФИНИКИНУ

16 октября — 9 декабря 1828. Табриз

Выписка
из Отношения статского советника Грибоедова
к директору Азиатского Департамента. Табриз.

Уведомляет, что вследствие Трактата, хотя вышедшие из Азербежана ханы и простолюдины имеют право в течение 5 лет пользоваться доходами их имений или продать, но персидское правительство, дабы оставить таковые имения по истечении 5 лет за собой, под рукою воспрещает своим подданным покупать оные. Статский советник Грибоедов, чтоб соделать безвредными сии притеснения, испрашивает позволения явиться покупщиком всех таковых имений, будто бы для казны нашей. Тогда персидское правительство, опасаясь, чтоб распоряжение теми имениями не отошло от него не на 5 лет, а навсегда, разрешит своим подданным покупку оных.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

9 декабря 1828. Табриз

le 9 décembre 1828 à Tauris.

Voici la fin de mes pourparlers avec ce gouvernement. Le Prince consent à se désister de l'Istisou. Il me l'a formellement déclaré, ainsi que par rapport au Lequintsehay, mais la carte de Montis n'a fait que le convaincre de plus en plus que l'Odinobazar est la rivière qui doit servir de frontière. Soutenir qu'elle n'existe pas lui paraît vouloir procéder contre l'évidence, car cette même rivière a figuré à la conclusion de la paix de Gulistan, il y a 15 ans de cela. Un ragam sera envoyé aujourd'hui à mirza Massoud, pour qu'il abandonne ses prétentions sur le Lequintsechay dans l'arondissement d'Oudjarly, et qu'il laisse de côté l'Istisou pour une autre branche de l'Astara, plus considérable, et d'après ce que je tiens de Montis c'est peut-être la même que vous appelez Astara septentrionale.

Comme je ne suis là que pour tenir note et concilier les opinions, je n'ai plus un mot à vous ajouter, en vous engageant de patienter, jusqu'à ce que vous ayez reçu la décision du comte d'Erivan. Tout est

prêt chez moi, et je quitte Tauris aujourd'hui sitôt que je vous aurai expédié le courrier.

Перевод с французского:

9 декабря 1828 в Тавризе.

Мои переговоры со здешним правительством закончились. Принц согласен отступиться от Исти-су. Он формально заявил мне об этом, так же как и относительно Лекин-чая, но карта Монтиса только сильнее убедила его, что Одина-базар — река, которая должна служить границей. Утверждать, что она не существует, по его мнению, значит спорить против очевидности, так как об этой самой реке говорилось в Гюлистанском мирном трактате 15 лет тому назад. Сегодня будет отправлен ракам к мирзе Масуду, чтобы он отступился от Лекин-чая, в Уджарлинском округе, и оставил Исти-су, взяв взамен другой отрог Астары, более значительный, и, судя по тому, что говорит Монтис, это вероятно тот самый отрог, который вы называете северною Астарою.

Так как я здесь только для того, чтобы составлять ноту и соглашать мнения, я не имею ничего более прибавить, прошу вас только иметь терпение до получения решения графа Эриванского. У меня все готово, и я выезжаю из Тавриза сегодня, тотчас по отсылке курьера к вам.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

11 декабря 1828. Тикмедаш

Le 11 décembre de Tikmêdache

Je vous ai répondu avec votre dernier courrier, et je vous ai tout dit par rapport aux affaires. Le Prince dit qu'il n'a plus rien à changer, ni à céder à moins qu'on ne l'y contraigne, non par des arguments valables, mais par la force. Voilà où nous en sommes. — Ne supposez pas pourtant que la force signifie ici la guerre, non, cela signifie que nous étant plus forts, nous pouvons toujours nous désigner telle frontière, que nous voulons, mais cela serait contre le droit.

Перевод с французского:

11 декабря из Тикмедаша.

Я отвечал вам с вашим последним курьером, сказав вам все, что было нужно по делу. Принц говорит, что ему нечего более ни изменять, ни уступать, разве его принудят к этому не разумными доводами, а силою. Вот как обстоят дела. Не думайте однако, что сила здесь означает войну; нет, это значит только, что мы, как более сильные, всегда можем указать на какую угодно границу; но это было бы противоправным.

Дж. МАКДОНАЛЬДУ
6 января 1829. Тегеран

Copy

Note

Le soussigné, ministre plénipotentiaire de S<a> M<ajesté> l'Empereur de Toutes les Russies près de la cour de Téhéran, vient de recevoir une lettre de S<on> E<xcellence> m<onsieu>r le vice chancelier comte de Nesselrode à l'adresse de m<onsieu>r H. Willock, chargé d'affaires de S<a> M<ajesté> B<ritannique> en Perse. — En conséquence le soussigné prend la liberté de recourir à l'obligeance accoutumée de m<onsieu>r Macdonald, ministre de S<a> m<ajesté> B<ritannique>, avec prière de vouloir bien faire tenir à qui il appartient, la lettre susmentionnée qu'il a l'honneur de lui transmettre sous ce pli.

Il croit devoir ajouter, qu'à cette occasion m<onsieu>r le vice chancelier a recommandé au soussigné de chercher à insinuer au nouveau chargé d'affaires britannique des dispositions aussi favorables que celle de son prédécesseur, nommément le colonel Macdonald. Ne sachant pas, si une recommandation de ce genre a pour base une erreur du Ministère, ou si elle est motivée par quelque nouveau changement dans le personnel de la Mission anglaise accréditée près la Cour de Perse, le soussigné se fait un devoir de porter cette circonstance à la connaissance de m<onsieu>r Macdonald, et profite de cette occasion pour lui offrir les assurances de sa considération très distinguée. —

Téhéran le 6/18 janvier 1829.

(Signé) Griboyedoff.

Перевод с французского:

Копия (англ.)

НОТА

Нижеподписавшийся полномочный министр Е<го> В<еличества> Императора Всея Руси при тегеранском дворе только что получил письмо Е<го> С<иятельства> г<осподин>а вице-канцлера графа Нессельроде, адресованное г<осподи>ну Г. Виллоку, Поверенному в делах Е<го> Б<ританского> В<еличества> в Персии. — В этой связи нижеподписавшийся, пользуясь неизменной благосклонностью министра Е<го> Б<ританского> В<еличества> г-на Макдональда, просит его вручить, кому надлежит, вышеупомянутое письмо, которое он имеет честь препроводить ему в том же конверте.

Он считает нужным добавить, что г<осподи>н вице-канцлер рекомендовал по этому поводу нижеподписавшемуся постараться внушить новому британско-

му поверенному в делах то же благорасположение, что и его предшественнику, а именно полковнику Макдональду. Не зная, чем вызвана сия рекомендация — заблуждениями Министерства или какими-то новыми изменениями в составе Английской миссии, аккредитованной при Персидском Дворе, нижеподписавшийся считает своим долгом довести сие обстоятельство до сведения г<осподи>на Макдональда и, пользуясь сей возможностью, заверить его в совершеннейшем к нему уважении. —

Тегеран, 6/18 января 1829 г.

(Подпись) Грибоедов.

Дж. МАКДОНАЛЬДУ

6 (18) января 1829. Тегеран

Mon cher Monsieur Macdonald.

Je vous prie avant tout d'exprimer à m<ada>me Macdonald combien je me sens redevable à elle pour toutes ses bontés et tant de charmants procédés envers ma femme. — Je suis vraiment tranquille depuis que je sais, qu'elles se voient souvent, et toutes les lettres de ma femme me prouvent, qu'elle s'attache de plus en plus à une amie, aussi éclairée, qu'indulgente, car encore faut-il beaucoup d'indulgence pour Nina, ou son âge et le manque d'usage du monde, qui la caractérise.—

Je viens de recevoir un office du C<omte> Paskewitz, où il me dit que Campbell a été gratifié par S<a> M<ajesté> l'Empereur de l'ordre de S<ain>te Anne 2-me Classe à l'égal des autres membres de la Mission anglaise, et il s'étonne, que je ne le sache pas, outre cela il m'écrit qu'il vient de réitérer sa présentation au ministère, pour qu'on intercède de la part de notre gouvernement auprès de S<a> M<ajesté> le Roi d'Angleterre, pour qu'il vous confirme la décoration, qui vous a été accordée par l'Empereur. — Moi de mon côté, j'ai aussi écrit deux fois, je crois que cela ne tardera pas à produire son effet. —

Voulez-vous bien m'expliquer ce que le c<omte> Nesselrôde me recommande au sujet de s<ieur> H. Willock, il me dit, que je dois tâcher d'être aussi bien avec lui, que je l'ai été avec col<onel> Macdonald son prédécesseur, vous c<'est> à d<ire> dont il me fait parvenir un éloge, comme le panégirique de quelqu'un qui n'est plus. — Est-ce un faux bruit qu'il aura induit en erreur, ou bien un changement de destination pour vous, que nous saurons peut-être plus tard, le fait est que cela m'intrigue beaucoup. — Dites-moi ce que vous en savez. — Le vice chancelier me donne des détails sur lord Heytesbury, qui a déjà mérité les bonnes grâces de S<a> M<ajesté> l'Empereur, il m'ajoute, que l'Angleterre s'efforce d'interposer ses bons offices pour renouer la paix entre les deux puissances actuellement en guerre tout comme elle l'a fait, quand nous étions en

guerre avec la Perse, et que jamais nous n'avons été dans des meilleurs rapports de franchise et d'amitié avec la Grande Bretagne, comme à l'heure même. — Vous pouvez bien penser combien cela me donne de la joie, car si individuellement je ne me sois pas trouvé jusqu'ici lié avec beaucoup de vos compatriotes, je suis un de ceux, qui estime votre nation par-dessus tout. —

Comme vous m'avez toujours montré de l'intérêt, mon cher colonel, je vous raconterai en peu de mots mon voyage et mon arrivée ici. — D'abord il faisait un froid intolérable, je galopais, je trottais, je courais à bride abattu d'une station à l'autre, mon mehmandar Mehmet-Khan-Afshar me représentait amicalement, que ce n'est pas l'usage dans l'Iran, où un envoyé de la part d'un grand Souverain doit garder le pas et sa gravité, s'il dût même mourir de froid. — Ici on m'a fait un très bel istikbal, le lendemain j'ai eu la visite d'Abul-Hassan-Khan-avec toute sorte de herjerat de la part du Schah. — Le troisième jour le Roi nous a reçu dans une audience solennelle avec beaucoup de pompe, du reste je n'ai pas besoin de vous écrire tout cela, car vous m'avez précédé dans toutes ses représentations. — Le sur-lendemain de ma réception a la Cour je me suis mis à rendre les visites, qu'on m'a faites et cela dure encore, par un temps affreux, la neige tombe ici en abondance tous les jours, que Dieu donne, et la boue dans les rues est exécrable. — Aujourd'hui j'ai reçu de la part de S<a> M<ajesté> la liste de ceux, qui doivent me donner à dîner, cinq fois plus, qu'il me faut pour une bonne indigestion. — En tout je ne puis que me louer des procédés, qu'on a envers moi. —

Dans huit jours je compte quitter la capitale, je ne receverai rien de mes effets avant le printemps, car la roule de Ghilan est impraticable. C'est le même pour les présents, — je laisse ici Maltzof et Meerza-Neriman. —

Encore une fois mes sincères hommages à m<ada>me Macdonald et un bon bonjours à Cormac. — Je suis un peu mécontent de Monteith pour les projets, dans lesquels il a trempé contre moi avec Castella, et qu'on vient de trouver dans les papiers du défunt, dont j'ai reçu la communication dernièrement, je lui déclinerai tout cela par syllabus à mon retour à Tauris. —

Veuillez me croire avec l'estime et le dévouement le plus parfait etc. etc. etc.

Signed (англ.)
A. Gribojedof

Перевод с французского:

Мой дорогой господин Макдональд.

Прежде всего прошу вас передать г<оспо>же Макдональд, до какой степени я обязан ей за ее доброе и милое отношение к моей жене. — С тех пор как мне

стало известно, что они часто видятся, я совершенно успокоился, да и письма моей жены свидетельствуют, что она все сильнее привязывается к этому столь же просвещенному, сколь и снисходительному другу, ибо Нина, а точнее, ее возраст и незнание света нуждается в большой снисходительности.

Я получил только что донесение от гр<афа> Паскевича, в котором он известил меня о том, что Е<го> В<еличество> Император наградил Кемпбелла орденом св<ятой> Анны 2-ой степени, как и всех других членов английской Миссии, и удивлен, что мне это неизвестно; кроме того, он пишет мне, что снова просил министерство ходатайствовать от имени нашего правительства перед Его Величеством Королем Англии об утверждении награды, которой вас удостоил Государь Император. Со своей стороны, я писал об этом дважды и полагаю, что результат последует незамедлительно.

Не разъясните ли вы мне рекомендации гр<афа> Нессельроде относительно с<эра> Г. Уиллока. Он пишет, что мне следует установить с ним столь же добрые отношения, как с его предшественником пол<ковником> Макдональдом, то есть с вами, о котором он отозвался с похвалой, напоминающей панегирик человеку, которого нет в живых. То ли его ввел в заблуждение ложный слух, то ли какие-то перемены в вашей судьбе, о которых мы узнаем позднее; но меня это сильно занимает. — Напишите, что вам об этом известно. Вице-канцлер сообщает мне подробности относительно лорда Хейтсбери, который уже удостоился милостивого внимания Е<го> В<еличества> Государя Императора; он добавляет также, что Англия пытается выступить посредником, дабы восстановить мир между двумя державами, находящимися в состоянии войны, подобно тому как она действовала во время нашей войны с Персией, и что никогда у нас не было с Великобританией более искренних и дружественных отношений. — Вы можете себе представить, как это меня радует, ибо если я лично и не был до сих пор близко знаком с большим числом ваших соотечественников, то я принадлежу к тем, кто почитает вашу нацию превыше всего.

Поскольку вы всегда проявляли ко мне интерес, мой дорогой полковник, я расскажу вам в нескольких словах о моем путешествии и прибытии сюда. Прежде всего был нестерпимый холод, я скакал то галопом, то рысью, то во весь опор от одной станции к другой, мой мехмандар Мехмет-Хан-Афшар дружески заметил мне, что это не принято в Иране, где послу великого Монарха надлежит сохранять важность и степенность, даже если он умирает от холода. Здесь мне устроили великолепный истикбаль. На другой день мне нанес визит Абул-Хассан-Хан со всякого рода хержератом от имени Шаха. — На третий день Монарх дал нам торжественную и пышную аудиенцию, впрочем, мне нет надобности вам об этом писать, ибо вы были участником всех этих представлений раньше меня. — На следующий день после приема при Дворе я начал наносить ответные визиты, и это еще продолжается, притом что погода стоит ужасная, снег идет каждый божий день, а на улицах омерзительно грязно. — Сегодня я получил от имени Е<го> В<еличества> список лиц, которые должны пригласить меня на обед, что в пять раз больше того, что мне нужно для хорошего пищеварения. — Во всяком случае, я весьма доволен таким отношением к себе.

Через неделю я рассчитываю покинуть столицу, ничего из своих вещей мне до весны получить не удастся, ибо Гиланская дорога непроходима. Так же обстоит дело с дарами — я оставляю здесь Мальцева и Мирзу-Неримана.

Передайте еще раз мой почтительный поклон г<оспо>же Макдональд и сердечный привет Кормаку. Я немного недоволен Монтейтом за его — совместно с Кастелла — направленный против меня проект, найденный в бумагах покойного, о чем я недавно получил донесение, все это я изложу ему по возвращении в Тавриз.

Соблаговолите принять уверение в моем высочайшем уважении и преданности и проч., и проч., и проч.

Подписано. А. Грибоедов.

СЛУЖЕБНЫЕ ЗАПИСКИ

ЗАПИСКА О ЛУЧШИХ СПОСОБАХ ВНОВЬ ПОСТРОИТЬ ГОРОД ТИФЛИС

29 июня — 19 июля 1827

Город Тифлис состоит из трех весьма отдельных частей:

1) Северное предместие, Каратубань. Прежде здесь были незначащие лачуги и землянки; два только строения выставлялись из прочих: дом Главнокомандующего и госпиталь. Генерал Ермолов перевел прежних жителей частию в западную ложбину, к ручью Салалаки, частию вовсе выселил из города. Наместо их возвышаются многие хорошие здания, иные наскоро воздвигнутые, вроде украшений, которые по своей непрочности угрожают близким падением. Дом госпиталя имел уже другое назначение, переломан и надстроен. Вообще, нынче улицы и площади сего предместия слишком разбросаны, пересекаемы пустырями, сообщение затруднительно, порядочное освещение невозможно, и северный ветер беспрестанно взметает все это обширное пространство, так что из домов выходить нельзя во время вихря. В сей части города всего более надлежит заботиться об устроении моста против армянского монастыря или артиллерийского дома, или между сими двумя пунктами. На противоположной стороне расположены селения Куки, Чегурети и немецкая колония; жители с городскими занимаются одинаковой промышленностию, взаимные надобности их сближают, а объезд на единственный мост, наведенный у подошвы метинского бастиона, слишком далек.

2) Настоящий город, или Кале, к югу от предместия, в виде прямоугольника, которого диагональ плотно примыкает к Куре. Здесь находятся присутственные места, базары, караван-сараи, большая часть лавок и коренные жители, издавна имеющие свои дома. К перестройке сей части города труднее было приступить: каждый аршин земли дорого ценится, и потому, когда хотели привести в исполнение новые планы, — на всяком шагу нарушали права владельцев и тем возбудили справедливый ропот. Также многие новизны не служили ни к удобству, ни к красоте.

Впредь надлежит иметь в виду следующие соображения:

1. Допускать возможное расширение только главных улиц для проезда экипажей: побочные переулки не заслуживают внимания, тогда как вся сия часть города имеет не более 1 $^1/_2$ верст в поперечнике.

2. Не только не мешать, но одобрять хозяина дома, желающего иметь крытый балкон или деревянную галерею округ всего дома. Навес, который от кровельной застрехи прикрепляется к столбам на аршин и более от стен, доставляет тень, благотворную в здешнем жарком поясе, и препятствует кирпичу распекаться от жара. Внутри дома менее света, но более прохлады. — По свидетельству всех здешних врачей, это и для здоровья необходимо.

3. Дарбазы в восточном вкусе тоже для прохлады и здоровья чрезвычайно полезны (движение воздуха). Раскрытое строение обращать не на улицу. Наша северная архитектура с малыми окошками не годится.

4. Не раскрывать базара.

5. Поправление крепости. Вся эта часть города была обведена стеною, разрушенною в недавнем времени.

3) Предместье Авлабарское. Там только одна большая улица, вновь перестраивается.

ДОКУМЕНТЫ, СОЗДАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ С ПЕРСИЕЙ (1827—1828)

О ГИЛАНИ

7—21 декабря 1827

К югу от нынешних наших границ, к востоку от Адербеджана, омываемая с севера морем и с прочих сторон окруженная высокими, неудобопроходимыми горами, простирается приморская каспийская область Гилань. Она изобилует шелком и лесами всякого рода. Воздух в ней, кроме высот, нездоров: сырость порождает многие болезни, она даже проникает в закрытые часовые пружины и покрывает их ржавчиной. Иные приписывают болезни и заразу воздуха изобильным сорочинским полям, другие множеству растений, которыми заглохла большая часть провинции, испаряющих будто бы вредный запах. В политическом и торговом отношении этот край для нас чрезвычайно важен. Народ отделен от Персии географическим положением, отменою в наречии и даже окладом лица. В Энзелее, близ столицы Рящ, удобный

порт, где прежде была наша контора и консульское пребывание. В Гилань через горы идут только три дороги, и все три трудные, едва проходимые: одна к нам на Ланкеран ущельем, другая из Ардебиля в Астрабад, третья из Казбина, из Рубарь в Рящ и эти обе тесные, в трущобах, заваленных обломками утесов и через которые войско без сношений благоприятных в самой земле не проникнет. Фамилия Решти управляла так же независимо в Гилани, как цари в Грузии, с одинаковым титулом «Вали», признанным нашими государями. Я убедился частными нашими сношениями с сим краем по случаю вновь учреждаемого консульства, что приверженность тамошних жителей к сему дому не исчезла. Родоначальник был Джемаль-хан, сын Кемаль-хан, внук Гедаст-хан, получивший от императрицы Екатерины почетную саблю и чин генерал-аншефа, в то время как великая государыня, известная в Персии под именем Хуршид-Кюла, *венчанное солнце*, подкрепляла права Муртеза-Кули-хана на персидский престол. Брат его, <дядя> нынешнего шаха, ожесточенный против правителя Гилани, убил его и лишил род его всякой власти хитростию и силою оружия. С тех пор провинция сия в беспрестанном волнении: поборы, тиранства шахских наместников заставляли ее часто обращаться к русской границе с надеждою избавления. В бытность мою в Султанее в 1819 году жители Рящ взбунтовались против правителя их, шахского евнуха Хосров-хана. Он был сменен. Послан туда шахский сын Риза-Мирза, который заставил вздыхать о своем предшественнике. И его сменили. Ныне там другой сын шахский Ягъча-Мирза, но поборы под управлением главного шахского евнуха Ага-Ману<ч>ер-хана, брата нашего здесь в Тифлисе переводчика Енаколопова. — Сын незабвенного в Ряще Гедаст-хана называется Фет-Али-хан, нынешний генерал-губернатор, беглер-бек табризский, воспитан при шахском дворе; но он и два сына его и все его семейство привержены к России чрезвычайно. Я это испытал во время моего пребывания в Персии. Это один дом, с которым мы были точно дружны. Также чрезвычайный посол наш г<осподин> Ермолов почтил его искренним уважением. — Если бы того требовала польза нашего правительства, Фет-Али-хан при первом ему тайном сообщении тотчас бы явился под наши знамена и в Гилани, принятый жителями, утвердил бы там наше владычество. Но и сия область тогда только принесет истинную пользу, если будет управляема по своим обычаям, независимо от наших министерств, так как по трактатам Цицианова с ханами Шехинским, Ширванским и Карабахским управлялись их ханства до нынешнего их преобразования.

ПРОЕКТ ДОКЛАДА [А. С. Грибоедова] О [ВОЗМОЖНОСТИ] ЦЕЛИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВОЙНЫ С ПЕРСИЕЙ И О КОНТРИБУЦИИ

7—21 декабря 1827

*La pose en principe**.

Ныне уже нельзя принимать в основание невозможности продолжать войну для приобретения денежных выгод от Персии; это опровергается последними инструкциями, в которых велено именно продолжать войну, если бы персиане не согласились на наши условия.

*Le but est nous faire payer, sans rompre les négociations***.

Цель наша есть получение требуемых денег, если иначе достигнуть ее нельзя как прерванием переговоров, то их надлежит прервать. Мои военные соображения позволяют мне еще несколько продлить перемирие, и я продлю его в ожидании более положительных известий из Тегерана; если таковые позамедлятся или вовсе не придут, то я снова возьмусь за оружие.

*Article secret, que si à l'échéance du premier terme les 5 courours n'étaient pas liquides, ils en nous céderont le Talyche et le Guilan jusqu'au Kizil-Ozan****.

Идея заключить мир прежде получения денег опровергает все наши усилия, все доводы нами до сих пор представленные персиянам в предшествующих негоциациях, и наконец самое то письмо, которое мною послано Шаху.

Мы не верим персианам, хотим вещественного ручательства, именно денег; когда деньги будут в руках у нас, кто их станет у нас оспоривать? Но провинции, если их нам не захотят уступить, всегда остаются залогом спорным. Выгоды от приобретения земель приморских до Кизил-Озана обольстительны в теории, а в исполнении влекут за собой бездну неудобств — надобно снарядить морскую экспедицию, она еще не приготовлена, для сего нужны новые издержки, сухим путем нельзя войти в Гильян. Но между тем персиане, хоть и заключили мир, может быть, с мыслью в благоприятное время тотчас его нарушить: лето наступило, денег мы не получили, приобретения наши нам оспаривают, опять война, а трактат с их стороны был только писанный обман, которому мы поддались по неосторожности. В нем вы хотите постановить первым сроком для уплаты *месяц*, и *чрез два месяца* по невыполнении условия занять Гилань. Следовательно 3 месяца, в которые неприятель, искренно не примиренный, опять соберет войска, вознесется новыми надеждами, а мы тоже не можем пре-

даться на их слова <со> спокойствием, и наше войско должно до тех пор стоять в ружье, а результат опять война.

Гораздо вернее пообождать теперь, не назначая срока; эта неизвестность — пойдем ли далее? Скоро ли? Может, завтра? Может, сегодня? — будет содержать в страхе неприятеля, и побудит его к скорейшим пожертвованиям; если же нет, то лучше чрез несколько дней возобновить войну, нежели через три месяца, в которые мы ничего не приобретаем, а теряем источники прокормления, доверие народа в Адзербежане, и нравственное превосходство, добытое победами.

---

* Принципиальная позиция (*франц.*).

** Наша цель — получить желаемое, не прерывая переговоров (*франц.*).

*** Секретный параграф, по которому, если по истечении первого срока задолженности 5 куруров не будут выплачены, они уступят нам Талыш и Гилян вплоть до Кизил-Озана (*франц.*).

<ЗАМЕЧАНИЯ НА «РАССУЖДЕНИЯ НАСЧЕТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ С ПЕРСИЯНАМИ МИРА» А. М. ОБРЕЗКОВА>

22 декабря 1827 — 6 января 1828

a) Стало быть не для чего было посылать Вальховского.

Оставление двух копий трактата у английского министра с жаром было опровергнуто в конференции и внесено в протокол, а теперь на этот счет делается уступка по желанию Аббас-Мирзы, стало быть горячность сначала была неуместна.

b) Это так и прежде положено было. Но вот уже два с лишком месяца, как мы требуем $2^{1}/_{2}$ миллиона, теперь спустились на $1^{1}/_{2}$, опять уступка по прихоти персиян.

c) Предположение сие даст время персиянам вооружиться и только. Что касается до их неблагонамеренности, то не для чего ожидать и напрашиваться на новые опыты; это до сих пор уже довольно испытано.

d) Эта мера очень полезна, или лучше сказать нельзя иначе обойтись с Абул-Гассан-Ханом.

Но трактовать с ним ни в коем случае не должно, это единственно трата времени, пища нерешительности, и завлечет нас опять в пустые, вздорные, нелепые толки, которыми персияне забавлялись над нами в течение с лишком пятидесяти дней.

e) Если разъехаться без подписания трактата: то это сейчас можно сделать, и чем скорее, тем лучше. Статьи можно заготовить и в Табризе.

Перемирие уже слишком продолжается. Давно уже прошло время, и два раза срок для привоза денег, но если рассчитывать время в смысле персиян, то перемирие надлежит заключить на шесть, на десять, на сто лет. Больно сказать, но мы после военных удачей делаемся посмешищами побежденного неприятеля, и это самое будут повторять во всей России.

f) За эту же Ардебиль и Миандобу Аббас-Мирза <охватил> жесточайшие угрозы, теперь опять уступка.

g) Разрыв не отдалит, а ускорит присылку денег.

h) Срок достаточный!! — не существует для персиян, они как все слабодушные люди не решатся ни на что, а продлят время; для нас же никакой нет выгоды ободрять их в этом расположении: через месяц еще труднее будет выступить в поход нежели теперь.

i) Никаких нет средств согласить на наши предложения Абул-Гассан-Хана, кроме оружия. — Положительных инструкций для продолжения войны он иметь не может, я не знаю даже, как это себе вообразить можно.

НА ПАМЯТЬ

22 декабря 1827—6 января 1828

Не принимать посланников неприятельских без подписанного Шахом согласия на все наши условия, которые ему уже известны.

Не принимать их с большим уважением, покудова нет ручательства, что военные действия уже не возобновятся.

Угрожать им бунтом за бунт, который они у нас возбудили. Они больше ничего не страшатся, когда еще остается им Испагань, Шираз и пр.: куда бежать можно. — Довольно того, что мы не прибегнем к возмутительным средствам, и по заключении мира скажем им, что это верное оружие мы имели в руках наших, но против их не обратили.

На словах и в переписке не сохранять тона умеренности, персияне его причтут к бессилию, к истощению средств, к невозможности далее простирать наши завоевания. — Всякое же почтительное, приязненное слово и особенно уверение в миролюбии государя и пр. Аббас-Мирза способен тотчас у себя обнародовать, в доказательство, что дела его еще не так плохи.

Угрожать, что возьмем провинции по Кафланку, с моря овладеем Астрабадом и пр.: то же при случае объявить англичанам (не на письме, однако).

Условия предварительных соглашений: уплата немедленно наличной суммы, возвращение всех наших пленных. Не позабыть также статью в пользу трухменцев, Кельб-бея и прочих, некоторые по нашему внушению делали набеги против персиян, следовательно предать их мщению неприятелей будет бессовестно.

НАСТАВЛЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВЕТНИКУ ГРИБОЕДОВУ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПОСТУПАТЬ В ТУРКМЕНЧАЕ ПРИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ, В ОСОБЕННОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО АДЕРБИДЖАНА

7 февраля 1828

7 февраля <1>828 года.
Секретно.

Г<осподину> коллежскому советнику Грибоедову.

Английский министр при персидском дворе г<осподин> Макдональд дружески сообщил мне, что старания персиян при будущих переговорах в Тюркменчае по-видимому должны клониться к той цели, чтобы русскими войсками очищен был Азербежан в наискорейшем времени, и именно по уплате со стороны Персии шести с $^{1}/_{2}$ курур томанов, т. е. 13 миллионов рублей серебром. — Я не изъявил на сие моего согласия, но внутренне убежден, что такое предложение не только не противно нашим выгодам, но еще избавляет нас от затруднительного положения долго пребывать в краю, на которого преданность, по заключению мира, мы более полагаться не можем.

По прибытии в Тюркменчай Аббас-Мирзы, Абуль-Гассан-Хана и Ага-Манучера, я вам предписываю иметь сие в виду. Сначала я намерен ничего не изменять в условиях, окончательно поставленных в Дейхаргане. Но излишним упрямством я не хочу продлить времени до срока неопределенного, когда и выступление из Азербежана по весенней оттепели и по разлитию рек сделается слишком затруднительным, а сношения наши с жителями не будут уже основаны на власти и повиновении. Руководствуясь сими двоякими соображениями, вы в разговорах и в делах с персиянами поступайте следующим образом:

а) Старайтесь рассеять слух, что двор наш недоволен мною за уступку округа Макинского, некоторых пунктов в Талышах, и двух курур из числа остальных пяти: потому я нахожусь в невоз-

можности согласиться на отступление от однажды сделанных условий.

b) Если же заметить в них непреклонную решительность устоять в предложении, объявленном мне через г<осподина> Макдональда, то всячески внушите им, чтобы домогались сего от меня неотступными просьбами и сильными доводами, против которых я наперedь себе положил не ополчаться упорством непреодолимым, ибо как выше сказано: соглашение сие не противно нашим выгодам, время всего важнее, и скорейшее заключение мира необходимо.

c) Прение о сумме, за которую мы обяжемся очистить Табриз и весь Азербежан кроме Хой и Урумии или Ардебиля, послужит отводом против их домогательства об уступке чего-либо изо всего итога контрибуции, т. е. 10 курур = 20 милл<ионов> руб<лей> серебром; которого я до самой крайности убавить не соглашусь.

d) Количество уплаты, за которую мы очистим бóльшую часть Азербежана, если в сем и оказано будет снисхождение с нашей стороны, еще ничего не изменяет в сущности условий, лишь бы целость всей требуемой суммы оставалась неприкосновенною. И потому, если успеете в том, то наклоните все внимание персиян на вышеозначенный предмет. Оспаривая кондиции, на которых мы возвращаем Азербежан, мы можем впоследствии согласиться на оные, с тем чтобы после того немедленно был подписан мир. Тогда персидские уполномоченные почтут сие для себя делом выигранным. Трактат будет подписан, а рассуждения об убавке суммы 10 курур останутся в стороне. — Впрочем нельзя наперedь определить всего хода негоциаций, но здесь мною изложенный кажется мне самым естественным и вероятным.

Генерал-адъютант Паскевич.

Тюркменчай.
Февраль 1828.

ПРОЕКТ ИНСТРУКЦИИ ***, ПОСЫЛАЕМОМУ В ПЕРСИЮ

Апрель 1828

При отправлении вашем к персидскому Двору поставляются вам в руководство следующие соображения:

Упрочение мирных сношений

Самое учреждение миссии при персидском Дворе уже означает со стороны России искреннее желание умирить сколько можно прочнее те несогласия, которые временно возникли между обоими государствами, произвели войну и ныне прекращены Трактатом, заключенным в Тюркменчае. Но Трактат, как ни торжествен акт сей, часто по несоблюдению или превратному толкованию обоюдных прав и обязанностей делается предметом спорным и, следовательно, поводом к новой неприязни. — Ваше пребывание при особе Шаха даст вам способы отвращать сии недоразумения, наблюдая близко и безошибочно за действиями его министерства, внушая в том краю государственным людям, с которыми вы будете в делах обращаться, что Персия, в сравнении с Россиею, для собственных выгод должна быть гораздо рачительнее в исполнении Трактата; ибо в ней гнездятся семена внутреннего раздора, дух соперничества в самом царствующем доме, своеволие духовных, которое превышает иногда власть самого правительства, необузданность кочевых племен, всегда готовых к бунту; все сие лишало и будет лишать сие государство возможности располагать вполне своими средствами в войне с другою державою. Сии самые соображения определят и ваши действия. Вам предоставляется распознавать всегда те черты, которыми отличаются бессилие, невозможность исполнить требуемое, от сокровенного недоброхотства. В сем случае настойчивость, а в другом кротость и снисхождение докажут персиянам, что великодушие к ним Российской Империи остается правилом неизменным, как было в войне, тем паче во время мира. Вообще в сношениях с ними вы будете внимательны к их объяснениям в делах, к предлогам, которыми видимо руководствуются, и к тайным пружинам, которыми могут быть движимы, к случаям, где влияние правительства вмешано, и к другим, не зависимым от его воли; но всегда взирая на сие с той точки нравственного превосходства, которую мы достигли успехами оружия и просвещения. Одною только продолжительностью, однообразием поступков, всегда правильных и откровенных, удастся вам, может быть, восторжествовать над недоверчивостию азиатскою и превратить в убеждение со стороны Персии ту роковую необходимость, которая заставила ее принять наши мирные условия.

Нейтралитет Персии в наших делах с Турциею и наоборот

Повременная бытность посольских чиновников у самого Шаха до сих пор ограничивалась церемониалом, ни к чему не обя-

зующим; ибо он сложил с себя попечения о внешних делах государства и большею частию предоставил их наследному принцу, при котором, вероятно, и пребывание ваше будет постояннее. Из донесений г<осподина> командира Отдельного Кавказского корпуса видно, что Аббас-Мирза ныне порывается обратить оружие против турков. Но цель его при сем намерении, конечно, не бескорыстна в отношении к России: на ее влиянии, на ее военных успехах и потом при возобновлении мира с Турциею только на сильном содействии России он может основывать будущее превеличение своего удела и вознаграждения за утраты, им против нас претерпенные. Но в настоящих обстоятельствах не согласно с выгодами России, поддерживая властолюбивые замыслы и дух завоевания в Аббас-Мирзе, тем самым затруднять себе еще более пути к сближению с державою, против которой она принуждена ныне стать на военную ногу. — Давши однажды направление Аббас-Мирзе против общего неприятеля, будет уже несообразно с достоинством Империи предоставить его собственной участи, не обеспечив при заключении мира с Турциею выгод его как деятельного союзника. — И потому вы, находясь при нем, не будете поощрять мечтательных надежд его на пособие России, на ручательство с ее стороны за приращение его владений частию сопредельных ему пашаликов и пр.; — но в то же время не станете его наклонять и к миролюбию, если он в предприятии против турок находит свою особенную пользу, независимо от участия и союза с Россиею. — Если же, сверх чаяния, война, ныне предприемлемая, продлится, и откроются новые виды, по которым содействие Персии признано будет нужным: тогда вы получите по сему предмету особенное наставление, и тогда уже предоставлены будут с нашей стороны в распоряжение Аббас-Мирзы способы вооружения, долженствующие придать союзу с ним важность и пользу, потребную для успеха в общем деле.

Недоимка контрибуции

По уплате 8/10 всей наложенной на Персию, контрибуции останутся еще два курура томанов = 4 м<иллиона> рубл<ей> серебра. Бремя сие падает единственно на Аббас-Мирзу; ибо Шах решительно отказался способствовать на свою долю ко взносу сих денег. — Вы усмотрите из состояния финансов наследного принца, может ли сия сумма быть истребована к назначенному сроку? или необходимо дать ему облегчение? или даже совершенно простить долг, если он несоразмерен его доходам? Представляя Министерству в течение времени о том, которая из сих мер должна быть допущена, вы истолкуете Аббас-Мирзе, что снисхождения

по сему предмету от Российской державы он должен уметь заслужить чистосердечными, дружественными поступками и точнейшим исполнением прочих статей Трактата.

Два случая частные, но важные в своих последствиях должны обратить на себя неослабное внимание ваше:

Покровительство персидским подданным, служившим русским во время войны

1) По Трактату принимаете вы на себя защиту тех из персидских подданных, которых правительство захотело бы преследовать за услуги, оказанные ими российскому войску до заключения мира. Здесь нужна самая неусыпная осмотрительность, чтобы статья сия не соделалась предлогом умышленного избежания от наказания заслуженного. Искатель вашей помощи хотя бы и усердствовал прежде русским, но последующим поведением навлекший на себя справедливое взыскание туземных законов, ни под каким видом не может опереться на российское покровительство в уважение прежних заслуг своих. И вы, хотя бы защищали в нем самое человечество, которое так часто оскорбляется в Азии местными обычаями и постановлениями, но должны иметь в виду, что чужестранное влияние в домашних делах государства всегда ненавистно и вас могло бы поставить в самое неприятное положение. С другой стороны, если явно нарушено будет условие, обоюдно утвержденное, и невинный будет тесним и угрожаем казнию единственно за то, что по силе Трактата должно быть предано забвению, то в таком случае вооружитесь всею торжественностию помянутого акта для чести русского имени и в защиту угнетаемого просителя.

Пограничные дела и переписка

2) Выше сего сказано, что кочующие народы не всегда покорны власти правительства в Персии. В мирное время челобианцы переплывали чрез Аракс и производили разбои в нашей Карабахской области; так же перебежавшие к нам в Талыши шахсевенцы не могли быть воздержаны от грабежей в персидской границе. Нельзя вдруг водворить порядка в сих беспокойных племенах как бы в народе благоустроенном: но сии и другие случаи могут быть причиною переписки между пограничными начальниками, наполненной язвительными укоризнами, которые, наконец, доводят до взаимного ожесточения, чему уже были примеры. И потому всякое письменное сообщение от российского начальства к персидскому или обратно должно производиться прямо на ваше имя

или по крайней мере чрез ваши руки и с вашего ведома, о чем немедленно будет предписано Главноуправляющему в Грузии. Настаивая у персидского Двора о наказании ослушных и вообще о соблюдении порядка на границе нашей, если бы оказался какой-либо случай, противный Трактату, в нашей пограничной области, то вы отнесетесь о том к главному начальству в Тифлисе, если же там не будет уважено сообщение ваше, то доносите прямо вице-канцлеру Империи. Таким образом может быть предупреждено в самом начале взаимное неудовольствие между Россиею и Персиею.

Поведение с Аббас-Мирзою в случае кончины шаха

Статьею** Трактата Аббас-Мирза признан нами в качестве наследника шахского престола, но просто и безусловно. Мы не возложили на себя обязанности поддерживать права его вооруженною рукою. Вопреки сему по умоначертанию азиатцев та держава единственно ими уважается, которая в случаях необыкновенных дает чувствовать силу и вес своего могущества, вмешиваясь в дела соседнего и даже отдаленного государства и подкрепляя оружием свое покровительство или неблагорасположение. Таким образом, вся Персия и сам Аббас-Мирза ожидают, что Россия по смерти Шаха решит вопрос о преемничестве персидского престола. Сие общепринятое мнение вы легко можете обратить в пользу дел, вам вверяемых. Буквально придерживаясь смысла вышеозначенной статьи, вы, однако, можете указывать Аббас-Мирзе на пособие России при будущем его вступлении на престол как на цель, которой он должен домогаться праводушным своим поведением в сношениях с нами. — Появление в Азербежане российских двух пехотных полков с достаточным числом артиллерии всегда в пору восстановить права на престол Аббас-Мирзы, хотя бы он уже претерпел неудачи в борьбе с своими совместниками. О сем предмете также можно заблаговременно распорядиться, дав надлежащие предписания военным нашим чиновникам, командующим на персидской границе, чтобы в случае кончины Шаха по первому вашему востребованию помощь Аббас-Мирзе могла быть подана действительная, и дабы не дать себя предупредить Ост-Индийской компаниею, которой военные средства хотя гораздо отдаленнее, но она, конечно, ускорит изготовлением экспедиции в пользу Аббас-Мирзы по принятой ею однажды системе в Азии*, чтобы повсеместно давать чувствовать восточным державам присутствие силы и казны ее. — Но если бы до тех пор Аббас-Мирза двуличными поступками и нерадивым исполнением Трактата заслужил порицание Российской державы, то вы по

смерти Шаха, не нарушая условий мира, должны уклониться от всякого участия в делах его и, отъехав в свою границу под предлогом испрашивания от своего двора нового кредитива, равнодушно будете ожидать там результата происшествий.

* См.: Историю внешних сношений Индостана, — Малькольма. — 1826 год. (*Примечание Грибоедова*).

Поведение против английского посольства в Персии

Великобританское посольство при персидском Дворе учреждено с тою отдаленною целию, чтобы союзом с шахом и наблюдением за его политикою отвращать покушения европейской завоевательной державы от английских владений в Индии, владений, которые даже не граничат с Персиею. Следовательно, система сия совершенно сберегательная и та же самая, которая внушила России мысль учредить Миссию при персидском Дворе, с тою отменою, что интересы наши — охранение спокойствия в наших Закавказских областях — основаны на ближайшей пользе и необходимости; ибо области сии, большею частию отторженные от Персии, обращаясь с нею в сношениях беспрерывных, касаются пределов ее на протяжении с лишком тысячи верст и в ближайшем пункте находятся в трехдневном расстоянии от столицы Аббас-Мирзы. Итак, доколе система обеих европейских Миссий не изменится, вы с английскими чиновниками не можете иметь противоположных видов и в делах с ними никакого неприятного столкновения. Это еще недавно с их стороны доказано при переговорах, которые предшествовали заключению нашего мира с Персиею. — Взаимные личные услуги, в поступках возможная вежливость определят ваше будущее с ними обращение.

Если же дела европейские примут другой оборот и политика Российской Империи найдется в противоречии с великобританскою, тогда и обязанности ваши примут другое направление. Англия может снабдить Персию искусными офицерами, превосходным оружием; не жалея издержек, вовремя отпуская сарбазам жалование, которым они вполне никогда удовлетворены не были, она не даст им разойтиться по неудовольствию на своих начальников; если притом высадит вспомогательный корпус в Бендер-Бушире, то на время придаст грозный вид персидскому ополчению и может нанести нам много вреда по ту сторону Кавказа. Но о сем изменении английской политики вы всегда в пору будете предуведомлены отсюда. Присутствие на границе войска нашего и более

обширные денежные способы, которые тогда отпустятся в ваше распоряжение, поставят вас в возможность при персидском Дворе противодействовать влиянию враждующей нам державы.

До тех пор вы будете руководствоваться в отношении к англичанам вышеизложенным правилом обхождения ласкового и дружелюбного.

Жалованье росс<ийскому> посланнику

Не соревнуя им в пышности, которую они привыкли выказывать при Дворах азиатских, вы, однако, назначением вам жалования*** в год приобретаете способы, чтобы и в обыкновенной жизни, и в торжественных случаях приличною внешностию поддерживать достоинство российско-императорского посланника.

Торговые сношения

В Коммерческом Договоре, заключенном в Тюркменчае, ясно изображены права наших подданных, торгующих в Персии, и степень покровительства, им дарованного. Назначение консулов привéдет сие в надлежащее действие. Отрешение от должности сих чиновников, по Трактату, зависит от вас исключительно. Сие, кроме других побудительных причин, постановлено по усильной просьбе самих персиян, которые ничего так не опасаются, как раздробления властей, с коими имеют дело. Известно, что в Персии правители областей и сам Государь в предоставленном себе уделе в руках своих имеют монополию торговли и потому часто купеческое партикулярное дело превращается в государственное; судьи в таком случае по необходимости пристрастны. И потому потребно величайшее терпение и постоянство характера в наших чиновниках, которые будут наблюдать за тяжбами российских подданных в Персии, чтобы, не поступаясь их правами в уважение сильного противника, с другой стороны, неумеренною пылкостию не возбудить еще более против себя неудовольствия правительства, без того уже негодующего на учреждение консульств.

Изыскание торговых путей, ученых путешествий и пр.

Если вы приложите попечение к открытию новых способов и еще не дознанных путей для сбыта российских произведений, то достижение сей цели вашего пребывания в Персии, хотя второстепенной, будет принято во внимание министерством. В Тифлис и в С.-Петербург вы будете сообщать замечания ваши о тех отраслях народной промышленности, также о тех именно продуктах, кото-

рые с успехом могут быть возделываемы в наших Закавказских областях и найдут в Азии многочисленных требователей. Путешественникам по сему и по всякому ученому предмету, чиновникам вашим или другого звания людям, которые для сего окажутся способными, правительство охотно сделает денежное вспоможение, когда ему будут предоставлены плоды их трудов и наблюдений.

Чрезвычайные расходы

Для успешного исполнения всего, что вам предначертано, необходимы связи в том краю, где вы будете иметь постоянное пребывание, и содействие людей усердных. Сие приобретается не одними деньгами. Нельзя нам совершенно подражать щедрости англичан, которые расточают большие суммы и содержат на пенсии многих чиновников Персидского государства. Но сии самые вельможи и даже сыновья шахские нуждаются иногда в незначащей помощи наличными деньгами (в тысяче, в 2 т<ысячах> червонцев), от которых внезапно восстановляется их кредит и зависит иногда самое спасение по своенравию самодержавцев восточных. Такая услуга с вашей стороны, кстати оказанная, может приобрести вам благодарность людей самых полезных и усердных и часто ценится ими выше пожизненной пенсии, на которую они уже думают иметь законное право. Для сего рода и подобных тому издержек назначается вам сумма *** ежегодно.[1]

[1] Или с убавлением ежегодной экстраординарной суммы, единовременный капитал, который, будучи всегда в движении, не принесет других процентов, кроме услуг и расположения людей нужных.

Подарки

По обыкновению восточному вы от имени Его Имп<ераторского> Величества представите Шаху и вельможам персидским подарки, которые на сей предмет отпущены вам будут из Кабинета.

ЗАПИСКА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН ИЗ ПЕРСИИ В НАШИ ОБЛАСТИ

18—25 сентября 1828

Вашему Сиятельству угодно было узнать достовернее через меня о способах, которые были приняты к переселению армян из Адербейджана, и о нынешнем их водворении в наших областях.

Вот истина по сему предмету, как она мне известна: полков<ник> Л<азарев> почитал себя главным побудителем этой эмиграции, о чем, как вам известно, он изъяснялся довольно гласно, но неосновательно, потому что армяне никакого понятия не имели о нем, будучи единственно движимы доверенностью к России и желанием быть под ее законами. Трактат давал им на сие полное право. Деятельными орудиями при переселении были: князь Аргутинский, Гамазов, а другие подчиненные офицеры действовали уже под их влиянием. Полковник Л<азарев> помышлял только о сочинении прокламаций, довольно неуместных, между прочим, о сформировании регулярного армянского ополчения, полагая даже включить в круг своих замыслов, хотя благонамеренно, но необдуманно, и самый Карабаг и прочие области, имеющие свое начальство, и где особенной власти от давно учрежденных не могло быть допущено. Князь Аргутинский представлял ему несколько раз о его поведении, как это все хвастливо, ветрено и бесполезно. Все прочие дела полковника Л<азарев> были такого же рода и не стоят того, чтобы о них распространяться. Должно только прибавить, что он человек пустой, но не безнравственный, не способен утаивать казенных денег и делать вред умышленно.

При раздаче денежного пособия выходцам из Урмии произошло много беспорядков, но не злоупотреблений: бедным недодано, богатым передано. Это произошло от поспешности, с которой сия провинция оставлена была нашим войском. Второпях действовали без разбора, и потому деньги мало послужили в помощь, ибо дурно были розданы. Это, впрочем, единственный случай, мне известный.

Так было при переселении; но при помещении их у нас на новых местах все сделано бессмысленно, нерадиво и непростительно. Для заведывания ими учрежден Комитет, который ничего не ведал и тем более достоин осуждения, что от Вашего Сиятельства имел самое точное и подробное наставление, как ему в сем случае поступать:

1) Армяне большею частью поселены на землях помещичьих мусульманских. Летом это еще можно было допустить. Хозяева, мусульмане, большею частью находились на кочевьях и мало имели случаев сообщаться с иноверными пришельцами.

2) Не заготовлено ни леса и не отведено иных мест для прочного водворения переселенцев. Все сие в свое время было упущено. Поправить ошибку на нынешний год поздно. Переселенцы находятся сами в тесноте и теснят мусульман, которые все ропщут основательно. Вашему Сиятельству известно, что вообще

всех здешних жителей в сложности должно почитать переселенцами, ибо все они были выселены сардарем в военное время и находятся в самом скудном положении.

Денежное казенное пособие роздано без всякого толку: раздавали по рублю, по два, как нищим, без верных сведений, сколько нуждающихся и кому что нужно. 25 рублей, выданные единовременно, вдесятеро важнее той же суммы, отпущенной дробно, в разные времена. Не принято никакой общей меры, как например, покупки хлеба для содержания целого общества, также для посева на будущий год и проч.

Указав Вашему Сиятельству на жалкие акты Комитета переселения, я должен также по справедливости заметить, что если бы в нем заседали и люди со способностями, которых вовсе там не было, то и они нашлись бы в большом затруднении. В областном правлении нет еще вовсе даже поверхностной описи земель и селений зааракских; еще не известно число жителей и в округах по сю сторону Аракса. Об имениях и говорить нечего: никто не знает, кому что принадлежит. Таким образом, Комитету негде было занять надлежащих сведений, которыми должен был пользоваться. Здешний областной начальник отзывается, что он хотел большее число новоприбывших армян переселить за Аракс, но они просили у Вашего Сиятельства позволения остаться на тех местах, куда их на первый раз временно пристроили, на что и получили ваше согласие. Подполковник князь Аргутинский не отчаивается, однако же, в возможности привести сию меру в исполнение. Чиновник этот заслуживает по своей распорядительности и честности полного доверия начальства.

30 тысяч рублей серебром, 2 тысячи червонцами, вновь назначенные в пособие переселенцам, будут уже употреблены гораздо разборчивее. Если бы Ваше Сиятельство решились еще два раза столько в наискорейшем времени отпустить на тот же предмет, то совершенно бы упрочили благосостояние означенных выходцев. Извольте только принять в соображение число требующих помощи, которые все со временем будут платить подать казне; сравните с среднею оценкою в России такого же количества душ, и вся сумма, Вашим Сиятельством на сие выданная, не только покажется вам умеренною, но даже ничтожною в сравнении с пользою, которую она принести должна. Не знаю, представлялось ли Вашему Сиятельству сие с той именно точки зрения и будет ли она вами одобрена.

Еще один важный источник пособия, и казне ничего не стоящий, представляет сардарский скот, которого ныне открыто до 30-ти тысяч штук, розданный в свое время сардарем жителям на

содержание, которое им вменялось в подать. Он от него, в свою очередь, как хозяин, получал масло, шерсть и самый приплод и проч. О существовании сего скота я от многих наслышан и решительно удостоверился от членов областного правления Петрикова и Меддокса. Продолжать казне сие сардарское хозяйство неудобно и в нашей администрации просто невозможно; раздать же солдатам на порции, значит, израсходовать безвозвратно; но раздача сего скота переселенцам чувствительно пополнит и исправит их хозяйство.

Сколько я ни старался узнать стороною и именно чрез моего переводчика Дадашева, для сего чрезвычайно способного, которого заставлял расспрашивать по деревням, где проезжал, в Эчмиадзине и здесь, не происходили ли какие злоупотребления при раздаче денег, но никто на это не жалуется, и сего точно не было.

У областного начальника переводчик Мирза-Татус, известный мошенник, но он по сему делу не имел никаких поручений; равномерно и брат его, начальник Сурмалинского магала, такой же общепризнанный негодяй, о котором я теперь упоминаю к слову, но при переселении он тоже ни во что не вмешан.

Много должно ожидать от старания тех, которые ныне заведывают водворением пришельцев, особенно от князя Аргутинского, он уже верно не впадет в ошибки своего предшественника майора Владимирова.

Также мы с ним немало рассуждали о внушениях, которые должно делать мусульманам, чтобы помирить их с нынешним их отягощением, которое не будет долговременно, и искоренить из них опасания насчет того, что армяне завладеют навсегда землями, куда их на первый раз пустили. В том же смысле говорено мною и полицеймейстеру, членам правления и ханам, которые у меня здесь были.

Ваше Сиятельство сделали бы истинное благодеяние, если бы предписали Тифлисской казенной экспедиции, чтобы она отрядила сюда нескольких чиновников. Здесь просто некому дела делать, даже писарей нет, переводчиков также. Я думаю, что можно было бы выбрать для сего несколько учеников из армянской школы в Тифлисе.

Обращаясь опять к переселенцам, я нахожу, что они гораздо полезнее наших грузинских армян, вообще торгашей, не приносящих никакой пользы казне, а перешедшие из Персии — большею частью ремесленники и хлебопашцы.

<ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ>

ВСТУПЛЕНИЕ <К ПРОЕКТУ УСТАВА>

17 июля 1828

Есть истины ощутительные, о которых стоит только намекнуть, чтобы присвоить им согласие и одобрение всеобщее.

Если благие нравы, любовь к отечеству и воинственный дух народа в защиту политического бытия своего основывают силу и прочность государства, то с сим вместе сопряжены условия непременные, как тело с душою: способы прокормления, одежда, строения, приспособленные к климату, доходы верные и их приращение, по мере возрастающих удобств и приятностей жизни, наконец все то, чего требует давняя оседлость. В нужде и недостатках всякого рода редко преспевают добродетели.

Но, чтобы избавиться от нужды, чтобы умножить свои доходы, надлежит трудиться, производить и сбывать свои произведения, руководствуясь требованиями на них, более или менее многочисленными. Сии последние различествуют по времени и месту. Тот бы грубо ошибся в своем расчете, кто, увлекаясь изобилием вещества и средств к добыванию какого-нибудь продукта, стал бы исключительно производить то, что уже всякий у себя имеет. Таким образом мы с некоторого времени, при несметном изобилии хлеба, ничего за него не выручаем. Между тем в России, в нашем любезном отечестве, открыты все пути к обретению высшего благосостояния. Обширные ее провинции заключают все климаты, все произведения, от холодного севера и до благословенного юга. В северной и средней части ее просвещение, а вместе с ним промышленность и торговля, достигли уже известной степени развития. От сего она не только не одолжена иностранцам за их произведения, свойственные полосе холодной или умеренной, но еще из своих продуктов производит значительный отпуск за границу. Нам недостает только произведений теплого и жаркого климатов, и мы принуждены заимствовать оные от Западной и Южной Европы и Средней Азии. Все почти привозные товары из тех стран составляют именно сии предметы. И если европейская торговля довольно еще выгодна для России, то азиатская клонится совершенно не в ее пользу. В сем мы легко можем удостовериться из видов торговли, министерством финансов издаваемых. Впрочем недостаток сей происходит, как выше сказано, не от того, чтобы Россия не могла иметь собственных южных

и даже тропических произведений; но доселе *по многим весьма важным причинам* невозможно было извлечь сей пользы, которая от самой природы ей предоставлена в областях ее, лежащих под жарким полюсом: именно в Грузии и Закавказских провинциях.

Причины ясные. Россияне, перешагнув через Кавказ, прежде всего заботились, чтобы стать твердою ногою в Грузии, которая сама испросила покровительства наших *монархов*, и в ханствах, приобретенных *императорским* оружием. Для сего нужно было оградить внешнюю безопасность новых подданных и всегда быть готовыми к отпору против беспрестанных хищничеств и нападений. Европейские войны не допускали правительство развернуть вполне те средства, которые со стороны Азии могли бы единовременно обуздать внешних ее неприятелей: персиян и турок. Внутри новоприобретенных провинций мятежи от введения иного порядка, небывалых прежде соотношений, взыскательности начальства, желавшего скорого исполнения, послушания, дотоле не известных, и вообще от перемен, которым никакой народ добровольно не подчиняется. Сообщение с Россией можно было учредить только с трудом величайшим и постепенно. Вооруженною рукою пробивались к пристаням двух морей, Каспийского и Черного, и каждый шаг на Военно-Грузинской дороге сначала был запечатлен русскою кровью. В таком положении дел нельзя было помышлять ни о новом образе управления, ни о начертании законов, согласных с местными обычаями, для исследования, собрания и поверки которых, и притом для приноровления к ним кодекса, нужны разбор внимательный, досуг и спокойствие. Так точно и для сочинения кадастра. Большая часть имений оставалась и ныне пребывает спорною. Управление образовалось, как обстоятельства того требовали, единственно военное, кроме Грузии в тесном смысле, где водворенное сначала устройство, сходное с Учреждением о губерниях, смешалось впоследствии, по управлению уездами, с особенным родом гражданского образования, вынужденного военным положением края. Финансовая система последовала тому же направлению. Некогда было помышлять об уравнении и правильном взимании налогов. Надлежало пещись о квартировании и продовольствии войск, о перевозке провианта в назначенные магазейны или в действующие отряды. Таким образом обращены в закон повинности всякого рода. Житель закавказский не имел времени думать об улучшении своего хозяйства; дом его, домашняя утварь, упряжь, арба, скот и почти все недвижимое имущество ежеминутно могли быть потребованы для нужд общественных, при движении войска и пр., и он наконец не только не простирал видов своих на будущее время, но и

в настоящем равнодушно смотрел на свою собственность. Мы здесь вовсе не разумеем злоупотреблений тех или других чиновников, но упоминаем только о неизбежных бедствиях войны, которых часто ни предвидеть, ни предотвратить неможно.

Мир Бухарестский и вскоре потом Гюлистанский не столь благодетельно подействовали в пользу здешнего края, как ожидать надлежало; ибо и с тех пор гром оружия не утихал к укрощению горцев, или других возмущенных народов: попеременно то на линии, которой управление сосредоточено в одних руках с закавказским, то в Дагестане, то в западных приморских провинциях. Все внимание тогдашних правителей было поглощено сими происшествиями. Для просвещения сделано мало. Незабвенный князь Цицианов открыл одну школу на 300 человек; при слабых сих начатках остановились надолго. Торговля несколько оживилась указом 1821 года: некоторые из тифлисских купцов с тех пор ездят в Лейпциг за товарами, сбывают их дома и в Персии с успехом и наживают себе значительные капиталы. Но на благосостояние помещиков и земледельцев, более всех обремененных казенными повинностями, сие нисколько не подействовало, нисколько не придало поощрения внутренней промышленности: не возникло ни одной фабрики, не процвело ни земледелие, ни садоводство. Бродящие татары, скитаясь по тучным пастбищам, как и прежде, не знали другого употребления из прекрасной шерсти овец своих, кроме обмена на самонужнейшие предметы в полудикой кочевой их жизни. В течение нескольких лет более двух-трех иностранных кораблей не приставало к берегам Мингрелии и то для опыта нового сбыта товаров своих, не требуя для нагрузки произведений туземных, по маловажности и несовершенству их не пригодных к европейскому употреблению. И между тем как базар тифлисский пестреет привозными товарами, взор наблюдателя напрасно будет искать домашних изделий или продуктов, на которые их можно бы обменивать. Наконец, последнее вторжение персиян, за которое граф Паскевич-Эриванский отомстил с толикою славою для России, и ныне преследуемые им успехи в турецких пашалыках стоили Закавказским провинциям чрезвычайных пожертвований, и более всего Грузии, особенно несущей бремя войны. Можно смело сказать, что с 1826 года по сие время она хлебом, скотом вьючным и тяглым, погонщиками и проч<им> в сложности более истратила от своего достояния, нежели бы то могла сделать самая цветущая из российских областей, между тем как населением и величиною равняется только трем уездам из губерний великороссийских.

Нет сомнения, что сие изображение нынешнего хода дел за Кавказом нисколько не отымает надежды на будущие лучшие времена. Сие состояние противуестественно и не может продлиться. Но предположив наперед войну с Оттоманской Портою счастливо и славно оконченною, внешнюю безопасность сего края отовсюду обеспеченною и жителей отдохнувшими от понесенных ими усилий и утрат, остаются еще на разрешение следующие важные вопросы:

1) Природные средства края могут ли поставить его на почтенную степень образованности и благосостояния, и через сие самое принести пользу всему государству?

На сие можно отвечать утвердительно. Естественные произведения Закавказского края столь разнообразны и столь богаты, что остается только выбрать те, обработывание коих будет полезнее.

Главнейшие из них составляют: виноград, шелк, хлопчатая бумага, марена, кошениль и другие красильные, также лекарственные растения и табак; при том разведение сахарного тростника, в древности здесь бывшего известным, маслинные дерева и наконец кашемирская шерсть могут составить также важнейшие отрасли промышленности. Одним словом, все произведения жарких климатов с величайшим успехом могут быть присвоены сему краю.

Виноград почти всех сортов во множестве растет в Закавказских провинциях, не требуя ни малейшего попечения, — и несмотря на неумение здешних жителей в выделке вин, на недостаток бочек и стеклянной посуды, они почти ничем не уступают лучшим французским винам (бургонским). При малейшем улучшении способа выделки, вино сие (коего добывается ныне до 1.700,000 ведр ежегодно в одной Кахетии) может заменить вина иностранные.

Шелка также собирается во множестве, особенно в ближайших к югу областях. Разведение оного может принести чрезвычайные выгоды. Ныне одно неумение разматывать сей шелк причиною низких на него цен. В Москве, например, в 1825 году продажные цены шелка были: шамахинскому от 300 до 370 р. за пуд, органзину от 1000 до 1500 рублей.

Прибывший же недавно в Тифлис из Франции шелкомотальный мастер образцами размотанного им шелка доказал, что он нисколько не уступает итальянскому и подал причину надеяться, что со временем шамахинский шелк будет предпочитаем итальянскому, а вместе с тем естественно должна возвыситься и цена на коконы.

Не говоря уже о других произведениях, о коих упомянуто выше, кажется, довольно указать на сии две отрасли и еще на хлопчатую бумагу, чтобы подать идею о выгодах, с обработкою оных сопряженных.

2) Могут ли отдельные усилия частных людей (хозяев, винодельцев, промышленников и других) доставить сему краю желаемую степень благосостояния? —

Конечно, нет; ибо для сего нужно, чтобы капиталы решительно с сею целию были нажиты и отложены в сторону многолетнею бережливостью и трудом; надобно необыкновенное единодушие в целом народе или сословии, постоянно устремленное внимание к одному и тому же предмету, что так редко встречается даже и в тех государствах, где способом книгопечатания, стараниями ученых практических обществ дано направление духу, способностям и деятельности народа, — где беспрестанно наблюдают, дабы не дать им уклониться от прямого пути. Кроме того, нужны иногда издержки на опыты в хозяйстве и мануфактурных заведениях, не всегда удачные, и которые приносят только обильные плоды, когда бывают сопряжены с частым повторением оных и постоянством упорным. Но откуда робкий, непредприимчивый и недостаточный хозяин закавказский почерпнет сии душевные силы, не осязая, так сказать, своими руками желаемого и верного прибытка! Непросвещение лишает его всякой дальновидности, и алчность к близким и скорым наслаждениям заставляет его хвататься за то, что он, можно сказать, имеет токмо под руками. Кроме того, жадность к корысти, превышающая всякий благоразумный расчет, руководствует, как мы видим, здешних торговцев. Они не пускаются на обороты, не имея в виду по крайней мере 50 на 100 употребляемого ими капитала. С сим вместе сопряжен всеобщий недостаток доверия одного лица к другому: величайшее препятствие в предприятиях хозяйственных и торговых. Неудобство это есть общее всякому народу, всякому краю, вновь возникающему, и который из дикого состояния переходит в некоторое устройство.

Таким образом, мы видим, что производители бросаются в промыслы разного рода, не справясь с силами, с возможностию продолжать с успехом их занятия, лишь бы только в самом начале получить некоторые временные непрочные выгоды. Откупщики один другому соревнуют, кто более надбавит за такую или иную статью, быв уверены наперед, что они не исполнят своего контракта в отношении к правительству, и между тем стесняют разные промыслы, за которые они взимают множество дробных налогов (особенно в ханствах); но им все равно, когда для крайних нужд своих и для двунедельного поддержания семейства,

или даже для потребностей нелепой роскоши, что-либо выручат. Залоги, представляемые ими в обеспечение, нисколько не ограждают казны от ущерба, ибо при общем стоянии дел, при недвижении денег, секвестрованные имущества лишены ценности и обременяют токмо правительство новыми заботами и расходами.

Теперь если бы и нашлись некоторые благонамеренные люди, которые, руководствуясь умеренным желанием своих выгод и преспеянием какой-либо отрасли промышленности, посвятили бы ей свои труды и капиталы, — то в сем окружающем их неустройстве целого народа на кого они могут положиться в сотрудничестве, в обменах, в сделках, в ссудах своих и займах? Все же вышеозначенные разнородные стихии беспорядка и недоверия завлекут их самих в такую же запутанность и с отчаянием заставят бросить дела; счастливы, если не заплатят за то совершенным разорением своим и своих верителей, чему уже мы видели неоднократные примеры.

3) Может ли правительство одними средствами своими заставить процвесть край сей в смысле народного обогащения?

Все в том согласны, что хотя правительство и не дает исключительно направления силам народным, но много способствует к их развитию. Климат, естественные произведения, образ воспитания, — вот начала, направляющие деятельность общественную к той или другой цели. Но гражданские постановления, но механизм администрации, меры к облегчению сообщений, полицейские, финансовые учреждения и проч., — вот что водворяет порядок и совокупность, неразлучные с благосостоянием всякого политического тела. Мы питаем твердую веру в отеческую попечительность нашего правительства, которое неукоснит облагодетельствовать край здешний гражданским постановлением, необходимым к его благополучию. Конечно, образ управления, до сих пор вынужденный обстоятельствами, коль скоро оные прекратятся, уступит место другому, более усовершенствованному и согласному с местными надобностями.

Ныне уже Закавказский край получил новый залог щедрости великодушного Монарха.

По ходатайству г<осподина> главноуправляющего высочайше пожаловано 5 мил<лионов> руб<лей> собственно для сего края; из оных значительная часть предназначена на устройство сообщений.

Сверх того учреждаются на счет казны пароходы по Черному и Каспийскому морям и принимаются меры к устройству таможенной части в Закавказских провинциях.

Таким образом правительство откроет новые пути промышленности и торговле и облегчит частным лицам средства пользоваться теми выгодами, кои предоставляет им сама природа.

Но если хозяйственная часть здешних жителей останется в том же детстве, как ныне, то мы с сокрушенным сердцем увидим, что меры правительства мало будут действительны. На торговых путях, им вновь открытых, не более будет движения, как и прежде: разве в течении нескольких месяцев один уединенный караван сменится другим, и то не для похищения обильной дани от трудолюбия туземцев, не для собирания от земли несчетных сокровищ, ныне дремлющих в ее недрах; но, следуя из-за границы к какой-либо отдаленной точке империи и обратно, мимоходом будет снабжать села, сакли оседлых и подвижные шатры кочующих народов теми грубыми изделиями, без которых они не могут прожить и в нынешнем совершенном их оскудении.

Складочные места, ярмарки, будут носить токмо сии названия, как бы недостроенное здание, но наперед украшенное затейливыми вывесками того, что в нем завести намеревались. Если бы даже предположить щедрость и способы правительства беспредельными, то и тут надлежит взирать не на количество единовременных сумм, отпускаемых в пособие частным лицам, но на их употребление. Где ручательство, что вспоможение правительства послужит в пользу, и именно к предназначенной цели, и не будет растрачено на суетные, мечтательные виды и просто на прожиток бесполезный?? Иметь же надзор за домашними расходами каждого хозяина, конечно, не входило и не может входить в голову никакого государственного правителя. Главное неудобство остается то же: развлечение видов и усилий производителей, не проникнутых общею мыслию и желанием одной цели; всякий отдельно один от другого будет стремиться к своим истинным или обманчивым пользам, одни другим противоречащим. Соревнование будет обращаться в теснейшем кругу с видами мелкого вреда ближнему, чтобы на том соорудить свой эфемерный нажиток, будучи лишено главного своего светильника: пользы общественной.

4) К каким, наконец, мерам надлежит прибегнуть для достижения желаемой цели — обогащения здешнего края — и дабы с тем вместе извлечь из него истинную пользу для всей Империи?

Все, что мы до сих пор изложили, ясно доказывает необходимость соединить в общий состав массу наличных (capitaux disponibles), или, лучше сказать, в одно общество достаточное число производителей-капиталистов, долженствующих поспешествовать один другому своими познаниями, денежными средствами и тру-

дами. Для сего необходимо учредить Компанию земледельческую, мануфактурную и торговую, которая могла бы заняться добыванием всех тех богатств природы, которых произведение, обработывание и усовершенствование, равно и сбыт в самые отдаленнейшие государства, превышают средства каждого частного лица отдельно. Ниже сего будут изложены правила, признаваемые при начале сего общества, по местным обстоятельствам, удобнейшими. Здесь мы только коснемся:

А) Тех условий, которые необходимы при всяком рождающемся заведении, без которых оно ни возникнуть, ни процвесть не может, и В) тех выгод, которых ожидать надлежит:

a) Собственно Компании от ее круга действий.

b) Закавказскому краю и всем его разноплеменным жителям.

c) Империи Российской.

А) Везде, где земледелие, садоводство включительно, ремесла, более сложная мануфактурная промышленность, и наконец торговля приобрели себе некоторую самостоятельность, даруемые нескольким лицам привилегии, монополии и проч<ее> должны почесться мерами стеснительными, которые в пользу той или другой отрасли промышленности останавливают успехи всех прочих. Но там, где еще не сделано никакого начала трудолюбием и деятельностию заводчиков и торговцев, куда не проник еще дух благородной предприимчивости, первые, которые дерзают на предприятия полезные, должны быть наделены со стороны правительства преимуществами, уступками и отклонением в их пользу от общепринятых правил. Известно, что часто одна видимая удача, плод глубокого размышления и трудов долговременных, внезапно поощряет толпу непрозорливых подражателей на то же поприще, к тем же занятиям, которых они не обмыслили и к коим часто не сродны, лишь бы похитить себе награду, заслуженную другими. Они бывают часто наказаны неизбежным разрушением своих замыслов; но тем самым нанесен уже существенный вред первым начинателям, на которых часто распространяется общее недоверие, справедливо постигшее их опрометчивых соперников. Страстное желание полезного, ожидаемые выгоды, благополучие целого сословия и даже народа — все потонет в общем невыгодном отзыве о намерениях и заведениях самых благодетельных, и тогда уже никакие усилия не помогут. Нет края в свете, где бы сии опасения были основательнее, как именно по сю сторону Кавказа. Всякий подвиг нов; ни к чему не было приступлено; от малейшего покушения к лучшему можно ожидать плодов прекрасных, которых еще никто не домогался, и потому именно совместничество, если не воздержать его зако-

ном, не будет знать никаких пределов. Корыстолюбцы всякого рода, руководимые тою же алчностью прибытка, о которой мы говорили выше, станут подзирать начинания, меры, успехи Компании, захотят перенимать, часто нелепо, неудачно; суетными обещаниями постараются привлечь к себе требователей; будут переманивать людей полезных — мастеровых, работников, выписанных не их средствами, а попечениями и издержками Компании; и, несмотря на то, мало или даже ничего не произведут из того, что предполагали; но замедлят и даже разрушат средства к исполнению благих целей нововозникающего общества. Предвидя же сии неудобства, никто не захочет быть вкладчиком, при столь ненадежном положении дел, и требуемый значительный капитал и содействие людей многих и нужных никогда не состоятся.

Итак, для утверждения Компании на незыблемом основании, надлежит ей непременно прибегнуть к высокому, просвещенному покровительству Монарха, испрашивая себе, для хозяйственных заведений, для колонизации землепашцев, для устроения фабрик, для единовременного приобретения земель, к тому пригодных, для внутреннего и внешнего сбыта своих произведений — многоразличных привилегий, торжественным актом обращенных в закон, который бы на определенное время исключил от участия в оных всех тех, кои в самой Компании участвовать не будут.

В) Относительно выгод, ожидаемых от учреждения Компании, мы их обнимем с трех сторон, как выше означено.

а) *Выгоды для самой Компании.* Коль скоро будет собран наличный достаточный капитал для приведения в исполнение основных видов общества, то управление в наискорейшем времени выпишет извнутри России и из чужих краев искусных виноделов, шелкомотальных, прядильных хлопчатой бумаги и прочих нужных для своих заведений мастеровых и рабочих; равно земледельческие, мануфактурные орудия, к тому потребные; также растения, семена и т. п., для разведения колониальных продуктов. Но между тем, при самых нужнейших на первый раз постройках, тотчас будет приступлено к возделыванию, обработыванию уже существующими в самом крае обыкновенными средствами тех произведений, которые в нем изобилуют.

Таким образом, капитал и даже в самом начале не останется без движения. Рачительный надзор за производимыми работами, труды неутомимые умножат произведения в двадцать раз против того, сколько их до сих пор свозилось на разные торжища, и наконец сбыт, который попечениями правительства день ото дня облегчается, — поставят немедленно акционеров в возможность

получать значительные выгоды. Садоводство и земледелие представят тотчас обширнейшие виды верных доходов, ибо в самый первый год может быть произведен значительный отпуск в Россию вина самого лучшего разбора; также хлопчатая бумага, находящаяся в Армянской области в огромном количестве, по выписании машин, немедленно может быть спрядена и поступить в продажу. Притом устроение самых малосложных, не требующих больших издержек фабрик для снабжения горских жителей одеждою и вещами, необходимыми для их домашнего употребления, которые они в большом количестве выписывают из Персии, присвоит Компании при самом ее начале важнейшую отрасль доходов. В течении же времени коль скоро новые, усовершенствованные способы придадут и произведениям и товарам ценность, дотоле не известную, и соделают их достойными явиться наряду с плодами промышленности государств просвещенных, — то круг ее торговли, постепенно расширяясь, быстро охватит не только соседственные, но даже отдаленные государства, не говоря уже о России, откуда лежит такой близкий и прямой путь в край, ею усыновленный и тогда могущий с избытком заплатить за ее покровительство. Караваны, идущие из глубины Азии в Алеп и Дамаск, для торговых сообщений с вечерними странами, конечно охотно в половину сократят путь и издержки свои, зная, что в землях между Каспийским и Черным морями найдут то же, чего искали прежде в отдаленных городах Сирии. Наконец и европейские народы наперерыв устремятся к Мингрелии и Имеретии, где предложены им будут те же колониальные произведения, в том же количестве и такого же достоинства, которых они прежде того искали в другом полушарии, отваживаясь на опасные и продолжительные плавания по Атлантическому и Тихому океанам.

b) *Выгоды для Закавказского края.* Выше сего сказано, что Компания испрашивает себе некоторые исключительные преимущества: но она далека от того, чтобы вредить другим производителям; ибо не токмо не намерена сохранять в тайне употребляемые ею сродства усовершенствования разных родов промышленности, но, напротив того, доступ открыт будет всякому желающему освоиться с предметами ее упражнений; а сами акционеры могут отдавать людей своих в ее же заведение для изучения ремесел общеполезных. Большая же часть акционеров конечно будет состоять из помещиков и купцов закавказских. Частое обращение с людьми сведущими, приглашенными Компаниею из разных государств Европы; присутствие при новом роде их занятий; употребление орудий, дотоле здесь не бывалых; наконец, ежедневное наблюдение, хотя бы и невнимательное; привычка, к которой большая часть людей более склонна, нежели к от-

влеченным размышлениям, — все сие нечувствительно изменит нынешний род жизни туземцев, заставит их искать утонченных, более изысканных приятностей, и породит в них новые понятия. Сперва корысть (ибо в общем деле Компании всякий вкладчик будет видеть частную свою пользу) заохотит многих из них и более познавать, и самим действовать. Таким образом, просвещение появится как средство вспомогательное, подчиненное личным видам; но вскоре непреодолимым своим влиянием завладеет новыми искателями образования, и чувство лености, равнодушия к наукам и искусствам, бесплодное, всему вредящее своелюбие уступят место порывам благороднейшим — страсти к познаниям и стремлению самим быть творцами нравственно улучшенного бытия своего.

Ободрительные награды от правительства некоторым лицам мало к сему способствуют. Мы это видим в тифлисской гимназии, в которой платили и платят родителям, чтобы учили детей своих, но просвещение от того ничего не выиграло. Участие в каком-либо деле, поощренное надеждою быть богаче и счастливее, ближе и скорее доводит до цели. Каждый из закавказских акционеров, пристально следуя за успехами Компании, и сам для себя будет успевать, — как уже мы выше сказали, — в очищенных своих понятиях. Исчезнет мелкая суетность, ревность, жажда к непозволительным прибыткам. Увидят, что созидая фортуну свою к вреду ближних, мало выигрывают; а споспешествуя цели, всем равно предпоставленной, основывают богатство всех, следовательно, каждого и самого себя.

По окончании привилегии Компании, каждый отдельно уже вступит в права ее и, наученный многолетными ее опытами, употребит их в пользу свою и своего семейства. Какая масса людей полезных распространится из ее мастерских по всем сторонам закавказским! Для службы, для мореходства, для торговли, для всякого рода заведений учебных, медицинских, мануфактурных найдется множество лиц, которых мы здесь теперь напрасно будем отыскивать; и та бесполезная часть народонаселения, ныне скучающая в праздности и невежестве, тогда вовсе исчезнет. Кочевые племена, которых грабительства и неустройства мы не без причины теперь остерегаемся и которые в свою очередь тяготятся нынешним правлением, — познают наконец выгоды и преимущества оседлой жизни, ибо никакое убеждение на них столько не подействует, как видимая их глазами, осязаемая их чувствами прибыль. Окрестные горские народы, которые к дальнейшим своим соседям спускаются только для нарушения их спокойствия и, не видя в их гражданской жизни другой отмены в сравнении с своими обычаями, кроме подчиненности, ими не терпимой, тогда

изумятся превосходству их ума и благосостоянию. Никогда войско, временно укрощающее неприятеля или готовое только истребить его, не может так прочно обуздать и усмирить вражду, как народонаселение образованное и богатое, которое оттеснит до крайних пределов варварские племена, — или примером своим и обоюдностию выгод сольет их с собою в один состав, плотный и неразрывный. Таким образом при расчистке лесов, при водворении усадеб и хлебопашеств исчезают хищные звери и уступают место свое животным кротким и домашним, питающим человека. Северо-американские Соединенные Штаты представляют тому образец самый поучительный.

По сю сторону Кавказа удобнейший и прочнейший род строений, улучшение дорог, чистота и бережливость в содержании домов, то же в одежде, способствующие к здоровью, наконец, столько полезных и необходимых мер, к которым все понуждаются полицейскими насильственными средствами, тогда добровольно, для собственной пользы будут жителями приведены в исполнение. Наконец, правильное разделение работ займет каждого по способностям, и в общем движении, направленном к истинно благим видам, край сей, можно сказать, возродится для новой, не ведомой ему доселе, жизни.

с) *Выгоды Империи.* Во всем вышеизложенном виден зародыш возможного будущего благосостояния провинций Закавказских, и сами собою уже явствуют государственные выгоды, от того проистекающие. Но мы еще ближе их рассмотрим:

а) *В отношении экономическом.* Из официальных сведений известно, что Россия ежегодно получает из-за границы

Красильных произведений на	15	м<иллионов>
Аптекарских материалов	2	» »
Фруктов	4	» »
Масла оливкового..................	3	» »
Виноградного вина	15	» »
Хлопчатой бумаги	35	» »
Шелка сырца	45	» »
	Итого 119	м<иллионов>

В провинциях же Закавказских Компании легко можно будет производить и обработать на первый только случай 1/4 часть сих произведений ежегодно, то есть по крайней мере на 29 мил<лионов>. Результат сей слишком удовлетворителен, и, кажется, не требует дополнительных пояснений.

б) *В отношении государственных доходов.* Ныне слышен всеобщий голос в России, что приобретения за Кавказом для нее обременительны; что они даже не оплачивают содержания войск,

на них употребляемых. Окинув токмо беглым взглядом военный бюджет и сумму доходов, из провинций Закавказских получаемых, легко можно убедиться в справедливости сего нарекания. Но послушаем, с другой стороны, отзыв закавказского жителя, обремененного беспрерывными пожертвованиями в пользу родной стороны, так что сам у себя не признает никакой собственности, ибо она от него ежеминутно требуется на издержки во время войны, на содержание пограничных караулов, на городские расходы, на квартирование войск; и нельзя будет не соболезновать о бедственном его состоянии. Если же сличим платимое им ныне в казну с тем, что бы он мог вносить легко и безропотно при малейшем улучшении его хозяйства, то увидим, что государственные доходы легко могут быть впятеро увеличены. Но повторяем еще раз, что сего желаемого преобразования от собственных отдельных усилий туземцев ожидать невозможно и усилий сих решительно не будет. Одно учреждение предполагаемой Компании может токмо осуществить сии ожидания. Сколько ныне произведений почитается здесь ничтожными: растений, к которым рука человеческая никогда не прикасалась; плодов, которые далеко превышают местные домашние надобности и которых избыток предается истлению. Компания, не только покупая все ныне производимое, но и не давая ничему теряться бесполезно, даст всякому новые средства производить еще более и более, и поселянин, постепенно обогащаясь, легко понесет нововводимые налоги, в соразмерности с приращением его капитала.

в) *В отношении к обмену с Россиею.* Нужно ли к сему прибавить, что коренным россиянам, любезным нашим соотечественникам, открыто будет новое, неизмеримое поле к огромным мануфактурным и торговым предприятиям? И в нашем отечестве, хотя совершенно по другим причинам, господствует всеобщий недостаток кредита. С одной стороны накопление капиталов без всякого верного употребления; с другой — слабеющая деятельность, чтобы не сказать совершенный упадок иных заведений; в чужих краях чрезмерные пошлины на русские товары, — все сие заставляет с беспокойством отыскивать себе новых путей к продаже своих произведений. Компания никогда не вступит в соперничество с отечественными фабриками по тем предметам, кои в России гораздо легче, удобнее и дешевле будут обделаны. Произведения ее будут совершенно различного рода и собственно такие, каких Россия по свойству своего климата никогда доставлять не может. Здешние жители при более цветущем своем положении поищут в России тех изделий, в которых они и ныне нуждаются, но отказывают себе в них, по недостатку денежных средств. Ме-

22 Заказ № 1590

жду тем русские вкладчики Закавказской Компании, выручая значительные проценты по своим акциям, и собственный курс сих акций, постепенное их возвышение и перехождение из одних рук в другие, придадут уже необыкновенное движение отечественной торговой деятельности.

г) *В отношении нравственном и политическом.* Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод. До сих пор русский заезжий чиновник мечтал только о повышении чина и не заботился о том, что было прежде его, что будет после, в том краю, который он посетил на короткое время. Он почитает Тифлис или какой-либо другой город за Кавказом, местом добровольной ссылки, которое желает как можно скорее оставить, чтобы возвратиться восвояси. Прибавим еще, в отношении к чиновникам, приезжающим сюда на службу, что из них отличенные истинными достоинствами лишают свою родину талантов, усердия, которые они ей должны были нести в дань предпочтительно видам своей личности. Сознаемся, что Россия не имеет еще чрезмерного количества людей способных и образованных, и, наделяя ими колонии свои или завоеванные ею иноплеменные провинции, она себе во вред истощается. С другой стороны, выходцы из России, заметные по отсутствию полезных и похвальных качеств, водворяют токмо безнравственность, и без того уже глубоко вкорененную в Азии при необразованности народов, населяющих сию часть света. Между тем грузин или мусульманин из Ширвани, Карабага и проч<их>, по возвращении из похода, вложив саблю свою в ножны, отклоняется от иного рода службы и чуждается русских. Изумляясь их храбрости и счастию в боях, он долго власть их чиновников почитает бременем, стесняющим буйную его свободу; в их беседах, скрепя сердце, является минутным гостем и то разве по нужде и по искательству особого рода. Компания в обширных занятиях своих привлечет к соучастию и займет, кроме выходцев русских и других европейцев, деятельность множества туземцев, всякого сословия, различных языков и разных исповеданий. Ничто в свете не может так скоро и действительно послужить к их сближению между собою. Товарищи в заведениях, в торговле, в рассылках, в комиссиях нечувствительно сделаются такими же и в домашней своей жизни. Часто предпринимаемые путешествия здешних жителей в Россию, по делам Компании, ознакомят их с характером русских, нынешних властителей здешнего края, и знакомство сие, конечно, даст им выгодное понятие о сих последних. До сих пор они их почитали гордыми, неприступными: ибо

знали их только у себя облеченными во власть повелительную и строгую. Мирные, приятные сношения для собственных выгод, обоюдные услуги всякого рода, водворят некоторое равенство между членами одного и того же общества. Таким только образом исчезнут предрассудки, полагавшие резкий рубеж между нами и подвластными нам народами, и сие будет совершенно соответствовать высшим видам наших человеколюбивых Монархов, равно благотворящих всем своим подданным, какой бы они нации ни были. Чрез сие создалась и возвысилась Россия. Относительно же чиновников, которых мы выше сего коснулись, то служители Компании и их дети, долженствующие получить хорошее образование в школах, ею заводимых, удобно могут со временем поступить на службу государственную, и наполнить присутственные, судебные и прочие места закавказского управления.

Чем более здешние жители почувствуют пользу и приятность от нового измененного рода жизни, тем более возлюбят род правления, поставивший их на сию ступень. Тогда они охотно в защиту его втеснятся в ряды воинов-патриотов, в виде ли милиции, правильно устроенной, или полков регулярных; но во всяком случае сберегут России тысячи драгоценных жизней сынов ее, которые здесь часто находят смерть не в сражениях, не на приступах, но изнемогают жертвами климата, им не свойственного.

ЗАПИСКА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ

9 сентября 1828

Его Сиятельству графу Ивану Федоровичу
Паскевичу-Эриванскому

При внимательном рассмотрении Закавказского края каждый удостоверится, что там природа все приготовила для человека; но люди доселе не пользовались природою. Настоящее правительство поддержано токмо самим собою; но известно, что для лучшего успеха в деле государственного хозяйства необходимы соединенные усилия правительства и частных людей. Некоторые же лица, действуя отдельно, мало или вовсе не могут содействовать благим намерениям мудрого правительства, а тем более здесь, где нет ни значительных капиталистов, ни людей по торговле и промышленности предприимчивых и стремящихся на частных выгодах основать общественные.

При таковых обстоятельствах статский советник Грибоедов и коллежский советник Завелейский, по внимательном исследова-

нии богатств и средств сего края, ревнуя благу общему, предположили составить план учреждения Компании для заведения и усовершенствования в изобильных провинциях по сю сторону Кавказа лежащих: виноделия, шелководства, хлопчатой бумаги, колониальных, красильных, аптекарских и других произведений.

Ваше Сиятельство тотчас по вступлении в управление краем, в первую треть 1827 г<ода> и потом в шуму лагеря и военных приготовлений в Джелал-оглу, неоднократно изъясняли одному из нижеподписавшихся желание ввести новое образование в вверенных вам провинциях, чтобы извлечь из них для государства ту пользу, которую в течение 27 лет Россия напрасно от них ожидала.

Под вашим руководством был начертан план к очищению Куры до Самух для будущего по ней судоходства; сие же место, к которому примыкает богатая Кахетия, Шекинское ханство и Елисаветпольский округ, вы предназначили для складки здешних произведений и для учреждения там ярмарки в такое время года, когда зной не так силен, и русские купцы, после Нижегородской ярмарки, могли бы для обмена свозить туда товары отечественные. Быстрые и славные происшествия Персидской кампании не допустили сим полезным идеям достигнуть желаемой зрелости, и Ваше Сиятельство сами приказали их бегло набросать на бумагу, чтобы к ним вновь обратиться во времена более спокойные. Притом вы обнаруживали ясно ваш образ мыслей, чтобы несколько людей благонамеренных и зажиточных, в виде коммерческого товарищества, предприняли реформы, необходимые в хозяйстве и промышленности сего края. Ваши виды по сему предмету вскоре сделались гласными.

Вот что послужило первым основанием сообщений между собою нижеподписавшихся, которые, по случаю, сошлись в С.-Петербурге вскоре после заключения Тюркменчайского трактата. Другое важное обстоятельство поощрило их более и более стремиться к исполнению замышляемого ими дела. При энергическом характере государя императора Николая Павловича многие части управления и отдаленнейшие грани империи, о которых прежде менее радели, — внезапно привлекли к себе внимание и сделались предметом рассуждений государственных людей. Настала очередь и Закавказскому краю. Он как будто выступил из мрака, которым была подернута его статистика, этнография, администрация, финансовое образование, нужды народные и способы к их удовлетворению. Временное значительное пособие, ассигнование важных сумм для внутреннего улучшения края, устроение пароходов из Астрахани в Баку, из Одессы в Редут-Кале, — все сие ясно свидетельствовало о новых благотворных попечениях высшего начальства и конечно бы на сем не остановились, если бы внешняя политическая система наша не была нарушена нынеш-

нею войною с Турциею. Нижеподписавшиеся тем более воспламенились ободрительною надеждою, что, согласно с чувством верноподданных, видами предначертанного ими преобразования они встретились с образом мыслей, позволенным, желаемым и требуемым правительством.

Движимые сим сильным побуждением, они решительно приступили к сочинению правил для нового хозяйственного и коммерческого общества по сю сторону Кавказа и ныне имеют честь представить Вашему Сиятельству плоды трудов своих. При составлении сего проекта они руководствовались Высочайшим манифестом 1 января 1807 года. Они уверены, что, быв подкреплены сильным вашим предстательством у престола Всеавгустейшего Монарха, получат Высочайшее соизволение и возможность привести в действие их виды ко благу общему, которые дотоле останутся в области умозрения и желаний еще неопределенных.

Ваше Сиятельство усмотрите из вступления, а также из второй главы проекта Устава Компании, что учредители испрашивают ей некоторые преимущества, которые должны послужить залогом не токмо будущего ее благосостояния, но без которых она решительно не может воспринять своего начала. По примеру других компаний, в России существующих, которые все от щедрот наших Государей получили разные преимущества, испрашиваемые ныне состоят:

1. В отводе земель

Компания, приобретая, на известных условиях, определенное количество пустопорожних земель, — присвоит, можно сказать, себе не более как право первообладания; будущие ее заведения, разработка, самое орудие, строение и руки, на то употребленные, — придадут уже ценность тем участкам, которые в диком своем виде брошены были в забвении и как будто никому не принадлежали. Привилегия сия не есть новая. *Во-первых*, указом 8 октября 1821 года дозволено отводить в Закавказских провинциях земли всем того желающим; *во-вторых*, на сем основании отведено уже, между прочим, французскому консулу Гамбе, в Имеретии, 15 т<ысяч> десятин лучшего лесу, с платою по 1 руб<лю> ассигнациями за десятину и с рассрочкою платежа на шесть лет без процентов, на условии поселения колонистов, учреждения фабрик и проч.; *в-третьих*, во всей России колонистам отводят земли, с предоставлением им многих льготных лет. Еще недавно в Таврической губернии отведено бесплатно до 50 т<ысяч> десят<ин> земли для колонистов герцога Ангальтского; а в Грузии правительство сверх того делало колонистам, при водворении их, разные пособия довольно значительные.

2. В уступке Компании казенных садов

Сады сии, все вообще, находятся в чрезвычайно расстроенном положении, особенно лежащие близко к персидской границе, которые в последнюю войну были совершенно разорены. Привести их в хорошее положение правительству почти невозможно и будет стоить издержек чрезвычайных.

Состояние сих садов до войны и малый доход, который казна с них получала, доказывают ясно: а) невыгодность для казны заниматься отраслями промышленности, более частным людям свойственными, и b) неудобность управления казенными имуществами сего рода.

Отдача же сих садов в откупное содержание на общем основании, на короткий срок, — не только не представляет никаких особенных выгод, но еще причиняет вред; ибо откупщики, к истечению времени откупа, стараясь умножить собственный доход, портят сады.

Если же Компания получит их от казны, то без всяких со стороны сей последней пожертвований они будут исправлены, умножены и, словом, приведены в самое цветущее положение и после сданы в ее ведомство в лучшем состоянии. Сверх того казна, вместо того чтобы самой употреблять на оные значительные суммы, будет получать первые 10 лет в полтора раза более против высшего дохода из 3-х последних лет, и, по истечении каждого десятилетия, нарастать будет еще треть всей суммы, чего при казенном управлении и при нынешней откупной системе ожидать невозможно.

3. В позволении водворить на своих землях всякого рода переселенцев на особых условиях

И сие не заключает в себе ничего нового: в самой России и здесь, в Грузии, в различные времена, были водворяемы колонисты на особых правах; но здесь мало ими принесено пользы краю. *Первое* потому, что они разбросаны на большом протяжении и мало имеют способов к сообщению и дружному исправлению работ своих; *второе* потому, что лишены были того надзора и руководства, которым бы пользовались под влиянием Компании, способной всему придать вид единства и согласного стремления к одной цели. Притом первые опыты их были неловки и неудачны, по незнанию ни климата, чрезвычайно здесь разнообразного, ни почвы земли, на которой они водворялись.

Нижеподписавшиеся почитают долгом при сем коснуться состояния армян, вновь перешедших в российские пределы из-за Аракса. Многочисленная сия эмиграция, хотя побужденная сло-

вами Тюркменчайского трактата, но при подписании оного никак не могла быть предвидена. Стечение обстоятельств, в отношении к тому предмету побочных, как-то: продолжительное занятие нашими войсками Хойской провинции и т. п., немало сему способствовали. Исполнена же она была в первые четыре месяца по замирении; ничего не было и не могло быть приготовлено к их принятию. Для сего денежных пособий недостаточно; собственное их незнание края, для них нового, может быть для них гибельно; перемена воздуха из знойного в суровый, при возвышенной полосе наших областей и наоборот, все сии затруднения могут еще продлиться.

Компания охотно берется разрешить их, — если на то последует согласие Вашего Сиятельства, — приняв в свое ведение то число семейств, которое собственными средствами содержать себя не может и в новом своем водворении не укоренилось надлежащим и прочным образом. В сем предположении внесена по сему предмету статья в проекте Устава. Если же сии выходцы требуют скорого пособия, то нижеподписавшиеся просят Ваше Сиятельство, дабы им, как учредителям, по утверждении Устава тотчас была выдана достаточная сумма заимообразно на счет компании, для обеспечения существования означенных армян, и дозволено было их принять немедленно в ведение Компании, на известных условиях. Сумму же сию Компания обязывается возвратить, коль скоро подписки на акции и взнос денег приведены будут к окончанию.

4. Касательно свободного мореплавания и отпусков товаров Компании водою в Россию или за границу

Нижеподписавшиеся просят Ваше Сиятельство обратить внимание на необходимость иметь ей складочное место для своих произведений на Черном море. Если бы на сие последовало высочайшее соизволение, с отдачею в полное распоряжение Компании той или другой пристани, с дарованием ей прав порто-франко, окружностию на две или три версты полупоперешника от берега, что при ныне существующем положении распространено на всю Грузию, — то сие ощутительно бы подействовало на расширение круга торговли и оборотов Компании и, вместе с тем, всего края.

При сем нижеподписавшиеся, действуя в сем случае, равно как и во всем касательном до проекта Компании, — отдельно от званий и обязанностей, несомых ими ныне по службе, но поступая в сем предприятии, как частные люди, — осмеливаются предложить Вашему Сиятельству политическое их мнение насчет

приращений сего края, со стороны Азиатской Турции, которое быстрые и блестящие успехи войск, вами предводимых, соделали не сомнительным. Порт Батумский, если войдет в новую черту наших границ, представляет в сем случае для Компании, местным своим положением, наивеличайшие удобства. По неприступности междуземной полосы, по трудности дорог, из Грузии туда ведущих, по разобщенному его положению в отдаленном и крайнем углу наших Закавказских владений, порт сей принесет казне мало пользы. Но усилиями Компании удобно будет проложен коммерческий путь, и устроено будет все, что требуется для складочного места, для учреждения фактории и проч<его>, и правительство, по истечении срока, даруемого Компании, найдет уже все готовым для всякого рода заведений, которые оно в свою очередь признает общеполезными. Если же виды сии покажутся безвременными или несогласными с тем назначением, которое высшее начальство уже предначертало сему порту, — то учредители Компании будут всеподданнейше ожидать от щедрости Монарха и от ходатайства Вашего Сиятельства обмена сей приморской точки на другую, выше или ниже ее лежащую. Но обо всем этом не сделано в самом проекте Устава ни малейшего намека.

Необходимость всех прочих привилегий, испрашиваемых в проекте Устава, изложена в самом вступлении. Они не токмо присвоены многим другим обществам, но даже частным лицам, которые пользуются исключительными патентами при изобретении или водворении ими новой промышленности.

Нижеподписавшиеся в заключение убедительнейше испрашивают деятельного участия и покровительства Вашего Сиятельства в благом их предприятии, — надеясь, что вы, как первый виновник и творец их начинаний, и как благотворитель Закавказского края, расширением его пределов и последствием неимоверных военных успехов оградивший его будущую безопасность, — благоволите в скором времени повергнуть к стопам Его Императорского Величества проект Устава Закавказской компании — и сами не отречетесь ознаменовать начало ее бытия принятием лестного для нее звания президента, как ее основателя и попечителя. Сие самое в глазах России, признательной к блестящим вашим заслугам, присвоит рождающемуся обществу доверие нации и убеждение в его будущих успехах.

Статский советник Грибоедов.
Коллежский советник Завелейский.

г. Тифлис.
7 сентября 1828 г.

ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

<Расписка в книге регистрации студентов>

1810—1811

Имена получивших от ректора письменно позволение
слушать профессорские лекции от 1 сентября 1810 года

№ 49 А. Грибоедов.

<Расписка в книге регистрации студентов>

1811—1812

Первый раздел
Nomina Studiosorum frequentatium hoc anna
ad Septem. 1811 ad d XXVI Iunia anni 1812*

№ 156 А. Грибоедов.

---

* Имена студентов, регулярно посещающих в течение года от сент<ября> 1811 до 26 июня 1812 года (*лат.*).

<Прошение об увольнении от военной службы>

20 декабря 1815

Всепресветлейший Державный
Великий Государь Император Александр Павлович
Самодержавец Всероссийский Государь Всемилостивейший.

Просит находившийся в должности адъютанта при генерале от кавалерии Кологривове Иркутского гусарского полка корнет Александр Сергеев сын Грибоедов, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1-ый.

По окончании наук в Императорском московском университете был я произведен в кандидаты права сего университета прошлого 1810-го года июня 15-го дня, находясь в сем звании, я был готов к испытанию для поступления в чин доктора, как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего, и вскоре за тем последовало высочайшее Вашего Императорского Величества воззвание к дворянству ополчиться для защиты отечества, я решился тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу; а как в то время не последовал еще высочайший Вашего Императорского Величества указ о назначении какими чинами принимать статских чиновников в военную службу, почему и поступил я в полк, формируемый графом Салтыковым, из кандидатов прав в корнеты и в сем чине утвержден высочайшим Вашего Императорского Величества приказом, отданным прошлого 1813 года августа 31-го числа. По присоеди-

нении гусарского графа Салтыкова полка в состав Иркутского гусарского полка и по поступлении оного в кавалерийские резервы назначен я был в должность адъютанта к командующему сими резервами генералу от кавалерии Кологривову, при коем в сем звании нахожусь до сего времени.

Ныне усилившаяся во мне болезнь — жестокий ревматизм в ногах и боль в груди от ушиба лошади — принуждает меня, при всем усердии моем и желании продолжать военную Вашего Императорского Величества службу, просить увольнения от оной для определения к статским делам. Почему, представляя при сем свидетельство бывшего при кавалерийских резервах старшим медиком надворного советника Петрова, который меня от болезни пользовал, осмелюсь всеподданнейше просить, дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие прошение мое принять и меня за болезнию от военной службы уволить с определением к статским делам. А как я вступив, по высочайшему Вашего Императорского Величества воззванию к дворянству, в военную службу, весьма много потерял против сверстников моих, оставшихся в ученом сословии, то осмеливаюсь предоставить сие во всемилостивейшее воззрение Вашего Императорского Величества.

Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества о сам всеподданнейшем прошении моем решение учинить.

К поданию надлежит господину генералу от кавалерии Кологривову.

Декабря 20 дня 1815 года.

Прошение писал и переписывал губернский секретарь Холопов.

К сему прошению Иркутского гусарского полка корнет Александр Сергеев сын Грибоедов руку приложил.

<Прошение о принятии на службу в Государственную Коллегию иностранных дел>

6 июня 1817

Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемилостивейший.

Просит уволенный от воинской службы корнетом, из дворян, Александр Сергеев сын Грибоедов о следующем:

Обучась в Императорском московском университете разным иностранным языкам и наукам, по выпуске из оного с чином кандидата прав 12-го класса, вступил в службу Вашего Императорского Величества в формированный графом Салтыковым Московский гусарский полк корнетом 1812, июля 26, по расформировании коего поступил в Иркутский гусарский полк тем же чином того ж 1812, декабря 17, из которого по прошению моему, по Высочайшему приказу от 25 марта 1816 года уволен от воинской службы за болезнью, для определения к статским делам с прежним статским чином. А как ныне желание имею службу Вашего Императорского Величества продолжать при Государственной Коллегии иностранных дел, то, прилагая у сего данный мне из Инспекторского департамента Главного штаба Вашего Императорского Величества аттестат о службе, всеподданнейше прошу:

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение в Государственной Коллегии иностранных дел принять и меня именованного определить в оную с настоящим чином 12-го класса, полученным в Московском университете.

Всемилостивейший Государь!

Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить. Июня « » дня 1817 года. К поданию надлежит в Государственную Коллегию иностранных дел.

Прошение сочинял и писал протоколист Никитин.

К сему прошению уволенный от воинской службы корнетом, из дворян, Александр Сергеев сын Грибоедов, руку приложил.

Присяжный лист
11 июня 1817

Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссийскому, и его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, который назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися, и всякую вверенную мне тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной, так и по особливой) определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальников, определяемым Инструкциям и Регламентам и Указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом себя весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь. <...>

По сей форме присягал ведомства Государственной Коллегии Иностранных дел губернский секретарь Александр Сергеев сын Грибоедов.

К присяге приводил церкви священник 18 года <Михаил Соколов>

При сей присяге свидетелем был оной Коллегии <...>

<Расписка в чтении указа Петра I
11 июня 1817

Читал губернский секретарь Александр Сергеев сын Грибоедов 1817 июня 11.

Доношение в Государственную Коллегию иностранных дел

25 июля 1818. Петербург

В Государственную Коллегию Иностранных Дел
от определенного при поверенном в делах в Персии секретарем
титулярного советника Грибоедова

ДОНОШЕНИЕ

Имея в виду скорый отъезд к месту моего назначения, прошу оную Коллегию приказать снабдить меня надлежащим для проезда туда паспортом, со включением в оный служителя моего Амлиха Названова, за которого я во всех могущих быть на нем каких-либо требованиях обязуюсь ответствовать.

Титулярный советник Грибоедов.

Июля 25-го дня
1818 года.
Паспорт выдан 25 июля 1818.

Доношение в Государственную Коллегию иностранных дел

5 августа 1818. Петербург

В Государственную Коллегию Иностранных Дел
От нижеподписавшегося

ДОНОШЕНИЕ

Представляя при сем полученный аттестат, данный мне от Императорского Московского университета на звание кандидата 12 класса, покорнейше прошу внести оный в послужной список мой, а подлинный, по сличении оного с приобщаемою у сего копиею, возвратить мне обратно.

Титулярный советник Грибоедов.

Августа 5 дня 1818 г.

<Копия Аттестата Московского университета от 29 июня 1808>

Август 1818. Петербург

Quod felix faustumque esse jubeat supremum numen!
Sub auspiciis
Augustissimi ac Potentissimi
Magni Domini
ALEXANDRI PRIMI
Omnium Russiarum
Imperatoris et Autocratoris
et cetera et cetera et cetera.
Veniam dante
Ministro publicae institutionis,
Petro Bazilide Comite a Savadowsky.
Cons: Intimo actuali, Senatore, societatis educationis nobilium virginum, nec non scholae Ord. Equestris S. Catharinae consilii membro, ordinum S. Apost. Andreae, S. Alexandri Newensis, S. Vladimiri, S. Annae primae, S. Georgii quartae classis, utriusque Polonici, nec non S. Ioannis Hierosolymituni equite;
annuente
Universitatis Mosquensis Curatore,
Alexio Cyrillide Comite a Razumowsky,
Cons: Intimo actuali, Cubiculario Imperatorio et Equite S. Alexandri Newensis
Magnifico Universitatis Rectore
Theodoro Bause
Collegiorum Consiliario, Juris Romani Professore P. O. et Ord. S. Annae secundae classis Equite;
Promotor legitime constitutus
Ioannes Heym
Colleg: Consil. Professor statisticae P. 0. et ordinis Litterarum Humaniarum
H. A. Decanus
Viro Praenobilissimo atque Doctissimo
Alexandro Griboedow
propter egregia Literarum Humaniarum specimina, atque optimos profectus.
Die XXIX Iunii, Anni MDCCCVIII.
Insignes in liberalibus artibus honoreset privilegia Candidati rite contulit, cujus rei testes sunto hae litterae, sigillo Universitatis munitae.

Senatus Academici Secretarius,
Professor P. Ord. Paulus Sochatsky.

№ 222. Mosquae.
Typis
Universitatis
1808.

L. S.

С подлинным верно: секретарь Ориевский.
Подлинный получил обратно
Титулярный Советник Грибоедов.

Перевод с латинского:

Да свершится сие по Высочайшей воле счастливо и благоприятно!
По воле
Августейшего и Всемогущего

Великого Государя
АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО
Всея Руси Императора и Самодержца
и прочая, и прочая, и прочая
С дозволения
Министра народного просвещения
графа Петра Васильевича Завадовского,
действительного тайного советника, сенатора, члена Совета Общества воспитания благородных девиц, а также дворянской школы Св<ятой> Екатерины, кавалера орденов Св<ятого> апостола Андрея, Св<ятого> Александра Невского, Св<ятого> Владимира, Св<ятой> Анны первой степени, Св<ятого> Георгия четвертой степени, обоих Польских, а также Св<ятого> Иоанна Иерусалимского,
С утверждения куратора
Московского университета
графа Алексея Кирилловича Разумовского,
действительного тайного императорского камергера и кавалера Св<ятого> Александра Невского,
Его Превосходительства ректора университета
Теодора Баузе,
Советника Коллегий, профессора римского права, ординарного профессора и кавалера ордена Св<ятой> Анны второй степени;
Назначенный согласно закону попечитель Иоанн Гейм,
Коллежский советник, профессор статистики, ординарный профессор
и факультета гуманитарных наук сего года декан,
Мужу преблагороднейшему и ученейшему
Александру Грибоедову
за заслуги в гуманитарных науках и превосходные успехи
29 июня 1808 года
блестящие почести и привилегии кандидата свободных искусств по обычаю присудил, что удостоверяется настоящим дипломом, скрепленным печатью Университета.

Секретарь Академического Совета
ординарный профессор Павел Сохацкий

№ 222. Москва.
Университские штампы
1808.
М<есто> п<счати>

<Прошение на высочайшее имя об отпуске за границу для лечения>

Конец декабря 1823. Москва
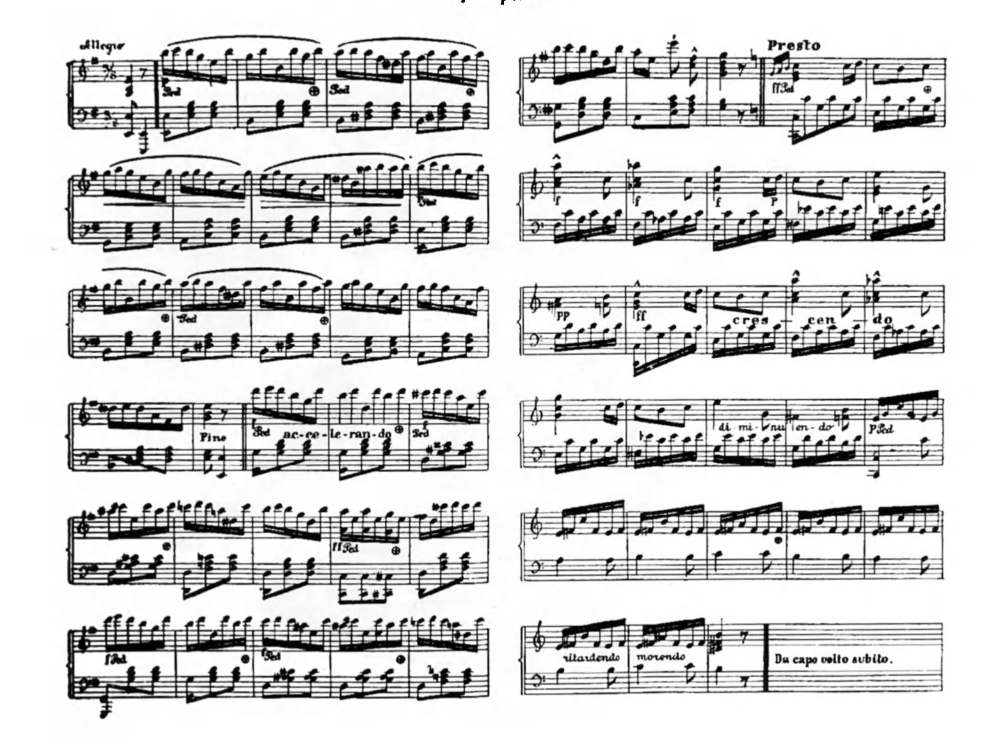
С июля месяца прошлого 1822 года продолжаю я служить В<ашего> И<мператорского> В<еличества> у главнокомандующего в Грузии г<осподина> ген<ерала> от инфантерии Ал. П. Ермолова секретарем по политической переписке, но ныне, будучи одержим сильною болезнью — ревматизмами и расслаблением нерв, нахожусь в необходимости предпринять путешествие за границу для восстановления здоровья моего и пользоваться мине-
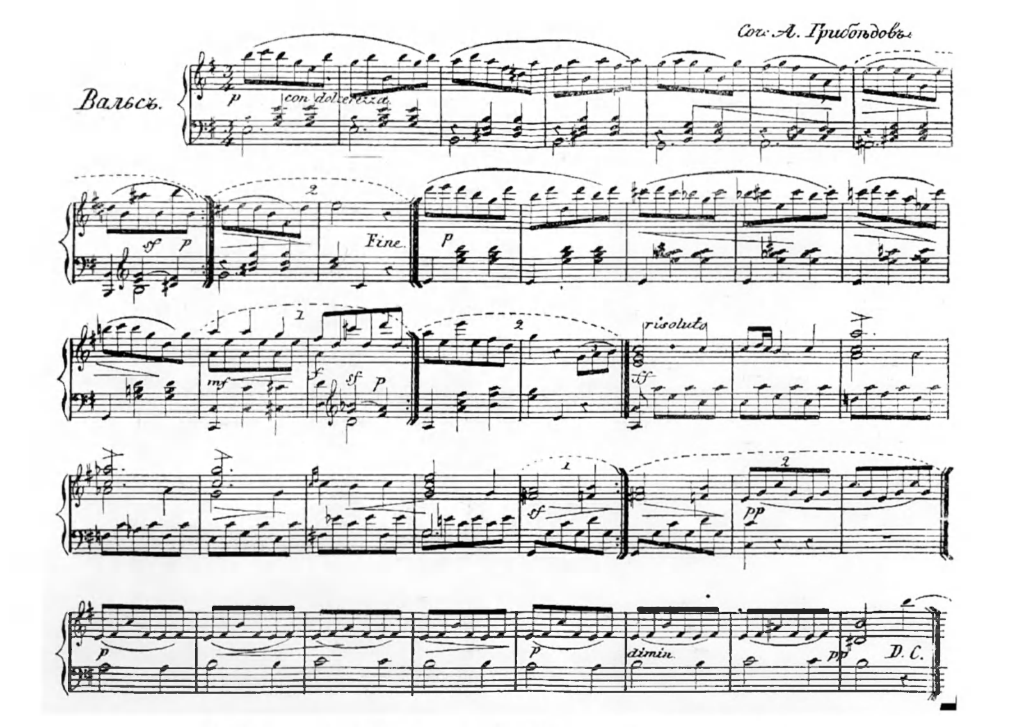

1. А. С. Грибоедов. *Литография с рисунка П. А. Каратыгина. 1825 г.*

ВАЛЬСЪ А. С. ГРИБОѢДОВА E-moll,

Первая редакція.

2—3. Вальс А. С. Грибоедова E-moll (первая и вторая редакции).
Лирический альбом на 1832 год. Издан И. Ласковским
и Н. Норовым в С.-Петербурге

4. Встреча И. Ф. Паскевича с Аббас-мирзой в Дей-Каргане. 21 июля 1827 г.
Литография К. Беггрова с картины В. И. Мошкова
(Пятый справа — А. С. Грибоедов)

5. Заключение Туркманчайского мирного договора.
Литография К. С. Осокина с оригинала В. И. Мошкова. 1829 г.
(На переднем плане первый справа — А. С. Грибоедов)

6. Чернильный прибор, подаренный А. С. Грибоедовым жене.
На обратной стороне крышки — надпись:
«Ecrives me le mien ange Nynaubie! Tout le tien A. <Грибоедов>.
(Пиши мне часто, мой ангел Нинобия! Весь твой А. <Грибоедов> (*искаж. франц.*))
15 Января 1829 года. Тегеран»

7. Надгробие на могиле А. С. Грибоедова в Тифлисе с надписями:
«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской,
но для чего пережила тебя любовь моя!»
и «Незабвенному его Нина»

8. Памятник А. С. Грибоедову на территории Российской миссии
в Тегеране (ныне посольство России).
Скульптор В. А. Беклемишев. 1900 г.
Фотография архимандрита Августина. 2002 г.

ральными водами, для чего нужно мне иметь законное увольнение, а потому всеподданнейше прошу. К сему: дабы высочайшим В<ашего> И<мператорского> В<еличества> указом повелено было бы мое прошение по команде у г<осподина> Ермолова принять и на путешествие мое в чужие края до излечения моей болезни дать мне увольнение.

Декабря дня 1823 г.

<Прошение на высочайшее имя об отпуске за границу для лечения>

Январь 1824. Москва

Всепресветлейший, Державнейший, Великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец Всероссийский, Государь Всемилостивейший!

Просит коллежский асессор и кавалер Александр Сергеев сын Грибоедов, а о чем, тому следует пункт

1-й.

С июля месяца прошлого 1822 года продолжаю я службу Вашего Императорского Величества у Главноуправляющего в Грузии господина генерала от инфантерии и кавалера Алексея Петровича Ермолова — секретарем по политической переписке, но ныне, будучи одержим сильною болезнию, ревматизмами и расслаблением нервов, нахожусь в необходимости предпринять путешествие за границу для восстановления расстроенного здоровья моего и пользоваться минеральными водами, для чего нужно мне иметь данное увольнение, а потому всеподданнейше прошу.

Дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было сие мое прошение по команде у господина генерала от инфантерии и кавалера Алексея Петровича Ермолова принять и на путешествие мое в чужие края до излечения моей болезни дать мне увольнение.

К сему прошению

Всемилостивейший Государь! Прошу Вашего Императорского Величества о сем моем прошении решение учинить декабря дня 1823 года. К поданию надлежит по команде господину генералу от инфантерии и кавалеру Алексею Петровичу Ермолову.

Сие прошение со слов просителя набело переписывал г<осподи>на камер-юнкера и кавалера Александра Всеволодовича Всеволожского служитель Александр Ефимов сын Капустин.

Коллежский асессор
Александр Сергеев сын Грибоедов
руку приложил.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ДЕЛА О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Допрос, отобранный от Грибоедова генерал-адъют<антом> Левашовым

11 февраля 1826. Петербург Гауптвахта Главного штаба № 13

№ 224 Коллежский асессор Грибоедов

Я к тайному обществу не принадлежал и не подозревал о его существовании. По возвращении моем из Персии в Петербург в 1825 году я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Абаленским. Жил вместе с Адуевским и по Грузии был связан с Кюхельбекером. От всех сих лиц ничего не слыхал, могущего мне дать малейшую мысль о тайном обществе. В разговорах их видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было, могущих на меня навлечь подозрение, и почему оное на меня пало, истолковать не могу. Подпись

Коллежский асессор Александр Грибоедов.

Генерал-адъютант Левашов

<Расписка на отношении № 76 С.-Петербургского коменданта генерал-адъютанта А. Д. Башуцкого к дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту А. Н. Потапову>

13 февраля 1826. Петербург Гауптвахта Главного штаба

Стоящий в карауле на Главной гаубвахте лейб-гвардии Егерского полка штабс-капитан Родзянко 3-й представил ко мне при описи вещи, отобранные им от арестованного по Высочайшему повелению коллежского асессора Грибоедова, которые при сем к Вашему Превосходительству препроводить честь имею.

Генерал-адъютант Башуцкий

Вещи и деньги, мне принадлежащие, мною от капитана Жуковского приняты.

Коллежск<ий> асес<сор>
Александр Грибоедов

<Прошение на Высочайшее имя об освобождении из-под ареста>

19 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

19 февраля 1826 г.

Всемилостивейший Государь!

По неосновательному подозрению, силою величайшей несправедливости, я был вырван от друзей, от начальника, мною любимого, на крепости Грозной на Сундже, чрез три тысячи верст в самую суровую стужу притащен сюда на перекладных, здесь посажен под крепкий караул, потом был позван к генералу Левашову. Он обошелся со мною вежливо, я с ним совершенно откровенно, от него отправлен с обещанием скорого освобождения. Между тем дни проходят, а я заперт. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. В проезд мой из Кавказа сюда я тщательно скрывал мое имя, чтобы слух о печальной моей участи не достиг до моей матери, которая могла бы от того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточение, то, конечно, и от нее не укроется. Ваше Императорское Величество сами питаете благоговейнейшее чувство к вашей Августейшей родительнице...

Благоволите даровать мне свободу, которой лишиться я моим поведением никогда не заслуживал, или послать меня пред Тайный комитет лицом к лицу с моими обвинителями, чтобы я мог обличить их во лжи и клевете.

Всемилостивейший Государь!

Вашего Императорского Величества верноподданный
Александр Грибоедов.

<Вопросные пункты с ответами Грибоедова>

24 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Вопросы

1826 года 24-го февраля в присутствии высочайше учрежденного Комитета коллежский асессор Грибоедов спрашиван и показал:

1

Как ваше имя, отечество и фамилия, какого вы исповедания, сколько вам от роду лет, ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия, где служите, не были ль под судом, в штрафах и подозрениях и за что именно?

2

Где воспитывались, каким наукам учились и кто преподавал вам оные?

3

В начале первого показания своего вы, отрицаясь от принадлежности к числу членов злоумышленного Тайного общества, изъяснились далее так, что, будучи знакомы с Бестужевым, Рылеевым, Оболенским, Одоевским и Кюхельбекером, часто слышали смелые суждения их насчет правительства, в коих сами вы брали участие, осуждали, что казалось вредным, и желали лучшего?

4

В том же смысле, но с большею важностию и решительностию Комитету известны мнения ваши, изъявленные означенным лицам.

Не только они, но князь Трубецкой и другие, по словам первых, равно считали вас разделявшим их образ мыслей и намерений, а следственно (по их правилам приема в члены), принадлежащим к их Обществу и действующим в их духе.

Убеждение сие основано было на собственных словах ваших, особенно после того:

а) что Рылеев и Александр Бестужев прямо открыли вам, что есть Общество людей, стремящихся к преобразованию России и введению нового порядка вещей; говорили вам о многочисленности сих людей, о именах некоторых из них, о целях, видах и средствах общества, и

б) что ответом вашим на все то было изъявление одобрения, желаний и пр. В такой степени прикосновенности вашей к злоумышленному обществу Комитет требует показаний ваших в том:

а) в чем именно состояли те смелые насчет правительства означенных вами лиц суждения, в коих сами вы брали участие?

б) что именно находили вы при том достойным осуждения и вредным в правительстве и в чем заключались желания ваши лучшего?

в) когда и что именно узнали вы особенно от Рылеева, Бестужева и Одоевского о существовании общества людей, стремящегося к преобразованию России?

г) с тем вместе, что узнали вы о многочисленности сих людей и кто из них был вам назван?

д) сказано ли вам было, где находились центры и отделения членов Тайного общества?

е) что именно сказано вам о цели, видах и средствах действий оного?

ж) объясните, в чем именно состояли ваши во всем том мнения и одобрения?

з) в каком смысле и с какою целию вы, между прочим, в беседах с Бестужевым, неравнодушно желали русского платья и свободы книгопечатания?

и) по показанию князя Оболенского, вы наконец дня за три до отъезда вашего из Петербурга решительно были приняты в члены Тайного общества. Объясните, какого рода дали вы обещание неутомимо действовать в духе сего Общества; и какое дано вам поручение насчет приготовления умов к революционным правилам, в кругу вашего пребывания и распространения членов Общества?

і) по какому случаю вы, проезжая Киев, имели свидание с Бестужевым-Рюминым и Муравьевыми, Артамоном и Сергеем, из коих за последним нарочито было посылаемо? Что было предметом вашего совещания и что открыто вам было о приготовлениях Южного общества к началу открытых возмутительных действий?

В заключение вы по совести должны показать все то, что известно вам о составе тайных обществ, их цели и образе действий.

Вы ли писали письмо, которое перед собою видите, Кюхельбекеру?

Надворный советник А. Ивановский.

<Ответы Грибоедова>

На данные мне вопросные пункты от высочайше учрежденного Комитета имею честь ответствовать:

1

Имя мое: Грибоедов Александр Сергеев.

Греко-католического исповедания, родился в 1790 году.

Обязанности мои как сын церкви исполняю ревностно. Если бывали годы, что я не исповедовался и не приобщался святых тайн, то оно случалось непроизвольно.

Служу секретарем по дипломатической части при главноуправляющем в Грузии.

Под судом, в штрафах и подозрении не бывал.

2

Воспитывался частию дома, частию в Московском университете, под надзором профессора Буле, учился правам, наукам математическим и языкам.

3 и 4

И теперь имею честь подтвердить первое мое показание.

Кн. Трубецкой и другие его единомышленники напрасно полагали меня разделявшим их образ мыслей. Если соглашался я с ними в суждениях о нравах, новостях, литературе, это еще не доказательство, что и в политических моих мнениях я с ними был согласен. Смело могу сказать, что, по ныне открывшимся важным обстоятельствам заговора, мои правила с правилами кн. Трубецкого ничего не имеют общего. Притом же я его почти не знал.

а

Рылеев и Бестужев никогда мне о тайных политических замыслах ничего не открывали.

в

И потому ответом моим на сокровенность их предприятий, вовсе мне не известных, не могло быть ни одобрение, ни порицание.

а, б

Суждения мои касались до частных случаев, до злоупотреблений некоторых местных начальств, до вещей всем известных, о которых всегда в России говорится довольно гласно. Я же не только не способен быть оратором возмущения, много если предаюсь избытку искренности в тесном кругу людей кротких и бла-

гомыслящих, терпеливо ожидая времени, когда моя служба или имя писателя обратят на меня внимание Вышнего Правительства, перед которым я был бы еще откровеннее.

в, г, д, е, ж

Ничего мне подобного не открывали. Я повторяю, что, ничего не зная о тайных обществах, я никакого собственного мнения об них не мог иметь.

з

Русского платья желал я, потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных.

Я говорил не о безусловной свободе книгопечатания, желал только, чтобы она не стеснялась своенравием иных цензоров.

и

Показание кн. Оболенского совершенно несправедливо. Не могу постигнуть, на каких ложных слухах он это основывал, не на том ли, что меня именно за три дня до моего отъезда приняли в Общество любителей русской словесности, общество, которое под высочайшим покровительством издает всем известный журнал: «Соревнователь» и от вступления в которое я долго отговаривался, ибо поэзию почитал истинным услаждением моей жизни, а не ремеслом.

і

Пребывание мое в Киеве было самое непродолжительное проездом в Крым и на Кубань: чрез эти места я возвращался к моей должности в Грузию. Где Муравьевых и Бестужева-Рюмина видел мельком; разговоров не только вредных правительству, но в которых требуется хотя несколько доверенности, я с ними не имел, потому что, не успев еще порядочно познакомиться, я не простясь уехал. Обстоятельство, что за одним из них был послан нарочный, для меня вовсе неизвестно; из сделанного мне теперь вопроса узнаю об этом в первый раз.

Письмо, которое мне здесь показано, моей руки и писано к Кюхельбекеру.

Коллежский асессор
Александр Грибоедов.

<Вопросные пункты Грибоедову с ответами>

15 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Вопросы

1826 года 15-го марта в присутствии высочайше учрежденного Комитета коллежский асессор Грибоедов спрашиван и показал:

В дополнение сделанных вами ответов поясните откровенно следующее:

1) при отъезде вашем из Петербурга не предлагал ли вам Рылеев или кто другой писем для доставления к Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину и не сказано ли вам было о содержании оных?

2) равным образом не поручал ли вам Рылеев или Александр Бестужев каких-либо стихов и прозаической статьи под название «Катехизис» для доставления на юг?

3) по какому именно случаю вы имели свидание в Киеве с Артамоном и Сергеем Муравьевыми и Бестужевым-Рюминым? где и когда вы познакомились с ними? не имели ли вы с ними переписки из Грузии?

4) что говорили они вам о Пестеле и кто из них предлагал вам познакомиться с ним?

5) в бытность вашу в Киеве виделись ли вы с штабс-капитаном Корниловичем и что рассказывал он вам или писал о сделанном им на юге открытии?

7) <так в документе> при возвращении вашем в Грузию где вы виделись с Сухачевым (служившим в Грузии)?

а) давно ли вы с ним знакомы и у кого бывали вместе?

б) что вам известно от него или по слухам о предложении, какое он делал некоторым из своих знакомых, о основании Тайного общества в Отдельном Грузинском корпусе и какие представлял он доказательства о возможности распространять там членов сего Общества?

в) что известно вам о намерении Сухачева поселиться в Ростове и о предприятии его ехать в Таганрог? от кого и когда вы слышали или знали о сем?

<Ответы>

На заданные мне вопросы высочайше учрежденным Комитетом честь имею ответствовать:

1), 2)

При отъезде моем из Петербурга, сколько мне помнится, Бестужева вовсе не было в городе, по крайней мере то верно, что я с ним тогда не виделся; ни он, ни Рылеев и не делал мне никаких поручений в Киев, ни писем, ни книг никто мне не давал, ни на имя Муравьева, о котором я даже не знал, что он там пребывает, ни на чье-либо другое.

3)

Во время самого короткого моего пребывания в Киеве один Муравьев туда приехал на встречу к жене, с которою дни два, три или менее пробыл в одном трактире со мною; потом они уехали. Другого я видел у Трубецкого, все это было в присутствии дам, и мы, можно сказать, расстались едва знакомыми. Переписки я с ним никогда не имел.

4)

О Пестеле ничего говорено не было.

5)

С штабс-капитаном Корниловичем я в Киеве не виделся.

6)

Я не знаком с Сухачевым и никогда не слыхал о его существовании.

Коллежский асессор
Грибоедов.

№ 662. 19. февраля 1826.

Всемилостивѣйшій Государь!

По неосновательному подозрѣнію, силою величайшей несправедливости, я былъ вырванъ отъ друзей, отъ Начальника мною любимаго, изъ крѣпости Грозной на Сунжѣ, чрезъ три тысячи верстъ въ самую суровую стужу притащенъ сюда на перекладныхъ, здѣсь посаженъ подъ крѣпкій караулъ, потомъ былъ позванъ къ Генералу Левашову. Онъ обошелся со мною вѣжливо, я съ нимъ совершенно откровенно, отъ него отправленъ съ обнадеживаніемъ скораго освобожденія. Между тѣмъ дни проходятъ, а я запертъ. Государь! Я не знаю за собою никакой вины. Въ проѣздъ мой изъ

Прошение на Высочайшее имя. 19 февраля 1826 г.

Кавказа сюда, я тщательно скрывалъ мое имя, чтобы слухъ о печальной моей участи не достигъ до моей матери, которая могла-бы отъ того ума лишиться. Но ежели продлится мое заточенiе, то конечно и отъ нее не укроется. Ваше Императорское Величество сами питаете благоговѣйнѣйшее чувство къ вашей Августѣйшей родительницѣ......

Благоволите даровать мнѣ свободу, которой лишиться я моимъ поведенiемъ никогда не заслуживалъ, или пошлите меня предъ Тайный Комитетъ лицемъ къ лицу съ моими обвинителями, чтобы я могъ обличить ихъ во лжи и клеветѣ.

Всемилостивѣйшiй Государь!

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный

Александръ Грибоѣдовъ.

15го февраля
1826

<Записка, вложенная в отношение В. Полякова от 8 июня 1826 г. за [1] 4054 к дежурному генералу Главного штаба А. Н. Потапову>

7—8 июня 1826. Петербург

Милостивый Государь Алексей Николаевич!

На записку Вашего Превосходительства от 6-го числа сего июня под № 1620-м имею честь ответствовать, что коллежскому асессору Грибоедову, числящемуся при главноуправляющем Грузиею, производится жалованья по двести пятидесяти червонных голландских в год.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию Вашего превосходительства покорнейшим слугою

В. Поляков.

С 1822 года с января** числа служу в Восточном департаменте в чине коллежского асессора, жалования получаю 250 червонцев, за выслугу лет должен был быть представлен к чину.

Живу в Военно-счетной экспедиции в доме Энгельмана у А. А. Жандра.

<Надпись на заемной расписке Н. И. Греча>

5 июня 1828. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Апреля 12-го 1828 г. взял я у г. статского советника Александра Сергеевича Грибоедова четыре тысячи рублей ассигнациями взаймы, на два месяца.

Коллежский советник
Н. Греч.

Прошу отдать Булгарину.
5 июня. Грибоедов.

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГ

<Конспект «Деяний Петра Великого, мудрого преобразителя России...» И. И. Голикова>

Кн<ига> 1

С. 19. Калмык, возвратившийся с господином из чужих краев, был пожалован в офицеры, а господин его в матросы Петром I. Калмык дошел потом до контр-адмиральского чина.

С. 27. Тайная канцелярия.

С. 28. Слуги доносят на господ своих, на тех, напр<имер>, которые, запершись в комнате, пишут.

С. 29. Безмерные подати.

С. 33—34. Введение рабства чрез подушную подать, чрез запрещение переходить крестьянам.

С. 36. Квитки.

С. 37. Забрание в казенное ведомство рыбьего клея, икры, соболей, ревеню, поташу, смольгучу и табаку.

Соболи покупались в Сибирском приказе.

Введение табаку.

С. 56. Преобращение Думы в Сенат. Отмена формулы: «Государь указал, Бояре приговорили».

С. 57. Военный суд, несведующие судьи.

С. 64. Заточение жены в Суздальский монастырь, убиение сына.

С. 87. Из письма Петра: *большие бороды ныне не в авантаже обретаются.*

С. 90. Ibidem*: *Питербурх.*

С. 90—98. Алексей укрывается под австрийское покровительство. Петр, письмом из Амстердама, через Толстого и Румянцева, обещает ему прощение. Алексей возвращается. Петр будто бы ему прощает, с тем, однако, чтобы: 1) объявил свои умыслы и преступления, без того нет ему прощения; 2) отрешает его от наследования престола (обезнаследил его).

С. 102. Заставляют царевича Алексея признаться, что он на духовенстве опирался в мятежных своих замыслах. И это объявляется всенародно.

Около сего времени регламенты коллегиям, учреждение генерал- и обер-прокуроров. Во время следствия царевичева дела казнь ростовского архиерея Досифея.

С. 111. Обличают обвиненного царевича Алексея в том, что он духовному отцу на исповеди говорил.

С. 105—115. Судьи произнесли: *виновен, хочешь губи, хочешь щади, сердце Царево в руце Божией.*

Ad memorandum**. Со врем<енем> исследовать.

С. 117. Смерть царевича будто бы от *удара*, при выслушании приговора. — Может быть, правда..

С. 132. Монахи Симеон Полоцкий и святый Димитрий гороскоп Петров за 9 месяцев до рождения его выводят, угадывают, что он называется Петром. Об этом пишет из Москвы в Утрехт Николай Гензиус к Иоанну Георгию Гревиусу.

Петр родился в 1672 г. мая 30.

Крещен в Чудовом Монастыре.

<С. 138>. Восточное обыкновение: младенцу Петру купец подносит саблю в третьи его именины.

Купец пожалован гостем.

С. 139. Отроча любит военные выметки. Деду его бояр<ину> Кирилле Полуехтовичу Нарышкину и другим наставникам повелено хранить его яко зеницу ока.

С. 140. Штат Петровой матери — 102 стольника и проч., огромный. — Учитель, челобитного приказа дьяк Никита Моисеич Зотов, смышленый в писании и чтении, по благословению святейшего патриарха, вступает в свою должность, учить истории в лицах.

С. 145. Царь Фед<ор> Алекс<еевич> Языкова за дерзость отдавал головою царице Наталье Кирилловне.

С. 146. Мирный договор с крымским ханом, и со включением турецкого султана, 5 генв<аря> 1681.

С. 151. Иоанн Алекс<еевич> брату своему царством поступается (В посольской рукописи).

Патриарх Иоаким.

С. 152. Патриарх во всем облачении и бояре спрашивают у народа: кого избрать на царство? 1682. И стольники, и стряпчие, и дворяне, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостинные, и черных сотен и проч. избирают Петра.

Также бояре, и окольничие, и думные, и ближние люди.

Выборных полков солдаты, и немцы, и весь народ присягают.

С. 159. Бунт 15 мая, по водосвятии в Знаменском монастыре. Заговорщики: Милославский и племянник его, Милосл<авский>, Щегловитый, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров и Санбулов и стрелецкие начальники — Петров, Чермнов, Озеров и проч.

Стрельцы разбивают холопий приказ.

С. 160. Монеты. Два царя. = Царевна София.

С. 161. Стрельцы и переименованы в надворную пехоту.

С. 164. Прение о вере стрельцов в Грановитой Палате.

С. 166. Софиин канцлер кн<язь> Голицын возобновляет мир с Швециею на 20 лет.

С. 174. Комиссия при Софии для возобновления местничества (или, может, только для разобрания дворянских родов). Председательствуют боярин Вл<адимир> Дм<итриевич> Долгорукий и окольничий Чаадаев.

С. 178. Отрочество проводит в Преображенском на Яузе.

С. 191. Клевета на Хованских и их казнь не делает чести прозорливости Петра.

С. 207. Донос офицеров на Голицына, что он, в походе против крымских татар, подкуплен был ханом.

С. 210. Сборное место стрельцов — Лыков двор в Кремле, где ныне арсенал.

С. 212. Бегство Петра в 1689 году в Троицкий монастырь от горсти стрельцов Щегловитого, между тем как он находился посреди потешной своей гвардии, либо несказанная трусость, либо недоверчивость к его окружающим. Он знал от двух, к нему перебежавших, число мятежников.

С. 216. София едет в монастырь оправдаться, имея в руках икону Спасителеву. Спальник Бутурлин с ответом, что будет со нею поступлено нечестно.

Никак незаметно, чтобы Софиино властолюбие много вредило Петру и так было опасно, как нам внушить стараются. У нее была тоже своя партия, у Нарышкиных; последняя восторжествовала, — ей в пользу, пишут. Мешала ли София набранию войска в Преображенском и Семеновском? (300 с Соколиного двора, 15 барабанщиков бутырского полка), не могла же она почитать это шуткою, как силятся нас уверить писатели, придающие ей свою глупость. — Явная немилость Петра к любимцу Софии Голицыну, так что она принуждена была за него ходатайствовать. Наконец, гнев Софии на Петра, а Петров — во время крестного хода,

что и приблизило разрыв; все это свидетельствует превосходство силы, власти Петровой, а не Софииной.

* То же (*лат.*).
** Для памяти (*лат.*).

<Заметки при чтении «Древней Российской вивлиофики»>

Древн<яя> вифл<иофика>, часть 20, стр. 164. — Петр положил детям боярским жалованья вполовину против иностранных офицеров. Миних одну службу служащих жалованьем сравнил.

Ibid<em>* стр. 238. Говоря о стрельцах: «такое войско, в коем презрительно было быть полковником, заслуживало, чтобы Государь Петр В<еликий> оное уничтожил».

Ничуть не заслуживало, если хотел он иметь регулярное войско. Наше отечество в конце XVII столетия было более предано восточным обычаям, а я по опыту знаю — как в азиятских государствах презирают войско постоянное, содержимое, нераспускное. Сарбазы в Персии новоустроенный регулярный корпус и в укору ему нечего заметить. Я, думавши сделать приветствие молодому Ахмет-Хану, сыну табризского беглербега, сказал ему, что он, конечно, носит свою службу Сергенгом, полковник, в сарбазах. Он обиделся и отвечал мне: «Я хан и сын хана». Так думает всякий писец при дворе персидском. Всегда предпочтет на войну вести с собою беспорядочное скопище людей, ему преданных, и, по окончании кампании или войны, быть с ними отпущенным восвояси, либо продолжать придворную службу. Вероятно, и Петровы регулярные полки не менее сарбазов были ненавистны дворянам, детям боярским и проч., но *кнут*...

* * *

Измена наших немецких офицеров под Ригой при царе Алексии Михайловиче. Вифл<иофика>, ч. III, стр. 41.

* * *

Царь Алексей Михайлович послал бедного дворянина на воеводство в Кострому для нажитка.

* * *

Чтобы русских к чтению приохотить, Петр велел перевести Пуффендорфа, который русских не на живот, а на смерть бранит.

* * *

<Двустишие о Петре Великом — нецензурное>.

---

* То же (*лат.*).

<Заметки по исторической географии России>

Desiderata

1) *В историческом исследовании о местоположении древнего Тмутараканя* говорят под статьею: *Суздаль* (стр. VIII) о замечательной надписи, которая находится в храме Успения Богородицы. Эта надпись существует ли еще? — Имеет ли она признаки древности?

2) Мы мало знаем историю *Муромских* князей. Едва известен князь Федор Глебович, о котором история упоминает под г<одом> 1355, и князь Андрей, бывший на Донской битве в 1380, и только в нескольких словах объявляют в 1392, что великий князь завладел их княжеством. Стоило бы потрудиться над пояснением этого исторического мрака и определить разысканиями родословными последование владетелей и пространство области, которая вначале составляла часть Рязанского княжества.

3) Правда ли, что северная часть Рязанской губернии по левому берегу Оки еще поныне удержала название *«Мещерской стороны»* (словарь Геогр<афический> под статьею: «Мещерская сторона»). — Откудова это наименование? Сохранились ли следы *народа*, который некогда в том краю был известен под именем *Мещеры*?

4) *В Сорочинском монастыре*, в 15 верстах от Рязани, находятся гробницы некоторых князей Рязанских. Но, имена князей и княгинь, там похороненных?

5) Между именами городов великого княжества Рязанского, в исчислении русских городов (Воскресенск. летопись, стр. 22), иные нам знакомы, другие вовсе исчезли. Наша историческая география много бы свету приобрела, кабы кто потрудился определить их местоположение. Н<а>пр<имер> где полагать должно

Торческ, Тешилов, Крылатеск, Неринск, Кулатеск и тот *Рославль* или лучше *Ярославль Польский*, который, конечно, дал имя обширным равнинам, известным под названием *степи Ярославльской, большой* и *малой* в южной части Тамбовской губернии. — Последнее имя Оурюписк показано Юрюписк в Шлецеровом списке.

6) Герберштейн говорит, что в <древней> Рязани была крепость Ярославль, которой только следы остались. Можно ли их еще распознать? И какой это остров *Струб*, о котором он упоминает в следующем месте:

«Rezan, provincia inter Occam et Tanaim sita, civitatem ligneam non longe a ripa Occae habet. Erat in ea castrum quod Jaroslav vocabatur, cujus nunc praeter vestigia <nihil> existat. Haud procul ab en civitate Occa fluvius insulam facit, quae Strub dicitur»*.

7) Где отыскивать этот уезд *Мстиславъ, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродничь*, которых имена приводятся в Древ<ней> Росс<ийской> Вифл<иофике> изд. второе, часть I, стр. 92?

8) Договор между двух братьев князей Рязанских, а не так, как его ложно назвал г<осподин> Новиков договором великого князя Московского с Рязанским (Древн<яя> Росс<ийская> Вифл<иофика> II, стр. 263). Сей договор наполнен географическими подробностями, но наши карты недостаточны для их исследования.

9) Имя *Гремячи* часто встречается на наших картах, но который «Гремячи», во время Петра 1-го, почитался уездным городом, на коломенской дороге, в 230 верст от Москвы?

10) Много ли *мордовцев* в Рязанской и Тамбовской губерниях. Какие их *деревни* и *волости*? Смешаны ли они где-нибудь с русскими? Различаются ли они также в сих губерниях в двух народах *мокшанцев* и *ерзанцев*? *Пургасова* мордва, которая в 1228 году нападала на Нижний Новгород, конечно, в этой губернии (Нижегород<ской>) должна быть отыскиваема? Нельзя ли иметь точнейшего сведения о жилых деревнях и волостях мордовских в этой губернии?

---

11) Любопытное известие в наших летописях есть описание путешествия (плавания) по Дону митрополита *Пимена*, в 1389 г. Там, между прочим, сказано, что в пятое воскресенье (мая 16) они проехали реку *Медведицу* и *горы высокие* и *Белый Яр реку*. Эта река, кажется, должна быть *Перекопка*. Но как велико расстояние между Медведицею и Перекопкою? Можно ли туда по-

спеть в один день? — В понедельник они проехали *горы каменные красные* и, коли не ошибаюсь, прибыли к Иловле. — Во вторник они видели развалины *Теркляго града*, которые, вероятно, находились между *Качалинскою* и *Трех-Островянскою* станицею. (Речка, которая ниже Трех-Островянской станицы вливается слева в Дон, называется в подробн<ой> карте, № 54, *Сакарка*. Не *Саркела* ли?) При Петре еще тут неподалеку находился высокий и крутой вал, будто бы из глины (terre glaise). Существует ли он еще? И как называется? Какая его фигура? Точно ли он сделан просто из глины или, может быть, из кирпичей? Не находится ли здесь, как обыкновенно на правом берегу Дона, известковая земля? (Сличить Stritt<er> Mem<orie>, III, с. 567). — Потом странствователи в тот же день проехали *перевоз*; не там ли летом Дон спадает до 4-х фут<ов> глубины, несколько повыше реки *Голубенки*? Но во скольких от нее верстах? Не худо бы знать замечательные броды и перевозы реки Дона.

12) Какие есть развалины возле *Глазуновской*, на Медведице, выше ее устья?

13) Упоминают еще о замечательных *могилах* на берегах Медведицы и Дона в окрестностях Перекопской и Сиротинской. Имеют ли они отличные признаки?

14) Академик Фальк (Beiträge zur topographisch<en> Kennt<niss> des Russ<ischen> Reichs) говорит о двух *городищах значительных* возле *Цимлянской* станицы. Он сам их не видал, но что казачий атаман ему об них рассказывал, всемерно заслуживает любопытного исследования имени, фигуры и вещества этих развалин. Не видать ли там следов искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали ли земли и что в ней найдено?

15) Герберштейн говорит о городе *Ахасе* в расстоянии 4-х-дневном или также, по его словам, в 12 милях (немецких?) выше Азова, на берегу Дона. — В его время *Ахас* и *Азов* были там единственные города. От Азова считалось до Перекопа пять дней езды, до Астрахани семь, до Шамахи двенадцать. — По сему показанию, на которое нельзя, впрочем, очень полагаться, Ахас должно отыскивать в Цимлянской, а коли верить 12 милям, то в окрестностях Черкасска. — Есть еще *слобода Городище* на *Сале*, а может быть, и другие *городищи*, которые вовсе неизвестны.

16) *Донец* или *Сал*, которая из этих двух рек Бузук в путешествии митрополита Пимена?

17) *Сальница*, которая по Кн<иге> больш<ого> чертежа впадает в Донец, выше Изюма, известна ли еще под сим именем?

18) Направо от устий Дона, между *Недвиговской* и *Синявской* есть *г<оро>д<и>ще*, где будто бы находили монеты, серебряные и золотые, довольно отдаленных времен. Можно ли их иметь или видеть?

19) В Азове, конечно, такие найдутся. *Саркел* стоял на Дону, ниже Черкасска, между ним и устьем Дона, притом на восточной стороне.

20) Нельзя ли достать словарь языка *закубанских черкесов*? В Гильденштедте есть словарь кабардинский; таким образом можно было бы научиться различать разные наречия языка черкесского.

21) Паллас в описании острова Тамана (*Reise in die südl<iche> Statthalter d. R<ussischen> R<eichs>* II. с. 294, 296) говорит о разных *нефтяных ключах*. Их еще более должно находиться во внутренности того края. Сличить Stritt<er> Mem<orie> pop<ularum> IV, 249, 250. Место, приведенное из Константина Порфирородного, заслуживает всячески внимание путешественника.

22) Паллас слишком мало говорит о гробницах близ селения *Торклук* (*R<eise> in d<ie> südl<iche> Statt<halter>* II. 231). Нельзя ли открыть одну из них? Может быть, они готические.

23) Тот же автор дал нам (ibid<em> II, 44. 54. etc.**) прекрасное описание окрестностей Севастополя, но, чтобы его совершенно уразуметь и распознать три бухты Страбона, нужна подробнейшая карта сей части Крыма. Говорят, что гр<афом> Воронцовым это поручено Серистори.

24) Какой это *Каменный мост*, на Каланчике, в 35 в<ерстах> от Перекопа, когда к нему едешь из Крыма? (См. геогр. Кланчик).

Есть в Крыму множество надписей времен генуэзских, но никто до сих пор не обращал на них внимания.

25) *Березовский остров*, в конце Днепровского лимана, также называется Гата (Hata). Какое это слово — греческое или турецкое? И что оно значит?

26) *Сто-Могилы*, при устье Буга, остатки *Ольвии* или *Борисфена* весьма замечательны для путешественника (см. Муравьева).

---

27) Можно ли объяснить имена *Ингулъ, Бузулук*?

28) Есть ли залив (или заводь) Днепра, бухта, ниже порогов, известная *Перуня рень*? (Нестор, лета 988).

29) В каком состоянии теперь остров *Хортицы*? Есть ли там еще меннониты, поселенные кн<язем> Потемкиным? Покрыт ли остров дубняком?

30) Боплан, в описании Украйны, говорит о *Таволшанском острове* возле Таволшанского порога: «*Cette îsle a bien près de 2000 pas de long et 150 de large; elle est toute de roches, mais sans précipices. Ce lieu est fort de nature et beau pour habiter. Il croît en cette îsle force de Tavala, qui est bois rouge dur comme buis et qui a la vertu de faire uriner les chevaux*»***. Это описание острова справедливо ли? И какое это дерево, о котором Боплан говорит? Нельзя ли достать несколько ветвей с листьями, цветами и семенами? Растение, известное под именем *Таволги*, обыкновенно не имеет никакого дерева (*Spirea, Linné*).

31) Будиловский = Будильский = Будинский порог Зуевым причисляется к *большим* порогам (Пут<ешественные> Зап<иски>, стр. 254). Он его сам не посещал. Прав ли он?

32) Боплан говорит об острове: «*Au travers du quatrième saut appelé, une îsle toute de roche, haute de trente pieds et faite en précipices tout autour; elle est environ de 5000 pas de long et de 70 ou 80 de large. Je ne sais si elle a quelques eaux de dedans, car personne n'en aborde que les oiseaux; au reste tout le tour de cette îsle est fort ombragé de vigne sauvage*»****. Лучшие наши карты не показывают никакого острова поперек *Стрельчатого порога*, и кажется, что по ошибке Боплан относит к сему порогу утесистые острова, которые находятся на *Лоханском пороге*. Но сии имеют ли 30 футов вышины? Или это мера возвышения правого днепровского берега? Есть ли там дикий виноград?

33) Какой величины расстояние между первым или Кайдацким и последним или Вольным порогом?

34) В судоходстве по Днепру употребляются ли парусы?

35) Во сколько времени барки и суда проходят расстояние, занимаемое порогами?

36) Во сколько времени ездят водою от Хортиц в Херсон? Будет ли тут 270—280 верст?

37) Книга Больш<ого> Чертеж<а> говорит о реке *Овечьи-Воды*, которая ниже Быка впадает в Самару и в истории о ней упоминается, но на наших картах она не означена.

38) Река *Орел* еще ли известна под названием *Угл*? (Татищ<евская> ист<ория>. II. 379, примеч. 98). Составляла ли она природную границу между земель по сю и по ту сторону ее течения?

39) Есть ли остров на Днепре, против впадения *Трубежа*, под названием *Варяжский остров*? (см. год 1224).

40) Как объяснить себе сие место в Татищевской истории (II. 344): «Изяслав с братиею, перешед *Лоницу*, ста позади града по Трубежу, а Юрий, стоя у Стрякова три дня, в четвертый, на утренней зоре, пошел мимо Переяславля и стал между валом и по оной стране Трубежа *за зверинцем у Рощеня*»?

41) Киев! Прочесть в Гюльденштедте описание сего города.

42) Известны ли еще Дорогожичь и Капичь? (год 980).

43) Реки Сетомль и Сутен (года 1036, 1064 или 1065)?

44) Озеро Дулевское или Бузское и река Солоча (Золога 1151 г<од>) замечательны по ратным движениям к<нязя> Юрия Володимировича.

45) Звенигород (г<од> 1151 и Татищ<ев> II. 138).

46) Пароснег (г<од> 1160 и Татищ<ев> III. 131).

47) Олжичи (г<од> 947, 1147, 1182 и 1214 и Татищ<ев> II. 390. примеч. 129).

48) *Бела Вежа* при верховии *Осетра* слишком древна, чтобы на ней не остановить внимание. Гюльденштедт говорит о ней, но плана не снял.

49) Надгробные камни в церквах в Чернигове, Глухове, Рыльске, Новгороде-Северском, Трубчевске, Карачеве, Новосиле, Оболенске и Тарусе и в близлежащих монастырях выведут, может быть, хоть несколько из мрака родословную Черниговских князей, которым она покрыта по Бархатной книге и по таблицам Стриттера, особенно в 13 и 14 столетии. — Нам неизвестны потомки Романа Михайловича, князя черниговского и брянского с 1246 года (Барх<атная> кн<ига> I. 180), в котором отец его был убит. Можно ли, чтобы *Семен, Юрий* и *Мстислав* были его братья, когда их дети являются в истории позже 1365 года.

В 1286 г<оду> упоминают о Романе Брянском.

1319 г<оду> о Романе Михайловиче Брянском.

1330. Прежде сего года построен монастырь Успенский Свенский, в 4 верстах от Брянска, тоже Романом Михайловичем (Зуев, Пут<ешественные> Зап<иски>. стр. 128).

1375. Еще какой-то Роман Михайлович Брянский является под Тверью.

1401. Того же имени князь в Смоленске.

Под статьею *Горчаковы князья* в Бархатной книге II. 305, кажется, что отрасль князей Козельских древнее Карачевских. Стоило бы справиться в Разрядном Архиве под 202, а для князей Совицких или Осовяцких под 207.

50) Известны ли еще в окрестностях Чернигова места, упоминаемые в истории при осаде сего города в 1152 году? То, что Та-

тищев (III. 69) говорит о Березове и Свине, должно быть ошибочно.

51) Известно ли селение под названием *Мерликово* близ Новгород-Северска?

52) И волость Карачевская под именем *Хоробор* или *Хобор*.

53) Река *Щиж*, о которой упоминается в книге Больш<ого> Чертежа, не находится на наших картах. — Какое ее течение? Нет ли на берегах ее городища? Не придала ли она своего названия какой-либо волости?

54) Мезецк, Мезеческ и Мещовск — одно ли это и то же?

55) В слов<аре> Геогр<афическом> под статьею *Шипино* сказано, что деревня сего имени находилась в Бежецком уезде. — Как же ее обозначить на наших картах?

56) Вообще отличительные черты местные (physionomies) насчет равнин, долин, лесов и проч. Можно ли определить границы краю лесному, покрытому кустами и степному.

57) Наречия русского языка к крестьянская одежда, где и как переменяются?

---

* «Рязань, область, расположенная между Окой и Танаисом, имеет деревянный город, недалеко от берега Оки. В ней было укрепление, называвшееся Ярославль, от которого теперь <ничего не> осталось, кроме следов. Вблизи от города река Ока образует остров, который называется Струб» (*лат.*).

** То же, и проч. (*лат.*).

*** «Этот остров имеет почти 2000 шагов в длину и 150 в ширину; он весь в скалах, но там нет пропастей. Эта местность укреплена самой природой и удобна для жилья, на этом острове растет много тавала, дерева красного цвета, крепкого как букс (самшит), способствующего выделению мочи у лошадей» (*франц.*).

**** «Поперек четвертого названного порога скалистый остров, высотой в тридцать футов, по краям его — пропасти; он имеет 5000 шагов в длину и 70 или 80 — в ширину. Не знаю, есть ли на острове вода, поскольку остров посещают одни только птицы; впрочем, по всей окружности острова — густые заросли дикого винограда» (*франц.*).

<Отдельные заметки>

Варяги — франги. *Ф* нет в русском языке и *ан* назального германского звука.

Русы — от цвета волос.

Я думаю, что *россы*, которые подходили в 866 году под Царьград и от которых греки избавились посредством ризы Влахернской Божией Матери, были *иры-оссы*. Патриарх Фотий во своем окружном послании говорит, что они потом сделались кроткими христианами, а осетины около этого времени точно приняли хри-

стианскую веру, которую потом утратили. Церкви того времени в ущелии Оссы-реки и близь каменного моста на Кубани, также и в иных местах о том свидетельствуют. Известно, что осетинское племя, ныне заключенное в среднем Кавказе, прежде далеко по плоскости простиралось до Таврии и понта-Эвксинского.

Не славяне, а словене, — в противоположность немцам.

Татищ<ев> в г<оду> 964 — Ольга уничтожила Княжее (Droit du seigneur)* и заменила побором черной куницы от жениха, подданного князю или боярину. Елагин замечает, что побор свадебный и поныне называется *куничным.*

Къметь, къмети (сподвижники, слуги, дружина). Не то ли, что Comte**, в первоначальном значении? «А мои куряни сведоми къмети» (см. Слов<о> о пол<ку> Игореве).

Излишняя точность в стопосложении бесполезна и только видна у французов и у нас; у англичан и у немцев этого нет, а у древних экзаметр доказывает, что тоже ее там не придерживались.

---

* Право сеньора (*франц.*).
** Граф (*франц.*).

<На трагедии «Макбет» Шекспира в переводе П. А. Корсакова>

Агредегонда:

Кто б мог сказать,
Что в дряхлом старце им так много будет крови!

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТУРКМАНЧАЙСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАНОМ

10 февраля 1828. Туркманчай

Во имя Бога Всемогущего.

Его Императорское Величество Всепресветлейший, Державнейший Великий Государь Император и Самодержец Всероссийский и Е<го> В<еличество> Падишах Персидский, равно движимые искренним желанием положить конец пагубным следствиям войны, совершенно противной их взаимным намерениям, и восстановить на твердом основании прежние сношения доброго соседства и дружбы между обоими государствами постановлением мира, который бы, в самом себе заключая ручательство своей прочности, отвращал на предбудущее время всякий повод к несогласиям и недоразумениям, назначили своими уполномоченными для совершения сего спасительного дела: Е<го> В<еличество> Император Всероссийский — своего генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, командующего Отдельным кавказским корпусом, главноуправляющего гражданскою частью в Грузии, губернии Астраханской и области Кавказской, начальствующего Каспийскою флотилиею, кавалера орденов Св<ятого> Александра Невского с алмазными украшениями, Св<ятой> Анны 1-й степени с алмазными украшениями, Св<ятого> Владимира 1-й степени, Св<ятого> Георгия II класса, имеющего две шпаги за отличие, из коих одна с надписью «За храбрость», а другая украшена алмазами, и кавалера иностранных орденов прусского Красного Орла 1-й степени, ордена Луны Высокой Порты Оттоманской и многих других Ивана Паскевича и своего действительного статского советника, камергера и кавалера орденов Св<ятого> Владимира 3-й степени, польского Станислава 2-й степени и Св<ятого> Иоанна Иерусалимского Александра Обреского, а Е<го> В<еличество> Шах Персидский — Е<го> В<ысочество> Принца Аббаса Мирзу. Уполномоченные сии, съехавшись в селении Туркманчае и по размене данных им полномочий, кои найдены в надлежащем порядке, постановили и заключили нижеследующие статьи:

Статья I

Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между Е<го> В<еличеством> Императором Всероссийским и Е<го> В<еличеством> Шахом Персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными.

Статья II

Е<го> В<еличество> Император Всероссийский и Е<го> В<еличество> Падишах Персидский, принимая в уважение, что с войною, между высокими договаривающимися сторонами возникшею и ныне счастливо прекращенною, кончились и взаимные по силе Гюлистанского трактата обязательства, признали нужным заменить означенный Гюлистанский трактат настоящими условиями и постановлениями, долженствующими устроить и утверждать более и более будущие мирные и дружественные между Россиею и Персиею сношения.

Статья III

Е<го> В<еличество> Шах Персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников уступает Российской Империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сию и по ту сторону Аракса и ханство Нахичеванское. Вследствие сей уступки Е<го> В<еличество> Шах обязуется не позже шести месяцев, считая от подписания настоящего договора, сдать российским начальствам все архивы и публичные документы, относящиеся до управления обоими вышеозначенными ханствами.

Статья IV

С согласия обеих высоких договаривающихся сторон постановляется границею между обоими государствами следующая черта: начиная с той точки от границы оттоманских владений, которая всех ближе в прямом направлении отстоит от вершины Малого Арарата, граничная черта пойдет до вершины сей горы; оттуда по покатости ее сойдет к верховью реки Нижнего Карасу, вытекающей с южной стороны Малого Арарата; потом сия граничная черта продолжится по течению той реки до впадения оной в Аракс против Шерура; от сего пункта она пойдет по руслу реки Аракса до крепости Аббас-Абада; здесь около внешних укреплений сей крепости, находящихся на првом берегу Аракса, будет обведена окружность шириною в пол-агача, т. е. в 3 1/2 российских версты, во всех направлениях, и пространство земли, содержащееся в сей окружности, сполна будет принадлежать исключительно России и имеет быть отрезано с величайшей точностью в течение двух месяцев, считая от сего числа. Начиная с того места, где означенная окружность с восточной стороны примкнется к берегу Аракса, пограничная черта пойдет паки по руслу сей реки до Едибулукского брода; оттуда персидское владение будет простираться по руслу реки Аракса на 3 агача, т. е. на 21 российскую версту; потом граница пойдет прямо чрез Муганскую степь до реки Болгару к месту, лежащему 3-мя агачами, т. е. 21 верстою, ниже соединения двух речек: Одинабазар и Саракамыш. Оттуда граница продолжится по левому берегу реки Болгару вверх до соединения помянутых речек Одинабазар и Саракамыш; потом по правому берегу восточной реки Одинабазар до се верховья, а отселе до вершины Джикоирских высот, так что все воды, текущие с сих высот к Каспийскому морю, будут принадлежать России, а все воды, изли-

вающиеся на сторону Персии, будут принадлежать Персии. Поелику же здесь граница между обоими государствами определяется гребнем гор, то положено, что покатость имеет принадлежать Персии. От гребня Джикоирских высот граница пролегает до вершины Камаркуя по горам, отделяющим Талыш от округа Арши. Горные верхи, разделяющие течение вод на обе стороны, будут составлять здесь пограничную черту точно так же, как выше было сказано о пространстве между верховьем Одинабазара и Джикоирскими вершинами. Далее пограничная черта, с непрерывным наблюдением вышеизложенного правила относительно течения вод, будет следовать от Камаркуйской вершины по хребту гор, разделяющих округ Зуванта и округ Арши, до границы округа Велькиджи. Таким образом, округ Зувант, за исключением части, лежащей на противной стороне от вершин помянутых гор, присоединится к России. От границы округа Велькиджи пограничная между обоими государствами черта, в постоянной сообразности с вышеозначенным правилом течения вод, будет следовать по вершинам Клопуты и по главной цепи гор, пролегающих по округу Велькиджи, до северного истока реки Астары, оттуда по руслу сей реки до впадения ее в Каспийское море, где и оканчивается пограничная черта, имеющая отделять российские владения от персидских.

Статья V

Е<го> В<еличество> Шах Персидский, в доказательство искренней своей дружбы Е<го> В<еличеству> Императору Всероссийскому, настоящею статьею как от своего имени, так и от имени своих наследников и преемников персидского престола признает торжественно все земли и все острова, лежащие между пограничною чертою вышеозначенною и между хребтом Кавказских гор и Каспийским морем, как равно и всех кочующих и других народов, в тех странах обитающих, принадлежащими на вечные времена Российской империи.

Статья VI

Е<го> В<еличество> Шах Персидский, в уважение значительных пожертвований, причиненных Российской Империи возникшею между обоими государствами войною, а также потерь и убытков, потерпенных российскими подданными, обязуется вознаградить оные денежным возмездием. Сумму сего вознаграждения обе высокие договаривающиеся стороны постановили в десять курумов туманов раидже, или двадцать миллионов рублей серебром; сроки же, образ платежа и обеспечение оного постановления в особом договоре, который будет иметь такую же силу, как бы он был внесен в настоящий трактат от слова до слова.

Статья VII

Как Е<го> В<еличество> Шах Персидский признал за благо назначить своим преемником и наследником престола августейшего сына своего Принца Аббаса Мирзу, то Е<го> В<еличество> Император Всероссийский, дабы всенародно доказать Е<го> В<еличеству> Шаху Персидскому свое дружественное расположение и желание содействовать к утверждению сего наследственного порядка, обязуется признавать отныне в августейшем лице Е<го> В<ысочества> принца Аббаса Мирзы преемника и наследника персидской Короны, а по вступлении его на престол почитать его законным Государем сей державы.

Статья VIII

Российские купеческие суда по прежнему обычаю имеют право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов оного, как равно и приставать к ним; в случае кораблекрушения имеет быть подаваема им в Персии всякая помощь. Таким же образом предоставляется и персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю и приставать к берегам российским, где взаимно в случае кораблекрушения имеет быть оказываемо им всякое пособие. Относительно же военных судов, как издревле одни военные суда под российским военным флагом могли иметь плавание на Каспийском море, то по сей причине предоставляется и подтверждается им и ныне прежнее сие исключительное право с тем, что кроме России никакая другая держава не может иметь на Каспийском море судов военных.

Статья IX

Е<го> В<еличество> Император Всероссийский и Е<го> В<еличество> Шах Персидский, желая всеми средствами утвердить союз мира и дружбы, столь счастливо между ими возобновленный, соизволяют, чтобы взаимные высоких дворов послы, министры и поверенные в делах, отправляемые к соответственным высоким дворам для исполнения временных поручений или для постоянного пребывания, были принимаемы с почестями и отличием, соответствующими их званию, достоинству высоких договаривающихся сторон, искренней приязни, их соединяющей, и местными обычаями. На сей конец постановлен будет особым протоколом церемониал для наблюдения с той и другой стороны.

Статья X

Е<го> В<еличество> Император Всероссийский и Е<го> В<еличество> Шах Персидский, признавая восстановленис и распространение торговых между обоими государствами сношений одним из главнейших благодетельных последствий восстановления мира, в полном взаимном согласии рассудили за благо устроить все распоряжения, относящиеся до покровительства торговли и безопасности обоюдных подданных, и изложить оные в прилагаемом у сего отдельном акте, который, будучи заключен обоюдными уполномоченными, есть и будет почитаем равносильною частью настоящего мирного договора. Е<го> В<еличество> Шах Персидский предоставляет России, как то было и прежде, право определять консулов или торговых агентов повсюду, где польза торговли сего востребует, и обязуется сим консулам и агентам, из которых каждый будет иметь в свите своей не более десяти человек, оказывать покровительство, дабы пользовались они почестями и преимуществами, публичному их званию присвоенными. Е<го> В<еличество> Император Всероссийский обещает со своей стороны наблюдать совершенно взаимство в отношении консулов или торговых агентов Е<го> В<еличества> Шаха Персидского. В случае основательной жалобы персидского правительства на Российского агента или консула российский министр или поверенный в делах при дворе Е<го> В<еличества> Шаха, яко непосредственный начальник их, имеет удалить виновного от должности и временно поручить оную другому лицу по своему усмотрению.

Статья XI

Все требования обоюдных подданных и другие дела, остановленные войною, будут возобновлены и решены сообразно справедливости после заключения мира. По долговым обязательствам обоюдных подданных между собою и на

казне того или другого правительства имеет последовать немедленное и полное удовлетворение.

Статья XII

Высокие договаривающиеся стороны для выгоды обоюдных подданных постановили по общему их согласию тем из них, которые имеют недвижимую собственность по обе стороны Аракса, предоставить трехлетний срок, в продолжение которого они могут свободно продавать и обменивать оную; но Е<го> В<еличество> Император Всероссийский, поколику то до него касается, изъемлет из сего снисходительного распоряжения Гуссейн-хана, бывшего эриванского сардаря, брата его Гасан-хана и Керим-хана, бывшего правителя нахичеванского.

Статья XIII

Все военнопленные обеих сторон, взятые в продолжение последней войны или прежде, а равно подданные обоих правительств, взаимно впадшие когда-либо в плен, должны быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев; они имеют быть снабжены жизненными припасами и прочими потребностями и отправлены в Аббас-Абад для сдачи взаимным комиссарам, кои назначаются для принятия их и распоряжения дальнейшего препровождения в места жительства. Высокие договаривающиеся стороны будут таким же образом поступать со всеми военнопленными и всеми российскими и персидскими подданными, взаимно впадшими в плен, кои не будут возвращены в означенный срок по отдаленности их нахождения или по иной какой-либо причине или обстоятельству. Обе державы предоставляют себе точное и неограниченное право требовать таковых во всякое время и обязуются возвращать их взаимно по мере того, как они будут оказываться или когда поступят о них требования.

Статья XIV

Ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет требовать выдачи переметчиков и дезертиров, перешедших в подданство другой до начатия последней войны или во времена оной. Для предупреждения же вредных последствий, взаимно могущих произойти от умышленных сношений между некоторыми из сих переметчиков и их прежними соотечественниками или подвластными, персидское правительство обязуется во владениях его, состоящих между Араксом и чертою, образуемою рекою Чара, озером Урмия, рекою Джакату и рекою Кизил-Озан до впадения ее в море Каспийское, воспретить пребывание тем лицам, кои ныне или впоследствии будут поименно российским правительством означены. Е<го> В<еличество> Император Всероссийский со своей стороны обещает равномерно не дозволять персидским переметчикам селиться или проживать в ханствах Карабахском и Нахичеванском и в части ханства Эриванского, на правом берегу Аракса лежащей. Но само собою разумеется, что сие условие имеет и будет иметь силу только в отношении к лицам, носившим публичные звания или имеющим некоторое достоинство, каковы суть: ханы, беки и духовные начальники или моллы, кои личным примером, внушениями или тайными связями могут иметь вредное влияние на прежних своих соотчичей, бывших в их управлении или им подвластных. Что касается вообще до жителей обоих государств, то высокие договаривающиеся стороны постановили, что обоюдные подданные, кои перешли или впредь перейдут из одного государства в другое, могут селиться и жить всюду, где дозволит то правительство, под коим они будут находиться.

Статья XV

Е<го> В<еличество> Шах, движимый благотворным и спасительным намерением возвратить спокойствие державе своей и устранить от подданных своих все, что могло бы увеличить еще бедствия, навлеченные на них войною, столь счастливо настоящим договором оконченною, дарует совершенно и полное прощение всем жителям и чиновникам области, именуемой Азербайджаном. Никто из них, к какому бы разряду ни принадлежал, не может подвергнуться преследованию, ниже оскорблению за мнения, поступки свои или поведение в течение войны или в продолжение временного занятия помянутой области российскими войсками. Сверх того, будет предоставлен тем чиновникам и жителям годичный срок, считая от сего числа, для свободного перехода со своими семействами из персидских областей в российские, для вывоза и продажи движимого имущества, без всякого со стороны правительства и местных начальств препятствия и не подвергая продаваемые или вывозимые сими лицами имущества и вещи какой-либо пошлине или налогу. Относительно же имения недвижимого определяется пятилетний срок для продажи оного или учинения произвольных об оном распоряжений. Не распространяется, однако же, сие прощение на тех, кои до истечения помянутого годичного срока впадут в какую-либо вину или преступление, подлежащее судебному наказанию.

Статья XVI

По подписании сего мирного договора обоюдные уполномоченные отправят без отлагательства во все места известия и надлежащие повеления о немедленном прекращении военных действий. Настоящий мирный договор, учиненный в двух одинакового содержания экземплярах, подписанный уполномоченными обеих сторон, утвержденный печатями гербов их и взаимно ими размененный, имеет быть утвержден и ратификован Е<го> В<еличеством> Императором Всея России и Е<го> В<еличеством> Шахом Персидским, и торжественные, за собственноручным их подписанием, ратификации будут разменены обоюдными уполномоченными в течение четырехмесячного срока или скорее, буде возможно.

Заключено в селении Туркманчай 10 февраля в лето от Рождества Христова 1828 г. и 5 Шабана 1243 г. Хиджры.

(М. П.) Иван Паскевич
(М. П.) А. Обресков
(М. П.) Видел и утвердил наиб-султан
(М. П.) А также подписал министр иностранных дел Мирза Абуль Хасан-хан

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ К МИРНОМУ ДОГОВОРУ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПЕРСИЕЙ

Перевод с персидского:

Во имя Бога Всемогущего.

Статья I

Прямым следствием ст<атьи> IV основного договора от сего числа является обязательство Е<го> В<еличества> Персидского Шаха вывести свои войска в двухмесячный срок, начиная с даты подписания настоящего договора, и передать российским комиссарам, направленным с этой целью на места, всю ту часть Талышинского ханства, которая по праву принадлежит Российской империи и границы которой точно определены ст<атьей> IV основного договора. Она была

захвачена персидскими войсками в результате неприятельских действий, предшествующих войне, столь счастливо завершившейся заключением упомянутого договора. В ожидании передачи названного ханства российским комиссарам персидское правительство будет внимательно следить за тем, чтобы там не чинились никакие насилия или вымогательства в отношении тамошних жителей или их имущества, и возложит на местные власти ответственность за любые беспорядки, которые тем временем могли бы быть там учинены.

Статья II

Вследствие ст<атьи> VI основного договора от сего числа, в силу которой Е<го> В<еличество> Персидский Шах взял на себя торжественное обязательство уплатить Е<го> В<еличеству> Императору Всероссийскому денежное возмещение в размере десяти куруров туманов раидже, или двадцати миллионов рублей серебром, высокие договаривающиеся стороны условились, что три курура туманов будут выплачены российским уполномоченным или их поверенным в первые восемь дней сразу же после подписания означенного договора, два курура туманов — через пятнадцать дней, три курура туманов будут им выплачены 1 (13) апреля с. г., или 26-го числа следующего Рамазана, а два остающихся курура, дополняющих сумму в десять куруров туманов, которые Персия обязалась уплатить России, будут внесены 1 (13) января 1830 г.

Статья III

Дабы обеспечить Е<го> В<еличеству> Императору Всероссийскому своевременную и полную выплату упомянутого возмещения, высокие договаривающиеся стороны условились, что вплоть до окончательной уплаты восьми куруров туманов вся провинция, именуемая Азербайджаном, останется под непосредственной властью русских войск и будет управляться исключительно в интересах России таким образом, чтобы временная администрация, учрежденная в настоящее время в Тавризе, по-прежнему осуществляла свою власть и деятельность, надзирая за поддержанием порядка и внутреннего спокойствия и выполнением мер, способных обеспечить содержание и снабжение провиантом армейского корпуса, который должен временно занимать вышеназванную провинцию; если же упомянутая сумма в восемь куруров туманов не будет, не дай Бог, выплачена целиком к 15 (27) августа с. г., или к 15-му числу Сафара 1244 г., имеется и будет иметься в виду, что в таком случае вся провинция, именуемая Азербайджаном, будет навечно отделена от Персии и Е<го> В<еличество> Император Всероссийский получит полное право либо сделать ее неотъемлемой частью своей Империи, либо учредить там независимые и наследственные ханства под своим непосредственным и исключительным покровительством. Что же касается денежных сумм, которые в соответствии с вышеуказанными соглашениями будут к тому времени уже выплачены России, то условлено, что они останутся безвозмездно в ее распоряжении и не подлежат возвращению. Но в этом предположительном случае Персия будет полностью освобождена от любых других денежных обязательств в отношении России. Вместе с тем решено, что после уплаты Е<го> В<еличеством> Персидским Шахом двух куруров туманов из трех, кои должны последовать за первыми пятью курурами оговоренного возмещения, русские войска будут выведены из всего Азербайджана не позднее чем через месяц, и он будет возвращен персидским властям, за исключением крепости и провинции Хой, которые останутся под властью русских войск в качестве гарантии выплаты вышеназванного третьего курура туманов, подлежащего полной уплате к 15 (27) августа с. г. Генерал, под началом которого будет находиться корпус русской армии, заранее получит инструкции, необходимые для возвращения и эвакуации, либо полной, либо частичной, провинции, именуемой Азер-

байджаном, в зависимости от того, выплатить ли Е<го> В<еличество> Шах в установленный срок российскому императорскому двору все упомянутые восемь куруров туманов или же только семь куруров туманов. Одновременно временная администрация в Тавризе сложит с себя обязанности по управлению, которые на нее возложены, а персидские комиссары, назначенные с этой целью Е<го> В<еличеством> Шахом, немедленно приступят к исполнению своих обязанностей. При этом ни в коей мере не должны нарушаться порядок и общественное спокойствие, а также постановления и обязательства, содержащиеся в основном договоре от сего числа, равно как и в настоящих дополнительных статьях.

Статья IV

Поскольку корпусу русской армии, который в силу предыдущей статьи временно оккупирует Азербайджан, будет предоставлена неограниченная свобода расквартирования сообразно с удобствами или волей главнокомандующего русской армией на всей территории этой провинции, условлено, что персидские войска, все еще остающиеся в какой-либо части Азербайджана, незамедлительно очистят ее и отступят во внутренние провинции Персии.

Статья V

Дабы предотвратить все то, что способно нарушить порядок и воинскую дисциплину, которые важно сохранить в войсках обеих сторон в ходе временной оккупации, предусмотренной предыдущими статьями, условлено, что любой русский дезертир, который перейдет на сторону персов, подлежит немедленному аресту персидскими властями и безотлагательной передаче ближайшему командиру русских войск; любой дезертир из персидских войск, перешедший на сторону русских, также будет немедленно передан ближайшему персидскому командиру.

Статья VI

Сразу же после размена ратификациями обе стороны назначат комиссаров, с тем чтобы приступить к демаркации пограничной линии, которая определена ст<атьей> IV основного договора от сего числа, и составить ее точную карту; один экземпляр этой карты, скрепленный подписью соответствующих комиссаров, будет представлен на утверждение главнокомандующего в Грузии, а другой, совершенно идентичный, — на утверждение Е<го> К<оролевского> В<ысочества> Принца Аббаса Мирзы. Затем состоится обмен этими картами, которые будут иметь силу и служить нормой в будущем.

Настоящие отдельные статьи, предназначенные дополнить основной договор от сего числа и совершенные в двух экземплярах, будут иметь такую же силу и действие, как если бы они были полностью включены в него.

В удостоверение чего мы, соответствующие уполномоченные, подписали их и скрепили своими гербовыми печатями.

Заключено в селении Туркманчай 10 февраля в лето от Рождества Христова 1828 г. и 5 Шабана 1243 г. Хиджры.

(М. П.) Иван Паскевич
(М. П.) А. Обресков
Видел и утвердил наиб-султан.
(М. П.)
а также подписал министр иностранных дел
Мирза Абуль Хасан-хан
(М. П.)

КОММЕНТАРИИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящим томом завершается издание академического Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова. При формировании корпуса текстов и комментария была учтена вековая издательская практика, а также сведения, накопленные за последние десятилетия в исследовательской литературе (для сравнения укажем, что в первом академическом издании сочинений Грибоедова было помещено 112 его писем, ныне же их известно вдвое больше).

Публикация писем Грибоедова имеет давнюю издательскую традицию. Четыре из них, адресованные Ф. В. Булгарину и его жене, были включены журналистом в его «Воспоминания о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове» (СО, 1830. № 1; перепечатаны: Сочинения Фаддея Булгарина СПб., 1830. Ч. 1), что в ту пору оценивалось как бестактность и отчасти стало причиной резкой эпиграммы П. А. Вяземского, опубликованной анонимно в «Литературной газете» (1830. № 53):

Ты целый свет уверить хочешь,
Что был ты с Чацким всех дружней:
Ах ты бесстыдник, ах злодей!
Ты и живых бранишь людей,
Да и покойников порочишь.

Под редакцией М. Н. Лонгинова несколько писем было опубликовано в книге: Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860 (одно из них напечатано годом раньше в «Библиографических записках»). В дальнейшем отдельные письма писателя появлялись на страницах «Русского архива», «Русской старины» и других повременных изданий. Часть из них известна лишь по этим первым публикациям.

Автографы большинства известных писем Грибоедова хранятся ныне в различных государственных архивах (ГИМ, РГАЛИ, ГЦТМ, ИРЛИ и др.). Авторство тех писем, автографы которых до нас не дошли, не вызывает сомнений. Следует, однако, отвергнуть принадлежность А. С. Грибоедову записки, адресованной в 1812 г. в Вологду княгине В. Ф. Вяземской и опубликованной в грибоедовском томе «Литературного наследства» (Т. 47—48. М., 1946. С. 230; автограф —

РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 3287). Как стало очевидным из письма П. А. Вяземского К. Н. Батюшкову от 3 февраля 1812 г. перед отъездом из Вологды, записка к княгине написана дядей драматурга, А. Ф. Грибоедовым, который действительно проживал в ту пору в Ярославле: «...пиши ко мне в дом Кожена к Грибоедову в Ярославль» (*Кошелев В. А.* Вологодские древности. Архангельск, 1985. С. 77). А. С. Грибоедов же в это время, отстав по болезни на марше от Московского гусарского полка, находился во владимирской деревне своего отца, Сущеве. Прямыми фальсификатами являются и две записки, приписанные автору «Горя от ума» в составе апокрифических «Воспоминаний П. Н. Лаврентьевой», поступивших в 1928 г. в фонды ГЦТМ (Ф. 78).

Обширный круг общения Грибоедова наряду с его постоянными перемещениями по службе позволяет считать со всей несомненностью, что до нас дошла лишь малая часть его эпистолярия. Время от времени в печати появлялись сведения о переписке драматурга с разными лицами, до нас не дошедшей: например, в некрологе служившего на Кавказе Н. П. Воейкова (Московские ведомости. 1872. № 4), в книге: Патриарх всех армян Неркес V, кн. М. С. Воронцов и кн. Е. К. Воронцова в их частной переписке. Тифлис, 1898. Не сохранилось и письмо В. К. Кюхельбекера, которое было предъявлено Грибоедову во время следствия по делу декабристов. Сводку сведений о потерях литературного архива Грибоедова см. в книге: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1947. С 40—61.

Приведем в этой связи и любопытный документ, хранящийся в АРАН СПб (Ф. 150. Оп. 1 (1921). № 3. Л. 86):

«Председателю Смоленской Губчека.

При обыске в квартире и доме гражданки Войденовой по Энгельгардтовской улице, произведенном агентом Смоленской Губчека, был забран старинный портфель, в коем хранилась переписка на французском, персидском и русском языке. Среди этой переписки были между прочим и письма маститого русского классика А. С. Грибоедова к послу Персии.

Письма эти представляют глубокий научный интерес, и Академия наук заинтересована в скорейшем их получении, т. к. Академией наук в настоящее время подготавляется профессором Пиксановым исследование о Грибоедове.

Вследствие изложенного прошу Вас о скорейшем розыске указанной переписки и доставке таковой в Реввоенсовет Запфронта для отправки ее в Академию наук.

Командующий армией Запфронта <подпись>.

Член Реввоенсовета <подпись>».

На документе имеется резолюция: «Зав. Камерой хранения. Выдать под расписку т. <фамилия нрзб.>. 2.VI.21» — и приписка: «Портфель с вышеуказанной перепиской с 1819 по 1821 г. в Камеру хранения Смолгубчека не поступала. Пом. зав. кам. хранения <подпись>».>

Имеются потери в официальной переписке Грибоедова, как об этом свидетельствует письмо из Тбилиси от 13 ноября 1978 г. Н. Н. Джоберидзе, обследовавшей по нашей просьбе архив дипломатической канцелярии начала XX века в ЦГИА Грузии:

«...в годы советизации Грузии архив этот был вывезен меньшевиками и подожжен. Сохранилась лишь незначительная часть этого архива.

В фонде 11 (опись 1) десять дел, в той или иной степени связанных с именем Грибоедова: в некоторых — есть упоминание о нем, в других его автографы, донесения:

ед. хр. 4. Переписка с вице-канцлером гр. Нессельроде и полномочным министром при дворе персидском А. С. Грибоедовым о награждении английского посланника в Персии Макдональда и др. служащих в английской миссии за участие в переговорах о мире России и Персии. В деле есть автографы Грибоедова.

ед. хр. 5. Переписка о предоставлении комиссару при персидском правительстве Амбургеру права получить от английского посланника в Персии деньги на свое содержание. В деле есть автографы Грибоедова.

ед. хр. 7. Переписка о покупке дома для размещения Российской миссии. Упоминается Грибоедов.

ед. хр. 10. Переписка о награждении медалями и деньгами лиц, выполнявших поручения посольства в Персии. Есть автографы Грибоедова.

ед. хр. 20. Переписка о поездке из Карабабы надв. сов Грибоедова к Аббас-Мирзе для переговоров о заключении мира с Персией...».

Часть эпистолярия в настоящем издании выделена в особый раздел, содержащий официальную (дипломатическую) переписку. Следует оговорить, что педантично точное ограничение этого отдела в ряде случаев невозможно. Так, в посланиях своему начальнику, российскому поверенному в делах Персии С. И. Мазаровичу в 1819 г. молодой дипломат не отошел еще от привычного тона свободной приятельской беседы (ср. его признание в письме к П. А. Катенину от 19 октября 1817 г.: «...по настоящему эти вещи пишутся в конце письма; но у меня однажды навсегда никто не на своем месте. А самое первое голова»). Иной смысл приобретал неофициальный (порой — до фамильярности) стиль писем к всесильному И. Ф. Паскевичу в 1828 г.: по праву родственника, опытный дипломат таким образом внушал своему адресату необходимые для пользы дела идеи, которые тот волен был выдать за свои в делах восточной политики России. Подчеркнутая же официальность распоряжений, отдаваемых начальнику Эриванской области А. Г. Чавчавадзе, исключало их вольное толкование (домашние же новости, очевидно, сообщались в сопутствующих посланиях молодых супругов). Возможно, что такого рода предписывания составлялись канцелярией Грибоедова по его указаниям, а им только визировались.

Перу дипломата Грибоедова принадлежало немало других документов официальной политики России — вплоть до окончания редакции ряда статей Туркманчайского договора между Россией и Персией 1828 г. А. П. Берже в свое время справедливо отмечал также, «Грибоедов и другие не только составляли приказы и реляции Паскевича, но даже писали частные его письма» (АКАК. Т. 7. С. VI). Многие грибоедовские автографы такого рода обнаружены в архивах России, Грузии и отчасти опубликованы. Эти материалы частично воспроизводятся в примечаниях. В основном же корпусе текстов печатаются лишь служебные записки, грибоедовское авторство которых (от основных идей до их выражения) можно считать твердо доказанным.

В разделе «Личные документы» печатаются бумаги служебного характера (прошения, расписки и т. п.), а также показания Грибоедова в ходе следствия о тайных обществах. В особых отдел выделены грибоедовские «Заметки при чтении книг». В приложении приведен текст Туркманчайского договора.

В пределах каждого раздела выдержан хронологический порядок. Тексты проверены по подлинникам (за исключением тех писем, которые хранятся в зарубежных архивах и временно недоступных отечественных). В отдельных случаях не удалось установить местонахождение и уточнить шифры архивных материалов (например, письма С. И. Мазаровичу в настоящее время в фондах ГИМ не числятся, материалы РГИА недоступны в связи с перемещением архива и т. д.).

Тексты Грибоедова в настоящем издании печатаются, как это принято, с соблюдением современных орфографических и пунктуационных норм, но с сохранением стилистических черт оригинала (в частности, сохранены написания почтительных обращений и т. п. с прописных букв, аутентично воспроизводится авторское написание восточных имен, а также своеобразие знаков препинания). Иностранные тексты печатаются на языке оригинала и сопровождаются переводом на русский язык, арабские цитаты воспроизведены с автографов фототипически. Авторские выделения в тексте обозначены курсивом, авторские примечания даются за текстом. Петитом набраны тексты, не принадлежащие Грибоедову, а также переводы иноязычных текстов. Квадратными скобками обозначен текст, зачеркнутый автором, угловыми — редакторские конъектуры (восполнение недописанного и неразборчивого текста, необходимые внутрицитатные вставки и т. д.). Без специальных оговорок исправляются явные опечатки и описки.

Письма датируются по старому стилю (за исключением некоторых писем, направленных иностранцам, если они в оригинале датированы в соответствии с григорианским календарем). Предположительные даты, обозначенные в заголовках, специально не обосновываются, если время написания явствует из контекста. В примечаниях к письмам дается текстологическая справка (местонахождение автографа; первая публи-

кация; источник, положенный в основу наст. изд.), обоснование датировки, необходимые исторические сведения и реальный комментарий. Основные сведения о лицах, упоминаемых в тексте всех трех томов, приводятся в аннотированном именном указателе. Прилагается также словарь терминов, географических названий, непереведенных слов и т. п. Научный аппарат издания существенно пополнен малоизвестными материалами. В частности, новые сведения и расширенный анализ документов содержится в комментарии к разделу «Служебные записки», подготовленном Н. А. Тарховой. В круг источников впервые введены также работы, до сих пор не учтенные в грибоедоведении: Махди Бамдад. Тарих-е рэджал-е Иран. Горун-е 12, 13, 14 хиджри. Дар чахар Джелд. Тегеран, 1347 / 1968; Мухаммад-Бакир Хвансари. Раузат ал-Джаннат фи ахвал ал-улама вас-садат. Техран, 1304—1886—1887; Махаммад б. Сулайман б. Мухаммад-Рафи'. Кисас ал-улама. Техран, 1306 / 1888—1889; Риза-Кули-хан Хидайат. Раузат ас-сафа-йи Насири. Техран, 1271 / 1854—1855. Издатели выражают благодарность за это О. Ф. Акимушкину (СПбФ ИВАН). Благодарим также Н. В. Бородину (АВПРИ), Н. Б. Быстрову (ГИМ), сотрудников Библиотеки и Рукописного отдела ИРЛИ и всех, кто оказал доброжелательную помощь в подготовке книги.

Особая благодарность — профессору Витольду Кошны и доктору Герберту Лембке, без содействия которых выход книги был бы невозможен.

ПИСЬМА

И. Д. ЩЕРБАТОВУ

1806 — до 4 июня 1808. Москва

Автограф: РГВИА (Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 24. Ч. 7. Т. 2. Л. 86).

Копия: ГЦТМ (Ф. 104. № 17).

Впервые опубликовано: Воспоминания 1980. С. 349 (перевод); *Андреев А. Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000. С. 245 (факсимиле).

Печатается по автографу.

Датируется по дате смерти Буринского (4 июня 1808 г.), о котором в записке сообщается как о живом.

Щербатов начал посещать университетские лекции в качестве слушателя в 1806 г., занимаясь, как и Грибоедов, под руководством профессора И. Т. Буле (см. его учебные тетради за 1806 г. с пометой «1 курс»: РГВИА. Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 24. Ч. 7. Т. 1. Л. 1, разрешение от ректора на посещение лекций в 1807 г. и сведения об учебе Щербатова в 1807—1808 гг., представленные Буле И. Т. его отцу, князю Д. М. Щербатову (Там же. Ч. 8. Т. 1. Л. 1—3)). С октября 1808 г. Щербатов — студент физико-математического отделения (Там же. Ч. 8. Т. 2. Л. 315), учился и жил в Москве до января 1811 г., когда был отправлен в Петербург для поступления в Семеновский полк. Вследствие подозрений (совершенно неосновательных) в участии в заговоре, ставшем причиной возмущения Семеновского полка, в 1821 г. арестован и находился под следствием и судом, 4 года провел в заточении в г. Витебске без объявления приговора, в 1826 г. разжалован в рядовые и сослан на Кавказ, где встречался с Грибоедовым. В письме родным от 12 декабря 1826 г. Щербатов сообщал: «Грибоедов здесь, я возобновил с ним знакомство, и он снабдил меня книгами» (Воспоминания 1980. С. 349). Родственник Грибоедова, В. И. Лыкошин, обучавшийся с ним в университете в 1805—1808 гг., вспоминал: «Мы поручены были родственному надзору его матери, добрейшей Анастасии Федоровне, у которой большею частью проводили праздничные дни <…>. Тогда же приходили на лекции кн. Иван Дмитриевич Щербатов и двоюродные его братья Ми-

хаил и Петр Чаадаевы с гувернером-англичанином, князья Алексей и Александр Лобановы, два брата Ефимовича (Ефимовские) и другие» (Воспоминания 1980. С. 34).

Кузены Чаадаевы — П. Я. и М. Я. Чаадаевы. Щербатову они приходились двоюродными братьями и воспитывались с ним в одном доме. Их знакомство с Грибоедовым произошло в Московском университете, лекции в котором Чаадаевы посещали вместе со Щербатовым (см.: Воспоминания 1980. С. 34). О том, что Грибоедов и П. Я. Чаадаев познакомились в Московском университете, упоминает также биограф Чаадаева М. Я. Жихарев (см.: Русское общество 30-х гг. XIX века: Мемуары современников. М., 1989. С. 58). Братья Чаадаевы были произведены в студенты на том же университетском акте 30 июня 1808 г., где Грибоедов получил диплом кандидата словесных наук и также посещали лекции профессора Буле — сохранился конспект занятий, записанный М. Я. Чаадаевым (ИРЛИ. Архив Н. К. Пиксанова).

З. А. Буринский в доме Щербатовых преподавал русскую словесность и историю. Сохранилось его письмо к князю Д. М. Щербатову (РГВИА. Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 24. Ч. 3. Л. 66), в семейной переписке Щербатовых 1807—1808 гг. содержатся многочисленные упоминания Буринского (см. о нем: Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. Т. 1. М., 1992. С. 367).

Собрание — по-видимому, один из литературных кружков, созданных молодыми дворянами — питомцами университета для совместного «совершенствования вкуса и способностей в отечественной словесности», и может быть сопоставлено с Собранием благородных университетских питомцев, действовавшим в Благородном пансионе, или с литературным кружком А. Ф. Мерзлякова, активным участником которого был З. А. Буринский (см.: *Жихарев С. П.* Записки современника. Л., 1989. Т. 1. С. 170). Некоторый свет на характер кружка проливает сохранившийся в бумагах Щербатова черновик его речи в Собрании: «Милостивые Государи! Обязанность вами на меня возложенную принял я с величайшей благодарностью и старался исполнить, сколько позволяли мои силы, но конечно я бы должен больше сделать для исполнения всеобщей нашей цели, по крайней мере все желание мое клонилось ко всеобщей пользе, какую мы себе предположили. Есть ли я в [собрание наше.] в месяце моего секретарства не доставлял собранию моих трудов, то это зависило от особенных обстоятельств, при том малое число заседаний были некоторым образом тому причиною. Обратим теперь внимание на то усердие, на ту похвальную <ревность>, с которой каждый член нашего о<бщества> старается и за честь себе поставляет споспешествовать другим своими посильными знаниями и советами, то мы ясно увидим, что в самом деле нельзя найти лучшего пособия образовать свой вкус и способности в отечественной литературе, как не в кругу таких друзей, которые долгом своим считают помогать друг другу...» (РГВИА. Ф. 801. Оп. 77/18. Д. 24. Ч. 8. Т. 1. Л. 10).

В. В. ИЗМАЙЛОВУ

1814. Брест-Литовск

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: ВЕ. 1814. Ч. 78. № 22. С. 116.

Печатается по первой публикации.

Статья «О кавалерийских резервах» напечатана: ВЕ. 1814. Ч. 78. № 22. С. 116—124 (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 249—253).

...известия о доходах, расходах и долгах Франции... — Очевидно, Грибоедов ссылается на статьи: *Р.* О внешних доходах Франции // ВЕ. 1812. Ч. 66. С. 150—155; Сравнительная таблица сил Наполеона физических, хозяйственных и нравственных в 1812 и в 1813 // ВЕ. 1813. Ч. 69. № 17. С. 234—241.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 ноября 1816. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).

Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 3—4.

Печатается по автографу.

...в Дерпт не поехал... — Возможно, что планы поездки в Дерпт были связаны с намерением Грибоедова продолжить учение в тамошнем университете.

...на Екатер<ининском> канале у Харламова мосту, угольный дом Валька. — Харламов мост через Екатерининский канал по Екатерингофскому проспекту (ныне проспект Римского-Корсакова), недалеко от Театральной площади. Дом Валька — современный адрес: канал Грибоедова, 104/25.

...у тебя нет матери, которой ты обязан казаться основательным. — Имеется в виду Н. Ф. Грибоедова, которая постоянно требовала от сына продвижения по службе. П. А. Катенин в одном из писем к Н. И. Бахтину привел ее наставления: «Прямотой и честностью, — писала она сыну, — не наслужишься, а лучше делай, как твой родственник такой-то, который подлец, как ты знаешь, и всё вперед идет; а как же иначе? Ведь сам Бог, кому мы докучаем молитвами, любит, чтобы перед ним беспрестанно *кувырк да кувырк*» (Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911. С. 121).

Формокопия (фармакопея) — свод обязательных правил, которыми руководствуются при изготовлении, проверке и назначении больным лекарственных препаратов.

...с Истоминой и с Шереметевым... — Штабс-ротмистр Кавалергардского полка В. В. Шереметев сожительствовал с балериной Е. И. Ис-

томиной, из-за которой между ним и камер-юнкером А. П. Завадовским 12 ноября 1817 г. состоялась дуэль.

Шустер-клуб — в доме Щербакова, напротив Адмиралтейства (современный адрес: Адмиралтейский пр., 10), основан немцем Шустером. Устав клуба составлен в 1772 г. В клубе устраивались танцевальные и музыкальные вечера, велись карточные, шахматные, биллиардные игры.

К. Алекс. — лицо неустановленное.

Андр<ей> Семен<ович> — А. С. Кологривов.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

5 декабря 1816. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 4—5.
Печатается по автографу.

Дм<итрий> Ник<итич> — Д. Н. Бегичев.

Анд<р>ей Сем<енович> — А. С. Кологривов.

...ты намерен переходить в Армию... — Бегичев оставался в Кавалергардском полку до 1819 г., когда 9 июля он полковником перешел в Тираспольский конно-егерский полк. *De Ligne говорит ~ passablement* — цитата из «Fantaisies et prejuges militaires» (Oeuvres choisies du maréchal prince de Ligne. Genéve, 1809. Vol. 1. P. 130).

Иркутский полк — Иркутский гусарский полк, в котором Грибоедов числился до перехода в Кавалерийские резервы (см.: *Альбовский Е.* История Иркутского полка. Минск, 1902; Материалы. С. 61—75).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

4 сентября 1817. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 5—7.
Печатается по автографу.

Вот почти месяц, как мы с тобою расстались... — 14 августа 1817 г. Бегичев в должности адъютанта командира кавалерийской бригады гвардейского отряда в составе Кавалерийских гвардейских дивизионов выступил в Москву, сопровождая царский двор на закладку храма Христа Спасителя.

Поливанов — Иван Юрьевич или Александр Юрьевич.

«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых» — цитата из Библии (Пс. 1, 1).

Лареда — кондитерская Лоредо, находилась на углу Невского проспекта и Дворцовой площади.

...я поехал, натурально, к Шаховскому. — А. А. Шаховской жил на Малой Подьяческой в доме Клеопина (ныне № 12), у него постоянно собирались театралы, драматурги и артисты. П. А. Каратыгин вспоминал: «В числе его приятелей были Катенин, Грибоедов и Жандр, которые, несмотря на его могущественный авторитет, дерзали иногда с ним спорить и во многом были не согласны относительно театра, иногда даже втихомолку и подсмеивались над ним, как над отсталым классиком, у которого рутина и традиции играли главную роль <...> Катенин и Грибоедов были тогда большие вольнодумцы (особенно первый) и любили подтрунивать над князем насчет его религиозных убеждений, тут он выходил из себя, спорил до слез — и часто выбегал из комнаты, хлопнув дверью» (*Каратыгин П. А.* Записки. Л., 1970. С. 71, 79).

Тринкену задать — от нем. trinken (выпить).

Брат твой — иркутский Полковник. — Д. Н. Бегичев с 17 августа 1817 г. произведен в полковники с переводом в Иркутский гусарский полк.

Кирховша — Ш. Ф. Кирхгоф.

...такой вздор врет, хуже Загоскина комедий. — Возможно, Грибоедов имел в виду комедии М. Н. Загоскина «Проказники» (1815) и «Богатонов, или Провинциал в столице» (1819) (Летопись. С. 175).

...несколько сцен стихами в комедии, которую он пишет... — Речь идет о сценах из пьесы «Своя семья, или Замужняя невеста» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 102—112).

...для бенефиса Валберховой... — Бенефис М. И. Вальберховой, исполнившей роль Наташи в комедии «Своя семья, или Замужняя невеста», состоялся 24 января 1818 г.

Никита — вероятно, Н. М. Муравьев, принявший в 1817 г. С. Н. Бегичева в тайное общество.

П. А. КАТЕНИНУ

19 октября 1817. Петербург

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Сборник, изданный студентами С.-Петербургского университета. 1860. Вып. 2. С. 240—243.

Печатается по первой публикации.

Дурак Загоскин в журнале своем намарал на меня ахинею. — Отклик М. Н. Загоскина на комедию «Молодые супруги» в журнале «Северный наблюдатель» (1817, № 15) (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 467).

...написал сам фасесию... — Фацеция (от лат. facetia) — шутка, острота. Имеется в виду стихотворение Грибоедова «Лубочный театр», текст которого приложен к письму (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 213—215).

...он совершенно окончил свою комедию... — Премьера комедии А. А. Шаховского «Пустодомы» состоялась 10 октября 1819 г. в Большом театре (см.: Арапов. С. 281—288).

...как ты отправился в Москву. — Катенин, как и С. Н. Бегичев, выехал в Москву вместе со своим полком 14 августа 1817 г., сопровождая царский двор.

Андрей Андреевич — А. А. Жандр.

...является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе... — Перевод А. С. Шишкова поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» в 20 песнях был издан в С.-Петербурге в 1818—1819 гг.

...Жандров отрывок из Гофолии в Наблюдателе? — Отрывок из трагедии Расина «Гофолия» в переводе Жандра был напечатан в журнале «Северный наблюдатель» (1817, № 14).

...«Семелу» Шиллерову перевожу слово в слово... — Выполненный Грибоедовым подстрочный перевод трагедии Шиллера «Семела» не сохранился; в 1817 г. в № 51 «Сына отечества» были напечатаны две сцены из «Семелы» в вольном переводе Жандра с сопроводительным письмом Грибоедова (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 263).

...для бенефиса Семеновой. — Бенефис Ек. С. Семеновой, исполнившей в «Семеле» роль Юноны, состоялся 11 февраля 1818 г.

«Les fausses infidélités» — Комедия «Притворная неверность» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 113—150).

Для Валберховой я сделал четыре сцены... — Точнее, пять сцен комедии «Своя семья, или Замужняя невеста» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 102—112).

Вестник Европы не согласится у себя напечатать. — Редактором «Вестника Европы» в 1817 г. был М. Т. Каченовский.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

15 апреля 1818. С.-Петербург

Автограф: РГБ (Ф. 451, А. С. Грибоедова. Карт. 1. Ед. хр. 2).

Впервые опубликовано: Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 7. С. 193—195.

Печатается по автографу.

Христос воскрес... — Пасха в 1818 г. приходилась на 14 апреля.

«Притворная неверность» — см.: Наст. изд. Т. 2. С. 102—112.

При отъезде моем в Нарву... — Причина поездки неизвестна. Сохранилось позднейшее свидетельство Ф. В. Булгарина, вероятно, об этой поездке: «От Кипени до Нарвы природа, по словам бессмертного Грибоедова, производит с величайшим усилием одни веники» (СП. 1842. № 178).

в Персию, и чтоб жил там. — Считается, что назначение Грибоедова в Персидскую миссию было своеобразной ссылкой за его участие 12 ноября 1817 г. в дуэли А. П. Завадовского с В. В. Шереметевым

(из-за Истоминой). По свидетельству А. С. Стурдзы, он предложил Грибоедову на выбор службу в Тегеране или в Филадельфии (Воспоминания 1980. С. 343—344). С. Н. Бегичев дает другую интерпретацию: «Я был в отсутствии, и Грибоедов писал ко мне в Москву, что на него нашла ужасная тоска, он видит беспрестанно перед глазами умирающего Ш<ереметева> и пребывание в Петербурге сделалось для него невыносимо. А в продолжение этого времени познакомился с ним очень замечательный по уму своему Мазарович; он был назначен поверенным по делам в Персию и предложил Грибоедову ехать с ним секретарем посольства» (Воспоминания 1980. С. 27). В 1818 г. министром иностранных дел был К. В. Нессельроде, но всеми восточными делами в 1816—1822 гг. управлял в ранге министра И. А. Каподистрия. Возможно, Грибоедов был приглашен им.

...если мне дадут два чина... — 14 июля 1818 г. Грибоедов был назначен секретарем в русскую миссию в Персии и тогда же произведен в титулярные советники (9-й класс) (РС. 1874. № 10. С. 278).

Шах — Фатх-Али-шах Каджар.

...Мазарович, любезное создание... — С. И. Мазарович получил пост поверенного в делах в Персии, который был учрежден именным указом Государственной Коллегии иностранных дел 6 июля 1818 г. (см.: Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 35. СПб., 1830. С. 330). Об этом назначении Нессельроде сообщил Ермолову 16 июля 1818 г. в отношении № 16 (см.: АКАК. Т. 6 (2). С. 193).

...коллежским асессором или ничем. — В коллежские асессоры Грибоедов был произведен только 3 января 1822 г.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

30 августа 1818. Новгород

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 9—10.
Печатается по автографу.

Помета Бегичева: «№ 1. Получено сентября 4-го 1818 года».

Нынче мои именины... — 30 августа (12 сентября) Русская Православная церковь чтит память святого благоверного князя Александра Невского.

...благоверный князь ~ на возвратном пути из Азии скончался... — Князь Александр Невский скончался в 1263 г. в Городце на Волге, возвращаясь из Золотой Орды.

Журнал — «Сын отечества».

Афишки — репертуарные афишки петербургских театров.

У вас нынче новый балет... — 30 августа 1818 г. в день именин Александра I в Большом театре шел балет на музыку Антолини «Калиф Багдадский, или Приключения молодости Гарун Аль-Рашида» в постановке Дидло (см.: Арапов. С. 268).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

5 сентября 1818. Москва

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 10—12.
Печатается по автографу.

Помета Бегичева: «№ 2. Получено сентября 13-го 1818-го».

Мы сюда приехали... — Грибоедов ехал вместе с сослуживцем А. К. Амбургером.

Брат — Д. Н. Бегичев.

Монумент Минину и Пожарскому — памятник Минину и Пожарскому работы И. П. Мартоса, был открыт 20 февраля 1818 г.

...«Притворную неверность» играют... — «Притворная неверность» шла в Московском театре 3 сентября 1818 г. (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 428).

Семенова (Мельпомена) — Екатерина Семеновна Семенова. Грибоедов называет ее Мельпоменой, т. е. трагической актрисой, в отличие от ее сестры Нимфодоры Семеновой, комической актрисы.

Ее неверный князь — И. А. Гагарин.

...я ей вчера в Сандрильоне много хлопал... — 4 сентября 1818 г. в Московском театре шла опера придворного капельмейстера Д. Штейбельта «Пепелина, или Сандрильона» в 3 действиях, главную роль исполняла А. Д. Медведева.

...тот, кто у вас Льва играет... — 25 июня 1818 г. на сцене Петербургского театра в бенефис Люстиха и Истоминой играли историческое представление «Африканский лев, или Геройство матери» (см.: Арапов. С. 266).

Молоденькая старая знакомка — возможно, А. И. Колечицкая (см.: Воспоминания 1980. С. 39).

Сестра — М. С. Грибоедова.

Варвара Семеновна — В. С. Миклашевич.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 сентября 1818. Москва

Автограф: ИРЛИ (Ф. 357. Оп. 2. Ед. хр. 96).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 12.
Печатается по автографу.

Помета Бегичева: «1818 года».

Брат — Д. Н. Бегичев.

...в присутствии Наумова. — Через И. М. Наумова было отправлено это письмо (см. письмо С. Н. Бегичеву 18 сентября 1818 г.).

Супружница его — А. В. Бегичева.

Андрей Семенович — А. С. Кологривов.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

18 сентября 1818. Воронеж

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 12—15.
Печатается по автографу.

Помета Бегичева: «№ 4-ой. Получ<ено > октября 4-го».

...я пробыл неделю долее, чем предполагал. — Грибоедов прибыл в Москву 3 сентября, а выехал оттуда между 10 и 13 сентября.

В Москве всё не по мне и т. д. — В этом пассаже можно увидеть зерно замысла «Горя от ума».

«Несть пророк без чести, токмо в отечестве своем, в сродстве и в дому своем» — слова Христа (Мф. 13, 57).

Яблочковы — семья П. М. Яблочкова.

...годовое издание покойника Музеума. — «Российский Музеум, или Журнал европейских новостей», издававшийся ежемесячно В. В. Измайловым в Москве, просуществовал в течение только одного 1815 г. Ироническое упоминание о нем Грибоедов вложил в уста Беневольского в комедии «Студент» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 53).

...быть немцем очень глупая роль... — Ф. П. Фонтон, знакомый Грибоедова по Министерству иностранных дел, писал в своих «Воспоминаниях»: «Как говорит Грибоедов, у нас без немцев нет спасенья, и дельно Алексей Петрович (Ермолов) посоветовал офицеру, который просил о повышении чином: просить, чтобы его немцем произвели». Ф. П. Фонтон привел забавный эпизод: «У нас в армии служит подполковник Нагель <...> он из немцев, но бесится, когда его так величают. Недавно, чтобы его подразнить, мы спрашиваем его, какого он происхождения. „Я, — отвечал он, — уже тридцать пять лет в русской армии служу, стало быть, я — китаец". И есть что-то правого в этом ответе» (*Фонтон Ф. П.* Воспоминания. Лейпциг, 1862. Т. 1. С. 165, 166).

...том Петровых акций... — Речь идет о книге: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788—1789. Ч. 1—9, 11, 12. Сохранились выписки Грибоедова из него.

Амлих — А. Названов.

...о моей Дидоне. — Неизвестная нам женщина сравнивается с героиней оперы Бальтазара Галуппи (1703—1785) «Didona abbandonata» («Покинутая Дидона», *итал.*). Возможно, Грибоедов имел в виду актрису, принимавшую участие в новой постановке оперы, возможно, ассоциация восходит непосредственно к самому мифу об Энее. В «Горе от ума» Репетилов говорит о Евдокиме Воркулове: «Есть у него любимое одно: *„А! нон лашьяр мир, но, но, но"*» («A! non lasciar mi, no, no, no» — «Ах, не оставь меня, нет, нет, нет», *итал.*) — Наст. изд. Т. 1. С. 105. Это слова наиболее популярной арии Дидоны из II действия оперы.

Илья Огарев пришлет ей из Костромы деньги на твое имя... — Речь идет об оброчных деньгах из костромского поместья Н. Ф. Грибоедовой, куда И. И. Огарев, женатый на ее племяннице М. В. Акинфьевой, был послан, чтобы разобраться в связи с волненьями крестьян (см.: *Пиксанов Н. К.* Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 113—114). «В лице добродушного и неповоротливого, честного малого Платона Михайловича Горичева, — писал А. Н. Веселовский, — Грибоедов не задумался изобразить своего старого приятеля и родственника Илью Ивановича Огарева и, по старым рассказам, сам же приехал к другу и признался, что вставил его в свою комедию» (РА. 1874. Вып. 4. Стлб. 1540).

С. И. МАЗАРОВИЧУ

12 октября 1818. Моздок

Автограф: ГИМ (?)
Впервые опубликовано: Попова. С. 39—43.
Печатается по первой публикации.

Подпись по-персидски: Секандар Грибаедуф.

О С. И. Мазаровиче см.: *Доетјан И. А.* С. Грибоедов и доктор из Пераста С. И. Мазарович // Прилози проучаваньу српско-руских кньижевних веза. Нови сад, 1980. С. 137—154.

Главнокомандующий — А. П. Ермолов.

Здешний комендант — майор Котырев.

Проконсул Иберии... — А. П. Ермолов.

«O Coridon, Coridon, quae te dementia caepit!..» — цитата из «Буколик» Вергилия (эклога 2, 69).

Секандар (Искандер) — Александр Македонский.

ПЕТЕРБУРГСКИМ ПРИЯТЕЛЯМ

27 января 1819. Тифлис

Автограф: РГАЛИ (Ф. 2819, собр. М. Залкинда. Оп. 1. Ед. хр. 130).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 134—135.
Печатается по автографу.

Толстой — Я. Н. Толстой. В 1835 г. он писал о Грибоедове как об одном из «ближайших друзей своих» (ЛН. 47—48. С. 104).

...двум Толстым Семеновским... — В Семеновском полку тогда служили двое Толстых: Иван Николаевич, в 1819 г. — штабс-капитан, Николай Николаевич, в 1819 г. — поручик.

Александр Евграфович — неустановленное лицо.

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

...меня здесь чуть было не лишили способности играть на фортепьяно... — Намек на дуэль с А. И. Якубовичем, произошедшую 23 октяб-

ря 1818 г., в результате которой Грибоедов был ранен в ладонь левой руки и повредил сухожилие, отчего скрючило мизинец. П. И. Бартенев отметил, что поговаривали, «будто Якубович воскликнул: „По крайней мере играть перестанешь!"» (Воспоминания 1980. С. 43—44). Настаивал на поединке между секундантами Якубович, бывший секундантом офицера Кавалергардского полка В. В. Шереметева, убитого А. П. Завадовским 12 ноября 1817 г. на произошедшей из-за Авдотьи Истоминой «дуэли четверых». Тогда, «увидя смерть Шереметева, Завадовский и Грибоедов отказались стреляться. Якубович с досады выстрелил по Завадовскому и прострелил ему шляпу. За сие он был сослан в Грузию» (Там же. С. 41). Грибоедова 19 ноября 1817 г. вызывали на допрос к обер-полицмейстеру И. С. Горголи в сопровождении депутата от Коллегии иностранных дел А. С. Ахлопкова. 20 ноября 1818 г. Ахлопков послал донесение управляющему Коллегией П. Я. Убри: «Милостивый государь Петр Яковлевич! Возложенную Вашим превосходительством обязанность быть депутатом по делу о бывшем дуэле между графом Завадовским и штаб-ротмистром Шереметевым, со стороны чиновника государственной Коллегии иностранных дел г-на Грибоедова, я принял; и вчерашний день следствие сего дела кончено и утверждено находящимися под следствием, так и депутатами со стороны каждого, о чем и поставляю долгом донести вашему превосходительству, какие объяснения были требованы от г-на Грибоедова по сему делу, а именно: что г-н Грибоедов был коротко знаком с штаб-ротмистром Шереметевым и жившею у него танцовщицею Истоминою. После учинившейся между Шереметевым и сею Истоминою ссоры, когда она уже выехала от него в другой дом, тогда будучи Грибоедов в театре, пригласил Истомину ехать с собою в карете, чтобы узнать подробнее, за что она поссорилась с Шереметевым, которая на то охотно согласилась, и он привез ее в дом, где он жил вместе с Завадовским. В тот же вечер приехал по окончании спектакля домой и граф Завадовский, который и нашел его с Истоминою; после сего все они трое провели вечер вместе, а потом Истомина отправилась к себе. После сего граф Завадовский был вызван на дуэль Шереметевым, последствия коего ему, Грибоедову, были не известны. И сим заключены были показания г-ном Грибоедовым» (РО. 1895. № 3. С. 390—391). Вопреки своим показаниям Грибоедов был секундантом В. В. Шереметева, который был на дуэли смертельно ранен (см.: Воспоминания 1980. С. 268—271). Другие документы с упоминанием Грибоедова по этому делу см.: РО. 1895. № 3. С. 388—390. Использование специальной аппликатуры позволило Грибоедову так же хорошо, как и до ранения, играть на фортепиано. А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» писал, что после трагических событий в Тегеране в 1829 г. «обезображенный труп Грибоедова узнан был только по руке, некогда простреленной пистолетною пулей» (Пушкин. Т. 8. С. 462). Как вспоминал о своей встрече с Грибоедовым во время его путешествия по Крыму в 1825 г. Н. В. Сушков, «несколько времени после дуэли и незадолго до мученической кончины своей в Персии Грибоедов часто услаждал меня на чужой стороне, посреди татар, в Крыму, своею певучею разумною игрою на клавикор-

дах; но прежней беглости в ней уже не было. Якубович отомстил Грибоедову за Шереметева — и ранил его» (*Сушков Н. В.* Московский университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и дружеского общества. М., 1858. С. 12—13). Известно, что любимым занятием Грибоедова были импровизации на фортепьяно. По свидетельству А. А. Жандра, «в Персии на кровле дома стоял рояль, и Грибоедов фантазировал, собирая толпы народа» (ИРЛИ. Ф. 496. Оп. 2. № 45). В. А. Соллогуб вспоминал о раутах в доме А. Н. Оленина (вероятно, в 1828 г.): «Живо помню я также Грибоедова и помню, как изумлялся, когда он садился за фортепьяно, что такой человек мог еще быть музыкантом» (РА. 1865. Стлб. 738). М. И. Глинка записал в своем дневнике: «Провел около целого дня с Грибоедовым, автором комедии „Горе от ума". Он был очень хороший музыкант и сообщил мне тему грузинской песни, на которую вскоре потом А. С. Пушкин написал романс „Не пой, волшебница, при мне"...» (РС. 1870. № 1. С. 490).

...пускай посмотрит на 1-й бенуар с левой стороны... — Возможно, здесь намек на ту женщину, о которой Грибоедов вспоминал позже в письме С. Н. Бегичеву от 4 января 1825 г.

П. А. КАТЕНИНУ

26 марта 1819. Тегеран

Автограф: ИРЛИ (3030/XII. Л. 75).

Впервые опубликовано: А. С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. 36 (здесь же факсимиле).

Печатается по автографу.

...акт из «Сплетен». — По-видимому, Катенин прислал Грибоедову рукопись одного акта своей комедии, не дожидаясь ее публикации («Сплетни» П. А. Катенина, подражание Грессетовой комедии «Le mechant» (1747). СПб., 1821. Представлена в первый раз в Санкт-Петербурге 31 декабря 1820 г.). Оценку этой комедии см. в письме к Катенину от 14 февраля 1825 г.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

Не позднее 5 сентября 1819. Маранд

Автограф: ГИМ (?)

Впервые опубликовано: Попова. С. 43—44.

Печатается по первой публикации.

Спиридон — С. И. Мазарович.

У меня 168 человек... — Речь идет о русских солдатах (пленных и дезертирах), которых Грибоедов выводил из Персии в Россию; в письме к Мазаровичу от 11—13 сентября сообщается, что число их — 158.

Шемир — Ш. Ф. Бегляров.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

6 сентября 1819. Маранд

Автограф: ГИМ (?)
Впервые опубликовано: Попова. С. 45—48.
Печатается по первой публикации.

Помета: «Reçue le 8 Septembre 1819» («Получено 8 сентября 1819», *франц.*).

Мехмендар — Мухаммад-Али-бек.

Фирман — распоряжение Аббас-мирзы (см. также письмо от 11—13 сентября 1819 г.).

Шемир — Ш. Ф. Бегляров. См. также письмо С. И. Мазаровичу от 5 сентября 1819 г.

...из Софияна, близ которого мы позавтракали... — Софиян упомянут в «Путевых заметках» Грибоедова от 5 сентября 1819 г. (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 318, 579).

Шахзаде — Аббас-мирза.

Левонтий Сарбов — упомянут как «брошенный больной» в «Путевых заметках» Грибоедова от 5 сентября 1819 г. (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 318, 579).

С. И. МАЗАРОВИЧУ

11—13 сентября 1819. Казанчи-Пернаут

Автограф: ГИМ (?)
Впервые опубликовано: Попова. С. 49—65.
Печатается по первой публикации.

Помета Мазаровича: «Reçue le 18 Septembre 1819» («Получено 18 сентября 1819», *франц.*).

Два моих рапорта № 1 и № 3. — № 1 поставлен под предыдущим письмом, № 3 — неизвестен.

...задать ему палками по пяткам... — Это телесное наказание называлось в ту пору «фалака»: ноги наказуемого продеваются в веревочную

петлю, закрепленную посередине длинной палки, после чего петля затягивается. Затем двое экзекуторов поднимают палку за оба конца вверх, а третий начинает бить хлыстом или палкой по поднятым голым ступням. В статье П. Н. Ермолова о Персии сообщается, что наказание палками в Персии весьма обычно: «Палочные удары — общее наказание, как высших, так и низших чинов; во время пехотного учения, бывшего в Тавризе, в присутствии Аббас-Мирзы и российского посла, английский капитан, обучающий пехоту, бил палкою ошибавшихся, не только нижних чинов, но даже и самого батальонного командира. Удары сии не оскорбительны в Персии, ибо кроме шаха все оным подвержены, дети шахские, первейшие министры, точно так же, как и последний поденщик» (Попова. С. 101).

В нас бросали камнями... — Об избиении каменьями см. в «Путевых заметках» Грибоедова (Наст. изд. Т. 2. С. 318).

Наиб-Султан — Аббас-мирза.

Государь — Фатх-Али-шах.

...Речь Бонапарта к депутатам провинций в 1814 г. — Имеется в виду резкая речь, которой 1 января 1814 г. Наполеон распустил законодательный корпус.

...дороги отсюда до Карабага славятся как малонадежные... — Грибоедов, однако не доверяя правителю ханства Мехти-Кули-хану, принял меры предосторожности по обеспечению безопасности своего перехода по территории Карабаха.

Мирза-Мамиш — отмечен Грибоедовым как опытный льстец в «Путевых заметках» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 320).

Другой пропал, может быть, навсегда. — После 4-дневной отлучки солдат Ларин догнал отряд в Шуше (см.: Рапорт С. И. Мазаровичу 6 октября 1819 г.).

Помимо Вагина, которого не смешиваю с другими. — Рассказ Вагина см. в «Путевых заметках» Грибоедова (Наст. изд. Т. 2. С. 313—314). Героем его повествования является хаджи мирза Мухаммад Нишапури Ахбари, один из лидеров направления ахбари (имамитов-двунадесятников) в шиизме. Персидские исторические источники, составленные в середине—второй половине XIX в. в Иране, единодушно говорят об увлечении мирзы Мухаммада Нишапури черной магией, ворожбой, колдовством и изготовлением амулетов с целью сведения счетов и наведения порчи (в исламе эти деяния входят в число пятидесяти смертных грехов). Риза-Кули-хан Хидайат указывает, что мирза Мухаммад Нишапури Ахбари был убит в Багдаде в 1232/1816—1817 г. (см. литогр. изд.: Раузат ас-сафа-йи Насири. Техран, 1271/1854—1855. Т. 9. С. 357). Указанную дату подтверждает рассказ Вагина, записанный Грибоедовым 10 августа 1819 г.

Змеиная скала — получила название от множества змей, на ней обитающих. См. о ней в «Путевых записках» Грибоедова (Наст. изд. Т. 2. С. 341, 609).

Шамир — Ш. Ф. Бегляров.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

6 октября 1819. Тифлис

Автограф: ГИМ (?)
Впервые опубликовано: Попова. С. 65—72.
Печатается по первой публикации.

Помета Мазаровича: «Recue le 16 octobre 1819» («Получено 16 октября 1819», *франц.*).

С. И. Мазарович писал Грибоедову в 1819 г.:

«Дорогой Грибоедов!

Третьего дня я получил ваше письмо за № 15, и я очень благодарен вам за все подробности, которые вы мне сообщаете о себе, о солдатах и обо мне. Из этих подробностей в окончательном итоге видно, что у вас прекрасная душа, что 80 ваших дезертиров должны будут почетным образом загладить свои вины перед родиной и что я виновен в том, что слишком рассчитывал на ум и находчивость других вместо того, чтобы придерживаться предписаний буквально.

О, дорогой Грибоедов, я хорошо вижу, что мы в административной части сильно отстали. Но я не решаюсь обсуждать с вами с этой точки зрения вопрос о наших солдатах и позвольте мне на этот счет лишь изложить свое убеждение. Вам прекрасно известна поспешность, с которой все произошло, и вы должны согласиться, что я едва имел время обдумать это дело лишь в главных чертах. Вы помните, конечно, что меньше чем за сутки ко мне перебежало 40 человек, а через 3 дня после нашего въезда в Тавриз в нашем распоряжении их было больше сотни. После такого прекрасного начала не должен ли я был ожидать наплыва всех здешних русских. Как часто и вы сами предавались тем же надеждам. Но зная по опыту малую сообразительность простых людей и недоверие, которое они имеют к оказываемым им иногда отличиям, — мог ли я начать иначе, чем начал? Одного слова не по вкусу кому-нибудь из них было бы достаточно, чтобы поселить среди всех сомнение, и мы, постоянно стесняемые тайными и коварными подвохами этого правительства, во что бы то ни стало должны были или удовлетворить решительно всех или со стыдом отказаться от выгод, которые сулило государству возвращение такого большого числа его заблудших детей. Это имя государства магически действует на всех граждан, и нам достаточно было его одного, чтобы заставить сделать из других и из себя все, что хотят. Раз это так, то я, как ревностный чиновник, должен был заботиться только о главном, т. е. о приобретении всех солдат и надеяться, что в Грузии или выше более или менее поддержат мой план и поведут дело таким образом, чтобы ни военная дисциплина, ни мое слово, ни надежда солдат не пострадали от принятых в этих обстоятельствах решений. Требовалась ли какая-нибудь чрезвычайная сообразительность, чтобы выполнить подобную вещь? Имею честь уверить вас, что нет; достаточно зная человеческое сердце, я утверждаю, что люди

могут сегодня быть очень довольны и удовлетворены тем условием, на которое еще вчера смотрели с большим страхом. Итак, вы видите, дорогой Грибоедов, что я мог пообещать вашему отряду много и что те, кто не будучи в силах выполнить мои обещания всецело, могли все же удовлетворить желание в значительной части, — вполне были в состоянии найти приличный выход в каждом отдельном случае, употребляя сначала строгий и суровый тон, с тем чтобы сменить его в конце на чувствительный и отеческий. Кажется, даже по официальным бумагам, которые у меня имеются, что исход дела складывался приблизительно в этом смысле, и что вашим солдатам дезертирам предстояла лишь простая необходимость сквитаться своим долгом перед родиной, мое же слово не выполнено только в том, что император не разрешает свободно выбрать себе образ жизни тем людям, которые после моих представлений ожидали получить эту льготу, но тем не менее их искренно простили, вернули им права гражданства и спокойствие совести, раздираемой угрызениями. Дорогой Грибоедов, я до сих пор не вижу никакой беды, кроме разве того, что мне не удалось обеспечить для ваших солдат все то благо, которое я поставил себе задачей, от которого они отказались бы добровольно, если бы только у нас захотели придти к убеждению, что солдат — это не просто машина. Во всяком случае, нужно было немножко сыграть комедию, и уверяю вас, что они были бы довольны. Я смеюсь, говоря вам это слово, потому что на этом свете невозможно быть чем-нибудь довольным.

Вы, по-видимому, находитесь теперь у уважаемого Ермолова. Его подвиги не мешают ему читать вас беспрестанно. Старайтесь для вашего благополучия устроиться при его превосходительстве, который с своей стороны также должен ценить вас, нуждаясь в талантливых людях; но, ради Бога, не играйте и не слишком сближайтесь с молодежью, потому что иначе я предсказываю вам, что вы переживете много дней и грустных, и бедственных.

Моя судьба все та же, следовательно, слишком плохая для того, чтобы у меня было желание приобщить вас к ней. Однако, если вы не имеете надежды на что-нибудь лучшее в Грузии, советую вам приехать ко мне возможно скорее. Наконец мой дом начинает представлять защиту от ветра и холода. Сегодня мне удалось вставить там окна. Ни слова не говорю вам о постройке, хотя и очень подвинувшейся; еще многое нужно доделать, прежде чем можно будет там поселиться. Я 9 дней болен воспалением головы и левого глаза, так что не страдаю только тогда, когда глотаю большими дозами опиум.

Уиллок отправился в Тегеран, Портер — в Константинополь, Гинджа вернулся из Шираза и кажется, что Кормик исполняет обязанности проконсула Компании в Тавризе. Мы все собрались вместе на праздник Мохаррем, и я очень жалею, что вы его пропустили. Этот праздник более театрален, чем все другие в Персии и поистине достоин вашего внимания. Особенно стоит познакомиться с ролью, которую играет здесь христианский посол. Этот господин, который упрекает калифа за его тиранию, грозит довести об этом до сведения своего двора и в конце концов по мановению неизвестно чьей руки и после нескольких слов, ясно произнесенных

отрубленной головой, находит необходимым обратиться в мусульманство, но вместе с тем погибает от сабли палача.

Таким образом, дорогой Грибоедов, в самом Тавризе не стесняются открыто насмехаться над нашей религией и над международным правом! Я вернулся домой, дрожа от негодования.

Мой брат беспрестанно вспоминает о вас, делает все, что может, чтобы научиться хотя бы немного логике Кондильяка. Он обнимает вас, говорит тысячу приветствий и ждет вас с нетерпением, потому что он не любит слышать, когда говорят, что возможно желать навсегда уехать из этого прекрасного местопребывания.

Я очень беспокоюсь о судьбе Амбургера. Кажется, что бедный молодой человек серьезно болен; желаю ему, столько же для него, как и для вас, совершенно поправиться перед возвращением сюда. Шемир вот уже 3 недели как вернулся. Шах отослал его очень скоро под предлогом утешить меня письмом, которое его величество прислало мне; письмо, правда, очень любезное, но совершенно не подходящее к обстоятельствам. Генерал без сомнения скажет вам о моих донесениях, и вы сможете узнать их содержание, плохие настают времена, однако я надеюсь, что Верещагин скоро будет освобожден из рук своих притеснителей. Две недели тому назад я сыграл одну штуку с шахом через посредство Абдул-Вашеба, который дал мне совершенно удовлетворительные известия. — Мазарович» (Попова. С. 90—94, перевод с франц.).

...бедствия... — Перед выводом русских пленных и дезертиров Мазарович получил заверение командования Отдельным Кавказским корпусом о том, что все они будут прощены. Об этом говорил солдатам и Грибоедов. Но по возвращении в Россию 80 из них были подвергнуты различным наказаниям. А. П. Ермолов 11 ноября 1819 г. писал по этому поводу Мазаровичу: «Секретарь миссии Грибоедов подробно объяснил мне, каких стоило вам затруднений возвратить в отечество взятых в плен и беглых солдат наших, и я, обязан будучи благодарить за освобождение их, должен с особенным уважением обратиться к твердости вашей, которою заставили вы персидское правительство склониться на справедливое требование ваше <...> При сем случае приятно мне заметить попечение Грибоедова о возвратившихся солдатах и не могу отказать ему в справедливой похвале за исполнение возложенного вами на него поручения, где благородным поведением своим вызвал он неблаговоление Аббас-Мирзы и даже грубости, в которых не менее благородно остановил его, дав ему уразуметь достоинство русского чиновника» (АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 219).

Серхенг Мехмет-Кули находится здесь... — О переходе Мехмет-Кули под покровительство России А. П. Ермолов писал 20 августа 1819 г. генерал-лейтенанту Вельяминову: «Весьма отяготительны казне подобные выбегающие, но невозможно отказать в покровительстве особенно людям известного происхождения, паче, когда персияне от нас принимают всех вообще перебегающих. Отказав одному, или выдав обратно, мы подвергли бы человека, просящего убежища, лютейшему наказанию и навсегда

пересекли бы путь и таковым людям, которые могут весьма быть нам полезны» (АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 217).

Елизаветпольский комендант — М. И. Пономарев.

...был схвачен человек с письмами Селим-хана... — После побега Селим-хана в Персию приказом генерал-майора Вельяминова от 27 июля 1819 г. было объявлено, что «если бы Селим-Хан осмелился появиться в ханстве, то стараться или схватить или истребить его» (АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 738).

Ларин пришел ко мне в Шушу. — Имеется в виду солдат, потерявшийся четверо суток назад (см. рапорт С. И. Мазаровичу от 11—13 сентября 1819а).

Бородачи — государственные деятели, сановники и религиозные авторитеты эпохи первых Каджаров, для которых длинная и ухоженная борода была знаком благородного происхождения, достоинства и высокого социального положения (ср.: русские бояре до Петра I). См. также: Наст. изд. Т. 2. С. 310—572.

П. А. КАТЕНИНУ

Февраль 1820. Тавриз

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: А. С. Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. 38—40.

Печатается по первой публикации.

Султанейская равнина. — Описание путешествия с шахом в Султанию см. в «Путевых заметках» Грибоедова (Наст. изд. Т. 2. С. 311—313, 570).

Лугат (*перс.*) — словарь «Lughat-i-edjnebiie» Ремзи-Гуссейна.

...в разговорах с товарищами. — Товарищ — ермоловское словечко. «Особую известность получили приказы Ермолова по корпусу, где он обращается к солдатам как к своим товарищам. „Немногие смели называть солдат товарищами“, — с гордостью писал он Давыдову. „Мои приказы иногда обращают внимание странностью своею, — замечал Ермолов в другом письме. — У меня солдат называется и другом и товарищем. У многих это не так“» (*Погодин М. П.* А. П. Ермолов. Материалы для его биографии. М., 1864. С. 290).

«Андромаха». — Трагедия Катенина «Андромаха» была начата в 1809 г. и закончена в 1818-м, но автор продолжал отделывать ее и в дальнейшем; в 1824 г. отрывок из нее был опубликован в «Русской Талии». В июле 1824 г. Грибоедов прослушал трагедию в чтении В. А. Каратыгина, в Петербурге. На сцене «Андромаха» была поставлена 3 февраля 1827 г., в этом же году вышла она в свет отдельным изданием.

Князь — А. А. Шаховской.

Катерина Ивановна — Е. И. Ежова.

Жандрик — А. А. Жандр.

Ион — возможно, Б. И. Ион.

Феогония — система древнегреческих легенд о происхождении богов. Вероятно, речь идет о славословиях Шаховскому, причем Грибоедов в шутку называет Чепегова «прозорливым», так как последний был подслеповат.

Гейнзиус и Гревиус — голландские купцы, упоминаемые в кн.: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788—1789. Ч. 1—9, 11, 12.

Шерасмин — искаженное французское обращение «cher ami» («дорогой друг», «милый друг»). Имеется в виду Амлих Названов.

Вот тебе арабский стих... — Далее приводится строка арабского поэта, известного под именем аль-Мутанабби (см.: *Крачковский И. Ю.* Арабская цитата в письме Грибоедова // *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения: В 6 т. М.; Л., 1955. Т. I. С. 159—160; *Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа...». М., 1990. С. 49; *Долинина А. А.* Вокруг одной арабской цитаты у А. С. Грибоедова // Россия и арабский мир. СПб., 1994. С. 78—85).

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

Февраль 1820. Табриз

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Попова. С. 74—75.
Печатается по автографу.

Помета Рыхлевского: «4 мая отвечал из Тифлиса».

Георгиевск — город на левом берегу реки Подкумка, в 1820 г. был губернским городом Терской области.

Василий Захарьич — неустановленное лицо.

Хорошенькая Ахвердова — вероятно, С. Ф. Ахвердова. Н. Н. Муравьев в своих записках отмечал: «Красота и воспитание Софьи Ахвердовой привлекали в дом ее множество гостей. Многие в нее влюблялись, но не приступали к женитьбе, опасаясь расстроенного состояния дел ее» (РА. 1889. № 4. С. 594). В Летописи называется Анна Андреевна Ахвердова, племянница П. Н. Ахвердовой (с. 34).

...все закричали, что у Маркиза Б. шишка на лбу. — То, что нарядившегося Грибоедова стали дразнить, заявляя, будто у него «шишка на лбу», вероятно, можно объяснить популярной в XIX в. шуткой о выскочившей на лице шишке. Так, персонаж народного театра Ерема смеется над «шишкой» некоего Карпа Силыча: «Вот и приятеля своего Карпа Силыча не узнал сразу. Гляжу — у него около глазу шишка с кокосовый орех форматом. Ну, говорю, быть тебе богатым, совсем узнать тебя нет силы. Где

это ты себе подсветил? Али на медведя ходил?» (Народный театр. М., 1991. С. 355). Шишка выскакивает в прибаутках зазывалы райка в Москве в 1883 г.: «Вот гуляет франт, сапоги в рант, брови колесом, шишки под носом» (*Конечный А. М.* Раёк в системе петербургской народной культуры // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 134). Учитывая консерватизм фольклорных формул, можно предположить, что народная шутка о «шишке» на лице комического персонажа бытовала и в первой трети XIX в. Очевидно, она была известна Гоголю. В повести «Записки сумасшедшего» крики Поприщина завершаются абсурдным завлением: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1938. С. 700). Это выражение стилистически близко к прибауткам балаганных дедов-остресловов. Первоначально в рукописи было: «А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?» (Там же. С. 214). Вероятно, по цензурным соображениям «фрацузского короля» Гоголь заменил на «алжирского дея», который часто упоминался в те годы на страницах «Северной пчелы» в связи с завоеванием Алжира французами в 1830—1834 гг. (Благодарим за сообщение С. В. Александрову).

Бедный Ир — нищий, персонаж 18-й песни «Одиссеи» Гомера.

Меня уведомляют, что состояние мое поправляется. — Об имущественном положении Грибоедова в это время см.: *Пиксанов Н. К.* Грибоедов и крепостные рабы: Исследования и характеристики. Л., 1934. С. 83—58.

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

Н. А. КАХОВСКОМУ

3 мая 1820. Табриз

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Сб. ОЛРС на 1891 год. С. 535—538.
Печатается по автографу.

...переступили за межу восточных абдеритов — т. е. вернулись в Россию. Каховский приезжал в Табриз по вопросам, связанным с установлением границы между Россией и Персией. *Абдериты* — жители г. Абдеры в древней Фракии; выведены в сатирическом романе Х. М. Виланда «Geschichte der Abderiten» сентиментальными, захолустными провинциалами, совершающими нелепые поступки. Об отражении творчества Виланда в «Горе от ума» см.: *Строганов М. В.* Об идейном составе «Горя от ума» // Проблемы творчества. С. 56—70.

Персияне пугали вас вооружением... — намек на эпизод во время переговоров касательно демаркации границы на Кавказе: персы угрожали вооружением горцев в тылу русских войск.

...неприступный status quo ad praesentum... — Грибоедов подразумевает общий принцип, на котором настаивали российские представители: границы остаются в том виде, как они существуют на настоящий момент, никаких территориальных уступок Персии.

Роман Иванович — Р. И. фон дер Ховен.

Бостон, асонас, vingt-un (двадцать одно) — карточные игры.

Симон — С. И. Мазарович.

Шахзада — Аббас-мирза.

Братья Коэфоры — Семен и Спиридон Мазаровичи.

На днях мы хоронили Кастальди. — В архивном деле имеются сведения, что «итальянский врач Кастальди прибыл в 1818 г. из Трапезонда в Тифлис для врачевания больных, а в 1819 г. бежал из Тифлиса в Персию» (ПССП. Т. 3. С. 314), там был принят на службу при поверенном в делах С. И. Мазаровиче, который, будучи по происхождению «венецианским дворянином», окружал себя итальянцами.

...от которого M<ada>me La Mariniére овдовела... — По воспоминаниям А. С. Гангеблова, знавшего ее в 1826 г., это была разбитная француженка «лет за сорок пять, живая, бойкая. По ее рассказам, она служила кем-то при дворе Элизы Боччиони, сестры Наполеона, знакома была с мадам де Сталь и играла с нею на любительских спектаклях; она перебывала почти во всех европейских столицах» (РА. 1886. № 6. С. 246—247; Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова. М., 1868. С. 162).

Халдейский язык. — В Библии халдейским языком назван вавилоно-арамейский диалект.

Несторияне, арияне, макарияне, манихейцы, преадамиты — различные религиозные секты.

...всякого зверя два, два... — Намек на «чистых» и «нечистых» животных в Ноевом ковчеге (Бытие, 6).

Рок недоведомый сюда его привел. — В ПССП (Т. 3) и во многих последующих публикациях — неверное чтение: «Рок неведомый сюда его привел» вместо *недоведомый* (*церк.-слав.*) — непостижимый. Впервые исправлено в кн.: *Грибоедов А. С.* Соч. в стихах. Л., 1987 (Б-ка поэта, БС).

...халат от отца получил... — т. е. был отмечен шахским вниманием — почетной одеждой.

Каймакам — мирза Бозорг.

Визирь — Абу-л-Касим Фарахани.

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

Алексей Александрович — А. А. Вельяминов.

Иван Александрович — И. А. Вельяминов.

Кабардашка — Ф. А. Бекович-Черкасский.

Фортепьян еще нет. — См. письмо П. А. Катенину (февраль 1820).

Н. А. КАХОВСКОМУ

25 июня 1820. Табриз

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Сб. ОЛРС на 1891 год. С. 538—539.
Печатается по автографу.

Роман Иванович — Р. И. фон дер Ховен.

Главнокомандующий — А. П. Ермолов.

...я ни за какие сокровища Оранг-Зеба... — Очевидно, Грибоедов напоминает о несметном богатстве Аурангзеба, покорившего сказочную Голконду с ее алмазными россыпями и владевшего бриллиантом, вес которого превышал 186 карат (см.: *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964. С. 27).

Аббас — Аббас-мирза.

Мазарович отстроил Palais de Russie великолепнейший. — См. письмо С. И. Мазаровича Грибоедову (1819).

Алексей Александрович — А. А. Вельяминов.

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

25 июня 1820. Табриз

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Попова. С. 76—81 (здесь же факсимиле).
Печатается по автографу.

Перед кем потушили фонарь? — По преданию, философ Диоген ходил днем с фонарем, говоря: «ищу человека». М. В. Строганов высказал предположение, что здесь Грибоедов следовал за трактовкой притчи о Диогене Ж.-Ж. Руссо в «Рассуждении о происхождении неравенства» (см.: Проблемы творчества. С. 57).

Главнокомандующий, Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

...и взываю с Иовом. — Грибоедов имеет в виду два дня своей жизни: 9 июня 1817 г., когда он был зачислен в Государственную Коллегию иностранных дел, и 14 июля 1818 г., когда был назначен в русскую миссию в Персии и получил чин титулярного советника.

Один с ума сошел... — Г. И. Эристов, по-видимому, был человеком с неуравновешенной психикой. Н. Н. Муравьев писал о нем в августе 1822 г.: «Человек сей отменно добр и честен, но столько же глуп и бестолков; он, говорят, был прежде храбр. Года три тому назад он сходил с ума и теперь еще не совсем поправился от сей болезни, пускается охотно в разговоры о духах, бесах и философии, не читав от роду никакой книги, так что трудно иногда удержаться от смеха при разговорах его» (РА. 1888. № 9. С. 45).

Другой (Пузыревский) пал от изменнической руки... — Пузыревский во время усмирения восстания в Имеретии был убит князем Кайхосро Гуриели, предательски завлекшим его в свой дом (см.: Записки А. П. Ермолова. М., 1969. Ч. 2. С. 118—120; АКАК. Т. 6. Ч. 1. С. 536, 539, 584).

Ахвердов от рук мирных... — Ф. И. Ахвердов умер в апреле 1820 г.

Племянница в Кизляре — А. А. Ахвердова.

...ниже одним чином не хочет вперед толкнуть... — А. П. Ермолов несколько раз ходатайствовал перед Государственной Коллегией ино-

странных дел о присвоении Грибоедову очередного чина. Первый раз — 18 октября 1819 г. (см.: *Мясоедова Н. Е.* Заметки о дипломатической деятельности А. С. Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 295—297).

Семен Иванович — С. И. Мазарович.

Н. А. КАХОВСКОМУ

19 октября 1820. Табриз

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Сб. ОЛРС на 1891 год. С. 539—540.
Печатается по автографу.

Валет (слуга) — Амлих Названов.
Главнокомандующий — А. П. Ермолов.
Елена Романовна — Е. Р. фон дер Ховен.
Роман Иванович — Р. И. фон дер Ховен.
Алексей Петрович — А. П. Ермолов.
Алексей Александрович — А. А. Вельяминов.

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

24 октября 1820. Табриз

Автограф: РГАЛИ (Ф. 136, А. С. Грибоедова. Оп. 1. Ед. хр. 406. Л. 1—1 об.).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 47—48. С. 225.
Печатается по автографу.

...первый Могилевский к нему не благоволит. — Н. Н. Муравьев в своих записках сообщает, что местные «беки доставляли себе русские чины через посредничество П. И. Могилевского, который собрал от них большие деньги за то и выхлопотал им большие жалования» (РА. 1886. Т. 3. № 10. С. 320).

Сергей Александрович Наумов — дежурный офицер в штабе Ермолова.

А. И. РЫХЛЕВСКОМУ

3 ноября 1820. Табриз

Автограф неизвестен.
Копия: ГЦТМ (Ф. 104. Д. 15).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 47—48. С. 226.
Печатается по копии.

...Самая высокая особа — вероятно, А. П. Ермолов.

НЕИЗВЕСТНОЙ

17 ноября 1820

Автограф неизвестен.

Копия: РГБ (Погодин. 3, 55. Л. 4).

Впервые опубликовано: Москвитянин. 1856. Т. 3. № 12, октябрь. С. 321—322.

Печатается по копии.

Помета: «Доставлено А. М. Гусевым».

Черновой набросок письма. О «пророческом сне», со слов Грибоедова, сообщал также Ф. В. Булгарин: «Будучи в Персии, в 1821 году, Грибоедов мечтал о Петербурге, о Москве, о своих друзьях, родных, о театре, который он любил страстно, и об артистах. Он лег спать в киоске, в саду, и видел сон, представивший ему любезное отечество, со всем, что осталось в нем милого для сердца. Ему снилось, что он в кругу друзей рассказывает о плане комедии, будто бы им написанной, и даже читает некоторые места из оной. Пробудившись, Грибоедов берет карандаш, бежит в сад и в ту же ночь начертывает план „Горя от ума" и сочиняет несколько сцен из первого акта» (Воспоминания 1980. С. 342). Год указан мемуаристом неточно. В целом же булгаринский рассказ заслуживает доверия. И тогда становится понятным, что драматург был перенесен в своем сновидении вовсе не в Тифлис, как обычно считается, а именно «в любезное отечество». О некоем *Поле*, владельце тифлисского ресторана, Грибоедов упоминал (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 322; Т. 3), но ему мог быть известен и другой Поль (возможно, Павел), тем более что из содержания письма становится ясным, что его адресат знаком с «дядей» (А. Ф. Грибоедовым), который был москвичом, но в 1815 г. проживал в Петербурге, скрываясь от кредиторов (см.: *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 11—12). Странным образом относя сцену, запечатленную в рассказе о сне, к Тифлису, комментаторы письма искали его адресата среди петербургских знакомых писателя. В качестве таковых назывались П. А. Катенин (см.: *Иващенко П. С.* А. С. Грибоедов как автор комедии «Горе от ума». Киев, 1895. С. 8) и А. А. Шаховской (см.: ПССШ. Т. 1. С. 366; ПССП. Т. 3. С. 315). Ср. рассуждения на этот счет В. П. Мещерякова: «Прежде всего необходимо установить, точно ли Шаховскому предназначалось это письмо. Н. К. Пиксанов, например, отметил некоторые моменты, дающие повод для сомнения в этом, хотя в конце концов пришел к выводу: „...из всех тогдашних литературных друзей Грибоедова оно ближе всего подходит к Шаховскому". Ученого смутили такие детали: „Поль с женою, — рассуждал он, — не может относиться к Катенину, так как он был холост; Шаховской был высокого роста; слово *ваша* может быть отнесено к жене или подруге кого угодно". Но ведь Грибоедов специально отметил, что все это происходит во сне, а во сне „величины искажаются" и факты могут предстать в иных комбинациях» (*Мещеряков В. П.* А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. Л., 1983. С. 30). Однако в письме Гри-

боедов прямо пишет, что он «выше гораздо» ростом своего адресата не во сне, а на самом деле. В сочетании с предыдущей фразой («щека у меня разгорелась») это позволяет предположить, что письмо адресовано женщине. Ср. с этим, как он описывал позже свое объяснение с Ниной Чавчавадзе: «...мы туда отклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись». Что касается «вашей» («ваша возле вас»), то речь могла идти о матери, наставнице, подруге. Следует также иметь в виду, что при изготовлении копии (автографа же письма не сохранилось) могло быть искажено слово «вашъ». Адресат письма, возможно, следует искать среди петербургских актрис, одной из которых Грибоедов некогда обещал написать нечто к ее бенефису (отсюда ее вопрос, не написал ли он что-нибудь для нее). Может быть, о ней же Грибоедов вспоминал в 1825 г., когда писал другу: «Любовь во второй раз, вместо чужих краев, определила мне киснуть между своими финнами». В целом же ситуация, описанная в письме, предвосхищает сцену бала в «Горе от ума» — вплоть до реплики Чацкого: «С сомненьем смотрите от ног до головы, / Неужли так меня три года изменили? » (Наст. изд. Т. 1. С. 72). В рассказе Софьи о ее придуманном сне первоначально также были строки:

Мы в комнате, в пустой, вдвоем,
Нам очень грустно, горько стало,
Тужили мы Бог ведает о чем...
(Наст. изд. Т. 1. С. 134).

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ (?)

Ноябрь 1820. Табриз

Автограф неизвестен.

Копия: РГБ (Погодин. 3,5. Л. 4). На обороте предыдущего письма к Неизвестной.

Впервые опубликовано: Москвитянин. 1856. Т. 3. № 12, октябрь. С. 322.

Печатается по копии.

Помета: «На обороте чернового письма А. С. Грибоедова от 17 ноября 1820 написано им собственноручно следующее».

...как говорит Ривароль... — А. Ривароль был признанным острословом.

...выставлять предлогом нездоровье... — «Нездоровье» Грибоедова было одним из доводов А. П. Ермолова, который 12 января 1822 г. ходатайствовал перед К. В. Нессельроде о переводе Грибоедова в Тифлис: «Секретарь миссии нашей при Тегеранской дворе тит<улярный> с<ветник> Грибоедов, на пути из Тавриза сюда имел несчастие переломать в двух местах руку и, не нашедши нужных в дороге пособий, должен был по необходимости обратиться к первому, который мог дать ему помощь, и оттого произошло, что по прибытии в Тифлис надлежало ему худо справ-

ленную руку переломить в другой раз. До сего времени почти не владея оною не может он обойтись без искусного врачевания и сих средств будучи совершенно лишенным в Персии, никак не может он туда отправиться. С сожалением должен я удалить его от занимаемого им места; но зная отличные способности сего молодого человека и его трудолюбие и желая воспользоваться приобретенными им в знании персидского языка успехами, я просить Ваше Сиятельство покорнейше честь имею определить его при мне *секретарем по иностранной части*, ибо по оной не состоит при мне ни одного чиновника и без такового в продолжении столького времени не без труда я обходился. Во-первых, пользование находящимися здесь минеральными водами возвратит ему здоровье и он, при наклонности его к изучению восточных языков, начав уже заниматься арабским языком, как основанием всех прочих, имея здесь все средства усовершенствовать свои познания, и что почитаю я главнейшим предметом, со временем Ваше Сиятельство можете препоручить ему заведение школы восточных языков, на что не щадите вы ни попечения, ни издержек, но по необходимости должны заимствоваться сведениями иноземцев, и что бесспрекословно полезнее вверять природным» (АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 255). См. об этом: *Мясоедова Н. Е.* Служебное дело Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 343—344.

Н. А. КАХОВСКОМУ

27 декабря 1820. Тавриз

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Сборник ОЛРС на 1891 год. С. 540.
Печатается по автографу.

Шамир — Ш. Ф. Бегляров.

Роман Иванович — Р. И. фон дер Ховен.

...переслать мой конверт матушке... — До нас не дошло ни одного письма Грибоедова к матери.

Т. ЭТЬЕ

Январь 1821. Тавриз

Автограф: РГБ (Ф. 622. Карт. 1. Ед. хр. 10).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 19—21. С. 149—150 (с факсимиле).
Печатается по автографу.

...очинить мне несколько перьев потоньше. — Внешне ничтожное содержание записки, находящееся в противоречии с тщательно выписанным титулом адресата, может свидетельствовать о наличии какого-то шифра, что допускает возможность получения работниками русской мис-

сии агентурных сведений от находившегося на службе у персов Этье (см.: ЛН. Т. 19—21. С. 152). Однако вряд ли была необходимость в шифрованной переписке между людьми, жившими рядом. Возможно, это просто намек на какие-либо похождения молодых людей (см.: Летопись. С. 160).

Т. ЭТЬЕ

14 августа 1821. Тавриз

Автограф: РГБ (Ф. 622. Карт. 1. Ед. хр. 10).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 19—21. С. 153—159 (с факсимиле).
Печатается по автографу.

Одолжите мне ненадолго ваш «Гюлистан». — Имеется в виду сочинение персидского поэта Мушриф-ад-Дина Саади, а не Гюлистанский договор, который Грибоедов называл всегда точно (см. письмо к С. И. Мазаровичу от 8 мая 1827 г.)

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

1 октября 1822 — январь 1823. Тифлис

Автограф: Частная коллекция И. С. Зильберштейна.
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 5. С. 168—170.
Факсимиле: ЛН. Т. 47—48. С. 163—166.
Печатается по факсимиле.

Сколько времени утекло! — Кюхельбекер выехал из Тифлиса 5 мая 1822 г. Причиной его отставки была дуэль с родственником А. П. Ермолова — Н. Н. Похвистневым, состоявшаяся 20 апреля 1822 г. Несмотря на то что она закончилась бескровно, Кюхельбекер был выслан из Грузии с отрицательным аттестатом, который не давал ему возможности поступить на какую-либо государственную службу.

Из последнего, от 22-го августа... — Письмо Кюхельбекера от 22 августа до нас не дошло.

Книга, прежде всех век изданная — Коран.

Эрут и Мерут были два ангела... — По мусульманскому преданию, Харут и Марут, обитая на небе, вместе с другими ангелами порицали людей за их греховную жизнь. Аллах же упрекал ангелов тем, что они не представляют себе, как бы они сами повели себя, оказавшись среди людей, окруженных плотскими соблазнами. Решив подвергнуть их испытанию, Аллах послал их на землю. Первой, кого Харут и Марут встретили на земле, была женщина по имени Зохра. Очарованные ее красотой, прекрасным голосом и чудной игрой на лютне, ангелы не вынесли искушения и начали грешить, как и все люди. Сметливая Зохра ловко выведала у них «божье слово», благодаря которому можно было вознестись на небо и

стать небожителем. Ангелы за свои бесстыдные поступки понесли наказание: Аллах заключил их в подземную темницу в Вавилонской башне (заключение Харут и Марут предпочли низвержению в ад), а Зохра была вознесена на небо и превращена в далекую планету Венеру, символом которой стала женщина, играющая на лютне.

Вымысел стоит Иксионова. — «Иксион, влюбившись в Геру, попытался совершить над ней насилие. Когда Гера известила об этом Зевса, тот решил удостовериться, так ли обстоит дело в действительности. Для этого он создал из облака некое подобие Геры и уложил его рядом с Иксионом. Но, когда Иксион стал хвалиться, что сошелся с Герой, Зевс привязал его к колесу и ветры понесли его вдоль поднебесья: таким было наказание, которому Зевс его подверг» (*Аполлодор.* Мифологическая библиотека. Э, I, 20). За посягательство на супругу Зевса Геру Иксион был навечно привязан богами к вращающемуся огненному колесу.

...тебе дано их обоих оправдать своими опытами. — Речь идет о какой-то неудачной любовной истории Кюхельбекера.

Теперь в поэтических моих занятиях ~ а людям — ничего; некому. — Эта фраза фототипически воспроизведена на с. 381 того номера «Русской старины», где было впервые напечатано письмо Грибоедова к Кюхельбекеру. Грибоедовская фраза здесь (отчасти также на с. 379) окружена подписями их друзей. Н. Е. Мясоедова расценила этот фототипический коллаж как реально существовавший «листок альбомного характера», который, по ее предположению, предназначался в октябре 1824 г. для ссыльного П. А. Катенина (см.: РЛ. 1994. № 1. С. 144). На самом деле лица, чьи автографы воспроизведены в данном случае, не могли участвовать в коллективном «адресе» уже потому, что некоторые из них проживали не в Петербурге. В напечатанных в «Русской старине» (1875, № 13) письмах к В. К. Кюхельбекеру (см.: с. 359, 361, 365, 369, 371, 372, 377, 378) мы находим все фрагменты, ниже сведенные в фототипическом коллаже: «Н. Гнедич», «ваш Жуковский», «Не забывай твоего верного Одоевского», «Твой верный друг Егор Энгельгардт», «Твой Плетнев», «Баратынский», «Твой Дельвиг», «Степан Бегичев» (корректная трактовка фототипии из «Русской старины» принадлежит В. А. Кошелеву).

Первые сцены «Горя от ума» были сочинены Грибоедовым в Тифлисе и читались автором Кюхельбекеру. В своем «Дневнике» Кюхельбекер записал: «Грибоедов писал „Горе от ума" почти при мне, по крайней мере, мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано» (*Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 227).

Анна Атаровна — А. О. Симонич.

Грека, рыцаря промышленности, выгнали от Ахвердовых... — Здесь упомянут В. Е. Севиньи, знакомый П. Н. Ахвердовой, о котором Н. Н. Муравьев писал: «Грек Севиньи, плут скаредный и обманщик, который говорил хорошо по-французски и обольстил старуху до такой степени, что она обручила за него Сонюшку, когда ей было только 12 лет; но подложные письма его и все поведение были открыты Грибоедовым, который в сем случае поступил по-рыцарски: он изгнал его из круга дома сего. Севиньи

скоро уехал в Россию, где обнаружил себя фальшивыми паспортами и кражею» (Воспоминания 1980. С. 52); «...родом грек, по имени Севинис, который стал всем известен славным воровством известной в мире жемчужины, сделанным им года четыре тому назад в Москве у купца Зосимы. Человек сей, пришелец из неизвестного отечества, прибыл в Грузию, распустил великолепные слухи о происхождении своем и богатствах своих, подложными письмами обольстил Прасковью Николаевну Ахвердову и сделался женихом Сонюшки Ахвердовой, но был через несколько времени изобличен в плутовстве своем Грибоедовым, который выгнал его из Тифлиса, прекратил связь его с домом Ахвердовых и тем приобрел неограниченную доверенность Прасковьи Николаевны» (Там же. С. 55).

...Митихарбаш Бебутов. — И. В. Бебутов умер 8 августа 1822 г.

...это третье путешествие с тех пор, как мы расстались. — Весной 1822 г. попечению Грибоедова был поручен англичанин Мартин, прибывший из Тавриза в Тифлис «из любопытства». В июне 1822 г. Грибоедов был спутником в поездке по Кахетии Роберта Лайолла, описавшего ее в книге: *Lyall R.* Travels in Russia, the Krimes, the Caucasus and the Georgia: In 2 v. London, 1825 (см.: *Полиевктов М. А.* Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830. Тбилиси, 1946. С. 118—121).

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

Амлих — А. Названов.

Ю. К. ГЛИНКЕ

26 января 1823. Тифлис

Автограф: ГИМ (Собр. Щукина. Ед. хр. 4).
Впервые опубликовано: РС. 1875. № 7. С. 344—345.
Печатается по автографу.

Преследуемый несчастьем... — Имеются в виду сложности устройства В. К. Кюхельбекера на государственную службу, возникшие после чтения лекций в Париже и дуэли с Н. Н. Похвисневым на Кавказе.

...в деревне, в Смоленской губернии... — В имении Ю. К. Глинки в селе Закуп Духовщинского уезда Смоленской губернии В. К. Кюхельбекер не раз отдыхал от своих странствий.

...еще несколько дней, и я покину этот город... — Грибоедов выехал из Тифлиса в Москву 20 февраля 1823 г.

...в списке изгнанников ~ имя К<атенина>... — 7 ноября 1822 г. П. А. Катенин был сослан в свою костромскую деревню за «неприличный поступок» в театре. Истинной причиной ссылки была его политическая неблагонадежность.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

26 января 1823. Тифлис

Автограф: ГИМ (Ф. 251. № 14).
Впервые опубликовано: Звенья. Т. 1. С. 33.

Печатается по автографу.

Помета Муравьева: «Пол<учено> 28 января».

Назначьте мне, кому я должен буду сдать их с рук на руки... — Посредником оказался Григорий Бебутов. Письма его к Н. Н. Муравьеву были обнаружены П. С. Красновым в ГИМ и в сокращении опубликованы в журн. «Музыкальная жизнь» (1971. № 22. С. 17). Приводим полностью по копии П. С. Краснова письмо от 1 февраля 1823 г., посланное из Тифлиса: «Милостивый государь Николай Николаевич! После отъезда вашего из Тифлиса, узнав, что Грибоедов не скоро поедет, я оставлял неисполненным вашего поручения, как и вами мне было о сем сказано, зная, что до самого своего отъезда Грибоедов не продаст своего фортепиано. — По получении же письма вашего я, поговоря с Иваном Ивановичем Клименко, решился идти к Грибоедову для узнания цены фортепиано и того, что скоро ли он намерен ехать, который, как только увидев меня, сказал, что я пришел к нему, верно, для покупки фортепиано и потом объявил мне цену 2000 р<ублей> ассигнациями, не упоминая за перевозку нового инструмента, говорил также, что он скоро намерен ехать. Впрочем, не знаю! поедет ли он? — Для доставления ассигнаций употреблю все деньги Якшимамеда, у меня хранящиеся, а остальные я достану. Ассигнация теперь дорога: за 2000 р<ублей> требуется 48 р<ублей> серебр<ом> промену, что на серебро составит 548 р<ублей>; деньги заплачены будут не прежде, как по уложении и взятии инструмента. Без того, что вы имеете с Василием счет, я готов на век к услугам вашим. — Грибоедов обещался уложить <инструмент> при мне по выздоровлении своем и по заготовлении ящика. Между тем я попросил Соколовского, чтобы при нем было уложено. — По взятии же инструмента к себе и исполнении всего того, как вами мне говорено, я уведомлю вас особо. — Кн. Григорий Бебутов». На письме пометa: «Получ<ено> 2 февраля».

Василий — В. О. Бебутов.

...наигрывайте шумные каденцы — каденция (каданс) — окончание музыкальной пьесы, построенное на определенных ритмических и гармонических правилах.

П. Н. ЕРМОЛОВУ

15 февраля 1823. Тифлис

Автограф: ГИМ (Ф. 93. № 896).
Впервые опубликовано: Попова. С. 81—86.
Печатается по автографу.

...я еще в Тифлисе... — Грибоедов выехал из Тифлиса 20 февраля 1823 г.

Книги мои тоже уже упакованы... — Свои книги Грибоедов передал на хранение Р. И. фон дер Ховену, гражданскому губернатору Тифлиса, который через год 9 февраля 1824 г. обратился в письме к В. К. Кюхельбекеру с вопросом: «Что делает Грибоедов? — сказывают: он пускается за границу искать премудрости. Желаю ему в сём лучший успех, нежели в искании золотого руна за Кавказом. Ежели его увидите, сделайте одолжение спросить его, что прикажет делать с сундуками своими, заключенными у меня на чердаке. Он ни к кому не пишет: знак, что ему хорошо жить» (РС. 1888. № 11. С. 328).

Конечно, уже не Мадатов. — Грибоедов намекает на личную имущественную заинтересованность В. Г. Мадатова, уроженца Карабаха.

Н. Н. МУРАВЬЕВУ

16 февраля 1823. Тифлис

Автограф: ГИМ (Ф. 251. № 14).
Впервые опубликовано: Звенья. Т. 1. С. 33—34.
Печатается по автографу.

Помета Н. Н. Муравьева: «Пол<учено> 18 февраля».

Фортепияно уложено... — 17 февраля 1823 г. князь Г. Бебутов писал из Тифлиса Н. Н. Муравьеву: «И так фортепиано снесено ко мне во всей целости. Грибоедов сверх требуемых за инструмент 2000 р<ублей> взял еще 100 р<ублей> за ящик, всего 2100 р<ублей> ассигнациями. Оно уложено как можно бережливо со всеми своими принадлежностями, деньги тотчас же были мною ему заплачены. — Нотов же Грибоедов не дал, сказывая, что они ему не принадлежат. — Сукно, в котором инструмент завернут, должно ему возвратить. — Я весьма рад и доволен собою, что мог порученность вашу исполнить во всей точности: фортепиано теперь у меня поставлено в сухое место и будет храниться в целости до доставления оного в Башкечет. Если угодно вам, Николай Николаевич, то пришлю вам вместе с инструментом, когда он доставляться будет в Башкечет, того самого плотника, который уложил оное, так как он теперь знает, какие винты к какому месту принадлежат. — Пред сим я имел честь получить письмо ваше с 2-мя еще другими письмами, кои после получения отправлены по принадлежности. — К<нязь> Григорий Бебутов». На письме помета: «Пол<учено> 18 февр< аля>». (Печатается по копиии П. С. Краснова, автограф — ГИМ. В сокращении опубликовано: Музыкальная жизнь. 1971. № 22. С. 17.)

...досталось фортепияно ~ любителю искусства... — Н. Н. Муравьев, по свидетельству Э. В. Бриммера, был «очень хороший музыкант, игравший на разных инструментах». Бриммер видел его играющим «на фортепиано, на флейте, в хоре музыкантов с волторною и с почтовым рожком в руках» (Кавказский сборник. Т. 15. С. 132—133). В своих записках Муравьев отмечал: «Имея прекрасное фортепиано, купленное у Гри-

боедова, я посвящаю на оное в первые пять дней недели по одному часу в день» (РА. 1888. № 10. С. 194).

...для установки инструмента... — О том, как перевозился инструмент к Н. Н. Муравьеву, сообщается в письме Г. Бебутова от 24 февраля 1823 г.: «Милостивый государь Николай Николаевич! Письмо ваше за № 3-м имел честь получить, все писанное исполнено во всей точности, фортепиано было увязано на повозке в доме нашем при подпоручике Клименко, как можно аккуратно и отправлено к вам с унтер-офицером Едишевским, и поелику я, зная от Грибоедова, как их ставить на повозку, и оно было со всем уложено, то за нужное не почел беспокоить Соколовского, а Грибоедова нет здесь, он уже пятый день как уехал, а потому и письмо ваше к нему при сем же возвращается к вам же... — Если успею сегодня с сим же подателем отправлю и плотника немца, который просит в день по 1 р<ублю> сереб<ром> сверх прогонов, следуемых за одну лошадь до Башкечет и обратно, кроме сказанного немца, я думаю, ни унтер-офицер, ниже другой, может их собрать, при отъезде же своем Грибоедов говорил мне отправить непременно с инструментом упомянутого немца. — К<нязь> Григорий Бебутов». На письме помета: «Получ<ено> 26 февр<аля>». (Печатается по копии П. С. Краснова. Автограф — ГИМ).

Н. Н. ПОХВИСНЕВУ

5 мая 1822 — 19 февраля 1823. Тифлис

Автограф: ГИМ (Собр. Щукина. № 213).
Впервые опубликовано: Щук. сб. С. 163.
Печатается по автографу.

Обоснование датировки см.: *Краснов П. С.* Две записки А. С. Грибоедова // РЛ. 1979. № 3. С. 148—149.

...прошлогоднего «Вестника»... — В журнале «Вестник Европы» в 1814 г. были опубликованы первые статьи Грибоедова «Письмо из Бреста-Литовского к издателю» и «О кавалерийских резервах». Редактором журнала в то время был В. В. Измайлов. После того как редакторское кресло занял М. Т. Каченовский, журнал резко изменил свою идейно-художественную направленность, выступая против П. А. Вяземского, А. С. Пушкина и др. Вполне естественно, что, собираясь в отпуск, Грибоедов захотел ознакомиться со всеми номерами журнала за 1822 г. и первым номером журнала за 1823 г.

А. И. КОЛЕЧИЦКОЙ

Март 1823 — май 1824. Москва0

Автограф: ИРЛИ (Р. I. Оп. 5. № 516).
Впервые опубликовано: Воспоминания 1980. С. 350—351 (в переводе).

Печатается по автографу.

Датируется по водяному знаку «182...», на последней цифре лист оборван. С А. И. Колечицкой Грибоедов мог встречаться во время пребывания в Москве после возвращения из Тифлиса.

Т. ЭТЬЕ

Конец марта 1823. Москва

Автограф: РГБ (Ф. 622. Карт. 1. Ед. хр. 10).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 19—21. С. 169 (с факсимиле).
Печатается по автографу.

...я возвратился в Москву... — Грибоедов возвратился в Москву в конце марта 1823 г.

...вы очень меня обяжете, приехав ко мне... — Проект транзитной торговли встретил на своем пути значительные препятствия. Чиновники на местах стремились увеличить за счет дополнительных поборов величину пошлины, что снижало как прибыль от предприятия, так и интерес к нему его организаторов. Французский консул Гамба обратился с жалобой, представленной через Грибоедова А. П. Ермолову, однако эффект от нее был незначительный. Очевидно, эти вопросы обсуждались Грибоедовым и Этье.

Т. ЭТЬЕ

19 мая 1823. Москва

Автограф: РГБ (Ф. 622. Карт. 1. Ед. хр. 10).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 19—21. С. 161 (с факсимиле).
Печатается по автографу.

...приходите ко мне отобедать со Всеволожским... — Встреча эта, вероятно, положила начало коммерческим планам торговли с Персией. Отношения между Всеволожским и Этье сложились дружеские. На свадебном контракте Т. Этье от 14 апреля1824 г. (Этье женился на Анне-Франсуазе Корде — сестре домохозяина, у которого он квартировал) стоят подписи свидетелей — Александра Грибоедова и Александра Всеволожского.

Всеволожский — А. В. Всеволожский. В отличие от Грибоедова и Этье семейство Всеволожских располагало значительными финансовыми средствами. Недалеко от Астрахани оно имело огромное имение. Развитию же транзитной торговли мешало неблагоустройство транспортных путей по Волге и отсутствие порта в Астрахани (построен только в 1826 г.). Несмотря на трудности предприятия, уже первые результаты

доставки европейских товаров в Тифлис через Редут-Кале произвели переворот в закавказской торговле (см.: Ениколопов. С. 155).

Т. ЭТЬЕ

10 июля 1823. Москва

Автограф: РГБ (Ф. 622. Карт. 1. Ед. хр. 10).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 19—21. С. 157 (с факсимиле).
Печатается по автографу.

Автограф представляет собой приписку Грибоедова на записке А. В. Всеволожского.

А. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ

8 августа 1823. Село Лакотцы Ефремовского уезда Тульской губернии

Автограф: РГАЛИ (Ф. 652. Оп. 1. Д. 130).
Впервые опубликовано: ПССШ. Т. 1. С. 164.
Печатается по автографу.

...не поспею к тебе в Нижний... — Грибоедов намеревался приехать на Макарьевскую ярмарку.

Коммерческие наши замыслы — планы транзитной торговли с Персией (см. записки к Т. Этье конца марта — 10 июля 1823 г.).

Сговоримся в Москве ~ взаимная польза соединит нас... — К данным планам был привлечен и Н. В. Всеволожский, наравне с братом Александром владевший большим состоянием. Он был знаком с Т. Этье и писал ему 13 января 1826 г., направляясь в Астрахань: «Вы пишете мне о Грибоедове <...> я буду рад исполнить это поручение, тем более, что я вскоре смогу оказаться довольно близко от него. Считаю долгом сообщить вам, что я все еще настаиваю на мысли осуществить наш план торговли с Персией» (ЛН. Т. 19—21. С. 170).

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Сентябрь 1823. Москва

Автограф: РНБ (Ф. 539. Оп. 11. Ед. хр. 444).
Впервые опубликовано: РА. 1864. № 7—8. С. 808.
Печатается по автографу.

Присланные Грибоедову произведения Одоевского были, вероятно, «Письма к Лужницкому старцу» («Странный человек», «Похвальное слово невежеству», «Дни досад»), где сатирически изображены московские

нравы. При публикации записки Одоевский сделал примечание: «Здесь речь идет об отдельных оттисках первых опытов кн. В. Ф. Одоевского, печатавшихся в „Вестнике Европы“ 1822—1823 годов под псевдонимами; прочитав их, А. С. Грибоедов старался узнать, кто их сочинитель. Это дало повод к ближайшему знакомству, а потом и дружбе между обоими, никогда не изменявшейся, независимо от их родства, впрочем довольно дальнего» (РА. 1864. № 7—8. Стлб. 807). Е. П. Соковнина отмечает, что Одоевский был знаком с С. Н. Бегичевым и посещал его дом, когда там гостил Грибоедов (ИВ. 1889. № 3. С. 672).

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Осень 1823. Москва

Автограф: РНБ (Ф. 539. Оп. 11. Ед. хр. 444).
Впервые опубликовано: РА. 1864. № 7—8. С. 809.
Печатается по автографу.

Об этом письме Одоевский заметил: «Писано в Москве (1823—1824); ода, о которой здесь говорится, было стихотворение А. И. Писарева, тогда только начинавшего писать; он был моим школьным товарищем» (РА. 1864. № 7—8. Стлб. 809). Одоевский и Писарев учились вместе в Благородном пансионе. Вероятно, имеется в виду «Дифирамб на бессмертие души», перевод написанного для М. Робеспьера стихотворения Ж. Делиля.

Александр — А. Д. Грибов. О своеобразных отношениях, установившихся между ним и Грибоедовым, вспоминал П. А. Каратыгин (см.: Воспоминания 1980. С. 109—111).

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

Осень 1823. Москва

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 1. С. 142—143.
Печатается по первой публикации.

Калайдович — книга: *Калайдович К. Ф.* Памятники Российской словесности XII века. М., 1821.

Арцибашев — книга: *Арцыбашев Н. С.* О первобытной России и ее жителях. СПб., 1809.

...возле тебя в книжной лавке... — По-видимому, речь идет о книжной лавке Эльтцера (Старогазетный переулок, 69, Тверская часть), которая была ближе всех к дому Одоевского (Газетный переулок).

Гесс де Кальве — книга: Теория музыки, или Рассуждения о сем искусстве и пр. Соч. Густава Гесс де-Кальве / Перевод Разумник-Гонорско-

го: В 2 ч. Харьков, 1818. Примечание Одоевского: «Музыка могла быть одним из поводов к дружескому сближению между кн. Одоевским и Грибоедовым. Сестра Грибоедова Мария Сергеевна (впоследствии Дурново) превосходно играла на фортепиано и в особенности на арфе. Часто в доме Грибоедовых (под Новинским) устраивались музыкальные кружки. Сам Грибоедов был отличный фортепьянист, — но сверх того они с кн. В. Ф. Одоевским занимались и теориею музыки, как науки, что в то время было большой редкостью; над ними общие приятели тогда посмеивались; даже в этом кружке было присловье: „Уж как Грибоедов с Одоевским заговорят о музыке, то пиши пропало; ничего не поймешь". Грибоедов был ученик <...> знаменитого петербургского гармониста Иоганна Миллера» (РА. 1864. № 7—8. С. 810).

Успенский — книга: *Успенский Гавриил.* Опыт повествования о древностях Русских. Харьков, 1811 и 1818. Одоевский сделал к этому следующее примечание: «Грибоедов был большой знаток нашей старины и едва ли не один из тогдашних литераторов (в собственном смысле этого слова) прилежно занимался русскими древностями. Летопись Нестора была его настольною книгою. Этим постоянным чтением Грибоедов приобрел необыкновенную в то время чистоту языка и те смелые русские идиотизмы (идиомы. — *Ред.*), которыми отличается слог его» (РА. 1864. № 7—8. С. 810).

М. С. ГРИБОЕДОВОЙ

Конец сентября—не позднее 17 декабря 1823. Москва

Автограф: РГАЛИ (Ф. 136. Оп. 3. № 8).
Впервые опубликовано: Звезда. 1941. № 1. С. 126.
Печатается по автографу.

...Плод моей бессонницы — стихотворение «Давид» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 221—223).

Пошли ~ Кюхельбекеру. — В. К. Кюхельбекер в это время был учителем русского языка в женском пансионе Кистера; он поддерживал дружеские отношения с М. С. Грибоедовой. Еще до приезда Грибоедова он побывал у нее и 13 августа писал сестре Юлии Карловне Кюхельбекер: «Вчера я обедал у Марии Сергеевны Грибоедовой: ее матери нет в Москве; она где-то в Костромской деревне». Несколько ранее, 3 августа, он сожалел, что Грибоедов уехал из Москвы накануне его приезда (Звезда. 1941. № 1. С. 126).

А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

Декабрь 1823. Москва

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 151.

Печатается по тексту первой публикации.

...по твоему вызову. — Речь идет о каком-то любительском концерте, на котором, видимо, предполагалось исполнение романса Верстовского на стихи Пушкина «Черная шаль». Е. П. Соковнина об этом времени вспоминала: «Часто оживлял общество весельчак А. Н. Верстовский, который тогда написал знаменитый свой романс „Черная шаль" и певал его с особенным выражением, своим небольшим баритоном, аккомпанируемый Грибоедовым» (Воспоминания 1980. С. 95). В своих воспоминаниях Верстовский уточняет, что именно Грибоедов посоветовал ему «назвать музыку „Черной шали" кантатою», «отдать ее на сцену и поставить в картинном положении» (Там же. С. 365—366).

А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

Декабрь 1823. Москва

Автограф: ГЦТМ (157308/112).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 151—152.
Печатается по автографу.

В записке речь идет об опере-водевиле «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (Наст. изд. Т. 2. С. 158—192). В авторизованном списке водевиля сохранилась соответствующая правка текста куплетов «Бар и красавиц все бранят...».

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 мая 1824. Москва

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: Ост. арх. Т. 5. Вып. 2. С. 152.
Печатается по тексту первой публикации.

Можно предположить, что письмо, скорее всего, написано в понедельник 11 мая 1824 г., т. е. за два дня до получения записки Вяземского: «Вот Дамский журнал. Приезжайте к нам сегодня обедать, любезнейший Александр Сергеевич.

Цып! Цып! сердитые малютки,
Вам злиться, право, не под стать,
Скажите, стоило ль из шутки
И визг такой и крик поднять?
Напрасна ваших сил утрата,
И то со смехом все глядят,
Как раздраженные цыплята
Распетушились не в попад.

Вот мой гостинец нашим близнецам. Середа» (*Эйдельман Н. Я.* Записка П. А. Вяземского А. С. Грибоедову // РЛ. 1972. № 2. С. 126—128).

Эпиграмма «Цып! Цып! сердитые малютки...» связана с общей борьбой Вяземского и Грибоедова против «журнальных близнецов» М. А. Дмитриева и А. И. Писарева. Очевидно, записка была послана через несколько дней после выхода «Дамского журнала» со статьей Вяземского «Мое последнее слово» (ценз. разр. 7 мая 1824 г.). В это же время вышел и восьмой номер «Вестника Европы», содержащий новые нападки Дмитриева и Писарева на Вяземского и Пушкина (ценз. разр. 7 мая). Поэтому эпиграмма Вяземского — новый «гостинец нашим близнецам», которым ему не терпится поделиться с Грибоедовым, хотя тот должен уже вечером обедать у Вяземских. В мае 1824 г. (после 7 мая) среда выпадала на 13, 20 и 27-е числа. 13 мая представляется наиболее подходящей датой, так как только что вышел «Дамский журнал» и только что прочитан «Вестник Европы».

Когда в конце мая В. Ф. Вяземская доставила Пушкину в Одессу письмо Вяземского с эпиграммой «Цып! Цып! сердитые малютки...», поэт ответил: «Письма твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется ты успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц. Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *писк*. Впрочем она прелестна» (*Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 13. 1937. С. 96). Пушкин имел в виду эпиграмму Грибоедова о «холопах Вестника Европы» — «Надпись к портретам сочинителя Михайлы Дмитриева и переводчика Писарева» («И сочиняют — врут, и переводят — врут...» — Наст. изд. Т. 2. С. 223).

...а я в Петербург. — Грибоедов выехал из Москвы в Петербург 28 мая 1824 г.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

10 июня 1824. С.-Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 281. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 15—17.
Печатается по автографу.

...к неожиданной тайне моего отъезда... — Имеется в виду, очевидно, донос Ф. Ф. Кокошкина московскому генерал-губернатору о том, будто «Горе от ума» «есть прямой пасквиль на Москву» (РА. 1874. № 1. Стлб. 1562). Возможно, «этим объясняется отъезд Грибоедова в Петербург и его активное стремление издать там «Горе от ума» при поддержке знакомых из правительственных кругов» (Летопись. С. 164).

На первой станции нашел я портрет Дениса В<асильевича> Давыдова. — После войны 1812 г. особой популярностью пользовались лубочные картинки: портреты Кутузова, атамана Платова и партизана Давыдова. Портрет Дениса Давыдова воспроизведен в сборнике: Русские

народные картинки / Собрал и описал Д. Равинский. Кн. 5. СПб., 1881. С. 294.

Игрок Реньяра. — Имеется в виду комедия Ж.-Ф. Реньяра «Игрок», в переводе В. Л. Пушкина она в 1817 г. шла на петербургской сцене, а в 1823 г. — на московской.

Человек, которого мы все любим, Лев — Л. В. Давыдов.

Манускрипт — рукопись комедии «Горе от ума».

С Самойловым видаюсь... — Н. А. Самойлов в 1821 г. вернулся с Кавказа, где в течение трех лет был адъютантом А. П. Ермолова, в чине штабс-капитана до получения должности императорского флигель-адъютанта.

...об отпуске моем и позволении ехать в чужие краи... — Вопрос о том, с сохранением или без сохранения жалованья предоставлялся Грибоедову отпуск, был решен значительно позднее. Отказ правительства выплатить денежное содержание был для него неожиданным и неприемлемым. Поэтому не осуществилась столь желанная для него поездка за границу.

Лицо всех их поважнее гораздо чином — возможно, К. К. Родофиникин.

В. С. Ланской, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, старался «быть более призраком министра, чем настоящим министром», «всеми делами заправляли его подчиненные, каждый — по своей части, без всякого единства. За всех бодрствовал один, всем ненавистный, Аракчеев» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. Ч. 7. М., 1892. С. 100).

Александр Семенович — А. С. Шишков.

Вчера я видел у Паскевича великого князя Никол<ая> Павл<овича>. — И. Ф. Паскевич в чине генерал-адъютанта был его наставником.

Анна Ивановна — А. И. Бегичева.

Никита — Н. В. Всеволожский.

Александр — А. В. Всеволожский.

Александр — А. И. Одоевский.

Мухановы — братья Н. А. и А. А. Мухановы.

...живу я у Демута... — Речь идет об известной гостинице на Мойке, недалеко от Невского проспекта, основанной Я.-Ф. Демутом (совр. адрес: наб. р. Мойки, 40).

Царское — т. е. Царское Село, куда Грибоедов ездил для встречи с Н. М. Карамзиным (см. письмо П. А. Вяземскому от 21 июня 1824 г.).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

27 июня 1824. С.-Петербург

Автограф: РГАЛИ (Ф. 195, Вяземских. Оп. 1. Ед. хр. 1783).
Впервые опубликовано: Литературная газета. 1945. № 3.
Печатается по автографу.

...на мою комедию не надейтесь, ей нет пропуску... — Комедия «Горе от ума» была запрещена цензурой и к печати, и к постановке на сцене.

12 июля 1824 г. В. А. Каратыгин писал П. А. Катенину о Грибоедове: «Он теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии „Горе от ума", которой вряд ли быть пропущенной» (РА. 1871. Стлб. 242).

...вы ее на днях получите. — Обещанный список «Горя от ума» Грибоедов, по-видимому, послал Вяземскому только в 1825 г., так как хранившийся в библиотеке Вяземского список изготовлен на бумаге 1825 г., притом — в окончательной «Жандровской» редакции, которая, как установил Н. К. Пиксанов, «появилась не раньше осени 1824 г.» («Горе от ума». Комедия А. С. Грибоедова. Текст Жандровской рукописи. М., 1912. С. LVII; Летопись. С. 188—189).

Серпуховские поля — имение Вяземских Остафьево в Серпуховском уезде Московской губернии.

...я посвятил ему целый день... — 10 июня 1824 г. (см. письмо к С. Н. Бегичеву от 10 июня 1824 г.).

Тургеневу переслал ваше письмо. — Вяземский писал А. И. Тургеневу 22 июня 1824 г.: «Познакомься с Грибоедовым: он с большим дарованием и пылом». 1 июля Тургенев отвечал: «Грибоедова еще не видел», а 20 октября сообщал уже о нем как о лице знакомом: «Письма твои князю Волконскому, Жуковскому и Грибоедову доставил» (Ост. арх. Т. 3. С. 56, 57, 84).

В Английском клубе здесь... — Английский клуб с 1813 по 1830 г. помещался в доме Таля на Мойке (ныне д. 58).

...перекройкой «Бахчисарайского фонтана». — Романтическая трилогия (в 5 действиях) А. А. Шаховского «Керим Гирей, крымский хан». Премьера в Петербурге состоялась 28 сентября 1825 г.

...у него и галстук повязан экзаметром... — Н. И. Гнедич в это время был занят переводом «Илиады» Гомера.

Поэма Фердусия — «Шахнаме» Фирдоуси.

Домбровский — книга: *Домбровский И.* Institutiones Linguae Slavicae.

Клапротову «Азию Полиглотту». — Имеется в виду книга: *Klaproth Julius.* Asia polyglotta. Von Julius Klaproth. Paris, 1823.

Параграф для показания Jullien. — Записка Вяземского к М.-А. Жульену должна была послужить Грибоедову рекомендательным письмом. Поездка Грибоедова не состоялась (см.: ЛН. Т. 47—48. С. 238—239).

П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

11 июля 1824. Петербург

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Ост. арх. Т. 5. Вып. 2. С. 152—153.

Печатается по тексту первой публикации.

...Вольтера, роль, в которой он необыкновенно хорош... — Речь идет о пьесе А. А. Шаховского «Ты и Вы, Вольтерово послание, или Шестьдесят лет антракта. Анекдотическая комедия в 2-х действиях с интермедией, представляющей Сен-Жерменскую ярмарку». Премьера в Петербурге со-

стоялась 23 января 1824 г. «Самое блестящее разнообразие игры Сосницкого оказалось в комедии князя Шаховского: „Шестьдесят лет антракта". Это были две сцены из жизни Вольтера. В первой он, будучи 20 лет, успехом своего „Эдипа" возбудил к себе любовь одной дамы, а падением „Марианны" получил отказ. Во второй — 80-тилетний старик, видится еще с развалинами первой любви своей, — и получает венок от публики за свою старческую трагедию „Ирену". Сосницкий играл Вольтера, и, конечно, сам Фернейский философ позавидовал бы своей копии. До того он был прекрасно представлен. Это было одно из лучших торжеств великого актера» (Биография И. И. Сосницкого. СПб., 1861. С. 11—12). О пьесе «Ты и Вы» см. статью: *Мясоедова Н. Е.* Русская пьеса о Вольтере «Ты и Вы»: (К вопросу об авторстве А. А. Шаховского) // РЛ. 1999. № 1. С. 150—177, где высказана недостоверная гипотеза о возможном авторстве Грибоедова.

...того бюста, что в Эрмитаже. — Бюст Вольтера, исполненный в 1781 г. Антуаном Гудоном.

...сыграл бы в деревне у вас роль старухи-маркизши... — Имеется в виду персонаж пьесы А. А. Шаховского «Ты и Вы» «Аглая де ***, потом Маркиза Гувернет». В юности Грибоедов принимал участие в любительских спектаклях. По свидетельству П. П. Гнедича, его любимой ролью был Альцест в «Мизантропе» Мольера (см.: ИВ. 1909. № 1. С. 125).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

Около 12 июля 1824. Петербург

Автограф: Гос. музей А. С. Пушкина (Москва) (Ф. 2. Оп. 6. КП 11800/388. Р-250).

Впервые: ПССП. Т. 3. С. 155—158. Текст уточнен в статье: *Бонами З. А.* «Душа, друг и брат...». История одного письма А. С. Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 268—271.

Печатается по автографу.

Н. К. Пиксанов датировал это письмо июлем 1824 г. (см.: ПССП. Т. 3. С. 155), Вл. Орлов — июнем (см.: Грибоедов 1940. С. 544). В Летописи письмо датировано около 12 июля 1824 г., так как упоминается «Андромаха», о чтении которой В. А. Каратыгин сообщил П. А. Каратыгину в письме от 12 июля 1824 г. (см.: Библиографические записки. 1861. № 19. С. 600; Летопись. С. 59, 190).

Манускрипт — рукопись «Горя от ума».

читал я ее ~ Хмельницкому... — На званом обеде у Н. И. Хмельницкого Грибоедов читал «Горе от ума», при этом произошло резкое столкновение с литератором В. М. Федоровым (см.: Воспоминания 1980. С. 252—253).

Личность — здесь: оскорбление, ссора, враждебный выпад.

Каратыгин — В. А. Каратыгин.

Твоя жена — А. И. Бегичева. По рассказам С. Н. Бегичева, записанным Д. А. Смирновым, в 1826 г., возвращаясь на Кавказ, Грибоедов проез-

дом через Москву чуть было не женился, по его собственным словам, на дочери какого-то частного пристава, которая была похожа лицом на Анну Ивановну Бегичеву (см.: Воспоминания 1980. С. 211).

Софья Петровна — гувернантка и компаньонка.

«Андромаха» — трагедия П. А. Катенина.

Пуквиль — Книга Ф.-Ш. Пукевиля «Histoire de la Régeneration de la Grèce, comprenant de précis de événements depuis 1740 jusque 1824». Рус. перевод: Жизнь Али-Паши Янинского. Соч. Пукевиля, в 3-х ч. (М., 1822—1824). В России в июне 1824 г. она была запрещена. Этой книгой интересовались также Пушкин и Вяземский (см.: Врем. ПК. Вып. 26. СПб., 1995. С. 7—8).

Сестра Маша — М. С. Грибоедова.

Дмитрий — четырехлетний сын Дм. Н. Бегичева.

Александра Васильевна — А. В. Бегичева.

Денис — Д. В. Давыдов.

Лев — Л. В. Давыдов.

«Мавры» — оперное либретто В. К. Кюхельбекера «Гренадские мавры, или Любовь до гроба» (1822).

Трактир — гостиница Демута (см. комментарий к письму С. Н. Бегичеву от 10 июня 1824).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

31 августа 1824. Стрельна

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 21—22.
Печатается по автографу.

На сгибе автографа остатки красной сургучной печати с восточной надписью.

Лев и Солнце — персидский орден, украшенный алмазами, которым Грибоедов был награжден в 1822 г.

Я от него сюда бежал в Стрельну... — В 1820-е гг. Стрельна была модным дачным местом. Там же в летних лагерях размещался Конногвардейский полк, в котором служил А. И. Одоевский.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Начало октября 1824. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 1—1 об.).
Впервые опубликовано: PC. 1874. № 7. С. 277—278.
Печатается по автографу.

Помета Булгарина: «Грибоедов в минуту сумасшествия».

Это письмо Грибоедова — реакция на фельетон Булгарина «Литературные призраки» (Литературные листки. 1824. Ч. 3. № 16; см.: Воспоминания 1980. С. 396). В нем Булгарин хотя и не называет Грибоедова прямо (герой фельетона — Талантин) и даже оговаривается, что в статье нет «никаких личностей», но сообщает о Талантине такие подробности, как то, что он — «литератор, недавно прибывший в столицу из отдаленных стран, где он находился по службе», что у него есть «комедия в рукописи, которая воскресит у нас на сцене память Фонвизина» и т. п., — все это позволяло отождествить Талантина и Грибоедова. К тому же Булгарин довольно точно воспроизвел содержание литературных бесед, которые вел Грибоедов в кругу литераторов.

Мы друг друга более не знаем. — Отношения Грибоедова с Булгариным вскоре возобновились.

П. А. КАТЕНИНУ

17 октября 1824. Петербург

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Грибоедов и его сочинения. СПб., 1858. С. 43—46.

Печатается по первой публикации с исправлением ошибки («Язона» вм. «Арна»), отмеченной В. Э. Вацуро (см.: Проблемы творчества. С. 170).

А<лександр> А<ндреевич> — А. А. Катенин.

...к тебе в Кострому... — П. А. Катенин жил в усадьбе Шаево Кологривского уезда Костромской губернии.

...Андромаха, которая должна явиться в альманахе... — В альманахе «Русская Талия <...> на 1825 год» появилось 3-е действие трагедии Катенина «Андромаха» (ценз. разр. 15 ноября 1824 г.). Об обстоятельствах публикации Катенин писал Н. И. Бахтину: «...корысть преодолела все, и Булгарин, выпросив у Жандра третье действие Андромахи, явился для получения его к Каратыгину, у которого тоже выпросил позволения списать с него портрет, и все это поместят в первую книжку его Альманаха» (Письма Катенина к Бахтину. СПб., 1911. С. 69).

...в Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения... — Грибоедов имеет в виду статью Н. И. Бахтина «Quelques notes d'un russe, présentement à Paris, sur l'Anthologie russe de M. Dupré de St.-Maure», опубликованную в журнале «Mercure du XIX-e siècle» (1824. Т. 4. № 77. P. 505 и след.) за подписью J. N. Эта статья в сокращении была опубликована в «Вестнике Европы» (1824. Ч. 138. № 22. С. 102—113) под заглавием «Некоторые замечания Россиянина, живущего в Париже, на Антологии г. Дюпре де Сент Мора», перевел с французского А. Р.

...все перекраивает... — В письме к Н. И Бахтину от 26 января 1825 г. Катенин писал: «Шаховской, помня мои старые уроки, вздумал написать

трилогию и содержанием выбрал эпизод Финна из поэмы Пушкина: я прощаю ему эту кражу...» (Письма Катенина к Бахтину. С. 74). Шаховской действительно написал трилогию «Финн» из эпизода поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», составленную из 3 частей, пролога и окончательного праздника. Пролог — празднество Лады, богини любви, красоты и цветов, сопровождаемое песнями, хорами, языческими обрядами финского народа, хороводами, играми. Ч. 1 — «Пастух». Ч. 2 — «Герой». Ч. 3 — «Колдун». Премьера состоялась в Петербурге 3 ноября 1824 г. (см.: *Шаховской А. А.* Комедии. Стихотворения. Л., 1936. С. 822).

Медведь и Пустынник — басня И. А. Крылова «Пустынник и Медведь».

Жандр ~ переводит «Венцеслава». — Трагедия Жана Ротру «Венцеслав» в переводе А. А. Жандра была запрещена цензурой к изданию и постановке на сцене. Отрывок из нее был опубликован в «Русской Талии» на 1825 г. (С. 54—73). Относительно литературных достоинств перевода Жандра Катенин придерживался иного мнения и 26 января 1825 г. писал Н. И. Бахтину: «По Грибоедова же совету и Жандр ленивый перевел вольными стихами, инде с рифмами, а инде без рифм и Nota bene, не с намерением, как в моем „Пире Иоанна Безземельного", а как пришлось, трагедию Ротру „Венцеслав". Почтенная цензура опять запретила ее играть, а первое действие напечатано в „Талии". Я и Жандру осторожно сказал мое мнение на счет стихотворных вольностей» (Письма Катенина Бахтину. С. 74). А. И. Одоевский в «Сыне отечества» (1825. № 1. Ч. 99) поместил отзыв «О трагедии „Венцеслав", соч. Ротру, переделанной Жандром», где писал: «Страсти ли выражаются общими правилами? Напротив, они только к одному стремятся, и все прочее для них не существует. В быстром их течении, в истинной трагедии, мысль за мыслью, чувство за чувством летят, теснятся в душе, исторгаются из уст или в одном, всеобъемлющем слове, или в пылких пиитических оборотах. Метр, избранный г-м Жандром, весьма способствует их непринужденности. В сем стихосложении поэзия может попеременно являться со всею красотою природы или скрывать себя под легкою и прозрачною пеленою. Оно в своей свободе имеет уже и то преимущество, что принуждает поэта не только к сладкозвучному падению периодов, но и к музыкальной соответственности между смыслом и размером: правило истинного стихотворства, постигаемое одним только чувством и требующее в исполнении — самых тонких оттенков! Иногда рифмы нечаянно ложатся под перо г-на Жандра и тогда производят на слух приятное действие своею внезапностию. Они родятся так естественно, что выражение без них, кажется, лишилось бы всей своей прелести. Но когда строгие истины льются из уст поэта, то он откладывает сие созвучие, как бесполезное украшение, и стих его, обыкновенно пятистопный, вообще в объеме своем следует за мыслию. В заключение скажем, что полезны не только нововведения, которым общие мнения благоприятствуют, но самые опыты приносят истинную пользу, когда оные клонятся к избавлению от излишних уз, не касаясь коренных законов природы и искусства» (Литературно-критические работы декабристов. М., 1978. С. 216—217).

Мои рифмы — рукопись комедии «Горе от ума».

...коли денег и времени достанет... — Только 18 октября 1824 г. Азиатский департамент решил не оплачивать Грибоедову предоставленный ему 1 мая 1824 г. годовой отпуск. Очевидно, сам Грибоедов узнал об этом после 25 октября из официального ответа К. К. Родофиникина (см.: Хмелитский сборник. С. 351).

...храпел я у немцев ~ диких ямб Грильпарцера ... — Речь идет о спектакле немецкой труппы. Трилогия Ф. Грильпарцера «Золотое руно» («Das goldene Vliess»: 1) «Der Gastfreund», 2) «Die Argonauten», 3) «Medea») написана в 1821 г.

...царь кольхов ~ прибегает к чародейству дочери... — Отмеченная Грибоедовым сцена послужила ориентиром для аналогичного эпизода в трагедии «Грузинская ночь» (см.: Проблемы творчества. С. 170—175).

...старшей своей соперницы... — Речь идет о Е. С. Семеновой.

Едва луч утренний ~ наши очи. — Цитата из «Ифигении в Авлиде» Ж. Расина в переводе М. Е. Лобанова (СПб., 1815. С. 5).

...комнатный товарищ Одоевский... — А. И. Одоевский, поселившийся вместе с Грибоедовым в снятом им первом этаже дома В. В. Погодина на Торговой улице (совр. адрес: ул. Союза Печатников, 5).

Н. И. ГРЕЧУ

Около 24 октября 1824. Петербург

Автограф, находившийся в Берлинской королевской библиотеке (собрание Фарнгагена фон Энзе), утерян во время войны.

Копия И. А. Шляпкина: РНБ (Ф. 865. № 135).

Впервые опубликовано: Вестник всемирной истории. 1900. № 6. С. 87—88.

Печатается по копии И. А. Шляпкина.

...я тотчас отвечал на твою записку... — Грибоедов отправил свою записку Гречу только 24 октября.

...весь 3-й акт можно поместить в альманахе. — В альманахе «Русская Талия, подарок любителям и любительницам русского театра на 1825 год» (СПб., 1824. С. 257—316) напечатаны 7—10 явления 1-го действия и 3-е действие «Горя от ума» в изуродованном цензурой виде (см.: Наст. изд. Т. 1. С. 266, 346).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

4 января 1825. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).

Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 22—24.

Печатается по автографу.

Нынче день моего рождения ~ На полпути моей жизни... — О годе рождения Грибоедова (1795 или 1790) до сих пор продолжаются споры (см.: *Строганов М. В.* Год рождения Грибоедова, или «полпути жизни» // Материалы. С. 10—16; *Гришунин А. Л.* О годе рождения А. С. Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 238—248). Если принять за достоверное, что Грибоедов родился в 1795 г., то в 1825 г. 4 января ему исполнялось 30 лет.

Трясинное государство — из басни И. А. Крылова «Лягушки, просящие царя».

Моя Людмила — Е. А. Телешева. Посвященное ей стихотворение см.: Наст. изд. Т. 2. С. 224—225.

...чернее угля выгорел. — Намек на пережитое Грибоедовым чувство к женщине, имя которой нам неизвестно.

...соперником у меня Милорадович... — А. А. Жандр на вопрос Д. А. Смирнова (племянника писателя, предполагавшего, что «Грибоедов с М. А. Милорадовичем были враги из-за Телешевой», ответил: «Нет, они были только соперники <...> Впрочем, *счастливым* был дядя...» (Воспоминания 1980. С. 226).

...идол Шаховского, который ему подличает. — А. А. Шаховской заискивал перед Милорадовичем, по распоряжению которого был выслан Катенин из Петербурга, за пререкания с директором театра В. А. Каратыгин просидел несколько дней в Петропавловской крепости, месяц провел в ней А. А. Алябьев, явившийся на спектакль в штатском платье (см.: *Фомичев С. А.* Грибоедов в Петербурге. Л., 1982. С. 65—66).

Я этого chevalier bavard... — Грибоедов использует игру слов: «рыцарь болтун» вместо «рыцарь Баярд», как величали Милорадовича. На петербургской сцене долго шла героическая комедия «Влюбленный Баярд, или Рыцарь без страха и упрека» о французском полководце Баярде де Терайле. Болтливость Милорадовича отмечала и М. И. Римская-Корсакова: «Болтун на заказ» (*Гершензон М.* Грибоедовская Москва. М., 1914. С. 44). Кроме намека на болтливость Грибоедов напомнил анекдот, когда Милорадович, говоря Александру I о смерти короля Баварского, сказал по-французски: «le roi des bavards», вместо «le roi de Bavière» (РС. 1874. № 6. С. 276).

Денис Васильевич — Д. В. Давыдов.

Дмитрий — Д. Н. Бегичев.

Александра Васильевна — А. В. Бегичева.

Анна Ивановна — А. И. Бегичева.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

25 января 1825 г. Петербург

Автограф: РГБ (Ф. 451, А. С. Грибоедова. Карт. 1. Ед. хр. 3).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 24—25.
Печатается по автографу.

Катенин ~ бред сюда высылает. — Чрезвычайно мнительный и болезненно самолюбивый П. А. Катенин принял на свой счет статью Ф. В. Булгарина (подписанную А. Ф., т. е. Архип Фадеевич — псевдоним Булгарина) «Междудействие, или Разговор в театре о драматическом искусстве» в альманахе «Русская Талия <…> на 1825 год» (СПб., 1824), где публиковался отрывок из «Андромахи» Катенина. Очевидно, его задела следующая фраза: «…какая французская Андромаха сравнится с нашею Ярославною, оплакивающей потерю супруга своего Игоря?». Грибоедов указывал Катенину, что Булгарин имел в виду переводы М. Е. Лобанова и Гнедича.

«Венцеслав» — пьеса Ротру в переводе А. А. Жандра.

П. А. КАТЕНИНУ

Первая половина января — 14 февраля 1825. Петербург

Автограф: первая половина письма — ГЦТМ (65940. Ф. 78. № 4); вторая половина письма — РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 7).

Впервые опубликовано: Всемирный труд. 1868. Кн. 2. С. 313.

Факсимиле: ПССП. Т. 3. С. 168—169; ПССШ. Т. 1. С. 198—199.

Печатается по автографу.

Ты находишь главную погрешность в плане… — О несовершенстве плана комедии Грибоедова Катенин пишет Н. И. Бахтину 17 февраля 1825 г. из Костромы: «Теперь в гору лезет на счету критиков Грибоедов за комедию „Горе от ума", из которой в той же „Талии" помещены отрывки; решительно ставят его наряду с Фонвизиным <…> он сам прислал мне ее в рукописи, и, конечно, в ней ума и соли тьма, но план далек от хорошего» (Письма Катенина к Бахтину. С. 76—78).

…тебе обязан зрелостию ~ моего дарования… — 18 марта 1825 г. Катенин писал Н. И. Бахтину о Грибоедове, ссылаясь именно на этот фрагмент письма: «Грибоедову я писал на счет „Горе от ума", он не соглашается и оправдывается всеми обыкновенными софизмами авторов, то есть сочиняет новую пиитику, я паки возразил ему; всего лучше для меня в этой переписке лестное чрезвычайно свидетельство Грибоедова, что обделкою своего дарования он обязан единственно мне и говорит это всем и каждому» (Письма Катенина к Бахтину. С. 82).

Варвара Семеновна — В. С. Миклашевич.

Брат твой — родной брат, П. А. Катенин, или двоюродный, А. А. Катенин.

…он бы воротил тебя из ссылки. — В ссылку Катенин был отправлен по приказу Милорадовича. Осенью 1824 г. Александр I проезжал через Костромскую губернию. Об этом Катенин 14 ноября 1824 г. пишет Бахтину следующее: «Государь в прошедшем месяце проехал через Кологрив и был ко всем чрезвычайно милостив <…> я Царя не видал; а он еще изво-

лил обо мне спрашивать» (Письма Катенина к Бахтину. С. 72; см. также: *Кубасов И. А.* Театральные интриги в 1822 году // РС. 1901. № 11. С. 293—304).

Ответ твой подлецу P. B. G. напечатан. — В ответ на статью Бахтина о Катенине в парижском журнале (см. письмо Грибоедова Катенину от 17 октября 1824 г.) в том же «Mercure du XIX-e siècle» (1824. VII. № 82) появилось письмо «К издателю», подписанное «le P. B. G.» (т. е. le Prince Basile Gagarin — В. Ф. Гагарин) с резким отзывом о Катенине как об «авторе, надутом своим талантом и завистнике чужих достоинств». Ответ на это письмо Бахтин напечатал тотчас в том же журнале. Катенин написал свой ответ, который удалось напечатать в «Сыне отечества» (1825. Ч. 49. № 3. С. 333—335).

Какой ты однако вздор ~ о разговоре Булгарина в «Талии». — Катенин писал об этом Бахтину 26 апреля 1825 г.: «Грибоедов, а за ним и Каратыгин уверяют меня, что цель Булгарина — унизить Лобанова и Гнедичева перевод Андромахи; это вздор; говорено вообще, к счастию, очень глупо. <...> Писал я об этом к Жандру и Грибоедову; последний отвечал плохими оправданиями, я опять писал, и теперь жду, что будет. Беда в том, что Булгарин и вся компания теперь кадят Грибоедову, а он любит запах фимиама» (Письма Катенина к Бахтину. С. 85).

«Сплетни» — переделка П. А. Катенина (1821) пьесы Ж. Б. Л. Грессе «Le méchant».

«Сид» — трагедия П. Корнеля (1636). Перевод с французского П. А. Катенина. Премьера состоялась в Петербурге 4 декабря 1822 г. Ср. у Пушкина: «Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый» (Евгений Онегин. Гл. I. Строфа XVIII).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Январь—февраль 1825. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 3).
Впервые опубликовано: РС. 1974. № 6. С. 285.
Печатается по автографу.

...о «Телеграфе» ~ которое напечатано в «Талии»? — Н. А. Полевой критически отозвался о трагедии П. А. Катенина «Андромаха» (МТ. 1825. Ч. 1. № 2. С. 170).

...скажи печатно. Коли я напишу ~ сам вступился. — За Катенина вступился Н. И. Греч в «Третьем письме на Кавказ» за подписью «Ж. К.» (СО. 1825. Ч. 100. № 5. С. 6).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Февраль 1825. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 5—6).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 286—287.

Печатается по автографу.

Грибоедов возвращает Булгарину рукопись «Необыкновенных похождений и путешествий русского крестьянина Дементия Ивановича Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 гг. им самим описанных» (СА. 1825. № 14—15, апрель). По просьбе редактора Грибоедов написал к ней примечания (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 271—275).

Здесь новый этому опыт. — Далее в рукописи денежный расчет:
30
25
10
50
—
115
750
—
1865
3468
—
5333

...Цикулин врет об английском наказании кошками? — В тексте «Похождений...» говорится об англичанах: «Если кто в малой вине проступится, так наказывают кошками, или по-русски сказать — плетьми».

С. Н. БЕГИЧЕВУ

18 мая 1825. С.-Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 25—26.
Печатается по автографу.

...с приложением Антикритики против Дмитриева. — Антикритика Бегичева (не дошедшая до нас) была направлена против статьи М. А. Дмитриева «Замечания на суждения «Телеграфа»», содержащей резкий отзыв о «Горе от ума» (ВЕ. 1825. Ч. 140. № 6. С. 109—123). Дмитриеву ответил В. Ф. Одоевский статьей «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума"» (МТ. 1825. Ч. 3. № 10. Приложение «Антикритика». С. 1—12). См.: Грибоедов в русской критике. М., 1958. С. 28—36.

Столыпин ~ умер. — А. А. Столыпин умер 8 мая 1825 г.

вдова его — В. Н. Столыпина. В апреле 1825 г. Столыпины снимали второй этаж в доме В. В. Погодина, где первый этаж снимал Грибоедов (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 540).

..любезный мой Вовенарг. — Среди сочинений Вовенарга имеются «Советы молодому человеку», обращенные к молодому офицеру, восем-

надцатилетнему Ипполиту де Сейтру, служившему в полку под началом Вовенарга (см.: *Вовенарг де, Люк де Клапье.* Введение в познание человеческого разума: Фрагменты, критические замечания, размышления и максимы. Л., 1988. С. 103—116).

Вильгельм — В. К. Кюхельбекер.

...нынешний вечер играют ~ мою комедию. — Представление «Горя от ума» в Театральной школе было в тот же вечер запрещено гр. Милорадовичем (см.: Записки П. А. Каратыгина. СПб., 1880. С. 129—130).

Анна Ивановна — А. И. Бегичева.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

4 июня 1825. Киев

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 27—28.
Печатается по автографу.

Твоя сестра — сестра С. Н. Бегичева, впоследствии игуменья воронежского монастыря Смарагда.

...дом, где я остановился... — Грибоедов остановился в «Зеленой гостинице», принадлежащей Киево-Печерской лавре. Одновременно с ним там проживал А. З. Муравьев с женой (см.: *Базилевич В. М.* Грибоедов в Киеве. Киев, 1929. С. 5).

Анна Ивановна — А. И. Бегичева.

В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

10 июня 1825. Киев

Автограф: РНБ (Ф. 539. Оп. 11. Ед. хр. 444).
Впервые опубликовано: РА. 1864. № 7—8. Стлб. 810—812.
Печатается по автографу.

Письмо твое ~ распечатали Александр с Вильгельмом... — А. И. Одоевский и В. К. Кюхельбекер проживали в то время вместе в доме Булатова на углу Исаакиевской площади и Почтамтской улицы, где Одоевский снимал целый этаж и где до своего отъезда в Киев жил вместе с ними Грибоедов.

Сам я в древнем Киеве... — Грибоедов приехал в Киев 1—2 июня 1825 г., в канун летних лагерей (см.: *Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982. С. 65, 75).

Посетителей у меня перебывало много... — В эти дни Грибоедов встречался с руководителями Южного тайного общества.

За статью в «Телеграфе»... — См. статью В. Ф. Одоевского «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума"» (МТ. 1825. Ч. 3. № 10).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 июля 1825. Симферополь

Автограф: ИРЛИ (Р. III. Оп. 1. № 899).

Впервые опубликовано: Черн. тетр. (частично); РЛ. 1968. № 3. С. 180 (полностью).

Печатается по автографу.

Я мои записки вел порядочно... — См. «Путевые заметки» (Наст. изд. Т. 2. С. 322—334).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 сентября 1825. Симферополь

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).

Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 28—30.

Печатается по автографу.

Ничего не написал. — Грибоедов в это время обдумывал трагедию о князе Владимире, принявшем крещение в Корсуни (Херсоне) (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 330—331).

...маленький городок сделался мне тошнее Петербурга. — О пребывании Грибоедова в Симферополе см.: Воспоминания 1980. С. 389—390.

Верь мне, чудесно всю жизнь свою прокататься на 4-х колесах... — ср. монолог Чацкого «Ну вот и день прошел...» (Горе от ума. Д. 4. Явл. 3).

Анна Ивановна — А. И. Бегичева.

О Чатыр-Даге и южном берегу после, со временем. — Грибоедов не сообщает о том, что во время своего пребывания в Крыму он виделся с Н. Н. Оржицким, А. Н. Муравьевым и М. Ф. Орловым. С Орловым, приехавшим из Одессы в середине июля 1825 г., он путешествовал по Крыму. 19 июля 1825 г. Орлов писал жене: «Завтра еду на побережье вместе с Грибоедовым, которого наконец разыскал и который со мною очень любезен». Описывая природу Крыма, Орлов продолжает: «Я приветствовал Чатыр-Даг криком восторга. Грибоедов без ума от Крыма» (подлинник по-франц. — РГИА. Ф. 1711. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 13—13 об. Опубликовано: ЛН. Т. 48. С. 493).

Володя пишет ко мне о полемической выходке за мою честь в «Телеграфе»... — Имеется в виду статья В. Ф. Одоевского «Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума"» в «Московском телеграфе» (1825. Ч. 3. № 10. Приложение. Подпись: «У. У.»).

Не слыхал ли чего о Шатилове и Алябьеве? — Сослуживцы Грибоедова по Иркутскому полку Н. А. Шатилов и А. А. Алябьев по ложному доносу были осуждены за якобы совершенное ими убийство помещика Времова и сосланы в Сибирь. Дело тянулось несколько лет и было оглашено подсудимым только после решения Государственного совета 20 января

1828 г. (см.: *Штейнпресс Б.* Страницы из жизни А. А. Алябьева. М., 1956. С. 40, 209—214, 277—280).

Давыдова памфлет — памфлет Д. В. Давыдова «Разбор трех статей, помещенных в Записках Наполеона» (М., 1825).

Дмитрий — Д. Н. Бегичев.

...заберусь к Дмитрию в Якшино. — Имеется в виду подмосковное имение Д. Н. Бегичева близ Лопасни (см.: ИВ. 1889. № 111. С. 666, 668).

С. Н. БЕГИЧЕВУ

12 сентября 1825. Феодосия

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 31—34.
Факсимиле: ПССП. Т. 3. С. 176—177.
Печатается по автографу.

Помета С. Н. Бегичева: «<1>825-го».

...из дрянного городишка... — из Симферополя.

А Брест!! Литовский! — В этом городе Грибоедов служил в 1814—1815 гг. в Кавалерийских резервах (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 520).

Я ночевал у барона Боде. Пюблицист из «Духа Журналов»... — Барон А. К. Боде занимался в Крыму садоводством и напечатал в издании Г. М. Яценкова «Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств сельского домоводства и пр.» (1815—1820): «Производство пробочного дерева» (1818. № 11); «Чрезвычайный урожай в полуденных губерниях России» (1819. № 11). Именно его имел в виду А. Н. Муравьев, сообщая: «Моя поездка на Южный берег Тавриды дала мне случай познакомиться с знаменитым автором „Горя от ума". Это было осенью 1825 года. Объехав весь Южный берег, я остановился на несколько дней в Симферополе, в то самое время, когда был там Грибоедов, и даже в одной с ним гостинице. Однако сколько я ни желал с ним сойтись, мне говорили, что он недоступен для всех, исключая какого-то немецкого барона, давнего его приятеля. Случилось однажды ночью, что, встревоженный страшным сном, я громко вскрикнул, и на этот крик вбежал ко мне из соседнего номера сам Грибоедов» (*Муравьев А. Н.* Мое знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С. 9).

Александр — А. Д. Грибов.

...он взят был на щит рассвирепевшим неприятелем... — В 1475 г. крепость была взята и разрушена турками.

А. А. БЕСТУЖЕВУ

22 ноября 1825. Станица Екатериноградская

Автограф: ИРЛИ (Ф. 9290 / 7).
Впервые опубликовано: РС. 1889. № 2. С. 321—322.
Печатается по автографу.

...у нас линейских... — По возвращении на Кавказ Грибоедов сопровождал начальника штаба корпуса, а затем и самого А. П. Ермолова по новой линии укреплений, учрежденной Ермоловым в 1822 г. против кабардинцев.

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

...начал что-то поэтическое... — стихотворение «Хищники на Чегеме» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 230—233, 498—502).

...о нашей встрече в Крыму. — Встреча произошла в Гурзуфе на вилле графа Г. Ф. Олизара. Польский исследователь Леон Гомолицкий при сопоставлении дат приезда к графу Олизару А. Мицкевича, Г. А. Ржевусского и Грибоедова доказывает, что они приехали одновременно, к одному общему сроку, но каждый порознь. Исследователь полагает, что Мицкевич и Ржевусский как представители польских революционных кругов приехали для совещания с Грибоедовым и Оржицким как представителями Южного декабристского общества (*Gomolicki L.* Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. 1824—1829. Warszawa, 1949).

...о Рылееве, которого обними за меня искренно, по-республикански. — Следственному комитету А. А. Бестужев сообщал, что в конце 1824 г. заметил в Рылееве «перемену мыслей на республиканское направление. Грибоедов познакомился с Рылеевым в 1825 г. и имел дело в основном с его республиканскою группой, в которую входили Оболенский, Бестужев и фон-дер-Бригген. Все это свидетельствует о том, что Грибоедов знал как о факте существования тайного общества, так и о его политической программе» (*Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. С. 26). Брат Александра Бестужева, Михаил, вспоминал в своих мемуарах о знаменитых русских завтраках Рылеева, частым участником которых в 1825 г. был Грибоедов: «Особенно врезался у меня в памяти один из них, на котором, в числе многих писателей, были Дельвиг, Ф. Глинка, Гнедич, Грибоедов и другие. Тут же присутствовал брат А. Пушкина, Лев <...> Помню, что он говорил наизусть много стихов своего брата, еще не напечатанных: прочитал превосходный разговор Тани с нянею, приведший в восторг слушателей. <...> Ходя взад и вперед с сигарами, закусывая пластовой капустой, то там, то сям вырывались стихи с оттенками эпиграмм или сарказма...» (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 53—54).

...в доме Американской Компании. — Совр. адрес: наб. Мойки, д. 72. В Российско-Американской компании в то время вместе с Бестужевым служил и К. Ф. Рылеев.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

27 ноября 1825.
Станица Екатериноградская

Автограф: ИРЛИ (Ф. 9289 (3). III б. 59).
Впервые опубликовано: РС. 1889. № 2. С. 323.
Печатается по автографу.

Это последнее письмо Грибоедова Кюхельбекеру, дошедшее до нас. В апреле 1828 г. Кюхельбекер из Динабургской крепости написал Грибоедову: «Я долго колебался, писать ли к тебе. Но, может быть, в жизни мне не представится уже другой случай уведомить тебя, что я еще не умер, что я люблю тебя по-прежнему: и не ты ли был лучшим моим другом? Хочу верить в человечество, не сомневаюсь, что ты — ты, тот же, что мое письмо будет тебе приятно: ответа не требую — к чему? Прошу тебя, мой друг, быть, если можешь, полезным вручителю: он был верным, добрым товарищем твоего В<ильгельма> в продолжение шести почти месяцев; он утешал меня, когда мне нужно было утешение. Он тебя уведомит, где я и в каких обстоятельствах. Прости! До свидания в том мире, в который ты первый вновь заставил меня веровать. В. К.».

Это письмо было послано с отставным штаб-ротмистром Елисаветградского полка С. С. Оболенским, отбывавшим наказание в Динабургской крепости и отправленным в апреле 1828 г. рядовым на Кавказ. По дороге Оболенский наскандалил, подвергся обыску, и в результате письмо Кюхельбекера было изъято и не дошло до адресата. Следствие легко установило автора, и по именному приказу Николая I в феврале 1829 г. Кюхельбекер был лишен права переписки с родными. Это наказание было отменено 5 августа 1829 г. (см.: *Кюхельбекер В. К.* Сочинения. Л., 1989. С. 547).

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

Старик наш — А. П. Ермолов.

Аттестат вышлется к тебе на днях. — Речь идет о положительном аттестате (в противовес выданному 20 апреля 1822 г. отрицательному аттестату из-за дуэли Кюхельбекера с Н. И. Похвисневым, вследствие чего перед ним закрылись двери государственных учреждений). Новым аттестатом Кюхельбекер воспользоваться не успел.

...ни подвластных ему ясырей... — Ср. у А. А. Бестужева в «Аммалат-Беке»: «Каждый аварец называет себя зденем, а если имеет ясыря (пленного), то считает себя важным барином» (*Бестужев А. А.* Второе полн. собр. соч. СПб., 1847. Т. 2. Ч. 5. С. 38).

Имя его Джамбулат ~ лишился жизни. — Об аресте Джамбулата Джанхотова см.: ПССП. Т. 3. С. 334—335; *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках. Т. 2. Ставрополь, 1993. Вып. 3.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

7 декабря 1825.
Станица Екатериноградская

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 34—36.
Печатается по автографу.

Иовничать — роптать на судьбу, как Иов (см.: Библия. Книга Иова).

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

Конгрев — зажигательный артиллерийский снаряд, названный по имени английского изобретателя Уильяма Конгрева.

Сталь — К. Ф. Сталь. Умер 24 августа 1824 г.

Лисаневич храбрейший человек... — Д. Т. Лисаневич был убит 7 декабря 1825 г. фанатиком горцем Учар-хаджи на следующий день после победы под Герзель-аулом.

Двух при мне застрелили... — См. письмо В. К. Кюхельбекеру от 27 ноября 1825 г.

Имам — мулла Магомет из чеченского аула Маюртупа.

Греков — Н. В. Греков.

Дмитрий — Д. С. Бегичев.

А. А. ЖАНДРУ И В. С. МИКЛАШЕВИЧ

12 декабря 1825.
Станица Екатериноградская

Автограф: ГЦТМ (Ф. 78. № 2).
Впервые опубликовано: ПССШ. Т. 3. С. 175—177.
Печатается по автографу.

...с тобою умнейшая, исполненная чувства и верная сопутница в этой жизни... — Характер отношений Жандра и Миклашевич Д. А. Кропотов определял так: «Говоря о Жандре, нельзя не упомянуть о необыкновенной, платонической связи его с Варварой Семеновной Миклашевич, женщиной весьма образованною, религиозною и несколько эксцентрическою, с которой он жил чуть ли не более двадцати лет <...> Петербургское общество уважало эту необыкновенную связь, ездило на вечера к Жандру и радушно принимало посещения его и Варвары Семеновны» (Звенья. Т. 1. С. 23).

Смерть Государя... — Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге.

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

Мирза-Джан — М.-Д. Мадатов.

Какое у вас движение в Петербурге!! — Грибоедов намекает здесь на обстоятельства междуцарствия, возможно, предполагает активные дейст-

вия тайного общества. Стала известна в изложении Д. В. Давыдова фраза, сказанная Грибоедовым А. Ф. Реброву на обеде у Ермолова: «В настоящую минуту идет в Петербурге страшная поножовщина» (Воспоминания 1980. С. 182). М. В. Нечкина писала, что «еще в уставе Союза Спасения значилось решение — тайному обществу выступать в момент смены императоров на престоле. Это решение не снималось никогда и было принято Северным обществом» (*Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982. С. 33).

...нянчите Вильгельма ~ треснетесь головою об пол. — Намек на высокий рост В. К. Кюхельбекера.

...фельдъегерь Экунин и привез мне письмо из Театральной школы... — Фельдъегерь Экунин приходился братом воспитаннику Театральной школы П. С. Экунину, впоследствии мужу балерины А. И. Истоминой. Он прибыл в Екатериноградскую 8 декабря 1825 г. (см.: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1977. С. 546).

...сосватал сестру за полицейского Юпитера... — Речь идет о связи М. А. Милорадовича с Е. А. Телешевой, родственницей А. А. Шаховского (см.: Воспоминания 1980. С. 240).

«Аристофан» — пьеса Шаховского «Аристофан, или Представление комедии „Всадники"» (премьера состоялась 19 ноября 1825 г.).

«Фонтан» — третья часть романтической трилогии Шаховского «Керим Гирей, крымский хан» — «Бахчисарайский фонтан» (премьера состоялась 28 сентября 1825 г.).

Варинька — В. Камыкова.

Сашка — А. Д. Грибов.

Продолжение впредь. — Эти слова написаны измененным почерком, в подражание руке Жандра.

Н. И. ГРЕЧУ И Ф. В. БУЛГАРИНУ

17 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 1).

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 282—283.

Факсимиле: Сборник снимков с автографов русских деятелей 1801—1825. СПб., 1873. С. 23.

Печатается по автографу.

...кто из вас в типографии? — Типография находилась рядом с Главным штабом, в доме Косиковского на углу Невского проспекта и Большой Морской улицы (совр. адрес — Б. Морская, 14).

...нет ли у вас «Чайльд-Гарольда»? — С отдельными песнями поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» Грибоедов знакомился в английском издании, так как на русском языке отрывки из нее опубликованы

только в 1828 г., полный перевод осуществлен в 1864 г. (Летопись. С. 194).

Жуковский — М. П. Жуковский. Грибоедов, вероятно, был знаком с ним по Московскому университету (см.: Материалы. С. 40). Об отношении Жуковского к заключенным см.: Воспоминания 1980. С. 134—135.

Я писал к Государю... — См. прошение Грибоедова на высочайшее имя от 15 февраля 1826 г.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Вскоре после 17 февраля 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 2—3).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 283.
Печатается по автографу.

Пушкина «Стихотворения» — Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826 (ценз. разр. 8 октября 1825 г.). Книга вышла в свет 30 декабря 1825 г. (см.: *Синявский Н.* и *Цявловский М.* Пушкин в печати. М., 1914. С. 33).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Вскоре после 17 февраля 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 8).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 283.
Печатается по автографу.

Длинные академические газеты — вероятно, «Санкт-Петербургские ведомости».

Ф. В. БУЛГАРИНУ

После 6 марта 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 4).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 285.
Печатается по автографу.

Эта записка Грибоедова написана на обороте фрагмента письма к нему Ф. В. Булгарина:

«Любезный друг! Береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невинен, следственно будешь непременно освобожден в самом скорейшем времени, и одна только печальная церемония могла удержать течение дел. Почтеннейший Михайла Петрович <Жуковский> расскажет тебе, что твое освобождение — вещь верная. Целый город знает, с какою радостью Государь освобождает невинных; за что ж тебя, ангела, стали бы держать? Пожалуйста, успокойся! Ум и твердость познаются в противностях судьбы. Ты подвергся только кроткому опыту. Перенеси с твердостью, и верь, что я в сердце более мучусь твоею мукою, нежели ты своим заключением. Теперь я успокоился, и ты успокойся. Познай руку Провидения, которое спасло тебя от клеветы. Надеюсь вскоре при.....» (печальная церемония — 6 марта 1826 г. в Петербург было доставлено тело покойного императора, спустя неделю состоялось его погребение).

Атлас к Анахарсису — имеется в виду книга: *Barthelemy J.-J.* Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. Paris, 1788. Ее русские издания: *Бартелеми Жан-Жак.* Из путешествия юного Анахарсиса, сочинение славного Бартелеми. СПб., 1798 (перевод А. Севастьянова); Путешествие в Италию аббата Бартелеми, члена Французской Академии надписей и свободных наук и писателя путешествия Анахарсиса. Ч. 1—2. М., 1803; *Бартелеми Ж.-Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Р. Х. Т. 1—9. М., 1803—1819; *Бартелеми Ж.-Ж.* Путешествие младшего Анахарсиса по Греции, в половине четвертого века до Р. Х. / Перевод с франц. Императорской Российской академии президентом Андреем Нартовым и оною Академиею издано. Т. 1—6. СПб., 1804—1809.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Первая половина марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 5).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 283.
Печатается по автографу.

Атлас к Анахарсису — см. записку к Ф. В. Булгарину после 6 марта 1826 г.

...он у меня спрашивал, видел ли ты меня? — Нет. — Очевидно, свидание Грибоедова с Булгариным все-таки произошло, но М. П. Жуковский об этом информирован не был.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

После 16 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 9—10).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 284.
Печатается по автографу.

Караул приставлен строжайший ~ оправдан начисто, как стекло. — По прочтении показаний Грибоедова 25 февраля 1826 г. Следственная комиссия предложила государю представить решение об освобождении Грибоедова с аттестатом. Но Николай I повелел «Грибоедова содержать пока у дежурного генерала». Эта резолюция была выслушана Комиссией 7 марта. 15 марта военный министр А. И. Татищев предписал дежурному генералу Главного штаба генерал-лейтенанту А. Н. Потапову в этот же день к восьми часам пополудни препроводить Грибоедова в Комитет о злоумышленниках для допросов. В тот же день шеф жандармов А. Х. Бенкендорф предписал тому же Потапову прислать Грибоедова в Комитет о злоумышенниках для допроса на следующий день 16 марта к часу дня (см.: ЛН. Т. 60. С. 479).

Съезди к Ивановскому ~ наведайся, чего мне ожидать. — Булгарин постарался переговорить с А. А. Ивановским и послал ему следующую записку:

«Милостивый Государь Андрей Андреевич! Зная многотрудные ваши занятия, я не смею вас беспокоить моими посещениями в минуты вашего отдохновения. Но если бы, проезжая по Офицерской улице, заехали ко мне на две минуты, вы бы крайне меня обязали. С беспредельною преданностию и душевным, истинным уважением есмь на всю жизнь Ваш покорный слуга Ф. Булгарин» (РС. 1889. № 7. С. 111).

...а тот перескажет Алексееву... — С. И. Алексеев содержался вместе с Грибоедовым в Главном штабе с 8 по 21 февраля 1826 г. Освобожден первым из «сокамерников» с очистительным аттестатом. И. П. Липранди сообщает, что выпущенные, получив разрешение начальства, могли посещать своих товарищей.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

19 марта 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 11—12).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 285.
Печатается по автографу.

Адамантовый крест — персидский орден Льва и Солнца второй степени, которым Грибоедов был награжден в 1819 г.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

19 марта 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 13—14).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 285—286.
Печатается по автографу.

Достань мне «Тавриду» Боброва... — Имеется в виду книга «Таврида, или Летний день в Таврическом Херсонесе. Лирико-эпическое песнотворение, сочиненное капитаном С. Бобровым» (Николаев, 1798); переработанное издание: Херсонида, или Картина лучшего дня в Херсонисе Таврическом. СПб., 1804.

«Le Calcul Différentil de Francoeur» — русское издание: Дифференциальное исчисление Франкера / В переводе Д. Перевощикова. М., 1824. Грибоедов просил эту книгу для занятий математикой с Д. И. Завалишиным.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

21 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 6).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 287.
Печатается по автографу.

Калибан Венедиктович — по имени получеловека, получудовища; действующее лицо в пьесе Шекспира «Буря» (любимое произведение Грибоедова).

...набрался необыкновенного вдохновения? — Речь идет о восточном апологе Ф. В. Булгарина «Человек и мысль» (СП. 1825. 20 марта), в котором некий турецкий мудрец Абдалла испытал неправедные гонения, но в конце концов был освобожден из заключения.

Галича получил. — Речь идет о книге А. И. Галича «Опыт науки изящного» (СПб., 1825).

Н. А. МУХАНОВУ

После 21 марта 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ГИМ (Ф. 117. Ед. хр. 25).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 152—153.
Печатается по автографу.

Записка вложена в конверт с надписью Н. А. Муханова: «От Пушкина и Грибоедова».

Обоснование датировки см.: *Краснов П. С.* О трех записках Грибоедова // РЛ. 1972. № 2. С. 185—187.

Н. А. Муханов часто виделся с находившимся под арестом Грибоедовым и оказывал ему помощь. И после освобождения Грибоедова летом 1826 г. он часто с ним встречается, что засвидетельствовано в письмах к брату Александру: «Грибоедов не едет в Москву, потому что был в про-

студе, все это время страдал от флюса и потом не кончил еще совершенно дела здесь» (20 июня); «Сейчас выходит от меня Грибоедов, с которым я беспрестанно вижусь. Чудо что за человек: умен, нравственности необыкновенной в наш век, да что же я его описываю, ты сам его также знаешь» (без даты); «Пока буду часто встречаться с Грибоедовым да с Вяземским, а как они уедут, то хоть умирай с тоски» (6 июля) (ГИМ. Ф. 117. № 86—88; см. также № 34, 107, 198).

Я совершенно лишен книг. — В феврале книгами Грибоедова снабжал Ф. В. Булгарин.

3 первых тома Карамзина. — Речь идет о книге: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1—3. СПб., 1818.

«Статистика» Арсеньева — книга: *Арсеньев К. И.* Начертание статистики Российского государства: В 2 т. СПб., 1818—1819.

Что вы слышали достоверного? — Н. А. Муханов после 1825 г. служил адъютантом Н. В. Голенищева-Кутузова, члена Следственной комиссии.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

18 апреля 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6. Л. 15).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 286.
Печатается по автографу.

Христос воскресе... — Пасха в 1826 г. пришлась на 18 апреля.

Парадное издание Крылова — книга: Басни Крылова в семи частях. Новое, исправленное и пополненное издание, с портретом автора и картинами. СПб.: Изд. Ив. Слёнина, 1825.

Купи у Слёнина. — Книжная лавка И. В. Слёнина в 1826 г. находилась у Казанского моста в доме Кусовникова (совр. адрес: Невский пр., д. 30).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

После 18 апреля 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 6—7).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 283—284.
Печатается по автографу.

«Аппологи» — книга: *Дмитриев И. И.* Апологи в четверостишиях, выбранные преимущественно из Мольво. М., 1825.

Degerando — книга: *Degerando.* Histoire comparée des systèmes de philosophie considérés relativement aux principes des connaissances humaines. Paris, 1804. V. 3; 2-е изд. 1822—1823.

Анахарсис — см. письмо Ф. В. Булгарину после 6 марта 1826 г.

Шубертовы календарики — «Санкт-Петербургский карманный месяцеслов на сто лет от Р. Х. 1812 <и след.> с присовокуплением любопытных астрономических и исторических статей, соч. г. Шубертом».

...мне воли еще долго не видать... — Грибоедов не знал, что по личному распоряжению императора на Кавказ для сбора информации о корпусе Ермолова был послан полковник Ф. Ф. Бартоломей с секретной инструкцией от 4 февраля 1826 г., в которой 11-м пунктом значилось: «Кто такой Грибоедов, какого он поведения и что о нем говорят», а 16-м пунктом: «Беречься Грибоедова и отобрать о нем сведения» (ЛН. Т. 47—48. С. 242). Аналогичное поручение было дано членам посольства А. Меньшикова: на листе со списком поднадзорных декабристов Николай I поставил резолюцию: «Было бы хорошо к этим именам присоединить и Грибоедова» (*Балаян Б. П.* Дипломатическая история русско-персидских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван, 1988. С. 148).

Н. А. МУХАНОВУ

Апрель—май 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ГИМ (Ф. 117. Ед. хр. 263).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 152—153.
Печатается по автографу.

...вылазка на сегодняшнюю ночь... — Грибоедову удалось организовать не только письменное общение с друзьями, но и личные контакты с ними. А. А. Жандр, например, рассказывал, что поэт чуть ли не каждую ночь приходил к нему на квартиру (около Михайловского дворца), «ужинал или пил чай и играл на фортепиано. Последнее-то и было его отрадой <...> Он возвращался <...> в свою конуру или поздно ночью, или на рассвете» (Воспоминания 1980. С. 219). Известно также свидетельство Завалишина о том, что Жуковский водил его и Грибоедова в кондитерскую Лоредо (см.: Там же. С. 136).

С. И. АЛЕКСЕЕВУ

5 июня 1826. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 117. Ед. хр. 263).
Впервые опубликовано: Звенья. Т. 1. С. 37—38.
Печатается по автографу.

...2-го числа нынешнего месяца я выпущен... — Об этом же писал Алексееву А. А. Жандр: Грибоедов «возвращен нам 2 июня и живет теперь у меня. Он к вам пишет вместе со мною» (ГИМ. Ф. 117. Ед. хр. 263). Об этом же свидетельствует предписание военного министра А. И. Татищева дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту А. Н. Пота-

пову от 2 июня 1826 г. за № 768: «Секретно. Покорнейше прошу Ваше Превосходительство, по освобождении из-под ареста содержащегося при Главном штабе коллежского асессора Грибоедова, приказать представить его г<осподину> начальнику Главного штаба Его Императорского Величества при офицере. Военный министр Татищев». На предписании пометы: рукой А. Н. Потапова — «Исполнить г. С. А. Яковлеву 2 июня» и рукой М. П. Жуковского: «Исполнено 2 июня» (ЛН. Т. 60. С. 480). Очевидно, именно начальник Главного штаба и объявил Грибоедову о его освобождении. При освобождении Грибоедову был выдан так называемый очистительный аттестат: «По высочайшему Его Императорского Величества повелению Комиссия для изыскания о злоумышленном Обществе сим свидетельствует, что коллежский асессор Александр Сергеев сын Грибоедов, как по исследованию найдено, членом того Общества не был и в злонамеренной цели оного участия не принимал» (*Щеголев П. Е.* А. С. Грибоедов и декабристы: (По архивным материалам). С приложением факсимиле дела о Грибоедове. СПб., 1905. С. 45). Но, несмотря на то что Грибоедов был осыпан царскими милостями, он до конца дней оставался на подозрении у правительства.

...завтра или на днях получу отправление. — Об этом свидетельствует предписание военного министра А. И. Татищева дежурному генералу Главного штаба генерал-адъютанту А. Н. Потапову от 2 июня 1826 г. за № 765: «Государь Император Высочайше повелеть соизволил освободить с аттестатом содержащегося в Главном штабе под арестом коллежского асессора Грибоедова, который был взят по подозрению в принадлежности к тайному злоумышленному обществу, но по исследованию оказался к нему неприкосновенным. Во исполнение таковой Монаршей воли покорнейше прошу Ваше Превосходительство, освободив из-под ареста упомянутого Грибоедова, приказать ему явиться в Высочайше учрежденную комиссию для изыскания о злоумышленном обществе для получения надлежащего аттестата. Военный министр Татищев». На предписании помета рукой капитана Жуковского: «Исполнено 2 июня» (ЛН. Т. 60. С. 480).

Податель этого письма ~ Муханов. — А. А. Муханов 13 мая 1826 г. был назначен адъютантом командующего 2-й армией графа П. X. Витгенштейна и, отправляясь по назначению, завез Алексееву письмо Грибоедова.

...я к судьбе несчастного О<доевского> не охладел... — А. И. Одоевский был осужден 10 июля 1826 г. по четвертому разряду, т. е. лишен чинов, дворянства и сослан на каторжные работы на 12 лет с последующим поселением (см.: Восстание декабристов. Т. 17. М., 1980. С. 244—245). О его освобождении не переставал хлопотать Грибоедов (см. письмо И. Ф. Паскевичу 3 декабря 1828 г.).

В. С. МИКЛАШЕВИЧ

6 июня 1826. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 117. Ед. хр. 263).
Впервые опубликовано: Звенья. Т. 1. С. 34—35.

Печатается по автографу.

На обороте листа рукой Грибоедова записан расчет: «654—348 = 306».

... сил нет домой воротиться ~ все это у Булгарина... — Очевидно, окончательно на дачу Ф. В. Булгарина на Выборгской стороне Грибоедов переехал несколько позже.

Нас представили... — 6 июня 1825 г. в Елагином дворце, летней резиденции Николая I, состоялся прием освобожденных из-под ареста по делу лиц, признанных непричастными к тайным обществам. В отношении генерала А. Н. Потапова к военному министру А. И. Татищеву от 3 июня 1826 г. за № 966 говорится: «Вследствие поручения г. начальника Главного штаба Его Величества, прошу покорнейше Ваше Высокопревосходительство доставить ко мне список всем освобожденным на сих днях из-под ареста чиновникам по делу о злоумышленном обществе. Список сей нужен для представления их в будущее воскресенье Государю Императору». В ответе от 4 июня военного министра Татищева сообщались имена освобожденных 2 и 4 июня 1826 г.: поручик князь М. Ф. Голицын, корнет А. А. Плещеев 2-й, отставной подполковник М. Н. Муравьев, коллежский асессор Грибоедов, поручик Ф. Е. Врангель и надворный советник А. В. Семенов.

Поцелуев мост — мост через р. Мойку, построен из чугуна по проекту В. И. Гесте в начале XIX в.

Н. А. МУХАНОВУ

Конец июня 1826. Петербург

Автограф: ГИМ (Ф. 117. Ед. хр. 263).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 153.
Печатается по автографу.

Датируется на основании письма Н. А. Муханова брату от 20 июня 1826 г.: «Грибоедов не едет в Москву, потому, что был в простуде все это время, страдал от флюса и потом не кончил еще совершенно дела свои здесь» (ГИМ. Ф. 177. № 34).

Попросите Хомякова... — Ф. С. Хомяков, дальний родственник Грибоедова, по ходатайству которого в 1829 г. «был назначен секретарем по дипломатической части при его сиятельстве Главноуправляющем Грузией на место А. С. Грибоедова» (Тифлисские ведомости. 1829. № 4). 3 мая 1826 г. С. А. Хомяков писал из Липиц сыну Алексею в Париж: «Название комедии „Горе от ума" оправдалось. Автор ее, Грибоедов, тоже арестован». Позже к этому пассажу добавлена приписка: «Недавно выпущен» (*Давыдова Е.* «Что год, что день, то связи рвутся...»: (А. С. Грибоедов и братья Алексей и Федор Хомяковы) // Хмелитский сборник. Вып. 2. С. 207).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Июнь—июль 1826.
Окрестности Петербурга

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 6).
Впервые опубликовано: PC. 1874. № 6. С. 287—288.
Печатается по автографу.

О Грече я слышал неприятность ~ за Госнера... — Речь идет о деле, восходящем до Комитета министров и Сената, в связи с напечатанными в типографии Н. И. Греча «Толкованиями на Новый Завет» патера Госнера (СПб., 1824) (см.: Записки Н. И. Греча. СПб., 1886; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры. СПб., 1892. С. 200).

...в твою пустыньку. — Адрес дачи Булгарина восстанавливается по записке к нему К. Ф. Рылеева: «На Сампсоньевской улице, у будки в доме Калугиной». Ныне это территория дома № 49/10 на углу Большого Сампсоньевского проспекта и улицы Смолячкова, недалеко от Большой Невки, на противоположном берегу которой раскинулся Аптекарский (Ботанический) сад (см.: РЛ. 1982. № 3. С. 151). В. Н. Григорьев свидетельствовал в своих воспоминаниях: «В 1826 году летом я случайно познакомился в Петербурге с Грибоедовым, автором известной комедии „Горе от ума". Я встретил его на даче у Булгарина, к которому иногда хаживал по литературным делам вследствие его же приглашения. Грибоедов <...> выпущен был на волю и от нечего делать поселился тогда на даче у Булгарина, который нанимал тогда каждое лето, вместо дачи, деревянный дом с садом на Выборгской стороне, на самом берегу Малой Невки, почти супротив Аптекарского сада» (Современник. 1925. Кн. 1. С. 134—135).

Bergeron — возможно, какая-либо из переведенных П. Бержероном на французский язык книга, напр. «Путешествие по Татарии» В. Рубруквиса.

Шмидт — книга Я. Шмидта: Forschungen in Gebiete d. älter Bildungsgeschichte d. Völker Mittel-Asien. St.-Pet., 1824.

«Временник» — вероятно, книга: Софийский временник. Ч. 1—2 / Под ред. Строева. М.: Изд. Н. П. Румянцева, 1820—1821.

Абуль-Газ — книга: *Abulchasi Bahadur Chane.* Histoire Monholorum Tartarorum. Casan, 1825 (с предисловием академика X. Д. Френа).

План-Карпин — книга: Любопытнейшее путешествие Монаха Францисканского Ордена Жана Дю Плано Карпина, посыланного в 1246 году в достоинстве Легата и Посла от Папы Иннокентия IV к Татарам, им самим написанное. М., 1800—1804. Грибоедов интересовался этой книгой и имел ее в своей библиотеке. Она имелась также в библиотеке Пушкина (см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 78). Вероятно, все перечисленные книги были нужны Грибоедову в связи с его работой над трагедией «Федор Рязанский» (см.: *Краснов П. С.* О «Федоре Рязанском» А. С. Грибоедова // РЛ. 1973. № 3. С. 104—105).

М. Н. ЗАГОСКИНУ

Первая половина августа 1826. Москва

Автограф: Архив Фундаментальной библиотеки Тартуского гос. ун-та.

Впервые опубликовано: Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды историко-филологического факультета. Вып. 35. 1954. С. 223.

Факсимиле: Там же. С. 224.

Печатается по первой публикации.

Обоснование датировки см.: *Исаков С.* и *Беззубов В.* Неопубликованное письмо А. С. Грибоедова к М. Н. Загоскину // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Труды историко-филологического факультета. Вып. 35. 1954. С. 223—230.

Взаимоотношения Грибоедова и Загоскина в 20-е гг. не носили уже ярко выраженного враждебного характера петербургского периода их знакомства. Сын драматурга С. М. Загоскин вспоминал: «Все члены „Арзамаса", за исключением Жуковского и Вигеля, сделались сильными порицателями драматического таланта отца, и в особенности ожесточался против него Грибоедов, который, однако, позднее, познакомившись с ним, полюбил его и остался в приятельских с ним отношениях вплоть до своей трагической кончины». В подтверждение этого С. М. Загоскин добавляет: «В Императорской Публичной библиотеке хранится переданное мною туда нижеследующее стихотворение Грибоедова, писанное им в форме письма к моему отцу, служившему в то время при Московском театре:

Бич пороков и блинов!
Ныне Щепкин угощает,
И приятельский свой зов
Чрез меня он посылает.
Приезжай нас позабавить,
Аппетиту нам прибавить
И съестного поубавить»

(ИВ. 1900. № 1. С. 48).

Однако Н. К. Пиксановым оно в Императорской Публичной библиотеке не было обнаружено. Если это стихотворение действительно принадлежит Грибоедову, то его датировку можно было бы определить фразой: «Ныне Щепкин угощает». Грибоедов в Москве в 1824 г. читал с М. С. Щепкиным роль Фамусова (см.: Арапов. С. 384). Выражение «Бич пороков и блинов» может относиться к масленице (см.: ПССП. Т. 1. С. 287). В 1817 г. Грибоедов высмеял Загоскина в стихотворении «Лубочный театр» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 213—215, 466—475).

Мне в своих обстоятельствах... — Только что освободившийся из-под следствия Грибоедов, очевидно, не хотел компрометировать своих знакомых. В это время он перестал переписываться с Жандром, почти не писал С. Н. Бегичеву.

...тревожить тебя об ложе... — Просьба Грибоедова о ложе связана с трудностью получения места в театре по случаю приготовления к коронации Николая I. Двор прибыл в Москву 21 июля 1826 г. Будущий император остановился в Петровском замке. Коронация состоялась 22 августа 1826 г.

А. А. ДОБРИНСКОМУ

9 ноября 1826. Тифлис

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 6).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 193—195.
Печатается по автографу.

Любезный товарищ по заключению. — А. А. Добринский содержался в здании Главного штаба вместе с Грибоедовым с 19 по 24 мая 1826 г. По докладу Следственной комиссии 24 мая его решено было перевести тем же чином в Кавказский корпус и ежемесячно доносить о его поведении. С 28 мая Добринский числился в 43-м Егерском полку (см.: Восстание декабристов. Т. 8. С. 78).

Главнокомандующий — А. П. Ермолов.

...ходатайство мое о вас... — Ходатайство Грибоедова имело успех, и в марте 1827 г. Добринский принял участие в Персидской кампании.

Алексей Петрович — А. П. Ермолов.

С. Н. БЕГИЧЕВУ

9 декабря 1826. Тифлис

Автограф: ГИМ (Ф. 281, А. С. Грибоедова. Оп. 2. Ед. хр. 29).
Впервые опубликовано: Письма к Бегичеву. С. 36—38.
Печатается по автографу.

А<лексей> П<етрович> — А. П. Ермолов.

Два старшие генерала ссорятся... — В августе 1826 г. в связи с неудачными военными действиями на персидском фронте в Отдельный Кавказский корпус был направлен И. Ф. Паскевич, в марте 1827 г. сменивший Ермолова на посту Главнокомандующего и Главноуправляющего Грузией.

С А<лексеем> П<етровичем> у меня род прохлаждения прежней дружбы. — Охлаждение отношений Грибоедова и Ермолова произошло ввиду назначения на Кавказ Паскевича, женатого на двоюродной сестре Грибоедова. Хотя Грибоедов не афишировал это охлаждение, оно стало известно многим и отразилось в мемуарах Д. В. Давыдова, Н. Н. Муравьева и Н. В. Шимановского (см.: Воспоминания 1980). Дружба Грибоедова с Ермоловым была освящена семейными преданиями — в доме бабки Грибоедова, Марьи Ивановны, урожденной Аргамаковой, во втором браке

Розенберг, находилась штаб-квартира офицерского заговора против Павла I, участие в котором принимал молодой Ермолов (см.: *Шторм Г.* Потаенный Радищев. М., 1974. С. 141). В письмах Грибоедова содержится множество доброжелательных отзывов о Ермолове, но неудачное ведение им военной кампании признавали многие, в том числе и безусловно сочувствующие. Так, П. А. Вяземский писал 19 марта 1828 г.: «В публике Паскевич затмил славу Суворова, Наполеона! О Ермолове, разумеется, говорят не иначе, как с жалостью, а самые смелые с каким-то удивлением. Впрочем, кажется, он в самом деле в соображениях и планах своих был не прав. У Провидения свои расчеты: торжество посредственности и уничижение ума входят иногда в итог его действий. Кланяемся и молчим» (Воспоминания 1980. С. 90). Служивший на Кавказе в 1816—1836 гг. В. А. Андреев отмечает, что «бестолковые донесения не понимавшего военного дела Мазаровича, которому так много веровал Ермолов, и ввели его в заблуждение, заставив действовать осторожно и медленно и мало надеяться на имевшиеся у него под рукою силы, с которыми — как доказал под Елисаветполем Паскевич — легко можно было управиться с персиянами» (Там же. С. 158). К тому же Грибоедов «не мог втайне не оскорбляться, что он составляет только штат Ермолова по дипломатической части, но не имеет от него серьезных поручений и предпочитается ему какой-то авантюрист Мазарович — пришлый доктор из Сербии или Далмации, рекомендованный Капо д'Истриа и к которому он послан был в тавризскую миссию советником...» (Там же).

Денис Васильевич — Д. В. Давыдов. В это время он находился в трехмесячном отпуске в своем подмосковном имении, прослужив на Кавказе чуть более двух месяцев.

Я на досуге кое-что пишу. — Вероятно, трагедию «Грузинская ночь» (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 205—210).

...завтра Давыдов возвращается. — Д. В. Давыдов вернулся на Кавказ только в апреле 1827 г.

Мазаровичева — жена С. И. Мазаровича. Ермолов писал о ней, что она «недостаток красоты заменяет умом и любезностью» (РС. 1872. С. 518).

...нежные представления ~ вновь завязалось? — Речь идет о сватовстве А. М. Дурново к М. С. Грибоедовой. См.: Письмо А. М. Дурново к Грибоедову от 25 мая 1828 г. // РС. 1874. № 6. См. также письмо Грибоедова к Жандру от 24 июня 1828 г.

Лишь яркая заплата / На ветхом рубище певца — неточная цитата из «Разговора книгопродавца с поэтом» А. С. Пушкина, напечатанного в виде предисловия к первой главе «Евгения Онегина» (1825).

Наш сардар — А. П. Ермолов.

...о судьбе Андромахи... — Имеется в виду трагедия П. А. Катенина «Андромаха», начатая в 1820 г. и напечатанная в 1827 г.

Екатерининское — имение Бегичева в Епифаньевском уезде Тульской губернии. Оно было приобретено А. И. Бегичевой в январе 1826 г. (см.: Завещание А. И. Бегичевой (ЦГИАМ. Ф. 127. Оп. 11. Д. 57. Л. 7)). В июле 1826 г., направляясь на Кавказ, Грибоедов заезжал в Екатеринин-

ское для свидания с Бегичевым. Очевидно, тогда и произошел упоминаемый Грибоедовым разговор (см.: Летопись. С. 169).

Читай Плутарха... — Грибоедов имеет в виду книгу «Плутарховы сравнительные описания славных мужей». Ч. 1—13. СПб., 1814—1820).

...чтобы прислали мне трагедию Пушкина «Борис Годунов». — Полностью «Борис Годунов» был напечатан только в 1831 г. Трагедия Пушкина чрезвычайно интересовала Грибоедова — в особенности в связи с его собственными замыслами.

Анна Ивановна — А. И. Бегичева.

Моя невеста — малолетняя дочь Бегичевых.

Дмитрий — Д. С. Бегичев.

Александра Васильевна — А. В. Бегичева.

Андрей — А. А. Жандр. После ареста в конце 1825 г. он оставался под подозрением и писать ему было невозможно.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

11 декабря 1826. Тифлис

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 7).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 289—290.
Печатается по автографу.

Твои листки — «Северная пчела».

Länchen — Е. И. Булгарина.

Täntchen — Е. И. Видеман, мать Е. И. Булгариной. Теща держала Булгарина весьма строго и известна по шутке Рылеева: «Где Булгарин Фаддей / Не боится когтей / Танты...»

Фуксова статья — *Фукс Е. Б.* Один день из жизни Суворова // СП. 1826. № 122—124 (12, 14, 16 октября).

Твои прогулки и встречи — фельетоны Булгарина в «Северной пчеле» и «Северном архиве» (например, «Поездка в Парголово. 21 июня») (Северная пчела. 1825. № 77. 27 июня).

...о сражении при Елизаветполе... — Сражение при Елизаветполе состоялось 13 сентября 1826 г.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

26 января 1827. Тифлис

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 178.
Печатается по автографу.

Харитон Яковлевич — Х. Я. Гиацинтов.

А. В. ВСЕВОЛОЖСКОМУ

19 марта 1827. Тифлис

Автограф: РГИА (Ф. 652. Оп. 1. Д. 188).

Копия: ГЦТМ (Ф. 104. № 9).

Впервые опубликовано: газета «За научные кадры» (Иркутский ун-т). 1955. 5 ноября.

Печатается по автографу.

...будто ты был позван в Астрахань... — Вероятно, отъезд был связан с хозяйственными вопросами, с делами рыбного промысла в Астрахани и кавказского имения Всеволожских.

...я так же был за тебя уверен, как некогда ты за меня... — Намек на арест Грибоедова в начале 1826 г.

...остаемся при старом. — Отставка А. П. Ермолова последовала после его прошения, поданного 27 марта 1827 г.

Hettier мне пишет... — О совместных с Т. Этье коммерческих проектах см. письма от 19 мая и 10 июля 1823 г.

Брат — Н. В. Всеволожский. В мае 1827 г. он с женой посетил Тифлис, где пробыл у своего родственника Н. М. Сипягина, женатого на М. В. Всеволожской, пять дней. Описание этого путешествия см.: *[Нефедьев] Н. Н.* Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827. М., 1829. При этом Н. В. Всеволожский подал прошение И. Ф. Паскевичу о намерении продолжить статскую службу под его началом. В октябре 1828 г. Всеволожский снова в Тифлисе на постоянной должности в канцелярии военного губернатора.

София Ивановна — С. И. Всеволожская.

...позаботился обо мне ~ в начале 1826 года. — Имеется в виду пребывание Грибоедова на гауптвахте Главного штаба.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

16 апреля 1827. Тифлис

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 8—9).

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 291—291.

Печатается по автографу.

Статистическое описание ~ по лучшей, новейшей системе... — С теорией статистики Грибоедов познакомился еще в университете, слушая лекции проф. И. А. Гейма. Интерес к статистическим исследованиям проявил он и позже, о чем свидетельствует отобранная у него во время ареста книга «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа». Под арестом он просит Н. А. Муханова прислать ему «Статистику Арсеньева» (Начертание статистики Российского государства, составленное Главного педагогического института адъюнкт-профессором Констан-

тином Арсеньевым. Ч. 1. 1818; Ч. 2. 1819). Впоследствии по инициативе Грибоедова на Кавказ были приглашены специалисты, которые произвели статистическое описание ряда районов Грузии (см.: Летопись. С. 170).

Главноуправляющий — И. Ф. Паскевич.

Стихи Жандра в 1-м №... — Стихотворение А. А. Жандра «Минуты жизни» были без подписи опубликованы в «Северной пчеле» (1827. № 2).

...другие к Музе ~ с большим дарованием. — Стихотворение А. А. Жандра «К моей Музе» было без подписи опубликовано в «Северной пчеле» (1827. № 8). В примечании издателя указано, что оно принадлежит тому же автору, что и «Минуты жизни».

Желал бы иметь целого Годунова. — Сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» была напечатана в «Московском вестнике» (1827. № 1. С. 3—10). Позднее, 16 мая 1828 г., Грибоедов слушал «Бориса Годунова» в чтении самого Пушкина на вечере у графа Лаваля (см.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. М., 1999. С. 385). В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал: «Грибоедов критиковал мое изображение Иова — патриарх, действительно, был человеком большого ума, я же по рассеянности сделал из него глупца» (Т. 14. С. 48, 396).

Повеса Лев Пушкин здесь. — Л. С. Пушкин в 1827 г. юнкером вступил в Нижегородский драгунский полк под начальством Н. Н. Раевского.

1-я Глава твоей «Сиротки». — Первая глава романа Булгарина «Иван Выжигин» под названием «Сиротка, или Картина человечества во вкусе фламандской школы» была напечатана в «Северном архиве» (1827. Ч. 25. № 11).

Александр — А. Д. Грибов.

Länchen — Е. И. Булгарина.

Tante — Е. И. Видеман.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

8 мая 1827. Тифлис

Автограф: ГИМ (?)
Впервые опубликовано: Попова. С. 73—74.
Печатается по первой публикации.

Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.

Гюлистанский договор — Гюлистанский мирный договор России с Персией, заключенный 12 октября 1813 г., после десятилетней войны (1804—1813), в поселке Гюлистан Карабахской провинции. В 1827 г. Грибоедов готовил материалы для будущего мирного договора и интересовался Гюлистанским договором, действие которого было прервано вторжением персидских войск на российскую территорию в 1826 г. Нессельроде в отношении от 3 мая 1827 г. сообщил Паскевичу о назначении и скором прибытии действительного статского советника А. М. Об-

рескова — представителя России при открытии переговоров с персидским двором. Через Обрескова Паскевич получил императорский рескрипт «касательно будущего заключения мира», а также «проекты договоров с Персиею, мирного и торгового, с дополнительным их пояснением» (*Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа...». М., 1990. С. 87). Очевидно, Паскевич и Грибоедов готовили к приезду Обрескова собственные материалы, которые впоследствии и легли в основу мирного договора.

...чтобы вы запаслись в его канцелярии подорожной... — С. И. Мазарович, вслед за Ермоловым, оставлял службу на Кавказе и отправлялся в Петербург.

С. И. МАЗАРОВИЧУ

4 апреля — 12 мая 1827. Тифлис

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РЛ. 1979. № 3. С. 147 (перевод).
Печатается по первой публикации.

П. С. Краснов пишет, что О. И. Попова во время работы над книгой «А. С. Грибоедов в Персии. 1818—1823 гг.» (М., 1929) выявила в Отделе письменных источников ГИМ девять писем драматурга. «Однако не все письма, обнаруженные О. И. Поповой, были напечатаны. Написанная по-французски записка к С. И. Мазаровичу, обнаруженная исследовательницей уже во время верстки книги, не вошла в издание и впоследствии в музее затерялась. Копия ее и перевод на русский язык хранились у О. И. Поповой и переданы ею мне незадолго до смерти» (*Краснов П. С.* Две записки А. С. Грибоедова // РЛ. 1979. № 3. С. 147).

Обоснование датировки см.: Там же. С. 148.

Атлас Мориера — книга: *Morier J.* Voyage en Perse, en Arménie, en Asie Mineure et a Constantinople, fait dans annos 1808 et 1809. T. 1—2. Paris, 1813.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

28 июня 1827. Нахичевань

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 179—181.
Печатается по автографу.

...пока перепишут мои служебные бумаги... — Очевидно, составлялось донесение И. Ф. Паскевича к К. В. Нессельроде от 27 июня 1827 г. «О мирных сделках с разными племенами Эриванской области, на походе из Эчмиадзина в Нахичевань» (см.: АКАК. Т. 7. С. 547—549).

Генерал — И. Ф. Паскевич.

Муравьев сегодня утром ходил в рекогносцировку крепости Аббас-Абад. — Аббасабад был взят русскими войсками 7 июля 1827 г. Этому предшествовали тайные переговоры Грибоедова с Эхсан-ханом. См. также: Наст. изд. Т. 2. С. 341, 609.

...у них часто происходят серьезные ссоры... — Об отношениях с Паскевичем Н. Н. Муравьев не раз писал в своих записках (см.: РА. 1881. № 3. С. 399; Воспоминания 1980. С. 41—78).

...роль примирителя... — Это подтверждает, например, следующая запись в записках Н. Н. Муравьева: «Я пошел к Грибоедову, рассказал ему все происшествие и объяснил, что более в войске не остаюсь. Сколь ни было прискорбно Грибоедову, по родству его с Паскевичем, видеть ссору сию, но он не мог не оправдать поведения моего в сем случае» (РА. 1889. № 11. С. 316).

...за вашего зятя. — 22 апреля 1827 г. Н. Н. Муравьев женился на Софье Федоровне Ахвердовой, падчерице П. Н. Ахвердовой.

Дашенька — Д. Ф. Ахвердова.

Надежда Афанасьевна — Н. А. Юдина.

Анна Андреевна — А. А. Ахвердова.

Софья Федоровна — С. Ф. Муравьева.

Мария Ивановна — М. И. Орбелиани.

Катерина Акакиевна — Е. А. Снаксарева.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

3 июля 1827. Под стенами Аббасабада

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 181—184.
Печатается по автографу.

...и поехал к Аббас-Абаду... — Взятию крепости Аббасабад близ Нахичевани предшествовали переговоры Грибоедова с командиром нахичеванских сарбазов в крепости Эхсан-ханом. «Изъявив желание перейти в русское подданство, он мстил тем самым за своего отца, Келб-Али-хана Нахичеванского, ослепленного шахом» (см.: Летопись. С. 172). Эхсан-хан, сын Калб-Али-хана Нахичевани, был назначен Аббас-мирзой комендантом крепости Аббасабад. Однако, обезоружив и пленив всех сторонников наследника престола в крепости, он сдал ее И. Ф. Паскевичу, который некоторое время спустя назначил Эхсан-хана губернатором Аббасабада. Значительную роль в капитуляции крепости сыграл Грибоедов, ведший с Эхсан-ханом тайные переговоры о сдаче. См. также: Наст. изд. Т. 2. С. 341, 609—610.

Ваш зять — Н. Н. Муравьев.

Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

15—19 июля 1827. Карабаба

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано. РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 187.
Печатается по автографу.

Обоснование датировки см.: ПССП. Т. 3. С. 347.
Написано рукой Шаумберга и не подписано Грибоедовым.

Дело 5-го числа... — Грибоедов имеет в виду сражение при Джаван-Булахе 5 июля 1827 г. В нем отличился Н. Н. Раевский с Нижегородским полком (см.: *Потто В.* История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 3. СПб., 1894. С. 35—40).

...взятие Аббас-Абада... — Русские войска взяли Аббасабад 7 июля 1827 г.

Ваш зять — Н. Н. Муравьев.

Граф Сухтелен — П. П. Сухтелен. Он прибыл в аббасабадский лагерь и вступил в должность начальника штаба 14 июля 1827 г. (см.: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 2. СПб., 1890. С. 295).

Давыд — Д. А. Чавчавадзе.

Нина — Н. А. Чавчавадзе.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

26 июля 1827. Аббасабад

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 2. № 423. Л. 3—4 об.).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 59—62.
Печатается по тексту первой публикации.

Принц — Аббас-мирза. После взятия Аббасабада он обратился к русскому командованию с просьбой о начале мирных переговоров. 20 июля 1827 г. Грибоедов был послан в персидский лагерь, размещавшийся в деревне Каразиадин для предъявления наследному принцу условий мирного договора.

Обер-церемониймейстер — Мухаммад-Хусайн-хан.

Ее Величество Императрица-мать — Мария Федоровна.

...подробности в особом рапорте... — См. рапорт № 116 от 30 июля 1827 г.

...после Гюлистанского мира, когда уступки нескольких провинций... — См. статью II Гюлистанского договора, которая в скрытой форме содержит указание на то, что к России отходят Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское, Талышинское ханства, Дагестан, Грузия, Имеретия, Гурия, Мингрелия и Абхазия.

Эмир-Заде — Мухаммад-мирза.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

14 августа 1827. Карабаба

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 184—185.
Печатается по автографу.

В автографе — явная описка в дате: juillet.

Егорушка — Г. Ф. Ахвердов.
Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

3 октября 1827. Эривань

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 185—186.
Печатается по автографу.

Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.
Взятие Сардарабада ~ Эривани... — 20 сентября 1827 г. русские войска взяли Сардарабад. 25 сентября начался обстрел Эривани, продолжавшийся до 1 октября, когда город пал.
Моя двоюродная сестра — Е. А. Паскевич.
Ваш зять — Н. Н. Муравьев-Карский. После освобождения от должности Сухтелена он был назначен начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса.

В. Д. ВОЛЬХОВСКОМУ

11 января 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: Харьковские губернские ведомости. 1891. № 93. 10 апреля.
Печатается по первой публикации.

Датировка определяется автографом письма И. Ф. Паскевича В. Д. Вольховскому от 11 января 1828 г., написанного рукой Грибоедова, которое, как и письмо от самого Грибоедова, должен был передать Вольховскому Джон Макдональд: «Господину гвардейского Генерального штаба и кавалеру Вольховскому. Вы получите сие предписание с английским министром г. Макдональдом. Если пять или три курура действительно высланы из Тейрана и уже по прибытии в Казбин готовы к препровождению в Российский передовой отряд: то приглашаю Ваше Высокоблагородие следовать с ними же. Если новые возникнут извороты и промедления от персиян, то я нахожу не только неполезным, но и несо-

гласным с достоинством Российского чиновника ваше дальнейшее пребывание в Тейране или Казбине, ибо разрыв между нами и персиянами уже объявлен и вероятно скоро приобретет гласность в краю, в котором вы находитесь. Продолженное ваше там присутствие может ободрить легкомыслие персидское, что чрез вас они могут испросить и получить еще отсрочку или уменьшение требований в их пользу. — Впрочем полагаю наилучшим Вашему Высокоблагородию руководствоваться с некоторою разборчивостью советами г. Макдональда, как человека благонамеренного и радеющего более о мире, нежели сами персияне, которых намерения очень скоро вам будет иметь случай проникнуть. — Вашими донесениями я очень доволен, и прошу вас всё достойное внимания, касательно дорог, положения края, духа народного не упускать из виду с известною мне вашею наблюдательностью. — Если вы не только способом англичан, но по слухам или по извещению вас каким-нибудь лицом, заслуживающим доверия, можете разведать, насколько Аббас-Мирза участвует или противодействует относительно упорств Шаха в неисполнении наших условий, то чрез то большую принесете пользу делам нашим в Персии. — Генерал-адъютант Паскевич. — № 1, Января 11-го 1828, Табриз» (РЛ. 1997. № 1. С. 93).

Макдональд — Д. Макдональд.

Переговоры прерваны. — Переговоры были прерваны 7 января.

Рапорты ваши ~ Его Императорскому Величеству. — Все донесения по дипломатической и военной части в копиях препровождались Николаю I в Петербург.

Генерал — И. Ф. Паскевич.

Муэтемид — Абд ал-Ваххаб Исфахани.

..мы должны отступить за Аракс, а потом уже получить деньги. — Основным условием подписания мирного договора со стороны России было получение части контрибуции (5 куруров), а затем уже освобождение исторического Азербайджана.

Уверены ли вы ~ чрез другие ворота. — В «Журнале» Паскевича от 31 декабря 1827 г. отмечено следующее: «Из рапорта капитана Вольховского видно, что политика Шаха переменилась, тому кажется причиною слух о Турецкой войне. — И англичане, хотя влиянием своим стараются нам быть полезными, но из последнего действия Макниля в Тегеране я вижу, что они не хотят потерять доверенность Персидского правительства. — Из сего рапорта видно, что положение капитана Вольховского весьма затруднительно, он ни с чем более не послан как только понудить Шаха выслать деньги из Тегерана, половину встретив за городом, он старается и остальные выслать» (РГИАЛ. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 194. Л. 32—32 об.).

Александровская лента — орден Александра Невского за командование отрядом русских войск, взявшим 13 октября 1827 г. Табриз.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

16 марта 1828. Петербург

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 8. Ед. хр. 114).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 62—64.

Печатается по автографу.

На автографе помета красными чернилами рукой неизвестного: «№ 1».

Я получил от Нессельроде ~ и чином статского советника. — Отправляя Грибоедова в Петербург с Туркманчайским договором, И. Ф. Паскевич в отношении № 172 от 12 февраля 1828 г. (написанном рукой Грибоедова) сообщал К. В. Нессельроде следующее: «Милостивый государь, граф Карл Васильевич. — Честь имею поздравить Ваше Сиятельство с миром, благополучно заключенным в Туркманчае 10 февраля сего года. Никому сие событие не может быть так приятно, как тому Государственному человеку, в управление которого внешними делами Империи оно наконец так счастливо и с такою славою свершилось. — Из официальной депеши Ваше Сиятельство изволите усмотреть плоды трудов наших; но сколько стоило терпения и настойчивости, чтобы склонить персиян к безоговорочному принятию наших условий, известно только тем, которые с ними в делах обращались. — Посылаю к Государю Императору с известием о мире коллежского советника Грибоедова, как деятельного участника в бывших переговорах. Если Вашему Сиятельству угодно будет от него узнать о ходе негоциаций, он лучше всякого может объяснить и степень затруднений и временную причину остановки в делах, и наконец, все те испытания, чрез которые мы должны были пройти, чтобы достигнуть желаемого успеха, совершенного исполнения воли Государя Императора. Позвольте Вашему Сиятельству отрекомендовать Грибоедова, как отличного, усердного и опытного в здешних делах чиновника, ничто ему не может быть лестнее одобрения и покровительства подобного Вашему Сиятельству просвещенного начальника и облеченного доверием Великого Нашего Монарха, от слова Вашего зависит его репутация и счастие по службе. — Ныне же за важные услуги, Грибоедовым при заключении столь благополучного и славного мира оказанные, я прошу покорнейше Ваше Сиятельство употребить с Вашей стороны благосклонное предстательство об исходатайствовании ему у Всемилостивейшего Государя в единовременную награду четырех тысяч червонцев, каковой награды, по отлично усердной службе при совершенно расстроенном состоянии он в полной мере достоин. — С совершенным почтением и преданностию честь имею быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга Иван Паскевич» (АКАК. Т. 7. С. 594—595; Дело о службе статского советника Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 364—365).

Указ Правительствующему Сенату о пожаловании Грибоедова в статские советники и Капитулу Российских орденов о награждении его орденом Святой Анны 2-й степени с алмазными знаками был подписан Николаем I 14 марта «поздно ввечеру», т. е. в день приезда Грибоедова. Указ министру финансов Е. Ф. Канкрину о единовременном пожаловании Грибоедову 4000 червонных был подписан Николаем I 17 марта 1828 г. 16 марта Грибоедов был утвержден Сенатом в звании статского советника, 20 марта ему были высланы бриллиантовые знаки ордена Святой Анны 2-й степени, а после 23 марта он получил 4000 червонных (см.: Де-

ло о службе статского советника Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 365—368).

16 марта К. К. Родофиникин в письме к И. Ф. Паскевичу сообщал: «Слов не могу найти довольно выразительных, чтобы описать Вашему Сиятельству всеобщую радость, которою была объята петербургская публика приездом любезнейшего Грибоедова; даже Австрийский посол, который долгое время был одержим болезнью, выехал вчера во дворец к молебствию <...> Грибоедов поздравлен с чином от самого Государя и в тот же день гр<аф> Карл Васильевич привез из дворца указы об ордене и 4 т<ысячах> черв<онных>, согласно с Вашим предписанием. Остается довершить дело, чтобы дать ему дело, и то будет» (АКАК. Т. 7. С. 607).

Граф Эриванский и с миллионом. — 15 марта Паскевич был возведен в графское достоинство как граф Эриванский и пожалован суммой в миллион рублей.

Рымникский — А. В. Суворов.

Государь благоволит вам... — О приеме Грибоедова Николаем I в Камер-фурьерском журнале за март 1828 г. записано следующее: «14-го марта. Среда. Сего дня в 1-м часу пополудни приехал в Петербург с границы Персидской курьером, чиновник иностранной коллегии, коллежский советник Грибоедов с известием о заключении 10-го февраля в селении Тюркменчее между Россией и Персией мира. — Управляющий Иностранного Министерства, Действительный Тайный советник граф Нессельроде, того же часу с помянутым чиновником был у Государя Императора — того же часа возвещено о том Городу 201-м из Санкт-Петербургской крепости пушечным выстрелом. После сего приказано быть благодарственному молебствию в соборе Зимнего Дворца, завтра 15-го числа в 2-м часу для чего и посланы в город повестки о съезде, следующего содержания: „По получении извещения о мирном трактате в селении Тюркменчее с Персиею, заключенного 10-го февраля, и присоединения Армянской области к Российской Империи, Его Императорское Величество в ознаменование сего радостного происшествия Высочайше повелеть соизволил: Назначить сего 15-го числа марта, принести торжественное Господу Богу благодарение в Церкви Зимнего Дворца. Для чего и съезжаться всем вышеописанным особам и Г.г. Чужестранным министрам того числа во втором часу пополудни и быть Дамам в русском платье, а Кавалерам в парадных мундирах". — Камер-фурьер Бабкин» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1/120/2322. Ед. хр. 25. Л. 31—31 об.).

Государыня — Александра Федоровна.

Сашенька — А. И. Паскевич.

Ваша жена — Е. А. Паскевич.

Великий князь — Михаил Павлович. Паскевич сопровождал его в путешествии по России в 1817 г. и по Европе в 1818 г.; в 1826 г. Михаил Павлович был назначен командиром гвардейского корпуса.

Ив<ан> Фед<орович> — И. Ф. Паскевич.

Осип Федорович — Иосиф Федорович Паскевич.

Александр Христофорович — А. Х. Бенкендорф.

...все ваши отношения с его братом ~ и холодность и причины. — К. Ф. Бенкендорф не ужился с И. Ф. Паскевичем в Отдельном Кавказском корпусе и вынужден был перевестись в Петербург весной 1827 г.

...вроде подлеца Курганова. — По-видимому, именно благодаря Грибоедову Курганов (Корганов) был уволен из адъютантов Паскевича. В письме к Н. Н. Раевскому 7 октября 1827 г. Корганов писал: «Мне быть Цицероном, чтоб тронуть охладевшее ко мне сердце Александра Сергеевича, невозможно; стало быть, остается одна только дорога — просить Вас быть ходатаем у него и сказать ему, чтоб он, пожалев мои труды, при шапочном разборе кампании (имеется в виду заключение мира с Персией. — *Ред.*) не лишился бы и случая, от чего зависит весь мой карьер; он сам испытал несчастья и знает всю горесть его, и, сколько я знаю, защитник им» (Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 357).

Фединька — Ф. И. Паскевич.

Андроников повергается к стопам вашим. — И. М. Андроников сопровождал Грибоедова в Петербург с Туркманчайским договором.

Чевкин у меня сейчас. — К. В. Чевкин состоял при бароне И. И. Дибиче в феврале 1827 г. при командировке его в Тифлис, затем принял участие в военных действиях и состоял при графе Сухтелене во время Дей-Карганских переговоров, после которых 26 ноября 1827 г. вернулся в Петербург и вновь был назначен состоять при начальнике Главного штаба И. И. Дибиче.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

Конец марта — начало апреля 1828.
Петербург

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 8. № 116).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 64—67.
Печатается по автографу.

Помета красными чернилами неизвестной рукой: «№ 3».

Я был приглашен к обеду во дворец. — В Камер-фурьерском журнале за март 1828 г. отмечено: «17-го марта. Суббота. Сего дня обеденный стол у Государя Императора в Концертном зале по случаю Мира с Персиею, заключенного 10-го февраля сего года. <...> К 3-м часам дня приглашены от Государя Императора особы обоего пола: Царская фамилия с митрополитом Серафимом и Филаретом Санкт-Петербургским и Московским, Г. г. Министры, Генерал-Адъютанты, Гвардийского корпуса Генерал-майоры. Первые чины Двора. — Вторые чины Двора: Статс-секретари, Лейб-медики, Статс-Дамы, Камер-фрейлины, фрейлины, Члены Государственного Совета <...> Статский Советник Грибоедов, Свиты Принца Прусского, Свиты Принца Вюртембергского. — Государыня Императрица за нездоровьем у Стола быть не изволила» (РГИА. Ф. 516. Оп. 1/120/2322. Ед. хр. 25. Л. 39 об., 42 об.).

...либо у Белосельских, либо у Лавалей. — А. М. Белосельский-Белозерский и И. С. Лаваль были женаты на сестрах Козицких — Анне Григорьевне и Александре Григорьевне.

...я у него обедал с Чернышевым. — А. И. Чернышев и И. О. Сухозанет были женаты на дочерях Белосельских-Белозерских — Екатерине Александровне и Елизавете Александровне.

...испрашивал ленту Беклемишеву... — П. Н. Беклемишев, друг И. Ф. Паскевича, ведал его частными делами.

...все ваши недоразумения с Красовским... — При Ушагани 17 августа 1827 г. генерал Красовский сначала потерпел неудачу: возглавляя отряд, назначенный для блокады Эривани, он, вопреки инструкции Паскевича, разделил его на части, напал на персиян и очутился в опасности. Паскевич был вынужден идти к нему на выручку. Н. Н. Муравьев отрицательно отзывался о Красовском (см.: РА. 1889. Т. 3. № 9. С. 81—82).

Аббас-Кули — Бакиханов Аббас-Кули-ага.

...дайте Льва и Солнца ~ гр. Кушелеву. — Лев и Солнце — персидский орден. Г. Г. Кушелев в 1827 г. участвовал во взятии Эчмиадзина и Сардарабада во время Персидской войны.

Хорошенькая невеста — Н. Л. Соллогуб.

Амбасадорство — от франц. «ambassadeur» — посол, дипломатический представитель. А. М. Обрезков был представителем Министерства иностранных дел России при подписании Туркманчайского договора.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

10 апреля 1828. Петербург

Автограф: РГБ (Ф. 451. Карт. 1. Ед. хр. 4).
Впервые опубликовано: Правда. 1888. № 32. 7 августа.
Печатается по автографу.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

12 апреля 1828. Петербург

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 8. Ед. хр. 115).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 67—68.
Печатается по автографу.

Я еще нового назначения никакого не имею. — Грибоедов будет назначен Полномочным министром в Персии 25 апреля 1828 г. (см.: Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 3. С. 501).

Да мимо идет меня чаша сия — неточная цитата из Евангелия (Мф. 14, 36).

Граф Ериванский — И. Ф. Паскевич.

Скоро ли и сами ли вы лично двинетесь на врага Христовой Церкви? — Грибоедов имеет в виду ожидавшуюся войну России с Турцией. Ее объявили 14 апреля 1828 г.

П. А. КАРАТЫГИНУ

Апрель — начало июня 1828. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 526. Ед. хр. 23).
Впервые опубликовано: ЛН. Т. 47—48. С. 367.
Печатается по автографу.

А. И. ОДОЕВСКОМУ

Начало июня 1828. Петербург

Автограф: РГБ (Погодин. III 3, 55) — беловой; РНБ (Ф. 588. № 221) — черновой.
Впервые опубликовано: Москвитянин. 1856. № 12. С. 322—323.
Печатается по беловому автографу.

При оценке тона данного письма следует учитывать, что официальная переписка с осужденными декабристами могла осуществляться лишь через посредство III Отделения Канцелярии Е. И. В.

Твоя экзальтация — участие в декабристском восстании.

...как ты плыл и тонул, чтобы до меня добраться и меня спасти? — О наводнении 7 ноября 1824 г. см.: Наст. изд. Т. 2. С. 267. А. Одоевский вовсе не «спасал» в этот день Грибоедова. Очевидно, иносказательно здесь Грибоедов дает Одоевскому понять, что знает, как 14 февраля 1826 г. на вопрос Следственной комиссии: «Коллежский асессор Грибоедов, когда и кем был принят в тайное общество? С кем из членов состоял в особенных отношениях? Что известно ему было о намерениях и действиях общества и какого рода вы имели с ним рассуждения о том?» — тот ответил: «Так как я коротко знаю г-на Грибоедова, то об нем честь имею донести совершенно положительно, что он ни к какому не принадлежит обществу» (ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 174. Л. 4). Одновременно Грибоедов намекает, что предпримет усилия по спасению друга.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Начало июня 1828. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 20).
Печатается по автографу впервые.

Это список вещей, которые предстояло отправить вслед за Грибоедовым в Персию, и указание, каким путем их лучше доставить.

Х. Ф. ФРЕНУ

Начало июня 1828. Петербург

Автограф: АРАН СПб. (Ф. 778. Оп. 2. № 106).
Впервые опубликовано: Известия II Отделения имп. Академии наук. 1908. Т. 13. Кн. 4. С. 220—221.
Печатается по автографу.

Знакомство Грибоедова с академиком Х. Д. Френом началось в 1823 г. Френ старался поддерживать деловые отношения с членами российской дипломатической миссии в Персии. В конце 1821 г. он познакомился с А. К. Амбургером, который помог Френу восполнить пробелы в нумизматической коллекции и подарил экземпляр только что изданного в Персии «Гюлистана» Саади. С. И. Мазарович в начале 1823 г. подарил 19 монет, отсутствовавших в этой коллекции, и передал Грибоедову сочинения Френа.

27 декабря 1827 г. И. Ф. Паскевич направил Грибоедову предписание № 816: «Препровождая при сем отношение ко мне начальника Главного Штаба Его Императорского Величества и приложенную к оному записку на французском языке профессора Сенковского, предписываю вам немедленно заняться приведением в исполнение изложенных в оном отношении и записке предположений. Я уверен, что собственное Его Императорского Величества назначение употребить вас для приобретения сокровищ, столь любопытных и драгоценных для всей просвещенной Европы, еще более поощрит вас приложить все старания к исполнению воли Монарха, знаменитого покровителя знаний и искусства». В Отношении № 242 графа Дибича к генералу Паскевичу от 17 ноября 1827 г. говорилось: «По Высочайшему повелению, честь имею препроводить к Вашему Высокопревосходительству проект профессора Сенковского о приобретении от персиян редких восточных манускриптов, находящихся в их книгохранилищах. Его Императорское Величество хотя и изволит полагать, что таковое требование не может быть прилично включено в договорные пункты мирного трактата, но не менее того желает, чтобы вы не выпустили из виду сего предмета и постарались бы внушить персидским уполномоченным, что вместо обыкновенных подарков, делаемых шахом при заключении договоров, Государю Императору приятно было бы получить манускрипты, опись коих я в непродолжительном времени буду иметь честь доставить Вашему Высокопревосходительству, присовокупляя, что как для отыскания оных, так и для открытия других любопытных сочинений, Его Величество полагает возможным употребить состоящего при вас Грибоедова». Сенковский составил следующий проект (подлинник по-французски): «Поскольку хранилищем человеческих знаний до изобретения книгопечатания были рукописные книги, потребность получить их в соединении с огромной их стоимостью и редкостью нередко давала основание для заключения специальных договоров между победителями и побежденными; память об этих сделках, которую сохранили для нас летописи, свидетельствует, насколько они делают честь тем, кто их заключал. Приведу только два примера, связанных однако с самыми славными историческими именами, поскольку это имена монархов, обеспечивших себе

бессмертие благодаря заботе о просвещении покоренных наций и привнесении им благ цивилизации. Хосров Ануширван, царь Персии, победив Юстиниана Великого, наложил на него подать, состоявшую из определенного количества рукописей произведений самых знаменитых авторов античности; а позже Гарун-аль-Рашид, известный своим великодушием и литературными вкусами, не раз включал подобные условия в свои мирные договоры с греческими императорами, которые к тому времени не ценили и не умели использовать на благо своих подданных научные сокровища, сокрытые в их огромных библиотеках. — Современная история также приводит нам примеры такого рода, тем более заслуживающие внимания, что речь идет о нациях, справедливо именуемых самыми просвещенными в Европе. Англичане, покоряя или влияя на мусульманские княжества Восточной Индии, никогда не забывают о податях в виде библиотек этой страны и увозят самые ценные рукописи в колледж Форт-Вильяма и в Британский музей в Лондоне. Осуществленная французским правительством в 1798 г. экспедиция в Египет имела одновременно военный и научный характер. Комиссия, составляемая первыми учеными Европы, шла по следам завоевателей: результаты этих работ были огромны и составляют сегодня великолепный памятник, который должен увековечить память об одном из самых необыкновенных событий современной истории. Комиссия эта особенно стремилась вывезти из библиотек Каира и Александрии все восточные рукописи, представляющие хоть какой-то интерес для истории, географии, других наук, и таким образом были вдесятеро увеличены богатства Королевской библиотеки Парижа, ставшей сегодня местом научных паломничеств ученых всех стран. — Несмотря на покрывающую ее тьму невежества, Персия хранит в своих библиотеках множество древних арабских, персидских, армянских рукописей, которые правительства Пруссии, Англии и Франции тщетно искали в библиотеках Константинополя, Дамаска и Багдада через своих консулов, поверенных и путешественников. Столь же справедливая, как и победоносная война, которую наши войска ведут на персидской земле, могла бы, как мне представляется, независимо от великих результатов, которых она добьется для России, иметь еще один, не менее важный для науки, чтимой нашим Августейшим Монархом и призванной приумножить славу его царствования. — В этой связи было бы желательно передать Главнокомандующему корпусом, посланного в Грузию, приказ забирать библиотеки, расположенные при мечетях и медресе в завоеванных городах, и отправлять их в Санкт-Петербург для приумножения и пополнения содержащимися в них рукописями коллекций Академии наук, Университета и Восточного Института. Я по опыту знаю, что в этих библиотеках находится большое число теологических мусульманских трактатов, аскетических сочинений и других, не представляющих никакой научной ценности трудов. Посему было бы, вероятно, лучше доверить поиски и отбор этих рукописей человеку, сведущему в восточных литературах: но комиссия такого рода потребовала бы человека крайне честного и надежного, учитывая то, что нередко знатоки оставляют себе то, что находят наиболее интересного и редкого. — Города Сардарабад, Эривань, Нахичевань и другие не очень, конечно, богаты восточными рукописями. Знаменитые собрания, столь известные в истории арабской и персидской литератур, находятся в Тебризе, Испагане, Тегеране, Реште, Месшеде, Мерве. Нет никакого сомне-

ния, что в библиотеках этих городов лежат забытые их невежественными стражами древние сочинения, представляющие самый высокий интерес для науки. Следовательно, было бы возможно составить списки восточных рукописей, особенно разыскиваемых в Европе, а Его Величество Император, которому доступны все виды славы, не стал бы пренебрегать почетным примером двух великих азиатских монархов и обязал бы персидское правительство по заключении мира предоставить эти произведения. Эта привлекательная подать будет, впрочем, всего лишь долгом, который Азия, усмиренная ее оружием, вернет цивилизованной Европе. Когда последняя имела несчастье проиграть, Азия также наложила на нее дань. Невежественная и суеверная Азия не достойна того литературного сокровища, которым владеет. И. Сенковский».

С 1827 г. в обязанности Грибоедова входило собирание в Персии восточных рукописей по составленному Френом списку сочинений мусульманских писателей (см.: *Полосин В. В.* Новые материалы для биографии академика Френа // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. VIII годичная научная сессия ЛО ИВ АН. Л., 1972. С. 111—115).

Х. Д. Френ, выступая на конференции Академии наук 13 августа 1828 г., отметил: «Вместе со своим ученым другом я не преминул <...> составить список около пятисот наиболее важных исторических и географических сочинений арабской и персидской литературы <...> я знаю, что наш список был послан в русскую армию в Персию...» (*Dorn B.* Das Asiatische Museum. SPb., 1846. S. 343—344).

Вторник на будущей неделе — 5 июня 1828 г. В среду 6 июня Грибоедов выехал из Петербурга.

Е. И. БУЛГАРИНОЙ

5 июня 1828. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 18. Л. 1).

Впервые опубликовано: СО. 1830. № 1. С. 28 (с искажениями); PC. 1874. № 5. С. 296 (по автографу).

Печатается по автографу.

Танта — Е. И. Видеман.

...я когда-нибудь убегу в Карлово... — О намерении Грибоедова приехать в 1828 г. к Булгариным в их имение Карлово близ Дерпта см.: PC. 1905. № 12. С. 711.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

6 июня 1828. Царское Село

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 3).

Впервые опубликовано: РЛ. 1968. № 3. С. 183.

Печатается по автографу.

Письмо написано Грибоедовым с дороги. А. А. Жандр вспоминал о проводах Грибоедова следующее: «До Царского Села провожали его только двое: Александр Всеволодович Всеволожский и я. Вот в каком мы были тогда настроении духа: у меня был прощальный завтрак, накурили, надымили страшно, наконец толпа схлынула, мы остались одни. Поехали. День был пасмурный и дождливый. Мы проехали до Царского Села, и ни один из нас не сказал ни слова. В Царском Селе Грибоедов велел, так как дело было уже к вечеру, подать бутылку бургонского, которое он очень любил, бутылку шампанского и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконец простились. Грибоедов сел в коляску, мы видели, как она завернула за угол улицы, возвратились с Всеволожским в Петербург и во всю дорогу не сказали друг с другом ни одного слова — решительно ни одного» (Воспоминания 1980. С. 225).

...имя, отчество и чин Семашки... — В штатное расписание российской миссии не был включен врач, в дальнейшем этот вопрос Грибоедов затронет в своей деловой переписке с Родофиникиным. Сведения об астраханском лекаре А. К. Семашко Грибоедов получил еще в Петербурге, очевидно, от Всеволожских. О настоятельных хлопотах Грибоедова по определению Семашко в персидскую миссию см.: *Свердлина С. В.* Переписка А. С. Грибоедова о назначении врача А. Семашко в русское посольство в Тегеране // Советское славяноведение. 1984. № 4. С. 87—94.

Länchen — Е. И. Булгарина.

Пословицы Строева — возможно, материалы к задуманному П. М. Строевым толковому словарю (см.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды Строева. СПб., 1878. С. 101—102).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

12 июня 1828. Москва

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 12—13 об.).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 5. С. 297—298.
Печатается по автографу.

Мое павлинное звание — звание Полномочного министра России в Персии.

Здесь я несколькими часами промедлил долее, чем рассчитывал. — Грибоедов пробыл в Москве с 10 по 12 июня. По письмам второго секретаря посольства К. Ф. Аделунга к отцу можно восстановить некоторые детали его проживания в Москве в эти три дня. Так, Аделунг писал: «10 июня 1828 г. Я только что возвратился с очень большой экскурсии, я разыскивал дом Грибоедова, в котором живет его мать, и ради этого сделал большой крюк. Я очень обрадовался, найдя там его самого; он только что приехал и завтра уезжает опять...»; «11 июня. Утро. Наш маршрут изменен; мы едем через Харьков и Новочеркасск в Ставрополь, где мы встретимся с Грибоедовым и оттуда дальше поедем вместе с ним. Мальцев проведет полдня в имении своего дяди <...> Только что выяснилось, что

расстаюсь с Мальцевым в Калуге и встречаюсь с ним в Орше»; «Калуга. 12 июня 1828. Вечер, 9 часов. Вчера, в 8 часов вечера мы выехали из Москвы, где мы задержались у Грибоедова; в Ставрополе мы опять встретимся с ним; не могу передать, как я этому рад; чем ближе я его узнаю, тем больше я его ценю и люблю. Я встретил у него Петрозилиуса <...> он и Грибоедов не находят слов для похвал тебе...» (ЛН. Т. 47—48. С. 246).

Ордынский — Л. В. Ордынский. Его братья, Ф. В. и К. В. Ордынские, были сосланы в каторжные работы в Сибири сроком на пять лет по приговору военного суда (15 апреля 1827 г.) за причастность к тайному обществу «Военных друзей». Грибоедов, очевидно, намеревался исходатайствовать им разрешение служить рядовыми на Кавказе (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 571; Восстание декабристов. Т. 8. С. 368).

Вельяминов — И. А. Вельяминов. Очевидно, у него, назначенного в 1827 г. генерал-губернатором Западной Сибири, Грибоедов рассчитывал просить за Ордынских.

Пикуло человекуло — К. К. Родофиникин.

...антиквитетами и отвлеченностями повремени. — Вероятно, Булгарину было поручено купить для Грибоедова книги по истории и по философии.

Вот, мой друг, письмо ко мне моей сестры. — М. С. Дурново 25 мая 1828 г. писала: «Любезный Александр, я сию минуту уезжаю из Богородска. Слава Богу, ребенку лучше, благодаря бесконечным заботам доброй графини, которая не пренебрегла ничем и употребляла все возможные старания к скорейшему моему выздоровлению и в особенности к выздоровлению Саши, которого я вполне предоставила попечениям ее и няньки-немки. Без них он бы погиб жертвою моей неопытности, ибо моя нянька, к несчастью, никогда не ходившая за новорожденными, не умела как должно справиться и только умножила бы страдания нашего малютки. Твое последнее письмо нас совершенно осчастливило. Люби дорогого Александра, и если ему суждено жить, то я употреблю все средства, чтобы сделать его достойным любви твоей. Сердце мое обливается кровью при мысли о твоем отъезде. Зачем должны мы жить всегда вдали друг от друга? Когда же наступит счастливое время и мы опять сблизимся? Муж мой тебя обожает: единственное его желание — видеть тебя с нами. Надобно видеть, как каждая строка твоего письма его трогает и восхищает. Для нас было бы величайшим счастием — видеть между нами нашего обожаемого брата. Льщусь этою надеждою, она поддерживает мое существование. Во время твоего отсутствия с помощью Божией я постараюсь привести в порядок наши дела. Надеюсь успеть, ибо мы живем очень экономно и прикопленными деньгами мы уже уплатили часть долгов. Люди, которым мы должны, из разряда таких, с которыми никогда не хотелось бы и знаться и которые еще воображают, к несчастию, что, взяв с нас 12 процентов, оказывают нам великое одолжение и грубым образом дают нам чувствовать свои услуги. Между нами будь сказано, это меня сильно тревожит и тяготит мне сердце. Обращаюсь к тебе как к истинному другу: если ты можешь располагать суммою в 10.000 р<ублей>, которую желал бы поместить, сделай милость, дай их мне взаймы на 10 процентов. Проценты ты

будешь получать исправно, а меня несказанно одолжишь, избавя от подлых людей, которые меня мучат. Через два года я уплачу этот долг и буду ждать твоих приказаний, чтобы пустить эти деньги в выгодный для тебя оборот. Итак, сделай же милость, привези мне 9.000 руб<лей> с вычетом процентов. Достанет ли только у тебя на это средств, в желании же услужить мне — не сомневаюсь; если нет, то быть по сему.

Прощай, дражайший друг, приезжай же к нам скорее; мы считаем минуты и ожидаем тебя с живейшим нетерпением. Целую тебя за себя и за Сашу. Вероятно, ты перед тем, как ехать к нам, заедешь к Бегичеву? Пожалуйста, не надолго, и настоятельно попроси его от моего имени также с тобою к нам приехать» (перевод с франц.).

К этому письму А. М. Дурново сделал приписку по-русски: «Душевный друг и брат, всегда с восторгом получаю твои письма; последнее тем более меня восхитило, что надеюсь скоро с тобой видеться. Ради Бога, приезжай поскорее: мы с Машенькой считаем все минуты и часы. Сашка наш нас очень занимает и делается мил; только жаль, что все болен и теперь в ветренной оспе, что нас и задержало в Богородске долее, чем мы желали; кроме тебя, никто его крестить не будет; я непременно сего желаю; надеюсь и Степана Никитича у себя видеть. С нетерпением тебя ожидаем. Прощай, мой неоцененный» (РС. № 6. С. 297—298).

Андрей — А. А. Жандр.

Леночка — Е. И. Булгарина.

Танта — Е. И. Видеман.

Матушка — Н. Ф. Грибоедова. Неизвестно, говорил ли Булгарин с А. В. Всеволожским, но сохранилось письмо Н. Ф. Грибоедовой к В. Ф. Одоевскому с уверением в том, что свой долг она заплатит с процентами (см.: РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Ед. хр. 445). Хозяйственные дела Всеволожских были настолько запущены, что они никак не могли уплатить эту сумму. Тогда Н. Ф. Грибоедова возбудила против них судебное преследование (см.: *Краснов П. С.* Н. Ф. Грибоедова против Всеволожских // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 34. № 1. 1975. С. 65—67).

13 июня 1828 г. Н. Ф. Грибоедова писала Булгарину: «Милостивый государь, Фаддей Венедиктович. Не имея чести быть с Вами знакома, но по праву дружбы моего сына с Вами отношусь к Вам точно как к своему, почитая его друзей, как близких моему сердцу; а как Вы сами отец семейства, то это чувство для Вас и нечуждо, оттого-то и говорю таким языком. Прошу, мой почтенный, не охладевайте Вашу к нему дружбу, не замедливайте его извещением обо всем, что касается до Вас и до него; давайте ему чаще о себе известие; он к Вам привязан истинно, как к ближнему родственнику, которого любит от души и сердца; уважает, как нельзя более; чтит Ваш талант с восхищением; а я, как усердная мать, по всему сему сношению обожаю Вас, смею сказать как бы моего сына. Не оставляйте его, ради Бога, вашим вниманием, вашими советами, Вы, наш неоцененный друг, знаете его достоинства, правоту его чувств и доброту, знаете, на что и к чему он способен; зная же и его нежность и безынтересную личность, на вас-то и надеюсь, вы-то и возбудите в нем деятельность, частую ведя с ним переписку; он, уважая Ваши дарования, воспользуется Вашим

к нему вниманием; он мне все сообщил, как вы им занимаетесь, даже и в интересных его делах. Да вознаградит Всевышний ваших детей и уподобит их почтенному своему родителю. Препровождаю бумаги, нужные для Александра, и прошу скорым вашим трудом их обработать и к нему все доставить. Буде Вам угодно меня удостоить когда-либо Вашею памятью, чего я и требовать не смею по вашим недосугам, — я сейчас еду в деревню, и мой адрес прямо в Ярослав<ль>, Настасье Федоровне Грибоедовой. И за сим, препоручая себя в Ваше знакомство и прося принять мое усердие всему вашему любезному семейству, честь имею быть Вам, милостивый государь, с истинным моим уважением, готовая к услугам

Настасья Грибоедова».

Ф. В. БУЛГАРИНУ

13 июня 1828. Тула

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 14).
Впервые опубликовано: PC. 1874. № 5. С. 301.
Печатается по автографу.

Hassel's Geographie von Asien, 4 Volum — книга: «Hassels Geographie von Asien». Vol. 1—4.

Греф — В. Грефс. Известен счет Грибоедова от книгопродавца Грефса за книги, купленные в 1828 г., на сумму 1480 рублей (см.: PC. 1905. № 12. С. 717).

А. А. ЖАНДРУ

24 июня 1828. Новочеркасск

Автограф: ГЦТМ (Ф. 78. Ед. хр. 3).
Впервые опубликовано: ПССШ. Т. 1. С. 257.
Печатается по автографу.

Матушка — Н. Ф. Грибоедова. В Москве Грибоедов был с 10 по 12 июня 1828 г.

Степан — С. Н. Бегичев. В имении Бегичева Грибоедов был с 14 по 16 июня 1828 г. У него он оставил свою «Черновую тетрадь».

...покатились к сестре. — В имении М. С. Дурново в Чернском уезде Грибоедов был с 16 по 19 июня.

Муж — А. М. Дурново.

...Бог знает в какой глуши, капусту садит... — Намек на французскую поговорку «aller planter ses choux» («удалиться на покой в деревню»). Хозяйственные дела Дурново в 1828 г. были в упадке.

Сашку я наконец всполоснул торжественно, по-христиански. — Крещение А. А. Дурново, племянника Грибоедова, состоялось 18 июня

1828 г., восприемником был Грибоедов (см.: ЦГИАМ. Ф. 418. Оп. 13. Ед. хр. 162. Л. 32).

Варвара Семеновна — В. С. Миклашевич.

Фадей — Ф. В. Булгарин.

...еще о сю пору читают только декларацию о Турецкой войне... — Декларация о войне с Турцией была официально объявлена 14 апреля 1828 г.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

27 июня — 1 июля 1828.
Ставрополь, Владикавказ

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 16—17 об.).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 202—204.
Печатается по автографу.

Пчела — Булгарин (по названию его газеты «Северная пчела»).

Вчера я сюда прибыл... — К. Ф. Аделунг так описал приезд Грибоедова в Ставрополь: «26 июня в 7 часов приехал наконец Грибоедов в Ставрополь. Я не могу описать мою радость по этому поводу. Я чувствую истинную привязанность и любовь к этому превосходному человеку. Мы были в саду, когда он за нами прислал. Он занял комнату рядом с нами. Несмотря на усталость, он, как всегда, был очень любезен и рассказал нам много интересного; мы пили у него чай, ужинали и не заметили, как настало 11 часов, когда мы и расстались. Ужин был такой превосходный, какого можно только пожелать. Хороший повар, которого держит Грибоедов, заставил нас забыть, что мы находимся в пути» (ЛН. Т. 47—48. С. 247).

...радуюсь взятию Анапы. — Турецкий город Анапа был взят русскими войсками 12 июня 1828 г., присоединен к России с 1829 г. по Адрианопольскому трактату.

Родионов ~ заплатил жизнию за великодушную смелость. — Родионов был убит 9 июня 1828 г.

Гр<аф> Эриванский — И. Ф. Паскевич.

...возьмет Карс. — Карс был взят штурмом 23 июня 1828 г.

У нас здесь — во Владикавказе. В среду вечером 27 июня 1828 г. Грибоедов выехал из Ставрополя. 28 июня он прибыл в Екатериноград. К. Ф. Аделунг сообщал о сборах в дорогу: «В Екатеринограде нельзя получить почтовых лошадей. Надо нанимать вольных до Владикавказа. Чтобы достать лошадей Грибоедов попросил меня пойти к коменданту города. Я явился к нему впервые в роли секретаря Миссии и все хорошо устроил. 30-го мы выехали с конвоем в 20 казаков, так как дорога опасна». Аделунг уточнил также, что отъезд состоялся вечером (ЛН. Т. 47—48. С. 248). Через сутки, вечером 1 июля, как далее сообщает Аделунг, члены Миссии благополучно прибыли во Владикавказ: «Мы остановились у одной старой знакомой Грибоедова, полковницы Огаревой, у которой мы остались и на ночь. Ее муж держал наблюдение над дорогой и был в отсутствии. Добрая женщина не знала, что и сделать, чтоб Грибоедову пре-

доставить все возможные удобства, но, как все русские, она не дала того никому почувствовать. Чай, компот, ужин быстро следовали один за другим. Нас, обоих секретарей, она устроила на ночь в кабинете своего мужа» (Там же).

Читай реляцию и проповедуй ее всенародно. — По свидетельству Булгарина, Грибоедов вместе с письмом переслал известие о взятии Карса для «Северной пчелы» (см.: СО. 1830. № 1. С. 33).

А. К. АМБУРГЕРУ

18 июля 1828. Тифлис

Автограф: РНБ (Ф. 391. Ед. хр. 918).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 217—218.
Печатается по автографу.

Генерал — И. Ф. Паскевич.

...в ожидании верительных грамот... — Верительные грамоты были получены Грибоедовым 13 июля, но без перевода на персидский язык.

Секретарь Иванов. — О взаимоотношениях И. А. Иванова с Грибоедовым см.: *Мясоедова Н. Е.* Заметки о дипломатической деятельности А. С. Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 291—295.

А. К. АМБУРГЕРУ

25 июля 1828. Ахалкалаки

Автограф: РНБ (Ф. 391. Ед. хр. 918).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 218.
Печатается по автографу.

Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.

Форт Гартвис тоже был взят... — Цитадель на неприступной скале имела 200 человек гарнизона, 14 пушек малого калибра, 2 шестифунтовые мортиры. Брал Гертвис особый отряд под начальством генерал-майора Д. Е. Остен-Сакена. Крепость пала 26 июля 1828 г. (см.: *Бобровский П. О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642—1892. СПб., 1895. Ч. 4. С. 127).

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

29 июля 1828. Гумры

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. № 2. С. 187—188.
Печатается по автографу.

Нина — Н. А. Чавчавадзе. 16 июля 1828 г. Грибоедов сделал ей предложение.

А. К. АМБУРГЕРУ

7 августа 1828. Тифлис

Автограф: РНБ (Ф. 391. Ед. хр. 918).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 218—219.
Печатается по автографу.

Я жених... — 3 августа 1828 г. в письме к отцу К. Ф. Аделунг писал: «Очень меня ошеломило известие, что Грибоедов женится. Его будущая жена — молодая шестнадцатилетняя княжна Чавчавадзе; она очень любезна, очень красива и прекрасно образована. Его женитьба, естественно, придает совсем иной характер нашему обществу в Персии, я думаю, что я буду рад этой перемене. О свадьбе я ничего не узнал; говорят, что если он сейчас не вернется в Тифлис, то свадьба состоится в декабре» (ЛН. Т. 47—48. С. 251).

...из-за маленького жалованья... — Согласно штатному расписанию миссии в Персии, утвержденному 25 апреля 1828 г., А. К. Амбургеру полагалось в год 1200 голландских червонцев, его секретарю — 400, переводчику — 360, на канцелярские расходы — 100 (см.: *Мясоедова Н. Е.* К биографии Грибоедова // РЛ. 1996. № 1. С. 152). Эта сумма была несколько меньше предыдушего штатного расписания, утвержденного 8 октября 1821 г. Александром I, согласно которому генеральный консул получал в год 1250 голландских червонцев, с доплатой на наем дома и переписку — 450 червонцев, его секретарь — 300 и два студента — по 150 червонцев каждый (см.: АКАК. Т. 6. Ч. 2. С. 249). Следовательно, общее финансирование Миссии уменьшилось на 240 червонцев, а непосредственный консульский оклад с доплатами — на 400 червонцев.

Граф — И. Ф. Паскевич.

...он был временно вашим начальником. — После подписания Туркманчайского договора И. Ф. Паскевич назначил Амбургера временным комиссаром при наследном принце персидском.

...относительно моих вещей, которые скоро прибудут в Гилань. — Возможно, вещи Грибоедова шли из Астрахани морем в один из портов (вероятно, Энзели) провинции Гилан.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

Около 11 августа 1828. Тифлис

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 188.
Печатается по автографу.

...в начале моего припадка ~ не могу еще выйти из комнаты. — К. Ф. Аделунг в письме к отцу сообщал, что 4 августа в субботу в 6 часов вечера Грибоедов вернулся в Тифлис. А 10 августа он писал: «Я нашел

Грибоедова больным, он боролся с болями в желудке и кишечнике и не знал, куда деваться от жара; но когда ему становилось лучше, он садился за фортепиано и так прекрасно фантазировал, как я редко слышал». В записи от 14 августа Аделунг отметил, что Грибоедов поправляется (ЛН. Т. 47—48. С. 254).

Прибель — И. А. Прибиль.

Нина — Н. А. Чавчавадзе. Относительно свадьбы Грибоедова К. Ф. Аделунг писал отцу 16 августа 1828 г.: «Он женится не в январе, а теперь, на этих днях, и возьмет с собой жену. Так как день свадьбы еще неизвестен, то я уверен, что мы еще нескоро отсюда уедем. Однако все возможно, так как все готово к отъезду...» (ЛН. Т. 47—48. С. 252).

А. К. АМБУРГЕРУ

Середина августа 1828. Тифлис

Автограф: ГИМ (Собр. Щукина).
Впервые опубликовано: Нива. 1893. № 35. С. 779.
Печатается по автографу.

...осаждена Варна. — Русские войска взяли Варну 26 ноября 1828 г.

...Ахалцых сдастся не позже четырех дней. — Ахалцих взят русскими войсками 15 августа 1828 г.

...быть полезным Аббас-Мирзе в одном из важнейших обстоятельств его жизни. — Подразумевается поддержка Аббас-мирзы в качестве наследника персидского престола.

...за отъездом Рибопьера. — Отъезд А. Рибопьера как посла России из Константинополя в 1821 г. привел к разрыву дипломатических отношений с Турцией и кризису, который разрешился только в апреле 1828 г. в результате военных действий.

...мне пишут не иначе как «отношениями»... — «По службе старший *предписывает*, младший *доносит*, а равный *сносится*, *относится*» (Даль. Т. 4. С. 248).

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

Невеста — Н. А. Чавчавадзе.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 августа 1828. Тифлис

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. № 2. С. 68—69.
Печатается по первой публикации.

Возвратясь от вас... — Грибоедов вернулся в Тифлис 4 августа 1828 г. в 6 часов вечера.

...мне удастся жениться ~ едва на ногах стоял. — Венчание Грибоедова и Н. А. Чавчавадзе состоялось 22 августа 1828 г. К. Ф. Аделунг сообщает в письме отцу об этом следующие подробности: «22-го, в среду, Сипягин давал большой обед <...> Вечером, наконец, была свадьба Грибоедова. Гости, только родственники и близкие знакомые, их не более 50 человек, собрались в Сионском соборе, где и состоялось венчание. Из церкви поехали на его новую квартиру; там был ужин <...> Весь Тифлис проявляет живейшее сочувствие к этому союзу; он любим и уважаем всеми без исключения; она же очень милое, доброе создание, почти ребенок, так как ей только что исполнилось 16 лет» (ЛН. Т. 47—48. С. 254).

...во вторник с женою отправляюсь в Персию. — Вторник приходился на 28 августа, но в этот день у Грибоедова вновь был приступ лихорадки, он, по сведениям К. Ф. Аделунга, «весь день провел в постели» (ЛН. Т. 47—48. С. 255) и смог покинуть Тифлис только 9 сентября.

Петр Максимович — П. М. Сахно-Устимович.

О получении 8-го курура... — Получение 8-го курура связывалось с выходом русских войск из округа и города Хои.

А Бородин — храбрый, прекрасный и преданный вам человек. — А. И. Бородин принимал участие в войне 1812 г., затем был адъютантом Паскевича. После женитьбы Бородин вышел в отставку и жил в деревне. Но Паскевич, получив чин главнокомандующего, вызвал его на Кавказ, где Бородин принял участие во взятии крепости Ахалкалаки. Очевидно, здесь он и познакомился с Грибоедовым. Бородин был убит 15 августа при штурме Ахалциха. Паскевич, считая себя виновником его преждевременной гибели, выделил его вдове Домне Саввичне 100 тыс. рублей из 1 миллиона, полученного им после заключения Туркманчайского мира, и выхлопотал для нее единовременное пособие из казны (см.: РА. 1893. № 12. С. 460).

Ф. В. БУЛГАРИНУ

Август 1828

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 18).
Печатается по автографу.

Приписка, вероятно, рукой Н. Ф. Грибоедовой: «Ныне изобретенной от лихорадки. Пошлите к нему в Персию».

Карандашная помета Ф. В. Булгарина: «Грибоедов из тюрьмы».

На обороте листа арифметические подсчеты.

По предположению Э. Харден, Булгарин ошибся: это не записка из-под ареста. Очевидно, Грибоедов или собирался ехать в Персию, или уже находился там. Возможно, записка была адресована Н. Ф. Грибоедовой, переславшей ее Булгарину (см.: Там же).

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

6 сентября 1828. Тифлис

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 8. № 118, 114).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. № 2. С. 70—72.
Печатается по автографу.

Вы говорите, что я слишком озаботился моею женитьбою. — Женитьба Грибоедова вызвала различные толки. Об этом писал Ф. В. Булгарин 28 сентября 1828 г.: «Наконец греческая букашка (К. К. Родофиникин. — *Ред.*) пустила злые вести по городу, что ты не думаешь о службе и засел волочиться в Тифлисе. Хотя я знал, что ты в старые годы мастер был приволокнуться и засесть на блокаде, но эта весть меня взорвала. Я ходил как дурак, повеся нос, и только бранился и утверждал, что все это — ложь. С горестию должен был слушать выходки и декламации насчет поэтов, которым нельзя поручать важных дел, насчет молодых чиновников и всякие вздоры! Зависть имела обширное поприще для подвигов. Клянусь честью, что эти слухи навели на меня хандру. Об этом скажут тебе М...., брат его петух Греч и Андрей! Я почти плакал с досады! Что с тобою сделалось, не понимал. Наконец молодой Родофиникин, встретясь со мною, объяснил мне, что отец его получает *частные известия* (sic) обо всем, что делается в Тифлисе и далее, и сказал мне, что ты к удивлению целого Министерства доселе не поехал на службу в Персию, а занялся своею женитьбою, что ты уже женился, давал обед в доме графа Эриванского, что твоя жена была одета в белое атласное платье и имела на голове желтые цветы и проч. Из всех этих сплетней и заключил, что Родофиникин (papa) имеет за тобою своих наблюдателей. Тот же самый грек объявил лишь, что тебе послана бумага, в которой уведомляют, что ты должен послать чиновника для приема твоих вещей и подарков или в Баку или в Решт. Молодой Родоф<иникин> говорил мне таким тоном, что я заключил тотчас, что пребывание твое в Тифлисе неприятно Министерству, и что они полагают, якобы ты делаешь много вреда, не отправляясь в Персию. Старая букашка сказала мне при многих знатных людях, с которыми я ездил в компании на Александровскую мануфактуру, что если б ты был в Персии, то, может быть, контрибуция была бы давно уплачена и отряд Панкратьева оставил Персию, и если б в Персии была деятельность с нашей стороны, то, может быть, и Аббас-Мирза соединился бы с Паскевичем. Все сии речи были для меня хуже свистящих возле ушей пуль. Я защищал тебя, как мог и как умел, но, не зная местных обстоятельств, не мог быть слишком красноречивым, тем более, что азиятскому чиновнику верили более, нежели мне. — После всего этого падаю перед тобою на колени и со слезами умоляю, ради доброй твоей славы, ради твоих верных друзей, ради твоего домашнего счастья, бросай все и поезжай в Тегеран... Если общее мнение, которое теперь обращено на дела военные и политические, вооружится противу тебя, тогда и сам descendant (наследник (*франц.*), имеется в виду Аббас-мирза. — *Ред.*) склонится к нему и восстанет противу же тебя. Тогда adieu (прощай (*франц.*). — *Ред.*) все надежды! Теперь,

имея твое письмо в руках, я объявляю всем, что ты ездил к Паскевичу, что ты заболел. Но общее мнение, Россия вопит, что когда война в Азии, на границах Персии, то посланник должен быть на своем посту. Не знаю местностей и потому могу ошибаться, но при всем этом долг мой, долг беспристрастного друга, дорожащего твоим счастьем, заставляет меня объявить тебе *все,* что говорят на твой счет, чего от тебя ожидают и за что негодуют. Может быть тебе это будет даже неприятно, но я был бы злодей, если б молчал...» (РВ. 1894. № 3. С. 199— 201). Сообщение о возможном соединении Аббас-мирзы с Паскевичем являлось секретной информацией о возможности открытия персидско-турецкого театра военных действий (см.: *Мясоедова Н. Е.* Заметки о дипломатической деятельности А. С. Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 298—311).

Нина — Н. А. Грибоедова.

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

Брат покойного — А. Х. Бенкендорф.

План компании — Проект учреждения Российской Закавказской компании.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

24 июля—8 сентября 1828.
Биваки при Казанче, на турецкой границе — Тифлис

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 5. Л. 20—21 об.).

Впервые опубликовано: PC. 1874. № 6. С. 305—307 (первая часть письма); СО. 1890. № 1. С. 37—38 (вторая часть).

Печатается по автографу.

На сообщение Грибоедова о женитьбе Булгарин ответил 28 сентября 1828 г.: «Ангел души моей, друг Александр! Поздравляю тебя от всего сердца с женитьбою. С нетерпеньем ожидал я от тебя писем, после полученного с известием о взятии Карса и не писал, не зная, где тебя найти. Приезжаю в Петербург из Харькова 18 августа — нет писем. Кто меня ни встретит один вопрос: нет ли писем от Грибоедова? — один ответ: нет. Вдруг расходится слух о твоей женитьбе. Как-то госпожа Муравьева писала об этом в Петербург. Меня спрашивают; ответ *не знаю*» (РВ. 1894. № 3. С. 199).

Граф — И. Ф. Паскевич.

Леночка — Е. И. Булгарина.

Матушка ее — С. И. Чавчавадзе.

Бабушка — М. И. Чавчавадзе.

Ее отец — А. Г. Чавчавадзе.

...я наткнулся на отрядец ~ коли в целости доведу, дай Бог. — Грибоедов привел солдат без потерь (см.: *Бобровский П. О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642—1892. СПб., 1895. Ч. 4. С. 126).

Варвара Семеновна — В. С. Миклашевич.

Андрей — А. А. Жандр.

Строфы XIII, XIV, XV. — шутливое подражание «Евгению Онегину»; при публикации 1-й главы романа (1825, 1827) строфы XIII и XIV были пропущены и обозначены тремя рядами точек.

...я так исхудал ~ капли крови здоровой во мне не осталось. — К. Ф. Аделунг писал отцу 7 сентября 1828 г.: «Лихорадка оставила Грибоедова, но вчера и позавчера ему опять было очень нехорошо; у него никогда не было полного лица, но трудно даже представить себе, как он сильно переменился; он не только похудел, но у него цвет лица стал землистым, что придает ему совершенно больной вид» (ЛН. Т. 47—48. С. 255).

...не введу тебя в ответственность ~ со всеми расквитаешься. — О денежных расчетах Грибоедова с Булгариным см.: РС. 1905. № 12. С. 706. Булгарин, действительно, получил от И. А. Мальцева 15 000 руб. (см.: Там же. С. 718).

Дядя Мальцева — И. А. Мальцев.

А об иностранных и в помине нет. — Перед отъездом из Петербурга в Персию Грибоедов выписал основные западноевропейские газеты и журналы для русской Миссии на сумму 722 руб. (см.: РС. 1905. № 12. С. 718).

А. К. АМБУРГЕРУ

10 сентября 1828. Шулаверы

Автограф: ГИМ (Собр. Щукина).
Впервые опубликовано: Нива. 1893. № 35. С. 779.
Печатается по автографу.

Моя жена — Н. А. Грибоедова.

Шах — Фатх-Али-шах.

Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.

...ваш рапорт и счет вашим экстраординарным расходам. — См. письмо к И. Ф. Паскевичу от 8 сентября 1828 г.

Азиатский департамент производит и обсуждает расчеты совсем иначе. — См. письмо к К. В. Нессельроде от 26 июля 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

14 сентября 1828. Хамамли

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 8. № 110).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. № 2. С. 72—74.
Печатается по автографу.

...я имею доктора до Эривани. — Врач Ф. И. Умисса следовал до Эривани.

...оттудова возьму другого до Табриза. — Ординатор военного госпиталя Мальберг сопровождал российскую миссию до Тегерана, где и погиб.

Тесть мой — А. Г. Чавчавадзе.

Вероятно, однако, что мы на нынешний раз с ним не увидимся. — Грибоедов встретился с А. Г. Чавчавадзе в Эривани 21 сентября 1828 г.

Князь Александр — А. Г. Чавчавадзе.

Вот и еще пашалык в руках наших... — Баязетский пашалык с крепостями Баязет, Диадит и Торан-Кале был взят князем А. Г. Чавчавадзе в конце августа 1828 г.

Английский Король — Георг IV.

...с завистью на Францию, снаряжающую Экспедицию в Морею. — В октябре 1828 г. французский экспедиционный корпус под командованием генерала Мезона занял Морею, вытеснив турок.

В Португалии не умеют ~ подлого похитителя престола. — В 1826 г. Дон Педро был вынужден отказаться от португальской короны. Его брат Дон Мигуэль, бывший потом регентом, провозгласил себя королем 29 июля 1828 г.

Учреждение о губерниях — Закон о местном управлении, разработанный в 1775—1780 гг. и уточненный в 1828 г.

А. К. АМБУРГЕРУ

20 сентября 1828. Эривань

Автограф: ГИМ (Собр. Щукина).
Впервые опубликовано: Нива. 1893. № 35. С. 779.
Печатается по автографу.

Гр<аф> Иван Федорович — И. Ф. Паскевич.

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

С Родофиникиным нечего толковать ~ просто сказать обокрал. — Грибоедов имел все основания так считать, поскольку в указе Николая I было сказано удовлетворить жалованьем членов русской миссии со дня подписания штатного расписания, т. е. с 25 апреля 1828 г., реально же деньги были выданы со дня получения паспортов, т. е. со 2 июня 1828 г. Сделано это было по решению Родофиникина и Канкрина. Однако в отчете от 9 июня 1828 г. Министерства финансов Правительствующему Сенату, подписанном лично Е. Ф. Канкриным, говорилось: «В исполнение Указа Правительствующего Сената от 1 ч<исла> минувшего мая и Высочайше утвержденных штатов Миссии нашей в Персии и Генерального Консульства в Тавризе *11 510 червонцев* и сверх того назначенные Полномочному Министру статскому советнику Грибоедову на подъем и необходимые издержки единовременно без вычета 3000 червонцев и двум чиновникам по 350 червонцев каждому, а обоим 700 червонцев, ассигновано из Главного Казначейства; о чем имею честь Правительствующему Сенату сим донести».

Реальная же сумма, отпущенная на содержание Миссии и консульства, была почти наполовину меньше. 5 июня 1828 г. в докладной записке Главного казначейского правления в Департамент государственного казначейства сообщалось: «Вследствие предложения господина Министра Финансов от 2 июня, Главное Казначейство, отпустив 4-го числа на содержание Миссии нашей в Персии и Генерального Консульства в Тавризе, из 11 510 червонцев в год, с 2-го сего июня вперед за 6 месяцев и 29 дней на канцелярские и путевые расходы 754 червонца и 8 р<ублей> 30 к<опеек> ассигнациями (считая червонец по курсу 11 р<ублей> 50 к<опеек>), а равно на жалование Полномочному Министру и прочим всем чинам 5927 червонцев и 5 р<ублей> 43 к<опейки> ассигнациями, за вычетом из них на госпиталь по 2 к<опейки> с рубля — 118 червонцев и 6 р<ублей> 32 к<опейки> ассигнациями, остальные 5808 червонцев и 10 р<ублей> 61 к<опейку> ассигнациями, а всего *шесть тысяч пятьсот шестьдесят три червонца, весом 1 пуд, 15 фун<тов>, 84 зол<отника>, 78 дол<ей> и семь рублей сорок одну копейку ассигнациями*, под расписку Секретаря Персидской Миссии Титулярного Советника Мальцева; о том Департамент Государственного Казначейства имеет честь уведомить» (РЛ. 1996. № 1. С. 153).

Граф — И. Ф. Паскевич.

Принц — Аббас-мирза.

Главнокомандующий — И. Ф. Паскевич.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

30 октября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 762.

Печатается по первой публикации.

Тесть мой завоевал в Баязете... — А. Г. Чавчавадзе 27 августа 1828 г., командуя крупным отрядом русских войск, занял Баязит.

Несколько восточных манускриптов... — Восточные рукописи в Азиатский музей Академии наук не поступили. Вместе с тем его директор академик Х. Д. Френ в заметке в газете «St. Peterburgischen Zeitung» (1830. № 47, 48) сообщил, что зимой 1829 г. от графа Паскевича Эриванского в Имп. Публичную библиотеку поступили 44 рукописи, взятых во время русско-турецкой войны в городах Ахалцихе, Эрзеруме и Байазите (полный список см.: *Dorn B.* Das Asiatische Museum. SPb., 1846. S. 378—384).

Императорская библиотека — Императорская Публичная библиотека в Петербурге.

...профессора Френ и Сенковский ~ для ученого света. — В октябре—ноябре 1827 г. О. И. Сенковский обратился непосредственно к императору Николаю I с достаточно пространным письмом, написанным по-французски, суть которого сводилась к двум конкретным предложени-

ям: а) необходимо составить список наиболее важных сочинений на персидском и арабском языках в рукописях и при заключении мирного договора (переговоры начались 21 декабря 1827 г. в дер. Дехкарван) отдельной статьей вменить в обязанность правительству Ирана отыскать и передать их России; б) в Иран следует послать сведущего специалиста для контроля отобранных рукописей (см.: АКАК. Т. 7. С. 582). Николай I не счел возможным включить подобную статью в мирный договор и переслал проект Сенковского начальнику Главного штаба барону И. И. Дибичу, присовокупив, что для этого дела можно употребить состоящего при Паскевиче Грибоедова. 17 ноября 1828 г. барон Дибич направил Паскевичу отношение, в котором изложил волю монарха и приложил обозначенный список рукописей. 27 декабря 1827 г. Паскевич переслал Грибоедову отношение Дибича со списком, который содержал почти пятьсот названий и был составлен Х. Д. Френом и О. И. Сенковским. См. также письмо Грибоедова академику Х. Д. Френу от начала июня 1828 г. и комментарий к нему.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

30 октября 1828. Тавриз

Автограф: РГБ (Ф. 451. Карт. 1. Ед. хр. 4).
Впервые опубликовано: Правда. 1888. № 32. С. 531.
Печатается по автографу.

Граф — И. Ф. Паскевич.

...чтобы нашим зимовать в Хоях ~ Хои все-таки не будут очищены по праву. — Свое распоряжение о зимовке в Хое Паскевич позже отменил.

...о получении им Андреевской Ленты... — 30 сентября 1828 г. И. Ф. Паскевичу был пожалован орден св. апостола Андрея Первозванного (высшая российская награда). Он носился на голубой ленте через плечо.

П. Н. АХВЕРДОВОЙ

Ноябрь 1828. Тавриз

Автограф: РНБ (Ф. 221. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: РА. 1881. Т. 2. № 3. С. 189—190.
Печатается по автографу.

Помета другой рукой: «Тавриз, когда был послан 28 году».

Ваш племянник — Е. Ф. Ахвердов.
Граф — И. Ф. Паскевич.
Жена моя — Н. А. Грибоедова.
Дашенька — Д. Ф. Ахвердова.
Катенька — Е. А. Чавчавадзе.

Ф. В. БУЛГАРИНУ

27 ноября 1828. Тавриз

Автограф: ИРЛИ (Ф. 623. Ед. хр. 23. Л. 4 об.).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 6. С. 308.
Печатается по автографу.

Напечатай, любезный друг Фадей ~ политической ссылки. — Корреспонденция И. С. Мальцева, описывающая празднества 26 ноября 1828 г. в Тавризе в честь русской миссии по случаю взятия Варны, была опубликована Булгариным в «Северной пчеле» (1829. № 6. С. 308).

Коли все еще меня будут ругать приятели ~ что я на них плюю. — Намек на Азиатский департамент и лично на К. К. Родофиникина. Столь резкое выражение и по этому же поводу Грибоедов использует еще один раз в письме к И. Ф. Паскевичу от 3 декабря 1828 г.

...имею ли я на то разрешение ~ следуй буквально ниспосылаемым свыше инструкциям... — В написанном Грибоедовым «Проекте инструкции***, посылаемому в Персию» был пункт о введении Персии в войну против Турции на стороне России, но из окончательного варианта инструкции этот пункт был вычеркнут К. В. Нессельроде.

Леночка — Е. И. Булгарина.

Танте — Е. И. Видеман.

С. Ф. КАЛАЧЕВСКОМУ

29 ноября 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: Альманах «Киевлянка» (Киев, 1884. С. 111).
Печатается по тексту первой публикации.

...что вы все ратуете ~ от исполнения вашей должности. — Калачевский в это время был комендантом пограничной с Персией Карабахской области.

...любезный Николай Федорович... — Ошибка Грибоедова в имени адресата.

Жена моя — Н. А. Грибоедова.

Карл Карлович — К. К. Краббе.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

2 декабря 1828. Тавриз

Автограф: РГБ (Ф. 451, А. С. Грибоедова. Карт. 1. Ед. хр. 4. Л. 2—3).
Впервые опубликовано: Правда. 1888. № 32. 7 августа (письмо); Неделя. 1960. № 17. С. 18 (приписка).
Печатается по автографу.

Граф, граф Иван Федорович — И. Ф. Паскевич.

Еще просьба ~ о несчастных его родителях. — Эта приписка сделана на листке, вклеенном внутри двойного листа, на котором написано письмо.

Сестра моя — М. С. Дурново. Записка ее не сохранилась.

В. С. МИКЛАШЕВИЧ И А. А. ЖАНДРУ

17 сентября — 3 декабря 1828.
Эчмиадзин — Тавриз

Автограф: ГЦТМ (Ф. 78. Ед. хр. 5).
Впервые опубликовано: Беседы в ОЛРС. Вып. 2. М., 1868.С. 28—30.
Печатается по автографу.

Жена моя — Н. А. Грибоедова.

Андрей — А. А. Жандр.

Трапёр — герой романов Ф. Купера, в том числе и романа «Прерия».

Александр наш — А. И. Одоевский.

Сейчас пишу к Паскевичу... — См. письмо Грибоедова к Паскевичу от 3 декабря 1828 г.

Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки с турками. — Начиная с этого предложения, текст письма включен с некоторыми разночтениями в записку М. Я. Фон-Фока, озаглавленную «Разные рассуждения и толки между короткими друзьями Грибоедова», датированную 22 марта 1829 г. и написанную с целью противопоставить мнению Родофиникина о нерадивости Грибоедова как посла и дипломата иное мнение: «Многие заключают, что Грибоедов есть жертва политической интриги» (Воспоминания 1980. С. 288—292).

Malmaison — название зала в Эрмитаже, в котором экспонировалось 38 картин, купленных в 1814 г. у императрицы Жозефины из ее собрания, хранившегося в замке Мальмезон близ Парижа.

...богородица в виде пастушки Murillo. — Картина Б. Э. Мурильо (1617/18—1682), изображающая Богородицу в виде пастушки, понравившаяся Грибоедову, осталась неизвестной. Возможно, речь шла не о Мадонне, а о «Добром пастыре», картине Мурильо, на которой маленький Иоанн Креститель изображен с ягненком. В чертах лица Иоанна на этой картине есть некоторое портретное сходство с изображением 16-летней Нины Чавчавадзе.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

3 декабря 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РВ. 1894. № 3. С. 202—208.
Печатается по первой публикации.

...пересылаю вам мою депешу к Нессельроде под открытою печатью... — Паскевич ответил на переданное ему отношение Грибоедова к Н. В. Нессельроде от 30 ноября своим отношением от 5 декабря (см.: РС. 1876. Т. 17, декабрь. С. 737).

Коли зимою не будет мира... — т. е. не завершится война с Турцией.

...Эриванскому дали Андрея. — За успешные действия против турок Паскевич получил алмазные знаки отличия к ордену св. Андрея Первозванного и орден св. Георгия I степени.

Расшевелите наше сонное Министерство иностранных и престранных дел. — Ограничение активности дипломатических чиновников с апреля 1828 г., т. е. с момента объявления войны Турции, было конструктивной линией, проведенной по всему Министерству иностранных дел. Назначенный 20 апреля 1828 г. управляющим МИД на время отсутствия К. В. Нессельроде, П. Г. Дивов в своем дневнике записал следующее: «В тот же день (т. е. 20 апреля. — *Ред.*) я отправился к графу Нессельроде и поблагодарил его за доброжелательство. Он сказал мне, что Император не желает иметь бумаги при армии и что ему следует посылать как можно менее дел. Мне будет дана, как он сказал письменная инструкция, а все прочие указания я получу изустно. <...> Апреля 22-го. Я был у вице-канцлера, который прочел мне нечто вроде инструкции, одобренной Императором и Родофиникиным, директором Азиатского департамента. Это было оригинальное произведение его превосходительства; уменьшая мою власть, оно облегчало мне вместе с тем исполнение моих обязанностей. Вице-канцлер, кажется, был удивлен, видя мое удовольствие при чтении» (РС. 1898. Т. 93. С. 505; подробнее см.: Хмелитский сборник. С. 298—311).

В 1821 году я это очень успешно произвел... — По свидетельству Н. Н. Муравьева, дело обстояло следующим образом. По получении в Тавризе в 1821 г. русской миссией бумаг из Петербурга, извещавших иранский двор об осложнении русско-турецких отношений, Грибоедов посетил Аббас-мирзу и объяснил ему суть разногласий между Россией и Турцией. Грибоедов отметил, что вызывающее поведение турок навлекло на него гнев русского императора и что последний не ищет союзников, но лишь извещает о неправильных поступках турков против него. Аббас-мирза обрадовался этому случаю и обещал выступить с 50-тысячной армией против турок, что он и сделал (см.: Воспоминания 1980. С. 47—48).

Мой Принц — Аббас-мирза.

Куруров не уступать ни под каким видом. — После гибели Грибоедова выплата куруров была отсрочена на 5 лет, а потом вообще прощена.

Цинандали — родовое имение Н. А. Чавчавадзе в Кахетии, где Грибоедов предполагал жить, выйдя в отставку. По свидетельству французского консула Гамбы, оно было «чудом, не уступающим по своему устройству лучшему европейскому замку» (Voyage dans La Russie mèridionale, et particulièrement dans les provinces situèes au-delá du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le chevalier Gamba, consul du Roi a Tiflis. Paris, 1826. V. 2. P. 80).

Поздравляю вас с полком вашего имени. — 13 сентября 1828 г. Паскевич был назначен шефом Ширванского пехотного полка.

...о моей бумаге № 44 сентября 8-го о моем переводчике Шах-Назарове. — См. письмо Грибоедова к Паскевичу от 8 сентября 1828 г.

Покойный военный губернатор — Н. М. Сипягин.

Челяев — Е. Г. Чиляев. По ходатайству Грибоедова он был восстановлен на службе. О нем и о его брате Б. Г. Чиляеве см.: *Модзалевский Б. Л.* Кавказ Николаевского времени в письмах его воинских деятелей (Из архива Б. Г. Чиляева) // РА. 1904. № 1. С. 115—174; Письмо Н. А. Грибоедовой к Б. Г. Чиляеву // Там же.

Нина — Н. А. Грибоедова.

Беглербек — Фатх-Али-хан.

Прилагаю здесь несколько строк для тифлисских газет. — Об участии Грибоедова в создании «Тифлисских ведомостей» см.: *Ватейшвили Д.* Русская общественная мысль и печать на Кавказе. М., 1973. С. 195—217.

...выручите несчастного Александра Одоевского. — Только в 1836 г. при помощи Паскевича А. И. Одоевский был переведен из Иркутской в Тобольскую губернию, а позже определен рядовым в Нижегородский драгунский полк на Кавказе.

Дочь ваша — А. И. Паскевич. Она была пожалована во фрейлины в семилетнем возрасте, в 1828 г., за взятие И. Ф. Паскевичем Карса.

Федя — Ф. И. Паскевич. В это время ему было пять лет.

Ваша жена — Е. А. Паскевич.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

5 декабря 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 124).
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 735 (в переводе).
Печатается по копии.

Завтра я еду в Тегеран... — Грибоедов выехал в Тегеран 9 декабря 1828 г.

Граф Эриванский — И. Ф. Паскевич.

...против условий договора... — Имеется в виду Туркманчайский договор.

П. М. САХНО-УСТИМОВИЧУ

До 9 декабря 1828. Табриз

Автограф: РГБ (Ф. 451, А. С. Грибоедова. Карт. 1. Ед. хр. 4).
Копия: ГЦТМ (Ф. 104. № 16).
Впервые опубликовано: Правда. 1888. № 32.
Печатается по автографу.

Датировано Н. К. Пиксановым (см.: Летопись. С. 139).

Генерал — И. Ф. Паскевич.

А. К. АМБУРГЕРУ

9 декабря 1828. Табриз

Автограф: РГАЛИ (Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 36).
Впервые опубликовано: Вестник Московского гос. ун-та. Филология. 1977. № 2. С. 63—64 (в переводе, как письмо неустановленному лицу).
Печатается по автографу.

Письмо было оставлено в Табризе для Амбургера, который в это время отсутствовал. Грибоедов же в этот день выезжал в Тегеран.

Принц — Аббас-мирза.
...когда принц отступился от Лекинчая ~ мы сможем понять друг друга. — См. письмо Грибоедова к П. Я. Ренненкампфу от 5 декабря 1828 г.

В. Я. ВАЦЕНКО

23 декабря 1828. Казбин

Автограф: РГИА (Ф. 1018. Оп. 8. Ед. хр. 120).
Впервые опубликовано: Дела и дни. 1921. № 2. С. 74—78.
Печатается по автографу.

Помета: «Тавриз. Получ<ено> 18 генваря 1829 года. Отвечал 18 генваря 1829».

Андрей Карлович — А. К. Амбургер.
Гр<аф> Эриванский — И. Ф. Паскевич.
Батюшка ваш — Я. К. Ваценко.

Н. А. ГРИБОЕДОВОЙ

24 декабря 1828. Казбин

Автограф: РГАЛИ (Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 36).

Впервые опубликовано: ПССШ. Т. 1. С. 332—334. Здесь же фототипия.

Печатается по автографу.

Это единственное дошедшее до нас письмо Грибоедова к жене. Последний раз они виделись 9 декабря, следовательно, после отъезда Грибоедова прошло 13 дней. На письме стоит № 9. Возможно, остальные письма были уничтожены вдовой ввиду интимности их содержания.

В Государственном Литературном музее Грузии сохранился чернильный прибор, присланный Грибоедовым жене (Государственный литературный музей Грузии. 136, 137). Его вопроизведение см.: Там, где вьется Алазань / Сост. В. Шадури. Тбилиси, 1977. С. 54. Прибор экспонировался на выставке в Литературном музее в Москве, посвященной 200-летию Грибоедова (см.: Александр Сергеевич Грибоедов. 1795—1995: Каталог выставки. М., 1995. С. 83). На крышке чернильницы выгравирована надпись: «Ecrives me souvent le mien ange Nynaubie! Tout le Tien A. G. Janvier 15 annes 1829. Teiran» («Пиши мне чаще, мой ангел, Нинобия! Весь твой А. Г<рибоедов>. Января 15, года 1829. Тегеран», *франц., искаж.*). В надписи допущен целый ряд ошибок, очевидно, сделанных персидским гравером, не знающим французского языка.

Маменька твоя — С. И. Чавчавадзе.
Прасковья Николаевна — П. Н. Ахвердова.
Андрей Карлович — А. К. Амбургер.
Папенька — А. Г. Чавчавадзе.
Бабушка — М. И. Чавчавадзе.
Катинька — Е. А. Чавчавадзе.
Давидчик — Д. А. Чавчавадзе.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ОТНОШЕНИЯ

Г. УИЛЛОКУ

14(26) августа 1820. Табриз

Автограф: Public Record Office (F. 0. 60/14. Nos. 34, 36) (Великобритания).

Впервые опубликовано: Костелло. С. 83—84; *Ениколопов И. К.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1954. С. 23—25 (перевод, в сокращении).

Печатается по первой публикации.

Это резкое письмо было направлено Генри Уиллоку в отсутствие в Табризе С. И. Мазаровича, который выехал в Тегеран для вручения Фатх-Али-шаху подарков от российского императора. Таким образом, Грибоедов оказался исполняющим обязанности поверенного в делах России в Персии. Уиллок безуспешно пытался убедить Грибоедова взять обратно эту ноту, но был принужден в конечном счете дать письменные объяснения по существу вопроса, объяснив его досадным недоразумением. Вынужденный информировать лондонское начальство о конфликте, Уиллок характеризовал Грибоедова как «малоопытного и неблагоразумного молодого человека» со «вспыльчивым и необузданным характером» (Шостакович. С. 66). Между тем позиция Грибоедова была вполне принципиальной и последовательной: именно в эти дни он был занят подготовкой к выводу русских солдат, оказавшихся в Персии, на родину (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 314—318).

Г. УИЛЛОКУ

21 августа (2 сентября) 1820. Табриз

Автограф: Public Record Office (F. 0. 60/14. Nos. 34, 36) (Великобритания).

Впервые опубликовано: Костелло. С. 89—92.

Печатается по первой публикации.

Наследник престола — Аббас-мирза.

Сардар, который командует — Хусайн-хан Казвини Девелу Каджар.

...*Мехти-Кули-хана переход к нам*... — Речь идет о вторичном переходе Махди-Кули-хана в 1827 г. (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 339, 607).

ОТПУСКНОЙ ЛИСТ ПОЛКОВНИКУ Т. ЭТЬЕ

14 августа 1821. Табриз

Автограф: РГБ (Ф. Н. П. Смирнова-Сокольского).

Впервые опубликовано: ЛН. Т. 19—21. С. 151—152.

Печатается по первой публикации.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

30 июля 1827. Лагерь при селении Карабаба

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 76. Л. 25—35 об.).

Копия: ЦГИА Грузии (Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 20).

Впервые: РС. 1873. № 6. С. 800—813.
Печатается по автографу.

В ЦГИА Грузии хранится также черновик письма Паскевича к Нессельроде, написанный грибоедовской рукой, где излагается просьба Паскевича довести данное донесение до сведения императора (см.: Шостакович. С. 126).

Шахзада — Аббас-мирза.

...вам сдал Аббасабад зять мой... — Речь идет об Аллахйархане Асаф Аддоула.

Сардар и брат его — Хусайн-хан Казвини Девелу Каджар и Муххамад-Хасан-хан Девелу Каджар.

...жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева. — Согласно ст. 11 Гюлистанского договора, Ермолов отстаивал права России на половину области Мегри. Убедясь в том, что иранские подразделения не собираются уходить из занимаемой ими части этой области, он в качестве ответных мер приказал своим войскам занять северо-западный берег озера Севан (Гокча), а затем предложил Аббас-мирзе узаконить действия официальным соглашением. Переговоры проходили в несколько этапов: в июне 1823 г. иранцы, опираясь на фальсифицированную карту Монтиса, требовали территориальных уступок; в марте 1825 г. был заключен так называемый Тифлисский договор, в основу которого легли предложения Ермолова. При этом очевидно, что иранская сторона затягивала решение конфликтных пограничных вопросов, чтобы добиться субсидий у Англии для ведения войны с Россией (см.: *Балаян Б. П.* Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван, 1988. С. 136—142). С. И. Мазарович возглавлял делегацию, направленную в Табриз для ратификации Тифлисского договора. Аббас-мирза подослал к нему агента, который рассказал о тайном совете во дворце, на котором якобы было принято решение начать войну против России. В ответ на эту дезинформацию Мазарович решился обратиться непосредственно к шаху, что было выражением явного недоверия к наследному принцу, а так как шах был уже проинформирован об осложнениях в русско-иранских переговорах, то он отказался принять Мазаровича и сообщил, что к Ермолову будет послан для завершения переговоров статс-секретарь наследного принца мирза Мохаммад-Салех Марвази (см.: Там же. С. 141). Л. Я. Севаримидзев в 1826 г. отступил под натиском персов. Н. Н. Муравьев в своих записках отзывается о нем неодобрительно (см.: РА. 1891. Ч. 5. С. 34).

...сколько я их показывал князю Меншикову. — А. С. Меншиков в январе 1826 г. был послан в Персию для решения пограничных вопросов (см.: *Кузнецова Н. А.* Иран в первой половине XIX века. М., 1983. С. 55). В Табризе за Меншиковым была установлена слежка, его связь с Россией была прервана, так как все его письма перехватывались. Попытка Меншикова обратиться к шаху окончилась неудачей, он стал

ощущать себя пленником и сразу же после начала военных действий выехал в Ереван, где его под различными предлогами удерживал около месяца Хусайн-Кули-хан. Наконец, по дороге в лагерь Ермолова он чудом избежал разгрома посольства, изменив маршрут следования (см.: *Балаян Б. П.* Дипломатическая история русско-иранских войн... С. 147—154; *Зубов П.* Картины последней войны России с Персией в 1826—1828 гг. СПб., 1834. С. 35).

Генерал, главноначальствующий — И. Ф. Паскевич.

Аббас-Мирза наконец решился выслушать условия ~ от Мирзы-Сале. — 23 июля 1826 г. Аббас-мирза отправил к Паскевичу своего секретаря мирзу Салеха с письмами от себя и Макдональда. Паскевич объявил мирзе Салеху, что граница должна быть установлена по Араксу и что Иран должен заплатить России контрибуцию. «Шах едва ли согласится на эти условия, — возразил Мирза-Сале. — А я советовал бы ему согласиться, — заявил Паскевич, — иначе, чем дальше мы пойдем, тем больше возрастут наши требования. Ваше вероломство должно быть наказано, чтобы все знали, что значит объявить войну России». На этом переговоры были прерваны. Наследный принц, извещенный мирзой Салехом, ответил, что шах, вероятно, согласится заплатить деньги, но ни за что не уступит территорий. Русское командование убедилось в том, что «персы мира еще не желают» (Конференция Паскевича с Мирзой-Салегом — поверенным Аббас-мирзы // РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4294; *Балаян Б. П.* Дипломатическая история русско-иранских войн... С. 174).

Переводчик мой — Бакиханов Аббас-Кули. Об общении Грибоедова с Бакихановым см.: *Якубова М. А.* Грибоедов и его азербайджанское окружение // Проблемы творчества. С. 262—266. См. также: Наст. изд. Т. 2. С. 605.

...у нас был муштаид для мусульман... — Вероятно, имеется в виду мир Фаттах.

...выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса... — Армянский католикос Нерсес был сторонником сближения Армении с Россией (см.: *Семенов Л. С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л., 1963. С. 123).

Эмир-заде — Мухаммад-Касим-мирза.

Мамед-Гуссейн-хан — возможно, Абу-л-Хасан хан (см. письмо А. К. Амбургеру от 7 августа 1828 г.).

Ее Величество вдовствующая Государыня Императрица — Мария Федоровна.

Сражение 5-го июля... — сражение под Аббасабадом.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

10 июля 1828. Тифлис

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 88—89).
Копия: ГЦТМ (Ф. 78. Ед. хр. 10).
Впервые опубликовано: РА. 1872. № 7—8. Стлб. 1538—1541.

Печатается по автографу.

О переписке Грибоедова с директором Азиатского департамента см.: *Мясоедова Н. Е.* Деловая переписка А. С. Грибоедова с К. К. Родофиникиным (август—декабрь 1828 года) // РЛ. 1994. № 2. С. 113—124 (здесь же публикуются тексты пяти официальных отношений Родофиникина). Более полно эти отношения представлены в АВПРИ (Ф. А. С. Грибоедова. Д. 13). Новые материалы о Вагине — в статье О. Ф. Акимушкина «Заметки к записи А. С. Грибоедова 1819 года „Рассказ Вагина"» (в печати).

...письмо ваше от 19-го истекшего июня... — Это письмо Родофиникина до нас не дошло.

...о моем прибытии в Тифлис... — Грибоедов прибыл в Тифлис 5 июля 1828 г. в 9 часов вечера.

Граф Иван Федорович — И. Ф. Паскевич.

Зять шахской — Аллахйар-хан, был взят в плен 26 октября 1827 г. в г. Таброзе.

Ратификация о сю пору должна уже прибыть... — Обмен ратификационными грамотами произошел в лагере Паскевича 29 июля 1828 г. при участии Грибоедова.

Хан — Аллахйар-хан.

Муштеид — Абул-Фаттах, моджтахед Табриза.

Коцебу — М. А. Коцебу ездил в Тегеран по вопросу возвращения русских пленных на родину.

Удостойте меня поскорее присылкою кредитива. — Верительную грамоту на звание полномочного посланника и министра-резидента Грибоедов получил 13 июля 1828 г. (см. письмо К. К. Родофиникину от 12 июля 1828 г.).

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

...когда вещи прибудут в Зензелей... — В Зензелей (Эндзели) были направлены вещи Грибоедова и подарки для Фатх-Али-шаха.

Что прикажете делать ~ особенное жалованье? — Намек на то, что жалованье, отпущенное переводчикам, 300 червонцев в год, согласно штатному расписанию Миссии, было для них малопривлекательным.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

11 июля 1828. Тифлис

Автограф: ИРЛИ (№ 89. 1С).
Впервые опубликовано: РА. 1872. № 7—8. Стлб. 1541.
Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова.
Помета: «№ 1376. Получ<ено> 30 июля 1828 г.».

...я прибыл сюда в Тифлис, в ночь на 6-е сего месяца. — 5 июля 1828 г. в 9 часов вечера Грибоедов прибыл в Тифлис.

Главноуправляющий Грузиею... — И. Ф. Паскевич.

...сего дня, 11-го июля, отправляюсь. — Грибоедов выехал 13 июля.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

11 июля 1828. Тифлис

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 92—92 об.).

Впервые опубликовано: Хмелитский сборник. С. 320.

Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Всепокорнейший слуга Александр Грибоедов».

Помета: «№ 1376. Получ<ено> 30 июля 1828».

Это отношение — ответ на отношение Родофиникина от мая 1828 г.

Главный управляющий Грузиею... — И. Ф. Паскевич.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

12 июля 1828. Тифлис

Автограф неизвестен.

Копия: ГЦТМ (Ф. 78. № 11).

Впервые: РА. 1872. № 7—8. Стлб. 1542—1543.

Печатается по копии.

...и я сажусь в коляску. — Грибоедов выехал к Паскевичу на следующий день, 13 июля.

...к отправлению вещей моих ~ куплена в английском магазине для дороги. — О покупках, осуществленных Булгариным для Грибоедова в Петербурге, см.: *Пиксанов Н. К.* Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова // РС. 1905. № 12. С. 706—718.

Здесь я в доме графа все имею... — К. Ф. Аделунг сообщал отцу: «Для Грибоедова были приготовлены комнаты в доме графа Паскевича <...> все время, когда Грибоедов тут жил, обедали мы у него. Он держал стол à la ministre: шампанское, ананасы, мороженое и прочее подавалось постоянно; но обедающих было мало, один или двое посторонних, не больше» (ЛН. Т. 47—48. С. 251).

...мне непременно надобно сюда воротиться... — Грибоедов вернулся в Тифлис 16 июля, в тот же день сделал предложение Н. А. Чавчавадзе, но в ночь с 17-го на 18-е снова выехал к Паскевичу.

По словам Булгарина ~ не медлить в Тифлисе. — Это письмо Булгарина до нас не дошло, но аналогичная информация содержится в его письме Грибоедову от 28 сентября 1828 г.

...по-вашему... — Родофиникин был по происхождению греком.

...за что же Амбургер лишается того, что грудью заслуживает? — Амбургеру было уплачено жалованье временного комиссара при наследном принце Персии по 1 мая 1828 г. Новый оклад был начислен со 2 июня, несмотря на то что Амбургер не покидал места своей службы; этот финансовый недочет был возмещен лишь в феврале 1830 г.

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

Около 13 июля 1828. Шулаверы

Автограф неизвестен.
Впервые: РС. 1874. № 10. С. 295—296.
Печатается по первой публикации.

Прибыв в Тифлис, И. Ф. Паскевич приказывал в предписании военному губернатору Тифлиса Н. М. Сипягину № 1575 от 6 июня 1828 г.: «Вашему Превосходительству небезызвестно, что статский советник Грибоедов назначен министром при Тегеранском дворе, и я имею сведение, что он в непродолжительном времени приедет в Тифлис. Зная, сколь большое влияние наружное доказательство имеет на здешний народ и в особенности на персиян, я прошу Вас, при приезде сюда Грибоедова оказать ему все почести, настоящему назначению его приличные, тем более, что молва о них, конечно, дойдет и до сведения министерства персидского. Поелику же есть Высочайшая Воля, чтобы Грибоедов прежде его отъезда в Персию виделся со мною, то я прошу Ваше Превосходительство для проезда его до места моего пребывания приказать снабдить его самым безопасным конвоем и во время пути оказывать ему всевозможные пособия» (АКАК. Т. 7. С. 635).

...остановиться обменом ратификаций... — Об обмене ратификационными грамотами см. в письме Грибоедова К. В. Нессельроде от 26 июля 1828 г.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

16 июля 1828. Тифлис

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 85).
Впервые опубликовано: Хмелитский сборник. С. 320—321.
Печатается по автографу.

Помета: «№ 1417. Получ<ено> 7 августа 1828».

Кредитивная грамота — верительная грамота.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

16 июля 1828. Тифлис

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 93).
Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Всепокорнейший слуга Александр Грибоедов».
Помета: «Получ<ено> 8 авг<уста> 1828. № 1418».

Генеральный консул — А. К. Амбургер.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

26 июля 1828. Лагерь под Ахалкалаки

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. 1828. Л. 97—102).
Копия: ИРЛИ (№ 14.768. Тетрадь 2. Л. 25—28).
Впервые опубликовано: Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. 1993. № 5 (по копии).
Печатается по автографу.

Директор Азиатского департамента — К. К. Родофиникин.

...получил часть бумаг, относящихся к моему отъезду. — Перед отъездом Грибоедов получил паспорт и денежное содержание Миссии и консульства в Персии.

...возвратить наших пленных соотечественников... — См. статью XIII Туркманчайского договора.

Хан этой провинции — Хасан-хан Талышинский.

...насчет переселения 8000 армянских семейств ~ в наших провинциях. — Те же данные, ссылаясь на это письмо, приводит С. Глинка в книге: Описание переселения армян аддербиджанских в пределы России. М., 1831. С. 94.

...100 000 туманов... — Упоминаемая сумма составляла 5 % с капитала в 4 курура (2 млн. туманов).

...договор, судя по письмам ~ для обмена в штаб-квартиру графа Эриванского. — Обмен ратификационными грамотами состоялся 7 ноября 1828 г. в Табризе при свидании Грибоедова с Аббас-мирзой.

Граф Эриванский — И. Ф. Паскевич.

Посланец-перс — мирза Джафар-хан (см. комментарий к письму А. К. Амбургеру от 25 июля 1828 г.).

...я присоединился к маленькому отряду... — Точнее, Грибоедов возглавил этот отряд.

...эта местность была взята штурмом. — Ахалкалаки был взят штурмом 24 июля 1828 г.

...персидской ратификации ~ на ратификацию нашего двора. — В журнале Паскевича записано: «29 июля <...> при размене ратификаций Туркменчайского трактата находились в параде войска, бывшие в лагере» (РГИА. Ф. 1018. Оп. 3. Д. 194. Л. 90 об.).

...об уплате 8-го курура за обусловленную эвакуацию Хоя. — Согласно договоренности, русские войска удерживали Хой до уплаты 8-го курура. В подписанных в Туркманчае «Отдельных статьях к мирному договору между Россией и Персией» судьба Хои была определена в статье III, где, в частности, говорилось: «...после уплаты Его Величеством Персидским Шахом двух куруров туманов из трех, кои должны последовать за первыми пятью кururами оговоренного возмещения русские войска будут выведены из всего Адербиждана не позднее чем через месяц, и он будет возвращен персидским властям, за исключением крепости и провинции Хой, которые останутся под властью русских войск в качестве гарантии выплаты вышеназванного третьего курура туманов, подлежащего полной плате к 15 (27) августа с. г.».

...коммерческих дел ~ Азиатский департамент... — Грибоедов имеет в виду вопросы штатного расписания и недостачу жалованья членам Миссии и консульства.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

10 августа 1828. Тифлис

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Ф. Н. К. Пиксанова).
Впервые: РЛ. 1986. № 2. С. 153.
Печатается по копии.

Помета: «Получ<ено> 27-го августа».

...бывший у нас в плену Гассан-хан... — Абул-Хасан-хан был взят в плен 1 октября 1827 г. при штурме Еревана. О первой встрече с ним Грибоедов упоминает в «Путевых заметках» от 8 июня 1827 г. (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 339).

...что же касается до мирзы Исмаила... — С мирзой Исмаилом Грибоедов встречался во время переговоров в Каразиадине.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

17 августа 1828. Тифлис

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 103).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14. 768, собр. Н. В. Шаломытова).
Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 117—118 (по копии).
Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, три последние строки и подпись — автограф Грибоедова.
Помета: «Получ<ено> 3 сентября 1828».

В бытность мою в лагере при Ахалкалаке... — Согласно «Журналу» И. Ф. Паскевича, в лагере при Ахалкалаках 29 июля произошел размен ратификационными грамотами Туркманчайского договора (см.: РГИА. Ф. 1018. Д. 194. Л. 93).

К. К. РОДОФИНИКИНУ

17 августа 1828. Тифлис

Автограф: ГЦТМ (Ф. 78. Ед. хр. 6).
Впервые: РА. 1872. № 7—8. Стлб. 1543—1546.
Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «Представляя на благоусмотрение <...> Александр Грибоедов».
Помета: «Получ<ено> 3 сентября 1828».

...сильнейшею лихорадкою... — О болезни Грибоедова см. в письмах И. Ф. Паскевичу от 23 августа 1828 г. и К. В. Нессельроде от 23 сентября 1828 г. К. Ф. Аделунг писал отцу 7 августа 1828 г.: «...я нашел Мальцева больным, в постели; он схватил на обратном пути из лагеря гастрическую лихорадку, которая была, однако, не опасна» (ЛН. Т. 47—48. С. 252).

Война отвлекла отсюда ~ в руки английских врачей совершенно неприлично... — Родофиникин не оставил это отношение без внимания и при посредничестве К. В. Нессельроде подал Николаю I записку «О определении врача при Миссии нашей в Персии»: «Министр наш в Тегеране доносит, что за недостатком российского врача чиновники нашей миссии, как равно и прислуга их, принуждены прибегать к пособию англичан и что сие может повлечь за собой многие неудобства. По каковому уважению он находит полезным определить при нашей миссии лекаря, рекомендуя на сие место Астраханского городового медика Семашко. Признавая представление сие заслуживающим внимания, я полагал бы возможным разрешить определение помянутого врача, с жалованием по шести сот червонных в год, заимствуя оные, как равно до двух сот червонных на медикаменты, из канцелярских доходов по миссии и консульствам, каковые определены новым образованием Судебного порядка по той миссии и консульствам; доколе же не поступит достаточная на сей предмет, по упомянутым доходам сумма, вносить

предстоящую новую издержку на счет чрезвычайных расходов миссии. Донося о сем Вашему Величеству, приемлю смелость испрашивать Всемилостивейшее разрешение. Подписал: Граф Нессельроде». На автографе рукой Николая I написана резолюция: «Исполнить». Тут же дата: «14 декабря 1828 года. В Аничковом дворце» (АВПРИ. Ф. 340, А. С. Грибоедова. Д. 13). Учитывая дату резолюции, можно предположить, что Грибоедов получил данное разрешение в первой декаде января 1829 г.

Г<осподин> Макниль в Тегеране... — О Д. Макниле см.: Шостакович. С. 180—183.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

20 августа 1828. Тифлис

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. 1828. Л. 117—124).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.768, собр. Н. В. Шаломытова).

Впервые опубликовано: РЛ. 1995. № 2. С. 87—104 (по копии).

Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «...de Votre Excellence le très obéissant serviteur Alexandre Griboyedof».

Пометы: «à bord du „Paris" 3 sept. 1828» («На борту „Парижа" 3 сент. 1828»); «Передано 2 ноября 1828 г.».

В это же донесение вложены две следующие копии с рапортов А. К. Амбургера, о которых упоминает Грибоедов. Они проясняют как сложившуюся в Персии ситуацию, так и отношение к ней Грибоедова.

«Копия с донесения Надворного Советника Амбургера к Его Сиятельству Графу Паскевичу Ериванскому от 27 июля 1828. № 158.

В ответ на отношение Вашего Сиятельства за № 186 честь имею донести, что Аббас Мирза не только не желает прекратить беспорядки в Талышах, но даже сам старается причинять оные. С прискорбием должен я сказать, что на сие имею достоверные доказательства. Мир Аббас Бек, брат Мир Гассан Хана Талышинского, освобожденный мною из плена по приказанию Вашего Сиятельства, будучи знаком с посланцем Мир Гассан Хана, прибывшего в Тегеран во время моей там бытности, выведал у него об успехах его поручений к Аббас Мирзе и узнал, что сам Аббас Мирза предписал Мир Гассан Хану обнажить Талыш совершенно от жителей и самому прибыть в Персидские границы. Правитель сей, получив подобное, совершенно противное Мирному трактату, предписание от Аббас Мирзы, сам, конечно, превышает еще данные от наследника, инструкции и производит всякие неистовства и убойства. Наследник подобным поведением хочет понудить нас уступить ему Талыш, как негодную и уже необитаемую область. — Я неоднократно представлял Его Высочеству о противном Мирному Трактату поведе-

нии Мир Гассан Хана, и Наследник всегда свято обязался, что он предпишет оному поступать совместно с существующими дружественными сношениями между обоими Государствами и даже посылал мне ракам, писанный к Мир Гассан Хану; но явно, что сей Хан действует по воле Наследника, а то бы никогда не дерзал поступать подобным образом. Я уже здесь относился к Мирзе Маммед Али, касательно предписанию Вашего Сиятельства, и по приезде Наследника, которого вскоре ожидаю обратно сюда, буду стараться внушить ему, сколь несообразно с дружбою, существующею между обоими Государствами, его поведение касательно Талышей. Вообще прискорбно видеть, что Наследник не так дорожит дружбою России, как бы этого ожидать было должно, и как он сам изъявлял неоднократно Вашему Сиятельству. Беглые солдаты со всех точек, занимаемых нашими войсками, находят в Табризе готовый приют, и никакие убеждения не могут привесть к возвращению оных, как того требует мирный договор, в Туркманчае заключенный.

О чем честь имею Вашему Сиятельству донести».

Внизу приписка: «Верно. Протоколист Аделунг».

«Выписка из донесения Надворного Советника Амбургера. К его Сиятельству Графу Паскевичу Ериванскому от 28 июля 1828. № 168.

О уплате 8-го курура мало говорят здесь: вчера однако ж Мирза Маммед Али сделал предложение учинить сию уплату следующим образом: дать 30 т<ысяч> туманов чистыми деньгами, 50 т<ысяч> товаром (шалями, шелком и проч.) и пшеницею, и на 150 т<ысяч> залог алмазами в 200 т<ысяч> туманов. Я ему отвечал, что Ваше Сиятельство предписали мне ни во что не входить, и сами писали Его Высочеству Аббас Мирзе, что потеря наша на золоте слишком велика, чтоб позволить нам принять уплату за Хои иначе как чистыми деньгами. Если же Ваше Сиятельство обратить изволите внимание Ваше на пропорцию Мирзы Маммед Али, то покорнейше прошу не оставить меня без полных на сей счет инструкций, а особливо соблаговолить приказать выслать оценщика в Нахичевань, чтобы можно было вызвать его в случае надобности. Здесь все спокойно, как и в Арасе, о чем я имею известие из Тегерана, откуда получил третьего дня курьера».

Внизу приписка: «Верно. Протоколист Аделунг».

Мирза-Джафар, податель персидской ратификации. — В 1824 г. в Петербурге Грибоедов брал у мирзы Джафар-хана уроки персидского языка. О вручении ратификационной грамоты персидского шаха см. рапорт Грибоедова К. В. Нессельроде от 26 июля 1828 г.

Эвакуация из Хоя. — См. подписанные в Туркманчае «Отдельные статьи к мирному договору между Россией и Персией» (статья III).

...возвращение недвижимой собственности ~ по праву. — Грибоедов имеет в виду статью XII Туркманчайского договора, где, в частности, говорится: «Высокие договаривающиеся стороны для выгоды обоюдных подданных постановили по общему их согласию тем из них, которые имеют недвижимую собственность по обе стороны Аракса, предоставить трехлетний срок, в продолжение которого они могут сво-

бодно продавать и обменивать оную; но Его Величество Император Всероссийский, поколику то до него касается, изъемлет из сего снисходительного распоряжения Гуссейн-хана, бывшего эриванского сардаря, брата его Гасан-хана и Керим-хана, бывшего правителя нахичеванского».

Персидский министр — Абул-Хасан-хан.

Что касается нашей ратификации ~ большой важности. — Грибоедов вручил ратификационную грамоту российского двора при личном свидании с Аббас-мирзой в Табризе 7 ноября 1828 г.

...выплата 8-го курура является главным условием... — Условия выплаты 8-го курура определены в статье III «Отдельных статей» Туркманчайского договора, где, в частности, говорится: «...вплоть до окончательной уплаты восьми куруров туманов вся провинция, именуемая Адербиджаном, останется под непосредственной властью русских войск и будет управляться исключительно в интересах России <...> если же упомянутая сумма в восемь куруров туманов не будет, не дай Бог, выплачена целиком к 15 (27) августа с. г., или к 15-му числу Сафара 1244 г., имеется и будет иметься в виду, что в таком случае вся провинция, именуемая Адербиджаном, будет навечно отделена от Персии и Его Величество Император Всероссийский получит право либо сделать ее неотъемлемой частью империи, либо учредить там независимые и наследственные ханства под своим непосредственным и исключительным покровительством».

...меня сразила сильная болезнь ~ меня не отпускает... — Лихорадка не отпускала Грибоедова до начала сентября.

Консул — А. К. Амбургер.

Шах — Фатх-Али-шах Каджар.

...в Персии упрямо не хотят выполнить ~ договора, недавно заключенного. — Имеется в виду выплата Персией контрибуции России.

Это происходит ~ свободны это делать. — Суть статьи XIV Туркманчайского договора сводилась к тому, что в новых приграничных районах как российская, так и персидская администрации воспрещали селиться лицам, «носившим публичные звания или имеющим некоторое достоинство, каковы суть: ханы, беки и духовные начальники или моллы, которые личным примером, внушениями или тайными связями могли иметь вредное влияние на прежних своих соотчичей, бывших в их управлении или им подвластных». Далее в договоре следует тот фрагмент статьи, который вольно цитирует Грибоедов.

...усердие полковника Лазарева... — Л. Е. Лазарев возглавлял специальную комиссию по переселению армян. О его деятельности Грибоедов весьма резко отозвался в «Записке о переселении армян». Об истинной позиции Л. Е. Лазарева относительно переселения армянских семей в Россию и о связи его с III Отделением см.: *Мясоедова Н. Е.* Неизвестное письмо А. С. Грибоедова к К. В. Нессельроде // Проблемы творчества. С. 272—278.

Мятежный хан — мир Хасан-хан Талышинский.

Главнокомандующий, генерал — И. Ф. Паскевич.

...исправление границ ~ к будущему году. — В статье VI Отдельных статей к Туркманчайскому договору указывалось, что «сразу же после размена ратификациями обе стороны назначают комиссаров, с тем чтобы приступить к демаркации пограничной линии, которая определена ст. IV основного договора <...> и составить ее точную карту».

...чтобы персидские пленники ~ после обмена ратификациями. — Вопрос о возвращении военнопленных был специально оговорен в статье XIII Туркманчайского договора, где, в частности, указывалось, что «все военнопленные обеих сторон, взятые в продолжение последней войны или прежде, а равно подданные обоих правительств, взаимно впадшие когда-либо в плен, должны быть освобождены и возвращены в течение четырех месяцев».

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 августа 1828. Тифлис

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 11. С. 526—529.

Печатается по первой публикации.

По возвращении из лагеря... — Грибоедов вернулся в Тифлис в субботу, 4 августа 1828 г. в 6 часов вечера.

...Ваше отношение ~ за № 292... — Отношение Паскевича № 292 до нас не дошло.

...оба рапорта нашего консула в Персии ~ вице-канцлера... — Рапорты А. К. Амбургера Грибоедов переслал К. В. Нессельроде, приложив их к отношению № 26 от 20 августа 1828 г.

Разграничение — здесь: определение границ между Россией и Персией.

Пять крепостей — Ахалкалаки, Хартвис, Ацхур, Ардаган и Ахалцих.

...в этой третьей кампании... — Первая кампания — 1822 г., вторая — 1826—1828 гг. (война с Персией), третья кампания — 1828 г. (война с Турцией).

...вашей последней победы... — Ахалцих взят 15 августа 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

7 сентября 1828. Тифлис

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 39.

Впервые опубликовано: Вестник Московского ун-та. Филология. 1977. № 2. С. 62.

Печатается по копии.

Генеральный консул наш в Табризе — А. К. Амбургер.

Счет сделанных им экстраординарных издержек — см. черновой автограф: РГБ. Ф. 451. Карт. 1. Ед. хр. 6.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

8 сентября 1828. Тифлис

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 11. С. 529—530.

Печатается по первой публикации.

Дейкарганские и Туркменчайские переговоры — мирные переговоры в Деххваргане, ведшиеся в ноябре—декабре 1827 г., и в Туркманчае (февраль 1828 г.), где в ночь на 10 февраля были согласованы и подписаны мирные соглашения, завершившие вторую персидско-русскую войну.

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

Джеванбулакское дело — сражение 5 июля 1827 г., в котором персидские войска потерпели поражение. Это ускорило взятие русскими войсками крепости Аббасабад 7 июля 1827 г.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

23 сентября 1828. Эривань

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 17. Л. 2—6 об.).

Впервые опубликовано: Проблемы творчества. С. 272—284.

Печатается по автографу.

...первому рапорту ~ из Ахалкалакского лагеря — рапорт Грибоедова К. В. Нессельроде от 26 июля 1828 г.

Я не вполне еще оправился от своей болезни... — О болезни Грибоедова см. в письмах И. Ф. Паскевичу от 23 августа 1828 г. и К. К. Родофиникину от 17 августа 1828 г.

...касательно восстания в Хорасане... — Восстание, о котором Грибоедов был хорошо осведомлен, поднял Риза-Кули-хан. Он выступил в самом начале 1828 г. против вновь назначенного наместника Хорасана Мухаммад-Хусайн-хана, сардара Эриванского, которого шах прислал вместо отозванного в Тегеран (в связи с провалами на Кавказе) своего шестого сына Хасан-Али-мирзы Шоджа ас-салтане. Когда сардар прибыл в Хорасан вместе со своим братом Хасаном, выяснилось, что Риза-Кули значительно укрепил свое положение, захватив города Нишапур, Радкан и Чанаран с прилегающими округами. Мятежный хан

открыто отказался признать права прибывших и в довершение всего разбил шеститысячный корпус, направленный против него под водительством брата сардара. Риза-Кули-хан обратился к Фатх-Али-шаху с требованием отозвать сардара и его брата, а вместо них прислать наместником своего 19-го сына Ахмад-Али-мирзу, в противном случае Хорасан отложится от центра. Шах так и поступил. Окончательный порядок в провинции навел кронпринц Аббас-мирза, прибывший в Хорасан в качестве наместника в 1832 г. Риза-Кули-хан добровольно сдался, но затем передумал, пытался бежать из-под стражи, был пойман, избит и спустя несколько месяцев умер.

Наш персидский консул — А. К. Амбургер.

...приставить ко мне врача. — До Эривани Грибоедова сопровождал Ф. И. Умисса, в Тифлисе к нему был приставлен И. А. Прибель.

Принц Гассан Али — Хасан-Али-мирза (см. письмо Вольховскому от 11 января 1828 г.).

...арестовал его сына... — Когда Фатх-Али-шах вызвал из Хорасана Хасан-Али-мирзу, то последний оставил губернатором Машхада своего старшего сына Хулагу-мирзу, известного как Бахадур-хан, а третьего сына, Аргун-мирзу, назначил губернатором Сабзевара. Риза-Кули-хан, захватив Машхад, арестовал Хулагу-мирзу, а через несколько дней освободил его.

Бывший Эриванский сардарь — Хасан-хан Салар.

...всем Шахам-заде... — Согласно персидским источникам, у Фатх-Али-шаха было более 140 детей мужского пола (шах-заде).

...соперничающий со своим братом, правителем Хорасана... — Соперничество четвертого сына Фатх-Али-шаха Аббас-мирзы и шестого сына Хасан-Али-мирзы шло за право быть наследником престола и верховным главнокомандующим войсками Ирана. Оба родились от законных жен шаха. Грибоедов точно вопроизвел суть кампании, развернутой против Аббас-мирзы Хасан-Али-мирзой после разгрома, учиненного во второй войне 1826—1828 гг. русскими войсками персидской армии, которой командовал Аббас-мирза.

...уплаты причитающейся нам суммы... — Речь идет о контрибуции, назначенной персидскому правительству по Туркманчайскому договору; в это время выплачивался 8-й курур.

Главнокомандующий, кавказский главнокомандующий, генерал граф Эриванский — И. Ф. Паскевич.

Правитель провинции — А. Г. Чавчавадзе.

...как следует управлять недавно завоеванной страной... — И. Ф. Паскевич не впервые обращался к Грибоедову с подобным заданием. В период кампании 1827—1828 гг. Грибоедов по его просьбе составил «Положение об управлении Азербайджаном», которое затем было утверждено главнокомандующим. Возглавлявший «Азербайджанское правление» генерал Остен-Сакен 1-й дал им очень высокую оценку: «От них зависел весь последующий успех», — писал он в своем рапорте Паскевичу (АКАК. Т. 7. С. 599). Более детально о работе Грибоедова писал начальник канцелярии Паскевича П. М. Сахно-Устимо-

вич: «Положение об управлении Адербиджаном было написано <...> Грибоедовым, который в продолжение четырехлетнего пребывания своего в Персии, еще до начатия войны, изучил местные законы, нравы, обычаи и самый персидский язык. Вот почему „Правила", им составленные, могли быть выполнены с таким успехом, что во все время занятия нами этой области не было не только волнений, но даже беспорядков» (*Сахно-Устимович [П. М.].* Пояснение к статье Д. Е. Остен-Сакена «Об управлении Адербиджаном во время персидской войны 1827— 1828 годов», помещенной в № 79 «Русского инвалида» сего года // Русский инвалид. 1861. № 136). Подробнее см.: Шостакович. С. 144—148.

...были расселены вновь прибывшие в нее... — См. «Записку о переселении армян...».

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 11. С. 530—532.
Печатается по первой публикации.

...по прибытии моем в Эривань... — Грибоедов прибыл в Эривань во вторник, 18 сентября 1828 г.

Трактат — Туркманчайский договор.

Тифлисский Военный Губернатор — Н. М. Сипягин.

Консул наш в Тавризе — А. К. Амбургер.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

Автограф неизвестен.
Впервые: РС. 1874. № 11. С. 532.
Печатается по первой публикации.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

Автограф неизвестен.
Впервые: РС. 1874. № 11. С. 532—533.
Печатается по первой публикации.

Риза-Кули-хан Кочанский открыто поднял знамя мятежа... — См. об этом отношение К. В. Нессельроде № 50 от 23 сентября 1828 г.

Шах — Фатх-Али шах.

Сын его — Хулагу-мирза.

Бывший сардарь Эриванский — Хасан-хан Салар.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

Автограф неизвестен.
Впервые: РС. 1874. № 11. С. 533.
Печатается по первой публикации.

Генеральный консул наш в Персии — А. К. Амбургер.
Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

23 сентября 1828. Эривань

Автограф неизвестен.
Впервые: РС. 1874. № 11. С. 533—534.
Печатается по первой публикации.

Английский министр в Персии — Дж. Макдональд.
Наш консул — А. К. Амбургер.
Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

1 октября 1828. Переправа на Араксе против Джульфы

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 746—750.
Печатается по первой публикации.

Марандский хан — Назар-Али-хан.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

1 октября 1828. Переправа на Араксе против Джульфы

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Ф. Н. К. Пиксанова).
Впервые опубликовано: РЛ. 1986. № 2. С. 153—154.
Печатается по копии.

Помета: «Получ<ено> 13 ноября; означенные ханы временно поселены в Шурурском магале областным правлением и о том донесено г. главноуправляющему».

...перешедшие из Маранда Мугаммед-хан и Али-бек... — Имеются в виду братья Мухаммад-Амин-хана, упомянутого в «Путевых заметках» 6 сентября 1819 г. (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 318, 579).

Трактат — Туркманчайский договор.

Главноуправляющий — И. Ф. Паскевич.

...не умедлю довести сие до сведения графа... — См. отношение Грибоедова к Паскевичу от 1 октября 1828 г.

В АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

16 октября 1828. Тавриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 168).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).

Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 118—119 (по копии).

Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «Ст<атский> советник Грибоедов».

Вверху справа помета: «Получ<ено> 10.XII.1828».

...с 5 числа минувшего июня... — последний день пребывания Грибоедова в Петербурге.

...секретарю генерального консульства Иванову... — И. А. Иванову Грибоедов не доверял и в письме к А. К. Амбургеру от 20 сентября 1828 г. дал это понять. Именно на Иванова выписан Грибоедовым 13 ноября 1828 г. «Открытый лист».

Не быв уведомлен ~ никаких удовлетворительных причин. — Вопрос о жалованье Амбургеру затрагивался Грибоедовым и ранее в переписке с ним самим, И. Ф. Паскевичем и К. К. Родофиникиным. Теперь же Грибоедов делает официальный запрос.

В АЗИАТСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

17 октября 1828. Тавриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 111).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).

Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 119 (по копии).

Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «Ст<атский> советник Грибоедов».

Вверху помета: «Получ<ено> 10 декабря 1828».

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

17 октября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: Кавказский сборник. Тифлис, 1910. Т. 30.
Печатается по первой публикации.

Мой собственный доктор — А. Семашко.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

18 октября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 171).
Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).
Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 119—120 (по копии).
Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «всепокорнейший слуга А. Грибоедов».
Вверху помета: «Получ<ено> 10 декабря 1828».

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

20 октября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 133—139).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 750—756.
Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «...весьма покорным слугой. Александр Грибоедов».
Помета: «№ 2260. le 9 Decembre 1828».

Войско михмандара, присланного ко мне от имени Шаха... — Имеется в виду почетный эскорт для сопровождения иностранного представителя высокого ранга.

...Шах вовсе не ставит ~ от уплаты... — Фатх-Али-шах уклонился от выплаты 8-го курура, возложив ее на Аббас-мирзу.

...область Хойская ~ нашими войсками — провинция Хой, занятая русскими войсками до окончания выплаты 8-го курура.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

23 октября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Ф. Н. К. Пиксанова).
Впервые опубликовано: РЛ. 1986. № 2. С. 153—156.
Печатается по копии.

Помета: «Получ<ено> 5-го ноября».

В противность торгового трактата. — «Трактат о торговле российских и персидских подданных» был заключен в развитие X статьи Туркманчайского договора.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

23 октября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 144—147 об.).
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 756—760.
Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «весьма покорным слугой Александр Грибоедов».
Помета: «№ 2261. le 9 Décembre 1828».

Копия этого отношения одновременно была послана И. Ф. Паскевичу, который 5 декабря 1828 г. направил Грибоедову свои рекомендации по сути затронутых вопросов (копия — АВПРИ. Опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 736—739).

...я сообщил Вашему Сиятельству 21-го прошлого сентября. — Это отношение Грибоедова до нас не дошло.

Принц — Аббас-мирза.

...в осквернении священной для шиитов кербелайской территории... — Речь идет о том, что турецкие власти ввели войска на территорию шиитской святыни — комплекса в г. Кербела, где похоронен третий шиитский имам Хусайн, погибший в неравной битве в местности Нинава (позднее здесь возник г. Кербела) 10 октября 680 г. Позднее это святилище стало одной из главных святынь мусульман-шиитов, которую посещают многочисленные паломники.

...от мутафикского и от других начальников аравийских племен... — Имеются в виду предводители арабских племен.

...наши войска потерпели ~ набор войска в Азии... — Неудача под Шумлой заставила отложить ход кампании до весны.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

23 октября 1828. Тавриз

Автограф: АВПРИ (Ф. Главный архив IV-18. 1828. Оп. 136. Д. 1. Ч. 1. Л. 1—3).

Впервые опубликовано: РЛ. 1985. № 3. С. 140—146. Фототипически воспроизведено: Вестник МИД. 1989. № 2 (36), 1 февраля. С. 62—63.

Печатается по автографу.

Пометы: «О доме Российского Консульства в Тавризе»; «Возвращено от Государя Императора 9 декабря 1828».

Прошение Грибоедова было доведено 16 декабря 1828 г. до сведения императора, который разрешил истратить испрашиваемую сумму денег из 9-го или 10-го куруров, однако это разрешение пришло в русскую Миссию уже после гибели Грибоедова, да и выплата этих куруров после посольства Хосров-мирзы была отсрочена, а позже и вообще отменена.

Генеральный консул — А. К. Амбургер.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

25 октября 1828. Тавриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 172).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).

Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 120 (по копии).

Печатается по автографу.

Главноуправляющий в Грузии — И. Ф. Паскевич.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

26 октября 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 760—762 (ошибочно отнесено к К. В. Нессельроде. Исправлено: АКАК. Т. 7. С. 663).

Печатается по первой публикации.

Две депеши мои к вице-канцлеру — отношения к К. В. Нессельроде от 20 и 23 октября 1828 г.

...по ракаму, вытребованному мною английскому майору Харту... — О миссии Харта см. в отношении к Нессельроде от 20 октября 1828 г.

Шах — Фатх-Али-шах.

Сын его — Аббас-мирза.

Прошу Ваше Сиятельство почтить меня ~ Вашим ответом. — Паскевич направил Грибоедову 5 декабря 1828 г. Отношение № 84: «Из сообщенной мне вашим превосходительством в копии депеши вашей к вице-канцлеру от 23 октября, № 85, вижу я, что наследник персидского престола при некотором с нашей стороны поощрении и при заверении его, что сие может быть принято Государем Императором, с удовольствием готов открыть противу турок неприязненные действия, успехи коих приготовлены уже сношениями его с шейхами Кербалайским, Мутефикским и другими начальниками арабских поколений, также с значительнейшими жителями Багдада, готовыми отдать во власть Аббас-Мирзы сей город и принадлежащие к оному владения. По важности сих обстоятельств и по связи, которую исполнение предположения Аббас-Мирзы должно иметь с военными нашими действиями в Азиятской Турции, я считаю нужным сообщить вам следующие соображения: Ваше превосходительство весьма осторожно поступить изволили, заметив наследному принцу, что те пашалыки, на кои он мог иметь свои виды при начатии войны, теперь нужны собственно для операций наших и упомянув в особенности о Баязете, уже занятом нами, и о Муше, которые, вероятно, покорятся при первом появлении войск наших, и из коих мы можем извлекать нужные для продовольствия средства. Ван же отстоит далеко от операционной линии нашей, — следовательно, Аббас-Мирзе должно будет действовать против Багдада, где, как ваше превосходительство упоминаете, успех приуготовлен уже тайными его сношениями как с городскими жителями, так и с шейхами соседственных племен арабских. Если бы вторжение с сей стороны Аббас-Мирзы в Турецкие пределы было соглашено с движением нашим противу Эрзерума или учинено несколько ранее и если бы можно было ручаться, что наследник Персии будет иметь в сем предприятии совершенную удачу, то действия его противу турок, конечно, принесли бы собственно для нас большую пользу; ибо утвердившись в Багдаде и собрав многочисленные толпы конницы как своей собственной, так и ближайших арабов и куртинцев, он мог бы производить опустошения и наводить ужас по всему Диарбекиру и угрожать, с одной стороны, Сирии, а с другой, соединясь с враждующими всегда противу турок вехабитами, действовать даже к Медине и Мекке. Таковые успехи естественным образом обратили бы противу него значительную часть турецких войск, в Азии находящихся, облегчили бы исполнение предположений наших противу Эрзерума и, может быть, дали бы нам возможность, проникнув далее во внутрь Анатолии, возбудить противу турецкого правительства часть населения страны сей и таким образом распространить смятение по всей Азиятской Турции и решительно обессилить турок в сей части их владений. Таковы могли бы быть последствия нападения Аббас-Мирзы на Багдад, если бы оное исполнено было совершенно успешно, но предугадывая выгоды, которые от успехов в сем предприятии произойти могут, не должно выпускать из виду

и тех неприятностей, кои могут случиться, если надежды наследника персидского престола на тайные его связи и сношения в турецких владениях не будут оправданы самым событием. Из сообщенных мне вашим превосходительством в разных депешах сведений ясно видно, до какой степени простирается теперь бессилие персидского государства: совершенное истощение денег, всеобщая бедность, недостаток пушек и снарядов, неимение войск, — ибо собственно для караула вашего мужики были одеваемы в сарбазскую одежду, — наконец, пламя бунта, распространяющееся почти во всех южных провинциях Персии, не только не обещают ей успехов в войне внешней, но при всякой неудаче угрожают потрясением всеобщим и даже падением династии Каджаров. Обнадеживание старшин багдадских и разных родоначальников, что Аббас-Мирзе все покорится и все примет его сторону, коль скоро он покажется с самым малочисленным войском, весьма неверны и на оные столько же мало положиться можно, сколько вообще не должно надеяться на уверения азиятцев, в особенности кочевых племен, все виды свои к одним хищничествам простирающих. Если предприятие Аббас-Мирзы не сопровождаемо будет желаемым успехом и он, заявив себя неприятелем турок, должен будет возвращаться в свои пределы, то те же самые люди, которые ныне его призывают соединяться с турками, которые, конечно, употребят все усилия, дабы отмстить нападателю за нападения; к ним пристанут подвластные Аббас-Мирзе народы, вообще мало довольные его управлением. В крайнем бессилии, в коем Аббас-Мирза ныне находится, он не в состоянии будет противиться соединенным неприятелям и внутренним, и внешним, которые, прорвавшись в сердце Персии, могут подкрепить и провинции, бунтующие противу шаха, и сделать возмущение всеобщим. В таковом случае достоинство России и самая польза наша, состоящая в том, дабы удерживать нынешнюю династию на персидском престоле, заставит Россию по необходимости вмешаться в сие дело и оказать шаху и Аббас-Мирзе, как союзникам нашим, помощь деятельную. На сей предмет должно будет отправить войска в Персию, обессиливая тем отряд, назначаемый противу турок, и, может быть, даже остановить дальнейшее наше действие в Малой Азии. Изложив вашему превосходительству в обоих видах те происшествия, которые могут случиться от начатия Аббас-Мирзою неприязненных действий противу Порты, и изобразив две крайние противуположности в случае успеха и неудачи, я не сомневаюсь, что вы, имея все местные сведения, так сказать, под руками, зная средства Аббас-Мирзы, верность внешних его сношений и настоящее внутреннее положение Персии, конечно, не упустите ничего, что только может послужить к пользе и славе России; впрочем, недурно было бы, если бы Аббас-Мирза мог сделать хотя демонстрацию на Багдад и мог удержать войска тамошние несколько от посылки секурсов противу наших отрядов» (РС. 1876. № 17. С. 736—739; АКАК. Т. 7. С. 663—664).

Тогда же 5 декабря или несколько позже в отношении № 85 Паскевич писал Грибоедову: «Депеши вашего превосходительства от 26-го октября, 10-го и 11-го ноября дошли ко мне в одно время, и я искреннейше благодарю вас за все сведения, в них мне сообщенные, в особен-

ности же попечение ваше об освобождении пленных наших, до сего времени удерживаемых персиянами, и о скорейшей уплате денег, следующих за очищение Хоя. По последним известиям, мною от генерал-майора Панкратьева полученным, принято было по 5-е ноября от персиян в число 8-го курура 344 189 туманов, в том числе ассигнация моя, на имя генерал-интенданта в пользу Мирзы-Абдул-Вехеба, на 3 т<ысячи> туманов и отношение вашего превосходительства о принятии вами векселя на 4 т<ысячи> туманов от английского министра Макдональда. А как из отношения вашего от 11 ноября № 189 видно, что, кроме вышеозначенных денег, отправлено в Хой еще 30 т<ысяч> туманов, то и получим мы в счет означенного курура всего 374 189 туманов; затем оставаться будет на персиянах 125 811 туманов, но из сих денег 100 т<ысяч> туманов обеспечены уже залогом драгоценных каменьев, следовательно, в счет суммы, в залог коей Хойская провинция остается в руках наших, не доплачено Аббас-Мирзою только 25 811 туманов. Вашему превосходительству уже известно, что коль скоро получил я верное сведение о приеме генерал-майором Панкратьевым 300 т<ысяч> туманов (в число 8-го курура), тотчас предписал ему очистить Салмасский округ и передать персиянам управление оным, что уже и исполнено; в Хое же оставлен только батальон Кабардинского пехотного полка и 200 казаков при 2-х орудиях под начальством полковника Швецова. Хотя и нельзя усомниться, что персияне употребят все усилия, дабы заплатить нам за очищение Хойской провинции остальные 25 811 туманов сколько можно поспешнее, ибо сего требует собственная их польза, — но может также случиться, что описываемая вами всеобщая бедность и совершенное истощение денег поставят Аббас-Мирзу в невозможность собрать даже и сию незначительную сумму. В таком случае, согласно с мнением вашего превосходительства, я полагаю, что гораздо полезнее для нас в настоящих обстоятельствах оказать персидскому правительству некоторое снисхождение, нежели строгою точностью, отягощая и без того неприятное положение наследного принца, возбуждать в нем неудовольствие и доводить его до мер крайних; почему и прошу ваше превосходительство насчет очищения Хойской провинции действовать совершенно по вашим соображениям, не основываясь на том, что за сею провинциею не получено нами еще 25 811 туманов, которые некоторым образом обеспечиваются ручательством английского министра. На сей конец я предписываю полковнику Швецову, дабы он, по уведомлению вашему, немедленно очистил бы всю Хойскую область и передал оную правительству персидскому, но, прежде отсылки отношения вашего к полковнику Швецову по сему предмету, прошу вас предуведомить о том его хотя за неделю, дабы он имел время приготовиться к походу и к сдаче провинции персидскому чиновнику, о назначении коего ваше превосходительство, конечно, не оставите снестись с Аббас-Мирзою. Впрочем, я уверен, что вы приступите к сему только тогда, когда увидите действительную возможность получить в скором времени помянутые 25 811 туманов и, по соображениям вашим, таковое снисхождение признаете необходимым. Что же касается до предположения Аббас-Мирзы, чтобы войска наши оставались в

Хое, лишь бы предоставлено ему было поставить для податей и внутреннего управления своих собственных чиновников, а нашим более ни во что не вмешиваться, то я совершенно соглашаюсь с мнением вашим, что таковое распоряжение повлекло бы множество случаев неприятных. Наступившая зимняя погода, по моему мнению, выводу наших войск из Хоя препятствовать не может. Затем будет предстоять вашему превосходительству весьма трудный подвиг: получение в счет 8-го курура остальных 100 т<ысяч> туманов, обеспечиваемых залогом драгоценных каменьев. Конечно, желательно было бы деньги сии иметь наличностью; но, соображая те затруднения, которые встречены в уплате отданной уже нам до сего времени суммы и описываемую вами всеобщую бедность, весьма можно предвидеть, что если шах не окажет Аббас-Мирзе пособия, приняв от него в залог те же драгоценные камни или уступку доходов с одной провинции, что ваше превосходительство почитаете, впрочем, ненадежным, то окончательное удовлетворение означенных 100 т<ысяч> туманов может быть отдалено на неопределенное время. В последней депеше вице-канцлера от 12-го октября сего года сообщено мне Высочайшее Его Императорского Величества соизволение на принятие последнего предложения Аббас-Мирзы касательно уплаты 500 т<ысяч> туманов, следующих за очищение Хоя, вследствие коего половина сей суммы должна быть отдана наличными деньгами; другая часть получена драгоценными каменьями и поставкою провианта в виде залога, а остальные — обеспечены порукою английского министра. Таковое Высочайшее соизволение не разрешает, дабы драгоценные камни, в залоге у нас состоящие, в случае, если персияне не в состоянии будут выкупить оные, были приняты вместо наличной суммы; также не заключает в себе позволения, дабы вместо денег взяты были другие вещи, кроме провианта и других жизненных припасов: за всем тем, если бы уже совершенно было невозможно остальные 100 т<ысяч> туманов в число 8-го курура получить наличными деньгами, то в сем случае по необходимости должно будет принять взамен оных те вещи, сбыт коих не доведет правительство наше до убытков. Обстоятельства укажут, каким образом вам будет полезнее действовать по сему предмету, а как окончательный срок уплаты упомянутых 100 т<ысяч> туманов отложен вами до 10-го марта будущего года, то вы имеете весьма достаточно времени для соображений, о коих прошу вас меня предуведомить. Между тем, я повторяю покорнейшую мою просьбу о соглашении персидского правительства, чтобы в счет сей суммы выставлено было до 30-ти т<ысяч> четвертей хлеба (20 т<ысяч> пшеницы и 10 т<ысяч> ячменя) с перевозкою на его счет до Аббас-Абада, по соображению цен, существовавших в Адербиджане во время пребывания там войск наших, и уведомить меня предварительно, к какому времени начата будет доставка туда всего хлеба, дабы для принятия оного можно было назначить особого чиновника. Хлеб сей с перевозкою будет стоить до 30-ти т<ысяч> туманов, и сею сделкою обеспечим продовольствие войск наших, в Армянской области находящихся, с другой стороны, мы облегчим Аббас-Мирзу в уплате остальной следующей нам суммы. Впрочем, я отнесусь заблаговременно к вице-канц-

леру об исходатайствовании высочайшего разрешения, каким образом должно будет поступить в том случае, если уплата 100 т<ысяч> туманов за остающиеся у нас в залоге драгоценные камни будет признана решительно невозможною, и сообщу ему мое мнение, что в таковом крайнем случае замен сих денег удобнее всего было бы сделать шелком и другими вещами ценными, но тем не менее находящимися в общем употреблении. Об отзыве, который мною от графа Карла Васильевича по сему предмету получен будет, я не оставлю известить немедленно ваше превосходительство» (АКАК. Т. 7. С. 664—665).

Генеральный консул — А. К. Амбургер.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

30 октября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 113).

Впервые опубликовано: РА. 1872. № 7—8. Стлб. 1547—1549.

Печатается по автографу.

...письмо ~ имел честь получить вчера... — Письмо Родофиникина от 25 сентября 1828 г. до нас не дошло.

Насчет моей свадьбы, это вещь простая. — Грибоедов вынужден оправдываться в том, что вступил в брак без дозволения начальства. О причинах этого см.: *Листов В. С.* Женитьба Грибоедова в служебной переписке // Хмелитский сборник. Вып. 2. С. 228—234.

...посредством отношения к его сиятельству г<осподину> вице-канцлеру. — К. В. Нессельроде был поставлен в известность И. Ф. Паскевичем об обстоятельствах женитьбы Грибоедова только 23 ноября 1828 г. (отношение № 279), где тот писал: «Милостивый государь, граф Карл Васильевич! Вашему Сиятельству, конечно, уже известно, что полномочный наш министр при Персидском дворе г. статский советник Грибоедов перед отъездом своим в Персию женился на дочери генерал-майора князя Чавчавадзева, одного из значительнейших помещиков грузинских, не испросив на сие разрешения. — Вследствие чего обязанностию поставляю уведомить Ваше Сиятельство, что женитьба г. Грибоедова совершилась некоторым образом неожиданно и по соединившимся разным обстоятельствам, в особенности по поспешности, с коею должно было ему выполнить Высочайшую Его Императорского Величества волю, дабы скорее прибыть в Персию, не могла быть отложена на дальнейшее время; и потому по убедительной о сем г. статского советника Грибоедова просьбе, я принял на себя дать ему разрешение совершить сей брак. — Почему, прося покорнейше, Вас, милостивый государь, буде вы изволите признать нужным, довести о сем до Высочайшего сведения Его Императорского Величества, с отличным почтением и преданностию имею честь быть Вашего Сиятель-

ства покорнейший слуга — граф И. Паскевич-Эриванский» (РА. 1872. № 7—8. Стлб. 1551. С пометой: «Получ<ено> 9-го декабря 1828»).

...действия Макниля я должен буду подкреплять моим настоянием при Шахе. — Присутствие русских войск на территории Персии в залог выплаты ею денежной контрибуции очень беспокоило английскую дипломатию — этим и объясняется посредничество англичан в добывании средств для выплаты.

...чтобы поспешить к Шаху за деньгами в Тегеран... — Грибоедов выехал в Тегеран 9 декабря 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

31 октября 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ (Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 39).

Впервые опубликовано: Вестник Московского ун-та. Филология. 1977. № 2. С. 63.

Печатается по копии.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

31 октября 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 762—763.

Печатается по первой публикации.

В ответ ~ № 414... — Отношение Паскевича № 414 от 22 сентября 1828 г. до нас не дошло.

...я предлагал ~ при Ахалкалаке. — См. об этом в отношении к Паскевичу от 7 сентября 1828 г.

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

9 ноября 1828. Тавриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 150—152 об.).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).

Впервые опубликовано: РЛ. 1995. № 2. С. 87—104 (по копии).

Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «...всенижайшим и всепокорнейшим слугою. А. Грибоедов».

Бумага в нескольких местах проколота для окуривания во время чумы в карантине.

На соседнем листе сделана по-русски краткая выписка из отношения Грибоедова. Внизу помета: «Возвращено от Государя Императора 9 декабря 1828», что объясняет наличие даты «le 9 décembre 1828» справа наверху первой страницы письма Грибоедова.

Я собирался отправиться в Тегеран... — В Тегеран Грибоедов выехал 9 декабря 1828 г.

...Шах написал ~ отъезде из Тегерана... — Отъезд шаха был вызван восстанием в Хорассане.

...я выказываю знаки ~ его величеством императором... — В Туркманчайском договоре вопросу о признании Россией Аббас-мирзы наследником персидского престола посвящена особая, именно VII, статья.

Он часто заговаривает со мной о Багдаде... — В ответном письме Нессельроде к Грибоедову от 18 декабря 1828 г., в частности, признается желание Аббас-мирзы принять участие в войне России против Турции, «начав сие вторжением в Багдадский пашалык и овладением самим Багдадом», одним из главнейших аспектов восточной политики. Относительно дальнейших перспектив Нессельроде пишет: «Вы весьма хорошо отвечали Аббас Мирзе по сему его предположению. Действительно, со стороны России ни малейшего в том не предстоит затруднения, и мы с удовольствием взирать будем на его победы и приобретения, кои успеет учинить и кои, может быть, будут удобнее в сие время, когда Порта Оттоманская находится в необходимости обратить все силы свои противу нас; но на сем ограничится все то, что может ожидать Аббас Мирза от нас. <...> Если Аббас Мирза, взвесив все сии могущие последовать события, найдет для себя неопасным войти вооруженною рукою в области Турецкие, мы не можем на это взирать иначе как с удовольствием, ибо я повторяю вам, что успехи Аббас Мирзы при нынешнем откровенном и дружеском его расположении к России будут всегда приятны Государю Императору. В таком смысле вы не оставите объясниться с Его Высочеством, причем выразите сему Принцу, что после такового, самого искреннего вашего с ним объяснения, и зная предварительно, что Россия, по достижении вышеозначенной цели, немедленно приступит к заключению мира с Оттоманскою Портой, Аббас-Мирза не будет вправе жаловаться или негодовать на нас за то, что, начав войну против общего врага, оставлен один для продолжения с ним борьбы» (РС. 1876. № 12. С. 743—744). Подробнее об этом см.: *Мясоедова Н. Е.* Заметки о дипломатической деятельности А. С. Грибоедова // Хмелитский сборник. С. 298—311).

Я умоляю ~ Ваше мнение на этот счет. — Нессельроде разъяснил позицию Министерства иностранных дел России по этому вопросу в процитированном выше письме к Грибоедову от 18 декабря 1828 г.: «Теперь обращаюсь к желанию сего принца приехать сюда. Вы согласитесь с ними, что не любовь к России, не одна приверженность к Государю Императору, понуждают Наследника Персидского Престола до-

могаться позволения прибыть в Санкт-Петербург. Целью сего вероподобно есть надежда испросить уступку 9-го и 10-го курура, нам еще следующих по Туркманчайскому трактату. Весьма возможно также, что подобно отцу своему, по заключении Гюлистанского трактата не перестававшему домогаться возвращения присоединенных к России областей, и он будет просить подобного. Само собою разумеется, что домогательства его будут безуспешны; не менее того, неприятно вводить нам себя в положение отказывать во всем на каждом шагу гостю, которого, с другой стороны, и приличие, и правила Государя Императора будут побуждать принять со всеми знаками приязни. Если даже Его Величеству благоугодно было решиться подарить 9-й и 10-й курур Персиянам, то в таком случае выгоднее сие сделать без приезда сюда Аббас Мирзы, ибо приезд сей, сверх курура, который мог бы быть ему подарен, введет нас в весьма отяготительные издержки, кои неизбежны по самому достоинству России. Сверх того, при нынешних занятиях Государя Императора, всякое отвлечение делается обременительным. По сим уважениям, возлагается в непременную вам обязанность, самым приятнейшим образом отклонить удовлетворение сего домогательства. Достаточно уважительных причин можете вы к сему иметь, поставляя главною — неизвестность, где в какое время будет находиться Государь Император при настоящей войне» (РС. 1876. № 12. С. 744—745).

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

9 ноября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 155—156).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).

Впервые опубликовано: РЛ. 1995. № 2. С. 99—100 (по копии).

Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «...всенижайшим и всепокорнейшим слугою. А. Грибоедов».

Бумага проколота в нескольких местах для окуривания от чумы. Очевидно, именно с этим связано то, что не само донесение, а выписка из него была представлена императору; на соседнем листе под краткой выпиской из донесения Грибоедова внизу приписано: «Возвращено от Государя Императора 9 декабря 1828», что объясняет наличие на первой странице донесения Грибоедова даты «9 ноября 1828» и слева наверху номера — № 2264.

Грибоедов неоднократно в своей деловой переписке затрагивает ситуацию в Хорасане, наиболее близко к этому рапорту примыкает рапорт Грибоедова И. Ф. Паскевичу от 10 ноября.

Дела в Хорасане... — Историческая провинция Хорасан в 20-е гг. XIX в. была подвластна нескольким владетелям: города Машхад, Ни-

шапур, Туркинд и Торбат со своими округами находились под властью персидского шаха; Герат и Южный Хорасан — Кабульского эмира, а Северный Хорасан был населен кочевыми племенами узбеков, курдов и туркмен. Восстание в Хорасане было поднято племенами против династии Каджаров в надежде на помощь Афганистана и хивинского хана Аллах-Кули-хана. Мятеж закончился поражением племен.

Бывший эриванский сардарь — Хусайн-хан Казвини.

В городе Иезде и округе его открытый мятеж. — Речь идет о том, что губернатор г. Йезда и округа Мухаммад-Абдаллах-хан отказался в конце 1828 г. выплатить дополнительные сверхналоги, затребованные Фатх-Али-шахом. Для приведения его к покорности шах отправил Мухаммад-Хасан-хана Каджара, который, сместив Мухаммад-Абдаллах-хана, дела, однако, не выправил и был отозван в Тегеран. Оставшийся вместо него Абд ар-Риза-хан также в свою очередь отказался выплатить сверхналог. Конфликт был улажен без кровопролития в 1830 г., когда в Йезд прибыл наследник престола Аббас-мирза, сменивший своего брата интригана Хасан-Али-мирзу Шоджа ас-салтане, который до его прибытия безуспешно осаждал города Йезд и Керман в течение девяти месяцев.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

9 ноября 1828. Тавриз

Автограф: РГТМ (Ф. 78. Ед. хр. 7).
Впервые опубликовано: РА. 1878. № 7—8. Стлб. 1549—1550.
Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова.
Помета: «Передано 12 февраля 1829».

...нашел г<осподина> титулярного советника Иванова... — В 1822 г. при переходе в штаб А. П. Ермолова Грибоедов потерял в ежегодном жалованье 250 червонцев, а И. А. Иванов, напротив, приобрел их, заняв должность Грибоедова в русской миссии в Персии. В 1828 г. ситуация изменилась: Грибоедов стал начальником Иванова, который, по-видимому, был осведомителем Родофиникина. Отсюда взаимное нежелание работать друг с другом. Об отношениях Грибоедова и Иванова см.: Хмелитский сборник. С. 292—295.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

10 ноября 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1874. № 12. С. 763—765.
Печатается по первой публикации.

...положение наших дел в Турции... — Имеются в виду военные действия России в европейской и азиатской Турции.

Дела в Хорасане... — С этого места текст практически полностью совпадает с отношением Грибоедова К. В. Нессельроде от 9 ноября 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

11 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 11. С. 727—728.
Печатается по первой публикации.

...угодно учредить ~ денег... — см. предыдущее письмо от 10 ноября 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

12 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 11. С. 728—729.
Печатается по первой публикации.

...когда он отбыл ~ за кн. Меншиковым. — Грибоедов напоминает Паскевичу, что А. К. Амбургер выехал в Петербург вместе с А. С. Меншиковым, чтобы поддержать Паскевича в его противоборстве с А. П. Ермоловым (см.: РЛ. 1994. № 2. С. 115—117).

...600 черв<онных> ~ сопряженными с его званием. — Эти цифры уже были упомянуты в переписке и самим Амбургером; очевидно, они его устраивали. Дело «Об отпуске сумм для Миссии в Тегеране и генерального консульства в Табризе» хранится в РГИА (Ф. 565. Оп. 2. Д. 6616). См.: *Мясоедова Н.* О Грибоедове и Пушкине. Кострома, 1997. С. 81—102.

Вице-канцлер — К. В. Нессельроде. Паскевич последовал просьбе Грибоедова и в отношении № 278 от 23 ноября 1828 г. писал вице-канцлеру: «Милостивый Государь, граф Карл Васильевич! Российский Полномочный Министр при Персидском дворе, г. статский советник Грибоедов, сообщил мне, что надворный советник Амбургер, занимающий должность Генерального консула в Тавризе, расстроил свое здоровье в течение десятилетнего почти беспрерывного нахождения его на службе в Персии, возобновил по прибытии г. Грибоедова туда прежнюю свою просьбу от отпуске его в Россию для излечения. — Хоть причины Амбургера весьма уважительны, но он, г. Министр, не мог согласиться на его просьбу, находя его пребывание в Персии необходимым, особенно

в нынешних обстоятельствах. Между тем объясняя, что всякое сношение с персианами завлекает в непредвидимые и неизбежные расходы, в которые вынужден входить и г. Амбургер по своей должности и на кои жалования его очень недостаточно, относится к моему посредству об испрошении Амбургеру прибавки к нынешнему его жалованью по крайней мере 600 червонных, что составит 1800, а также единовременной суммы, хоть в виде награды, чтоб он мог на первый случай устроить свое хозяйство и несколько уравнить приходы свои с расходами, которые большею частью определяются не собственными прихотями, а надобностями тесно сопряженными с его званием. — Отличная служба Надворного Советника Амбургера мне лично известна; во время заключения трактата с Персиею он много оказал усердия и старания в пользу сего важного для правительства дела, а после того, оставаясь в качестве Комиссара при Персидском дворе, своим деятельным и точным исполнением возложенных на него обязанностей не менее заслужил признательность начальства. — Если чиновник сей собственно по надобности в нем удерживается в Персии, тогда как, воспользовавшись отпуском в Россию, он мог бы поправить свое слабое здоровье и даже избегнуть расходов, расстраивающих его состояние: то справедливость требует обеспечить его в сем случае и жалование его соразмерить издержкам в том крае необходимым. По уважению сих причин, я со своей стороны покорнейше испрашиваю предстательства Вашего Сиятельства о прибавке Амбургеру к жалованию его 600 червонных и о выдаче ему на обзаведение единовременной суммы. Благосклонное удовлетворение Вами, милостивый государь, такового моего ходатайства, наградить по достоинству сего полезного для службы чиновника. — С истинным почтением и преданностию честь имею быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга г<раф> И. Паскевич-Эриванский» (АВПРИ. Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 157).

ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ И. А. ИВАНОВУ

13 ноября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 239).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678, Н. В. Шаломытова).

Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 121.

Печатается по автографу.

К письму приложена печать с гербом Грибоедова (неясный оттиск).

Пометы на обороте листа:

«По сему открытому листу дать с Нахичеванского поста казачьих 5 лошадей за указанные прогоны с проводником. — г. Нахичевань. Ноября 16 дня 1828 г. В должности бригадного адъютанта Подпоручик Павлоцкий.

По сему открытому листу дать Ериванского поста казачьих лошадей за указанные прогоны с проводником. — г. Еривань. Ноября 18-го 1828 года. Кн. Аргутинской-Долгоруков.

Сей открытый лист в Гергерском карантине явлен Ноября 19 дня 1828 года. Исполняющий должность плац-майора Тифлисского пехотного полка прапорщик Мамаджанов.

По сему открытому листу дать от Джелалогинского поста 5 лошадей за указанные прогоны и безопасный конвой. Декабря 3 дня 1828. В должности плац-адъютанта прапорщик Тамнович».

...с при нем будущими... — почтовый термин: запись в подорожную будущих спутников.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

24 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Ф. Н. К. Пиксанова).
Впервые опубликовано: РЛ. 1986. № 2. С. 154.
Печатается по копии.

Помета: «Получ<ено> 22 декабря; передан документ в Правление от декабря № ».

Гусейн-хан сардарь — Хусайн-хан Каджар, бежавший в Табриз, в сентябре 1828 г. был назначен наместником Хорасана (см. отношение Грибоедова к И. Ф. Паскевичу № 189 от 23 сентября 1828 г. и к К. В. Нессельроде № 203 от 23 октября 1828 г.).

...документы на имение ее... — О земельных владениях Хаджи Бегум-ханум см.: *Адонц М. А.* Экономическое развитие Восточной Армении в XIX веке. Ереван, 1957. С. 34.

...уже имел я честь лично просить Ваше Сиятельство... — Грибоедов виделся с Чавчавадзе 21 сентября 1828 г.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

26 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 730.
Печатается по первой публикации.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

29 ноября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13).
Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).
Впервые опубликовано: РЛ. 1994. № 2. С. 120—121 (по копии).
Печатается по автографу.

Текст — рукой переписчика, подпись — автограф Грибоедова: «...всепокорнейший слуга А. Грибоедов».

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

29 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 730.
Печатается по первой публикации.

...так называемый здесь «Русский батальон»... — «Русский батальон» был сформирован в иранской армии из русских солдат, дезертировавших или взятых в плен. Аббас-мирза использовал их в качестве инструкторов для подготовки иранских регулярных войск. Несмотря на то что в войну 1826—1828 гг. «Русский батальон» отказался участвовать в военных действиях против России, командование Отдельного Кавказского корпуса прилагало все усилия для его расформирования. Дезертирство в русской армии было реакцией солдат на бесправие, тяжелый быт и произвол командиров. Поэтому само существование «Русского батальона» оказывало влияние на моральное состояние пограничных войск и в определенной степени умаляло достоинство России на Востоке.

Трактат — Туркманчайский трактат, статья XIV.

Так называемый майор Самсон — С. Я. Макинцев (см.: *Берже А.* Самсон Яковлев Макинцев и русские беглецы в Персии // РС. 1876. № 4. С. 770—804; Командировка капитана Альбранта в Персию, рассказанная им самим // РВ. 1867. № 3). См. также: Наст. изд. Т. 2. С. 317.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

29 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 730.
Печатается по первой публикации.

Покойный тифлисский военный губернатор — Н. М. Сипягин (умер 10 октября 1828 г.).

Наиб-Султан — Аббас-мирза.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

29 ноября 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 730.

Печатается по первой публикации.

Ответ на запрос И. Ф. Паскевича: «нахичеванский житель Сафраз Сааков в поданной мне просьбе <...> объяснил, что в прошлом 1827 г. был посылаем Вами за Аракс для соглашения к возвращению вышедших из Нахичевана ханов, он поручение сие исполнил с успехом, и что Ваше Пре<восходительство> обещали ему за таковую услугу исходтайствовать награду» (цит. по: *Ениколопов И.* Грибоедов и Восток. Ереван, 1954. С. 74).

К. В. НЕССЕЛЬРОДЕ

30 ноября 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 158—165 об.).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.678).

Впервые опубликовано: АКАК. Т. 7. С. 662; русский перевод: РС. 1876. № 12. С. 730—735.

Печатается по автографу.

Помета: «№ 4. Получено 2 генваря 1829».

Принц — Аббас-мирза.

Али-Мирза из Тегерана. — Хасан-Али-мирза прибыл в Тегеран из Хорасана, где он был наместником, по вызову шаха в связи с жестокими поражениями, понесенными персами во второй войне (1826—1828). В Тегеране он публично, почти не стесняясь в выражениях, обвинял Аббас-мирзу в слабости и неспособности руководить войсками, полностью возлагал на него вину за поражения в войне и требовал его смещения с поста наследника престола и главнокомандующего как предавшего интересы Ирана и продавшегося России. Вместо Аббас-мирзы он предлагал свою кандидатуру.

...со времени посольства Малькольма. — Капитан Дж. Мальмкольм был направлен английскими властями в Персию в качестве посланника в 1799 г. Не жалея золота, он покупал всех — от шаха до погонщика верблюдов и добился подписания с Ираном политического и коммерческого трактатов. Подробнее см.: *Malcolm J.* The History of Persia. London, 1815. V. 1—2.

Ваша русская инструкция — см.: «Проект инструкции***, посылаемому в Персию».

Взятие Варны ~ приличный обстоятельствам блеск. — См. описание празднования взятия Варны в Табризе в корреспонденции И. С. Мальцева (СП. № 221. 27 ноября 1828 г).

Золотой трон Ага-Мамед-Шаха. — Имеется в виду золотой трон основателя династии Каджаров в Иране Ага-Мухаммад-шаха.

Генеральный консул — А. К. Амбургер.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

2 декабря 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: АКАК. Т. 7. С. 662.
Печатается по первой публикации.

...депешу мою к вице-канцлеру... — См. отношение Грибоедова к К. В. Нессельроде от 30 ноября 1828 г. Остальные упомянутые в письме Грибоедова отношения (от Паскевича, Остен-Сакена, Панкратьева, Мерлини), как и письмо Грибоедова полковнику Швецову, до нас не дошли.

...в отношении к Вам вице-канцлера, от 18-го июня. — Отношение К. В. Нессельроде к Паскевичу от 18 июня до нас не дошло.

И. Ф. ПАСКЕВИЧУ

3 декабря 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 735.
Печатается по первой публикации.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

7 декабря 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 124).
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 735—736 (перевод).
Печатается по копии.

Главнокомандующий... — И. Ф. Паскевич.

А. Г. ЧАВЧАВАДЗЕ

7 декабря 1828. Тавриз

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Ф. Н. К. Пиксанова).
Впервые опубликовано: РЛ. 1986. № 2. С. 154—155.
Печатается по копии.

Пометa: «Получ<ено> 28 декабря; предписано полиции от декабря №   »).

Вследствие ходатайства каймакама — Пост каим-е макама с 1822 г. занимал мирза Абу-л-Касим, прозванный «вторым каим-е макамом».

К. К. РОДОФИНИКИНУ

Начало декабря 1828. Табриз

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 183—184 об.).
Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. С. 233—235.
Печатается по автографу.

Помета: «№ 9. Получено 2 генваря 1829».

Ставя под письмом дату, Грибоедов оставил для числа свободное место.

Трактат — Туркманчайский договор.
Вице-канцлер — К. В. Нессельроде.

К. К. РОДОФИНИКИНУ

16 октября — 9 декабря 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Выписка из отношения: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 185—185 об.).
Печатается по тексту выписки.

В данном случае мы имеем дело с дипломатической уловкой Грибоедова, с помощью которой он пытался положить конец алчности и бюрократическим злоупотреблениям персидского правительства. Речь идет о нарушении имущественного права, оговоренного Туркманчайским трактатом, согласно которому лица, вышедшие из персидского подданства на территории Азербайджана, сохраняли право на свое имущество и получение доходов с него, а также право продажи этого имущества (имелись в виду прежде всего земли и недвижимость) в течение пяти лет. Персидское правительство, желая по истечении пятилетнего срока обратить это имущество в собственность двора, всячески препятствовало лицам, вышедшим из Азербайджана, в их попытках получать доходы с этих имений и одновременно запрещало персидским подданным приобретать это имущество. Тем самым создавались условия, при которых выходцы из Азербайджана после пяти лет утрачивали право на это имущество, а при отсутствии новых владельцев имущество автоматически переходило в собственность шахского двора. Грибоедов нашел остроумный способ преодолеть притеснения персидского правительст-

ва — он предложил объявить о том, что все эти имения якобы будут приобретены покупателями для российской казны и соответственно перейдут в российскую собственность. Персидское правительство, оказавшись перед реальной перспективой утраты этих имений, будет вынуждено разрешить их покупку персидским покупателям, что даст возможность лицам, вышедшим из персидского подданства, хотя бы частично компенсировать стоимость своих имуществ, остающихся на персидской территории. Учитывая, что из Иранского Азербайджана только армян переселилось в российские пределы около 40 000 человек и что большинство этих людей покинуло Персию, захватив лишь самое необходимое, такой выход из положения позволял многим из них обрести возможность сводить концы с концами. Этой остроумной идеей Грибоедов в очередной раз продемонстрировал дипломатический талант и тонкое понимание сложной юридической ситуации.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

9 декабря 1828. Табриз

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 124).
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 736 (в сокращении).
Печатается по копии.

Принц — Аббас-мирза.

П. Я. РЕННЕНКАМПФУ

11 декабря 1828. Тикмедаш

Автограф неизвестен.
Копия: ИРЛИ (Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 124).
Впервые опубликовано: РС. 1876. № 12. С. 736 (перевод).
Печатается по копии.

Принц — Аббас-мирза.

ДЖ. МАКДОНАЛЬДУ

6 января 1829. Тегеран

Автограф неизвестен.
Копия: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 191).
Впервые опубликовано: Хмелитский сборник. С. 326—328.
Печатается по копии.

К. В. Нессельроде писал Грибоедову 12 октября 1828 г. из Одессы: «М<илостивый> г<осуда>рь, в надежде, что поправка Вашего здоровья

позволит Вам теперь продолжить Ваше путешествие к месту назначения, я не могу уехать из Одессы для сопровождения Е<го> И<мператорского> В<еличества> в Петербург, не предоставив Вам информацию, которая должна Вас заинтересовать. Итак, имею удовольствие передать Вам нижеследующий бюллетень относительно сдачи Варны, которая увенчала наши военные действия в Европейской Турции тогда же, когда действия Кавказской армии были отмечены [пропуск] успехами в Малой Азии. Я также прилагаю копию депеши, которую я сегодня направляю г. г<енералу> г<рафу> Паскевичу и предмет которой, главным образом, представляют наши дела с персидским прав<ительством>, в отношениях с которым Ваше прибытие в Тегеран даст Вам возможность делать новые активные шаги к желаемой цели. Независимо от выполнения уже в основном принятых соглашений в отношении выплаты остатка контрибуции, я считаю себя обязанным привлечь Ваше внимание в первую очередь к судьбе наших военнопленных в Персии, возвращение которых откладывается или от него уклоняются под разными предлогами. Сведения, достойные доверия, позволяют нам думать, что многие из них, жертвы алчности и недобросовестности персов, были проданы в рабство в Хиву и Бухару, вопреки строго законным условиям Туркманчайского договора. Я не могу сомневаться, м<илостивый> г<осуда>рь, в активном и упорном усердии, которое заставит Вас проверить и одновременно остановить эти отвратительные спекуляции, твердо настаивая перед персидским правительством на немедленном выполнении статьи, касающейся возвращения наших военнопленных. Поскольку Вы — свидетель великодушного обращения и возвращения персидских пленных в Тифлисе, Вы тем более будете вправе, м<илостивы>й г<осуд>арь, требовать в свою очередь от Тегеранского двора точного и добросовестного выполнения их обязательств в этом отношении. Успех Ваших хлопот и Ваших усилий для достижения цели столь законной, что она сообразуется с благосклонным вниманием нашего Августейшего Государя, обеспечит Вам новые права на Его высокое благоволение.

Как только я вернусь в Петербург, я займусь ускорением организации административной и судебной сторон наших консульских учреждений в Персии на основах, указанных в Туркманчайском договоре. Их проект уже подвергнут углубленному изучению, какого требует работа такого рода, и я постараюсь передать Вам эти основные предписания, как только они будут приняты и утверждены окончательным образом.

Примите...

P. S. Так как г. Уиллок, новый британский п<олномочный> предст<авитель> при Тегеранском дворе, написал мне из Тифлиса, чтобы выразить признательность за прием, оказанный ему в России, я посылаю ему прилагаемый при сем ответ, который я прошу Вас, милостивый государь, соблаговолить передать ему при первой возможности. Я имею основание верить, что он не выкажет нам меньше расположения, чем его предшественник, и Вы, конечно, не оставите без внимания необходимость последовательно и разумно поддерживать подобные отношения на благо службы» (РЛ. 1995. № 2. С. 102—104).

Генри Уиллок, возвращаясь из Лондона к месту службы, не имея на то никаких оснований, выдавал себя в Петербурге за нового британского посланника в Персии. Нессельроде сообщил Грибоедову, что вскоре в Табриз прибудет новый британский поверенный в делах Уиллок и что с ним следует установить дружественные отношения (см.: *Аринштейн Л.* Новые данные об обстоятельствах гибели Грибоедова (по английским источникам) // В мире отечественной классики. М., 1984. С. 442—461). Но еще со времен первого пребывания Грибоедова в Персии между ним и Уиллоком установилась неприязнь, так как Генри и Джордж Уиллоки препятствовали выводу из Персии российских пленных в 1820 г. В 1827 г. Генри Уиллок был задержан на Кавказе в период русско-персидской войны. Он совершал многочисленные поездки по местам расположения российских войск, поддерживая к тому же отношения и с персами, что невозможно объяснить ничем иным, кроме как шпионской деятельностью. Вопрос о роли братьев Уиллоков в тегеранских событиях 30 января 1829 г. и предшествующих недостаточно прояснен. Известные документы, несмотря на отрицательную оценку их поведения, не позволяют однозначно говорить об их роли в этих событиях.

Дж. Макдональд отправил ноту Грибоедова вышестоящему начальству, сопроводив ее следующим ответом: «Нижеподписавшийся чрезвычайный посол Великобритании при Персидском дворе в Тегеране, просит Вас подтвердить получение этой Ноты, которую Его Превосходительство Полномочный Министр Императора всея Руси благоволил написать 6/18 января, а также письма от Его Сиятельства Вице-Канцлера Графа Нессельроде в адрес сэра Генри Виллока, которое было вручено этому господину. Нижеподписавшийся в ответ на желание, выраженное Его Превосходительством по поводу информации, о которой идет речь в направленной ему Ноте, может лишь сообщить, что он не знает ни о каких изменениях, имевших место в отношении Британской Миссии при этом Дворе, а также что его последние письма из Англии не дают оснований предполагать, что сейчас обсуждаются какие-нибудь изменения. В связи с этим ему представляется затруднительным объяснить заблуждения, в которых Его Сиятельство Вице-Канцлер находится, считая сэра Генри Виллока представителем Его Королевского Величества при здешнем Дворе, тогда как названный господин всего лишь вернулся к той должности, которую он занимал последние три года — Первого Секретаря Миссии» (Хмелитский сборник. С. 328—329).

ДЖ. МАКДОНАЛЬДУ

6 (18) января 1829. Тегеран

Автограф неизвестен.

Копия: Отдел рукописей Ноттингенского ун-та (Великобритания).

Фотокопия копии: РГБ (Ф. 221. № 40). (В каталоге РО РГБ ошибочно атрибутирована как «фотокопия подлинника»).

Впервые опубликовано: 1) Slavic review. Vol. 30. № 1, March. 1971; 2) Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 31. Вып. 5. 1972. С. 454—461.

Печатается по фотокопии.

В связи с недавно найденной нотой к Макдональду от 6 января 1829 г. произошло уточнение датировки и данного письма, как парного предыдущему датированному документу. С ними связано и письмо некоей Амелии (возможно, жены Джона Макдональда) брату Джона — Уильяму Макдональду, проживающему в Солсбери в Великобритании. Оно датировано 3 февраля 1829 г.: «Мой дорогой Уильям. Осмелюсь предположить, вы, вероятно, сочтете меня навязчивой, но я не могу сидеть спокойно и соблюдать интересы вашего брата, не сообщив тем, кто, как и я, чувствителен ко всему, относящемуся к нему, обо всем, что происходит. Мои другие письма откроют вам глаза на систематическую интригу, которую ведет против него член его собственной семьи, а бумаги, которые я вкладываю вместе с тем письмом, покажут вам, до каких степеней это дошло, и вы будете немало удивлены узнав, что его первый Секретарь по всей России выдавал себя за Поверенного в делах Его Величества при здешнем Дворе — утверждая, что он заменит вашего брата по приезде сюда. Сейчас это все, конечно, обернется против него. — Так как Макдональд не собирается сообщать об этом деле Правительству, вы должны все это держать в строгой тайне; — но так как необходимо, чтобы какой-то рассудительный друг знал об этих фактах (на случай, если в Англии начнут интриговать против Макдональда), я сочла необходимым отправить вам прилагаемые документы, рассчитывая, что вы не будете давать им хода — только в случае, когда вы сочтете нужным предъявить их в защиту М<акдональда>, если против него станут плести тайные козни. Пока ничего прямо не высказано, он неуязвим, так как никто никогда не был в большем фаворе как у Персидского, так и у нашего Правительства, нежели он сегодня. — Вас бы чрезвычайно позабавило, если бы вы прочли приватное письмо Русского Посла к М<акдональду> — предваряющее его публичную Ноту. В нем так любезно и остроумно сказано, что он не знал о намерении М<акдональда> подать заявление об отставке и уйти со своего поста так поспешно, и полдюжины острых шуток, которых я не буду повторять. Господин Грибоедов исключительно умный человек, и они с М<акдональдом> состоят в самых лучших и близких отношениях, что очень приятно — и все дела решаются без всяких трений. — Это меня очень радует, и было бы очень приятно для меня, иметь рекомендации Лорду Хайтсбери от его семьи в Англии, если они это могут устроить. Вы знаете, что Дугласы раньше были близки к семье A'Court, поэтому если вы сможете получить несколько строк рекомендации к Его Лордству, то, пожалуйста, перешлите их нашим Агентам господам Хорнби, Бейли и Компания — Санкт-Петербург — и надпишите на этом письме, чтобы они его хранили до моего приезда туда. — Твоя любящая сестра Амелия. Таврис. 3 февраля 1829 года» (Хмелитский сборник. С. 323—326. Подлинник по-английски).

...письма моей жены свидетельствуют... — Писем Н. А. Грибоедовой к мужу не сохранилось, поэтому приведем в переводе ее письмо к мадам Макдональд от 22 апреля 1829 г., отосланное из Тифлиса: «Дорогая моя госпожа Макдональд, я не забыла того нежного участия, которое вы ко мне проявляли во время моего краткого пребывания у вас, того трогательного внимания, которым вы меня окружили в момент моего несчастия, еще более затруднявшего мое положение; только благодаря вашей доброте мое путешествие в Тифлис совершилось благополучно. Поверьте, дорогой друг, я не преминула бы выразить вам мою признательность, которая переполняет меня, если бы прискорбные обстоятельства не задержали меня на некоторое время. Через несколько дней после моего приезда, тяжелых дней, проведенных в борьбе с тоской, охватившей меня, в борьбе с тревогой и неясными предчувствиями, все более раздиравшими меня, было решено, что лучше сразу сорвать покрывало, чем скрывать от меня ужасную правду. Свыше моих сил пересказывать вам все то, что я перенесла; я взываю к вашему сердцу любящей супруги, чтобы вы могли оценить мою скорбь, я уверена, что вы поймете меня: мое здоровье не могло противостоять этому ужасному удару. Переворот, происшедший во всем моем существе, приблизил минуту моего избавления. Опустошенная душевными страданиями более, нежели физическими, лишь через несколько дней я смогла принять новый удар, который мне готовила судьба: мой бедный ребенок прожил только час, а потом соединился со своим несчастным отцом — в мире, где, я надеюсь, будут оценены и их достоинства и их жестокие страдания. Однако его успели окрестить, ему дали имя Александр в честь его бедного отца. То, что я нахожусь в кругу своей семьи, все-таки приносит мне слабое утешение. Никогда забота не сочеталась с такой любовью и постоянством, какими не перестают окружать меня; только моим дорогим родителям обязана я своим возвращением к жизни, и им я хочу посвятить всю себя. Я все поняла, дорогая госпожа Макдональд, все до мельчайших деталей; я знаю, что останки моего несчастного мужа были посланы в Тавриз, куда они, конечно, уже прибыли, но отправлены ли они в Тифлис, — этого я не знаю. Ежели вам что-нибудь известно об этом, не были бы вы так любезны сообщить мне все; кроме удовольствия получить от вас письмо, я надеюсь узнать также судьбу драгоценного груза, который мне обещали переслать. — Меня уверяют, что ваш отъезд в Тифлис отложен, я полагаю, что ваши заботы лишают меня счастия видеть вас еще какое-то время. — Я еще недостаточно окрепла, чтобы написать более длинное письмо. Позвольте мне закончить его и надеюсь, что мрачный тон моего письма не слишком вас утомил. Прощайте, дорогая госпожа Макдональд, не ослабляйте вашего внимания ко мне, которое я так ценю, и знайте, что моя чистосердечная и горячая признательность ждет вас по приезде. — Нина Грибоедова» (Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. Т. 31. Вып. 5. 1972. С. 459—460. По-французски письмо опубликовано: *Harden E. J.* An unpublished letter of Nina Aleksandrovna Griboyedova // Slavonic and East European Rewiew. 1971. July. P. 437—449. Копия нахо-

дится в книге корреспонденции Дж. Макдональда в библиотеке Эдинбургского университета (Великобритания)).

...об утверждении награды, которой вас удостоил Государь Император. — См. письмо к Паскевичу от 23 сентября 1828 г.

...рекомендации гр<афа> Нессельроде относительно сэра Г. Уиллока. — Уиллок, принадлежавший (в отличие от Дж. Макдональда) к русофобской партии английской миссии в Персии, проездом в Петербурге в 1828 г. выдавал себя за английского посланника.

...между двумя державами, находящимися в состоянии войны... — Имеется в виду русско-турецкая война.

Так же обстоит дело с дарами... — Имеются в виду дары российского двора шаху.

...направленный против меня проект... — Возможно, здесь имеется в виду противодействие англичан проекту Российской Закавказской компании, составленному Грибоедовым совместно с П. Д. Завилейским.

СЛУЖЕБНЫЕ ЗАПИСКИ

ЗАПИСКА О ЛУЧШИХ СПОСОБАХ ВНОВЬ ПОСТРОИТЬ ГОРОД ТИФЛИС

29 июня—19 июля 1827

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РСл. 1859. № 5. С. 45—47.
Печатается по первой публикации.

Необработанная и не отправленная в Тифлис рукопись «Записки о лучших способах вновь построить город Тифлис» оказалась впоследствии среди бумаг, оставленных Грибоедовым летом 1828 г. С. Н. Бегичеву и составивших так называемую «Черновую тетрадь» (Черн. тетр.) (см.: РСл. 1859. № 4. С. 4).

Датируется приблизительно периодом с 29 июня по 19 июля 1827 г.

Публикатор Черн. тетр. Д. А. Смирнов ограничил время создания этой «Записки...» промежутком времени с февраля 1822 по март 1823 г., обосновав это следующим образом: «Очевидно, что никак нельзя относить их <т. е. записки Грибоедова о Тифлисе и о Гилани> к последнему кратковременному и тревожному, перед началом войны, пребыванию Грибоедова в Грузии, с осени 1826 по весну 1827 г., но всего правильнее отнести их ко времени его мирной там жизни и служебных занятий, т. е. к году с февраля 1822 по март 1823 г.» (РСл. 1859. № 5. С. 43). Подробный комментарий к «Записке...» о Тифлисе был составлен, по просьбе Смирнова, знатоком города М. К. Ломидзе (см.: Там же. С. 112—114). И. А. Шляпкин в ПССШ (Т. I. С. 361) датировал «Записку...» июлем 1827 г., связав ее с распоряжением И. Ф. Паскевича тиф-

лисскому гражданскому губернатору Р. И. Ховену от 29 июня 1827 г. (см.: АКАК. Т. 7. Тифлис, 1878. № 3185. С. 2). Эта датировка была поддержана позднее Н. К. Пиксановым (см.: ПССП. Т. III. С. 363) и И. К. Ениколоповым (см.: *Ениколопов И. К.* Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954. С. 31—33).

Представляется возможным еще несколько уточнить время создания «Записки о лучших способах вновь построить город Тифлис». «Предписание генерал-адъютанта Паскевича» генералу Ховену было составлено 29 июня 1827 г. в походе, во время осады персидской крепости Аббасабад. Грибоедов в это время находился в главной квартире русских войск, при командующем (см. его письма от 28 июня, 3 июля, 19 июля 1827 г.). Зная о том, что Паскевич «до того слабо владел пером, что Грибоедов и другие не только сочиняли приказы и реляции, но даже писали частные его письма» (*Берже А.* Предисловие // АКАК. Т. 7. С. IV), можно предположить, что Грибоедов принимал участие и в составлении «Предписания...» Ховену или даже был его инициатором. Во всяком случае, грибоедовская «Записка о лучших способах...» свидетельствует о его знании истории края, особенностей местного быта, традиций национальной архитектуры. А само ее название текстологически перекликается с одним из абзацев «Предписания...» Паскевича: «Вообще изыскивать средства к лучшему устройству и красоте города и предположения свои о сем предмете представлять ко мне на рассмотрение» (АКАК. Т. 7. С. 2).

«Записка...» Грибоедова, скорее всего, была написана им вскоре после составления «Предписания...» командующего, по горячим следам его, в дни ожидания штурма крепости Аббасабад или сразу после него, но до 20 июля 1827 г., так как в этот день Грибоедов отправился в лагерь принца Аббас-мирзы с важной миссией: довести до его сведения условия, на которых русская сторона согласится подписать мирный договор. С этого момента в его жизни начиналась новая полоса, связанная с подготовкой мирного договора и созданием Туркманчайского трактата.

Обращает на себя внимание неровность текста документа: он начинается неторопливым и подробным описанием исторически сложившихся частей города Тифлиса, за которым, видимо, должны были быть изложены предложения Грибоедова по их благоустройству. Но скоро текст сбивается на конспективное перечисление тех особенностей городской архитектуры, какие следует учесть при работах по благоустройству города, и тех его мест, которые нуждаются в перестройке, как если бы нужно было оставить заметки на память. Это свидетельствует о некоторой спешности работы над «Запиской...» и о ее незавершенности.

...всего более надлежит заботиться об устроении моста... — Объясняя необходимость существования мостов через реку Куру, Грибоедов определил лучшие места для их строительства — возле «армянского монастыря» и «артиллерийского дома», там они и были построе-

ны много времени спустя (ныне мосты имени Бараташвили и Воронцовский).

Метинский бастион — неверно прочитанное в тексте «Черновой тетради» место, имеется в виду Метехский замок, или крепость (Метехи), которая во времена Грибоедова пребывала в полуразрушенном состоянии; позднее крепость была восстановлена.

ДОКУМЕНТЫ, СОЗДАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕГОВОРОВ О МИРЕ С ПЕРСИЕЙ

1827—1828

Комплекс грибоедовских документов конца 1827 — начала 1828 г. непосредственно связан с историей заключения мирного договора с Персией и созданием текста Туркманчайского трактата, в работе над которым Грибоедов принимал самое активное участие. Обстановка, в которой создавались эти документы, и последовательность исторических событий характеризуются следующими обстоятельствами.

Переговоры о мире с Персией прошли несколько стадий. Начинались они в июле 1827 г., когда Грибоедов был командирован в Каразиадин, чтобы изложить принцу Аббас-мирзе условия, на которых Россия могла бы подписать мирный договор. К этому времени война продолжалась уже год, и после временных неудач русскими войсками был взят древний культурный центр Армении Эчмиадзин, блокирована крепость Эривань, взяты Нахичевань и Аббасабад. Наследный принц Аббас-мирза, командовавший персидскими войсками, крайне нуждаясь в перемирии, трижды предлагал начать переговоры.

Грибоедов довел до сведения персидской стороны главные положения инструкции своего правительства, которой должны были руководствоваться русские уполномоченные при заключении мира. Они сводились к следующему:

— между двумя державами устанавливается мир и вечная дружба;

— обязательства Гюлистанского договора (1813) подтверждаются;

— устанавливается новая граница между Россией и Ираном по реке Аракс до Едибулукского брода, затем к югу до реки Рукку и левым ее берегом до впадения в море;

— за Россией остается ханство Талыш, к ней также отходят Эриванская и Нахичеванская провинции Ирана;

— Иран уплачивает контрибуцию в размере 10 млн. рублей серебром в возмещение военных издержек и убытков;

— подтверждается исключительное право России иметь военный флот на Каспийском море;

— русской торговле в Иране должно оказываться покровительство, в частности, в стране устанавливается русская консульская служба и

точно фиксируется пятипроцентная пошлина с товаров, вывозимых из России;

— пленные обеих сторон возвращаются на родину, дезертиры и перебежчики выдаются.

Однако условия русских не были приняты иранцами в июле 1827 г., наследный принц уклонился от решения вопроса о мире и настаивал только на заключении длительного перемирия (о переговорах в Каразиадине см. донесение Грибоедова Паскевичу от 30 июля 1827 г.). Новый этап переговоров начался 6 ноября 1827 г. в местечке Дехкварган (Дей-Карган) после того, как русская армия покорила Сардарабад и Эривань, заняла Табриз с его арсеналом и единственным в Иране литейным заводом, оккупировала почти весь иранский Азербайджан. В состав российской делегации входили: генерал-лейтенант И. Ф. Паскевич, действительный статский советник А. М. Обрезков, присланный полномочным представителем от Министерства иностранных дел, редакторы протоколов конференции А. С. Грибоедов, А. К. Амбургер и Н. Д. Киселев. Вопрос о территориальных претензиях России был решен на первых же заседаниях: 10 ноября Аббас-мирза согласился на уступку Эриванского и Нахичеванского ханств, а 11 ноября — на возвращение захваченной иранцами части Талышского ханства.

Самую большую трудность представляла проблема контрибуции, сумму которой на этом этапе определили в 30 млн. рублей (или 15 куруров туманов). Иранские правители были убеждены, что, затягивая переговоры с русскими и используя поддержку англичан, они добьются если не значительного уменьшения контрибуции, то установления льготных условий выплаты, а это позволит им перенести ее на дальние сроки (или, при благоприятных обстоятельствах, вообще сложить с себя денежное обязательство). Россию же устраивало не просто подписание договора и заключение условий на будущее, а немедленный мирный договор, так как начиналась война с Турцией, а также немедленная выплата контрибуции Ираном, поддержанная соответствующими гарантиями. По совету Грибоедова наследному принцу было предъявлено требование выплатить часть контрибуции, равную 5 курурам туманов (или 10 млн. рублей серебром), до подписания мирного трактата, но не позднее 21 ноября 1827 г., когда истекал срок перемирия. Остальные две трети контрибуции иранская сторона должна была выплатить через два месяца. Предполагалось, что в случае просрочки контрибуционных платежей Иран навсегда терял территории южного Азербайджана. Паскевич направил шаху в Тегеран письмо с изложением этих условий и требованием выплатить первую часть денег.

В русской миссии не было единства по вопросу о контрибуции: генерал Паскевич стал убежденным сторонником грибоедовской идеи получить часть денег до подписания мирного договора, а уполномоченный Министерства иностранных дел Обрезков в такую возможность не верил, что вызывало серьезные разногласия. Считая, что принудить Иран к выплате контрибуции невозможно никакими средствами, а закончить войну необходимо, Обрезков 7 декабря 1827 г. представил Паскевичу «Записку с изложением предположений на счет мирного

трактата», в которой предлагал мирный договор подписать до выплаты иранцами контрибуции, а в качестве принудительной меры к ее осуществлению временно оккупировать иранскую провинцию Гилян. «Записка...» Обрезкова активно обсуждалась; по ее поводу Грибоедов подготовил справку о провинции Гилян и составил, по-видимому для Паскевича, «Проект доклада о цели продолжения войны с Персией и о контрибуции», в котором отстаивал свою линию поведения в переговорах с иранской стороной.

К середине декабря 1827 г. были полностью согласованы статьи договора о мире, сам договор составлен, требование об уплате 5 куруров туманов в счет контрибуции передано шаху, ожидалось прибытие в город Зенжан контрибуционных сумм, после чего мирный трактат должен был быть подписан. В этот момент в русско-иранских отношениях возникли неожиданные перемены. Было получено известие о том, что для продолжения переговоров шах назначил нового уполномоченного — мирзу Абу-л-Хасан-хана, тогдашнего министра иностранных дел Ирана, который направлялся в Дехкарган с уведомлением, что шах не подпишет условий мира до тех пор, пока русские войска не очистят Азербайджан и что вместо пяти куруров туманов шахом отправлены только три. Персияне очевидно затягивали переговоры.

Мнения чиновников русской миссии вновь столкнулись в поисках выхода из тупика переговоров. 22 декабря 1827 г. генералу Паскевичу был передан документ «Рассуждение насчет заключения с персиянами мира», составленный, как доказал С. В. Шостакович, Обрезковым (см.: Шостакович. С. 142—143). Уполномоченный министерства торопил завершить переговоры и предлагал подписать трактат, не ожидая выплаты первых куруров. Грибоедов читал «Рассуждения...» и в замечаниях на них отстаивал свою прежнюю тактику: не позволять персиянам затягивать переговоры, не подписывать мирный трактат до выплаты 5 куруров, в случае же упорства иранской стороны прервать переговоры и добиваться ее согласия на условиях русских силою оружия. В грибоедовской записке «На память» кратко сформулированы условия подписания мира и обозначена линия поведения русских дипломатов в создавшихся условиях. Посланник шаха прибыл в Дехкарган 6 января 1828 г. «с намерением трактовать от имени шаха обо всем снова». 7 января он имел две встречи с русским главнокомандующим, затем последовал разрыв мирных переговоров. Стремясь к скорейшему заключению мира и разделяя позицию Грибоедова в том, что только оружие «согласит» шаха на требования России, Паскевич приказал вновь начать наступление русской армии на Тегеран. 15 января русские войска заняли город Урмию, 25-го — Ардебиль, а вскоре и Миандобу. 6 февраля 1828 г. мирные переговоры были возобновлены уже в Туркманчае. Участие в них Грибоедова было самым деятельным, 7 февраля он составил секретное «Наставление Коллежскому Советнику Грибоедову, каким образом поступать в Туркманчае при мирных переговорах, в особенности относительно Адербиджана», что свидетельствует об особой его роли в переговорах. На сей раз события развивались скоро. В ночь с 9 на 10 февра-

ля 1828 г. мирный Туркманчайский договор был подписан. С русской стороны его подписали Паскевич и Обрезков, с иранской — Аббас-мирза и мирза Абу-л-Хасан-хан. 101 выстрел из русских орудий возвестил войскам и народу о заключении мира с Персией.

Туркманчайский договор закреплял за Россией Эриванское и Нахичеванское ханства, подтверждал ее право на отошедшие к ней раньше кавказские и закавказские территории, в том числе Талышское ханство; Иран обязывался выплатить 20 млн. рублей контрибуции; Россия получала право торгового мореплавания на Каспийском море и исключительное право иметь на Каспии военный флот, а также ряд преимуществ в торговле с Ираном; иранская сторона обязывалась вернуть на родину всех военнопленных и других русских подданных, оказавшихся в неволе. Таким образом, все позиции Грибоедова, которые он отстаивал в ходе мирных переговоров, нашли свое отражение в тексте Туркманчайского трактата.

Подробно о деятельности Грибоедова во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. и в мирных переговорах России с Ираном см.: Шостакович. С. 77—160.

О ГИЛАНИ

7—21 декабря 1827

Автограф неизвестен.

Впервые опубликованно: РСл. 1859. Май. № 5С. 44—45.

Печатается по первой публикации.

Датируется приблизительно сроком с 7 по 21 декабря 1827 г.

Сложилось две традиции датировать эту заметку Грибоедова.

Начало первой положил публикатор Д. А. Смирнов, отнеся ее появление, как и «Записки о лучших способах вновь построить город Тифлис», к 1822—1823 гг. (см.: РСл. 1859. № 5. С. 43). Датировку Смирнова принял И. А. Шляпкин (см.: ПССШ. Т. I. С. 357).

И. К. Ениколопов, в поддержку датировки Смирнова, привел обширный исторический комментарий, основные положения которого сводятся к следующему: в 1822—1823 гг. в Грузии в центре внимания была транзитная торговля, действовал Указ от 8 октября 1821 г., регламентирующий ее правила; в одном из пунктов Указа говорилось об учреждении русского консульства в Иране. На должность консула был назначен В. Я. Ваценко, о чем канцелярия А. П. Ермолова известила правителя провинции Мухаммада-Риза-мирзу. Ваценко прибыл в Баку осенью 1822 г. «Следует напомнить, — читаем у Ениколопова, — что к этому времени правителем Гиляна был уже не Мамед-Риза-Мирза (так, вслед за современниками Грибоедова, Ениколопов называет Мухаммада-Риза-мирзу. — *Ред.*), а старший сын наследника шаха — Ягча (Ягья)-Мирза. В записке „О Гилани" Грибоедов, упоминая принца Ягча (Ягья)-Мирза, одновременно указывает на „частые наши сношения с

сим краем по случаю вновь учреждаемого консульства". Становится очевидным, что записка Грибоедова „О Гилани", предназначавшаяся в качестве справки консулу, была написана во второй половине 1822—начале 1823 года» (*Ениколопов И. К.* Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954. С. 30). В 1959 г. в издании сочинений Грибоедова эту же датировку принял, убежденный доводами Ениколопова, Вл. Н. Орлов; раньше он относил ее, вслед за Н. К. Пиксановым, к 1827 г.

Н. К. Пиксанову принадлежит вторая датировка записки «О Гилани». Он отнес ее к апрелю 1827 г., исходя из того, что в ней упоминается генерал Ермолов в прошедшем времени и в 3-м лице, что невозможно было в 1822—1823 гг.: «Обязанности наместника Кавказа были сняты с Ермолова 29 марта 1827 г., а 4 апреля И. Ф. Паскевич уже дает предписание надворному советнику Грибоедову принять в свое ведение заграничные сношения с Турцией и Персией (см.: РС. 1874. № 5. С. 292), с этого момента Грибоедов пишет много официальных бумаг и докладов по инициативе Паскевича и своей собственной; Паскевичу записка была и адресована. В 1828 г. она не могла быть написана, так как „Черновая тетрадь" была уже в руках Бегичева (см.: РСл. 1859. № 5. С. 1), кроме того, в записке говорится: „Здесь, в Тифлисе", это означает, что она написана в этом городе, а с мая 1827 г. Грибоедов участвует в Эриванском походе и много месяцев скитается в горах» (ПССП. Т. III. С. 363). Датировку и аргументацию Пиксанова поддержал С. В. Шостакович, подкрепив их соображением о том, что Риза-мирза был правителем Гиляна гораздо дольше, чем полагал Ениколопов: «Из переписки же русских закавказских властей с Ираном явствует, что Риза-Мирза (собственно, Мамед-Риза-мирза) был правителем Гиляна не только в 1822 г., но еще и в мае 1824 г. (см. письмо Ермолова Фетх-Али-шаху от 1 мая 1824 г. // АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 286). Таким образом, из самого текста записки следует, что она не могла быть составлена Грибоедовым в 1822—1823 гг. Заключительная же ее часть позволяет датировать ее именно 1827 г., так как в ней говорится о возможности перехода Гиляна под власть России, о чем не возникало мысли в 1822— 1823 гг.» (Шостакович. С. 104).

Однако и в марте 1827 г. «не возникало» и не могло возникнуть мысли о переходе Гиляна под власть России. В это время шла война с Персией, и перед русскими войсками стояла задача освобождения завоеванных персиянами осенью 1826 г. российских территорий Закавказья.

Вопрос об оккупации провинции Гилян был поднят А. М. Обрезковым в представленной 7 декабря 1827 г. генералу И. Ф. Паскевичу «Записке с изложением предположений на счет мирного трактата», в которой он высказался о невозможности продолжать войну с целью принудить Иран к выплате контрибуции и предлагал мирный договор подписать, не дожидаясь выплаты 5 куруров иранцами (чего они и добивались, затягивая переговоры), залогом же получения контрибуции и должна была явиться, по его мнению, временная оккупация провинции Гилян (см.: РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Ед. хр. 423. Л. 18—19 об.).

Паскевич, видимо, предложил Грибоедову высказать свои соображения по поводу «Записки...» Обрезкова. «О Гилани» — один из

откликов писателя на предложение Обрезкова незамедлительно подписать мир и оккупировать Гилян. Он представляет собою справку о персидской провинции, где кратко и точно отмечены ее географические и экономические особенности, изложена история ее политического развития и отношений с Россией, а также даны рекомендации, как строить взаимоотношения с местными правителями, если русские придут в Гилян. Обмен мнениями по поводу «Записки...» Обрезкова продолжался недолго: 21 декабря 1827 г. Паскевич получил известие о том, что переменились намерения шаха по поводу подписания мирного договора. В русской миссии начались переговоры по выработке линии поведения в новой ситуации. С 7 по 21 декабря 1827 г. дебатировался вопрос о времени и условиях подписания мирного договора и о гарантиях выплаты Ираном контрибуции. После 21 декабря обсуждался уже вопрос «о прервании» переговоров (подробнее см.: *Тархова Н. А.* О проекте доклада А. С. Грибоедова по поводу продолжения войны с Персией // Хмелитский сборник. С. 312—318).

Текст записки «О Гилани» косвенно также подтверждает дату ее написания в декабре 1827 г. Грибоедовская фраза, на которую ссылаются исследователи: «Послан туда шахский сын Риза-Мирза, который заставил вздыхать о своем предшественнике. И его сменили. Ныне там другой сын шахский Ягъча-Мирза...», вполне соответствует ситуации конца декабря 1827 г.: Мухаммад-Риза-мирза уже несколько лет как смещен, а Йахйа-мирза оставался правителем Гиляна и после гибели Грибоедова. Об этом свидетельствует донесение И. С. Мальцева Паскевичу в феврале 1829 г., уже после гибели русской миссии в Тегеране. В нем рассказывается о «строжайшем фирмане шаха» на имя правителя Гиляна Йахйа-мирзы, посланном по просьбе Грибоедова и воспрещающем иранским властям притеснять русских промышленников в столице Гиляна Реште (см.: Шостакович. С. 216).

Важно отметить еще одно обстоятельство: все названные исследователи исходили из того предположения, что «Черновой тетради» не было у Грибоедова с собой во время Эриванского похода и позже, т. е. в период с мая 1827 и по февраль 1828 г. Однако именно в ней содержатся и описание этого похода (май—июнь 1827 г.), и даже Эриванского сражения, которое состоялось 1 октября 1827 г. Приходится предположить, что тетрадь либо была при Грибоедове, либо (и это более соответствует ее описанию у Смирнова) тетрадь образовалась гораздо позже из вороха разнородных бумаг, оставленных писателем С. Н. Бегичеву летом 1828 г. перед последним его отъездом в Персию. Обе эти возможности не противоречат дате написания записки «О Гилани» в декабре 1827 г.

Как и в ситуации с «Запиской о лучших способах вновь построить город Тифлис», можно предположить с большой долей вероятности, что текст записки «О Гилани» был начерно набросан Грибоедовым на тот случай, если проблема оккупации Гиляна станет актуальной. Этого не произошло, и текст, не пригодившийся для какой-либо конкретной цели, оказался в составе Черн. тетр.

...прежде была наша контора и консульское пребывание. — В 1822 г. генеральным консулом в Гилян был назначен статский советник В. Я. Ваценко.

...по случаю вновь учреждаемого консульства. — По условиям мирного договора в Иране после войны 1826—1828 гг. вновь была учреждена консульская служба, в том числе и в Гиляне.

Родоначальник был Джемаль-хан, сын Кемаль-хан, внук Гедаст-хан... — Видимо, здесь ошибка либо в публикации Смирнова, либо у Грибоедова. Генеалогическая цепочка такова: Камал ад-Дин — Джамал-е Фумани — Хедайаталлах-хан Решти Гилани — Фатх-Али-хан.

Брат его, <дядя> нынешнего шаха... — В этой фразе в публикации ошибка: вместо слова «дед» следует читать «дядя». Братом Муртаза-Кули-хана был Ага-Мухаммад-хан Куанлу Каджар. После его гибели 17 июня 1797 г. на престол как официальный наследник вступил его племянник Баба-хан, старший сын его брата Хусайн-Кули-хана Каджара, принявший имя Фатх-Али-шаха.

Правитель Гилани — Хедайаталлах-хан Решти Гилани.

В бытность мою в Султанее в 1819 г. — В 1819 г. Грибоедов дважды был в Султанее, деревне, где находился шахский дворец, — в начале марта и в июле (см.: Наст. изд. Т. 2. С. 309—310, 570).

Ага Ману<ч>ер-хан — в публикации Смирнова ошибка: «Ага-Манугер-хан».

...два сына его — Ахмад-хан и Мухаммад-хан.

...чрезвычайный посол наш г. Ермолов... — А. П. Ермолов был в 1817 г. отправлен полномочным послом в Тегеран, где он сумел отклонить все притязания Ирана на пересмотр границ, установленных после заключения Гюлистанского договора, и добиться добрососедских отношений с шахом.

...по трактатам Цицианова с ханами. — П. Д. Цицианов оформлял взаимоотношения между Россией и владетельными ханами Закавказья соответствующими договорами о вассалитете.

ПРОЕКТ ДОКЛАДА [А. С. Грибоедова] О [ВОЗМОЖНОСТИ] ЦЕЛИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВОЙНЫ С ПЕРСИЕЙ И О КОНТРИБУЦИИ

7—21 декабря 1827

Автограф неизвестен.

Писарская копия без заглавия: РГИА. Ф. 1018, И. Ф. Паскевича. Оп. 2. Д. 423. Л. 16—17 (второй экземпляр копии с заглавием и описками: РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 287. Л. 1—2 об.).

Впервые опубликовано: Шостакович. С. 139 (два абзаца от слов: «Идея заключить мир...» до: «...всегда остаются залогами спорными»).

Печатается по писарской копии.

Рукописи хранятся в фонде И. Ф. Паскевича в деле, где собраны материалы, относящиеся ко времени мирных переговоров с Персией. В этом же фонде хранится второй экземпляр документа (тоже в виде писарской копии и без заглавия), помещенный в отдельную папку, на обложке которой обозначено название: «Проект доклада [А. С. Грибоедова] о [возможности] цели продолжения войны с Персией и о контрибуции» (см.: РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 287. Л. 1—2 об.). С. В. Шостакович осторожно предположил, основываясь на том, что текст написан от первого лица, что документ был составлен Паскевичем после его консультации с Грибоедовым. Это предположение никак не доказывается, тогда как в пользу авторства Грибоедова (помимо текстуальных совпадений с другими документами этого ряда) говорят следующие обстоятельства:

— по содержанию «Проект доклада...» представляет собой критику «Записки с изложением предположений на счет мирного трактата» А. М. Обрезкова (см.: РГИА. Ф. 1018. Оп. 2. Д. 423. Л. 18—24 об.), главные положения которой заключаются в том, чтобы подписать мирный договор, не дожидаясь 5 куруров контрибуции, прекратить войну с Персией, а в качестве залога выплаты контрибуции Ираном занять провинцию Гилян и другие персидские приморские земли. Идея не подписывать мирный договор до уплаты персиянами первой части контрибуции принадлежала Грибоедову, Паскевич позже писал об этом Николаю I: «Ему обязан я мыслию не приступать к заключению трактата прежде получения вперед части денег; и последствия доказали: без сего долго бы мы не достигли в деле сем желаемого успеха» (*Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. Т. 3. СПб., 1891. С. 95). Мнение Грибоедова — не подписывать договор до выплаты части контрибуции, а в случае несогласия персидской стороны вновь начать военные действия (изложенное и в других грибоедовских текстах, авторство которых очевидно) — представлено в данном документе с тем знанием предмета, каким обладал в составе русской миссии только Грибоедов, и с доказательностью, присущей только автору идеи;

— строгая логичность «Проекта доклада...» также свидетельствует об авторстве Грибоедова. В своих возражениях он точно следует содержанию «Записки...» Обрезкова, французские заголовки трех частей «Проекта доклада...» — это цитаты из нее, деления грибоедовского текста четко соответствуют содержанию трех частей критикуемого документа. Грибоедов выписывает первую и главную фразу каждой из трех частей «Записки...» (цит. в переводе с французского: «Принципиальная позиция», «Наша цель — получить желаемое, не прерывая переговоров», «Секретный параграф, по которому, если задолженность первой трети в 5 курур не будет ликвидирована, они уступят нам Талыш и Гилян вплоть до Кизил-Озана»), а затем формулирует свое понимание тех же проблем, опровергая предложенные Обрезковым решения и объясняя, какие задачи стоят сейчас перед русским правительством и почему нельзя поступать в процессе переговоров так, как предлагает Обрезков;

— документ составлен от лица главнокомандующего, однако известно, что Паскевич плохо и бессвязно писал по-русски (вот, к примеру, тексты помет Паскевича на бумагах Грибоедова: «сапогов рубашек штаны и деньги будут через месяц» или «все которые в нашу пользу показали приверженность Персияне не только должны простить но даже в перед не мстить за сие»); а «Проект доклада...» написан логично, четко, с пафосом, присущим другим документам Грибоедова, составленным в это время; кроме того, известно, что Грибоедов составлял многие бумаги для генерала и от первого лица;

— и наконец, название документа на обложке архивной папки дела № 287 также является косвенным доказательством того, что он составлен Грибоедовым.

«Проект доклада...» Грибоедова может быть датирован довольно точно. На «Записке...» Обрезкова имеются французские пометы; первая — «Этот проект составлен между 12 и 15 ноября», видимо, принадлежит автору, вторая рукой Паскевича — «и отдана мне 7 декабря». Паскевич отдал «Записку...» Грибоедову для составления замечаний не раньше этой даты. До 21 декабря 1827 г. работа над мирным договором продолжалась, в это время происходило и обсуждение возможных дальнейших действий. 21-го числа ход переговоров изменился, после чего актуальной стала новая ситуация. Следовательно, «Проект доклада...» Грибоедова, как и тематически связанная с ним записка «О Гилани», написан между 7 и 21 декабря 1827 г. (подробнее см.: *Тархова Н. А.* О проекте доклада А. С. Грибоедова по поводу продолжения войны с Персией // Хмелитский сборник. С. 312—318).

...это опровергается последними инструкциями. — Имеются в виду инструкции Министерства иностранных дел России об условиях заключения мира с Персией.

...в ожидании... известий из Тегерана. — Капитан В. Д. Вольховский был командирован Паскевичем в Тегеран к шаху с сообщением о требованиях, выдвигаемых русской стороной, и прежде всего об уплате 5 куруров контрибуции до подписания мира.

...и наконец, самое то письмо, которое мною послано Шаху. — Имеется в виду письмо, посланное с В. Д. Вольховским.

<ЗАМЕЧАНИЯ НА «РАССУЖДЕНИЯ НА СЧЕТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ С ПЕРСИЯНАМИ МИРА» А. М. ОБРЕЗКОВА>

22 декабря 1827—6 января 1828

Автограф: РГИА (Ф. 1018, И. Ф. Паскевича. Оп. 2. Д. 423. Л. 35—36).

Впервые опубликовано: Новая Сибирь. Кн. 34. Иркутск, 1956. С. 309—311.

Печатается по автографу.

«Замечания...» содержат возражения на записку А. М. Обрезкова «Рассуждения на счет заключения с персиянами мира» (см.: РГИА.

Ф. 1018. Оп. 2. Д. 423. Л. 42—43), датированную 22 декабря 1827 г., и написаны не позднее 6 января 1828 г., до прибытия в Деххварган нового уполномоченного шаха. «Рассуждения...» Обрезкова ошибочно опубликованы Н. Е. Мясоедовой как текст Грибоедова (см.: Мясоедова Н. Е. О Грибоедове и Пушкине. СПб.: Алгол, 1997. С. 34—35). Пункты возражений Грибоедова помечены буквами от «а» до «i» в соответствии с обозначением частей документа у Обрезкова, а текст расположен на правой стороне листов 35 и 36 и на левой стороне листа 35 об. На чистой стороне листов находятся три карандашные пометы Паскевича, показывающие, что главнокомандующий сравнивал оба варианта предложений о дальнейших действиях (Обрезкова и Грибоедова) и колебался в решении вопроса о продолжении мирных переговоров.

«Рассуждения...» Обрезкова составлены на следующий день после прекращения работы мирной конференции. Документ свидетельствует о том, что автор его находился в растерянности в результате переменившейся ситуации на переговорах. Оба его предложения вкратце сводятся к тому, чтобы подписать и отложить или только подготовить договор, а затем ждать, пока персидская сторона не выплатит первый взнос контрибуции (срок подписания мирного договора мог отдалиться в таком случае на неопределенное время).

Замечания Грибоедова вскрывают непоследовательность позиции Обрезкова и содержат достаточно жесткую ее критику. Здесь Грибоедов демонстрирует знание психологии персиян, понимание сложившегося положения и предвидит выход из него.

...не для чего было посылать Вольховского. — См. примеч. к «Проекту доклада <...> о <...> цели продолжения войны с Персией...».

Оставление двух копий трактата у английского министра... — Обрезков предлагал подписать мирный договор и оставить его в руках английского посланника в Персии. Такой вариант уже был категорически отвергнут на мирных конференциях середины ноября 1827 г.; Грибоедов был решительным противником привлечения англичан к посреднической деятельности при заключении мира. К этому же пункту относится примечание Паскевича: «Обстоятельство мною упущено: но можно будет запечатать и приложить печати. Оставить трактат без исполнения на время».

...теперь спустились на $1^1/_2$, опять уступка по прихоти персиян. — Речь идет о сообщении Вольховского, что из Тегерана отправлены вместо пяти только три курура туманов в счет первого взноса, что составляло около шести миллионов рублей.

Предположение сие даст время персиянам вооружиться... — Это возражение против расчетов Обрезкова на благоразумие персиян и их согласие с условиями мирного договора. Здесь помета И. Ф. Паскевича: «Мы не готовы», — имеется в виду, что Россия не готова вновь начать военные действия.

...нельзя иначе обойтись с Абул-Гассан Ханом. — уполномоченном шаха, который прибыл в Деххварган 6 января 1828 г.

За эту же Ардебиль и Миандобу Аббас-Мирза охватил жесточайшие угрозы... — Речь идет об угрозе вновь начать военные действия в Персии, если условия договора не будут приняты персиянами; Ардебиль и Миане — города в южной части Азербайджана, подвластной Ирану.

...через месяц еще труднее будет выступить в поход... — Грибоедов рекомендует не откладывать начало военных действий, чтобы заставить иранцев подписать договор. К этому пункту примечание Паскевича: «Сапогов рубашек штаны и деньги будут через месяц».

Положительных инструкций для продолжения войны он иметь не может... — Возражение Грибоедова на предположение Обрезкова о том, что новый уполномоченный шаха может иметь инструкции к продолжению войны.

НА ПАМЯТЬ

22 декабря 1827—6 января 1828

Автограф: РГИА (Ф. 1018, И. Ф. Паскевича. Оп. 2. Д. 423. Л. 29—30);

Впервые опубликовано: Новая Сибирь. Кн. 34. Иркутск, 1956. С. 312.

Печатается по автографу.

Автограф рукою Грибоедова, но не подписан им и не датирован. Текст расположен на правой стороне листов 29 и 30 и на левой — листа 29 об.; заголовок вынесен на свободную, левую сторону листа 29 и обведен овальной рамкой. Рукопись отредактирована и перебелена. Под текстом две карандашные пометы Паскевича: «6. Что все которые в нашу пользу показали приверженность Персияне не только должны простить но даже и в перед не мстить за сие», «7. Выдержать характер с Аббас Мирзою».

Авторство Грибоедова подтверждается всем содержанием записки: главными ее пунктами являются грибоедовские идеи об уплате половины контрибуции до подписания договора, о необходимости заставить иранцев, пусть силою оружия, подписать договор как можно скорее, о возвращении всех пленных. Кроме того, указание «не позабыть статью» в пользу союзников соответствовало постоянным стремлениям Грибоедова укрепить влияние России на Среднем Востоке. Все эти требования последовательно проводились им в документах, написанных во время переговоров. Особо отметим, что автор записки прекрасно разбирался в дипломатической манере персиян, а этим качеством в окружении Паскевича обладал один Грибоедов.

Датируется периодом с 22 декабря 1827 г., когда было получено сообщение о назначении шахом нового уполномоченного на переговоры, по 6 января 1828 г., потому что 7 января переговоры были прерваны. Сам текст ее свидетельствует, что она составлена до возобновления военных действий. Фраза: «Угрожать, что возьмем Провинции по Каф-

ланку, с моря овладеем Астрабадом и пр.» — свидетельствует о том, что автор ее суммирует все предложения по оказанию давления на персиян — и свои (двинуть войска в Азербайджанские провинции), и Обрезкова (занять Гилян и приморские области). Важно отметить, что она составлена после «Замечаний на „Рассуждения на счет заключения с персиянами мира" А. М. Обрезкова», где высказано непосредственное впечатление по поводу тех вопросов, на которые даны четкие и ясные ответы в заметке «На память».

Записка «На память» содержит указания, как вести себя членам русской делегации в переговорах о мире, какие требования предъявлять иранской стороне. Она составлена не от первого лица, не от имени главнокомандующего, как обычно бывало в документах, исходящих от Паскевича, но очевидно с ним согласована и им одобрена (об этом свидетельствуют и «поддерживающие» пометы генерала). По всей видимости, записка должна была «направлять» действия Обрезкова, по-своему представлявшего завершающий этап переговоров. Так или иначе, «памятная» записка служит подтверждением особого доверия Паскевича к Грибоедову и значительной роли последнего в подготовке мирного договора.

Угрожать им бунтом за бунт, который они у нас возбудили. — По-видимому, речь идет о волнениях в Табризе в ноябре 1827 г.

...возьмем Провинции по Кафланку. — Хребет Кафланку отделял иранский Азербайджан от других провинций страны.

...с моря овладеем Астрабадом. — Речь идет о высадке русских войск в прикаспийских областях Персии. См. комм. к статье «О Гилани».

Не позабыть также статью в пользу трухменцев, Кельб-бея... — Имеются в виду народности, племена и их родоначальники, жившие под властью Ирана, но помогавшие русским во время их войны с Персией. Грибоедов определенно отмечает туркменские (азербайджанские) племена и их предводителей (но не родоначальников).

НАСТАВЛЕНИЕ КОЛЛЕЖСКОМУ СОВЕТНИКУ ГРИБОЕДОВУ, КАКИМ ОБРАЗОМ ПОСТУПАТЬ В ТУРКМЕНЧАЕ ПРИ МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ, В ОСОБЕННОСТИ ОТНОСИТЕЛЬНО АДЕРБИДЖАНА

7 февраля 1828

Автограф: РГИА (Ф. 1018, И. Ф. Паскевича. Оп. 8. Д. 123. Л. 1—3 об.).

Впервые опубликовано: Новая Сибирь. Кн. 34. Иркутск, 1956. С. 313—314.

Печатается по автографу.

Автограф рукою Грибоедова, подписан генералом Паскевичем. Составлен он, несомненно, Грибоедовым после консультации с главнокомандующим.

«Наставление...» — своего рода «особые полномочия» для Грибоедова на возобновлявшихся мирных переговорах в Туркманчае (6—10 февраля 1828 г.), свидетельство той исключительно активной роли, которая отводилась ему на последнем их этапе. Заметка «На память» — это нечто вроде инструкции для всей русской делегации. «Секретное» предписание Паскевича выделяет фигуру Грибоедова как политического советника генерала, как главного деятеля в установлении мира. И хотя под Туркманчайским трактатом нет подписи Грибоедова, именно он был одним из авторов договора.

Об активном участии Грибоедова в мирных переговорах с Персией Паскевич писал, рекомендуя его Петербургу — императору и Нессельроде — как «деятельного участника» переговоров, который «лучше всякого может объяснить и степень затруднений, и временную причину остановки в делах, и, наконец, все те испытания, через которые мы должны были пройти, чтобы достигнуть желаемого успеха...» (АКАК. Т. 7. С. 594—595).

В том, что текст договора повез в Петербург для ратификации именно Грибоедов, выразилось признание его выдающихся заслуг в деле заключения Туркманчайского мира.

По прибытии... Ага Манучера. — Ага-Манучехр-хан, главный евнух и казначей шаха Ирана, был прислан шахом для наблюдения на переговорах за Аббасом-мирзой.

...за уступку округа Макинского, некоторых пунктов в Талышах и двух курур из числа остальных пяти. — Персияне требовали оставить за Ираном небольшие территории захваченного ими Талышского ханства, этот пункт не нашел отражения в договоре; во время подписания трактата русская сторона не стала упорствовать и приняла в качестве залога три курура туманов.

Прение о сумме, за которую мы обяжемся очистить Табриз и весь Азербежан, кроме Хой и Урумии. — Сумма контрибуции по договору была установлена в 20 млн. рублей серебром (10 куруров туманов), три курура были выплачены персами до подписания мира, следующие три — вскоре после его заключения, и по уплате их освобожден был Азербайджан; 7-й курур был выплачен в марте 1828 г. — и освобождена область Урумии, 8-й — только в декабре 1828 г., тогда русские войска оставили Хойскую провинцию; оставшиеся 9-й и 10-й куруры были «прощены» персиянам русским правительством после гибели Грибоедова.

...рассуждения об убавке суммы 10 курур. — Вопрос об уменьшении общей суммы контрибуции возник на конференции с мирзой Абу-л-Хасан-ханом 7 января 1828 г. в Деххваргане, на переговорах в Туркманчае сумма контрибуции была оставлена в назначенных Паскевичем пределах.

ПРОЕКТ ИНСТРУКЦИИ***, ПОСЫЛАЕМОМУ В ПЕРСИЮ

Апрель 1828

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 13. Л. 2—13).

Впервые опубликовано: ПССП. Т. 3. 1917. С. 271—278.

Печатается по автографу.

Проект тщательно, почти без помарок, написан рукой Грибоедова на листах большого формата, по-видимому вынутых из специальной тетради (на сгибах двойных листов видны следы скреп, а на каждой странице черной штемпельной краской обозначен ее номер: от 6 до 17). Текст инструкции расположен на правой стороне листа, заголовок на листе 2 — сверху, по всей ширине страницы, а названия разделов вынесены на левую сторону страницы, на поля. Карандашные правки К. К. Родофиникина — на л. 3, 4 об., 8 об.; вычеркивания им грибоедовского текста — на л. 2 об., 4, 5, 5 об., 6, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 13; вставки — на л. 4, 4 об., 5 об., 7 об., 8 об., 13.

Автограф Грибоедова не подписан и не имеет даты: но сопоставление с карандашной правкой директора Азиатского департамента К. К. Родофиникина свидетельствует, что писатель работал над своим «Проектом...» во второй половине апреля 1828 г., по-видимому до 25-го числа, когда вопрос о его новом назначении еще обсуждался и он готовил инструкцию неизвестному лицу — будущему посланнику России в Иране. Поэтому какие-либо личные моменты в «Проекте инструкции...» отсутствуют, он вполне объективно отражает грибоедовскую точку зрения на иранские дела.

25 апреля 1828 г. Указом Николая I Правительствующему Сенату Грибоедов был назначен Полномочным министром в Персии.

После состоявшегося назначения на основании грибоедовского текста «Инструкции...» и поправок к нему Родофиникина была составлена «Инструкция статскому советнику Грибоедову, от 1-го мая 1828 года, № 791». Она переписана рукой канцеляриста на бумаге с золотым обрезом и чуть большего формата, чем рукопись Грибоедова (нумерация страниц второго документа продолжает нумерацию первого — от 18 до 30, той же штемпельной краской), и хранится в том же деле. «Инструкция <...> Грибоедову» была направлена И. Ф. Паскевичу, а позднее опубликована как официальный документ графа К. В. Нессельроде, регламентирующий деятельность нового посланника (см.: PC. 1874. № 11. С. 519 —525; Кавказский сборник. Т. 30. Тифлис, 1910. С. 38—46).

Отправляя Паскевичу «Инструкцию...» для полномочного министра, К. В. Нессельроде писал: «В звании министра определен статский советник Грибоедов, по каковому случаю дана ему с Высочайшего утверждения инструкция, которую долгом поставляю сообщить при сем в копии для сведения Вашего сиятельства. Познания Грибоедова в языке персидском, короткое знакомство его с местными обстоятельствами, наконец, дарования и усердие, оказанные им при минувших пере-

говорах, достаточно доказывают, что Высочайший выбор пал на чиновника, способнейшего к исполнению важной должности» (АКАК. Т. 7. я́ 591. С. 622). Выбор русского правительства был на сей раз необычайно точен.

Насущная необходимость возобновления русской миссии в Иране определялась многими причинами. Обстановка на Востоке была сложной. Весной 1828 г. началась война с Турцией, соседкой Ирана. Реализация Туркманчайского договора стала для России одним из важных залогов ее успеха в Турецкой кампании. Добиться от разоренной войной и народными волнениями Персии выполнения всех статей мирного договора, особенно выплаты контрибуции, было трудной задачей.

С другой стороны, именно Иран для русской дипломатии был тем местом, где формировалась азиатская политика страны. Здесь проходил «передний край» того политического фронта, на котором развивалась борьба России и Англии за влияние на Среднем Востоке. Деятельность русских дипломатов в Иране в значительной степени определяла отношения России со странами Среднего Востока, Центральной и Средней Азии. Все это заставляло предъявлять особые требования к русскому дипломатическому посланнику при дворе шаха.

Основой русской политики в Персии и, соответственно, деятельности дипломатической миссии Грибоедов считал принцип дружественного влияния могущественной России на Иран, развитие экономических и политических связей с ним.

Однако сравнение грибоедовского варианта «Инструкции» с текстом Родофиникина свидетельствует о значительных расхождениях взглядов будущего полномочного министра и начальства Азиатского департамента на главные задачи русской дипломатии в Персии.

Полагая самым важным «упрочение мирных отношений» между странами, Грибоедов разработал для посланника рекомендации такой линии поведения, которая постепенно привела бы иранцев к «свободному заключению» о необходимости мирных и дружественных отношений с Россией.

Одной из важнейших проблем в этой связи оказывались отношения с наследником иранского престола Аббас-мирзой, третьим сыном Фатх-Али-шаха, сосредоточившим в своих руках все нити внешней политики страны. Разногласия по этому вопросу между Грибоедовым и министерством были принципиальными. Грибоедов, не будучи сторонником вмешательства во внутренние дела Ирана, считал, что именно Аббас-мирза мог бы благоприятствовать русской политике в стране, тем более что Туркманчайский трактат признавал его наследником престола. Родофиникин, однако, подверг существенному исправлению те места «Проекта инструкции...», которые касались отношений с наследным принцем:

— посланнику предписывалось иметь резиденцию при особе шаха в Тегеране, а не в Табризе, при дворе Аббас-мирзы, как полагал нужным Грибоедов, потому что там сосредоточился весь иранский дипломатический корпус, и лишь иногда навещать наследного принца, сохраняя с ним дружественные отношения (вставка на л. 4);

— сокращен большой абзац текста, где говорилось о возможности использовать в русских интересах желание Аббас-мирзы воевать с Турцией (л. 5);

— отвергнуто предложение Грибоедова о перенесении на будущее срока уплаты двух последних куруров контрибуции (около 4 млн. рублей) или даже прощении этого долга (поскольку выплаты падают на совершенно оскудевшую казну наследного принца), чтобы этой акцией привлечь Аббас-мирзу к России и заставить выполнить другие статьи мирного договора. Родофиникин заменил это предложение требованием добиться уплаты куруров в срок, остальное вычеркнул (л. 5; здесь следует напомнить, что после гибели Грибоедова долг был прощен правительству шаха);

— вычеркнут абзац текста, где говорилось, что Аббас-мирза ожидает от России военной помощи в случае борьбы за престол, что только уверение правительства России в поддержке заставит его уважать все остальные требования (л. 8).

Таким образом, все предложенные Грибоедовым пути смягчения отношений с наследником иранского престола были отвергнуты.

Вторым важнейшим пунктом, где столкнулись представления Грибоедова и столичного министерства, был вопрос о борьбе с английским влиянием в Персии. В министерстве считали, что проблема Востока решается отнюдь не в Азии, а только в Европе. Правительство России не теряло надежды договориться с англичанами по ближневосточному вопросу, стержневому тогда во внешней политике Империи. Обострять отношения с Англией слишком активной политикой на Среднем Востоке оно считало излишним, особенно во время войны с Турцией. Потому предложения Грибоедова по предупреждению влияния Ост-Индской компании в Персии и ее тактики «повсеместно давать чувствовать восточным державам присутствие силы и казны ее» (ПССП. Т. 3. С. 275) не нашли отклика у Родофиникина. Были вычеркнуты:

— советы Грибоедова держать наготове два артиллерийских полка, которые могли бы выступить на помощь Аббасу-мирзе в случае кончины шаха и предупредить одним своим присутствием в Южном Азербайджане вмешательство Ост-Индской компании в борьбу за престол в Персии (л. 8 об., 9, 9 об.);

— предложения, имеющие целью ослабить примат английского влияния в Иране: посылать русских офицеров советниками в персидскую армию (что давно уже делали англичане), поставлять в страну оружие, помогать в уплате жалованья войску «сарбазов» (л. 10 об., 11);

— предложение о назначении консулов, которые наблюдали бы за состоянием российской торговли в Иране (в нелегкой ее конкуренции с Ост-Индской компанией) и следили бы за соблюдением установленных трактатом льгот (л. 10 об.).

Другие исправления касались порядка донесения сведений о пограничных конфликтах — сначала министру, а затем командующему Кавказским корпусом (л. 7 об., 8), развития «дружественных» торговых отношений и «пособлении» им посланника (л. 11 об.), задач в изучении местных обычаев, занятий, взаимоотношений населяющих страну наро-

дов и пограничных ей, степени их «приязни» друг к другу (л. 12), наличия у посланника чрезвычайных сумм для помощи персидским подданным (л. 12 об.). Закончил Родофиникин выражением убежденности в том, что действия министра всегда будут направлены ко благу России во всех сторонах его деятельности (вставлено на л. 13).

Переработанная Родофиникиным инструкция значительно усложняла положение русского посланника в Персии, лишала его какой-либо поддержки в сложной обстановке шахского правления, сосредоточивала его усилия далеко не на самых актуальных проблемах, связывала инициативу в решении коренных вопросов внешней политики.

...Трактатом, заключенным в Тюркменчае. — Туркманчайский мирный договор с Персией подписан 10 февраля 1828 г.

Аббас-Мирза ныне порывается обратить оружие против турков. — Аббас-мирза командовал войсками в войнах с Россией и Турцией.

*Статьею** Трактата...* — Имеется в виду VII статья мирного договора, в которой Российское правительство признает наследником персидского престола принца Аббаса-мирзу.

Историю ~ Малькольма... — Грибоедов имеет в виду книгу: *Malcolm J.* Political history of India from 1784 to 1823. Vols. 1—2. London, 1826.

ЗАПИСКА О ПЕРЕСЕЛЕНИИ АРМЯН ИЗ ПЕРСИИ В НАШИ ОБЛАСТИ

19—25 сентября 1828

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: АКАК. Т. 7. № 618. С. 642—644.
Печатается по первой публикации.

Документ не подписан Грибоедовым и не датирован. Принадлежность его писателю устанавливается по упоминанию в нем переводчика Дадашева («Сколько я ни старался узнать стороною, а именно через моего переводчика Дадашева...»), а также по совпадениям в содержании с официальными письмами Грибоедова лета и осени 1828 г. (например, К. К. Родофиникину от 10 июля 1828 г., где впервые сообщается о восьми тысячах армянских семейств, переселенных «уже по сю сторону Аракса», или И. Ф. Паскевичу от 1 октября 1828 г. с переправы на Араксе, которое как бы продолжает «Записку о переселении армян»: «В Нахичеванской области нашел я еще больше беспорядка и притеснений от переселения армян, нежели в Эриванской»).

«Записка о переселении армян...» была написана в период с 18 по 25 сентября 1828 г. в Эривани, во время посещения Грибоедовым Эриванской области по пути в Персию (во второй половине сентября 1828 г.) Ранее этого срока «Записка...» не могла быть создана, хотя писатель и побывал в этих местах весною — в конце февраля—начале

марта 1828 г. по пути из Туркманчая в Петербург. Но в то время еще никаких конкретных действий по переселению армян из Персии не начиналось. Комитет по переселению христиан стал функционировать с 10 апреля 1828 г. В «Записке...» же не только упоминается в прошедшем времени полковник Л. И. Лазарев, привлеченный Паскевичем к работе Комитета в первые месяцы его существования, но и с одобрением анализируется деятельность второго его председателя — князя М. З. Аргутинского-Долгорукого, который был назначен на эту должность только 26 июля 1828 г. Время пребывания Грибоедова в Эривани в сентябре 1828 г. документировано: в письмах сотрудника Миссии К. Ф. Аделунга к отцу прослеживаются по дням события последнего пути полномочного министра Грибоедова в Персию (см.: ЛН. Т. 47—48. С. 255—260). Грибоедов прибыл в Эривань утром 18 сентября, а во вторник, 25-го, вместе со всеми спутниками покинул город.

В «Записке о переселении...», как и в письме Паскевичу от 1 октября 1828 г., Грибоедов обсуждает волновавшие его вопросы, возникшие в результате переселения армян в области Эриванскую и Нахичеванскую, совсем недавно отошедшие к России и населенные прежде, во времена иранского владычества, большей частью мусульманами.

Проблема «устроения» завоеванных земель — главное содержание этих документов. По мнению Грибоедова, организация переселения армян — важнейшая задача России в новообретенных провинциях, имеющая не только внутригосударственное, но и внешнеполитическое значение. Ведь от ее решения зависело сосуществование на единой территории мусульман и православных, т. е., по сути дела, национальный мир огромного района. Он опасался, что ошибки властей при переселении армян, скученность и неизбежное в таких случаях притеснение коренного населения заставят новых подопечных России «вздыхать о прежнем персидском правлении, известном своим не отеческим чувством к подданным...» (письмо Паскевичу от 1 октября 1828 г.).

Добиться разрешения сложностей, возникших в Нахичеванской и Эриванской областях при переселении армян, Грибоедов в обоих случаях (т. е. и в «Записке о переселении...», и в письме главнокомандующему от 1 октября) предлагает одним способом: переселить армянские семьи за Аракс «на свободные от проживания другого населения земли и стремиться приобрести существенное влияние на мусульман обеих областей через самых знаменитых и уважаемых там людей».

Вашему... сиятельству — графу И. Ф. Паскевичу, главнокомандующему Грузией в 1827—1831 гг.

Полк<овник> Лазарев почитал себя главным побудителем этой эмиграции... — Паскевич возложил на Лазаря Якимовича (Иоакимовича) Лазарева организацию переселения армян из Персии, потому что во главе этого дела нужен был популярный армянин, представитель известного и уважаемого рода.

Трактат давал им на сие полное право. — Имеется в виду Туркманчайский мирный договор, согласно статьям XIV и XV которого подданные как России, так и Персии могли в течение года переселяться из

одной страны в другую и располагаться на жительство в землях, установленных принявшим их правительством; в 1828 г. из Ирана переселилось на Кавказ более 40000 армян.

...выходцам из Урмии. — Грибоедов, сообщая графу Нессельроде о 8000 армянских семейств, прибывших из Персии, писал 26 июля 1828 г.: «...вследствие этого Марага, Самиаст и Урмия почти обезлюдели».

Комитет переселения... — Комитет по переселению христиан начал работать 10 апреля 1828 г. при Армянском областном правлении, он состоял из одного штаб-офицера, двух обер-офицеров и двух «почтеннейших граждан христианского исповедания» (о работе Комитета см.: *Газарян И.* Переселение армян из Персии в Армянскую область // Общественные науки. Ереван, 1957. № 7).

...нет еще вовсе даже поверхностной описи земель и селений зааракских ~ по сю сторону Аракса. — Река Аракс была пограничной между Россией и Персией, однако летом 1828 г. во время русско-турецкой войны были завоеваны значительные территории Западной Армении, подвластной Турции; Грибоедов предлагал переселить возвратившихся из Персии армян в эти завоеванные земли, но в 1829 г. по Адрианопольскому договору они были возвращены Турции.

Здешний областной начальник — князь А. Г. Чавчавадзе.

<ПРОЕКТ УЧРЕЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ>

ВСТУПЛЕНИЕ <К ПРОЕКТУ УСТАВА>

17 июля 1828

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Тифлисские губернские ведомости. 1831. № 18, 19, 20. Раздел «Торговля». С. 137—155, с предисловием П. Д. Завелейского, под общим заглавием: «Общий взгляд на обширные виды, которые могут постепенно и по естественному ходу дел войти в круг действий учреждаемой в Тифлисе Закавказской торговой компании». В собрании сочинений впервые вместе с газетным предисловием к нему: ПССШ. Т. 1. С. 135—153.

Печатается по первой публикации.

«Вступление» представляет собой значительную (не менее половины общего объема) часть текста «Проекта учреждения Российской Закавказской компании» (далее сокращенно Проект РЗК).

Проект компании был написан А. С. Грибоедовым в соавторстве с П. Д. Завелейским и подписан ими в Тифлисе 17 июля 1828 г. (см.: *Пиксанов Н. К.* Хронограф жизни А. С. Грибоедова // ПССП. Т. 3. С. 379).

«Вступление» — единственная сохранившаяся до наших дней часть текста собственно Проекта РЗК, с которой были связаны замыслы писателя об экономическом преобразовании Закавказья.

Публикация грибоедовского текста в 1831 г. была приурочена к объявлению о создании в Тифлисе акционерного общества «Закавказское торговое депо», инициатором создания и директором которого был П. Д. Завелейский. Стремясь к осуществлению своего замысла и заботясь о привлечении к новому предприятию людей и капиталов, соавтор Грибоедова счел возможным обнародовать программу Российской Закавказской компании и подкрепить новое начинание авторитетом и именем погибшего писателя: «Помещая здесь сие вступление в том самом виде, как оно было составлено в 1828 году, мы надеемся доставить двоякое удовольствие читающей публике: во-первых, видеть изложенными оригинальным, смелым и правильным образом предметы, имеющие всю цену новости; во-вторых, читать творение, в коем участвовал человек, заслуживший бессмертную память в нашем отечестве — А. С. Грибоедов» (Тифлисские губернские ведомости. 1831. № 18. С. 138).

На основании исследования О. П. Марковой (см.: Новые материалы о проекте Российской закавказской компании А. С. Грибоедова и П. Д. Завелейского» // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 324—390) и опубликованного в нем документа — «Примечания дейст<вительного> ст<атского> сов<етника> Жуковского на проэкт Грибоедова и Завилейского о учреждении компании Закавказской. В 1828-м году» (ГИМ. Ф. 818, барона Г. В. Розена. Д. 41 («Статистика 1836—1838 гг.»). Л. 168—198), содержащего конспект основных положений грибоедовского Проекта РЗК, оказывается возможным восстановить первоначальную его структуру.

Генерал М. С. Жуковский обозначил и озаглавил в своем конспекте семь частей Проекта РЗК: «Вступление», «Выгоды Компании», «Выгоды края Закавказского», «Выгоды империи», «Привилегии Компании», «Условия, на коих даруются привилегии», «Состав управления компании», текст которых делился общим счетом на 160 параграфов, и нумерация их была сплошной от первой до последней части. Следовательно, текст «Вступления» (название несомненно принадлежит публикаторам, а не авторам) объединяет первые четыре части Проекта РЗК из названных Жуковским. Завелейский напечатал в 1831 г. значительную часть текста Проекта РЗК (как минимум, первую его половину), назвал его «Вступлением» и представил теоретическим введением, обосновывающим возможность и условия существования в Закавказье крупной частной компании (добавление: «к проекту Устава», помещаемое в угловые скобки, появилось в издании: Грибоедов 1940 и перепечатывалось в последующих).

Текст в газете был напечатан без разбивки на параграфы, сплошным корпусом; в нем О. П. Маркова (с помощью конспекта Жуковского) обнаружила три отступления от оригинала:

— в оригинале Грузия сравнивалась по территории с одним уездом российским, а в газете — с тремя;

— в газетном тексте выпущено место, где говорится о привилегиях, необходимых компании, чтобы защитить ее интересы: «Компания, дерзающая на новые предприятия в Закавказье, где не сделано еще никакого начала трудолюбием и деятельностью, должна снабжена быть привилегиями исключительными, подобно компании Ост-Индской или Северо-Американской российской, которые удаляли бы от предприятия ея совместничество других лиц или обществ, могущих дать подрыв Компании»;

— вместо упоминания о 114 миллионах рублей, которые Россия тратит на приобретение колониальных товаров, в газете приведен расчет таких закупок на 119 миллионов рублей (см.: Исторический архив. Т. 6. С. 350—360).

Вторую часть текста Проекта РЗК, содержавшую обоснования необходимости привилегий для компании и состав ее управления, Завелейский не опубликовал, видимо, потому, что в конкретных обстоятельствах создания новой торговой компании эта часть грибоедовского текста утратила свою актуальность. Однако для истории изучения Проекта РЗК она исключительно важна: части текста, посвященные испрашиваемым для компании привилегиям, по сути дела раскрывают планы хозяйственной деятельности компании, знакомят с отраслями хозяйства, планируемыми к развитию, и способами осуществления всего задуманного предприятия.

Ниже приводится перечень наиболее существенных положений утраченной части текста Проекта РЗК, восстанавливаемых по выпискам генерала Жуковского из нее и по его замечаниям (ссылки даются на текст «Примечаний...» Жуковского — ГИМ. Ф. 818, барона Г. В. Розена. Д. 41 («Статистика 1836—1838 гг.»). Л. 168—198 и на их публикацию в «Историческом архиве»):

— авторы Проекта испрашивали у правительства крупнейшие привилегии сроком на 50 лет (л. 182; с. 365), а кроме того, заботились, чтобы подобные привилегии не давались больше никому в течение этого срока, ни компаниям, ни частным лицам (Л. 191. С. 379);

— просили о предоставлении Компании земельных участков в Грузии, Армении и Азербайджане общей площадью до 120 тысяч десятин (л. 183; с. 366—367), а установление арендной платы за них и платежей за земские повинности предполагали лишь через 15 лет пользования землей, в размере от 15 до 30 копеек за десятину (л. 184—184 об.; с. 369);

— передачи Компании всех казенных садов на 50 лет (л. 186; с. 371—372), позже этот тезис был подробнее разработан в «Записке об учреждении Российской Закавказской компании»;

— дозволения Компании покупать крестьян в России и Грузии с тем, чтобы освободить их от крепостного состояния, но обязать работать на ее плантациях 50 лет (л. 185; с. 370);

— предоставления навсегда всех прав колонистов поселяющимся на землях Компании иностранцам, нововодворяемым армянам и природным русским поселенцам, т. е. освобождения их от всех казенных

повинностей (л. 185—185 об.; с. 370, дополнение к этому пункту см. в «Записке об учреждении...»);

— взимания податей в казну с прочих поселенцев и с крестьян, приобретенных в Грузии, наравне с помещичьими крестьянами, а отправления земских повинностей не в натуре, а в деньгах (л. 185 об.; с. 371);

— освобождения иностранных переселенцев от уплаты пошлин и от гильдейских правил (л. 185 об.—186; с. 371);

— установления для Компании монопольного права разводить и перерабатывать новые растения (л. 187; с. 372), а также исключительного права на торговлю ими внутри страны и на вывоз их за границу (л. 190—190 об.; с. 377—378);

— установления сроком на 50 лет исключительного права пользования техническими средствами и новшествами, изобретенными или освоенными Компанией (л. 190; с. 377);

— оговаривали обязательное согласование с Компанией всех разрешений правительства на разработку каких-либо новых отраслей хозяйства в Закавказье (л. 192—192 об.; с. 380);

— требовали запрещения ввоза в страну (или повышения пошлины) для тех иностранных товаров, которые производятся Компанией (л. 193 об.; с. 380—381), и беспошлинного ввоза из-за границы любых потребных Компании товаров (л. 194 об.; с. 384);

— просили разрешения для Компании покупать, продавать и закладывать земли в Закавказье (л. 193; с. 362);

— просили дозволения входить в сношения с владельцами Закавказских провинций или мест, под российским покровительством состоящих, для учреждения в них заведений и торговли, а также заключать с ними договора и условия (л. 193 об.—194; с. 383);

— Компания просила содействия со стороны Правительства (л. 194; с. 383), а также дозволения устраивать церкви и училища в своих владениях (л. 194 об.; с. 384);

— заботилась о том, чтобы данные Компании привилегии не стесняли жителей Закавказских провинций (л. 194 об.; с. 384);

— условием закрепления за Компанией исключительных привилегий объявлялось развитие в течение 15 лет в Закавказских провинциях тех отраслей промышленности и хозяйства, на которые она получила право привилегий (л. 195; с. 384—385); если Компания в течение 15 лет не сможет развить какую-либо отрасль, то обещанная Правительством привилегия на нее может быть передана другой компании (л. 195; с. 385);

— во главе Компании предполагалось четыре президента: главнокомандующий Грузией, тифлисский военный губернатор, министр финансов и министр внутренних дел (л. 195 об.; с. 386).

Кадастр — опись земельной собственности для распределения поземельного налога.

Магазейны (магазины) — склады и хранилища продовольствия, оружия и обмундирования для армии, существовавшие в военное и мирное время.

Бухарестский мир — мирный договор между Россией и Турцией, завершивший русско-турецкую войну 1806—1812 гг., был подписан 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте.

Гюлистанский мир — мирный договор между Россией и Персией 24 октября (5 ноября) 1813 г.; подписанием его в селении Гюлистан в Карабахе окончились русско-персидские войны начала XIX в. Согласно договору, к России отошли Дагестан, Грузия, Мегрелия, Имеретия, Гурия, Абхазия, а также ханства: Бакинское, Карабахское, Гянжинское, Ширванское, Шекинское, Дербентское, Кубинское и Талышское.

Указ 1821 года — указ, введенный в Закавказье с 8 октября 1821 г. сроком на 10 лет, направленный на экономическое преобразование края; по нему разрешалось сдавать в аренду земли, поселять колонистов, заводить фабрики и заводы, была установлена 5%-ная пошлина на ввозимые товары и открыт беспошлинный транзит товарам через Закавказье в Иран, что дало большой толчок к развитию торговли.

...с тех пор, как ездят в Лейпциг за товарами... — Имеются в виду весенние и осенние международные ярмарки в Лейпциге, товары с которых в 1820-е гг. активно проникали в Закавказье.

...войну с Оттоманской Портою. — Имеется в виду русско-турецкая война 1828—1829 гг.

Секвестрованные имущества — спорные имущества, движимые и недвижимые, переданные до решения суда под управление или на хранение третьему лицу или государству.

...привилегий, торжественным актом обращенных в закон... — По-видимому, здесь содержится намек или напоминание о том, что привилегии Русско-Американской компании были дарованы ей Указом императора Александра I от 13 сентября 1821 г.

Армянская область — см. комментарий к статье «Записка о переселении армян из Персии в наши области».

Вечерние страны — страны, лежащие к западу от какого-либо места.

...от Гурии до Талышского ханства — т. е. «от Черного моря до Каспийского», так как Гурия, Грузинская провинция, находилась у юго-восточного угла Черного моря, а Талышское ханство — на юго-западном побережьи моря Каспийского.

ЗАПИСКА ОБ УЧРЕЖДЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЗАКАВКАЗСКОЙ КОМПАНИИ

9 сентября 1828

Автограф П. Д. Завелейского: РГИА (Ф. 1018, И. Ф. Паскевича. Оп. 3. Ед. хр. 165. Л. 1—12).

Впервые опубликовано: РВ. Т. 216. 1891. № 9. С. 3—17, в статье А. Мальшинского «неизданная записка Грибоедова».

Печатается по автографу П. Д. Завелейского.

В собраниях сочинений Грибоедова с 1940 г. печаталась по тексту первой публикации (см.: Грибоедов 1940. С. 585—591).

Представляет собой сопроводительную записку Грибоедова и Завелейского к Проекту РЗК. 9 сентября 1828 г., в день отъезда Грибоедова в Персию, передана на рассмотрение И. Ф. Паскевичу.

Сохранилась в виде тетради, сшитой из шести двойных листов, согнутых пополам. Текст занимает 23 страницы и расположен на правой стороне каждой из них, левая половина всех страниц, кроме первой, свободна. На л. 1 сверху в левом свободном углу — заголовок: «Записка об учреждении Российской Закавказской компании» и так же слева, внизу страницы, крупно обозначен адрес: «Его сиятельству Графу Ивану Федоровичу Паскевичу-Эриванскому», который первый публикатор, А. Мальшинский, принял, видимо, за восполнение пропуска и ввел в основной текст после слов «предположили составить» (что не сильно исказило смысл предложения, но придало повествованию подобострастный оттенок, а кроме того, упоминание о главнокомандующем Грузии в 3-м лице вступило в противоречие с выдержанным на протяжении всего текста прямым обращением к Паскевичу во 2-м лице).

Текст написан рукой П. Д. Завелейского, что подтверждается сравнением почерка с письмами Завелейского министру финансов Е. Ф. Канкрину (см.: РГИА. Ф. 18, Департамент мануфактур и внутренней торговли. Оп. 4. 1830—1831. Д. 425) и отчасти воспоминаниями Н. Н. Муравьева-Карского: «...писцом под диктовку Грибоедова был Завелейский...» (Воспоминания 1980. С. 66).

В конце текста «Записки...» — подписи Грибоедова и Завелейского (л. 12) и помета: «г. Тифлис 7 сентября 1828 г.», причем цифра «7» в дате вписана позднее, теми же чернилами, какими сделана подпись Грибоедова. Подлинник «Записки...» отличается от текста, напечатанного в «Русском вестнике», особенностями написания отдельных слов (например, в автографе слово «Устав» всегда написано с заглавной буквы), употребления знаков препинания и иным прочтением отдельных слов на л. 3, 4, 6, 7.

В тексте и на полях «Записки...» находятся многочисленные карандашные пометы, подчеркивания и надписи генерала М. С. Жуковского, писавшего отзыв на Проект РЗК (см.: *Маркова О. П.* Новые материалы... // Исторический архив. Т. 6. С. 324—390), которые А. Мальшинский счел в свое время пометами генерала Паскевича и таковыми представил в публикации документа. Скобками и буквами латинского алфавита отмечен Жуковским текст на л. 2 об., 5, 5 об., 6, 6 об., 7, 9, 9 об.; карандашом подчеркнуты отдельные положения «Записки...» на л. 2 об., 5, 7, 9 об.; надписи на полях находятся на л.: 5 (против слов: «По примеру других компаний, в России существующих», подчеркнутых и отмеченных скобкой, надпись: «надобно знать, каких именно?»; против слов: «Право преобладания», подчеркнутых и отмеченных скобкой, надпись: «Чего же еще больше»; против слов: «придадут уже ценность тем участкам», подчеркнутых и отмеченных скобкой, надпись: «Все сие для компании, а не для кого другого»), 7 (надпись: «Я думаю довольно, если в продолжении первых десяти лет будет Ком-

пания платить то, что казна за сады получает. Потом вдвое, если компания на то согласится, ибо весьма доволен для казны будет доход, если промышленность скоро возрастет, то доходы от того сами умножатся», — против слов: «нарастать будет еще треть всей суммы», отмеченных карандашом), 8 (в левом углу страницы против слов: «Стечение обстоятельств, в отношении к тому предмету побочных» находится трудно читаемая надпись, состоящая из трех пунктов: «1. Занятие нами Хойской провинции. 2. <Полки> вперед введенные. 3. Убеждение, что ничего не потеряем от людей, но которые не совсем <пропущено три слова> обнищания») и 10 об. — на ней надпись, состоящая из трех пунктов: «Компания поэтому должна иметь свои войска: 1. Батум находится не на большой коммерческой дороге. 2. Компания должна сделать дорогу до Поти, а потом Рионом. 3. Кажется что было бы напрасно иметь пристань — ежели верст четырнадцать защищать караваны от набегов горных жителей, которые живут на пути до Риона».

Необходимо отметить, что не все пометы и надписи были учтены А. Мальшинским при публикации: он процитировал только четыре из шести надписей на л. 5, 7, 10 об. В то же время в перечень заметок на полях «Записки...» публикатор ее включил отзывы на Проект РЗК генерала Жуковского из другого его текста, а именно из «Замечаний на создание компании земледельческой, мануфактурной и торговой», представляющего собой собственно отзыв (по пунктам) на текст Проекта РЗК, над которым он работал в конце 1828 г. по просьбе генерала Паскевича (см.: РВ. 1891. № 9. С. 12, 13, 14; об истории изучения материалов Проекта РЗК, в том числе и материалов Мальшинского, см. ниже в комментариях, а также ст.: *Тархова Н. А.* О «Проекте Российской Закавказской компании» (По материалам архива И. Ф. Паскевича в РГИА) // Проблемы творчества. С. 285—295; То же: Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 128—144).

«Записка об учреждении Российской Закавказской компании» является не только сопроводительной к тексту Проекта РЗК, она дополняет и разъясняет положения первого документа. Дополнительных разъяснений потребовали статьи проекта о привилегиях: об отводе земель, об уступке компании казенных садов, о позволении поселять на свои земли переселенцев на особых условиях, а в статью о свободном мореплавании и торговле с разными странами было внесено дополнение, учитывающее злободневность ситуации, — оно заключалось в просьбе предоставить компании на правах порто-франко «Порт Батумский, если войдет в новую черту наших границ», т. е. если отойдет России по окончании войны с Турцией.

При комментировании проблематика последнего произведения Грибоедова распадается на два аспекта: с одной стороны, важно усвоение Проекта РЗК литературоведческой наукой, изучение истории и источников его текста, а также восприятие его в процессе изучения разными поколениями ученых, с другой — собственно экономическое содержание Проекта, истоки его возникновения, связь с другими экономическими проектами времени, судьба его в российской действительности.

Проект РЗК стал известен читателям России в конце прошлого века после публикации И. А. Шляпкиным «Вступления» к нему в 1889 г. и «Записки об учреждении Российской Закавказской компании» А. Мальшинским в 1891 г. Однако для истории изучения Проекта РЗК, его резонанса в отечественной культуре важнейшей стала вторая публикация, которая помимо неизвестного текста Грибоедова (что было и в публикации Шляпкина) содержала обширный комментарий, куда входили: пересказ утраченной части Проекта (по неназванному источнику), критические, резко отрицательные отзывы на него, принадлежавшие, по утверждению публикатора, полковнику И. Г. Бурцову и генералу И. Ф. Паскевичу, а также рассказ о гибели грибоедовского замысла.

Н. К. Пиксанов, готовя в 1911—1916 гг. академическое собрание сочинений писателя, не включил Проект в издание, а только упомянул о нем в хронологическом справочнике (см.: ПССП. Т. 3. С. 373) со ссылкой на Е. Г. Вейденбаума. По-видимому, сделано это было из-за невозможности проверить достоверность публикации «Записки об учреждении Российской Закавказской компании» в «Русском вестнике» и комментариев к ней. Сомнительная журналистская репутация А. Мальшинского, человека, близкого к тайной полиции и выполнявшего ее поручения, возможно, также влияла на отношение к нему ученых.

В литературоведческую науку концепция Мальшинского вошла через художественную литературу. В середине 1920-х гг. публикация «Русского вестника» попала в руки Ю. Н. Тынянова и поразила его: конфликт вчерашних единомышленников, людей декабристских взглядов, разведенных жизнью и столкнувшихся над проектом преобразования Закавказья в жестком и безысходном противоречии, стал основой одного из лучших советских исторических романов — «Смерть Вазир-Мухтара». В контексте сложной его проблематики гипотеза о критике Проекта РЗК именно декабристом приобретала особую остроту и давала возможность в трагическом свете показать судьбу человека и художника, опередившего свое время и не находящего отклика и понимания среди современников.

Мальшинский влиял и на восприятие грибоедовского экономического замысла, заставляя специалистов сомневаться в благородстве намерений автора Проекта РЗК и противопоставлять его гуманным идеям декабристов. Н. Кальма, например, считал Проект «ярчайшим документом захватнической политики первой половины XIX века», а Российско-Закавказскую Компанию — «организованной колонизацией края» (*Кальма Н.* Коммерческие замыслы Грибоедова // ЛН. Т. 19—21. С. 173).

С течением лет тенденция противопоставлять Грибоедова и декабристов постепенно сглаживалась, а Проект РЗК на этом фоне все чаще расценивался как произведение, созданное с декабристских позиций, что и стало якобы причиной его неприятия: «Проект Грибоедова и Завелейского правительство отвергло, забраковало, оно не признало его „своим", что вполне понятно», а «критический отзыв Бурцова» в этом контексте воспринимался как единственное свидетельство о противо-

речиях, существовавших между писателем и декабристами (*Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 522, 525).

В собрании сочинений Грибоедова Проект РЗК был напечатан только в 1940 г. в виде двух ранее названных отрывков (причем «Записка...» была помещена первой, что стало традиционным с тех пор) и прокомментирован В. Н. Орловым на основе фактов, изложенных Мальшинским. В этой публикации судьба Проекта РЗК впрямую связывается с «резкой критикой» его Бурцовым, в результате которой он был «отвергнут Паскевичем» и, следовательно, не осуществлен (Грибоедов 1940. С. 585—608, 645—646).

В начале 1950-х годов появились публикации документов, которые способствовали дальнейшему изучению Проекта и в короткий промежуток времени сперва опровергли, а потом как бы вновь подтвердили версию Мальшинского.

О. П. Маркова в 1951 г. в статье «Новые материалы...» опубликовала документ из отдела рукописей ГИМ, называвшийся «Примечания дейст<вительного> ст<атского> сов<етника> Жуковского на проэкт г. г. Грибоедова и Завилейского о учреждении компании Закавказской. В 1828-м году» и обширные комментарии к нему (см.: Исторический архив. Т. 6. С. 324—390). «Примечания...» Жуковского — документ подлинный, он представляет собой свод критических заметок на отдельные параграфы, положения и разделы Проекта РЗК, приведенные тут же в цитатах и пересказе.

Сравнивая критические заметки Жуковского с приведенными в статье Мальшинского «возражениями Бурцова» и «замечаниями» Паскевича, исследовательница обнаружила полное их текстуальное совпадение. В результате она пришла к выводу о том, что Мальшинский имел в руках какой-то третий документ с извлечениями и цитатами из «Примечаний...» Жуковского и приписал его авторство Бурцову по заблуждению. Иначе, имея текст «Примечаний...», он не смог бы этого сделать, так как о Бурцове и его отзыве на Проект там говорилось в третьем лице; существование же замечаний Паскевича на полях того, третьего, документа автор статьи под сомнение не ставила. Однако, отводя от Мальшинского обвинения в прямой фальсификации, О. П. Маркова приводит в статье доказательства недобросовестного и тенденциозного по отношению к Грибоедову использования этого документа его публикатором (см.: Исторический архив. Т. 6. С. 331— 334).

Статья Марковой не только ввела в научный обиход текст критических замечаний на Проект Грибоедова, известный до нее лишь в пересказе Мальшинского, и установила имя автора этих замечаний — генерала М. С. Жуковского. Ее публикация впервые дала возможность судить о составе текста Проекта РЗК. Более половины его составляли так называемое «Вступление», опубликованное в 1831 г. Завелейским в «Тифлисских ведомостях» (выявленные автором статьи случаи разночтений приведены в комментарии к «Вступлению»), и утраченная ныне часть Проекта РЗК, содержавшая условия и правила, по которым должна была существовать будущая компания; весь текст делился на параграфы (в конспекте их 160), что не нашло отражения в публикации За-

велейского. «Записка об учреждении Российской Закавказской компании», адресованная Паскевичу (у Жуковского она названа «Докладной запиской с проэктом») тоже нашла свое отражение в конспективных заметках генерала.

Оба названные документа и были использованы М. С. Жуковским при составлении им отзыва на Проект РЗК.

Последние три абзаца «Примечаний...» генерала содержали информацию об отзыве И. Г. Бурцова, что подтверждает его существование и участие его автора в обсуждении Проекта. Однако текст отзыва Бурцова не сохранился (во всяком случае, до сих пор не известен), конспект Жуковского содержит лишь самый общий, в один абзац, его пересказ: «Полковник Бурцов по рассмотрении дал мнение нерешительное, ужасался только предприятию столь огромному, от которого опасался последствий для Компании неблагоприятных, по несоответственности способов предприятию и самой натуре вещей» (см.: Исторический архив. Т. 6. С. 389). И до сегодняшнего дня этот короткий пересказ отзыва Бурцова — единственное документированное свидетельство его существования.

Сравнение критических замечаний Жуковского — резких, язвительных, иногда саркастических (даже согласие с положениями Проекта генерал ухитрялся выражать зачастую сердито) — с изложением «нерешительного» отзыва Бурцова привело О. П. Маркову к выводу о том, что «губителем» Проекта РЗК был сердитый генерал Жуковский, а Бурцов написал хотя и «нерешительный», но доброжелательный отзыв.

В 1954 г. И. К. Ениколопов опубликовал еще два документа (из архива И. Ф. Паскевича), относящиеся к Проекту Грибоедова: «Замечания на создание компании земледельческой, мануфактурной и торговой» и «Мнение об учреждении Российской Закавказской компании» (см.: *Ениколопов И. К.* А. С. Грибоедов в Грузии. Тбилиси, 1954. С. 102—109, 128—129).

По надписям на полях «Замечаний...», совпавшим с описанием «помет» в статье Мальшинского, исследователь установил, что это тот самый документ, которым пользовался в 1891 г. публикатор «Записки об учреждении <...> компании» и который был объявлен им в статье «отзывом Бурцова». Сравнение текстов «Замечаний на создание...» и опубликованных раньше Марковой «Примечаний...» генерала Жуковского показало, что это варианты одного текста, а автор обоих документов — М. С. Жуковский.

Второй опубликованный им документ — «Мнение об учреждении Российской Закавказской компании» — И. К. Ениколопов безоговорочно объявил принадлежавшим И. Г. Бурцову, увидя в нем отзыв декабриста на Проект РЗК. В качестве доказательств были приведены моменты совпадения экономико-политических утверждений в тексте «Мнения...» с экономическими воззрениями декабристов, отразившимися в Уставе Союза благоденствия и в «Практических началах политической экономии», составленных П. И. Пестелем.

Таким образом, отвергнутая архивной находкой и исследованием О. П. Марковой версия А. Мальшинского о существовании отзыва на

Проект РЗК полковника И. Г. Бурцова была восстановлена в публикации И. К. Ениколопова. Атрибуция Ениколопова была поддержана в работах О. И. Поповой, В. Б. Макарова, Н. Я. Эйдельмана и принята большинством ученых (см.: *Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964; *Макаров В. Б.* Декабрист Иван Григорьевич Бурцов. Саратов, 1981; *Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа...». М., 1990).

Во всех позднейших работах о Грибоедове Проекту Закавказской компании уделяется существенное место, о нем писали С. В. Шостакович, О. И. Попова, М. В. Нечкина, В. Н. Орлов, А. А. Лебедев, С. А. Фомичев, В. Б. Макаров, Н. Я. Эйдельман и другие. Проект РЗК исследуется не только как произведение экономическое, но и как замысел деяния писателя, отражающий могучий творческий потенциал его личности.

В истории восприятия Проекта современниками его неудачу связывают обычно с подозрительным и недоброжелательным отношением к писателю официальных кругов: «Проект Грибоедова и Завелейского, отводивший правительству минимальную роль в жизни края, целиком рассчитанный на частную инициативу и деятельность, противоречивший колониальной политике правительства, конечно, заранее был осужден на провал» (*Маркова О. П.* Новые материалы... // Исторический архив. Т. 6. С. 344) или: «Настороженным и подозрительным отношением к Грибоедову официальных кругов объяснялась и неудача, которая постигла его в осуществлении разработанного им обширного проекта организации Российской закавказской компании <...> В результате проекту не было дано хода. И в данном случае инициатива и энергия Грибоедова были решительно пресечены» (*Орлов В. Н.* А. С. Грибоедов. Л., 1967. С. 109—110).

В этом контексте роль критиков Проекта РЗК освещена достаточно просто. Если прежним исследователям, считавшим оппонентом Грибоедова декабриста Бурцова, приходилось изобретать сложные концепции, чтобы объяснить противоречие между вчерашними единомышленниками, то в исследованиях 1960—1980 гг. роль «губителя» Проекта безоговорочно отводится «реакционному» генералу Жуковскому, а «положительный» отзыв Бурцова (т. е. «Мнение об учреждении <...> компании») считается не возымевшим силы: «В противоположность Бурцову, заядлый реакционер М. С. Жуковский сделал все, чтобы погубить проект Грибоедова, представляя его статьи (нужно отдать ему справедливость, с большой находчивостью и мастерством, обладая, видимо, незаурядным умом и образованием) в превратном, искаженном свете» (*Попова О. И.* Грибоедов-дипломат. М., 1964. С. 119).

Работа над комментариями к Проекту РЗК заставила вернуться к материалам, составившим круг его источников, и в частности вновь заняться проблемой авторства обозначенных документов. В результате текстологического анализа выяснилось, что «Мнение об учреждении Российской Закавказской компании» есть произведение генерала М. С. Жуковского (а не И. Г. Бурцова). Оно составлено как итоговый документ на основании его же замечаний к тексту Проекта (см. «Замечания на создание компании земледельческой, мануфактурной и торго-

вой») и представляет с ним вместе единый комплекс. Таким образом, существуют критические замечания к разным местам текста Проекта РЗК, иногда довольно резкие, составившие корпус «Замечаний на создание компании...», и есть окончательный отзыв на Проект в целом, суммирующий отдельные заметки, — «Мнение об учреждении...». Оба документа принадлежат одному лицу и отражают разные этапы работы генерала Жуковского над составлением отзыва на Проект РЗК. Третий документ, опубликованный в свое время О. П. Марковой — «Примечания действительного статского советника Жуковского...», — представляет собой более позднюю редакцию (с вариантами текста) «Замечаний на создание компании...», которая была подготовлена самим ее автором по просьбе нового главнокомандующего Грузии (с осени 1831 г.) генерала Г. В. Розена, заинтересовавшегося (возможно, в связи с проектом Завелейского и интересом к нему Министерства финансов) и замыслом грибоедовской компании. Проблема источников текста Проекта РЗК исследована в статье: *Тархова Н. А.* О «Проекте Российской Закавказской Компании» (По материалам архива И. Ф. Паскевича в РГИА) // Проблемы творчества. С. 285—295; То же: Филологические записки. Воронеж, 1994. Вып. 3. С. 128—144.

В свете выводов этой статьи атрибуцию И. К. Ениколопова, поддержанную в вышеназванных работах, необходимо отвести. Никаких отзывов на Проект РЗК, кроме «Мнения...» Жуковского, до сегодняшнего дня не найдено. Об отзыве Бурцова можно судить единственно по упоминанию о нем в «Замечаниях...» и, соответственно, в «Примечаниях...» Жуковского (можно даже предположить, что генерал зафиксировал устное высказывание Бурцова о Проекте после его знакомства с ним).

Из числа лиц, якобы участвовавших в обсуждении Проекта РЗК письменно, необходимо исключить также генерала Паскевича, поскольку это участие, декларированное в свое время Мальшинским и поддержанное Ениколоповым, не подтверждается никакими документами. Статья же Мальшинского в «Русском вестнике» никак не может служить источником фактов при комментировании Проекта РЗК в силу своей явной тенденциозности и недобросовестности в обращении с документами.

Что же касается сложившейся традиции связывать неудачу Проекта Грибоедова и Завелейского с отрицательным отношением к нему сначала Бурцова в качестве оппонента, затем Жуковского, а вслед за ними Паскевича и правительства, то она тоже должна быть пересмотрена, потому что собственно отрицательного отзыва на Проект не существовало, как не существовало и «противодействия властей» при его осуществлении. Трагическая судьба Проекта РЗК складывалась под воздействием обстоятельств гораздо более «могущественных», нежели отношение к нему отдельных частных или даже государственных лиц (см.: *Тархова Н. А.* О «Проекте Российской Закавказской Компании». С. 142—143, 294—295).

Необходимый пересмотр историко-литературных концепций, связывающих неудачу Проекта РЗК с отрицательным отношением к нему

Жуковского или Паскевича, начат был Н. Я. Эйдельманом в его книге, вышедшей посмертно. В ней же подробно рассмотрена попытка Завелейского создать в Тифлисе в 1831 г. Закавказскую торговую компанию, в деятельности которой он намеревался «привести в исполнение хотя бы некоторую часть» замыслов Проекта РЗК, попытка, оставшаяся неосуществленной (см.: *Эйдельман Н. Я.* «Быть может, за хребтом Кавказа...». М., 1990. С. 22—169).

Замысел Грибоедова об эксплуатации естественных богатств Закавказья восходит к 1823 г., когда он вместе с А. В. Всеволожским и Т. Этье задумывал основать предприятие по обмену товарами с Персией (см. прим. к письму А. В. Всеволожского от 8 августа 1823 г., а также: *Кальма Н.* Коммерческие замыслы Грибоедова // ЛН. Т. 19—21. С. 143—173).

Проект Грибоедова и Завелейского несомненно учитывал опыт давно существовавших экономических компаний. Первоначальный текст «Вступления» содержал указание на то, какие именно компании служили ориентиром его авторам: «Компания, дерзающая на новое предприятие в Закавказских провинциях, где не сделано еще никакого начала трудолюбием и деятельностью, должна снабжена быть привилегиями исключительными, подобно компании Ост-Индской или Северо-Американской российской, которые удаляли бы от предприятия ея совместничество других лиц или обществ, могущих делать подрыв Компании» (Исторический архив. Т. 6. С. 357—358; этот абзац текста был выпущен Завелейским при публикации в «Тифлисских ведомостях»).

Могущественная Ост-Индская компания, имевшая собственное правительство, армию, дипломатических представителей и мало подчинявшаяся в своих действиях правительству Англии, оказала свое влияние на Проект РЗК. Так, среди испрашиваемых привилегий было положение о возможности для Закавказской компании дипломатической свободы в отношениях с близлежащими ханствами: «Входить в сношения с владельцами закавказских провинций <...> для учреждения в них заведений и торговли и заключать с ними условия» (Исторический архив. Т. 6. С. 383); в «Составе управления» предполагалось четыре президента, что означало коллегиальность руководства компанией (см.: Там же. С. 386); в Проекте РЗК прямо ничего не сказано об армии, но Жуковский недаром отметил в своих замечаниях неизбежную необходимость для компании собственной армии, если она будет владеть портом Батуми (см.: Там же. С. 388).

Элементы сходства с Ост-Индской компанией (несомненно, хорошо знакомой многим русским, особенно на Кавказе) были достаточно очевидны; это создавало при знакомстве с Проектом РЗК впечатление заимствования его авторами норм существования английской компании. Недаром Н. Н. Муравьев в своих воспоминаниях перечисляет, по сути дела, права Ост-Индской компании, а вовсе не Закавказской: объявлять войну, строить крепости, двигать войска и т. д. (см.: Воспоминания 1980. С. 66).

Устав и правила другой, Российско-Американской, компании, судя по тексту Проекта РЗК, были тоже хорошо изучены его создателями.

Это не удивительно: компания была известна в России, в сентябре 1821 г. ей были пожалованы новые привилегии, она была переименована, материалы о ней напечатаны во всех крупных газетах. Кроме того, Грибоедов был дружен с К. Ф. Рылеевым, правителем канцелярии Российско-Американской компании, и от него мог знать многое о ее существовании и деятельности.

Большинство привилегий, которые испрашивали для Российской Закавказской компании ее инициаторы, соответствует привилегиям компании Российско-Американской; это касается:

— прежде всего, просьбы отвести Компании земли во всех уездах Закавказских провинций, что соответствовало фундаментальному условию существования Российско-Американской компании, которой Указом 1799 г. «были дарованы» Аляска, земли в Восточной Америке, Курильские и Алеутские острова;

— преимущественного использования Компанией всего, что дает земля, т. е. ее недр, того, что растет на ней в диком состоянии, того, что может быть на ней культивировано и т. д.;

— льготных условий торговли как российскими, так и иностранными товарами, льготного порядка обложения их пошлинами;

— обязательного права использовать аборигенов на службе компании (в случае Закавказской компании это должно было распространяться и на приобретенных для компании работников);

— освобождения жилищ служащих от постоя (в проекте Закавказской компании — и от других казенных повинностей);

— и, наконец, главное, что испрашивали авторы Проекта РЗК и что составляло привилегию компании Российско-Американской, — право монополии на все эти преимущества: для Американской компании они возобновлялись каждые 20 лет, Закавказская компания просила монополии на привилегии на 50 лет (см.: *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. I. СПб., 1861. I Приложения. С. 40—46).

Анализируя Проект РЗК, специалисты находят не только черты сходства его с проектами известных международных компаний, но и существенные отличия, которые оказались важными именно для русских экономических проектов 1820-х гг. М. К. Рожкова проект Грибоедова сравнивает с проектом Оренбургской азиатской компании, представленным в 1823 г. оренбургским губернатором П. К. Эссеном министру финансов. Рожкова приходит к выводу о том, что оба проекта содержат общие черты, принципиально отличающие их от правил международных экономических компаний.

Особенность обоих документов заключается в том, что оба они предполагают развитие местных производительных сил и преимущественные права для местных промышленников и купцов: «Проект Грибоедова и Завелейского предполагал развитие в Закавказье местной промышленности и широкой посреднической деятельности в торговле между Европой и Азией, а это противоречило интересам русской буржуазии, которая стремилась со своими товарами на закавказские и азиатские рынки» (*Рожкова М. К.* Экономическая политика царского пра-

вительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.; Л., 1949. С. 55).

И в деятельности Ост-Индской компании в начале XIX в. экономисты отмечают подавление местной промышленности с целью создания условий для сбыта изделий промышленности английской. Напомним, что и М. С. Жуковский критиковал Проект РЗК с точки зрения развития производительных сил России, а не Закавказья, так же как прежде Е. Ф. Канкрин категорически возражал против устройства фабрик и заводов в Оренбургском крае, считая, что это «нанесет ущерб промышленности в центральных районах» (*Рожкова М. К.* Экономическая политика... С. 49).

Возможно, проект Эссена послужил образцом для авторов Проекта РЗК именно в вопросе о развитии местных производительных сил. Завелейский мог знать о нем от Канкрина, с которым был связан, а Грибоедов — от К. Ф. Рылеева, родственника Эссену по матери. В этой связи надо заметить, что, создавая Закавказское торговое депо, Завелейский переориентировал компанию, исключив из задач ее деятельности пункт о развитии местной промышленности (возможно, поэтому новая компания и нашла поддержку правительства в 1831 г.).

Грибоедовский проект отличали от всех перечисленных важнейшие особенности: он был проникнут заботой о развитии экономики края, предусматривал становление его собственных производительных сил и, наряду с хозяйственными задачами, ставил своей целью цивилизацию и просвещение народов Закавказья.

Высочайший манифест 1 января 1807 года — манифест императора Александра I «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий».

По примеру других компаний, в России существующих... — Имеется в виду, скорее всего, Российско-Американская компания.

...продолжительное занятие нашими войсками Хойской провинции... — Пребывание русских войск в Хойской провинции продолжалось до декабря 1828 г., до выплаты персидской стороной восьмого курура контрибуции.

...порт Батумский, если войдет в новую черту наших границ... — Когда создавалась «Записка...», война с Турцией еще продолжалась и присоединение Батуми к России было вполне мыслимо: как вспоминал Н. Н. Муравьев, летом 1828 г. Грибоедов был в военном лагере у Паскевича и «настаивал, чтобы приступлено было к завоеванию турецкой крепости Батума <...> Кажется, что даже были сделаны некоторые приготовления к сей экспедиции...» (Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929. С. 90); по Адрианопольскому мирному договору 1829 г. город Батуми, завоеванный в ходе войны русскими, вновь отошел к Турции.

ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

<Расписка в книге регистрации студентов>

1810—1811

Автограф: Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ. Список студентов Московского университета с 1810 по 1815 г. (№ 254 870).

Впервые опубликовано: *Сорокин В.* Новые сведения о студенческих годах А. С. Грибоедова // Московский университет. 1939. 26 июля, № 49. С. 4.

Печатается по: *Дубшан Л. С.* Из московских лет Грибоедова // Материалы. С. 37.

Во втором разделе регистрационной книги записано 100 студентов. Название раздела — официальное название студентов, которые являлись вольнослушателями (первый раздел — «Имена своекоштных студентов, зачисленных от августа 1810 до...», не дописано в оригинале). Здесь же записаны А. В. и Н. В. Всеволожские и будущий журналист М. Н. Макаров (см.: Воспоминания 1980. С. 375; *Дубшан Л. С.* Из московских лет Грибоедова // Материалы. С. 39, 40).

В университетском уставе 1804 г. помечено: «Ректор имеет право дать позволение и не внесенным в список студентам слушать лекции, но не иначе, как по предварительном извещении того профессора, которого лекциями слушатель желает пользоваться» (Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 28. СПб., 1830. С. 572).

<Расписка в книге регистрации студентов>

1811—1812

Автограф: Отдел редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ. Список студентов Московского университета с 1810 по 1815 г. (№ 253 870).

Впервые опубликовано: *Сорокин В.* Новые сведения о студенческих годах А. С. Грибоедова // Московский университет. 1939. 26 июля, № 49. С. 4.

Печатается по: *Дубшан Л. С.* Из московских лет Грибоедова // Материалы. С. 37.

Против своей фамилии Грибоедов указал, чьи курсы он желает прослушать: Рейнгарда, Штельцера, Шлецера и Сандунова, т. е. ведущих профессоров этико-политического отделения. Второй раздел лишен развернутого заголовка, только в правом верхнем углу страницы имеется маленькая наклейка с латинской надписью «Permissiskem habentium»

(«Разрешение имеющие», т. е. вольнослушатели) (см.: *Дубшан Л. С.* Из московских лет Грибоедова // Материалы. С. 37).

В списке своекоштных студентов числятся также гувернер Грибоедова Б. И. Ион и Михаил Жуковский. Очевидно, это М. Г. Жуковский, который, будучи в 1826 г. адъютантом дежурного генерала Генерального штба А. Н. Потапова, оказывал важные услуги Грибоедову во время его заключения по делу декабристов.

В журнале «Вестник Европы» в 1811 г. была помещена следующая информация: «В нынешнем году записано в университет обучающихся студентов казенного содержания и своекоштных 215, кроме многих сторонних посетителей, слушающих лекции по дозволению г. ректора» (цит. по кн.: *Шевырев С.* История Московского университета... М., 1855. С. 412).

<Прошение об увольнении от военной службы>

20 декабря 1815

Автограф: РГВИА (Ф. 29. Оп. 4. Д. 26. С. 136).
Впервые опубликовано: Наше наследие. 1993. № 26. С. 61—63.
Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «К сему прошению <...> Александр Сергеев сын Грибоедов руку приложил».

В «Деле об увольнении от службы корнета Грибоедова» находятся также рапорт генерала А. С. Кологривова и копия формулярного списка Грибоедова:

«Рапорт генерала от кавалерии А. С. Кологривова
начальнику Главного штаба
Е. И. В. Князю П. М. Волконскому

24 декабря 1815 года

Милостивый Государь князь Петр Михайлович!

Находившийся при мне в должности адъютанта Иркутского гусарского полка корнет Грибоедов поданным ко мне на высочайшее Его Императорского Величества прошением объясняет, что от усилившейся болезни своей, жестоких ревматизмов в ногах и боли в груди от ушиба лошади чувствует себя к продолжению военной службы неспособным, почему и просит об увольнении от оной с определением к статским делам. Имея честь препроводить при сем в подлиннике прошение означенного корнета Грибоедова вместе с лекарским свидетельством и формулярным о службе его списком, поставляю долгом присовокупить при том, что он в продолжении формирования высочайше вверенных мне кавалерийских резервов, находясь при мне в должности адъютанта, исполнял как сию должность, так и прочие делаемые ему поручения с

особенным усердием, ревностию и деятельностью, за что и представлен от меня вместе с прочими чиновниками, оказавшими отличие при формировании кавалерийских резервов, к всемилостивейшему награждению, но получить оного еще не удостоился. А как он поступил в звание корнета из кандидатов прав Московского университета в прошлом 1812 году, при нашествии неприятеля, в то время, когда Его Императорское Величество соизволил сделать воззвание ко всему дворянству, почему как в уважение отличного усердия корнета Грибоедова, оказанного во время нахождения его в военной службе, равно и того, что он при воззвании для защиты отечества решился поступить в полк, формированный графом Салтыковым, в корнеты из кандидатов прав Московского университета, через что весьма много потерял против сверстников своих, оставшихся в ученом сословии, покорнейше прошу ваше сиятельство испросить у Его Императорского Величества при увольнении его, Грибоедова, от военной службы всемилостивейшего награждения чином коллежского асессора в сравнение со сверстниками его, которые уже почти все получили сей чин.

Имею честь быть с отличным почтением и преданностию Вашего Сиятельства покорнейший слуга Андрей Кологривов» (Наше наследие. 1993. № 26. С. 62—63).

Высочайшим приказом от 25 марта 1816 г. Грибоедов был уволен с прежним чином 12-го класса, т. е. кандидатом. Чин же коллежского асессора принадлежал 8-му классу.

24 декабря 1815 года.

Формулярный список о службе и достоинстве Иркутского гусарского полка корнета Грибоедова

Чин, Имя с Отчеством и Прозванием — Корнет Александр Сергеев сын Грибоедов.

Сколько от роду лет — 21.

Из какого состояния и буде из дворян, в которых губерниях и уездах, и сколько имеет мужеска полу душ и крестьян — Из дворян Владимирской губернии. За матерью его состоит в разных губерниях 1000 душ.

В службу вступил и в оной какими чинами происходил и когда — Поступил в кандидаты прав Московского университета 1810 июня 15, в корнеты в формируемый графом Салтыковым полк 1812 июля 24, утвержден высочайшим приказом 1813 августа 31 <...>.

Во время службы своей в походах и делах против неприятеля, где и когда был — Не бывал.

Российской грамоте читать, писать и другие науки знает ли — По-французски, по-немецки, по-аглицки, по-италиански и по-латыни, обоим правам, философии, математике, физике и прочие науки знает.

В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли в срок — Не бывал.

В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда — Не бывал.

Холост или женат и имеет ли детей — Холост.

В комплекте или сверх комплекта при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению, с которого времени — Находится при генерале от кавалерии Кологривове в должности адъютанта.

К повышению чина достоин или зачем именно не аттестуется — Достоин.

Генерал от кавалерии Кологривов» (Наше наследие. 1993. № 26. С. 63).

Таким образом, после присоединения полка, сформированного графом Салтыковым в 1812 г., к Иркутскому гусарскому полку корнет Грибоедов был внесен в списки последнего, но занимал в нем отнюдь не место адъютанта, как принято считать. Это подтверждает Список адъютантов и чиновников от 1 сентября 1814 г. (см.: *Свердлина С. В.* В военные годы // Материалы. С. 63—65; *Мясоедова Н. Е.* О Грибоедове и Пушкине. [Кострома], 1997. С. 6—11).

К этим документам следует отнести и следующий, публикуемый впервые, о выдаче паспорта А. С. Грибоедову:

«По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича Самодержца Всероссийского и прочая и прочая и прочая.

Объявитель сего, служащий в Иркутском Гусарском полку корнетом Александр Грибоедов, имеющий от роду [23] 22 года, из дворян, за матерью его состоит крестьян мужского пола 1000 душ, который в воинскую службу вступил Императорского Московского университета из кандидатов прав, в формировавшийся графом Салтыковым Московский Гусарский полк корнетом 1812 июля 26-го, по расформировании оного поступил в Иркутский Гусарский полк того же года декабря 17, находился при генерале от кавалерии Кологривове в должности адъютанта; в походах, домовых отпусках и штрафах не бывал, к повышению аттестовался достойным, а сего 1816 года марта 25 дня по Высочайшему Его Императорского Величества повелению за болезнию уволен от воинской службы, для определения к статским делам прежним статским чином, во свидетельство чего и дан ему сей пашпорт из Инспекторского Департамента Главного Штаба Его Императорского Величества с тем, чтобы он о сем его определении просил, где по законам следует.

С.-Петербург.
Мая 8 дня 1816 г.

Вице-директор генерал-майор
<подпись неразборчива>.
Начальник отделения военный советник
<подпись неразборчива>»
(АВПРИ. IV-5. Ф. Грибоедова. Д. 3. Л. 3—3 об.).

<Прошение о принятии на службу в Государственную Коллегию иностранных дел>

6 июня 1817

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РО. 1895. № 3. С. 385—386.
Печатается по первой публикации.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «К сему прошению <...> руку приложил».

Определение о принятии Грибоедова на службу в Коллегию иностранных дел состоялось 9 июня 1817 г.

Присяжный лист

11 июня 1817

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 828 (текст «клятвенного обещния»).

Печатается по: Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 827—828; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Изд. 2-е, переработанное. Т. 17. М., 1997. С. 679 (текст «клятвенного обещания»).

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Ведомства Государственной Коллегии <...> Александр Сергеев сын Грибоедов».

11 июня 1817 г. Грибоедов был приведен к присяге протоиереем Исаакиевского собора Михаилом Соколовым.

<Расписка в чтении указа Петра I>

11 июня 1817

Автограф: ИРЛИ (Ф. 244. Оп. 1. № 1624. Л. 45).

Впервые опубликовано: РС. 1887. № 1. С. 236 (подписи); ЛН. Т. 16—18. С. 345 (факсимиле).

Печатается по автографу.

Подпись Грибоедова поставлена на одном из листов переплетенной тетради под определением Коллегии иностранных дел от 5 марта 1744 г. о неразглашении служебных тайн и указом за подписью Петра I (копия от 13 февраля 1720 г.) «О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим, и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними». Текст указа см.: Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 6. 1720—1722. [СПб.], 1830. № 3518. С. 130—131.

После подписи Грибоедова — расписки Н. А. Корсакова, В. К. Кюхельбекера, князя А. М. Горчакова, С. Г. Ломоносова, А. С. Пушкина.

Доношение в Государственную Коллегию иностранных дел

25 июля 1818. Петербург

Автограф: АВПРИ (Ф. Администртивные дела (АД) II-23, 1818. Д. 1. Ч. 5. Л. 167).

Печатается впервые по автографу.

Вверху помета: «Под<ано> 25 июля 1818 г.».

В АВПРИ (Ф. АД I-1. 1818. Л. 148—149) хранится приказ от 6 июля 1818 г. о назначении С. И. Мазаровича поверенным в делах в Персии. Здесь же документы о назначении Грибоедова секретарем: «Мазарович считает нужным иметь при себе секретаря, знающего основательно российский и французский языки» (Л. 149); «Место секретаря может заступить служащий при Коллегии иностранных дел переводчик Грибоедов, имеющий все нужные к тому способности» (Л. 150 об.); указание К. В. Нессельроде о приказе Александра I от 6 июля 1818 г. о назначении Грибоедова секретарем (Л. 153).

Доношение в Государственную Коллегию иностранных дел

5 августа 1818. Петербург

Автограф неизвестен.

Впервые напечатано: РО. 1895. № 3. С. 383.

Печатается по первой публикации.

Вверху помета: «Подано 8 августа 1818 г.»

Представляя при сем полученный аттестат... — При поступлении А. С. Грибоедова на службу в Коллегию иностранных дел он должен был представить аттестат Московского университета на звание кандидата 12-го класса (см. ниже).

<Копия Аттестата Московского университета от 29 июня 1818>

Август 1818. Петербург

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РО. 1895. № 3. С. 383—385.

Печатается по первой публикации.

Копия аттестата Московского университета сделана самим А. С. Грибоедовым для представления в Коллегию иностранных дел. Аттестат по обычаю того времени написан на латинском языке.

Процедура получения кандидатской степени по Уставу 1804 г. (глава 9, § 99) была следующей: «Студент, требующий степени кандидата, является к декану, который, известив отделение, назначает день, в который должен он предстать собранию. Отделение чрез своего декана предлагает испытуемому задачи, касающиеся до наук, к отделению принадлежащих, которые он должен объяснить письменно. Потом производится устное испытание, состоящее в двух вопросах, относящихся до главной науки, в которой студент упражнялся, и выбранных по жребию. Сии вопросы решит он словесно. После чего присутствующие делают произвольное словесное испытание, не исключая и наук вспомогательных» (Полное собрание законов Российской Империи с 1649 г. Т. 28. [СПб.], 1830. С. 580).

<Прошение на Высочайшее имя об отпуске за границу для лечения>

Конец декабря 1823. Москва

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Ф. Грибоедова. Д. 3. Л. 6).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.768, Н. В. Шаломытова).

Впервые опубликовано: Заря Востока. 1962. 5 апреля. С. 4 (в сокращении); Хмелитский сборник. С. 348 (полностью).

Печатается по копии.

За границу Грибоедов, несмотря на полученное разрешение, не поехал, занятый окончанием работы над комедией «Горя от ума» и безуспешными хлопотами о ее публикации.

<Прошение на Высочайшее имя об отпуске за границу для лечения>

Январь 1824

Автограф: АВПРИ (Ф. 340, А. С. Грибоедова. Оп. 918. Д. 7-а. Л. 7).

Копия: ИРЛИ (Ф. 14.768, Н. В. Шаломытова).

Впервые опубликовано: Заря Востока. 1962. 5 апреля. С. 4 (в сокращении); Хмелитский сборник. С. 346—347 (полностью).

Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Коллежский асессор Александр Сергеев сын Грибоедов руку приложил».

В «Деле о службе статского советника Грибоедова» (АВПРИ. IV-I. 1822—1827—1830. № 4; копия: ИРЛИ (Ф. 14.768)) находится медицин-

ское свидетельство о болезни Грибоедова: «Дано сие находящемуся при Главноуправляющем по дипломатической части коллежскому асессору и кавалеру Александру Сергеевичу Грибоедову в том, что он действительно одержим ревматической болью в груди и кровохарканьем (Rheumotismus pectoros cum phnento non tagia) (фраза вписана другой рукой. — *Ред.*). От оной болезни пользовал и пользовать продолжаю я его г-на Грибоедова в удовлетворении чего и подписуюсь. Декабря 20 дня 1823 года. Медицины доктор профессор коллежский асессор и кавалер Василий Воробьевский» (Хмелитский сборник. С. 348—349).

ДОКУМЕНТЫ ИЗ ДЕЛА О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Допрос, отобранный от Грибоедова генерал-адъют<антом> Левашовым

11 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ГАРФ (Ф. 48. Оп. 1. Д. 174).

Впервые опубликовано: Щеголев (фототипически на архивной бумаге).

Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Коллежский асессор Александр Грибоедов».

На обложке «Дела» значится: «Грибоедов. Коллежский асессор, служащий по дипломатической части при Главноуправляющем в Грузии. На 24 листах».

Показания Грибоедова 11 февраля 1826 г. записаны генералом Левашовым. Его же рукой после записи показаний карандашом помечено: «Спросить у Адуевского». Ниже, также карандашом, но другой рукой записано: «Трубец<кой>, (21 ст<раница>) знает от Рылеева, что он принял Грибоедова?» (сбоку выставлена дата последней записи «24 февр.», т. е. в день допроса Грибоедова в Следственном комитете).

Следственное дело Грибоедова было впервые изучено и издано в 1905 г. П. Е. Щеголевым. В дальнейшем его проанализировала М. В. Нечкина (см.: *Нечкина М. В.* Следственное дело о А. С. Грибоедове. М.; Л., 1945).

Следственный комитет 26 декабря 1825 г. вынес решение «взять под арест» и «представить императорскому величеству» Грибоедова на основании показаний Трубецкого. Это решение на следующий день было утверждено Николаем I; приказ об аресте Грибоедова был подписан 2 января, однако фельдъегерь Уклонский выехал из Петербурга, по-видимому, не раньше чем неделю спустя (он прибыл в крепость Грозную 22 января; на обратный путь было затрачено 13 дней, с 30 января по

11 февраля, — см.: *Нечкина М. В.* Следственное дело о А. С. Грибоедове. С. 553—555, 567—568).

<Расписка на отношении № 76 Санкт-Петербургского коменданта генерал-адъютанта А. Д. Башуцкого>

13 февраля 1826. Петербург. Гауптвахта Главного штаба

Автограф: РГВИА (Ф. 36. Оп. 4 847. Св. 16. Д. 112. Л. 3).
Копия: ГИМ (Собр. Щукина. Ед. хр. А 819).
Впервые опубликовано: *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951. С. 492.
Печатается по автографу.

Этому документу предшествовали: 1) Записка В. В. Левашова А. Н. Потапову от 11 февраля 1826 г.: «Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что сего числа привезен из крепости Грозной коллежский асессор Грибоедов, который и отправлен к генерал-адъютанту Башуцкому для содержания под арестом на главной гаубвахте»; 2) Записка В. В. Левашова А. Н. Потапову от 12 февраля 1826 г.: «Государь Император приказать изволил коллежского ассесора Грибоедова поместить в штабе по примеру прочих. Генерал-адъютант Левашев. 12 февраля». На заметке помета: «Исполнено 12 февраля» (ЛН. Т. 60. С. 478, 494).

Очевидно, во время передачи Грибоедову вещей, доставленных из крепости Грозной, он взял и пакет с «опасными бумагами», о котором сохранились рассказы А. А. Жандра и С. Н. Бегичева: «Слух об аресте Грибоедова распространился <...> Через несколько дней после этого является ко мне (Дмитрий Илларионович. — *Ред.*) Алексеев, черниговский дворянин, приносит мне поклон от Грибоедова, с которым сидел вместе в Главном штабе, и пакет бумаг, приехавших из Грозной <...> Вот, со слов Степана Никитича (Бегичева. — *Ред.*), обстоятельство, которое вполне поясняет, каким образом пакет, бывший у курьера и уже составлявший, таким образом, казенную собственность, мог вдруг очутиться в руках самого Грибоедова. Курьер сдал и самого Грибоедова, и пакет караульному офицеру <...> Принявши пакет, он положил его на стол, вероятно, в караульной комнате, в которой в ту пору мог находиться и Алексеев, как человек уже свободный от всякого подозрения <...> Грибоедов подошел к столу, преспокойно взял пакет, как будто дело сделал, и отошел прочь» (Воспоминания 1980. С. 220—221. См. также: с. 378, 393—394). По весьма правдоподобному предположению А. И. Серкова, «снисходительность» штабс-капитана М. П. Родзянко (впоследствии генерал-майора, начальника 4-го округа корпуса жандармов) была вызвана тем, что он в свое время состоял вместе с Грибоедовым в масонской ложе Соединенных друзей (Д. И. Алексеев также был масоном).

<Прошение на высочайшее имя по освобождении из-под ареста>

19 февраля 1826. Петербург Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ГАРФ (Ф. 48. Оп. I. Д. 174. Л. 2—3).
Впервые опубликовано: Литературный вестник. 1903. № 2. С. 2.
Факсимильное воспроизведение: Щеголев; ПССП. Т. 3.
Печатается по автографу.

Вверху пометы чернилами А. А. Ивановского: «№ 662» и «19 февраля 1826 г.»; ниже — карандашная запись рукою И. И. Дибича: «Объявить, что этим тоном не пишут Государю и что он будет допрошен».

Обычно арестованных по делу декабристов в первый же день допрашивал сам император, о чем Грибоедов, несомненно, знал. Этим, по всей вероятнсти, и было вызвано решение Грибоедова написать Николаю I, с которым он встречался раньше (см. письмо к Бегичеву из Петербурга 10 июня 1824 г.).

Начальник, мною любимый — А. П. Ермолов. Он дал Грибоедову около двух часов для уничтожения компрометирующих документов. Сам Ермолов в отношении к И. И. Дибичу от 23 января 1826 г. под грифом «Секретно» излагал факты следующим образом: «Военный министр сообщил мне Высочайшую Государя Императора волю взять под арест служащего при мне к<оллежского> а<сессора> Грибоедова и под присмотром прислать в Санкт-Петербург прямо к Его Императорскому Величеству. — Исполнив сие, я имею честь препроводить Грибоедова к Вашему превосходительству. Он взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг; но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются, если же впоследствии могли бы быть отысканы оные, то я все таковые доставлю. — В заключение имею честь сообщить, что Грибоедов, во время служения его в миссии нашей при Персидском дворе и потом при мне, как в нравственности своей, так и в правилах не был замечен развратным и имеет весьма многие хорошие качества» (АКАК. Т. 6 (2). С. 765).

...был позван к генералу Левашову. — В. В. Левашов 11 февраля 1826 г. снял первый с допрос Грибоедова.

...чтобы слух о печальной моей участи ~ ума лишиться. — По свидетельству С. Н. Бегичева, сообщившего Настасье Федоровне об аресте сына, «она с обычной своей заносчивостью ругала Грибоедова: „карбонарий”, и то, и се, и десятое» (Воспоминания 1980. С. 209).

Ваша Августейшая родительница — вдовствующая императрица Мария Федоровна.

..лицом к лицу с моими обвинителями... — Очных ставок с Оболенским, Трубецким и Оржицким, заявившими в своих показаниях о принадлежности Грибоедова к тайному обществу, не было (см.: *Нечкина М. В.* Следственное дело А. С. Грибоедова. М., 1982).

<Вопросные пункты с ответами Грибоедова>

24 февраля 1826. Петербург
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ГАРФ (Ф. 48. Оп. 1. Д. 174).

Впервые опубликовано: Щеголев (фототипически на архивной бумаге).

Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Коллежский асессор Александр Грибоедов».

Сверху вопросных пунктов помета: «Читано 25 февраля».

...родился в 1790 году. — Последняя цифра может быть прочитана также как «6».

...в штрафах и подозрении не бывал. — Грибоедов намеренно не упоминает о следствии по делу о «дуэли четверых».

...учился правам, наукам математическим и языкам. — Грибоедов обошел молчанием свои занятия словесностью в Московском университете. Между тем математикой он в университете вовсе не занимался. По воспоминаниям Д. И. Завалишина, «сознавшись мне, что он не очень силен в математике, и зная, что я был преподавателем высшей математики и астрономии в морском корпусе, Грибоедов просил меня, чтоб я „от скуки" занялся с ним математикою» (Воспоминания 1980. С. 143). Занятия с Завалишиным длились недолго, так как уже 4 апреля 1826 г. он был переведен из Главного штаба в Петропавловскую крепость.

в, г, д, е, ж. — Объединяя вместе ответы на пять вопросов, Грибоедов обдуманно избегает изложения нежелательных подробностей.

...за три дня до моего отъезда приняли в Общество любителей русской словесности... — Грибоедов был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности 15 декабря 1824 г. (см.: Щеголев. С. 34), т. е. за пять месяцев до отъезда из Петербурга.

<Вопросные пункты Грибоедову с ответами>

15 марта 1826. Петербург.
Гауптвахта Главного штаба

Автограф: ГАРФ (Ф. 48. Оп. 1. Д. 174).

Впервые опубликовано: Щеголев (фототипически на архивной бумаге).

Печатается по автографу.

Текст — рукой писаря, подпись — автограф Грибоедова: «Коллежский асессор Грибоедов».

Вверху помета: «Читано 16 марта».

Я не знаком с Сухачевым... — Показания В. И. Сухачева (не имеющего отношения к тайным обществам) см.: Декабристы. М.; Л., 1926. С. 119—123.

<Записка, вложенная в отношение В. Полякова от 8 июня 1826 г. за № 4054 к дежурному генералу Главного штаба А. Н. Потапову>

7—8 июня 1826. Петербург

Автограф: РГВИА (Ф. 36. 1826—1828 гг. Оп. 4847. Св. 20. Д. 265. Л. 10).

Впервые опубликовано: ЛН. Т. 60. С. 481—482. Здесь же и другие документы об освобождении Грибоедова из-под ареста.

Печатается по автографу.

*...с января ** числа...* — Высочайший рескрипт был подписан 19 февраля 1822 г.

Надпись на Заемной расписке Н. И. Греча

5 июня 1828. Петербург

Автограф: ИРЛИ (Ф. 93. Оп. 3. Ед. хр. 377).

Впервые опубликовано: Летопись. С. 118.

Печатается по автографу.

Расписка хранится среди бумаг Ф. В. Булгарина. Возможно, этим распоряжением Грибоедов возвращал Булгарину занятые летом 1826 г. 3 тысячи рублей (см.: РС. 1905. № 12. С. 710).

ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГ

Конспект «Деяний Петра Великого, мудрого преобразителя России...» И. И. Голикова

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РСл. 1859. № 5. С. 55—59.

Печатается по первой публикации.

В письме к Бегичеву из Воронежа 18 сентября 1818 г. Грибоедов писал: «Один том Петровых акций у меня в бричке: и я зело на него и его колбасников сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное в Деяниях, пожалуй, напиши, я этим воспользуюсь...» Судя по указанию страниц в тексте заметок, у Грибоедова на руках была книга: [Голиков Иван]. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 1. М., 1778. Назначение выписок неизвестно: возможно, они были связаны с каким-то художественным замыслом о соперничестве с Петром Софии, опиравшейся на стрельцов, войско которых было ликвидировано Петром. На замысел такого рода, возможно, указывает итоговая заметка, венчающая выписки из книги Голикова, а также заметки, связанные с чтением «Древней Российской вивлиофики» и написанные уже несколько позже, в Персии.

Квитки. — Возможно, имеются в виду следующие сведения, изложенные на с. 36 «Деяний...»: «Наконец упомянем и о подати, возложенной монархом на упорствующих брить бороды, которые по непростительному суеверию почитали, как выше было показано, бритье оной за смертный грех; почему и подать сия не увеселяла, но опечаливала просвещенного и сожалеющего о их заблуждении монарха. А как сия с бородачей подать не касается до крестьянства и до всех тех, кои брили бороды, то и не может она числиться между государственными податями; ибо она от их воли зависела. А следственно и жаловавшиеся на оную упорные суеверы не стоили возражения».

Заметки при чтении «Древней Российской вивлиофики»

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РСл. 1859. № 5. С. 13—14.
Печатается по первой публикации.

Имеется в виду книга: Древняя Российская вивлиофика / Издание Н. Новикова. М., 1788—1791. Т. 1, 2.

Древн<яя> Вифл<иофика>, часть 20, стр. 164. Петр положил детям боярским жалованья ~ жалованьем сравнил. — «Петр Великий определил им жалованье, но установил, чтобы они половинным окладом против иностранных беспоместных довольствовались; но после сие отменено; а одну службу служащие жалованьем сравнены были. От чего фелдмаршал граф Миних всеобщую тогда получил похвалу» (Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Ч. 20. М., 1791. С. 164).

Ibid<em>, стр. 238. Говоря о стрельцах... — По поводу челобитной Акинфия Иванова сына Данилова, стрелецкого полковника, говорится, чтоб его «полковническая служба ... ни в попрек, ни в понос и не в уко-

ризну» была. В книге напечатаны и пометы Ф. Л. Шакловитого. «По пометам видно, что рассуждение двора с рассуждением челобитчиков несколько сходствовало. Такое войско, в коем презрительно было быть полковником, заслуживало, чтоб государь Петр Великий оное уничтожил» (Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России // Там же. С. 238).

Измена наших немецких офицеров ~ стр. 41. — На с. 41 3-й части этого нет.

...велел перевести Пуффендорфа... — Имеется в виду книга: Введение в Гисторию Европейскую чрез Самуила Пуффендорфия на немецком языце сложенное, та же чрез Иоанна Фридерика Крамера на латинский переложенное, ныне же повелением великого государя царя и великого князя Петра Первого, Всероссийского императора, на российский с латинского переведенное. СПб., 1718. Переведено иеромонахом префектом Гавриилом и посвящено государю.

<Двустишие о Петре Великом — нецензурное>. — Его пропустил при публикации Д. А. Смирнов, сделав примечание: «...то знаменитое двустишие о Петре Великом, которое знает пол-России, но привести которого здесь нельзя, по причинам, которые легко поймет читатель» (РСл. 1859. № 4. С. 14).

Заметки по исторической географии России

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РСл. 1859. № 5. С. 47—55.
Печатается по первой публикации.

Описывая состав «Черновой тетради» Грибоедова (см. о ней: Наст. изд. Т. 2. С. 382—383), Д. А. Смирнов замечал: «Desiderada — целая небольшая тетрадка заметок, относящихся исключительно к русской археологии в обширном смысле»; «Desiderada открыты нам „Черновой" не только случайно, но и кстати: действительно, они имеют близкую связь со всем путем Грибоедова в Крым и с самим путешествием его по Крыму (на это указывают № 12—28, относящиеся к Таврическому полуострову), стало быть, все эти заметки могли быть составлены или до путешествия, или во время его, по крайней мере по поводу его» (РСл. 1859. № 4. С. 11). Вполне очевидно, что заметки эти связаны с историческими замыслами Грибоедова, два из которых («Федор Рязанский» и «Владимир Великий») подтверждены свидетельствами современников. Готовясь в 1825 г. к путешествию к месту службы, через Украину и Крым, Грибоедов начал знакомиться с литературой по исторической географии России, намереваясь отчасти проверить некоторые почерпнутые из книг (или отсутствующие в них) сведения на месте, во время поездки. Несомненно и то, что заметки эти пополнялись и позже, уже на Кавказе и в Персии. Круг изданий, которые были в то время у Гри-

боедова под рукой, очерчен И. А. Шляпкиным (см.: ПССШ. Т. 1. С. 358). Это:

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб. Т. 1—3. 1816; Т. 4—8. 1817; Т. 9. 1821; Т. 10—11. 1824. 2-е изд.: Т. 1—11. СПб., 1818—1824. Последний, 12-й том вышел в 1829 г.;

Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжения. СПб., 1794;

Максимович, Щекатов. Словарь географический Российского государства: В 7 ч. М., 1801—1809;

Летопись русская с Воскресенского списка. СПб., 1793;

Herberstein. Rerum Moscovitarum commentarii (много изданий, см.: Catalogue des Russica. I. 1875. С. 526). Возможно, что Грибоедову была известна и книга: *Лобойко.* О важнейших изданиях Герберштейна, с критическим обозрением содержания. СПб., 1818;

Древняя Российская вивлиофика / Издание Н. Новикова. Т. 1, 2. М., 1788—1791;

Stritter. Memoriae populorum olim ad Danubium Pontum Euxinum etc. incolentium e scriptoribus historiae Byzantinae eutae et digestae. Petropoli, 1771—1779 (русский перевод: 1770—1775);

Falk. Beitrdge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. 3 Bd. SPb., 1785—1786.

Книга Большому Чертежу в списке 1627 г. СПб., 1792;

Gildenstädt. Reisen durch Russland und im caucasischen Gebirge. 2 Bd. SPb., 1787—1791 (Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из Гильденштедта / Сост. К. Герман. СПб., 1809);

Pallas. Reise in die sьdliche Statthalter des Russischen Reichs. Leipzig, 1799—1801. 4 Bd.;

Beauplan. Description d'Ukraini, qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne etc. Rouen, 1650, 1661;

Зуев В. Ф. Путешественные записки от Петербурга до Херсона. СПб., 1787;

Родословная книга князей и дворян российских, известная под названием Бархатной книги. М., 1787 (изд. Г. Миллер);

Елагин И. П. Опыт повествования о России. М., 1803;

Слово о полку Игореве (возможно, одно из трех изданий: первопечатное — 1800; издание Шишкова — СПб., 1805; переложение Пожарского — 1819);

Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.

7) Где отыскивать этот уезд Мстиславь ~ стр. 92? — Имеется в виду текст о разделе земель: «Уезд Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич, с месты как ся отступили князи Торусские Федору Святославичю...» («Договорная грамота великого князя Резанского Ольга Ивановича с великим князем Дмитрием Ивановичем, и братом его князем Володимером Андреевичем» // Древняя Российская вивлиофика. Изд. 2-е. Т. 1. М., 1788. С. 92).

Отдельные заметки

Автограф неизвестен.
Впервые опубликовано: РСл. 1859. № 5. С. 14, 55.
Печатается по первой публикации.

И. А. Шляпкин и Н. К. Пиксанов присоединили эти разрозненные заметки к предыдущим, касавшимся вопросов исторической географии. Однако данные заметки несколько отличаются по своей тематике. Большинство из них посвящено этимологии исторических наименований.

Варяги, русы. — Замечания Грибоедова о варягах и русах неверны. Первое наименование происходит от позднегреческого «bárangoi», восходящего к древнескандинавскому «vaeringjar» — норманские воины, служившие у византийских императоров. Относительно второго наименования в современной науке нет единого мнения, византийские историки «русью» называли варяжско-славянское войско (ср. в позднейшем стихотворении Пушкина «Олегов щит»: «Тогда со славу руси ратной / Строптиву греку в стыд и страх / Он пригвоздил свой щит булатный / На цареградских воротах»).

...от которых греки избавились посредством Ризы Влахернской Божией Матери. — Под 866 г. в «Повести временных лет» рассказывается о поражении под Константинополем русских дружин, предводительствуемых Аскольдом и Диром, когда греки вынесли с песнопениями ризу Богородицы из Влахернского храма и омочили ее в море. Возникшая вдруг буря разметала русские корабли, возвратились домой лишь немногие (см.: Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 19; перевод: с. 215). Н. М. Карамзин писал, что тогда «столица восточной Империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей, в первый раз с ужасом произнесла имя Россиян <...> Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с Агарянами. Узнав от Эпарха или Наместника Цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностию пробрался сквозь суда Российские, и не смея отразить их силою, ожидал спасения от чуда. Оно совершилось, по сказанию Византийских Летописцев. В славной церкви Влахернской <...> хранилася так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря; рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 96).

Патриарх Фотий в своем окружном послании говорит, что они потом сделались кроткими христианами... — «Нестор согласно с Византийскими Историками описывает сей случай; но некоторые из них прибавляют, что язычники Российские, устрашенные Небесным гневом, немедленно отправили Послов в Константинополь, и требовали святого крещения. Окружная грамота Патриарха Фотия, писанная в исходе 866

года к Восточным Епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия. „Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов соседственных, и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и Священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому"» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. С. 96—97. Курсив Н. М. Карамзина).

Не славяне, а словене, — противоположность немцам. — Этимология имени славян от слава восходит к М. В. Ломоносову. Ср. в его «Древней Российской истории...»: «Признаки древнего имени славянского явствуют, во-первых, у Птоломея под названием ставан. Свойство греческого и латинского языка не позволяет, чтобы они выговорить могли славян имя. Ради того прежде ставанами, после склаванами и сфлаванами называли <...> По именам государей и героев своих народ прежде внутрь пределов назывался, потом славою дел утвердил себе славное имя, которое хотя поздно по свету распространилось, однако внутрь было давно в употреблении» (*Ломоносов М. В.* Избр. произведения. М., 1986. Т. 2. С. 57—58). Ср. позднейшие догадки О. И. Сенковского: «То же слово *человек* в других диалектах произносится *человек, цловек, жловек, шловек, словек, човик, човак* и проч. Оно, очевидно, есть не что иное, как „Словак" или „Шловак"; очевидно, происходит от корня „*слово*", и значит „лице, говорящее *словом*, знающее *слово*, говор, разговор, народный язык племен" <...> составляя противоположность с речением *Немец*, то есть лицом, не знающим слова, не умеющим объясняться внятно, немым» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 3. С. 19—20). Ср. также в «Горе от ума»:

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев

(Наст. изд. Т. 1. С. 96).

Татищ<ев> — книга: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. СПб., 1768.

Излишняя точность в стопосложении... — Возможно, эта заметка восходит к чтению «Истории поэзии и красноречия» Фр. Бутервека (Геттинген, 1803). Ср. в рецензии на эту книгу в издаваемых И. Буле «Московских ученых ведомостях»: «Не можно упомянуть здесь о всех интересных нам замечаниях, рассеянных в сочинении г. Бутервека и относящихся к образованию новейшей поэзии; например, ко введению рифмы, которую древние поэты не знали, и к пренебрежению меры слогов, которая свойственна и необходима была для поэзии греков и римлян» (1805. № 9. С. 68). У Бутервека сказано: «С конца тринадцатого и до конца пятнадцатого века <в поэзии> господствовал, в качестве своеобразного возмещения понесенных убытков, повтор слогов или рифма. Прелесть ожидания возвращающегося звука неизбежно обостряла внимание. Насколько противен был сей способ заинтересовывать публику

греческому вкусу, настолько же желанен и приятен он оказался вкусу новому, который, надо сказать, был тоже привнесен немецкими завоевателями. Не разнообразие различимых форм новых языков, а особое удовольствие, которое немцы получали, внимая звукам эха в своих родных лесах, было причиной того, что везде, где бы они ни появлялись, рифмование превращалось в поэтическую потребность. Иначе как объяснить то, что даже латыни Средневековье навязало рифму? Требования вкуса завоевателей не вызывали никакого протеста со стороны побежденных. В конечном счете, романские языки, как и все прочие языки, которые так и не сумели, и никогда уже не сумеют развить в себе свободу греческого ритма, от этого только выиграли. Трудность определения метрического количества общей массы слогов заставляла искать такой признак, который мог бы быть надежным подспорьем для слуха. Таким признаком и стала рифма. Теперь слух воспринимал отдельные отрезки стихов. Слушатель избавлялся от необходимости погружаться в собственные ощущения в поисках тонких связей между предметами. Рифмованная поэзия была гораздо более удобной поэзией, если не для самих поэтов, то во всяком случае для публики. Народ отдавал ей явное предпочтение, не слишком прислушиваясь к негодующему возмущению ученых, и народ был по-своему прав, ибо новые языки волею судеб оказались не похожи на латинский и греческий языки, а экзотическая поэзия оказалась не в состоянии заменить естественность и тепло поэзии национальной. Итальянский язык, наравне с испанским, был неотъемлемой частью жанров „романцо", которые еще как-то могли обходиться без рифмы. Никогда ни один итальянец не говорил без акцента, как это называют французы, которые в произвольном обхождении с количеством слогов находили свою особую прелесть и потому относили стихи без рифмы только к сфере ученых абстракций. Однако, все древнейшие образцы итальянской поэзии имеют рифму. Различные вариации в местоположении рифмы позволяли произвести разграничение отдельных стихотворных форм, подобно тому, как когда-то в греческой поэзии производилось подобное разделение в зависимости от сочетания разных стоп. При этом в сущности не было никакой другой поэзии, кроме лирической. Но даже она ограничивалась при этом любовными песнями, которые в большинстве своем звучали весьма монотонно. Отсюда то характерное для эпохи поэтической нищеты рвение, с каким поэты принялись оттачивать внешнюю форму богатой рифмами композиции. Было произведено строгое разграничение между сонетами, балладами и канцонами. Все эти формы, сообразно тогдашним представлениям о различных видах поэзии, были ни чем иным, как разными способами версификации. Содержание и интонация были во всех случаях одинаковыми. Основной состав искусно зарифмованных между собою строк называли стансами. Для редких стихотворений, имевших по содержанию и общей тональности дидактическую или повествовательную направленность, выбиралась terze rime или catena (цепочка рифм), посредством которых можно было, и не прибегая к стансам, рифмовать строки друг с другом. Этот вид стихов назывался „сервентефи" (serventefi. — *Ред.*) по аналогии с близкими им провансальскими „serventas". Что касается особых законов, которым подчиня-

лись все эти разные формы рифм, то здесь царил скорее разнобой. Даже сонет мог позволить себе выбиться из обычной рамки четырнадцатистишия или пренебречь двумя-тремя рифмами. Для разнообразных фокусов с рифмами, принуждавших поэтов повторять в каждой следующей строфе рифмы первой, более всего подходили стансы-шестистишия или сестины. Относительно того, были ли известны в это время стансы из восьми стихов <ottava rima>, сведения отсутствуют» (*Buterweck Fr.* Geschichte der italienischen Poesie und Berdsamke. Göttingen, 1801. S. 51—53).

На трагедии «Макбет» Шекспира в переводе П. А. Корсакова

Автограф: ГАРФ (Ф. 728, Зимний дворец. Оп. 1. Кн. 2. Ед. хр. 1030. Л. 1).

Впервые: *Цымбал Е. В.* Из Архива внешней политики России // Хмелитский сборник. С. 333—334.

Печатается по автографу.

Автограф на листе бумаги, вырезанном из рукописи. На обороте помета П. А. Корсакова: «Отрезано от 5-го действия трагедии моей „Макбет", переписанного рукою покойного А. С. Грибоедова».

Грибоедов, вероятно, познакомился с Корсаковым в 1815—1816 гг. в Петербурге, когда он много времени проводил в театрах и литературно-журнальных кругах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Туркманчайский мирный договор между Россией и Ираном

10 февраля 1828. Туркманчай

Автограф: АВПРИ (Ф. «Трактаты». Оп. 3. Д. 1028. Л. 4—20).

Впервые опубликовано: Полное собрание законов Российской Империи. Т. 3. СПб., 1828. № 1794. С. 125—130.

Печатается по: Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 314—324.

Договор 1828 г. между Россией и Ираном завершил русско-иранскую войну 1826—1828 гг. Одновременно с мирным договором в Туркманчае был подписан «Акт о торговле» и «Протокол о церемониале» для российских дипломатических представителей в Персии и персидских в России. В Туркманчае были подписаны также секретные дополнительные статьи, названные в основном тексте мирного договора в общей форме дополнительным договором.

Наиб султан — Аббас-мирза.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивохранилища

АВПРИ	— Архив внешней политики Российской империи (Коллекция документальных материалов чиновников МИД). Москва.
АРАН	— Архив Российской Академии наук. С.-Петербург.
ВМП	— Всероссийский Музей А. С. Пушкина. С.-Петербург.
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации. Москва.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГЛМ	— Государственный литературный музей. Москва.
ГТБ	— Государственная Театральная библиотека им. А. В. Луначарского. С.-Петербург.
ГЦТМ	— Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина. Москва.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. С.-Петербург.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов. Москва.
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.
РГБ	— Российская государственная библиотека. Москва.
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив. Москва.
РГИА	— Российский государственный исторический архив. С.-Петербург.
РНБ	— Российская национальная библиотека. С.-Петербург.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив. Москва.
ЦГИА Грузии	— Центральный государственный исторический архив Грузии. Тбилиси.
ЦГИАМ	— Центральный государственный исторический архив г. Москвы.

Печатные источники

АКАК	— Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878.
Арапов	— Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.

Беседы в ОЛРС — Беседы в Обществе любителей российской словесности.

Библ. для чт. — Библиотека для чтения.

ВЛ — Вопросы литературы.

Воспоминания 1980 — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Сост., вступ. статья, подгот. текста С. А. Фомичева; Ред. В. Э. Вацуро; Коммент. П. С. Краснова. М.: Худож. литература, 1980.

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии.

Грибоедов 1940 — *Грибоедов А. С.* Сочинения / Ред. Вл. Орлова. Л.: Гослитиздат, 1940.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. СПб., 1863—1866.

Ениколопов — *Ениколопов И.* Грибоедов: Путевые заметки. Записная книга. Тифлис, 1920.

ИВ — Исторический вестник.

Костелло — *Costello D. P.* Griboedov in Persia in 1820: Two Diplomatic Notes // Oxford Slavonic Papers. Vol. 5. Oxford, 1954. P. 81—92.

Летопись — *Пиксанов Н. К.* Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. 1791—1829. М., 2000.

ЛН — Литературное наследство.

Материалы — Материалы — А. С. Грибоедов. Материалы к биографии: Сб. науч. трудов / Отв. ред. С. А. Фомичев. Л.: Наука, 1989.

МТ — Московский телеграф.

Ост. арх. — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. 1—4 / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. 5. Вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.

Письма к Бегичеву — Письма Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к С. Н. Бегичеву / Изд. ОЛРС при Имп. Московском университете. М., 1860.

Письма Катенина Бахтину — Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину: (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века). Пб., 1911.

Попова — *Попова О. А.* С. Грибоедов в Персии. М., 1929.

Проблемы творчества — Проблемы творчества А. С. Грибоедова / Отв. ред. С. А. Фомичев. Смоленск: ТРАСТИМАКОМ. 1994.

ПССП — *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина. Т. 1—3. СПб., Пг.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. Академии наук, 1911—1917 (Академическая б-ка русских писателей. Вып. 7, 8, 9).

ПССШ — Полное собрание сочинений А. С. Грибоедова / Под ред. <...> И. А. Шляпкина. Т. 1—2. СПб., 1889.

Пушкин	— *Пушкин.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. I—XVI.
РА	— Русский архив.
РВ	— Русский вестник.
РЛ	— Русская литература.
РО	— Русское обозрение.
PC	— Русская старина.
Рсл	— Русское слово.
СА	— Северный архив.
Сб. ОЛРС	— Сборник Общества любителей российской словесности.
СО	— Сын отечества.
СП	— Северная пчела.
Хмелитский сборник	— А. С. Грибоедов: Хмелитский сборник / Отв. ред. С. А. Фомичев. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 1998.
Хмелитский сборник. Вып. 2	— Грибоедов и Пушкин: Хмелитский сборник. Вып. 2 / Отв. ред. С. А. Фомичев. Смоленск: СГПУ, 2000.
Черн. тетр.	— Черновая тетрадь с автографами Грибоедова, опубликованная Д. А. Смирновым в журнале «Русское слово» (1859, № 4, 5), затем утраченная.
ЧОИДР	— Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете.
Шостакович	— *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960.
Щеголев	— *Щеголев П. Е.* А. С. Грибоедов и декабристы (По архивным материалам). С приложением факсимиле дела о Грибоедове. СПб., 1905.
Щук. сб.	— Щукинский сборник. Вып. 9. М., 1910.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ИНОЯЗЫЧНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ПОНЯТИЙ[1]

Абадзехи (абазехи) — одно из адыгейских племен.

Абаз — монета, ходившая в Персии и на Кавказе; мера веса, употребляемая в Персии для взвешивания жемчуга, равнялась 0,1458 г.

Аббасабад (Аббас-Абад) — персидская крепость на левом берегу Аракса, построенная при Аббас-мирзе, взятая русскими войсками 7 июля 1827 г.

Абдериты — жители г. Абдеры в древней Фракии.

Абхар (Аблар) — речка, на которой между городами Султанийа и Казвин расположено селение (ныне город) Абхар (Абгар).

Авлабарское предместье — предместье в Тифлисе на южном берегу Куры, в 1820-е гг. застроенное саклями. Оно называлось также Кахетинской стороной, так как здесь был выезд на Кахетинскую дорогу.

Автафа — приток р. Куры.

Ага — господин, начальник.

Агармыш (Агер-мыш) — гора в Восточном Крыму.

Агач — мера длины, равная примерно 6 верстам.

Агер-мыш — см. Агармыш

Адалары — скалы в море возле Гурзуфа.

Азербайджан (Адербиджан, Адзербидзан, Азербежан, Азербейджан, Адербеджан) — северо-западная часть древней Мидии, провинция, граничившая на севере вдоль р. Аракс с Арменией, Карабахом, Албанией (Арран) и Талышем, на востоке с Каспием и Гиляном.

Азис — предместье Бахчисарая, ныне находится в черте города.

Ай-Даг (тюрк.: святой) (Ай-Дак) — см. Святая гора

Аил — селение.

Ай-Тодор — мыс в Крыму между Гурзуфом и Ялтой, на котором находится маяк.

Акафист (*греч.*: неседален) — молитвенно-хвалебное песнопение; церковная служба, во время которой молящиеся стоят.

Акзибеюк (Акзибегок) — гора в Борчалинском уезде на пути к Джелал-оглы.

Ак-Мечеть (Ахмечет) (*татарск.*: Белая мечеть) — название старой части Симферополя.

Акхенд (Ахенд) (*татарск.:* Белое селение) — селение на дороге между Зенджаном и Миана.

Акушинцы — представители лезгинского племени акуша в Дагестане.

Алагез — высочайшая гора Малого Кавказа в Армении близ Гумри.

Алазань — река, берущая начало в горах Кавказа и текущая по Кахетинской долине.

Алгети (Алгетла) — река в Грузии в восточных отрогах Триалетского хребта.

---

[1] Переводы с персидского языка даются здесь без специального обозначения.

Александрополь — см. Гюмри
Алеп, Алеппо — см. Халеб
Алинджи — река.
Алиды (алиты) — потомки имама Али ибн Аби Талиба; сторонники потомков имама Али ибн Аби Талиба, боровшиеся за их кровородственное право на власть в арабском Халифате.
Алупка — большая татарская деревня на южном берегу Крыма, ныне город-курорт.
Алустон — развалины древней крепости, на месте которого находится город Алушта.
Алушта — селение на месте древнего города с крепостью Алустон на водоразделе между южным и восточным побережьем Крыма, ныне город-курорт.
Альвар — селение близ Табриза.
Альма — река в западной части Крыма.
Амамлы — селение и станция на тракте от Тифлиса в Александрополь.
Ананури (Ананур) — крепость в Душетском уезде на Военно-Грузинской дороге в 60 верстах от Тифлиса, архитектурный памятник XVI—XVII вв.
Анапа — город на Черном море, взят русскими войсками 12 июня 1828 г., присоединен к России по Адрианопольскому трактату в 1829 г.
Ангарская долина — долина в Крыму, на которой расположена деревня Ангар.
Андреевская, Эндери — селение на Кумеской плоскости на р. Акташе возле крепости Внезапной, построенной А. П. Ермоловым в 1819 г.
Арагви (Арагва) — река в Закавказье, левый приток Куры.
Аракс — правый приток Куры, вторая по величине (после Куры) река Закавказья, на большом протяжении (около 300 верст) была границей между Россией и Персией.
Арарат — потухший вулкан на Армянском нагорье в Турции, вблизи границы с Ираном. Состоит из двух конусов: Большой Арарат, покрытый снежной шапкой с ледниками, и Малый Арарат.
Аргадан — город и крепость.
Ардебиль — укрепленный город в северо-восточной провинции исторического Азербайджана на р. Кара-су; во время русско-иранской войны 1826—1828 гг. город был взят русскими, но по Туркманчайскому договору возвращен Персии.
Арзрум — см. Эрзерум
Арпа-чай — приток Аракса.
Артек (*татарск.:* перепелка) — имение графа Г. Ф. Олизара на берегу Черного моря у западного подножия Аю-Дага, близ Гурзуфа. С 1925 г. — международный пионерский лагерь.
Асландуз — брод через р. Аракс, при котором 19 октября 1812 г. был разбит 30-тысячный корпус Аббас-мирзы.
Астара — возвышенность, урочище и город в Азербайджане при впадении р. Астара-чай в Каспийское море, граница между Ираном и Россией.
Астрабад — историческая провинция и город в северо-восточной Персии в 15 километрах от юго-восточной оконечности Каспийского моря; портом ему служил город Гяз.
Аутка — деревня близ Ялты.
Ахалкалаки — город и крепость в Грузии, на р. Ахалкалаки.
Ахалцих — город и крепость на притоке Куры Поцхов-чай.
Ахенд — см. Акхенд
Ахмечет — см. Ак-Мечеть
Ахтуба — левый рукав нижней Волги при впадении ее в Каспийское море, отходит от нее в 21 км выше Царицына (ныне Волгоград).
Ацхур — город и крепость.

Аштараки (Аштарак) — селение в Армении в 15 км от Эривани.

Аюдаг (*татарск.*: Медведь-гора) — гора, спускающаяся к морю тремя каменными мысами, на Южном берегу Крыма, в 2,5 км от Гурзуфа.

Аянь (ныне Родниково) — большая татарская деревня у подножия Чатыр-Дага неподалеку от истока р. Салгир.

Багдад — столица Ирака, основанная в 762 г. на р. Тигр.

Базабдал (Безобдал) — Базабдальский хребет с перевалом высотой 2528 м.

Байазит (Баязет) — город и крепость, столица одного из шести пашалыков (областей), составляющих Турецкую Армению. Город был взят во время летней кампании 1828 г. отрядом Отдельного Кавказского корпуса под командованием генерал-лейтенанта князя А. Г. Чавчавадзе.

Байдарская долина — долина на западном плоскогорье Крымских гор, защищенная со всех сторон горами.

Байдарские горы — горы, окружающие Байдарскую долину.

Байрам (бейрам, бехрам) — праздник. Этим словом отмечают два праздника: курбан-байрам (праздник жертвоприношения в связи с завершением комплекса обрядов паломничества в святые места — Мекку и Медину; этот праздник считается большим байрамом) и рамадан-байрам (разговение в связи с завершением мусульманского поста, длящегося в течение всего девятого месяца рамадана мусульманского лунного года; этот праздник называется малым байрамом).

Балаган (булаган) — временное сооружение, сарай, навес.

Балаклава — город на западном берегу Крыма неподалеку от Севастополя.

Балки — пригород Севастополя в районе Черной речки.

Балбасцы — горное племя в Персии.

Бамбак (*тюрк.*: памбук, *перс.*: памбе) — хлопок.

Бамбахская долина — долина на возвышенности, входила в Памбахскую дистанцию Грузии.

Бандар-е Бошир (Бендер-Бушир, ныне Бушер) — иранский город-порт на берегу Персидского залива.

Басра — иракский порт на р. Шатт-эль-Араб, доступный для океанских судов.

Бахчисарай (*татарск.*: Город Садов) — город в ущелье вдоль речки Чурук-су, столица Крымского ханства и резиденция крымских ханов.

Башкечет — селение в Эриванской губернии.

Башлы — крепость и селение на р. Башлы-Озень в Дагестане, населенное лезгинами.

Баязет — см. Байазит

Беглербек (тюрк.: бек беков, верховный бек) — титул, обозначающий в Персии генерал-губернатора, главного областного начальника, управляющего провинцией, округом.

Безобдал — см. Базабдал

Бейрам — см. байрам

Бек — глава племени, правитель области; уважительное слово при обращении.

Бельбек (*татарск.*: хребет) — речка в Инкерманской долине, текущая в узкой лощине с одноименной деревней, впадает в море севернее Севастополя.

Бендер-Бушир — см. Бандар-е Бошир

Беотия (Виотия) — провинция Древней Греции.

Берды (Берда) — селение на р. Тертер, недалеко от впадения ее в Куру; в древности здесь находился главный город Албании — «великой Партав», описанный в «Искандар-наме» Низами Ганджави (ум. 1209 г.).

Бехрам — см. байрам
Бешмы (*татарск.*: Пять Жилищ) — деревня неподалеку от Алушты.
Бимбаши (*тюрк.*: мин-баши) — тысячники, военная должность.
Бичё (*перс.*: баче) — мальчик, слуга.
Бодец — шпора, острие на задней части стремени.
Боруджерд (Бурунджир) — город в персидской провинции Ирак-е Аджам, столица одноименного округа.
Буза — хмельной напиток, род браги.
Бузан — левый рукав Волги при впадении ее в Каспийское море.
Булаган — см. балаган
Буюк Джанкой (*татарск.*: Большой Джанкой) — татарская деревня в 7 верстах к западу от дороги Симферополь—Алушта.

Вазир (визирь) — в эпоху династии Каджаров должностной чиновник высокого ранга, который осуществлял контроль над финансами государства, шахского двора и армии. Он подчинялся только великому вазиру (садр-и азам или вазир-и азам).
Вали — титул, соответствующий званию наместника, один из почетнейших в Персии; он жаловался крупнейшим феодалам страны, а также царю Грузии, когда она была под властью Ирана, ханам Хузистана, Луристана, Курдистана и Гиляна.
Ван — озеро в восточной Турции.
Варна — город на востоке Болгарии, на Черном море.
Ведичай — приток Аракса.
Визирь — см. вазир
Виотия — см. Беотия
Владикавказ — военное поселение (город с 1871 г.) у подножья Черных гор недалеко от выхода Терека из ущелья.
Волчьи ворота — перевал через гору Акзибеюк на высоте 1771 м.
Выдубец — урочище близ Выдубецкого монастыря на берегу Днепра, немного ниже Киева.

Ганджа — см. Гянджа
Гаргары (Гаргар) — первое селение в Персии за р. Аракс.
Гаретубань — см. Каратубань
Гарнычай — см. Горны-чай
Гартвис — см. Хыртыс
Гарусса (Гюруса) — административный центр на р. Гирюс-чай, находящийся между Нахичеванью и Шушой.
Гаспри (Гаспра) — селение на южном берегу Крыма между Ялтой и Алупкой.
Генуэзский замок — крепость в Судаке.
Георгиевский (Георгиевск, Георгиевская) — город (станица) в Ставропольском крае на р. Подкумок.
Гераклеева (Ираклиева) гора — гора в окрестностях Эривани.
Гергеры — армянское селение, в котором находился казачий пост, у горы Базабдал.
Герольдия — департамент Сената, удостоверяющий права состояния, титулы.
Гилян (Гилань, Гильян) — персидская историческая провинция, часть древней Гирканской области, лежит вдоль юго-западного берега Каспийского моря. Провинция была завоевана Петром I в числе других персидских областей и присоединена к России в 1722 г., а в 1737 г. опять уступлена Персии.
Горзувита — скала на южном берегу Крыма возле деревни Гурзуф.

Горны-чай (Гарнычай) — левый приток р. Занги.

Готтентоты — племя Южной Африки.

Гуд-гора — высшая точка Крестового перевала.

Гумри — см. Гюмри

Гурия — Грузинская провинция, находилась у юго-восточного угла Черного моря.

Гурзуф (Юрзуф) — деревня на южном берегу Крыма.

Гюлистан (*перс.*: сад роз) — сборник притчей персидского поэта Мушриф ад-Дина Саади. По этому сочинению учились читать и писать по-персидски в начальных школах Ближнего и Среднего востока и Индии.

Гюмри (Гумри, Гумры), в 1840—1924 гг. — Александрополь, в 1924—1991 гг. — Ленинакан, город в Армении.

Гюруса — см. Гарусса

Гянджа (Ганджа, в 1804—1918 гг. — Елизаветполь, в 1935—1989 гг. — Кировобад) — азербайджанский город на р. Гянджа-чай, взятый русскими войсками в 1803 г.

Даваменд (Демавенд) — высочайшая гора в Персии к северо-востоку от Тегерана.

Даданиурт (Дадаюрт) — чеченский аул на р. Терек.

Дамаск — столица Сирии.

Даралагез — хребет в Закавказье.

Дарбаз (*перс.*) — главная и самая большая комната в доме, зал, который освещается сверху через конусообразное отверстие в потолке.

Дарьяльское ущелье (*тюрк.*: Дари-Алан — Аланские ворота) — самая узкая теснина Терека, в месте пересечения им Скалистого хребта. По ущелью проходит Военно-Грузинская дорога.

Девалу (Девелу) — горы, состоящие из отдельных утесов, и азербайджанское селение, через которое шла дорога на Нахичевань, а также название клана племени Каджар.

Дей-Карган — см. Деххваркан

Демавенд — см. Давамен

Демерджи (Темирджи) (*татарск.*: Кузнец-гора) — гора в северной части Крымской гряды, называемая еще Екатерин-горой, т. к. ее выступ напоминает профиль императрицы, речка и деревня (ныне Лучистое) у подножия горы.

Демунчихассанлу — см. Демурчихасанлы

Демурчизам — см. Демурчихасанлы

Демурчихасанлы (Демунчихассанлу, Демурчизам) — вторая почтовая станция по дороге из Тифлиса в Эривань.

Дервиш — странствующий мусульманский мистик.

Дерекой — татарская деревня возле Ялты на берегу одноименной речки, ныне в черте города.

Деххварган (Дей-Карган) — персидское местечко, в котором велись мирные переговоры России с Ираном в 1827 г.

Джангитау (Джангутай) — вершина в центральной части Б. Кавказа.

Джангутай — см. Джангитау

Джанкой (Джанской) — город в Крыму.

Джейран — вид антилопы или газели, водится в Персии и Средней Азии.

Джинн — в восточной мифологии злой дух, нечистая сила.

Диадит — крепость.

Диарбекир — город в северном Ираке. Во времена Грибоедова — в Оттоманской империи.

Диван — государственная канцелярия, высший государственный орган страны, правительство.
Дилижанское ущелье — ущелье в горах Армении.
Драгоман — переводчик.
Дуван-Кой (ныне Верхне-Садовое) — татарская деревня к востоку от Севастополя.
Дуст — друг.
Душети (Душет) — уездный город Тифлисской губернии, неподалеку от Мухети.

Евфрат — река в Турции, Сирии и Ираке. Соединяясь с Тигром, образует р. Шатт-эль-араб, впадающую в Персидский залив.
Елизаветполь — см. Гянджа
Елизаветпольский округ — провинция, образовавшаяся из Гянджинского и Карабахского ханств после подписания Туркманчайского мира в феврале 1828 г.
Ереван — см. Эривань

Заде — урожденный (ая), сын или дочь.
Занган — см. Зенджан
Занги (Занга)— река в Армении.
Зенджан (Занган) — город на северо-западе Ирана.
Зензелей (Зензили) — см. Эндзели
Зинзилин — см. Эндзели
Змеиная гора — см. Илан-даг
Зуя — деревня к востоку от Симферополя.

Иавер (*перс.*: йавар) — адъютант, помощник.
Иасскул (возможно, от *тюрк.-монг.*: йасавул) — нарочный; охранник, караульный.
Иберия (Иверия) — античное и византийское название Восточной Грузии.
Ижоры — первая почтовая станция от Петербурга.
Изад (Эйзед) — Господь.
Иландаг (*тюрк.*: Змеиная гора) — гора близ Нахичевани, получившая свое название по множеству змей, которые гнездятся около нее.
Имеретия — историческая область в западной Грузии с центром в г. Кутаиси, вошла в состав России после того, как 3 сентября 1810 г. имеретинский царь Соломон был разбит русскими войсками и покинул страну.
Инкерман (*татарск.*: Пещерный город; ныне Белокаменск) — город севернее Севастополя с крепостью, стоящей на горе, на которой в первые века н. э. во множестве пещер селились сосланные из Римской империи христиане.
Иоры (Иора) — река в Кахетии, приток Куры.
Иосафатова долина — долина в Крыму неподалеку от Бахчисарая, в которой находилось кладбище караимов.
Испагань — см. Исфахан
Истикбал — почетная встреча, когда выходят навстречу гостю.
Истису — река в Талышском ханстве.
Исфахан (Испагань) — город в центральном Иране, столица государства сефевидов в XVII—XVIII вв.; во времена Грибоедова административный центр одноименной исторической провинции.
Ишикагаси (Эшик-Агаси) — церемониймейстер двора.

Йезд — город в провинции Ирак-е Аджаги, славился своими шелковыми изделиями.

Кабала (кебеле) — купчая крепость, документ на право собственности.

Каденция (от лат. — падаю, оканчиваюсь) — 1) гармонический или мелодический оборот, завершающий музыкальное построение; 2) виртуозный сольный эпизод в инструментальном концерте.

Каджары — конфедерация тюркских племен с общим названием каджар. Они появились в собственно Иране в XIII в. Астрабадская (или горганская) ветвь этого объединения дала начало одноименной династии персидских шахов (1796—1925).

Каджа-Сала — см. Ходжа-Сала

Кадикой — греческая деревня в 3-х верстах от Балаклавы, ныне Пригородное.

Каее-Каджар (возможно,Ках-е Каджар или Кале-йе Каджар) — видимо, какой-то шахский дворец вблизи Тегерана.

Казанчи (Казанче) — селение, лежащее между Нахичеванью и Шушой.

Казбек — вершина в центральной части Б. Кавказа и селение, получившие название по имени грузинского военачальника, род которого управлял этой местностью.

Казвин (Казбин, Касбин) — город на главной дороге от Тегерана к Табризу, расположен строго на запад от столицы Ирана. С 1554 по 1599 гг. служил официальной столицей династии Сефевидов.

Кази — мусульманский судья, назначаемый правителем и отправляющий пра-восудие на основе шариата.

Каим-е макам (каим-макам, кайм-макам, каймакам) — пост как помощника первого министра центрального правительства, так и главного министра при наследнике престола; должности, установленные специально для мир-зы Иса Фарахани в 1805 г.

Каймак — топленые до густоты сливки с пенками.

Кале (*араб.*: крепость) — название той части Тифлиса, которая находилась внутри окружавших город стен, ныне она называется «старый город».

Калиф — см. халиф

Кальвар — см. харвар

Кальян — курительный прибор.

Кальянчи — мальчик, подающий кальян.

Камбилеевка (Кумбалеевка) — приток Терека.

Каменка — речка возле крепости Джелал-Оглы.

Каменный мост — укрепление на р. Малке

Карабаба — местечко близ Нахичевани.

Карабаг — см.: Карабахское ханство

Карабахское ханство (Карабаг) — государство в междуречье Аракса и Куры (в Закавказье), находившееся под властью Персии. С 1805 г. в составе России.

Караван-сарай — трактир, харчевня на пути следования каравана; место отдыха.

Карагач — урочище неподалеку от Судака по Алуштинскому шоссе; селение на берегу Альмы.

Карадаг (*татарск.*: Черная гора) — вулканический массив возле деревни Коктебель на восточном побережье Крыма.

Каразиадин — крупное селение в Хойском уезде, в двух километрах от тракта Шуша — Хой. В этом селении в 30-х гг. XX в. была обнаружена каменная стела с надписью урартского царя Аргишти II (680—640 гг. до н. э.). Ныне стела находится в тегеранском музее Иранбастан.

Кара-Илаз (Кара-Ильяз, Каралез) (*татарск.*: Черный Илья) — река и три деревни: Верхний, Средний и Нижний Кара-Илаз — в Каралезской долине на северном склоне Таврических гор.

Караимы — немногочисленная народность, потомки древних тюркских племен, входивших в VIII—X вв. в состав Хазарского каганата. Принадлежат к иудейскому вероисповеданию.

Карапапахцы (карапапахи) — одна из небольших этнических групп азербайджанцев, живущая в Азербайджане, Иране и Турции.

Карассан — деревня в округе Карс (Восточная Турция).

Карасу-Базар (*татарск.*: Рынок на Черной воде; ныне Белогорск) — город в 40 верстах к востоку от Симферополя.

Каратубань (Гаретубань) (*груз.*: внешняя улица) — улица вне стен, окружавших старый Тифлис. Уже к середине XIX в. это предместье стало одним из лучших и удобных районов города, местом европейской застройки.

Карловка — см. Комара

Карлово — имение Булгариных близ Дерпта (ныне в черте г. Тарту, Эстония).

Карс — город и крепость на северо-востоке Турции, взят русскими войсками в 1828, 1855 и 1877 гг. В 1878—1918 гг. в составе России, с 1921 г. — Турции.

Картвела (Картли) — историческая область Восточной Грузии, центр грузинского государства в IV—III вв. до н. э. В XV в. — самостоятельное Картлийское царство.

Касбин — см. Казвин

Касихли-Узень (Казикли-Узень) (*татарск.*: Черная речка) — речка, отделенная от р. Салгир главной грядой Крымских гор.

Кастель — невысокая гора на Черноморском побережье Крыма к югу от Алушты.

Кафа — древнее название г. Феодосия в Крыму, переименован в 1783 г.

Кафланкух (Кафланку) — горный хребет, отделял исторический Азербайджан от других провинций страны, восточная граница Азербайджана.

Кахетия — историческая область в восточной Грузии, в верховьях р. Иори и р. Алазани. Присоединена к России в 1801 г.

Кача — река в Крыму, впадающая в Черное море севернее Севастополя.

Кашаур — селение, в котором находились пост и почтовая станция перед долиной Арагвы.

Квеши — селение в Боргалинском уезде.

Кебеле — см. кабала

Кенд (Кент) — деревня в окрестностях Тегерана.

Кера — река в персидской провинции Курдистан.

Кербела (Кербелай) — город в Ираке в 102 км к юго-западу от Багдада, в местности Нинава неподалеку от р. Евфрат, на краю пустыни. Возник на месте гибели в неравной битве третьего шиитского имама Хусайна, внука Мухаммеда, 10 октября 680 г. Позднее его захоронение стало одной из главных святынь мусульман-шиитов, которую посещают многочисленные паломники.

Керкук — город в Оттоманской империи.

Керман (древняя Кармано) — хорошо укрепленный город на р. Дардабр, во времена Грибоедова в нем было около 30 тысяч жителей; основное их занятие — торговля.

Керманшах (Карамсин) — персидский город на р. Кера, в 200-х верстах от Багдада.

Керчь (древнее название — Пантикапей, столица Боспорского царства) — город в Крыму на берегу Керченского пролива между Черным и Азовском морями на склонах горы Митридат. В составе России с 1774 г.

Кзыл-Узен (Кизыл-Узен, Кизил-Озан, Кизиль-Агаче) — река, часть ее до впадения в Каспийское море носит название Сафид-руд (Белая река).

Кизиль-Агаче — см. Кзыл-Узен

Кзыл-Кобе (Кизил-Коба) (*татарск.*: Красная Пещера) — карстовая пещера, расположенная на западном склоне Долгоруковской яйлы, в верховьях ущелья, стены которого имеют красноватый оттенок.

Кзыл-Таш (Кизильташ) (*татарск.*: Красный Камень; ныне пос. Краснокаменка) — деревня в Крыму неподалеку от Ялты. Название произошло от расположенной неподалеку от нее скалы красновато-охристого цвета.

Кизляр — город в Дагестане в дельте р. Терек.

Кикинеиз (Кукунейс) (ныне пос. Оползнево) — деревня на Южном берегу Кры-ма к западу от Симеиза.

Кизыл-Узен — см. Кзыл-Узен

Киллакади — город в персидской провинции Курдистан.

Кишлаки — селение на пути между г. Караклисом и Амамлы.

Коби — военный пост и станция у Крестовой горы.

Коди (Код) — селение в 25 верстах от Тифлиса и первая станция по Елизаветпольскому тракту.

Козлов (ныне Евпатория) — город на западном берегу Крыма, порт на Черном море.

Комара (Карловка) — татарская деревня Чоргуны, в XIX в. получившая название Карловка по имени ее владельца ученого-ботаника Карла Габлица.

Коран — главная священная книга мусульман, собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, молитв, назидательных рассказов и притч, произнесенных пророком Мухаммедом в Мекке и Медине.

Корани (Карани) — греческая деревня к северо-западу от Балаклавы.

Корбеклы (Корбек; ныне Изобильное) — татарская деревня в южных предгорьях Чатыр-Дага, в 6 верстах выше Алушты.

Кореиз (Хуреис) — селение на Южном берегу Крыма у подножия Ай-Петри между Ялтой и Алупкой.

Корсунь — древнерусское название Херсонеса.

Коурме — татарское кушанье.

Коэфоры (хоэфоры) — хор плакальщиц в греческой трагедии.

Крестовая гора — высшая точка современной Военно-Грузинской дороги на Главном хребте Б. Кавказа.

Крестовский остров — один из островов Петербурга в дельте Невы.

Криуметопон (греч.: Бараний лоб) — самый южный мыс Таврического полуострова в описаниях древнегреческих ученых, но какой именно мыс имелся в виду, не установлено. В новое время многие считали, что это мыс Ай-Тодор. И. М. Муравьев-Апостол присвоил это название горе Аю-Даг, дав ей новое имя «Баранья голова»; Грибоедов утверждал, что это мыс Айя, замыкающий с запада бухту Ласпи.

Ксани (Ксань) — река в Грузии, левый приток Куры.

Ктенус — одна из гаваней древнего Херсонеса.

Куки — селение близ Тифлиса.

Кукунейс — см. Кикинеиз

Кумбалеевка — см. Камбилеевка

Кумиси — озеро неподалеку от Тифлиса.

Кура — самая большая река Закавказья. Впадает в Каспийское море.

Курды — народ, живущий в Иране, Ираке, Турции, Сирии, общей численностью более 40 млн. чел.

Курур — сумма в 500 тысяч основных денежных единиц, в данном случае 500 тысяч туманов, т. е. 2 миллиона русских рублей серебром по курсу начала XIX в.

Куруш — турецкая денежная единица, равная 1 пиастру.

Куткашинская долина — долина в предгорьях Большого Кавказа на терри-то-рии нынешнего Азербайджана.

Кучук-Джанкой (Малый Джанской) — татарская деревня в 5 верстах к востоку от дороги Симферополь — Алушта.

Кучук-Кой (*татарск.*: Малая Деревня; ныне Понизовка) — деревня к западу от Симеиза.

Кучук-Ламбат (ныне пос. Кипарисное) — деревня у подножия мыса Плака на Южном берегу Крыма.

Кучук-Мискомия (Мискомия) — долина и деревня по дороге из Севастополя в Балаклаву.

Лалавер (Ляльвар, Лалевер, Медная гора, Меднозаводская гора) — гора Малого Кавказа в Борчалинском уезде.

Ланкеран — см. Ленкорань

Ларс — деревня на Военно-Грузинской дороге.

Лекин-чай — река.

Ленкорань (Ланкеран) — город в восточной части исторического Азербайджана, до начала XIX в. принадлежал Персии, был столицей Талышского ханства, присоединен к России по Гюлистанскому договору в 1813 г.

Ломисская гора — гора на Кавказе у водораздела Ксани и Арагвы.

Лори — древне-армянский город и крепость. Разрушен Тимуром в конце XIV в. Развалины около г. Степанаван.

Лугат — (*перс.*) слово; словарь.

Луристан — горная страна, историческая провинция, расположенная между провинцией Исфахан на востоке, р. Тигром на западе, имеющая границу на севере с Азербайджаном, а на юге с Хузистаном. Кочующие племена луров и бахтийар управлялись своими вождями-шейхами, которые признавали Каджаров шахами и платили им дань. Время от времени шах Ирана назначал одного из своих сыновей верховным наместником (вали) при этих племенах.

Магал — см. махал

Майдан (мейдан) — площадь, базар.

Малка — левый приток р. Терек.

Малый Джанской — см. Кучук-Джанкой

Мангуп-Кале — пещерный город в Крыму по дороге от Инкермана на Бахчисарай, в IV—XV вв. столица княжества Феодоро.

Мангупская гора — гора к востоку от Севастополя, на плато которой находился город Мангуп-Кале.

Марага — см. Мараджа

Мараджа (Марага) — персидский город на берегу озера Урмия.

Маранд — персидский город севернее Табриза.

Мариуполь (в 1948—1989 гг. Жданов) — город на Украине, порт на Азовском море.

Маркобинское — см. Марткоби

Марткоби (Маркобинское) — селение в Грузии.

Маскат — столица Омана, на берегу Оманского залива.

Махал (магал) (*араб.-перс.*) — наименьшая административно-территориальная единица, состоявшая из определенного числа деревень (не менее двенадцати), уезд.

Машад, Машхад — см. Мешхед.

Мегрелия — см. Мингрелия.

Медина — священный для мусульман город, куда пророк Мухаммад переселился в 621 г. из Мекки, его резиденция до смерти в 632 г.
Меднозаводская гора — см. Лалавер.
Мейдан — *см.* майдан.
Мекка — священный для мусульман и родной для пророка Мухаммада город, в котором он жил до переселения в Медину.
Мелон — дыня.
Мердвен (*татарск.*: Шайтан-Мердвен — Чертова лестница) — нерукотворная каменная лестница, идущая по обрыву в горной расселине от подошвы до вершины Яйлы, на протяжении веков была единственной дорогой с гор на Южный берег Крыма.
Метехи, Метехский замок — крепость в Тбилиси, резиденция грузинских царей с V в.
Мехмандар (мехмендер) — чиновник, официально осуществлявший прием от имени шаха какого-либо иностранного представителя (дипломата, посланника, военного и т. п.).
Мешхед (Машад, Машхад, Мешед) — административный центр исторической провинции Хорасан на северо-востоке Ирана. В нем расположена главная религиозная святыня Ирана — могила восьмого шиитского имама Али ибн Мусы ар-Риза (умер 818).
Миандоаб (Миандоба) — город в южной части Азербайджана, подвластной Ирану.
Миане (Миана) — город на реке того же названия, расположен на большой дороге в Тегеран.
Миандоба — см. Миандоаб
Миллинцы (милли) — союз курдских племен.
Минарет (минар) — высокая башня мечети.
Мингрелия (Мегрелия) — историческое название северо-западной провинции Грузии, которая вошла в состав России по Гюлистанскому договору 1813 г.
Мир — почетное звание лица, чье происхождение идет от пророка Мухаммада.
Мирза — после имени указывает на принадлежность к царскому дому; перед именем — уважительное обращение к образованному человеку, синоним писца, секретаря.
Мискомия — см. Кучук-Мискомия
Мисхор (Мускор) — селение на южном берегу Крыма между Ялтой и Алупкой.
Моздок — город в Северной Осетии на р. Терек.
Муджтахид (*араб.-перс.*) (муштаид, муштеид, муштахид) — ученый-богослов, облеченный правом выносить самостоятельные решения по различным во-просам мусульманского религиозного права. В шиитском имамитском исламе, который исповедуется главным образом в Иране, муджтахид является высшим духовным авторитетом.
Мулла — знаток мусульманского ритуала, служитель культа; учитель религиозной школы; ученый; просто грамотный человек.
Мунгалы — монголы.
Мурат (Мурад) — река, берущая начало на Армянском нагорье, а затем, сливаясь с Кара-Су, образует Евфрат.
Мускор — см. Мисхор
Муттариг (*арабск.*), *муттарик* (*перс.*) — союзник.
Мухассил — сборщик податей, налогов и пр.
Мухровань (Мушравань) — село Душетского уезда Тифлисской губернии. В нем дислоцировался Грузинский Гренадерский полк, которым командовал П. Н. Ермолов.

Муш — город в Армении.
Мушравань — см. Мухровань
Муштаид — см. муджтахиз
Муэдзин — служитель мусульманского культа, сзывающий верующих на молитву.
Мутамид ад-доула (муэтемид) — почетный титул высших государственных сановников в Иране, в т. ч. и вазира.
Мцхета (Мцхети) — город на р. Куре при впадении Арагви, древняя столица Иберии (до VI в.), затем — церковный центр Грузии.
Мшатка (Пшатка, Пшетка) — деревня и почтовая станция на Южном берегу Крыма на пути из Симеиза в Форос.

Навруз — см. ноуруз
Наиб — заместитель или представитель высокопоставленного лица.
Наиб ас-салтане (Наиб-Султан) — титул наследника престола.
Нахичевань — персидский город, присоединенный в 1828 г. к России по Туркманчайскому договору.
Нигарестан (Негиристан) — один из шахских дворцов каджарской династии в Тегеране.
Никита (ныне Ботаническое) — деревня в Крыму к северо-востоку от Ялты.
Никита-Бурун — мыс на южном берегу Крыма, на котором расположен Никитский ботанический сад.
Николаев — город на Украине, порт на Бугском лимане Черного моря.
Нишапур — город в провинции Хорасан (около 40 тысяч жителей), управлявшийся одним из сыновей шаха.
Ноуруз (навруз) — первый день года по мусульманскому солнечному календарю (21 марта).
Нукер (нюкер, ньюкер) — слуга-телохранитель.

Одина-базар (Одинбазар) — река в Талышском ханстве.
Ордебид — см. Урдабад
Ореанда (Урьянда) — селение в Крыму, расположенное к западу от Ялты.
Оттузы (*тюрк., букв.:* тридцать) — Верхняя и Нижняя, две небольшие татарские деревни, верстах в двух от моря в Восточном Крыму. По преданию, в плодородной Оттузской долине, с трех сторон защищенной горами, было 30 деревень. В конце XIII в. крымский наместник золотоордынского хана уступил долину и гавань венецианцам. В 1365 г. ее захватили генуэзцы; в генуэзских источниках селение упоминается с 1461 г.

Памб (Памва) — гора между Базобдалом и Алагезом.
Партенит (Парфенит; ныне Фрунзенское) — деревня на месте древнего города у подножия Аю-Дага.
Парфенит — см. Партенит
Пасанаури (Посананур) — село и станция у слияния Белой и Черной Арагвы.
Паша — административная должность наместника в Оттоманской Турции.
Пашалык (пашалик) — единица территориально-административного деления Оттоманской Турции в приграничных регионах страны, во главе которых стоял наместник турецкого султана (паша), как правило, назначаемый из центра.
Пенаты (римск. миф.) — боги, хранители домашнего очага; домочадцы.
Пепис — см. Пипис
Перекоп — перешеек, соединяющий Крымский полуостров с материком.
Пери — в персидской мифологии прекрасная крылатая женщина, фея, добрый дух.
Пернаут — см. Пирнавут.

Персеполь — древний иранский город, недалеко от Шираза. В 330 г. до н. э. захвачен Александром Македонским, сожжен и заброшен.
Пиастр — мелкая турецкая монета.
Пипис (Пепис) — гора близ селения того же названия в Азербайджане по дороге от Тифлиса до Эривани.
Пирнавут (Пернаут) — армянское селение в Карабахе.
Пишнамаз (пиш-намаз) — предстоятель на общей пятничной молитве (имам-предстоятель).
Понт Эвксинский — древнегреческое название Черного моря.
Порто-франко — город беспошлинной торговли.
Посананур — см. Пасанаури.
Почечуй — геморрой.
Пресвитериане (пресбитериане) — последователи кальвинизма в англоязычных странах.
Пшатка (*Пшетка*) — см. Мшатка

Рага (Раги Мидийские) — один из центров мидийского государства, развалины древнейшего города Рей к юго-западу от Тегерана. Упомянут в источниках эпохи Ахемесида (V в. до н. э.).
Ракам — канцелярский термин: письменное распоряжение монарха, записанное с его слов, по частному вопросу, скрепленное печатью главного министра, а также тугрой (монограммой) монарха.
Рамазан, Рамадан — десятый месяц мусульманского лунного календаря, месяц общемусульманского поста.
Редут-Кале — город-порт, бывшее укрепление на восточном берегу Черного моря в устье р. Хопи, основан русскими для защиты Мингрелии от турок в начале XIX в.; через него в 1820-е гг. велась морская торговля с европейскими странами, но после возникновения портовых городов Сухуми и Поти Редут-Кале утратил свое значение.
Реформаты — последователи кальвинизма в континентальных странах Европы.
Решт (Ряшм, Ряшт, Рящь) — город на северо-западе Ирана.
Риони (Рион) — река в Имеретии.
Рубарь — см. Рудбар
Рудбар (Рубарь) — город и волость в Персии на пути из Тегерана к Решту и Эндзели.
Ряшм — см. Решт
Ряшт — см. Решт
Рящь — см. Решт

Саблы (Соблы, Собры) (ныне пос. Каштановое) — деревня в 20 верстах от Симферополя в сторону Бахчисарая; в 1820-е гг. — имение А. М. Бородина.
Саганлуг (Саганлук) — крепость, селение и первая почтовая станция в 10 верстах по дороге из Тифлиса в Эривань.
Садакцы (садани) — курдское племя, возможно, сейдан — подразделение милли.
Садани — см. садакцы
Садараки — селение в Эриванском районе на пути в Нахичевань.
Садр-е азам (седеразам) — первый министр, глава правительства.
Салалаки — ручей в Тифлисе.
Салгир — главная река Крымского полуострова.
Салгирская долина — долина р. Салгир у подошвы Чатыр-Дага.
Салтан-Гора — небольшая гора в Крыму среди отрогов Чатыр-Дага.
Сальварти — гора на Кавказе близ с. Карабаба, где стоял Нижегородский полк.

Самухи — селение на берегу р. Кура к востоку от Тифлиса.

Санне — персидский город, центр Курдистана.

Сарбаз (*перс.*: «удалец», «рискующий головой») — солдат регулярной персидской армии; пехотинец. Персидское войско было учреждено Аббас-мирзой и являлось предметом его постоянных забот. Обучением персидских солдат занимались английские инструкторы.

Сардар — военный правитель области в Персии, главнокомандующий, военный комендант, начальник гарнизона; предводитель, глава племени.

Сардарабад (Сардар-Абад) — город в Армении, с 1932 г. Октемберян.

Саркел (*тюрк.* Белый город), Белая Вежа — древний город-крепость на Дону.

Сарматы — племена, жившие в древности между Вислой и Волгой; позже сарматами называли поляков.

Сартиб (сартип) — первый генеральский чин в Персии, бригадный генерал.

Сарханг (серхенг) — чин полковника в регулярной персидской армии.

Святая Гора — см. Ай-Даг

Святой Нос (Святой мыс) — мыс, завершающий с запада бухту Ласпи в Крыму.

Севастополь — город на юго-западном побережье Крыма, основанный в 1783 г. как гавань для строившегося Черноморского флота.

Седеразам — см. садр-е азам

Сейидабад (Сейд-Абад) — предместье Тифлиса.

Сенне (Синне) — персидский город, центр Курдистана.

Серван — селение в Борчалинском узеде, вторая станция от Тифлиса к Елизаветполю.

Серхенг — см. сарханг

Сефевиды (софии) — династия, правившая в Иране в 1501—1736 гг.

Сигнахе (Сигнахи) — поселок на берегу Крымского полуострова вблизи Ялты.

Сийахруд (Сияруд) — река, впадающая в залив Эндзели Каспийского моря.

Симеиз (*Симеис*) — поселок на Южном берегу Крыма.

Симферополь — столица Крыма с 1802 г., административный центр Таврической губернии.

Сион — селение и монастырь близ Казбека.

Сиссиан — см. Цициан

Слоним — город в Западной Белоруссии на р. Шара, притоке Немана.

Сорочинские (*сарацинские*) *поля* — рисовые поля (от «сарацинское пшено» — рис).

Софиан (Софиян) — местечко, лежащее на дороге между Табризом и Марандом.

Софии — см. сефевиды

Софиян — см. Софиан

Стефан-Цминд — гора Казбек.

Судак — древний город и крепость на горе, изобилующей родниками, на юго-восточном побережье Крыма.

Сулейманийе (Сулейманиэ, Сулеймания) — ближайшая к Тегерану станция.

Султан — чин капитана в пехотных частях регулярной персидской армии того времени.

Султанийа (Султанея) — город, возведенный монгольскими ханами из династии Ильханов (1258—1336) как новая столица Ирана на полпути из Казвина в Табриз. Строительство было завершено при хане Мухаммаде Улджайту (1304—1316).

Сунжа — правый приток Терека.

Сункур-Абид — персидская деревня.

Сунни — сунниты, мусульмане, которые придерживаются основного направления в исламе — суннизма.

Суук-Коба — пещера на горе Чатыр-Даг в Крыму.

Суук-Су (*татарск.*: холодная вода, ныне Лесное) — селение в Крыму по дороге из Симферополя в Алушту, в котором находится «Кутузовский фонтан».

Суфий — представитель мистического направления в исламе.

Сцилла (*Скилла*) *и Харибда* (греч. миф.) — чудовища, которые жили по обеим сторонам пролива между Италией и Сицилией. Пройти между ними означает подвергаться опасности с обеих сторон.

Табриз (Табрис, Тавриз, Таврис, Тебрис) — административный центр исторической провинции Азербайджан; полагают, что город был основан в начале IX в. н. э. Со второй половины XIII в. до середины XVI в. служил столицей различных государственных образований на территории Восточной Малой Азии и Ирана. Во времена Грибоедова — резиденция наследника престола Аббас-мирзы.

Тавр — горная цепь на Кавказе на юге Турции.

Таврида — название Крымского полуострова после его присоединения к России.

Тавриз, Таврис — см. Табриз

Талыш — Талышское ханство, расположенное вдоль юго-западного побережья Каспия и отделенное от исторического Азербайджана грядой Талышских гор и Араксом. Было присоединено к России по Гюлистанскому договору (1813), часть его была вновь завоевана Персией в войне 1826—1828 гг., но по Туркманчайскому договору опять отошла к России.

Танаис — древнегреческое название р. Дон.

Татар-Кой — татарская деревня на берегу р. Качи.

Тахт-е раван (трахтараван) — экипаж, род закрытых носилок, который на шестах несут два мула.

Тбилиси (Тифлис) — город на р. Кура; основан как центр Картлийского государства во 2-й половине V в. С XII в. центр грузинского царства, со 2-й половины XV до начала XIX вв. — центр Картлийского царства. С XII в. столица Грузии.

Тебеде (Дебеде, Дебед-чай, Бабмак-чай) — приток р. Храм.

Тебрис — см. Табриз.

Тегеран (Тейран, Тейеран, Тагирань) — столица Ирана (с 1786 г.), расположенная в южных предгорьях Эльбруса. Первые упоминания о Тегеране относятся к XII в.

Телави (Телава) — город в Грузии в Алазанской долине.

Темирджи — см. Демерджи

Тепе-Кермен (*татарск.*: холм-крепость) — конусообразная гора с тремя вершинами близ Бахчисарая, на которой сохранились развалины пещерного города того же названия.

Терек — река на Северном Кавказе, берет начало на северном склоне Большого Кавказа, ниже, в Дарьяльском ущелье, пересекает Боковой хребет, по выходе из гор течет по низменности и впадает в Каспийское море. По долине Терека проходит часть Военно-Грузинской дороги.

Тигр — река в Турции и Ираке, берет начало в горах Армянский Тавр и пересекает Месопотамию. В нижнем течении сливается в Евфратом, образуя р. Шатт-эль-Араб, впадающую в Персидский залив.

Тифлис — см. Тбилиси

Томан — см. туман

Торан-Кале — город и крепость.

Торбат — могила, гробница, мавзолей.

Трапезунд (Трапезонд, Трибизонд) (ныне Трабзон) — турецкий порт на Черном море.

Трахтараван — см. тахт-е раван

Трибизонд — см. Трапезунд

Трухменцы — туркменские племена.

Туман (томан) — персидская денежная единица, во времена А. С. Грибоедова равная 4—5 русским рублям серебром или 20—25 рублям ассигнациями.

Туркман-чай (Тюркменчай) — селение по дороге из Тегерана в Табриз. 10 февраля 1828 г. по окончании войны России и Ирана в нем был заключен Туркманчайский мирный договор.

Ужданы (Уджан) — равнина на восток от Табриза и городок того же названия.

Узденъ — представитель феодального дворянства у кавказских горцев.

Узенъ (Узен) (ныне Черная) — речка в Инкерманской долине, текущая с западного склона Крымских гор.

Уйгуры — древняя тюркская народность в Центральной Азии и Восточном Туркестане.

Урдабад (Ордабид) — город на берегу р. Аракс к востоку от г. Джульфа в историческом Азербайджане.

Урмия (Урумия) — город в Азербайджане к западу от озера Урмия.

Урьянда — см. Ореанда.

Усть-Лаба — селение на р. Кубань.

Учкуй — деревня в 4 верстах от Севастополя по дороге через Бельбек в Симферополь.

Фарманфарма — генерал-губернатор, наместник; повелитель.

Фаррахабад (Фируз-Абат) — персидский город на побережье Каспийского моря в Иране в исторической провинции Мазмосране. В 1669 г. был разорен Степаном Разиным.

Фарраши (фараши) — личная охрана, стража при высокопоставленном сановнике, члене правящей династии, религиозном авторитете.

Фарсанг (ферсах, ферсех) — персидская мера расстояния, равная 4,75 верстам (около 6 км).

Фасесия (фацеция, от лат. facetia) — шутка, острота.

Феодосия (древнее название Кафа) — город на восточном побережье Крыма.

Ферсах, *ферсех* — см. фарсанг

Фирман — указ правителя.

Фируз-Абат — см. Фаррахабад

Форос (Форус) — мыс в Крыму к западу от Симеиза и деревня на нем того же названия.

Хаджжи — мусульманин, совершивший хадж, т. е. паломничество в Мекку и Медину.

Хаким — гражданский губернатор города, волости, уезда.

Халдеи — семитские скотоводческие племена, населявшие северо-западный берег Персидского залива в первой половине I в. до н. э.

Халеб (Алеппо, Алеп) — город на севере Сирии, второй после Дамаска торговый центр страны.

Халиф (калиф) (*араб.*: халифе) — после смерти пророка Мухаммада титул руководителя мусульманской общины и халифата.

Хальвар — см. Харвар

Хамадан — древняя Экбатана, столица Мидийского государства (VII в. до н. э.), город в Западном Иране (Ирак-е Аджам, т. е. Ирак Персидский), центр торговых и стратегических путей на запад в Багдад и на север в Табриз. В 1810 г. численность населения города едва превышала 40 тысяч человек.

Хан — титул главы, предводителя у монголов и тюркских племен. В XIX в. почетный титул высших государственных чиновников.

Ханум (канум) — почтительное обращение к женщине.

Харвар (хальвар, кальвар) (*перс.* «ноша», «груз осла») — мера веса равная 300 кг. Существует в Иране с начала XIX в. до настоящего времени.

Харджерат (хержерат) — подарки

Хартвис — см. Хыртыс

Харцызы — хищники

Хержерат — см. Харджерат

Хой — см. Хоя

Хорасан — северо-восточная историческая провинция с центром в г. Мешхеде (до афганской интервенции 1720 г. столицей был г. Герат). При Каджарах провинцией управлял наместник (как правило, один из сыновей царствующего монарха). Вместе с тем в провинции были весьма сильны позиции влиятельных ханов местных тюркских и курдских племенных союзов, которых переселил из западного Ирана на границу с Средней Азией Сефевид шах Аббас I (1587—1629) и которые время от времени поднимали бунты против центральной власти.

Хороль — уездный город Полтавской губернии.

Хоя (Хой)— центральный город одноименной провинции, расположен в северо-западном историческом Азербайджане к северу от озера Урмия, в долине р. Отуре; известен с доисламских времен. Во времена Грибоедова насчитывал около 25 тысяч жителей; данник Аббас-мирзы.

Храма (Храм) — приток р. Куры.

Хуреис — см. Кореиз

Хуррамабад (Хурремабад) — персидский город к югу от Кирманшаха, центр провинции Луристан.

Хусей — почетное звание.

Хыртыс (Гартвис, Хартвис) — турецкая крепость в горах в 25 км на пути из Ахалкалак к Ахалциху.

Царьград (ныне Стамбул) — древнерусское название Константинополя, столицы Византийской империи. Завоеван турками в 1453 г.

Цинандали — родовое имение князей Чавчавадзе в Кахетии.

Цициан (Сиссиан) — поселок между Нахичеванью и Шушой.

Чавка, *Чавке* — см. Човки.

Чадра (чадер, чадор) — широкий одноцветный плащ-покрывало, которым, выходя на улицу, закутываются с головы до ног мусульманские женщины. В комплект чадры входит также плотно надеваемая на голову шапочка, с которой спускается перед лицом (обычно до пояса) волосяная или металлическая сетка с мелкой ячеей (паранджа).

Чапар (чепар) — гонец, нарочный.

Чапархане (чепархан) — почтовая станция, почта.

Чарвадар (червадар) — извозопромышленник, возчик, гуртовщик, погонщик вьючных животных.

Чатырдаг (*татарск.*: Шатер-гора) — одна из самых высоких гор в Крыму почти в центре полуострова.

Чегем — река на северном склоне Кавказа, приток р. Малки.
Чегурети (Чугурети) — селение близ Тифлиса.
Чекалка — шакал.
Челобианцы (*тюрк.*: челебийан) — тюркское по составу небольшое племя, жившее в Иране в пограничных с Россией районах.
Чемболо (ныне Балаклава) — город в Крыму на берегу Черного моря. В 1957 г. включен в городскую черту Севастополя.
Чепар — см. Чапар
Чепархан — см. Чапархане
Чертова долина — долина на Крестовом перевале, подъем на Гуд-гору.
Чинахчи (Чиначи) — имение князя Мадатова близ Шуши.
Човки (Чавка, Чавке) (ныне Сорокино) — деревня на дороге между Симферо-полем и Алуштой.
Чурук-Су (*татарск.*: гнилая вода) — речка в Крыму, на которой расположен город Бахчисарай.
Чуфут-Кале (*татарск.*: иудейская крепость) — пещерный город в предместье Бахчисарая, в котором в XIX в. обитало несколько сот караимских семей.

Шааен-Шаа — см. Шаханшах
Шамхор — развалины, лежащие недалеко от Елизаветполя. Этот город памятен блистательной битвой войск грузинской царицы Тамары и Ширван-шаха Ахсартана против атабека исторического Азербайджана (1195).
Шамшидил (Шамшадиль, Шемшедил) — азербайджанская дистанция, пограничная с Персией.
Шар, шариат (*араб.*) — комплекс предписаний, установленных в качестве обязательных для мусульман и закрепленным Кораном и сунной Пророка. Эти предписания являются также источниками конкретных норм, регулирующих поведение каждого мусульманина в быту и в общественной жизни.
Шарульцы — возможно, шаруки (чаруки), одна из туркменских этнических групп Закавказья, Ирана и Турции.
Шатт-аль-Араб — река, образовавшаяся из слияния Тигра и Евфрата, впадающая в Персидский залив.
Шах — официальный титул иранского государя.
Шаханшах (Шахиншах, Шааен-Шаа) (*букв.:* Государь государей, Царь царей) — исторический титул иранских государей.
Шах-заде (шахзада) — сын шаха, принц.
Шахсевенцы (*тюрк:* шахсевен, *букв.:* любящие шаха) — объединение представителей различных тюркских племен, образованное Аббасом I (годы правления 1587—1629).
Шекинское ханство — прикаспийская область, находившаяся под властью Персии до начала XIX в., с 1805 г. признавшее власть России. Гюлистанский договор (1813) закрепил ее принадлежность России, в 1819 г. там была свергнута власть последнего хана и введено русское правление, с того времени называлась Шекинской областью.
Шелкозаводск (ныне Шелковская) — станица на Тереке, на границе с Дагестаном.
Шемаха — город в Азербайджане у южных отрогов Большого Кавказа, важный пункт на Великом шелковом пути, в 1805—1917 гг. в составе Российской империи.
Шемшедил — см. Шамшидил

Шиа — направление в мусульманском вероучении, возникшее первоначально как партия поддержки Али ибн Аби Талиба в его борьбе за верховную власть в арабском халифате.
Шиит — исповедующий шиитское учение в исламе.
Шираз — город на юге Ирана, столица провинции Фарс. Родина поэтов Саади и Хафиза.
Ширазский лист — листовой табак для кальяна, выращиваемый в окрестностях Шираза.
Ширван — феодальное государство в Северном Азербайджане, с XVI в. зависевшее от Ирана, с середины XVIII в. самостоятельное ханство со столицей в Шемахе. Присоединено к России в 1805 г.
Шулаверка — р. Шулавер-чай.
Шулаверы — город в 25 км от Коби, центр Борчалинского уезда.
Шули — деревня в Крыму неподалеку от Севастополя.
Шума — см. Шумы
Шумы (Шума) (ныне Верхняя Кутузовка) — деревня в Крыму выше Алушты.
Шуша — город в Нагорном Карабахе, столица Карабахского ханства, в Российской империи 1805—1917 гг.

Эйзед — см. Изад
Эйлан-Дак — см. Иландаг
Эльбузы (ныне Переваловка) — село в Крыму.
Эльдорадо — (*исп.:* el dorado, *букв.* — золотой). Легендарная страна богатств и сказочных чудес, которую искали на территории Латинской Америки первые испанские завоеватели.
Эмир — титул властителя, повелителя.
Эмир-заде — принц крови.
Эндзели (Зензелей, Зензели, Зинзилин) — город в Персии на юго-западном берегу Каспийского моря у Эндзелийского залива, служил портом для Решта.
Эрзерум (Арзрум) — турецкий город, взятый русскими войсками в 1829 г.
Эривань (*Ереван*) — столица Эриванского ханства, находившегося до 1828 г. под властью Персии.
Эристив — удельный князь.
Эфенди — господин, уважительное обращение.
Эчмиадзин (Эчмеадзин, Эчмядцинский монастырь) (*арм.*: сошел единокровный) — армяно-грегорианский монастырь близ села Вагаршапат в 18 верстах к западу от Эривани. Основан в 303 г. св. Георгием, просветителем армян, на месте, где ему явился Спаситель. Местопребывание католикоса всех армян.
Эшик-Агаси — см. Ишикагаси

Юрзуф — см. Гурзуф

Яйла (Айла, *татарск.*: плоскогорье) — плоская поверхность цепи Крымских гор на Таврическом полуострове.
Ялта — город на Южном берегу Крыма на месте оживленного в древности города Джалита (Ялита); в 1820-е гг. деревня, в которой были карантин и почтовая станция.
Ясырь — пленный.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

41 Заказ № 1590

43 Заказ № 1590

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ОТНОШЕНИЯ

А. С. ГРИБОЕДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ТРЕХ ТОМАХ

Том третий

Корректоры *О. В. Махрова, Е. С. Пережогина*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93; 953001 — книги, 95 3850 — литература по филологическим наукам

Подписано к печати 25.04.06.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 21,5.
Тираж 1000. Заказ № 1590

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099, Санкт-Петербург,
Промышленная ул., д. 38/2

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/телефакс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
http://www.dbulanin.ru

ISBN 5-86007-491-3

